
Приключения Артура Дента продолжаются!
Автостопом по Галактике
Опять в путь
Дуглас Адамс

Автостопом по Галактике. Опять в путь (сборник)

Дуглас Ноэль Адамс

Аннотация
Адамс Дуглас. Автостопом по Галактике. Опять в путь. Фантастические романы
Жизнь, вселенная и все остальное
Глава 1
Глава 2
Глава 3. Немаловажные факты из истории Галактики.
Глава 4
Глава 5. Немаловажные факты из истории Галактики.
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15

Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Эпилог: Жизнь, вселенная и все такое прочее Всего хорошего, и спасибо за рыбу!
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32

Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Эпилог
В основном безвредна
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Аннотация

Итак…

Вы хотите знать, как приготовить коктейль «Пангалактический грызлодер»?

Хотите понять, как просуществовать на жалкие тридцать альтаирских долларов в день?

Хотите разорить межпланетную суперкорпорацию, узнать, что Бог завещал сотворенному Им миру, и следует ли считать Землю планетой, безвредной вообще – или только в целом?

Читайте шедевр Дугласа Адамса – и вы узнаете не только это, но и кое-что еще!

Адамс Дуглас
Автостопом по Галактике. Опять в путь
Фантастические романы

Douglas Adams
The hitch hiker's guide to the Galaxy
Life, the Universe and everything so long
So long, and thanks for all the fish
Mostly harmless

© Serious Productions Ltd., 1982, 1984, 1992
© Перевод. С. В. Силакова, 1997
© Перевод. Н. К. Кудряшев, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Жизнь, вселенная и все остальное[1]

[1] Примечания: 1
Life, the Universe and Everything So Long
© Перевод. С. В. Силакова, 1997

Глава 1

Каждое утро традиционный душераздирающий вопль оповещал окрестности, что Артур Дент проснулся и заново ужаснулся своему местоположению.

В его пещере царил холод (а также смрад и сырость), но это еще пол-ужаса. Главный же ужас состоял в том, что пещера находилась в лондонском районе Айлингтон и первый автобус в центр должен был отправиться примерно через два миллиона лет.

Время — это, так сказать, худшее место из всех, где только можно заблудиться. Артур Дент, с его богатым опытом блужданий по закоулкам пространства и времени, может утверждать это со всей ответственностью. Заблудившемуся в пространстве хотя бы не угрожает смерть со скуки.

Артур Дент застрял на доисторической Земле в результате извилистой цепочки происшествий, в процессе каковых он попеременно подвергался оскорблениям и/или расщеплению на атомы в разнообразных экзотических уголках Галактики, бесчисленность и странность которых превзошли все его ожидания. И хотя теперь его жизнь

текла чрезвычайно ровно и спокойно, нервы Артура по-прежнему шалили.

Вот уже пять лет, как его не расщепляли на атомы.

Вот уже четыре года (со дня расставания с Фордом Префектом) Артур в общем-то ни одной души не видел, а потому и оскорблениям больше не подвергался.

За исключением одного случая.

Это произошло как-то весенним вечером года два тому назад.

Бредя в сумерках к своей пещере, Артур вдруг заметил за облаками странные вспышки. Он задрал голову к небу, и в его сердце робко закопошилась надежда. Спасение. Свобода. Несбыточная греза Робинзона — корабль.

И вправду — к его радости и изумлению, с небес, рассекая теплый вечерний воздух, тихо, как-то интеллигентно спустился длинный серебряный звездолет. Выдвинулись длинные опоры, совершая изящные балетные па во славу технического прогресса.

Звездолет легко опустился на землю, и его ненавязчивое гудение разом стихло, точно убаюканное вечерней тишиной.

Сам собой откинулся трап.

Из люка вырвался столб света.

В нем обрисовался силуэт высокой фигуры. Фигура сошла по трапу и остановилась перед Артуром.

— Ты козел, Дент, — промолвила она просто.

То был самый что ни на есть инопланетный инопланетянин. Чисто инопланетная долговязость, чисто инопланетная приплюснутая голова, чисто инопланетные глазки-щелочки, экстравагантно-складчатое золотое одеяние с воротником чисто инопланетного покроя и бледная, серо-зеленая инопланетная кожа, сияющая тем особым блеском, который дается большинству серозеленоликих субъектов лишь благодаря постоянному массажу и самому дорогостоящему мылу.

Артур невольно отпрянул. Существо невозмутимо смотрело на него.

Надежда и ликование в душе Артура вмиг сменились чувством крайней озадаченности. Сотни разных мыслей, расталкивая друг дружку, боролись за контроль над его голосовыми связками.

— А... мт... — выпалил он. — От... к-к-к... э-э... — добавил он немного погодя. — А... тв... в... хто... кто? — выдавил он наконец, после чего погрузился в неистовое (сродни неистовым воплям) безмолвие. Нешуточное это дело — обнаружить,

что после неопределенно долгого периода молчания ты, оказывается, не отучился разговаривать.

Инопланетное существо, морща лоб, заглянуло в штучку вроде папки, которую сжимало в своих длинных, лианообразных инопланетных пальцах.

— Артур Дент? — переспросило оно.

Артур растерянно кивнул.

— Артур Филип Дент? — уточнило существо, деловито лязгнув зубами.

— Э-э… да… я… э-э-э… — подтвердил Артур.

— Ты козел, — повторил инопланетянин. — Никчемная дырка от бублика.

— Э-э-э?…

Существо кивнуло само себе, произвело чисто инопланетный щелчок застежкой папки и направилось к своему кораблю.

— Э-э… — в отчаянии выпалил Артур, — э-эй!

— И нечего тут! — рявкнул инопланетянин.

Он взошел по трапу и исчез в недрах корабля. Люк сам собой захлопнулся. Звездолет басовито загудел.

— Э-эй! — вскрикнул Артур и побежал на заплетающихся ногах к кораблю. — Подождите минутку! Что вы хотели? Эй! Да подождите же!

Корабль приподнялся, беспечно скинув свою

тяжесть наземь, будто плащ, секунду повисел в воздухе — и унесся в вечернее небо. Он пронзил облака, на миг озарив их своим серебряным свечением, и исчез из виду Артура — одинокой букашки, бестолково скачущей на месте посреди бескрайней шири.

— Что? — вопил он. — Чего? Зачем? Эгей-гей! Ну-ка вернись и повтори!

Он подпрыгивал и выплясывал, пока его ноги не подкосились, взывал, пока не надорвал связки. Ответа не последовало. Некому было его услышать, некому было с ним поговорить.

Инопланетный корабль уже с треском прорывался сквозь верхние слои атмосферы, навстречу той ужасной пустоте с редкими-редкими материальными вкраплениями, из которой и состоит Вселенная.

* * *

Хозяин звездолета, инопланетянин с дорогостоящим цветом лица, развалился в единственном кресле рубки. Он звался Охмешконасыпатель Конца-Краю-Не-Знающий, и был он индивидуумом с четкой целью в жизни. Не самой лучшей целью — в чем он сам первый признавался, — но эта какая-никакая цель как-никак давала ему

какое-никакое занятие.

Охмешконасыпатель Конца-Краю-Не-Знающий принадлежал — то есть принадлежит — к очень узкому кругу бессмертных обитателей Вселенной.

Те, кто рождается бессмертным, от рождения бессознательно свыкаются с этим своим свойством, но Охмешконасыпатель — не из их числа. Строго говоря, эту шайку бесчувственных выродков он давно уже возненавидел лютой ненавистью. На него самого бессмертие свалилось как снег на голову, в результате неудачного взаимодействия своенравного ускорителя элементарных частиц, банки с рассолом (то был утренний завтрак Охмешконасыпателя) и двух аптечных резинок. Мелкие подробности аварии не имеют значения, поскольку никому так и не удалось воспроизвести обстоятельства произошедшего, причем многие экспериментаторы при этом попали либо в дурацкое положение, либо на тот свет, либо и туда, и туда одновременно.

Охмешконасыпатель скорбно и устало прикрыл глаза, заказал бортовой стереосистеме какой-нибудь легкий джаз и рассудил, что все бы ничего, если бы не воскресные дни, будь они неладны.

Вначале бессмертие пошло ему впрок. Он спорил с судьбой, лез на рожон, срывал цветы удовольствий и сумасшедшие деньги на высокодоходных долгосрочных сберегательных вкладах… в общем, давал всем жизни, как говорится.

Но вскоре в этом светлом существовании появилось нестерпимое темное пятно — воскресенья. Примерно в 14.55 тебя начинает обволакивать ужасная апатия: ты понимаешь, что уже принял все ванны, какие можно было принять с пользой для души и тела, что сколько ни созерцай любой абзац газетного текста, ты не прочтешь ни строчки, не говоря уже о применении на практике новейшего, совершившего революцию в области стрижки кустарников метода, который в этой газете описан. И сколько ни гляди на циферблат, неумолимые стрелки вскоре передвинутся на четыре — час, когда начинается долгое, мутное и, что греха таить, безумное чаепитие души.

Итак, Охмешконасыпатель пресытился жизнью. Довольные улыбки, которыми он обычно озарял чужие похороны, стали какими-то натянутыми. В нем зрела ненависть к Вселенной в целом и каждому из ее обитателей в частности.

Вот тогда-то он и набрел на свою цель жизни,

дело, которое не позволит ему впасть в спячку никогда-никогда (так ему, во всяком случае, казалось). А придумал он вот что.

Он решил оскорбить Вселенную.

То есть он решил оскорбить всех ее обитателей. Строго индивидуально, лицом к лицу, одного за другим и (тут он с особым сладострастием скрипнул зубами) в алфавитном порядке.

Когда его знакомые (даже у таких типов бывают знакомые) намекали, что план не только этически неприемлем, но и неосуществим — поскольку все время кто-то умирает, а кто-то рождается, Охмешконасыпатель просто вперял в оппонента свой стальной взгляд и бурчал: «Что, и помечтать нельзя?»

Итак, он взялся задело. Он обзавелся звездолетом, построенным на века, и бортовым компьютером, который умело управлялся со всей информацией о местоположении всех обитателей Вселенной, а также рассчитывал самые замысловатые маршруты полета.

Корабль пересекал орбиты планет Солнечной системы, намереваясь совершить пертурбационный маневр вокруг Солнца и, разогнавшись, выскочить в большой космос.

— Компьютер, — окликнул Охмешконасыпа-

тель.

— Слушаю, — пропищал компьютер.

— Куда теперь?

— Вычисляю.

Охмешконасыпатель покосился на невероятную алмазную россыпь космической ночи. Биллионы крошечных миров-кристаллов огненной пылью припорошили тьму-бесконечность. И каждый, любой из них, встретится ему на пути. И на большей части из них он побывал уже миллионы раз.

На миг он вообразил свой маршрут в виде ломаной линии, связывающей все небесные огоньки, как на детских «загадочных картинках» с пронумерованными точками. И понадеялся, что с какой-нибудь туристической смотровой вышки Вселенной эта ломаная покажется каким-нибудь вопиюще неприличным словом.

Компьютер безголосо пискнул в знак окончания вычислений.

— Фольфанга, — сообщил он и снова пискнул. — Четвертая планета системы Фольфанга, — продолжил он. И пискнул. — Ожидаемое время в пути — три недели, — продолжил он. И пискнул. — Искомый субъект — некрупный слизняк, — пискнул он, — из рода А-Рт-Ур-Еа-Ипде-

ну. — Полагаю, — добавил он, сделав передышку на писк, — что вы решили обозвать его безмозглой задницей.

Охмешконасыпатель только хмыкнул. И перевел взгляд на чудо творения за иллюминатором.

— Пойду-ка вздремну, — проговорил он. Потом спросил: — Какие зоны вещания попадутся нам в ближайшие часы?

Компьютер пискнул.

— Космовидеотон, Мыслекинозал, Надомный Думатель, — известил он и пискнул.

— Нет ли фильмов, которых я не видел уже тридцать тысяч раз?

— Нет.

— Гм.

— Разве что «Психоз в космосе». Вы видели этот фильм всего лишь тридцать три тысячи пятьсот семнадцать раз.

— Разбудишь ко второй серии.

Компьютер пискнул.

— Приятных сновидений, — сказал он.

Звездолет несся сквозь ночь.

Тем временем на Земле под аккомпанемент дождя тянулся один из самых кошмарных вечеров в жизни Артура Дента. Он сидел в своей пещере, составлял каталог возможных отповедей

наглому инопланетянину и давил мух — для них этот вечер тоже оказался кошмарным.

На следующий день Артур сшил себе сумку из кроличьей шкурки — под всякие полезные вещи.

Глава 2

С того дня прошло уже два года. Сегодняшнее утро выдалось благоуханным и ясным — в чем лично удостоверился Артур Дент, выйдя из пещеры, которую именовал домом (за неимением как более подходящего названия для нее, так и более подходящей для этого названия пещеры).

Хотя в горле у него привычно саднило от традиционного утреннего душераздирающего вопля, он внезапно пришел в великолепное расположение духа. Поплотнее запахнувшись в свой обтрепанный халат, он приветствовал доброе утро широкой улыбкой.

Воздух был прозрачен и душист. Ветерок осторожно ворошил высокую траву вокруг пещеры, птицы чирикали друг с дружкой, бабочки изящно порхали туда-сюда, и вообще вся природа из кожи вон лезла, стараясь произвести благоприятное впечатление.

Однако Артура воскресили не эти пасторальные радости. Ему только что пришел в голову великолепный способ победить ужас одиночества, кошмары, комплекс неполноценности из-за провала всех сельскохозяйственных начинаний

и патологического отсутствия всякой будущности для него на доисторической Земле. Короче говоря, он вознамерился сойти с ума.

Еще раз широко улыбнувшись, он откусил кусочек от кроличьей ноги — остатка вчерашнего ужина. Блаженно разжевав мясо, он решил официально оповестить мир о своем решении.

Артур приосанился, взглянул миру прямо в поля и леса. Для вящей торжественности воткнул кроличью косточку себе в бороду. Широко развел руки.

— Я сойду с ума! — возгласил он.

— Недурная мысль, — заметил Форд Префект, соскальзывая с валуна, на котором сидел.

Мозг Артура совершил сальто-мортале внутри черепной коробки. Его челюсти начали делать отжимания.

— Я тут тоже спрыгнул с ума на время, — заявил Форд. — Пользительное занятие.

Глаза Артура пошли колесом.

— Знаешь, — сказал Форд, — я…

— Где ты шатался? — прервал его Артур, чья голова все-таки покончила с физкультурной разминкой.

— Нынче тут, завтра там и кое-где еще, — сообщил Форд. И ухмыльнулся с хорошо рассчитанной

издевкой. — Я тут временно спустил свой разум с цепи, предполагая, что, если я миру дико понадоблюсь, он призовет меня обратно. Так и вышло.

Форд вытащил из своей жутко обтрепавшейся и донельзя замызганной сумки субэфирный чуткомат.

— По крайней мере мне так кажется. Эта штука недавно проснулась. — Форд встряхнул прибор. — Если тревога ложная, я сойду с ума, — добавил он, — еще разок.

Мотнув головой, Артур сел на землю и поглядел на Форда снизу вверх.

— Я думал, ты умер… — вырвалось у него.

— Одно время я так тоже думал, — подхватил Форд, — а потом на пару недель решил, что я — лимон. Ужасно повеселился — все две недели только и знал, что бултыхался в джине с тоником.

Артур откашлялся. А потом откашлялся еще раз.

— Где же ты…

— Отыскал джин с тоником? — радостно продолжил за него Форд. — Я отыскал озерцо, которое думало, что оно джин с тоником, и стал в нем бултыхаться. По крайней мере я думаю, что оно думало, что оно джин с тоником… Есть веро-

ятность, — добавил он с ухмылкой, от которой самые хладнокровные люди с воем полезли бы на деревья, — что мне это всего лишь примерещилось.

Он подождал реакции Артура, но тот лишь благоразумно обронил:

— Давай дальше.

— Я, собственно, хочу сказать, — продолжал Форд, — что нет смысла доводить себя до безумия стараниями это безумие избежать. С тем же успехом можно покориться судьбе, а здравый рассудок поберечь на потом.

— А сейчас ты опять в здравом рассудке? — поинтересовался Артур. — Я просто так спрашиваю, для информации.

— Я был в Африке, — заявил Форд.

— Ну да?

— Ну да.

— Ну и как там?

— А это что, твоя пещера? — спросил Форд.

— Мм… да, — ответил Артур. Его раздирали противоречивые чувства. После четырех лет полного одиночества он был до слез рад видеть Форда живым и невредимым. С другой стороны, присутствие Форда, как всегда, почти немедленно начинало давить на нервы.

— Мило-мило, — высказался Форд о пещере Артура. — Должно быть, она тебе донельзя обрыдла.

Артур не потрудился ответить.

— В Африке было очень интересно, — заявил Форд. — Я там здорово начудил.

Он задумчиво уставился вдаль.

— Я занялся издевательствами над животными, — проговорил он беззаботно. — Но только в порядке хобби.

— Только-то? — опасливо уточнил Артур.

— Только, — заверил его Форд. — Не буду беспокоить тебя подробностями, а то они…

— Что «они»?

— Обеспокоят тебя. Но возможно, тебе любопытно будет узнать, что твой покорный слуга единолично ответственен за удлиненную форму животного, которому в будущих веках дадут имя «жираф». А еще я пробовал научиться летать. Ты мне веришь?

— Расскажи, — сказал Артур.

— Потом расскажу. Пока я только процитирую «Путеводитель»…

— «Пу…»?

— «Путеводитель». «Автостопом по Галактике». Ты что, не помнишь?

— Помню. Я его в реку выбросил.

— Да, только я его выудил, — сообщил Форд.

— Ты мне не сказал.

— Ага, чтоб ты его опять выбросил?

— Разумно, — сознался Артур. — Ну и что «Путеводитель»?

— В смысле?

— Ты хотел процитировать.

— В «Путеводителе» написано, что полет — это искусство, а точнее сказать, навык. Весь фокус в том, чтобы научиться швыряться своим телом в земную поверхность и при этом промахиваться.

Устало улыбнувшись, Форд указал на свои брюки и воздел руки, чтобы продемонстрировать локти. Ткань в этих местах изобиловала дырами и потертостями.

— Покамест я недалеко продвинулся, — сказал он и протянул Артуру руку. — Я ужасно рад вновь тебя видеть.

Артур, растроганный и недоумевающий, только замотал головой.

— Я столько лет никого не видел, — заговорил он, — просто ни единой души. Еще чуть-чуть — и я разучился бы разговаривать. Слова все время забываю. Вообще-то я практикуюсь. Для практики я разговариваю с этими… ну как их там… как

называются эти, с которыми разговариваешь, когда с ума сходишь? Ну как Георг Третий.

— Короли? — подсказал Форд.

— Да нет же, — возразил Артур. — Эти самые, с которыми он разговаривал. Господи, здесь же их полным-полно. Я сам посадил сотни. И все засохли. Деревья! Я практикуюсь в разговорах с деревьями. Ты это зачем? — Форд по-прежнему протягивал Артуру руку, а тот с изумлением пялился на нее.

— Пожми ее, — просуфлировал Форд.

Артур последовал совету, вначале несколько нервно, словно боясь, что рука сейчас обернется скользкой рыбиной. Но тут же с безмерным чувством облегчения крепко схватился за нее обеими своими. Он тряс руку Форда и пожимал ее, пожимал и тряс.

Через некоторое время Форд счел необходимым отнять у Артура свою конечность. Они взобрались на верхушку ближнего утеса и принялись обозревать окрестности.

— Что сталось с голгафрингемцами? — спросил Форд.

Артур пожал плечами.

— Их здесь нет уже три года. Очень многие не пережили зиму, а когда пришла весна, уцелев-

шие заявили, что уходят в отпуск, и уплыли на плоту. История свидетельствует, что они, видимо, живы и здоровы…

— Гм, — прокомментировал Форд, — ну ладно, ладно.

Уперев руки в бока, он вновь обвел взором пустынный мир. Внезапно Форд начал буквально излучать энергию и целеустремленность.

— Мы отправляемся в путь, — вскричал он, весь трепеща от прилива сил.

— Куда? На чем? — воскликнул Артур.

— Не знаю, — сказал Форд, — но я буквально чувствую, что время пришло. Лед тронулся. Наше странствие уже началось.

Он перешел на шепот.

— Я обнаружил, — заявил он, — аномальные протечки.

Прищурившись, как Клинт Иствуд, он уставился на горизонт. Для полноты картины не хватало только, чтобы порыв ветра драматически взъерошил его волосы — но местный ветерок баловался с какими-то листьями в сторонке, а на Форда и внимания не обращал.

Артур попросил его повторить только что сказанную фразу, ибо не совсем уяснил себе ее смысл. Форд повторил.

— Протечки?

— Протечки в пространстве-времени, — сказал Форд и поспешил подставить свое зверски ухмыляющееся лицо ветру, который как раз случайно пролетал мимо.

Артур кивнул, прокашлялся.

— Речь идет о каких-то неполадках космического водопровода, я так понял? — осторожно спросил он. — Ну там, вогоны не заворачивают краны…

— Нет, это возмущения в континууме, — пояснил Форд.

— А, — кивнул Артур, — политика, значит.

Засунув руки в единственный карман своего халата, он воззрился вдаль с видом знатока.

— Чего-о? — воскликнул Форд.

— Э-э, так что там такое стряслось в этом континууме? Народ возмущается, что водопровод неисправен? И почему вдруг туда стоит эмигрировать?

Форд чуть не испепелил его взглядом.

— Ты будешь слушать или нет?

— Я слушаю, — сказал Артур, — только боюсь, толку мне от этого мало.

Форд сгреб его за отвороты халата и стал объяснять ему терпеливо и размеренно, с толком

и с расстановкой — словом, так, будто Артур был служащим расчетного отдела телефонной компании.

— Судя по всему… — произнес Форд, — … в ткани пространства-времени… — произнес Форд, — … появились… — произнес Форд, — … очаги…

Артур тупо смотрел на отворот своего халата, сжимаемый пальцами Форда. Форд довел свою речь до конца, прежде чем Артур успел перейти от тупого взгляда к тупым замечаниям.

— … нестабильности… — завершил Форд.

— А, вот как, — сказал Артур.

— Да уж вот так, — подтвердил Форд.

Они стояли одни-одинешеньки на вершине утеса где-то на доисторической Земле и решительно смотрели друг другу в глаза.

— И что же с ней стало? — спросил Артур.

— Очаги нестабильности в ней возникли, — ответил Форд.

— На самом деле? — спросил Артур, ни на миг не отводя глаз от Форда.

— Вне всяких сомнений, — ответил Форд с не меньшей непреклонностью.

— Ну и хорошо, — сказал Артур.

— Теперь понял?

— Нет, — признался Артур.

Последовала немая сцена.

— Вот в чем беда с этим разговором, — заявил Артур после того, как озадаченность медленно, точно альпинист по трудному склону, вскарабкалась по его лицу и уселась на бровях, — он очень не похож на те, что мне приходилось вести в последнее время. Я уже пояснил, что в основном беседовал с деревьями. А это совсем другой коленкор. Если не считать разговоров с некоторыми дубами — этим хоть в лоб, хоть по лбу.

— Артур, — сказал Форд.

— Алло? Да? — пробормотал Артур.

— Просто прими на веру все, что я тебе скажу, и сразу все станет совсем, совсем ясно.

— Хм, что-то не верится.

Они уселись на камень и впали в глубокую задумчивость.

Форд вытащил свой субэфирный чуткомат. Прибор едва слышно жужжал, подмигивая крохотной тусклой лампочкой.

— Батарейка села? — поинтересовался Артур.

— Нет, — сказал Форд, — он чувствует мобильную аномалию в ткани пространства-времени, локальное возмущение, очаг нестабильности. Протечку. И это где-то недалеко.

— Где?

Слегка дрожащей рукой Форд очертил чуткоматом дугу в воздухе. Внезапно лампочка ярко вспыхнула.

— Вон там! — вскричал Форд, дико взмахнув рукой. — Вон за тем диваном!

Артур взглянул в указанную сторону. К его немалому удивлению, на поле перед ними находился мягкий диван, так называемый честерфильдский, обитый бархатом веселенького оттенка. Он уставился на диван умными глазами. В его голове родился целый рой глубокомысленных вопросов.

— Откуда на этом поле диван? — вскричал он.

— Я же сказал! — заорал Форд, вскочив на ноги. — Возмущения в континууме!

— А, это они мебельные магазины громят! — воскликнул Артур, с трудом вернувшись в вертикальное положение и — как он смел надеяться — в здравый рассудок.

— Артур! — заорал на него Форд. — Этот диван попал сюда из-за нестабильности пространства-времени, про которую я уже устал толковать тебе с твоим перманентным склерозом. Он просочился через протечку континуума, по воле парусных волн эфира и я не знаю еще чьей — какая на фиг разница, мы должны его поймать, а то так здесь

и застрянем!

Он съехал на пятках по скале и стремглав понесся по полю.

— Поймать? — пробормотал Артур и тут же вытаращил глаза — диван, вальяжно покачиваясь, уплывал в глубь поля.

С кличем внезапного восторга он спрыгнул с утеса и весело помчался вдогонку за Фордом Префектом и своенравным предметом мебели.

Они бежали, не разбирая дороги, через траву, подпрыгивали, хохотали, кричали друг другу: «Загоняй его сюда!», «Перехватывай!» Солнце мечтательно освещало травяное море, крохотные полевые животные сломя голову разбегались из-под их ног.

Артур был совершенно счастлив. Его ужасно умиляло, что в этот день все его планы сами собой сбывались. Только двадцать минут назад он решил сойти с ума — и вот уже гоняется по лугам доисторической Земли за честерфильдским диваном.

Диван все время заваливался то на один, то на другой бок. Он одновременно казался твердым, как деревья, и бесплотным, как сон русалки. Одни вязы он огибал, сквозь другие просачивался с ловкостью призрака.

Форд с Артуром, пыхтя, бежали за ним, но диван увертывался и петлял, точно пространство имело для него иную, сложную математическую топографию — как оно и было в действительности. И все же они продолжали погоню, а диван вальсировал и вертелся, а потом вдруг развернулся и вошел в пике, словно сорвавшись с порога графика, изображающего кризис, причем Форд с Артуром оказались буквально над ним. Со вздохом облегчения и возгласом триумфа они вскочили на диван, солнце, моргнув, погасло, и, провалившись сквозь головокружительное ничто, они выбрались на свет божий в самом неожиданном месте — посреди поля крикетной площадки «Лордз» (что расположена в лондонском районе Сент-Джонс-Вуд) незадолго до окончания последнего матча международного турнира на Приз Австралии 198… года, причем команде Англии требовалось лишь двадцать восемь перебежек для победы.

Глава 3
Немаловажные факты из истории Галактики.

Факт номер один.

(Заимствовано из многотомника «Сидерическое собрание цитат на каждый день». Том «Популярная история Галактики»)

Ночное небо над планетой Криккит — наименее занимательное зрелище во всей Вселенной.

Глава 4

Нежданно-негаданно вывалившись из пространственно-временной аномалии в чудный, совершенно очаровательный лондонский денек, Форд с Артуром совершили довольно жесткую посадку на безупречный газон площадки «Лордз».

Публика разразилась аплодисментами. И хотя они предназначались не нашим путешественникам, те машинально склонили головы — и слава богу, ибо маленький красный и тяжелый мяч (истинный виновник овации) просвистел в считаных миллиметрах над макушкой Артура. Один из зрителей в толпе упал.

Форд с Артуром поспешили броситься на землю, которая, казалось, ужасно быстро вертелась вокруг них.

— Что это было? — вымолвил Артур.

— Что-то красное.

— Где мы?

— Гм… на чем-то зеленом.

— Формы и контуры, — пробормотал Артур. — Дайте мне формы и контуры.

Аплодисменты вскорости перешли в изумленные ахи и робкие смешки — сотни людей никак

не могли решить, верить ли своим глазам.

— Ваш, что ли, диван? — раздалось сверху.

— Что это было? — шепотом спросил Форд.

Артур поднял глаза.

— Что-то синее.

— Какой формы? — вопросил Форд.

Артур посмотрел еще раз.

— Оно имеет, — прошептал он Форду, серьезно наморщив лоб, — форму полисмена.

Еще некоторое время они лежали на газоне, скорбно хмурясь. Но тут синее полисменообразное нечто тронуло их обоих за плечи.

— Давайте, вы двое, — сказало нечто, — пройдемте.

При этих словах Артура точно пчела ужалила. Он вскочил на ноги, точно услышавший телефонный звонок писатель, и обвел ошалелым взглядом окрестный пейзаж, внезапно сложившийся в удивительно привычную картину.

— Откуда вы это взяли? — заорал он на полисменообразное.

— Что вы сказали? — пробормотало ошарашенное полисменообразное.

— Это же крикетная площадка «Лордз», верно? — возопил Артур. — Где вы ее нашли и как сюда переместили? По-моему, — добавил он,

потирая лоб, — мне надо успокоиться. — И плюхнувшись на колени перед Фордом, прошипел: — Это полисмен. Что делать?

Форд пожал плечами:

— А что ты предлагаешь?

— Скажи мне, — попросил Артур, — что все последние пять лет приснились мне во сне.

Форд, еще раз пожав плечами, исполнил требуемое:

— Все последние пять лет приснились тебе во сне.

Артур встал.

— Все в ажуре, офицер, — заявил он. — Все последние пять лет приснились мне во сне. Спросите у него, — добавил он, указывая на Форда, — он мне тоже снился.

Произнеся эту речь, Артур побрел к краю поля, отряхивая халат. Но тут же, заметив, что отряхивает именно халат, застыл как вкопанный. Затем, выпучив глаза, бросился к полисмену с воплем:

— Тогда почему я так одет? — И, упав на траву, забился в судорогах.

Форд только покачал головой.

— Ему что-то не везло последние два миллиона лет, — пояснил он полисмену.

Вдвоем они взвалили Артура на диван и унесли

с поля, причем неожиданное исчезновение дивана на полдороге задержало их совсем ненадолго.

Реакция публики, точнее, реакции были многообразными и различными. Большинство зрителей, будучи не в силах выдержать этого зрелища, зажмурили глаза и переключились на слушание радиотрансляции.

— Любопытное происшествие, Брайан, — сказал один радиокомментатор другому. — По-моему, никаких загадочных материализации на поле не было с… э-э… с… может, их вообще ни разу еще не было — ты не помнишь?

— А Эджбастон 1932 года?

— А, ну и что же там стряслось?

— Гм, Питер, если я не ошибаюсь, Кантер играл против Уилсокса и шел в нападение со стороны павильона, когда вдруг напрямик через площадку пробежал зритель.

Первый комментатор призадумался.

— М-да-а-а-а-а, — промолвил он наконец, — да, но в чем тут загадочность? Он ведь не материализовался в подлинном смысле слова? Просто пробежал.

— Да, ты прав, и все же он утверждал, что видел, как нечто материализовалось на площадке.

— Серьезно?

— Да. По-моему, это было животное из семейства аллигаторов.

— Хм. А кто-нибудь еще его заметил?

— По-видимому, нет. А от этого субъекта никому не удалось добиться подробностей, поэтому поиски были весьма поверхностными.

— А что сталось со зрителем?

— По-моему, кто-то вызвался угостить его обедом, но тот пояснил, что уже отобедал, и довольно плотно, поэтому вопрос был замят, и Уорвикшир победил с перевесом в три калитки.

— Не слишком похоже на наш случай. Тем, кто только что настроился на нашу волну, будет любопытно знать, что… э-э-э… два человека, двое довольно неряшливо одетых мужчин и самый настоящий диван — честерфильдский, по-моему?

— Да, честерфильдский.

— … только что материализовались тут у нас, посреди крикетной площадки «Лордз». Но не думаю, что с дурными намерениями. Они вели себя очень мирно…

— Извини, Питер, я тебя перебью — диван только что исчез.

— Диван исчез. Что ж, одной загадкой меньше. И все же этот случай войдет в анналы истории, тем более что он произошел в столь драматиче-

ский момент, когда Англии не хватает до победы только двадцати восьми перебежек. Пришельцы покидают площадку в сопровождении офицера полиции, и, по-моему, все входит в привычное русло, и игра сейчас возобновится.

— Ну-с, сэр, — сказал полицейский после того, как они пробрались сквозь обуянную любопытством толпу и уложили умиротворенного, бездвижного Артура на одеяло, — теперь вы мне, возможно, соизволите сообщить, кто вы такие, откуда взялись и что хотели сказать этим балаганом?

Форд уставился себе под ноги, точно заимствуя у земли твердость духа, затем, вскинув голову, ответил полицейскому взглядом, в который было вложено все напряжение каждого дюйма из шестисот световых лет, разделяющих Землю и отчизну Форда — окрестности Бетельгейзе.

— Отлично, — проговорил Форд очень тихо. — Я вам расскажу.

— Да-да, хорошо, это не обязательно, — поспешно заявил полисмен, — только постарайтесь, чтобы такого… этого… больше не было.

Полисмен развернулся и побрел искать кого-нибудь, кто был бы не с Бетельгейзе. К счастью, таких тут хватало.

Душа Артура летала вокруг его тела кругами и мялась, не испытывая особенного желания войти. С этим вместилищем у нее были связаны не самые лучшие воспоминания. И все же она медленно, опасливо забралась в него и заняла свое привычное место.

Артур приподнялся на локтях:

— Где я?

— На крикетной площадке «Лордз», — сообщил Форд.

— Классно, — молвил Артур — и его душа выпорхнула наружу перевести дух. Тело Артура безвольно плюхнулось обратно на траву.

Десять минут спустя он уже горбился над чашкой чая под тентом летнего буфета, и на его осунувшееся лицо постепенно возвращался румянец.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Форд.

— Я дома, — хрипло буркнул Артур.

Прикрыв глаза, он жадно вдыхал пар, поднимающийся над чашкой чая, словно это был не чай, а… — но в данном случае, с точки зрения Артура, вся прелесть именно в том и состояла, что это был чай.

— Я дома, — твердил он, — дома. Это Англия, сегодня… сегодня кошмару конец. — Он вновь

раскрыл глаза и блаженно улыбнулся. — Мое место здесь, — сказал он умиленным шепотом.

— Я считаю своим долгом предупредить тебя о двух вещах, — заявил Форд, пододвинув к Артуру газету «Гардиан».

— Я дома, — повторил Артур.

— Безусловно, — согласился Форд. — Во-первых, — сказал он, тыча пальцем в угол газеты, где значилась дата, — через два дня Земля будет взорвана.

— Я дома, — шептал Артур. — Чай, — произнес он, — крикет, — добавил он с нежностью, — стриженые газоны, деревянные скамейки, белые полотняные пиджаки, пиво в банках…

Медленно-медленно его взгляд сфокусировался на газете. Слегка нахмурившись, он склонил голову набок.

— Я этот номер уже видел, — проговорил он.

Его взгляд неспешно подполз к дате, по которой Форд лениво постукивал пальцем. На секунду-другую лицо Артура застыло, как маска, а потом стало с ужасающей медлительностью раскалываться на куски, точно арктические льдины по весне.

— А во-вторых, — продолжал Форд, — у тебя в бороде кость. — И поперхнулся чаем.

Меж тем снаружи солнце лило свой свет на веселую толпу. Его лучи ласкали белые шляпы и красные лица. Его лучи ласкали брикеты мороженого, от чего оно таяло. Его лучи обращали в алмазы слезы детишек, уронивших растаявшее мороженое с палочки. Солнечный свет золотил кроны деревьев, сверкал на рассекающих воздух крикетных битах, сиял на поверхности крайне необычного (и никем не замечаемого) объекта, что был припаркован за стадионным табло. Свет солнца ударил в глаза Форду с Артуром, когда те, жмурясь, вышли из буфета и огляделись по сторонам.

Артура трясло.

— Может, мне…

— Нет, — рявкнул Форд.

— Что «нет»?

— Не пытайся звонить себе самому домой.

— Как ты дога…

Форд только передернул плечами.

— Но почему? Почему нельзя?

— Те, кто разговаривает по телефону сам с собой, ничего хорошего не узнают.

— Но…

— Демонстрирую, — сказал Форд. Он снял с рычага воображаемую трубку и стал крутить

воображаемый диск. — Алло? — произнес он в воображаемую трубку. — Это Артур Дент? Ага, алло, да. Это Артур Дент говорит. Не бросай трубку.

И расстроенно поглядел на воображаемый телефон.

— Трубку бросил, — пояснил он, пожал плечами и аккуратно положил свою воображаемую трубку на воображаемый рычаг. — Это не первая аномалия времени на моем веку.

Скорбное выражение на лице Артура Дента уступило место еще более скорбному.

— Значит, наши неприятности еще не кончились, — проговорил он.

— Более того, они еще толком и не начались, — уточнил Форд.

Матч меж тем продолжался. Нападающий приближался к калитке, плавно переходя с рысцы

на бег[2]. Вдруг он точно взорвался, обернувшись вихрем бессчетных рук и ног, из которого вылетел мяч. Защитник, взмахнув битой, послал мяч себе за спину так, что он пролетел над табло. Глаза Форда, провожавшего взглядом мяч, широко распахнулись. Он замер. Вновь проследив траекторию мяча, Форд захлопал глазами.

— Это не мое полотенце, — заявил Артур, копавшийся в своей сумке из кроличьей шкурки.

— Тс-с, — прошипел Форд и глубокомысленно воздел очи горе.

— У меня было голгафрингемское полотенце, из оздоровительного кабинета. Синее с желтыми звездочками. А это другое.

— Тс-с, — вновь прошипел Форд. Прикрыв один глаз, он что-то созерцал другим.

---

[2] Примечания: 2

Крикет ни в коем случае не следует путать с другой национальной английской игрой — крокетом. Для игры в крокет (см. «Алису в стране чудес») используются молотки и шары, а для крикета — мячи и биты. Крикет родственен американскому бейсболу и русской лапте. Играют две команды, по одиннадцать человек каждая. На травяном поле становятся две калитки (три столбика с лежащими на них двумя поперечными палочками). Игроки одной из команд — нападающие — бросают мяч, пытаясь сбить калитку. Игроки другой команды — отбивающие или защитники — поочередно стоят у калитки с битой в руках, стараясь отбить мяч как можно дальше и за время, пока нападающие ловят мяч, добежать до другой калитки, коснуться черты и возвратиться обратно. Это и есть упоминаемые в тексте «перебежки», которых не хватало до победы. Если за время перебежки один из нападающих успеет сбить пойманным мячом калитку, защитник выходит из игры и его сменяет другой игрок. Игра продолжается до

выхода из игры всех защитников. — *Примеч. ред.*

— А это розовое. Оно, случайно, не твое?

— Изволь заткнуться насчет твоего полотенца! — воскликнул Форд.

— Полотенце не мое, — настаивал Артур, — именно это я и пытаюсь…

— А я пытаюсь потребовать, чтобы ты заткнулся, — продолжал Форд, переходя на рык, — причем немедленно!

— Ладно, — сказал Артур, пытаясь засунуть полотенце обратно в свою неуклюжую сумку. — Я понимаю, что в масштабе Вселенной этот факт не имеет никакого значения, но просто интересно. Было синее в желтую звездочку, а стало розовое.

Тем временем Форд начал выделывать какие-то странные фортели. Говоря «странные», мы не имеем в виду обычный (то есть странный по определению) стиль поведения Форда. О нет — то были действия, странно непохожие на все его обычные странности и чудачества.

А именно: игнорируя недоуменные взгляды собратьев-зрителей, что обступали поле, он совершал всякие резкие движения руками перед своим носом, при этом то проныривая у кого-то за спиной, то подпрыгивая рядом с кем-то еще. Порой он замирал, часто моргая. Спустя некоторое время он начал медленно, воровато пробираться

вперед с гримасой вдумчивой озадаченности на лице — как леопард, который не совсем уверен, что только что видел в полумиле впереди, на раскаленной и пыльной прерии, полупустую банку «Вискаса».

— И сумка тоже не моя, — неожиданно объявил Артур.

Тем самым выведя Форда из медитационного транса. Форд злобно обернулся к Артуру.

— Я не о полотенце, — сказал Артур. — Мы уже установили, что оно не мое. Вся закавыка в том, что сумка, куда я хотел положить это полотенце, которое не мое, тоже не моя, хотя сходство поразительное. Мне это кажется чрезвычайно странным, тем более что сумку я сшил на доисторической Земле своими руками. И камни тоже не мои, — добавил он, вытащив из сумки горсть плоских серых камешков. — Я собирал коллекцию интересных камней, а эти, сразу видно, сплошная скука.

Восторженный рев, прокатившийся по трибунам, заглушил все, что Форд имел сказать по поводу этой информации. Крикетный мяч, встреченный с таким восторгом, свалился с небес прямо в загадочную кроличью сумку Артура.

— Это, сказал бы я, тоже очень любопытный

случай, — заявил Артур, поспешно закрыв сумку и прикинувшись, что высматривает мяч на земле. — По-моему, его здесь нет, — сказал он мальчишкам, которые немедленно столпились вокруг него, — вероятно, он куда-то откатился. Судя по всему, вон туда. — И указал в ту сторону, куда хотел бы спровадить ребят.

Один мальчишка озадаченно посмотрел на него:

— У вас все в норме?

— Нет.

— Тогда почему у вас в бороде кость?

— Я воспитываю в ней смирение с любым местоположением, — произнес Артур, сам собой гордясь. Самый подходящий афоризм, чтобы заронить в молодые умы искру вдумчивого отношения к жизни.

— Ого, — сказал мальчишка, глубокомысленно склонив голову набок. — Как вас зовут?

— Дент. Артур Дент.

— Ты козел, Дент, — проговорил мальчик. — Никчемная дырка от бублика.

Произнеся эти слова, мальчишка посмотрел на что-то за плечом Дента, демонстрируя, что вовсе не торопится скрыться, а затем ретировался, почесывая нос.

Внезапно Артур вспомнил, что через два дня Земля погибнет, и впервые испытал при этой мысли некоторое утешение.

Принесли новый мяч, игра возобновилась, солнце продолжало светить, а Форд все скакал и скакал на месте, мотая головой и моргая.

— Ты что-то придумал, правда? — спросил Артур.

— Мне кажется, — сказал Форд тоном, обещавшим (как уже было известно Артуру) какое-то чрезвычайно непонятное продолжение, — что вон там какое-то ННП.

Он указал, что́ понимает под термином «вон там». И что любопытно — направление, в котором указала его рука, не совпадало с направлением его взгляда. Артур сначала посмотрел вслед за указующим перстом — на табло, а потом туда, куда Форд глядел, — на поле и кивнул, пожимая плечами.

— Какое-то «что»?

— ННП.

— Н?

— … НП.

— А это что?

— Не Наша Проблема.

— А, ну и ладно, — промолвил Артур с облег-

чением. Он понятия не имел, куда клонит Форд, но по крайней мере инцидент казался исчерпанным. Но радовался он зря.

— Вон там, — сказал Форд, вновь указывая на табло и глядя на поле.

— Где?

— Там.

— Вижу, — покривил Артур душой.

— Серьезно?

— В смысле?

— Ты ННП видишь? — терпеливо спросил Форд.

— Я думал, ты сказал, что это не наша проблема.

— Она самая.

Артур кивнул — медленно, опасливо, с безмерно дурацким выражением лица.

— И я хочу знать, можешь ли ты ее видеть.

— А ты видишь?

— Да.

— Ну и как она выглядит?

— Ну а мне-то откуда знать, идиот? Сам видишь — сам и описывай.

В висках у Артура раздался привычный тупой звон, очень часто сопровождавший его разговоры с Фордом. Его мозг замер, как щенок, испуганно

забившийся в угол. Форд взял его за руку.

— ННП — это нечто, что мы не можем увидеть, или не видим, или то, чего нам не дает увидеть наш мозг, потому что мы считаем, что это не наша проблема. Вот как расшифровывается ННП. Не Наша Проблема. Мозг просто вымарывает эту штуку из поля зрения, точно слепое пятно. Даже если ты посмотришь прямо на ННП, то все равно ее не разглядишь — если только не знаешь заранее, как она выглядит. Единственная надежда — застичь ННП врасплох краешком глаза.

— А-а, — протянул Артур, — так вот почему…

— Ну да, — согласился Форд, зная наперед, что именно Артур скажет.

— …ты прыгал и…

— Ну да.

— …моргал…

— Ну да.

— …и…

— Похоже, до тебя дошло.

— Я вижу эту штуку, — объявил Артур, — это звездолет.

И оторопел от последствий своего заявления. Толпа взревела. Крича, вопя, сшибая друг друга, люди со всех сторон бросились к площадке. Попятившись, Артур испуганно огляделся по

сторонам. Затем еще раз огляделся по сторонам с еще большим ужасом.

— Занимательно, не правда ли? — произнесло видение.

Видение дергалось и колебалось перед глазами Артура, хотя, видимо, в действительности это глаза Артура дергались вместе с головой. Его губы тоже дергались.

— Ч… ч… ч… — выговорили его губы.

— По-моему, ваша команда только что победила, — произнесло видение.

— Ч… ч… ч… — повторил Артур, при каждом приступе дрожи толкая Форда Префекта в спину.

Форд тем временем с тревогой наблюдал за суматохой.

— Вы ведь англичанин, правда? — поинтересовалось видение.

— Ч… ч… ч… да, — согласился Артур.

— Ну, как я уже сказал, ваша команда только что победила. В матче. Следовательно, они сохранят у себя Пепел. Думаю, вы очень довольны. Осмелюсь признаться, я питаю некоторую слабость к крикету, хотя я не хотел бы, чтобы о ней знали за пределами этой планеты. Боже упаси.

Видение состроило нечто вроде ехидной ухмылки — впрочем, еще неизвестно, насколько

ехидной, ибо солнце, светя ему прямо в затылок, соорудило из его серебристых волос и бороды ослепительный, драматический, повергающий в трепет нимб, с которым никакие ехидные ухмылки не вязались.

— И все же, — продолжало оно, — спустя пару деньков всему этому придет конец, не правда ли? Хотя, как я уже вам говорил при нашей последней встрече, это меня весьма опечалило. И все же что было, тому не миновать.

Артур вновь попытался заговорить, но борьба была неравной. В отчаянии он снова пихнул Форда локтем.

— Я-то думал, что стряслось, — сказал Форд, — а это просто матч кончился. Пора смываться. А, Слартибартфаст, здорово, что ты тут делаешь?

— Да так, слоняюсь, — отвечал старец сурово.

— Это твой звездолет? Не подбросишь нас хоть куда-нибудь?

— Терпение, терпение, — наставительно произнес тот.

— О'кей, — заметил Форд. — Просто очень скоро эту планету взорвут.

— Мне это известно, — ответил Слартибартфаст.

— Я так, просто напомнить хотел, — сказал

Форд.

— Принято к сведению.

— И если ты считаешь, что тебе действительно необходимо слоняться по крикетной площадке в такой момент…

— Считаю.

— Ну, корабль ведь твой.

— Именно.

— Я так и понял. — Форд резко отвернулся.

— Привет, Слартибартфаст, — наконец-то выдавил из себя Артур.

— Привет, землянин, — ответил Слартибартфаст.

— В конце концов, — заметил Форд, — двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Старец, пропустив эти слова мимо ушей, внимательно, с непонятным в данной ситуации волнением следил за происходящим на поле. А там происходило всего лишь то, что люди столпились на площадке вокруг ее середины. Что Слартибартфаст в этом нашел такого интересного, ведал он один.

Форд что-то мурлыкал под нос. Конкретно — всего лишь одну ноту, повторяющуюся через определенные интервалы. Он таил надежду, что кто-нибудь спросит: «Что это ты мурлычешь?»

— но никто не спрашивал. Если бы его спросили, он бы ответил, что все время мурлычет первую строчку песни «Психология любви». Тогда бы ему заметили, что он поет только одну ноту, на что бы он ответил, что по очевидным, как ему кажется, причинам он опустил кусочек «ология любви». Но никто этого не спрашивал, и Форд злился.

— Тут одна подробность, — взорвался он наконец, — если мы не поторопимся смыться, то рискуем вновь влипнуть во всю эту историю. А для меня нет более печального зрелища, как разрушение планеты. Хуже может быть только одно — наблюдать за ее разрушением с ее же поверхности. Или, — добавил он почти под нос, — наблюдать крикетные матчи.

— Терпение, — вновь заявил Слартибартфаст. — Назревают великие события.

— Когда мы последний раз виделись, вы сказали то же самое, — заметил Артур.

— Так оно и вышло, — сказал Слартибартфаст.

— Верно, — признал Артур.

Однако казалось, если что тут и назревало, так только какая-то церемония. Она была срежиссирована скорее для блага телезрителей, чем просто зрителей, и со своего места в толпе они могли следить за ней только по сообщениям

ближайшего репродуктора. Форд всячески демонстрировал агрессивную индифферентность к происходящему.

Морщась, он выслушал пояснение, что сейчас на поле произойдет вручение «Урны с Пеплом» капитану команды Англии, весь скукожился при известии, что данная команда заслужила этот приз, выиграв турнир в энный раз, буквально взлаял от злобы после сообщения, что «Пепел» — это останки столбика крикетной калитки, а когда (ну куда уж дальше!) от него потребовали смириться с фактом, что вышеупомянутый столбик был сожжен в австралийском городе Мельбурне в 1882 году, в знак «смерти английского крикета», Форд развернулся к Слартибартфасту, набрал в грудь воздуха — но ничего не сказал, потому что старца рядом с ними уже не было. Он шествовал к центру поля ужасающе решительной поступью, и его борода, волосы и одеяние развевались по ветру — вылитый Моисей на горе Синай, только в роли Синая сейчас выступала холеная лужайка, а не грозный вулкан в косматом дыму, каким его обычно изображают.

— Он сказал подождать у его корабля, — сообщил Артур.

— Да что этот старый дурак собрался делать,

вакуум его заарктурь? — взорвался Форд.

— Подойти к своему кораблю через две минуты, — пояснил Артур и пожал плечами, что обличало отсутствие всяких мыслей в его голове.

Приятели направились к пресловутому кораблю. Их ушей достигли странные звуки. Они пытались их игнорировать, но все же не могли не заметить, что Слартибартфаст сварливо требует, чтобы серебряную урну с «Пеплом» отдали ему, ибо тот, по его словам, «жизненно важен для прошлого, настоящего и будущего Галактики», и что это заявление вызвало бурное веселье. Форд и Артур прикинулись, будто ничего не замечают.

Однако спустя миг стряслось нечто, чего невозможно было не заметить. Послышался ропот (будто сотня тысяч людей вымолвила: «Уф!»), и прямо над крикетным полем буквально сгустился из воздуха белый стальной звездолет. С легким жужжанием и крайне зловещим видом он завис над землей.

Какое-то время он бездействовал, словно ожидая, что люди займутся своими обычными делами, не порицая его за это висение.

Но тут же он совершил нечто очень необычное. Точнее, распахнул люки и выпустил из себя нечто необычное в количестве одиннадцати штук.

Роботы. Одиннадцать белых роботов.

И что самое удивительное, точно специально экипированные для данного мероприятия. Мало того что они были белые, под цвет униформы игроков, но они еще и держали в манипуляторах нечто вроде крикетных бит и крикетных мячей. Мало того, нижние сегменты их ног были защищены чем-то вроде белых щитков. На щитки тоже стоило подивиться — по-видимому, в них были вмонтированы реактивные двигатели, что позволило этим цивилизованным роботам спикировать к земле и начать убивать людей.

— Эй! — вскрикнул Артур. — Кажется, что-то началось!

— Беги в корабль, — завопил Форд, — знать ничего не хочу, беги в корабль. — И побежал. — Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего не вижу, — причитал он на бегу, — это не моя планета, я сюда не просился, не хочу ввязываться, просто вытащите меня отсюда и отвезите куда-нибудь в бар, к людям, которые мне свои!

Над полем взметнулся столб пламени и дыма.

— М-да, похоже, сегодня все потусторонние силы в гости к нам… — радостно объявил репродуктор самому себе.

— Мне много не надо, — кричал Форд в уточ-

нение своих предыдущих замечаний, — только рюмка крепкого виски и компания братьев по духу!

Он несся, как лань, замешкавшись лишь на миг, чтобы взять на буксир Артура, который среагировал было на катастрофу в своем обычном духе — замер с открытым ртом, ожидая, пока все кончится.

— Они играют в крикет, — бормотал Артур, еле поспевая за Фордом. — Клянусь, они в крикет играют. Не знаю, зачем им это надо, но так оно и есть. Они не просто убивают людей — они их подбрасывают вверх. Форд, нас подбрасывают!

И действительно, для того чтобы не поддаться этому первому впечатлению, надо было обладать весьма глубокими познаниями в истории Галактики (каковых Артур еще не успел приобрести из-за своей кочевой жизни). Призрачные, но весьма агрессивные фигуры, шевелившиеся за толстой дымовой завесой, и впрямь будто пародировали удары нападающих. Разница была только в том, что посылаемые их битами мячи при соприкосновении с землей взрывались. И первый же взрыв развеял первоначальную надежду Артура, что это всего лишь рекламная затея австралийских фабрикантов маргарина.

А потом все завершилось — так же внезапно, как и началось. Одиннадцать белых роботов, тесно сгрудясь, вознеслись сквозь редеющее облако и, напоследок плюнув пламенем, скрылись в животе своего белого корабля, который с кратким ропотом (будто сотня тысяч людей вымолвила: «Фу!») немедленно растворился в том же воздухе, из которого раньше сгустился.

На несколько минут воцарилось изумленное безмолвие. Затем из клубов дыма вынырнула светлая фигура Слартибартфаста. Его сходство с Моисеем усилилось — несмотря на отсутствие горы, теперь он шел решительной поступью по горящей и дымящей холеной лужайке.

Он дико озирался по сторонам, пока не заметил, что Форд с Артуром пробираются сквозь испуганную толпу, которая шарахнулась прочь от поля. Вероятно, людей обуяла коллективная мысль «Ну и дела!», сопровождаемая единодушным чувством недоумения.

Слартибартфаст делал Форду с Артуром отчаянные знаки и что-то кричал. Все трое постепенно пробивались к звездолету старца, по-прежнему стоящему позади табло и по-прежнему не замечаемому бегущими мимо него зрителями — очевидно, у них хватало собственных проблем.

— Онизапелибрепел! — вскричал Слартибартфаст своим тонким, дребезжащим голосом.

— Что он сказал? — с трудом вымолвил Форд, работая локтями.

Артур покачал головой.

— Онизавялилеппе! — снова завопил Слартибартфаст.

— Это что-то важное, — рассудил Артур и окликнул старца.

— Они завяли лепел! — еще раз вскричал Слартибартфаст.

— Он говорит, что они забрали «Пепел». По-моему, — пояснил Артур, не сбавляя скорости.

— Что они… — переспросил Форд.

— «Пепел», — сухо ответил Артур. — Остатки сожженного столбика. Это крикетный приз. Вот… — вымолвил он, задыхаясь, — … за чем… они… прилетали… — С этими словами он легонько мотнул головой, словно пытаясь утрясти свой мозг.

— Странная весть, — процедил Форд.

— Странный трофей.

— Странный звездолет.

Они достигли цели. Действительно, звездолет Слартибартфаста производил вдвойне странное впечатление. Во-первых, из-за ННП-поля. Теперь

они могли ясно видеть звездолет в его истинном обличье просто потому, что знали о его наличии здесь. Однако, судя по всему, больше никто его не замечал. И не потому, что звездолет был невидим. Процедура превращения какого-либо объекта из зримого в незримый столь трудоемка, что в 999 999 999 случаях из миллиарда гораздо проще и эффективнее просто убрать этот объект куда подальше и обойтись без него.

Эффрафакс Вугский, маг-суперзвезда от науки, однажды поставил на кон свою голову, что за год сумеет сделать абсолютно невидимой великую мегагору Меграмал.

Когда он притомился тщетно обрабатывать гору массивными отбелизаторами, аннигиляторами рефракции и спектральными астраломылками, ему открылось, что за оставшиеся девять часов он вряд ли выполнит зарок.

Тогда он, и его друзья, и друзья его друзей, и знакомые друзей его друзей, и друзья знакомых друзей его друзей, и довольно шапочные знакомые друзей знакомых друзей его друзей, которые зато владели крупным межзвездным трансагентством, за одну ночь совершили величайший трудовой подвиг в истории человечества. И естественно, на следующее утро Меграмал больше не

был виден. Однако Эффрафакс все же проиграл пари — и лишился головы — из-за педантизма некоего арбитра, обратившего внимание на то, что: а) при прохождении через место, где следовало находиться Меграмалу, он ни обо что не споткнулся и не расшиб себе лоб и б) в небесах засияла какая-то подозрительная новая луна.

Поле «Не Наша Проблема» куда проще в использовании и эффективнее, а главное, целых сто лет может работать от одной «пальчиковой» батарейки. Дело в том, что принцип его работы основан на свойственной людям естественной предрасположенности не видеть ничего из того, чего видеть не желаешь, увидеть не предполагаешь или не можешь себе объяснить. Если б Эффрафакс покрасил гору в ярко-розовый цвет, а сверху водрузил недорогой генератор ННП-поля, люди так и ходили бы мимо горы, вокруг нее, даже по ее склонам — ничуть не подозревая о ее присутствии.

Тот же самый эффект наблюдался и в случае с кораблем Слартибартфаста. Правда, он не был ярко-розовым, но это вовсе не значит, что внешне он ничем не выделялся. Отнюдь.

И тут мы подходим к еще одной и главной причине его странности. Он лишь частично походил

на нормальный звездолет с дюзами и соплами, аварийными люками и стабилизаторами. Другой же своей частью он был точь-в-точь маленькое итальянское бистро, только поставленное вверх тормашками.

Форд и Артур воззрились на него с крайним удивлением и острым чувством обиды за хороший вкус.

— Знаю, — вымолвил нагнавший их Слартибартфаст, задыхаясь и волнуясь, — но тому есть причины. Залезайте, нам пора. Древнее Зло встало из могилы. Над всеми нами простерты крыла смерти. Вылетаем без промедления.

— Надеюсь, куда-нибудь, где солнышко светит, — проговорил Форд.

Наши герои взошли вслед за Слартибартфастом на борт и были столь ошарашены увиденным внутри, что совершенно не заметили нового странного происшествия снаружи.

Звездолет (да-да, еще один, просто звездолетопад какой-то), только на сей раз изящный и серебряный, спустился с небес на площадку — тихо, как-то даже интеллигентно, совершая опорами балетные па во славу технического прогресса.

Он мягко приземлился. Выдвинул невысокий

трап. По трапу решительной походкой сошла высокая серо-зеленая фигура и приблизилась к маленькой кучке людей, которые окружали жертв недавней абсурдной бойни. Сдержанно, но властно отстраняя людей со своего пути, фигура пробралась к мужчине, который лежал при последнем издыхании в жуткой луже крови. Безусловно, вся земная медицина была уже не в силах его спасти. Фигура тихо преклонила перед ним колени.

— Артур Филип Деодат? — спросила она.

Мужчина, с ужасом и смятением в глазах, слабо кивнул.

— Ты никчемный кретин, — сообщило существо. — Намой взгляд, тебе следовало это узнать перед уходом в мир иной.

Глава 5
Немаловажные факты из истории Галактики.

Факт номер два.

(Заимствовано из многотомника «Сидерическое собрание цитат на каждый день». Том «Популярная история Галактики»)

С самого появления этой Галактики великие цивилизации возникали и рассыпались в прах, возникали и рассыпались в прах, то возникали, то рассыпались в прах столь часто, что так и тянет заявить, будто жизнь в Галактике:

а) давно уже мучается головокружениями от всей этой ряби в глазах (времякружениями, историякружениями и т. д.) и б) просто глупа.

Глава 6

Артуру почудилось, будто весь небосвод, галантно посторонившись, уступил им дорогу.

Ему почудилось, будто атомы его мозга и атомы космоса струятся друг сквозь друга.

Ему почудилось, что его уносит ветер Вселенной, причем этот ветер — он сам.

Ему почудилось, будто он — одна из мыслей Вселенной, а Вселенная — одна из его мыслей.

Людям на крикетной площадке «Лордз» почудилось, что еще один ресторан возник и вылетел в трубу, как оно часто бывает с ресторанами в Северном Лондоне, и что это «Не Наша Проблема».

— Что случилось? — спросил Артур с глубоким благоговением.

— Мы взлетели, — пояснил Слартибартфаст.

Артур неподвижно лежал на диване — амортизаторе ускорения и никак не мог рассудить, что именно только что пережил — то ли воздействие «взлетного эффекта», то ли мистическое озарение.

— Хороша лошадка, — заметил Форд, безуспешно пытаясь скрыть свое восхищение маневром корабля, — жаль, с дизайном ей не повезло.

Старец ответил не сразу. Он созерцал приборы с видом человека, который пытается перевести градусы Фаренгейта в градусы Цельсия, пока его дом горит. Но тут же просияв, перевел взгляд на широкий экран панорамного обзора, где струились, головокружительно сплетаясь и расплетаясь вокруг корабля, серебряные нити. То были звезды.

Слартибартфаст шевелил губами, точно размышляя над орфографией какого-то слова. Внезапно его взгляд тревожно метнулся к приборам, но лицо оставалось всего лишь буднично-хмурым. Он опять воззрился на экран. Сам себе сосчитал пульс. Еще мрачнее сдвинул брови — и наконец успокоился.

— Нет смысла ломать голову над действиями машин, — заявил он, — только зря нервничаешь. Ты что-то сказал?

— Дизайн, — повторил Форд. — Выражаю свое соболезнование насчет него.

— В глубинах фундаментального сердца духа и Вселенной, — сказал Слартибартфаст, — кроется причина тому.

Форд саркастически огляделся по сторонам. По-видимому, он полагал, что мнение Слартибартфаста слишком оптимистично.

Интерьер тесной, сумрачной рубки был выдержан в темно-зеленых, темно-красных и темно-коричневых тонах. Как ни странно, и тут моделью послужило маленькое итальянское бистро. Маленькие круги света выхватывали из мглы горшки с цветами, блестящие изразцы и разнообразные непонятные медные причиндалы.

Оплетенные соломой бутылки поджидали неосторожных путников в засаде.

Приборы, столь занимавшие внимание Слартибартфаста, были вмонтированы в донца бутылок, которые, в свою очередь, были заделаны в бетонную стену.

Форд протянул руку и потрогал приборную доску.

Фальшивка. Пластмасса под бетон. Поддельные бутылки в поддельном бетоне.

«Фундаментальное сердце духа и Вселенной может отдыхать, — подумал он, — это все туфта». С другой стороны, нельзя было отрицать, что по сравнению с этим проворным кораблем «Золотое сердце» казалось детской коляской.

Он вскочил с дивана. Отряхнулся. Глянул на Артура — тот тихо напевал себе под нос. Глянул на экран — и не узнал ни единого созвездия. Глянул

на Слартибартфаста.

— Какое расстояние мы сейчас преодолели? — спросил Форд.

— Примерно… — задумался Слартибартфаст, — примерно две трети диаметра галактического диска. Грубо говоря, конечно. Да, сказал бы я, около двух третей.

— Странное это дело, — тихо проговорил Артур, — чем быстрее и дальше путешествуешь по Галактике, тем менее важным кажется твое местоположение в ней, и тебя охватывает глубокое, точнее, опустелое чувство… этого самого…

— Да, очень странно, — согласился Форд. — А куда мы держим путь?

— Мы держим путь, — объявил Слартибартфаст, — на битву с Древним Злом Вселенной.

— А где ты собираешься нас высадить?

— Мне понадобится ваша помощь.

— Круто. Послушай, ты можешь подбросить нас до одного веселенького местечка, сейчас вспомню название, там можно чудесно надраться под какую-нибудь жутенькую музычку.

Погоди, сейчас уточню. — Он вытащил «Путеводитель» и просмотрел по диагонали страницы указателя, специально посвященные вопросам секса, наркотиков и рок-н-ролла.

— Из мглы времен восстало великое проклятие, — сказал Слартибартфаст.

— Да, бывает, — заметил Форд. — А-а, — воскликнул он, сосредоточившись на первом попавшемся имени. — Эксцентрика Гамбитус, ты ее когда-нибудь видел? Троегрудая путана с Эротикона-6. Поговаривают, что у нее эрогенные зоны начинаются милях в четырех от тела как такового. По-моему, врут. Я считаю, что в пяти.

— Сие проклятие, — не унимался Слартибартфаст, — пройдет по Галактике с огнем и мечом. И может статься, приведет к безвременной гибели всю Вселенную. Я не шучу.

— Хорошенькая перспектива, — заметил Форд. — Надеюсь, когда до этого дойдет, я буду в стельку пьян. Во-от, — добавил он, тыча пальцем в экран «Путеводителя», — вот воистину жуткое местечко. Туда-то мы и отправимся. Что скажешь, Артур? Очнись, перестань бурчать свои мантры. Дело есть.

Артур привстал с дивана и помотал головой:

— Куда мы летим?

— На битву с Древним…

— Замнем, — вмешался Форд. — Артур, мы бороздим Галактику в поисках развлечений. Тебе это по силам?

— Что это Слартибартфаст так волнуется? — спросил Артур.

— Да так, ничего особенного, — сказал Форд.

— Грядет катастрофа, — заявил Слартибартфаст. — Пойдемте, — добавил он с неожиданной властностью, — я должен вам многое показать и поведать.

Он прошел к зеленой винтовой лестнице из кованого железа, непонятно зачем помещенной в середине рубки, и начал всходить по ней. Артур хмуро поплелся за ним.

Форд, надувшись, засунул «Путеводитель» назад в сумку.

— У меня врачи нашли недоразвитость гланды общественного долга и врожденный порок морального ядра личности, — пробормотал он под нос, — ну разве мне можно доверить спасение Вселенной, сами посудите?

И тем не менее поднялся по лестнице вслед за сотоварищами.

Наверху их глазам предстала совершенно бредовая картина. Во всяком случае, такой она казалась на первый взгляд. Замотав головой, Форд закрыл лицо руками и нечаянно отфутболил к стене подвернувшийся под ногу цветочный горшок.

— Основной вычислительный центр, — невозмутимо пояснил Слартибартфаст. — Здесь производятся все вычисления, обеспечивающие жизнедеятельность корабля. Да, я в курсе, на что он похож, но в реальности это сложный четырехмерный топографический график целого ряда весьма замысловатых математических функций.

— Похоже на балаган, — сказал Артур.

— Я сам знаю, на что это похоже, — отрезал Слартибартфаст и вошел в пресловутое помещение.

Тут Артура посетила некая неясная догадка относительно смысла представшего перед ним зрелища, но он поспешил ее отбросить. «Может ли быть, что это и есть истинное устройство Вселенной? — вопросил он себя. — Нет, чушь какая-то… Это было бы абсурднее, еще абсурднее…» И замялся. Большую часть всех абсурдных вещей, какие приходили ему в голову, он уже повидал наяву.

А эта была не хуже прочих.

Большой стеклянный ящик, этакий аквариум — точнее, целая комната.

В ней стоял стол. Длинный стол. Вокруг него — около дюжины стульев. Венских. Стол был покрыт скатертью — неказистой скатертью в

красную и белую клетку, на которой кое-где зияли прожженные дыры — положение всякой из них, по-видимому, имело глубокий математический смысл.

А на скатерти пребывало с полдюжины тарелок с недоеденными итальянскими кушаньями. Им составляли компанию недоеденные ломти хлеба и недопитые бокалы вина. Всеми этими причиндалами вяло манипулировали роботы.

Все это было искусственным. Робот-официант, робот-буфетчик и робот-метрдотель обслуживали роботов-клиентов. Искусственная мебель, искусственная скатерть. И каждая частичка еды была, по-видимому, наделена всеми механическими свойствами, например, «цыпленка-алла-романа», на деле им не будучи.

И все двигалось, приплясывало, трепыхалось. Этакий замысловатый балет меню, счетов, бумажников, чековых книжек, кредитных карточек, часов, карандашей и бумажных салфеток. Последние все время так и рвались в полет, но почему-то все же оставались на месте.

Слартибартфаст быстрым шагом вошел в «аквариум» и, судя по всему, затеял какой-то пустой разговор с метрдотелем, а один из роботов-клиентов, авторазмякающая модель, меж тем тихо

сполз под стол, не переставая рассказывать, что именно собирается сделать с неким типом из-за некой девушки.

Слартибартфаст занял освободившееся благодаря этому происшествию место и окинул суровым взглядом меню.

Темп застольных манипуляций неуловимо ускорился. Вспыхнули споры, посетители кинулись рисовать на салфетках иллюстрации своей правоты. Они дико жестикулировали и пытались сравнивать свои порции курятины с чужими. Рука официанта заскользила по листкам блокнота с недостижимым для человека проворством, а затем еще быстрее, так что в глазах зарябило. Темп все возрастал. Вскоре всех собравшихся обуяла необыкновенная, настоятельная вежливость. Не прошло и нескольких секунд, как внезапно было достигнуто согласие. Новая вибрация сотрясла корабль.

Слартибартфаст покинул стеклянную комнату.

— Бистроматика, — пояснил он. — Самая мощная из известных паранауке вычислительных сил. А теперь — в Зал информационных иллюзий.

Форд с Артуром поспешили за ним как околдованные.

Глава 7

Бистроматическая тяга — это чудесный новый способ преодоления необъятных космических расстояний без необходимости затевать опасный флирт со всякими там факторами невероятности.

Бистроматика как таковая являет собой революционно-новый подход к интерпретации поведения чисел. Подобно открытию Эйнштейна, что время не есть абсолют, но зависит от движения наблюдателя в пространстве, а пространство не есть абсолют, ибо зависит от движения наблюдателя во времени, ныне установлено, что числа не абсолютны, но зависят от движения наблюдателя в ресторанах.

Первое не-абсолютное число — это число людей, на которое заказан столик. Оно меняется в период первых трех телефонных звонков в ресторан, а потом, как выясняется, и отдаленно не совпадает с истинным числом явившихся на ужин, а также с количеством людей, которые присоединяются к ним после спектакля/концерта/матча/вечеринки, и с количеством людей, которые спешат ретироваться при виде ново-

прибывших.

Второе не-абсолютное число — это оговоренный час сбора приглашенных, который, как ныне известно, представляет собой одно из сложнейших математических понятий — реситуасексулузон, число, о котором с уверенностью можно сказать лишь одно — оно равно чему угодно, только не самому себе. Другими словами, оговоренный час сбора — это один-единственный момент времени, в который абсолютно невозможно появление любого из членов компании. В настоящее время реситуасексулузоны играют ключевую роль во многих отраслях математики, в том числе в статистике и бухгалтерии, а также являются элементами основных уравнений, управляющих генерацией ННП-поля.

Третий и самый загадочный образчик не-абсолютности кроется в соотношении между количеством включенных в счет блюд, стоимостью каждого блюда, числом людей за столом и суммой, которую каждый из них готов заплатить (количество людей, которые действительно прихватили с собой деньги — лишь субфеномен вышеуказанного поля).

Досадные раздоры, обычно начинающиеся на этом этапе, испокон веку оставались вне по-

ля зрения науки просто потому, что никто не воспринимал их всерьез. Эти проблемы обычно относили на счет таких абстракций, как вежливость, грубость, скупость, задиристость, усталость, эмоциональность или поздний час. Причем наутро участники напрочь забывали о произошедшем. Разумеется, никто и не подвергал эти проблемы лабораторному анализу, поскольку в лабораториях такого не случалось — во всяком случае, в приличных, которым можно верить.

Только пришествие карманных компьютеров пролило свет на умопомрачительную истину. Вот она:

Числа, записываемые в счета на территории ресторанов, не подчиняются математическим законам, которые управляют числами, записываемыми на любых других листках бумаги в любых других уголках Вселенной.

Этот простой факт вызвал бурю в научном мире. Произошла настоящая революция. Хорошие рестораны стали ареной стольких математических конференций, что многие из лучших умов своего времени скончались от тучности и сердечных болезней, что отбросило теоретическую математику на много лет назад.

Однако постепенно люди начали осознавать

смысл этого тезиса. Вначале он казался слишком голым, слишком безумным, слишком похожим на те, о которых человек с улицы сказал бы: «Ну как же, я и сам до этого давно уже додумался». Затем были изобретены словоформы типа «Интерактивно-субъективное моделирование», и все смогли вздохнуть спокойно и заняться делом.

Маленькие группки монахов, которые взяли за обычай болтаться около крупных научных институтов и петь странные псалмы во имя идеи, что Вселенная — лишь крупица ее собственного воображения, куда-то сгинули после того, как получили от правительства дотацию на организацию уличных представлений.

Глава 8

— При передвижении по космосу, знаете ли… — проговорил Слартибартфаст, возясь с оборудованием Зала информационных иллюзий, — … при передвижении по космосу… — Не договорив, он принялся озираться по сторонам.

После фантасмагорического балагана «основного вычислительного центра» Зал информационных иллюзий был настоящим отдохновением для глаз. В нем не было ничего. Ни информации, ни иллюзий — только они трое, белые стены да несколько мелких устройств, которые, по-видимому, следовало подключить к некой розетке. Ее-то и пытался найти Слартибартфаст.

— Ну и? — тревожно вопросил Артур. Он заразился у Слартибартфаста беспокойством, хоть и не понимал его причин.

— Что «ну и»? — поинтересовался старец.

— Вы начали говорить…

Слартибартфаст пронзительно взглянул на него и заявил:

— Числа — настоящий бич божий.

После чего возобновил розыски.

Артур мудро кивнул сам себе. Однако через

некоторое время до него дошло, что он недалеко продвинулся и все же следует спросить: «Это в каком плане?»

— При передвижении по космосу, — повторил Слартибартфаст, — числа — настоящий бич божий.

Артур опять кивнул и умоляюще покосился на Форда, но тот репетировал мину униженного и оскорбленного — не без успеха.

— Я только, — продолжил Слартибартфаст со вздохом, — я только хотел упредить ваш вопрос и заранее пояснить, почему на моем корабле все вычисления производятся в блокноте официанта.

Артур наморщил лоб:

— А почему на вашем корабле все вычисления… — И прикусил язык.

Слартибартфаст сказал:

— Потому что при передвижении по космосу числа — настоящий бич божий. — Чувствуя, что собеседники все еще недоумевают, он снизошел до разъяснений: — Слушайте. У официанта в блокноте числа пляшут. Вы наверняка сталкивались с этим феноменом в жизни.

— Ну…

— У официанта в блокноте реальное и ирре-

альное вступают в противоборство на столь глубинном уровне, что одно переходит в другое и наоборот, благодаря чему возможно практически все при соблюдении определенных принципов.

— А что это за принципы?

— Сформулировать их невозможно, — сказал Слартибартфаст. — Собственно, невозможность их формулирования и есть один из самих этих принципов. Странно, но факт. По крайней мере мне это кажется странным, — добавил он, — а то, что это факт, я знаю по опыту.

Тут он обнаружил в стене искомое отверстие и с хрустом воткнул в него вилку прибора.

— Не пугайтесь, — сказал он и немедленно испуганно воззрился на прибор, — это…

Конца его фразы Форд с Артуром не услышали, ибо в этот момент корабль, в котором они находились, просто испарился. Из тьмы прямо на них вылетел, изрытая лазерный огонь, боевой звездокрейсер размером с небольшой промышленный город.

Слепящий свет, подобно цунами, захлестнул мрак и откатился, унося с собой большой кусок планеты, что висела прямо под их ногами.

Форд с Артуром так и обмерли, подавившись собственным воплем.

Глава 9

Другая планета, другой рассвет совсем другого дня.

Неслышно появилась узенькая серебряная каемка ранней зари.

Несколько биллионов триллионов тонн сверхразогретых, лопающихся ядер водорода медленно вознеслись над горизонтом, прикинувшись при этом маленькими, холодными и чуточку сырыми.

В каждом рассвете есть миг, когда свет не льется вниз, а парит, миг, когда возможно чудо. У всего мира перехватывает дыхание.

Этот миг пришел и миновал без происшествий, как и бывало обычно на Зете Прутивнобендзы.

Над болотами расстилался туман, обесцвечивая деревья, обращая высокие заросли осоки в сплошные стены. Туман висел неподвижно, точно то самое перехваченное на полдороге дыхание.

Ничто не шевелилось.

Царила тишина.

Солнце нехотя попыталось одолеть туман, пробуя то тут добавить немножко тепла, то вон туда запустить несколько лучиков, но, судя по

всему, сегодня его ожидала очередная тягомотная прогулка от горизонта до горизонта.

По-прежнему ничто не шевелилось.

И тишина без конца.

На Зете Прутивнобендзы целые дни подобной бездвижности случались очень часто, и этот обещал ничем не отличаться от прочих.

Спустя четырнадцать часов солнце хмуро опустилось за противоположный горизонт с чувством зазря потраченного труда.

А спустя еще несколько часов вылезло вновь, расправило плечи и опять принялось карабкаться вверх по небу.

Однако на сей раз внизу что-то происходило. Какой-то матрасс только что повстречался с каким-то роботом.

— Здравствуйте, робот, — поздоровался матрасс.

— Фгм, — произнес робот и вернулся к своему занятию, а именно очень медленному хождению по очень маленькому кругу.

— Вам весело? — спросил матрасс.

Робот, остановившись, уставился на матрасса. С большим ехидством. Однако матрасс попался какой-то уж очень глупый и лишь воззрился на него в ответ круглыми глазами.

Досчитав про себя до десяти значительных десятеричных концептов (то есть отмерив паузу, призванную выразить общее презрение ко всем матрассам и самой идее матрассности), робот вновь принялся описывать миниатюрные круги.

— Мы могли бы побеседовать, — сказал матрасс, — хотите?

Матрасс был крупный, по-видимому, один из лучших в своем роде. В наше время мало что производится на фабриках, поскольку в бесконечно огромной Вселенной — например в нашей — большинство вещей и предметов, какие только может вообразить человек (а также масса абсолютно невообразимых), где-нибудь да произрастает само.

Недавно был открыт лес, где почти все деревья в качестве плодов дают отвертки с храповиком. Жизненный цикл отвертки с храповиком весьма занятен. После сбора ее следует положить в темный пыльный ящик и не трогать много лет. Затем однажды ночью она внезапно созревает, отбрасывает внешнюю оболочку, которая рассыпается в прах, и выходит на свет божий в обличье крайне загадочного маленького металлического предмета с фланцами с обоих концов, чем-то вроде дырки под винт и чем-то вроде гребешка.

Когда ее находят, то выкидывают на помойку. Никто не знает, что за радость находит отвертка в подобной жизни. Вероятно, природа — в своей безмерной мудрости — работает над этим.

Также никому не известно, что за радость находят в своем образе жизни матрассы. Это крупные, благодушные, чехольно-пружинные существа, живущие тихой, уединенной жизнью в болотах Зеты Прутивнобендзы. Многие из них попадаются в силки охотников, после чего их убивают, высушивают, экспортируют и кладут на кровати, чтобы люди на них спали. Ни одного матрасса это, по-видимому, не удручает. Всех их зовут одинаково — Зем.

— Нет, — заявил Марвин.

— Я — Зем, — представился матрасс. — Мы могли бы перекинуться словечком о погоде.

Марвин отвлекся от своего утомительного кругового обхода.

— Роса, — заметил он, — выпала сегодня на растительность с редкостно отвратительным хлюпающим звуком.

И вновь зашагал. По-видимому, это словесное излияние вдохновило его на новый взлет к высотам уныния и отчаяния. Он упорно работал суставами. Будь у него зубы, он скрипел бы ими.

Но зубы ему не требовались. Все было ясно из самой его походки.

Матрасс флёпал вокруг него. Глагол «флёпать» обозначает действие, посильное лишь живым матрассам на болоте, чем и объясняется малораспространенность этого слова. Он флёпал сочувственно, активно колыша при этом воду. Гладь болота украсилась очаровательными пузырьками. Робкий солнечный луч, случайно пробившийся сквозь туман, высветил синие и белые полоски на шкуре матрасса, чем немало его напугал.

Марвин шагал.

— Видимо, вы поглощены размышлениями, — плучительно сказал матрасс.

— Глубже, чем вы можете вообразить, — процедил Марвин. — Мощность моей мыслительной деятельности на всех ее уровнях и во всех ее аспектах столь же безгранична, как бескрайние просторы самой Вселенной. И только мощность моего блока счастья подкачала.

Хлюп, хлюп — шагал он по болоту.

— Мощность моего блока счастья, — пояснил он, — можно уместить в спичечный коробок. Не вынимая спичек.

Матрасс момнухнул. Это звук, который издают

живые матрассы в своей естественной среде обитания, приняв близко к сердцу чью-то повесть о жизненной драме. Другое значение этого слова (согласно «Ультраполному максимегалонскому словарю всех возможных языков и наречий») — это звук, который вырвался у Его Светлости лорда Соньвальтяпа Пустецийского, когда до него дошло, что он второй год подряд позабыл о дне рождения своей жены. Поскольку в истории был лишь один Его Светлость лорд Соньвальтяп Пустецийский, да и тот умер холостяком, слово употребляется лишь в отрицательном или в гипотетическом смысле. Ширится мнение, что «Максимегалонский словарь» не заслуживает целого полка грузовиков, который используется для транспортировки его микрофильмированной версии. Как ни странно, за пределами словаря осталось слово «плучительно», означающее просто-напросто «с плучительностью».

Матрасс момнухнул еще раз.

— Осмелюсь заметить, что ваши диоды полны глубокой печали, — влючал он (чтобы узнать значение слова «влючать», купите либо трактат «Речь жителей болот Прутивнобендзы» — имеется на любом складе уцененных книг, либо «Максимегалонский словарь», чем страшно пора-

дуете университет, вынужденный отводить под его хранение свою драгоценную автостоянку), — и это меня очень огорчает. Попытайтесь взять пример с нас, матрассов. Мы живем тихой, уединенной жизнью на болоте, радостно флёпаем и влючим, а на сырость смотрим плучительными глазами. Некоторые из нас гибнут от рук охотников, но, поскольку всех нас зовут Земами, утраты проходят незамеченными, и момнуханье, таким образом, остается минимальным. Почему вы ходите кругами?

— Потому что у меня нога завязла, — сказал Марвин без обиняков.

— На мой взгляд, — сказал матрасс, сочувственно рассматривая вышеуказанную конечность, — это не такая уж замечательная нога.

— Вы правы, — сказал Марвин.

— Ву-ун, — заметил матрасс.

— Что я и ожидал услышать, — продолжил Марвин, — а также я ожидаю узнать, что идея робота с искусственной ногой вас немало забавляет. Можете рассказать это вместо анекдота своим друзьям Зему и Зему при первой же встрече — они животики надорвут, если я их знаю. (Естественно, я не знаю их лично, но я знаю природу всех органических живых существ, и гораздо

более досконально, чем хотел бы.) Ха! О, жизнь моя — жестянка, жестянка на червячном ходу!

И снова побрел вокруг своей тонкой стальной ноги-протеза, которая вращалась в грязи, но никак не поддавалась.

— Но зачем вы все ходите и ходите кругами? — спросил матрасс.

— Выражаю свою позицию, — процедил Марвин, не переставая описывать круг за кругом.

— Считайте, что вы ее уже выразили, мой дорогой друг, — флюрбнул матрасс, — считайте, что вы ее уже выразили.

— Еще миллион лет, — заявил Марвин, — еще миллиончик. Тогда я попробую ходить задом наперед. Из чистой любви к переменам, сами понимаете.

Всеми фибрами своего пружинного сознания матрасс чувствовал, что робот горячо мечтает, чтобы его спросили, давно ли он совершает это бесплодное и бессмысленное топтание. Что матрасс и сделал, испустив еще одно легкое флюпчание.

— О, сущие пустяки. Примерно одну целую и пять десятых миллиона единиц времени. Около того, — сказал Марвин надменно. — Ну же, спросите, не бывает ли мне скучно.

Матрасс спросил.

Марвин не удостоил его ответа и лишь с усиленной демонстративностью заработал суставами.

— Однажды мне довелось произнести речь, — сказал он внезапно, как бы безо всякой связи с предыдущим. — Возможно, до вас не сразу дойдет, что именно навело меня на это воспоминание, — таков уж мой мозг. Скорость его функционирования феноменальна. Если грубо округлить параметры, я в тридцать биллионов раз интеллектуальнее вас. Для примера — задумайте число, любое число.

— Э-э, пять, — сказал матрасс.

— Неверно, — пробурчал Марвин. — Вот видите?

Это произвело на матрасса весьма сильное впечатление. Он осознал, что удостоился знакомства с носителем незаурядного ума. Матрасс зауйломикал с головы до пят, отчего гладь мелкой, заросшей ряской протоки подернулась восторженной рябью.

А потом даже гумкнул от избытка чувств.

— Расскажите о речи, которую вам однажды довелось произнести, — взмолился он. — Жду с нетерпением!

— Она была принята очень плохо, — сказал

Марвин, — по многим причинам. Я выступил с ней, — тут он выдержал паузу, чтобы сделать неуклюжий жест своей здоровой рукой (относительно здоровой по сравнению с другой, наглухо приваренной к его корпусу слева), — во-он там, примерно в миле отсюда.

Еле-еле — подчеркнуто еле-еле — удерживая на весу руку, он простер ее к участку болота за туманом и зарослями, удивительно похожему на все другие участки болота.

— Вон там, — повторил он. — Тогда я был в некотором смысле знаменитостью.

Матрасс пришел в возбуждение. Он никогда не слышал, чтобы на Зете Прутивнобендзы выступали с речами, а тем более знаменитости. С его шкурки, заплимтавшей от умиления, во все стороны полетели брызги воды.

Затем он совершил нечто, что матрассы обычно делать ленятся. Собрав все силы, он выпрямил свое длинное тело, встал на дыбы и несколько секунд простоял на цыпочках, вглядываясь в туман. Он увидел место, указанное Марвином, и не был разочарован, осознав, что оно в точности похоже на все остальные участки болота. Тут силы матрасса иссякли, и он флюмкнулся обратно в протоку, обрушив на Марвина струю мокрой

тины с водорослями и мхом.

— Мне довелось побыть знаменитостью, — скорбно завывал робот, — совсем недолго благодаря моему чудесному и весьма досадному спасению от удела, сравнимого разве что с такой удачей, как гибель в сердце пылающей звезды. По моему состоянию вы можете заключить, что я едва спасся. Меня выручил сборщик металлолома — можете себе это представить? Меня, мозг масштаба… ну да ладно.

Он сделал несколько яростных шагов.

— И он же снабдил меня этим протезом. Каков мерзавец? И продал меня в Психозоопарк. Я стал звездой экспозиции. Меня заставляли сидеть на ящике и рассказывать мою историю, а зрители уговаривали меня приободриться и мыслить позитивно. «Брось дуться, лапочка робот! — кричали они. — Ну-ка, улыбочку, усмешечку!» Я разъяснял, что для того, чтобы мое лицо исказила улыбка, нужно отнести его в мастерскую и часа два поработать над ним кувалдой. Эта фраза проходила на ура.

— Речь, — взмолился матрасс. — Жду с нетерпением вашего рассказа о речи на болоте.

— Над болотами был сооружен мост. Гипермост с кибернетическим интеллектом, во много сотен

миль длиной, по которому должны были перебираться через болото ионные багги и товарные составы.

— Мост? — не поверил своим ушам матрасс. — Здесь, на болоте?

— Мост, — подтвердил Марвин. — Здесь, на болоте. Он был призван воскресить экономику системы Прутивнобендзы, напрочь подорванную расходами на его строительство. Они попросили меня открыть мост. Бедные кретины.

Начал моросить дождь. Мелкие капли едва просачивались сквозь туман.

— Я стоял на центральной платформе. В обе стороны, на сотни миль передо мной и на сотни миль позади меня, тянулось полотно моста.

— И он сверкал? — воскликнул очарованный матрасс.

— Сверкал-сверкал.

— Он гордо возносился над водами?

— Да, он гордо возносился над водами.

— Серебряной нитью пронзал незримый туман и скрывался за горизонтом?

— Еще как, — процедил Марвин. — Вы хотите дослушать эту историю или что?

— Мне хотелось бы услышать вашу речь, — заявил матрасс.

— Вот что я сказал. Я сказал: «Я хотел бы сказать, что выступить на открытии этого моста для меня большая честь, радость и удача, но не могу — все мои цепи лжи вышли из строя. Я ненавижу и презираю вас всех. На сем разрешите объявить это злополучное киберсооружение открытым для бездумных издевательств всякого, кого понесет нелегкая ступить на него». И я подключился к цепи открытия моста.

Марвин помедлил, отдавшись воспоминаниям.

Матрасс клюшивал и фнукивал. А также флёпал, гумкал и уйломикивал. Это последнее он совершал с большой плучительностью.

— Ву-ун, — враднул он наконец. — И это было величественное зрелище?

— Довольно величественное. Весь мост, мост длинный, титаночугунный, на тысячу миль, моментально свернул свое сверкающее полотно и с плачем утопился в трясине, унося с собой всех до последнего прутивнобендзянина.

На миг воцарилась скорбная тишина, но тут же ее нарушил громкий ропот (будто сотня тысяч невидимых людей вымолвила: «Уф!»), и с небес, точно пушинки с одуванчика, посыпались белые роботы. Правда, роботы сыпались не абы как, а

четким военным строем. На миг болото буквально вскипело: роботы все разом накинулись на Марвина, оторвали его ногу-протез и вознеслись обратно на свой корабль, который вымолвил: «Фу!»

— Вот видите, с какими издевательствами мне приходится смиряться? — сказал Марвин момишкающему матрассу.

И вдруг роботы вернулись, снова начался кавардак, и на этот раз после их отлета матрасс остался на болоте один. Он зафлёпал туда-сюда, ошеломленный и взволнованный. Он чуть не взлел со страху. Он встал на дыбы, чтобы заглянуть за заросли, но смотреть было не на что. Ни робота, ни сверкающего моста, ни корабля — одни камыши да ряска. Он прислушался, но в свист ветра вплетались лишь привычные голоса полусумасшедших энтомологов, перекликающихся через мрачную трясину.

Глава 10

Тело Артура Дента завертелось.

Окружающая его Вселенная распалась на мириады блестящих осколков, и каждый осколочек тихо вращался в пустоте, отражая своей серебряной кожей все то же жуткое пиршество огня и смерти.

А потом тьма позади Вселенной взорвалась, и каждый лоскуток тьмы обернулся косматым дымом преисподней.

А потом и ничто, что находилось позади тьмы позади Вселенной, тоже раскололось вдребезги, а за этим ничто позади тьмы позади расколошмаченной Вселенной возникла черная фигура человека-исполина, который произносил исполинские слова.

— То были, — проговорила фигура, восседающая в исполинском мягком кресле, — криккитские войны, величайшая катастрофа в истории нашей Галактики. То, что вы испытали…

Слартибартфаст, проплывая мимо, помахал Артуру рукой.

— Это только документальный фильм, — вскричал он. — Не лучшее его место. Извините, бога

ради, никак не найду клавишу перемотки…

— … это удел биллионов биллионов невинных…

— Ни в коем случае, — прокричал Слартибартфаст, вновь проплывая мимо и яростно возясь с устройством, которое раньше воткнул в стену Зала информационных иллюзий; при ближайшем рассмотрении Артур сообразил, что оно по-прежнему торчало в стене, — не соглашайтесь ничего покупать.

— … людей, существ, ваших братьев по разуму…

Взметнулась музыка — музыка под стать зрелищу, исполинская. Колоссальные аккорды. А за спиной человека из исполинских клубов мглы стали постепенно вырисовываться три высоких столба.

— … это их жизненный, а чаще предсмертный опыт. Задумайтесь об этом, друзья мои. И давайте хранить память о том — через несколько минут я подскажу вам, как это сделать, — что до криккитских войн Галактика была чудо как хороша. То была счастливая Галактика!

Колоссальные аккорды ошалели от собственной весомости.

— Счастливая Галактика, друзья мои, а образ ее

— Трикетная Калитка!

Теперь три столба различались ясно. Три столба с двумя поперечинами. Эта композиция почему-то показалась Артуру до идиотизма знакомой.

— Три столба, — гремел мужчина. — Стальной Столб — символ Силы и Мощи Галактики!

Лучи света бешено заплясали на столбе слева, действительно изготовленном из стали или чего-то очень похожего. Музыка рвала и метала.

— Плексигласовый Столб — символ могущества Науки и Разума Галактики!

Новые лучи озарили правый, прозрачный столб, закутав его в замысловатое световое кружево. Артуру Денту остро захотелось мороженого.

— И, — продолжал громоподобный голос, — Деревянный Столб — символ, — здесь бас слегка осип от избытка умиления, — могущества Природы и Духовности!

Лучи переместились на центральный столб. Музыка бодро штурмовала небесное царство полной несказанности.

— И они поддерживают, — зашелся в истерике голос, — Золотую Перекладину Процветания и Серебряную Перекладину Мира!

Теперь все сооружение качалось в светящейся паутине, а музыка, к счастью, давно исчезла за

горизонтами восприятия. Над тремя столбиками сияли, слепя глаза, две перекладины. Похоже, на них восседали не то девушки, не то ангелы. Правда, ангелы так не одеваются, точнее, не раздеваются.

Внезапно воцарилась драматическая тишина. Свет померк.

— Нет ни одной планеты, — отчеканил высокопрофессиональный голос ведущего, — нет ни одной цивилизованной планеты в Галактике, где и в наши дни ни почитали бы этот символ. Даже у примитивных племен он таится в родовой памяти. Вот оно — то, что разрушили орды Криккита, то, что теперь держит их планету в заточении и будет держать до скончания вечности!

И вальяжным жестом мужчина извлек из воздуха модель Трикетной Калитки. О ее масштабах судить было трудно, но, по-видимому, она была около метра высотой.

— Разумеется, это не подлинный ключ. Он, как известно всем, был уничтожен, развеян по извечным водоворотам пространственно-временного континуума и исчез навеки. А в моих руках точная копия, изготовленная руками народных умельцев. Пользуясь секретами древних мастеров, они любовно смонтировали этот сувенир,

который украсит ваш дом — в напоминание о павших и в знак почтения к Галактике — нашей Галактике, — на алтарь которой они положили свои жизни…

Тут мимо вновь проплыл Слартибартфаст.

— Уф, нащупал, — сообщил он. — Сейчас промотаем всю эту чушь. Главное — не кивайте ему!

— А теперь преклоним наши головы в знак оплаты, — произнес голос, а потом пробормотал ту же фразу гораздо быстрее и задом наперед.

Огни зажглись и потухли, столбы исчезли, мужчина, пятясь, растворился в пустоте, а Вселенная проворно сложилась обратно в привычную картину.

— Уловили суть? — спросил Слартибартфаст.

— Я изумлен, — сказал Артур, — и потрясен.

— А я спал, — заявил вынырнувший откуда-то Форд. — Было что-то интересное?

И вновь они балансировали на краю ужасно высокого утеса. Ветер обдувал бухту, где останки одной из крупнейших и мощнейших космических флотилий в истории Галактики поспешно превращались из пепла в исходное состояние. Грязно-розовое небо померкло, посинело, вновь окуталось мраком. Клубы дыма струились с небосклона и влезали обратно в корабли.

Теперь события мелькали задом наперед с почти неподвластной глазу быстротой, и, когда вскорости огромный боевой звездокрейсер сбежал от них, точно они показали ему «козу», Форд с Артуром едва успели сообразить, что это и есть момент, когда они подключились к инфоиллюзии.

Но теперь все происходило слишком уж молниеносно — сплошное видеотактильное пятно, которое волокло их сквозь века галактической истории, крутясь, дергаясь, мерцая. Звук превратился в монотонный звон в ушах.

Периодически в головокружительном мельтешении событий они выделяли, скорее чутьем, чем зрением, ужасные катастрофы, кошмарные преступления, катаклизмы, и всегда они были связаны с определенными, вновь и вновь возникающими образами — единственными, которые ясно выступали из беспорядочной лавины исторических фактов: крикетная калитка, твердый красный мячик, беспощадные белые роботы, а также нечто смутное — что-то темное, закрытое облаками.

Также эта стремительная гонка по водопадам времени подарила им еще одно четкое ощущение.

Если последовательность размеренных щелчков, записанную на пленку, прокручивать с ускорением, одиночные щелчки постепенно сольются в постоянный, повышающийся тон. Аналогично последовательность отдельных впечатлений сливалась тут в единое чувство — хотя на чувство оно как-то не походило. Если это и было чувство, то абсолютно бесчувственное. То была ненависть, слепая ненависть. Она была холодна — и то был не ледяной хлад льда, но холод стены. Она была безлична — не как неизвестно чей злобный вопль в толпе, но как отпечатанный на принтере квиток за неправильную парковку. И она была смертельно опасна — и вновь не на манер ножа или пули, но наподобие кирпичной стены поперек шоссе.

И аналогично повышающемуся тону, который, забираясь все выше и выше, будет по дороге менять характер и обретать мелодичность, так и это бесчувственное чувство возвысилось до невыносимого, если и немого, вопля. Внезапно почудилось, что это вопль вины и отчаяния.

И так же внезапно оно стихло.

В вечерней тиши они стояли на вершине холма.

Солнце клонилось к закату.

Вокруг них расстилались нежно-зеленые поля и луга. Птицы выражали в песнях свое мнение обо всем этом — по-видимому, благоприятное. Невдалеке слышались голоса играющих детей, а чуть подальше в раннем сумраке виднелся небольшой городок.

Похоже, в основном он состоял из низеньких зданий, построенных из белого камня. На горизонте маячили симпатичные круглые холмы.

Солнце почти закатилось.

Словно ниоткуда, зазвучала музыка. Слартибартфаст дернул за ручку, и она умолкла.

Какой-то голос произнес: «Это...» Слартибартфаст дернул за ручку, и он умолк.

— Я сам вам поясню, — прошептал старец.

То был мирный край. Артур пришел в безмятежное настроение. Даже Форд, похоже, повеселел. Они немного прошли в сторону города, и инфоиллюзия травы приятно пружинила под ногами, а инфоиллюзии цветов безупречно благоухали. И только Слартибартфаст ежился, точно ему было не по себе.

Старец остановился и поднял глаза к небу.

Артуру пришло в голову, что раз они добрались до конца, точнее, до начала всех ужасов, которые смутно пережили, сейчас должна стрястись беда.

Ему не хотелось думать, что эту идиллическую страну постигнет несчастье. Он тоже задрал голову. В небе ничего не было.

— Что, неужели сейчас на это место нападут? — спросил он. Он сознавал, что находится внутри фильма, но все равно нервничал.

— Никто на это место не нападет, — сказал Слартибартфаст с неожиданным волнением в голосе. — Это исток всему. Это та самая планета и есть. Криккит.

Он уставился вверх.

Небосвод — от горизонта до горизонта, с востока до запада, с севера до юга — был абсолютно черен.

Глава 11

Топ-топ.

Шшшшрр.

— Рада быть полезной.

— Затвори пасть.

— Спасибо.

Топ-топ-топ-топ-топ.

Шшшшрр.

— Спасибо, что осчастливили простую скромную дверцу.

— Чтоб твои диоды сгнили и выпали.

— Спасибо. Вам того же.

Топ-топ-топ-топ.

Шшшшрр.

— Польщена честью раскрыться перед вами…

— Сгинь.

— … и премного довольна вновь затвориться с сознанием выполненного долга.

— Сгинь, тебе говорят, дурилка пластиковая.

— Спасибо за внимание.

Топ-топ-топ-топ.

— Уф!

Зафод остановился. Он уже много дней шлялся, не зная покоя, по «Золотому сердцу», но еще не

было случая, чтобы какая-нибудь дверь сказала: «Уф!» Да и сейчас он был почти уверен, что «Уф!» исходило не от двери. Не характерное для дверной речи выражение. Чересчур осмысленное и лаконичное. Кроме того, в звездолете просто не нашлось бы столько дверей — пресловутое «уф» прозвучало так, будто его произнесли сто тысяч человек разом. А ведь Зафод был на борту один.

Было темно. Зафод отключил большинство второстепенных систем и механизмов. Корабль лениво дрейфовал где-то в галактической глуши, окруженный чернильно-черной пучиной космоса. Откуда здесь взяться сотне тысяч людей и что они хотели сказать этим своим «Уф!»?

Зафод огляделся по сторонам — то есть взглянул в оба конца коридора. И там и сям царил глухой мрак. Только тускло-розовые каемки вокруг дверей, мерцавшие в такт их речам, — Зафоду так и не удалось придумать, как заткнуть им глотки.

Свет он выключил, чтобы его головы не видели друг дружку, поскольку обе выглядели довольно погано — с самого того момента, когда Зафод сдуру заглянул к себе в душу.

Идиот, идиот и еще раз кретин.

Дело было поздно ночью — что правда, то правда.

Денек выдался тяжелый — тоже правда.

Музыка, доносившаяся из бортовых динамиков, рвала душу — ничего тут не поделаешь.

И само собой разумеется, он был слегка пьян.

Другими словами, имелись в наличии все предпосылки для приступа самокопания, но, как показала жизнь, поддаваться ему никак не следовало.

И теперь, стоя в молчании и одиночестве посреди темного коридора, он содрогнулся при воспоминании о содеянном. Левая голова посмотрела влево, а правая — вправо, и обе решили, что следует отправиться куда глаза глядят.

Он напряг слух, но больше ничего не слышалось.

Одно-единственное «Уф!», и все тут.

Зачем это понадобилось притаскивать сюда сто тысяч человек ради такой ерунды?

Он нервно двинулся в сторону рубки. По крайней мере там он будет чувствовать себя во всеоружии. И тут же остановился. В таком настроении к оружию лучше не прикасаться.

Он вновь задумался о происшедшем. Первым потрясением для него было открытие, что у него имеется душа как таковая.

Правда, он всегда подозревал о ее существо-

вании, поскольку обладал полным комплектом стандартных органов (и даже двойным — кое-каких), но, внезапно обнаружив в глубине своего существа эту затаившуюся зверюшку, был крайне шокирован.

А потом был еще более крайне шокирован тем, что она оказалась, мягко говоря, не столь мила и очаровательна, сколь полагалось бы такому человеку, как он. Он почувствовал себя ограбленным.

После чего задумался, а настолько ли хорош, как ему кажется, — и, испытав новое потрясение, едва не уронил стакан (полный). И поторопился опустошить его, пока не случилось чего похуже. Затем поспешил влить в себя еще один — пусть догонит первый и составит ему компанию.

— Свобода, — произнес он вслух.

Тут в рубку вошла Триллиан и произнесла несколько комплиментов свободе.

— Не могу я с ней сжиться, — мрачно вымолвил он и выслал в свой желудок третий стакан: пусть найдет второй и выяснит, почему тот еще не доложил о здоровье первого. После чего подозрительно обозрел двух Триллиан и пришел к выводу, что та, что справа, ему больше по вкусу.

Зафод влил еще стакан в свою другую глотку. Стратегия заключалась в том, чтобы он пере-

хватил предыдущий у скрещения дорог, и пусть соединенными силами поднимут дух второго. Затем пусть отправляются все втроем на поиски первого, поговорят с ним по-людски, споют ему колыбельную, что ли.

Не будучи уверен в понятливости четвертого стакана, он послал за ним пятый с дополнительными пояснениями и шестой чисто ради моральной поддержки.

— Ты слишком много пьешь, — сказала Триллиан.

Пытаясь совместить четырех Триллиан в единый образ, его головы столкнулись лбами. Он плюнул на это занятие и, переведя взгляд на навигационный экран, ахнул при виде беспрецедентного полчища звезд.

— Приклюса и чудесения, — пробормотал он.

— Послушай, — промолвила Триллиан сочувственным тоном и присела рядышком, — очень даже объяснимо, что некоторое время жизнь будет казаться тебе бесцельной.

Он только пялился на нее — ему еще не доводилось видеть девушку, способную сидеть на коленях у себя самой.

— Ни фига себе, — с этими словами он выпил еще стакан.

— Ты завершил то, к чему шел много лет.

— Я к этой фигне не шел. Я, наоборот, от нее бегал.

— И все же довел это дело до конца.

Зафод крякнул. В его желудке точно черти свадьбу справляли.

— По-моему, это оно меня довело до ручки. Финиш. Вот он я, Зафод Библброкс. Куда пожелаю, туда и полечу, что на ум взбредет, то и выкину. У меня самый классный корабль во всем известном небе, девушка, с которой у меня все чудесно…

— Да?

— Ну, насколько я понимаю. Я не спец по межличн… межличностным взаи-мо-от-но-ше-ни-ям, во…

Триллиан только подняла брови.

— Перед тобой мужчина в полном расцвете сил, который может сделать все, что ему захочется, вот только что-то не хочется мне ни фига, ну ни фигошеньки…

Он помолчал.

— Порвалась, — добавил он, — ни с того ни с сего порвалась цепь причин и следствий…

И наперекор сказанному, неуклюже сполз под стол после еще одного стакана.

Пока он отсыпался, Триллиан заглянула в

бортовой экземпляр «Путеводителя». Там есть кое-какие советы по поводу пьянства.

«Пейте смело, — рекомендует «Путеводитель», — и ни пуха вам ни пера».

Также там советовалось заглянуть в главу о необозримости Вселенной и методике примирения с этим фактом.

Затем Триллиан набрела на главку о Хэй-Виляй, экзотической планете-курорте, одном из чудес Галактики.

Планета Хэй-Виляй изобилует сказочно, непостижимо роскошными отелями и казино. Причем все они созданы трудами ветра и дождя — естественный процесс эрозии.

Вероятность подобного события равна примерно одному шансу из бесконечности. Его причины остаются тайной, так как ни одному из геофизиков, специалистов по статистике вероятностей, метеорологов-аналитиков и чудологов поездка на Хэй-Виляй не по карману.

«То, что надо», — решила Триллиан, и спустя несколько часов их огромный белый корабль в форме кроссовки уже вальяжно спускался с небес, украшенных жарко блестящим солнцем, к яркому космопорту-скале. Несомненно, «Золотое сердце» произвело здесь фурор, и Триллиан была

польщена. Она услышала, как Зафод топочет и насвистывает где-то в недрах корабля.

— Как ты там? — спросила она по внутренней связи.

— Порядок, — ответил он бодро, — ужас как хорошо.

— Ты где?

— В туалете.

— И что ты там делаешь?

— Сижу.

— А скоро выйдешь?

— Нет, тут останусь.

Часа через два стало очевидно, что Зафод тверд в своем решении, и корабль вновь поднялся в небо, даже не спустив трапа.

— Охохонюшки! — воскликнул компьютер Эдди.

Триллиан терпеливо кивнула, побарабанила пальцами по столу и нажала кнопку внутри-связи:

— Думаю, в веселье из-под палки ты сейчас не нуждаешься.

— Видимо, нет, — ответил Зафод неизвестно откуда.

— Думаю, активный спорт поможет тебе не замыкаться на собственных переживаниях.

— Твои идеи — мои идеи, — согласился Зафод.

«ДОСУГ В МИРЕ НЕСБЫТОЧНОГО» — вот какой заголовок привлек внимание Триллиан, когда некоторое время спустя она вновь уселась на диван с «Путеводителем». И меж тем как «Золотое сердце» неслось с невероятной скоростью в неопределенном направлении, Триллиан прихлебывала какое-то неудобоваримое творение нутримата и читала о том, как научиться летать.

Вот что написано в «Путеводителе» об искусстве полета:

Полет — это искусство, а точнее сказать, навык.

Весь фокус в том, чтобы научиться швыряться своим телом в земную поверхность и при этом промахиваться.

Попробуйте проделать это в погожий денек, рекомендует «Путеводитель».

Первый этап прост.

От вас требуется одно — решительно кинуться вниз, не боясь ожидающей вас физической боли.

То есть больно будет, если вам не удастся промахнуться мимо земли.

Большинству людей промахнуться не удается, и чем больше усилий они прилагают, тем крупнее вероятность столкновения с землей.

Безусловно, вся сложность во втором этапе — в промахивании.

Главное — промахнуться мимо земли случайно. Нет смысла специально стараться пролететь мимо, поскольку это просто невозможно. Нет, вся штука в том, что на полдороге к земле вы должны на что-то отвлечься, позабыв и о перспективе падения, и о земле, и о том, как вам будет больно, если не удастся промахнуться.

Весьма сложно отвлечь ваше внимание от этих трех вещей за неполную секунду, которой вы располагаете. И потому большинство людей после первых неудач разочаровываются в этом увлекательном, зрелищном спорте.

Однако же если в решающий момент вам посчастливится нежданно отвлечься на умопомрачительную пару ног (щупалец, ложноножек, в зависимости от вашей видовой принадлежности и/или личных вкусов), или на взрыв бомбы неподалеку, или на внезапное явление ужасно редкого жука на соседней былинке — тогда-то, к своему изумлению, вы увильнете от всякого столкновения с землей, точнее, останетесь болтаться в каких-то считанных дюймах над ее поверхностью. Со стороны это может выглядеть несколько глупо.

В этот миг необходимо полное, глубочайшее хладнокровие.

Болтайтесь над землей и парите, парите и болтайтесь.

Забудьте, сколько вы весите (забудьте, что вы вообще что-то весите), и просто позвольте ветру поднимать вас все выше.

Не слушайте окружающих — ничего полезного они не скажут.

Скорее всего до вас донесутся восклицания типа: «Боже праведный, ты что, летаешь? Быть такого не может!»

Жизненно важно не верить им — а то правда внезапно окажется на их стороне.

Воспаряйте все выше и выше.

Потренируйтесь делать пике, вначале простое, а потом, мерно дыша, ляжте в дрейф над верхушками деревьев.

НИКОМУ НЕ МАШИТЕ.

После нескольких удачных проб вы обнаружите, что отвлечься становится все проще и проще.

Затем вы освоите массу приемов по управлению своим телом в полете, регулировке скорости, выполнению маневров. Обычно фокус в том, чтобы не слишком сосредоточиваться на своих действиях, но просто пускать их на самотек,

точно нечто от вас не зависящее.

Также вы научитесь правильно приземляться — сразу предупредим, что первая попытка выйдет большущим комом.

Есть частные клубы летателей, где вам помогут достичь ключевого самозабвения. В их штате есть специальные работники с удивительными телами и воззрениями. Их задача — в решающий момент выскочить из кустов и продемонстрировать наглядно и/или выразить словесно свою особливость. Настоящим «стопщикам» эти клубы, как правило, не по карману, но можно рекомендовать их как возможное место для временной работы.

Триллиан была очарована прочитанным, но скрепя сердце решила, что Зафоду с его нынешним настроением лучше и не мечтать ни об уроках летания, ни о хождении пешком по горам, ни о борьбе с Брантивортигорнским Государственным Управлением за признание законным свидетельства о переезде — все эти занятия были перечислены под заголовком: «Досуг в мире несбыточного».

Взамен она направила корабль на Аллосиманиус-Синеку, планету льдов, снега, умопомрачительных красот природы и ужасных морозов.

Подъем по горным тропам со снежных равнин Лиски до вершины Хрустальных Пирамид Састантуа долог и утомителен даже при наличии реактивных лыж и упряжки синекских снегодавов, но открывающаяся сверху панорама: Ледники Безмолвия, мерцающие Призматические Горы и хоровод призрачных ледяных светляков вдалеке — вначале замораживает разум, а потом медленно возвышает его к еще невиданным высотам наслаждения прекрасным. Триллиан казалось, что это-то ей и требуется после всего пережитого.

Они легли на низкую орбиту.

Под ними расстилались серебристо-белые ризы Аллосиманиуса-Синеки.

Зафод не покидал кровати. Одну голову он засунул под подушку, а вторая до поздней ночи разгадывала кроссворды.

Триллиан вновь терпеливо кивнула, досчитала до… — в общем, число было немаленькое — и сказала себе, что на данном этапе самое важное — хотя бы разговорить Зафода.

Отключив всю кухонную автоматику, она приготовила самый роскошный ужин, какой был в ее силах, — аппетитно прожаренное мясо, ароматные фрукты, благоуханный сыр, коллекционные

альдебаранские вина.

Неся в руках поднос с ужином, она вошла к Зафоду и спросила, нет ли у него желания поговорить.

— Сгинь в вакуум, — сказал Зафод.

Триллиан терпеливо кивнула самой себе, досчитала до предыдущего числа в кубе, вяло швырнула поднос в стену, прошла в телепортационную кабину и просто ушла из его жизни.

Она даже не задала машине никаких координат — ей было все равно, куда бежать. Она просто ушла — превратилась в случайный набор точек, странствующий по Вселенной.

— Хуже нигде уже не будет, — сказала она себе, нажимая кнопку.

— Скатертью дорожка, — пробормотал Зафод, перевернулся на другой бок и всю ночь не смыкал глаз.

Весь следующий день он, не зная отдыха, мерил шагами корабельные коридоры, делая вид, что не ищет Триллиан, а просто прогуливается — хотя и знал, что ее больше нет на борту. Компьютер донимал его вопросами, что за чертовщина тут происходит, но Зафод заткнул его терминалы электронными кляпами.

Потом стал выключать освещение. Все равно

тут больше ничего не покажут. Больше ничего не произойдет.

Как-то ночью — а теперь на корабле ночь длилась постоянно — лежа в постели, он решил взять себя в руки, предпринять что-нибудь конструктивное. Он резко сел на кровати, начал натягивать одежду. Ему пришло в голову, что во Вселенной непременно найдется кто-то, кому жизнь кажется еще более беспросветной, тяжелой и треклятой, чем ему. Следовательно, надо отыскать этого собрата.

На полпути к рубке его осенило, что это вполне может оказаться Марвин, и он бегом вернулся обратно.

А несколько часов спустя вновь отправился в свой скорбный обход темных коридоров, срывая зло на любезных дверях. Тут-то он и услышал пресловутое «Уф!», что его страшно встревожило.

Нервно опираясь о стену коридора, он морщил лоб (то есть лбы), словно пытаясь откупорить бутылку методом телекинеза. Прижав к стене кончики пальцев, он ощутил странную вибрацию. Теперь слышался какой-то негромкий шум, и исходил он определенно из района рубки.

Проведя рукой по стене, он нащупал нечто ценное.

— Ау, компьютер! — прошептал он.

— Ммммм… — столь же тихо произнес компьютерный терминал рядом с ним.

— У нас на борту кто-то есть?

— Ммммм, — ответил компьютер.

— Кто же?

— Ммммммм ммммммм ммммммм, — сказал компьютер.

— Чего?

— Ммммммм мммммммм мммм мммммммм.

Зафод закрыл руками одно из своих лиц.

— О Зарквон, спаси и сохрани, — пробурчал он под нос.

И пошел по коридору в сторону рубки, откуда доносились все более громкие и деловитые звуки. К сожалению, именно терминалы рубки Зафод и заткнул кляпом.

— Компьютер, — вновь прошипел он.

— Ммммм?

— Когда я выну у тебя кляп…

— Ммммм.

— … напомни, чтобы я дал сам себе в зубы.

— Ммммм мммы?

— Все равно, какой головы. Скажи мне только одно. Одно мычание вместо «да», два вместо «нет». Оно опасно?

— Мммм.
— Опасно?
— Мммм.
— Ты, случайно, не сказал «мм» дважды?
— Мммм мммм.
— Хмммм.

Он приближался к рубке лилипутскими шажками с таким видом, будто предпочел бы улепетывать от нее великаньими. Так оно и было.

Он был уже в двух ярдах от двери рубки, когда до него внезапно дошло, что дверь обязательно поздоровается с ним. Зафод застыл как вкопанный. Ему так и не удалось отключить разговорные блоки дверей.

Так-то он надеялся войти незамеченным — из-за замысловатой формы рубки (в виде сердечка) дверь находилась в укромном уголке.

Обреченно прислонившись к стене, Зафод произнес несколько выразительных слов, немало шокировавших его другую голову.

Созерцая тускло-розовый контур двери, он осознал, что во мраке коридора еле-еле различаются границы сенсорно-тактичного поля, которое и предупреждало дверь о появлении кого-то, перед кем следует раскрыться с любезными словами.

Распластавшись по стене, он стал пробираться

к двери, только бы не нарушить рубежи поля (еле-еле заметные). Затаив дыхание, он возблагодарил судьбу, что последние несколько дней меланхолично провалялся на кровати, а не пытался сорвать зло, терзая эспандеры в спортзале и тем самым накачивая мускулы.

Тут он решил, что пора заговорить.

Сделав несколько опасливых вдохов, он прошептал:

— Дверь, если ты меня слышишь, ответь мне — только тихо-тихо-тихо.

Тихо-тихо-тихо дверь прошептала:

— Я вас слышу.

— Хорошо. Через минуту я попрошу тебя раскрыться. А когда раскроешься, я тебя прошу, не говори, что тебя это осчастливило, ладно?

— Ладно.

— И также я тебя прошу не говорить, что ты очень рада быть полезной или что ты польщена честью раскрыться передо мной и премного довольна вновь затвориться с сознанием выполненного долга, ладно?

— Ладно.

— И я не хочу, чтобы ты желала мне приятно провести день, поняла?

— Я поняла.

— Ладно, — сказал Зафод и напрягся, — а теперь раскройся.

Дверь тихо отъехала в сторону. Зафод тихо проскользнул в нее. Дверь тихо закрылась за ним.

— Я все правильно сделала, мистер Библброкс? — громко поинтересовалась дверь.

— Прошу вас, представьте себе, — сказал Зафод отряду белых роботов, которые обернулись на голос, — что у меня в руке крайне крупнокалиберный пистолет-бластер системы «Громовержец».

Воцарилась бесконечно холодная и зловещая тишина. Роботы пялились на Зафода душераздирающими покойницкими глазами. Они стояли неподвижно. Их внешность произвела неуловимо устрашающее впечатление даже на Зафода, который видел их впервые и даже ни разу о них не слыхал.

Криккитские войны относились к древней истории Галактики. А на уроках древней истории Зафод только и делал, что вычислял, как бы заняться сексом с девочкой из соседней киберкабинки. Поскольку личный обучающий компьютер Зафода играл активную роль в этом плане, Зафод в итоге стер из его памяти всю историю, освобождая место для более актуальной группы концепций. Вследствие чего школьная

администрация отправила компьютер в клинику для помешанных киберустройств, куда за ним последовала и девочка, имевшая глупость влюбиться в злосчастную машину. Ну а для Зафода это обернулось тем, что: а) он ни разу даже не подошел к девочке и б) пропустил целую эпоху в древней истории, знания о которой ему бы сейчас очень пригодились.

Зафод ошарашенно разглядывал роботов.

По какой-то непостижимой причине их элегантные обтекаемые тела казались совершенным олицетворением чистого, патологического зла. С головы, украшенной душераздирающе мертвыми глазами, до мощных неживых пят, они, несомненно, являлись порождением педантичного разума, знавшего только одну цель — убивать. Зафод похолодел.

Роботы успели частично разобрать дальнюю стену рубки и пробить ход через жизненно важные органы корабля. Несмотря на кучи обломков, Зафод с новым ужасом разглядел, что они движутся к самому ядру корабля, сердцу невероятностной тяги, загадочным образом сгущаемой из пустоты, — в общем, к самому «Золотому сердцу».

Робот, стоявший к Зафоду ближе всех, смотрел

на него с таким видом, будто снимал подробную мерку со всего его тела, души и способностей. Произнесенные роботом слова подтвердили это впечатление. Прежде чем мы поведаем, что именно сказал робот, следует отметить, что Зафод был первым живым органическим существом, кому довелось услышать голос этих тварей за последние десять биллионов лет. К сожалению, невежественный Зафод не был польщен этой честью, ибо, как мы уже упомянули, в детстве интересовался не древней историей, а собственным органическим телом.

Голос робота был под стать его корпусу — холодный, элегантный, безжизненный. В нем звучала даже какая-то интеллигентная хрипотца. В общем, голос был столь же древним, как и его владелец.

А сказал он следующее:

— Да, у вас в руке действительно пистолет-бластер системы «Громовержец».

Зафод испытал секундное недоумение, но, скосив глаза на свою руку, с облегчением узрел, что предмет, обнаруженный им на стене коридора, оправдал его надежды.

— Ага, — произнес он со вздохом облегчения (что вряд ли было разумно), — видите ли, робот, я

не хотел перенапрягать ваше воображение.

Некоторое время все молчали, из чего Зафод заключил, что роботы явились сюда не для разговоров и дело за ним.

— Не могу не отметить того факта, что вы припарковали свой корабль, — сказал он, указав одним из подбородков в соответствующую сторону, — прямо поперек моего.

Бесспорно, так оно и было. Не считаясь ни с какими законами пространства, роботы беспардонно материализовали свой корабль там, где им было надо, вследствие чего он сцепился с «Золотым сердцем» крест-накрест, как одна расческа с другой.

И вновь ответа не последовало. Зафоду пришло в голову, что для ускорения беседы предложения нужно сделать вопросительными.

— … верно я говорю? — добавил он.

— Да, — ответил робот.

— Гм… ну ладно, — проговорил Зафод. — Так что вы тут делаете, мужики?

Молчание.

— Роботы, — поправил себя Зафод, — что вы, роботы, тут делаете?

— Мы пришли, — прохрипел робот, — за Золотом Перекладины.

Зафод, кивнув, принялся поигрывать пистолетом, дабы добиться дальнейших пояснений. Робот, похоже, понял.

— Золотая Перекладина — это часть Ключа, который мы ищем, — продолжал робот, — чтобы освободить наших Повелителей с Криккита.

Зафод вновь кивнул, поигрывая пистолетом.

— Ключ, — спокойно продолжал робот, — был развеян на ветру пространств и времен. Золотая Перекладина заключена в механизме, который движет вашим кораблем. Она вновь станет частью Ключа. Наши Повелители выйдут на свободу. Вселенское Переустройство будет возобновлено.

Зафод вновь кивнул и поинтересовался:

— Чего-чего будет возобновлено?

По абсолютно бесстрастному лицу робота скользнула тень легкой досады. По-видимому, этот разговор действовал ему на эквивалент нервов.

— Ликвидация, — сказал он. — Мы ищем Ключ, — повторил он, — мы уже владеем Деревянным Столбом, Стальным Столбом и Плексигласовым Столбом. Через несколько минут мы завладеем Золотой Перекладиной…

— Нет, не завладеете.

— Завладеем, — заявил робот.

— Нет уж. Без нее мой корабль перестанет работать.

— Через несколько минут, — терпеливо повторил робот, — мы завладеем Золотой Перекладиной…

— Фигушки, — сказал Зафод.

— А затем мы отправимся, — на полном серьезе заявил робот, — на вечеринку.

— Да? — обалдело переспросил Зафод. — А мне можно с вами?

— Нет, — сказал робот. — Мы планируем вас застрелить.

— Правда, что ли? — вскричал Зафод, поигрывая пистолетом.

— Правда, — сказал робот.

Раздался залп.

Зафод так изумился, что роботам пришлось дать еще один залп, прежде чем он упал.

Глава 12

— Тс-с-с, — сказал Слартибартфаст. — Слушайте и наблюдайте.

Над древним Криккитом сгустилась ночь. Небо было пусто и черно. Сквозь мрак виднелись лишь огни ближнего городка. Ветерок приносил оттуда мирные бытовые звуки. Слартибартфаст, Форд и Артур остановились под ароматно пахнущим деревом. Присев на корточки, Артур ощутил под ладонями инфоиллюзии почвы и травы. Размял их между пальцами. Почва производила впечатление тяжелой и вязкой, трава была упруга. Что ни говори, а Криккит казался приятным во всех отношениях местечком.

Однако на взгляд Артура, абсолютно черный небосвод придавал всему идиллическому, несмотря на сумрак, пейзажу какой-то зловещий оттенок. И все же, рассудил Артур, это дело привычки.

Кто-то коснулся его плеча. Артур поднял глаза. Слартибартфаст молча указал ему на ту сторону холма. Артур увидел вереницу крохотных огоньков, что, качаясь и приплясывая, медленно двигались к ним.

Вскоре стали различимы и звуки, а затем стало понятно, что это маленькая кучка людей, и держат они путь домой, в город.

Они прошли очень близко от наблюдателей под деревом, размахивая фонарями, от чего по траве и листве скакали забавные «зайчики», радостно болтая между собой и самым натуральным образом распевая песню о том, как все чуд-чуд-чудесно на свете, как они счастливы, как здорово они потрудились на ферме и как приятно возвращаться домой, где ждут жены и дети. Затем следовал маленький припев насчет того, что в это время года цветы благоухают на редкость благостно и какая жалость, что бедная собака сдохла, так и не увидев своих любимых цветочков. Артуру невольно представилось, как Пол Маккартни, восседая с ногами в кресле у камина, мурлычет эту песенку Линде и соображает, что бы такое купить на доходы с нее — то ли Эссекс, то ли Ирландию.

— Повелители Криккита, — выдохнул Слартибартфаст голосом призрака.

Артур, погруженный в мысли об Эссексе и Ирландии, на миг растерялся. Затем, вернувшись к реальности, осознал, что все равно не понимает, куда клонит старец.

— Кто? — переспросил он.

— Повелители Криккита, — повторил Слартибартфаст. Если и раньше он изъяснялся тоном призрака, то теперь это был вообще некий сильно простуженный житель Аида.

Артур уставился на компанию фермеров, пытаясь свести воедино крохи информации, которыми располагал.

Безусловно, это были не земляне, хотя все различия состояли в чуть-чуть слишком высоком росте, излишней худобе, угловатости и бледной, почти белой коже. Но в общем и целом они смотрелись довольно приятно. Правда, в них проглядывала некоторая чудаковатость — не хотел бы Артур ехать с ними в одном купе, — но вся эта чудаковатость сводилась к чрезмерному добродушию и любезности, а не каким-то изъянам. Непонятно, с чего вдруг Слартибартфаст принялся пришептывать, как в радиорекламе какого-нибудь жуткого фильма о лесорубах, берущих на дом халтуру?

Да, но ведь вся эта история с Криккитом ничуть не лучше. Артур не совсем понял, какая связь между игрой, которая на Земле называлась крикетом, и…

Слартибартфаст точно прочел его мысли.

— Игра, которую вы именовали крикетом, — проговорил он, точно из жерла преисподней, — относится к числу забавных капризов родовой памяти, благодаря которым многие концепции и образы продолжают жить в сознании, хотя их истинный смысл потерян во мгле времен. Из всех цивилизаций и племен Галактики только англичане могли воскресить воспоминание о самых ужасных войнах в истории Вселенной и превратить его в чрезвычайно замысловатую, нудную и бесцельную игру. Извините, но таково общее мнение о ней. Мне крикет вообще-то нравится, — добавил он, — но на взгляд большинства, вы в наивности своей создали ужасную пошлость.

Особенно этот момент, когда нужно угодить в калитку маленьким красным мячиком. Настоящее издевательство.

— Угм, — произнес Артур, глубокомысленно морща лоб, чтобы никто не усомнился в маневренности его извилин, — угу.

— А вот это, — сказал Слартибартфаст, перейдя на загробный хрип и указывая на компанию криккитян, которые удалялись в сторону города, — те самые, с кого все началось. А случится это сегодня. Пойдемте за ними и посмотрим сами.

Тихо проскользнув под ветками, они поднялись

вслед за веселой компанией по тропке в гору. Против инстинкта не попрешь — наши герои невольно двигались опасливо, даже воровато, хоть и знали, что с тем же успехом могли трубить в трубы и вопить: «Ату!» — инфоиллюзию это бы не спугнуло.

Артур обратил внимание, что двое криккитян завели новую песню — милую романтическую балладу, которая словно парила в прохладном ночном воздухе. Услышь ее Маккартни, она мигом подарила бы ему Кент и Суссекс и позволила бы всерьез задуматься о приобретении Хэмпшира.

— Ты наверняка знаешь, что сейчас произойдет, — сказал Слартибартфаст Форду.

— Я? — изумился Форд. — Откуда?

— Ты разве не изучал в школе древнюю историю Галактики?

— Моя киберкабинка была позади Зафода, — пояснил Форд, — это очень отвлекало. Хотя я узнал немало сногсшибательных вещей.

В этот момент Артур заметил странную особенность песни, которую распевали криккитяне. На восьмом такте этой баллады, который сам по себе мог бы сделать Маккартни полноправным хозяином Винчестера, не говоря уже об окрестностях,

текст стал каким-то странным. Говоря о свидании с девушкой, автор соблазнял ее прогуляться не «при луне» или «под звездным небом», но просто «по траве», что показалось Артуру излишне прозаичным. Но тут он поднял глаза на ужасающе голый небосклон и остро ощутил всю важность этой детали. При взгляде на это небо мерещилось, будто ты один-одинешенек во Вселенной. Артур поделился своим впечатлением с друзьями.

— Нет, — сказал Слартибартфаст, ускоряя шаг, — жители Криккита никогда не восклицали про себя: «Мы одни во Вселенной». Видите ли, они окружены колоссальным Пылевым Облаком. Одно только их солнце и их планета, на самом краю восточной оконечности Галактики. Из-за Пылевого Облака они испокон веку не интересуются небом — все равно там пусто. Ночью оно абсолютно черное. Днем светит солнце, но на солнце не очень-то посмотришь — они и не пытаются. В общем, неба они и не замечают. Как будто у них в зрачках слепое пятно на 180 градусов от горизонта до горизонта.

Понимаете, мысль «Мы одни во Вселенной» их ни разу не посещала, потому что до сегодняшнего вечера они вообще не знали о существовании Вселенной. До сегодняшнего вечера.

Он двинулся дальше, а его слова гулко повисли в воздухе.

— Представьте себе, ни разу не подумать: «Мы одни-одинешеньки» — просто потому, что не знаешь, что можно жить по-другому.

И вновь зашагал вперед.

— Боюсь, это зрелище подействует вам на нервы, — предупредил он.

Тут наблюдатели услышали высоко в безглазых небесах тоненький визг. Они тревожно задрали головы, но пока ничего не было видно.

Затем Артур заметил, что идущая впереди компания тоже обратила внимание на визг и пришла в замешательство. Криккитяне смотрели друг на друга, направо, налево, вперед, назад, даже на землю. Но только не вверх.

Ужасное потрясение, которое они испытали, когда, завывая и гремя, горящий звездолет упал с небес, врезавшись в холм примерно в полумиле от них, словами не передашь.

Кое-кто с придыханием произносит имя «Золотое сердце», другие благоговейно повествуют о «Бистроматолете».

Но несть числа тем, кто упивается историей «Звездного Титаника», легендарного корабля-колосса. И поистине, она того стоит. Этот

величественный, сказочно-роскошный лайнер сошел со стапелей знаменитого Артефактоволя — астероида-верфи — несколько сот лет тому назад.

Умопомрачительно красивый, уникально огромный и к тому же самый уютный корабль в истории Галактики (точнее, в нынешней, сильно обкарнанной опровержениями версии этой самой истории — подробности см. ниже, в главе о «Движении за Реальное Время») имел несчастье быть построенным в эпоху младенчества физики невероятности, задолго до постижения законов этой смутной и дикорастущей научной отрасли.

Инженеры и конструкторы в своей великой наивности решили снабдить «Титаник» экспериментальным генератором невероятностного поля, которое, по их расчетам, должно было обеспечить бесконечную невероятность каких бы то ни было неполадок на борту.

Они и не догадывались, что всем вычислениям в области невероятности свойственны квазивзаимообратимость и кольцеобразность, благодаря чему все Бесконечно Невероятное почти немедленно осуществляется в реальности.

Ах, как прекрасен — аж глазам больно — был «Звездный Титаник», когда, точно арктурианский

мегавакуумный серебристый кит, он качался в лазерных тенетах гибких строительных лесов. Сияющее облако булавок и иголок на знойно-черном бархате открытого космоса. Но едва сойдя со стапелей, он и первой своей радиограммы — сигнала SOS — передать не успел, как все его системы беспричинно отказали.

Однако это событие оказалось не только кошмарным крахом одной начинающей науки, но и апофеозом другой. Было неопровержимо доказано, что количество зрителей, смотревших телерепортаж о запуске «Титаника», превосходило все население Вселенной на тот момент. Этот факт был расценен как величайшее достижение социологии телевидения.

Другой суперсенсацией тогдашней прессы стала вспышка сверхновой звезды, в которую несколько часов спустя превратилась звезда Неавоос. В системе Неавооси находятся — то есть находились — крупнейшие страховые компании Галактики.

Меж тем как об этих звездолетах, а также других кораблях-легендах, например линкорах Галактической Армады («Храбром», «Безрассудном» и «Камикадзе»), говорят с благоговением, гордостью, упоением, энтузиазмом, восторгом,

симпатией, сожалением, завистью, ревностью — в общем, почти со всеми людскими эмоциями, но подлинного чувства изумления удостоился лишь корабль, который всем вышеперечисленным не чета– «Криккит-1», первый звездолет, который построили криккитяне.

«Криккит-1» не был хорошим кораблем. Отнюдь.

Это была безумная колымага из подручных материалов. Казалось, его соорудили где-то в сарае — собственно, так оно и было. Корабль этот был изумителен не своей конструкцией (мягко говоря, неудачной), но самим фактом своего появления. Между мигом, когда криккитяне впервые узнали о существовании космоса как такового, и запуском этой первой ласточки среди космических кораблей прошел ровно год.

Пристегиваясь ремнями, Форд Префект только возносил хвалу судьбе за то, что это всего лишь безопасная инфоиллюзия. По жизни он не согласился бы взойти на борт такого корабля даже за всю рисовую водку страны Китай. Первая реакция: «На соплях держится». Вторая реакция: «Извините, можно выйти?»

— И что, эта штука полетит? — спросил Артур, сочувственно косясь на связанные веревочками

трубы и приклеенные к картонной обшивке провода, что составляли интерьер корабля.

Слартибартфаст уверил его, что полет состоится, что они в полной безопасности, что их ожидает крайне поучительное, хоть и довольно мучительное зрелище.

Форд с Артуром решили покориться судьбе и претерпеть мучения.

— Сходить с ума, так сходить, — рассудил Форд.

Впереди них сидели трое пилотов. Разумеется, экипаж не реагировал на присутствие посторонних — ведь их тут, в сущности, и не было. Три пилота были одновременно и конструкторами корабля. Это они шли в тот вечер по тропе, распевая мелодичные, проникновенные песни. Авария инопланетного звездолета сдвинула какие-то шарики в их головах. День за днем они исследовали останки сгоревшего корабля, разгрызая секрет за секретом, распевая звонкие кораблеразборочные марши. Затем они построили собственный корабль — он-то и готовился сейчас к взлету. Это было их творение, и сейчас они пели о нем песенку, изливая в ней двойную радость успеха и обладания. Припев был немного печальный. В нем они выражали сожаление, что из-за работы

им приходилось долгими часами корпеть в сарае, не видя ни жен, ни детей, которые страшно по ним скучали, но подбадривали их бесконечными новостями о приключениях растущего щенка.

«Трень-сдззз…» — корабль взлетел.

Он с грохотом понесся по небу, словно точно знал, что делает.

— Быть такого не может, — сказал Форд, когда наблюдатели оправились от ускорения, а корабль уже рассекал верхние слои атмосферы. — Быть такого не может. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но за год спроектировать и построить такой корабль… Не верю. Докажете — все равно не поверю. — И уставился в крохотный иллюминатор — на кромешную тьму.

Некоторое время полет протекал без происшествий, и Слартибартфаст включил убыстренную перемотку.

И потому вскорости они оказались у внутренней границы сферического, полого изнутри Пылевого Облака, со всех сторон окружавшего Криккит и его солнце.

Пространство не просто изменило текстуру и состав. Мерещилось, будто мрак гудит, с треском лопается на носу корабля. И мрак этот был особый — студеный, беспросветный, тяжелый мрак

ночного неба над Криккитом.

Холод, тяжесть, беспросветность потихоньку проникли в сердце Артура, и он остро ощутил переживания пилотов-криккитян, повисшие в воздухе кабины, точно грозовое электричество. Они находились перед Рубиконом исторического самосознания своего народа. Это был рубеж, за который никто из криккитян не заглядывал даже в мечтах, поскольку не знал о его существовании.

Тьма Пылевого Облака сдавила корабль. Внутри царила историческая тишина. Миссия «Криккита-1» заключалась в том, чтобы выяснить, есть ли что-то с той стороны неба, откуда, вероятно, и происходил разбившийся корабль. Может, там находится другая планета — ох, как трудно далось это предположение самозамкнутым умам сынов Криккита с его глухой стеной вместо неба.

История собиралась с силами, чтобы нанести криккитянам новый удар.

Но тьма — глухой кокон, оберегающий внутренний мрак, — все еще гудела вокруг корабля. Стена, казалось, все близилась и близилась, густела и густела, тяжелела и тяжелела. И вдруг исчезла.

Корабль вылетел из Облака.

Пилоты увидели алмазную россыпь созвездий

— и их души в ужасе взвыли.

Некоторое время они летели вперед, неподвижные на фоне глазастого тела Галактики, которое само было неподвижно на фоне бесконечных просторов Вселенной. А потом развернулись.

— Это необходимо убрать, — сказали криккитяне, направив корабль в сторону дома.

На обратном пути они спели немало мелодичных, наполненных глубоким смыслом песен на темы мира, справедливости, нравственности, культуры, спорта, семейной жизни и ликвидации всех прочих форм жизни.

Глава 13

— Думаю, теперь вам ясно, как все случилось, — сказал Слартибартфаст. Он медленно размешивал ложкой свой искусственный кофе, тем самым приводя в движение жидкие интерфейсы между реальными и нереальными числами, между интерактивными перцепциями сознания и Вселенной, что, в свою очередь, изменяло матрицы потаенной субъективности, которая и позволяла его кораблю лихо переиначивать саму сущность пространства и времени.

— Да, — произнес Артур.

— Да, — произнес Форд.

— А что я должен делать с этой куриной ножкой? — спросил Артур.

Слартибартфаст окинул его суровым взглядом и сказал:

— Да просто вози ею по тарелке. — И продемонстрировал, что именно надо делать.

Последовав его примеру, Артур ощутил легкую вибрацию: в куриной ножке, четырехмерно движущейся сквозь пятимерное (если верить Слартибартфасту) пространство, пульсировала некая математическая функция.

— Не прошло и дня, как все жители Криккита превратились из обаятельных, сердечных, умных…

— … хоть и чудаковатых… — вставил Артур.

— … обыкновенных людей, — продолжал Слартибартфаст, — в обаятельных, сердечных, умных…

— … чудаковатых…

— … маньяков-ксенофобов. Идея существования Вселенной, так сказать, не вписывалась в их картину мира. Они просто не были способны с ней свыкнуться. И потому со всем своим обаянием, сердечием, умом, чудаковатостью, если хотите, решили ее уничтожить. Что такое, Артур?

— Что-то мне это вино не очень нравится, — сказал тот, обнюхивая бокал.

— Ну так отошли его обратно. Все это элементы математического процесса.

Артур так и поступил. Ему не понравилась топография ухмылки официанта, но это ничего — Артур с детства не любил никаких графиков.

— Куда теперь? — спросил Форд.

— Назад, в Зал информационных иллюзий, — ответил Слартибартфаст, промокая губы математической моделью бумажной салфетки, — смотреть вторую часть.

Глава 14

— Криккитяне, — сказал Его Высочайшая Судебная Инстанция, УБНДР (Ученейший, Беспристрастный и На Диво Раскованный) Председатель Судейской Коллегии Общегалактического трибунала, который рассматривал дело о военных преступлениях Криккита, — они, ну сами понимаете… Это просто довольно милые ребята, которые, так уж вышло, увлеклись идеей всех поубивать. Черт, по себе знаю — иногда утром просыпаешься, так просто руки чешутся… Ну да фиг с ним. Лады, — продолжал он после того, как закинул ноги на ограждение и удалил посторонюю нитку из своих пляжных шлепанцев (форма обуви, предписанная протоколом), — отсюда следует, что вряд ли кому захочется жить с этими ребятами в одной Галактике.

И был абсолютно прав.

Нашествие криккитян на Галактику было настоящим кошмаром. Тысячи и тысячи громадных криккитянских крейсеров вывалились как снег на голову из гиперпространства и одновременно атаковали тысячи и тысячи крупных планет. Вначале они захватывали стратегические ресурсы

для сооружения кораблей новой волны, а потом хладнокровно превращали обобранные планеты в прах и пыль.

Галактика, в то время наслаждавшаяся периодом необычайного спокойствия и процветания, опешила, как человек, вышедший полюбоваться природой, а встретивший разбойников.

— Я хочу сказать, — продолжал Председатель, озирая ультрасовременный (дело было десять биллионов лет назад, и «ультрасовременный стиль» предполагал злоупотребление нержавеющей сталью и волнистым бетоном) и просторный зал суда, — что эти ребята — самые натуральные фанатики.

Что также было верно. Это единственное удовлетворительное объяснение необъяснимой быстроты, с которой криккитяне взялись осуществлять свою новую главную цель в жизни — уничтожение всего, что не есть Криккит.

Аналогично только эта версия объясняет, почему они столь молниеносно создали суперсложную науку и технику, необходимые для производства тысяч крейсеров и миллионов страшных белых роботов.

Это белое воинство сеяло глубочайший ужас в сердцах всех, кто с ними сталкивался, — правда,

в большинстве случаев ужас длился недолго, обрываясь вместе с жизнью реципиента. То были жестокие и упрямые летающие боевые машины. Они размахивали многофункциональными боевыми битами, которые в одном режиме разваливали дома, в другом испускали жгучие омни-деструктивные лучи, а в третьем метали разнообразные гранаты — от простых зажигательных до макси-бумных гиперядерных устройств, которыми можно взорвать большую звезду. Одним ударом биты по гранате робот одновременно выдергивал чеку и с феноменальной меткостью поражал ею цели на расстоянии от считанных ярдов до сотен тысяч миль.

— Лады, — снова сказал Председатель, — наша взяла.

Помолчал, жуя резинку.

— Наша взяла, но хвалиться тут нечего. Это самое — галактика средней величины против одной мелкой планетки, и сколько мы колупались? Секретарь Суда, алло!

— Ваша честь? — спросил малорослый строгий мужчина в черном, поднявшись со своего места.

— Сколько мы колупались, братец?

— Ваша честь, дать точный ответ несколько сложно. Время и расстояния…

— Спокойно, приятель, валяй округленно.

— Ваша честь, вряд ли возможно прибегать к округлениям в подобн…

— Невозможно только штаны через голову надеть. Ну же, будь дерзким!

Секретарь Суда только захлопал глазами. Очевидно, он вместе с большинством юристов Галактики считал Председателя (известного в частной жизни под странным именем Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени) довольно неприятным субъектом. Несомненно, он был хамом и фанфароном. Судя по всему, он мнил, что обладание величайшим в истории талантом к юриспруденции дает ему право выделывать что заблагорассудится — и, увы, не ошибался.

— Э-э… гм, ваша честь, примерно две тысячи лет, — пробурчал сквозь зубы секретарь.

— А сколько народу положили?

— Два триллиона, ваша честь. — Секретарь сел. Если бы в этот миг его сфотографировали влагочувствительной камерой, стало бы видно, что он слегка дымится.

Председатель вновь обозрел зал суда, где присутствовали сотни высочайших чиновных особ со всей Галактики, все в своих официальных костюмах или телах (в зависимости от метабо-

лизма и обычаев). За стеной из тотальностойкого стекла стояли представители криккитян, глядя на всех этих чужаков, слетевшихся их судить, со спокойным, вежливым отвращением. То был наиважнейший момент в истории юриспруденции, и Председатель это сознавал.

Он вынул изо рта жвачку и прилепил ее под сиденье.

— Целая куча мертвяков, — заметил он.

Аудитория мрачным молчанием выразила свою солидарность с этим мнением.

— Так-то вот. Как я сказал, это милые ребята, но никому неохота жить с ними в одной Галактике, ежели они собираются продолжать дальше в том же духе. То есть если не научатся смотреть на вещи попроще. Я хочу сказать, что получится одна бесконечная нервотрепка, верно ведь? Брр-брр-брр, вдруг они завтра снова на нас нападут, верно? Мирное сосуществование на соплях, верно? Принесите мне воды, кто-нибудь, спасибо.

Развалившись в кресле, он глубокомысленно отхлебнул из стакана.

— Ладно, послушайте-ка, что я вам скажу. Итак: эти ребята, сами понимаете, имеют право на свое мнение о Вселенной. А согласно их мнению, Вселенная оскорбила их своим существованием,

а они дали ей сдачи и были правы. Звучит дико, но, думаю, вы согласны. Они верят в…

Он заглянул в бумажку, извлеченную из заднего кармана своих протокольных джинсов.

— Они верят в «мир, справедливость, нравственность, культуру, спорт, семейную жизнь и ликвидацию всех прочих форм жизни».

И пожал плечами.

— Я лично слыхивал вещи и похуже.

После чего задумчиво почесал свое тело пониже живота.

— О-хо-хм, — произнес он.

Еще раз отхлебнул из стакана с водой, затем поглядел сквозь него на свет и нахмурился. Повертел стакан в руках.

— Эй, к этой воде что-нибудь подмешано? — вопросил он.

— Э-э, нет, ваша честь, — нервно ответил Судебный Пристав, который и принес стакан.

— Так унесите ее, — рявкнул Председатель, — и подмешайте к ней что-нибудь. У меня есть идея. — Отодвинув стакан, он подпер голову рукой и заговорил: — Слушайте, что я вам скажу.

Решение было блестящим. Состояло оно в следующем.

Планету Криккит следовало на веки вечные

заключить в кокон из темпоральной канители, внутри которого жизнь будет продолжаться с почти бесконечной медлительностью. Кокон будет преломлять свет и потому пребудет незримым и непроницаемым. Вырваться из кокона абсолютно невозможно — если только кто-то не отопрет наружный замок.

Когда вся остальная Вселенная бесповоротно окончит свои дни, когда все сущее придет к своей кончине (разумеется, в то время еще не знали, что «У конца Вселенной» — это помпезный ресторан) и не будет больше ни жизни, ни материи, тогда только нити темпоральной канители расплетутся, и планета Криккит со своим солнцем вылетит наружу, чтобы влачить, как ей и мечталось, уединенное существование в сумраке Вселенского Ничто.

Замóк будет размещен на астероиде, медленно обращающемся вокруг кокона.

Ключом станет символ Галактики — Трикетная Калитка.

Когда публика устала аплодировать, председатель уже был в транссенсуальной душевой, сопровождаемый миленькой присяжной заседательницей, которой он полчаса назад перебросил записку.

Глава 15

Прошло два месяца. Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени, обрезав выше колена свои протокольные джинсы Верховного галактического судьи, отправился тратить свои астрономические судейские гонорары в разных солнечных местах.

В данный момент мы видим его лежащим на алмазном песке, причем уже знакомая нам миленькая присяжная заседательница натирает ему спину «Калантинской эссенцией». Это девушка с кожей, подобной лимонному шелку, сульлафиньянка из области Галактики, лежащей за Туманным Поясом Яги. Она страшно увлечена юриспруденцией в лице всех ее аспектов и представителей.

— Слышал новость? — спросила она.

— Ууууйяяяя-ха! — вскричал Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени.

С чего вдруг — мог бы пояснить только очевидец. В инфоиллюзионном фильме эта сцена была реконструирована по свидетельствам из вторых рук.

— Не-а, — добавил он, когда причины для ууууйяяяхаханья отпали.

Он заворочался, подставляя свое тело первым лучам третьего и величайшего из трех солнц девственной планеты Водья, которое только что выбралось из-за красивейшего в целой Вселенной горизонта, тем самым увеличив до максимума предлагаемую загорающим мощность.

Соленый бриз прилетел со спокойного моря, пошатался над пляжем и вновь вернулся в море, размышляя, куда бы еще сунуться. В безумном порыве он вновь устремился на пляж и опять вернулся к морю.

— Надеюсь, это не хорошая новость, — пробормотал Зипо Биброк 5 × 10 в восьмой степени, — хорошей я просто не выдержу.

— Сегодня был приведен в исполнение твой приговор по делу Криккита, — сказала девушка величественно. Никакой величественной интонации для этой элементарной информации не требовалось, но такой уж выдался день — величественный. — Это сказали по радио, — пояснила она, — когда я ходила на яхту за маслом.

— Ага, — пробурчал Зипо, роняя голову на алмазный песок.

— И еще кое-что произошло.

— Мммм?

— Как только темпорально-канительный кокон

заперли на замок, — сказала она, на миг отвлекшись от растирания спины Зипо, — выяснилось, что один криккитский крейсер, который пропал без вести и считался погибшим, вовсе не погиб. Он появился и попытался захватить Ключ.

Зипо резко сел на песке:

— Чего-о?

— Да все нормально, — произнесла она голоском, который угомонил бы даже Большой Взрыв. — Как сказали, произошел недолгий бой. Ключ и крейсер были уничтожены и развеяны на все стороны пространства и времени. Судя по всему, они исчезли навеки.

Улыбнувшись, она выжала на свои пальцы еще несколько капель «Калантинской эссенции». Успокоенный, Зипо опять растянулся на песке.

— Сделай это самое… что ты сделала минуты две назад, — пробормотал он.

— Это? — спросила она.

— Нет, нет, — сказал он, — это.

Она сделала еще одну попытку.

— Так?

— Ууууйяяяя-ха!

Это тоже не поймешь без контекста.

С моря снова приплелся соленый бриз.

По пляжу бродил волшебник, но в нем никто

не нуждался.

Глава 16

— Нет на свете ничего, что было бы потеряно навеки. Кроме Халезмийского собора, — проговорил Слартибартфаст. Его лицо казалось алым в свете свечки, которую робот-официант все порывался унести.

— Какого собора? — удивленно переспросил Артур.

— Халезмийского. Это было, когда я занимался исследованиями по заказу Движения за Реальное Время…

— Какого движения? — снова удивился Артур.

Старец умолк, собираясь с мыслями, чтобы наконец-то завершить эту историю. Робот-официант, скользя по пространственно-временным матрицам с одновременно подобострастным и угрюмым видом, цапнул свечку и унес ее. Они уже получили счет, убедительно поспорили о том, кто ел спагетти и сколько бутылок выпили, чем, как смутно сознавал Артур, успешно вывели корабль из субъективного пространства на орбиту незнакомой планеты. И теперь официанту не терпелось доиграть свою роль в балагане до конца и вытурить всех из бистро.

— Вам все станет ясно, — сказал Слартибартфаст.

— Скоро?

— Через минуту. Слушайте. Потоки времени сейчас ужасно загрязнены. В них плавает масса мусора — наподобие отходов и обломков кораблекрушений. И все больше этого утиля попадает назад в физический мир. Возмущения в пространственно-временном континууме, этакие протечки, знаете ли.

— Слыхивали, — заметил Артур.

— Послушай, так куда же мы летим? — спросил Форд, нетерпеливо отодвигая свой стул. — Потому что мне ужасно хочется туда наконец попасть.

— Мы летим, — медленно, с расстановкой сказал Слартибартфаст, — чтобы опередить криккитянских роботов и помешать им обрести недостающие части Ключа, которые они ищут, чтобы выпустить планету Криккит из темпорально-канительного кокона и выпустить на свободу своих безумных Повелителей и остальную армию роботов.

— Просто ты упомянул какую-то вечеринку, вот я и подумал… — протянул Форд.

— Упомянул, — подтвердил Слартибартфаст, уронив голову на грудь.

Он понял, что совершил оплошность — слово «вечеринка» вызывало у Форда Префекта какое-то нездоровое возбуждение. Причем с каждым новым витком трагической истории Криккита и его народа Фордом Префектом все сильнее овладевало желание танцевать с девушками и пить, пить и танцевать.

Старец сознавал, что лучше было бы до последнего момента молчать о вечеринке. Но слово не воробей, а все же вылетело, и теперь Форд Префект уцепился за идею вечеринки со всем рвением арктурианской мегапиявки, которая, крепко прильнув к жертве, откусывает ей голову и забирает звездолет жертвы себе.

— И скоро мы там будем? — спросил Форд, просияв.

— Как только я объясню вам, зачем нам туда надо.

— Я-то и так знаю, зачем мне туда надо, — пробормотал Форд и откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову и ухмыляясь своей коронной мурашки-по-спине-посылающей ухмылкой.

Уходя на пенсию, Слартибартфаст надеялся пожить наконец спокойно.

Он собирался научиться играть на октавентральном милляляфоне — прелестное в своей

тщетности занятие, ибо он не обладал необходимым для этого инструмента количеством ртов.

Также он думал написать фантасмагорическую, последовательно-неточную монографию об экваториальных фьордах, дабы навек затуманить мозги науке относительно пары аспектов этого вопроса, которые казались ему важными.

Вместо чего он, черт знает зачем, дал себя уговорить на выполнение необременительной работы по заказу Движения за Реальное Время. И впервые в жизни отнесся к делу серьезно. Что не осталось безнаказанным — в результате он, человек уже не первой старости, мотается по Галактике, пытаясь побороть зло и спасти человечество.

«Лучше камни ворочать», — подумал он, тяжело вздыхая.

— Послушайте, — сказал он, — в ДРТ…

— Где? — воскликнул Артур.

— В Движении за Реальное Время, я вам о нем попозже расскажу. Итак, я уловил соответствия между пятью предметами из числа темпорального мусора, которые в сравнительно недавние времена вновь вынырнули в реальности, и пятью составляющими уничтоженного Ключа. Я смог проследить точную судьбу только двух — Деревянного Столба, который оказался на вашей

планете, и Серебряной Перекладины. Она, похоже, находится на некой вечеринке. Мы должны отправиться туда и забрать ее, чтобы она не попала в руки криккитянских роботов. Иначе за судьбу Галактики ручаться нельзя.

— Нет, — твердо сказал Форд. — Мы пойдем на эту вечеринку, чтобы напиться вдребадан и потанцевать с девушками.

— Но разве ты не понял, что я…

— Да я понял! — вскричал Форд с несвойственной ему горячностью. — Все я прекрасно понял. Вот потому и хочу выпить, сколько успею, и протанцевать со сколькими девушками успею, пока все не кончилось. Если все, что ты нам показывал, правда…

— Ну разумеется, правда!

— … то нас вмиг слопают и тапочек не выплюнут.

— Чего не выплюнут? — не понял Артур.

— Та-по-чек.

— А до этого с нами что сделают?

— Сло-па-ют.

— Кто, белые роботы?

— Кто ж еще!

— Я думал, роботы питаются горючим, а не… бр-р… тапочками.

— «Слопают и тапочек не выплюнут», — сказал Форд со всей отчетливостью и быстротой, на какие был способен, — это фигуральное выражение, обозначающее в данном контексте, что нас убьют в мгновение ока. Понял?

— Понял. А зачем им наши тапочки?

— Это художественный образ.

Артур смирился, и Форд продолжал свою речь, стараясь вновь обрести первоначальную пламенность.

— Ты задумайся, кто мы все такие! — вскричал он. — И я, и ты, Слартибартфаст, и Артур — особенно Артур — мы же просто дилетанты, сачки, перекати-поле. Фраера, если хочешь.

Слартибартфаст нахмурился, обиженно и недоуменно, начал было что-то говорить:

— … э-э…

Форд прервал его:

— Понимаешь, мы никакие не фанатики. Ни с какого боку. — Голос Форда креп.

— … э-э…

— А это ключевой фактор. Против фанатиков мы бессильны. Нам по большому счету все по фигу — а им совсем наоборот. Значит, они победят.

— Мне очень многое на свете не «по фигу», — дрожащим от раздражения и неуверенности

голосом проговорил Слартибартфаст.

— Например?

— Ну, например, — сказал старец, — жизнь, Вселенная. Да все на свете! Фьорды.

— И что, ты готов за них умереть?

— За фьорды? — изумленно захлопал глазами Слартибартфаст. — Зачем?

— Вот видишь!

— Честно говоря, не понимаю.

— А я никак не пойму, — вставил Артур, — при чем тут мои тапочки?

Сознавая, что власть над ситуацией ускользает из его рук, Форд решил не сдаваться.

— Вся штука в том, — прошипел он сквозь зубы, — что мы не фанатики! И настоящие фанатики нас вмиг слопают и та…

— Мои тапочки, то есть шлепанцы, — гнул свое Артур, — это почти все, что я вынес с Земли. Я их просто так не отдам!

— Да заткнись ты со своими тапочками!

— Как скажешь. Ты сам о них первый заговорил.

— Мало ли чего ни ляпнешь, — буркнул Форд. — Суть вот в чем…

Наклонившись вперед, он подпер лоб рукой.

— О чем это я? — произнес он устало.

— Давайте просто отправимся на вечеринку, — предложил Слартибартфаст, — не важно зачем. — И встал, мотая головой.

— По-моему, именно это я и хотел сказать, — заявил Форд.

По таинственному капризу конструкторов, телепортационные кабинки находились за дверью с надписью «Туалет».

Глава 17

Все больше распространяется мнение, что путешествия во времени представляют собой угрозу экологии, так как приводят к загрязнению истории.

Теория и практика путешествий во времени пространно описаны в соответствующих статьях «Большой Галактической Энциклопедии». Правда, эта наука темпоральных перемещений недоступна для всех, кто не изучал высочайшую гиперматематику по крайней мере в течение четырех жизней. Поскольку до изобретения самой машины времени подобный студенческий подвиг был просто физически невозможен, совершенно непонятно, каким образом люди изначально умудрились эту машину изобрести. Есть гипотеза, что машина времени, как ей и положено по определению, была изобретена во всех эпохах одновременно, но это явная чушь.

Вся беда в том, что масса исторических событий тоже оказалась явной чушью.

Вот один пример. Возможно, некоторым он покажется маловажным, но жизнь многих других он буквально перевернул. Значение этого

события уже в том, что именно оно стало первым толчком к учреждению Движения за Реальное Время. (Первым? А может, итоговым? Это зависит от того, в какую сторону, по вашему мнению, движется история. А этот вопрос на данный момент не имеет однозначного ответа.)

Есть (был и сплыл?) один поэт. Звали его Лаллафа, и написал он «Песни Долгой Страны» — цикл стихотворений, которые вся Галактика единодушно признала величайшими стихами всех времен и народов.

Эти стихи несказанно прекрасны (доселе были несказанно прекрасны?). То есть человека, возжелавшего поделиться впечатлениями от них, очень скоро переполняло столь сильное душевное волнение, чувство единения с истиной, ощущение цельности и нераздельности всего сущего и т. п., что оставалось только выбежать на улицу, стремглав обогнуть квартал и перехватить в ближайшем баре рюмочку меры всех вещей с содовой. Только после этой процедуры человек вновь мог спокойно воспринимать окружающую действительность. Вот какие чудо-стихи сочинял Лаллафа.

Жизнь поэта прошла в лесах Долгой Страны на планете Эффа. Там он жил, там он сочинял

свои шедевры. Он записывал их на высушенных листах хабубры, обходясь и без благ цивилизации, и без жидкости «Штрих». Он описывал лучи солнца в лесу и свои мысли на сей счет. Он описывал тьму в лесу и свои мысли на сей счет. Он описывал девушку, которая его бросила, и свои чрезвычайно образные мысли о ней и ее поведении.

Спустя много лет после его смерти стихи были найдены и произвели фурор. Весть о них мгновенно, точно взошедшее солнце, озарила Галактику. В течение многих веков они были водой и светом для многих множеств людей, чья жизнь иначе была бы куда суше и темнее.

Но вот вскоре после изобретения машины времени руководству одной крупной корпорации по производству жидкости «Штрих» пришло в голову, что, возможно, будь в распоряжении Лаллафы несколько тюбиков высококачественного «Штриха», его стихи оказались бы еще чудеснее. Не худо также устроить, чтобы он сказал несколько слов по этому поводу.

Они пустились в плавание по волнам времени, отыскали Лаллафу и — не без труда — растолковали ему свое предложение. И в конце концов убедили его согласиться. Собственно, они так

хорошо его убедили, что он дико разбогател на этом проекте, и девушка, которой попервоначалу было суждено стать героиней столь образного стихотворения, даже не подумала его бросать. Лаллафа и девушка переехали из леса в город, в прелестный шалаш со всеми удобствами, и поэт часто путешествовал в будущее, чтобы блистать остроумием в телевизионных интервью.

Разумеется, ни одного из своих великих стихотворений он так и не написал. Просто руки не дошли. Но эта проблема оказалась легкоразрешимой. Время от времени корпорация по производству «Штриха» просто отправляла Лаллафу на недельку в какое-нибудь курортное место, снабдив его запасом сушеных листьев хабубры и академическим изданием его произведений, дабы он просто списывал их с книги, для правдоподобия уснащая текст мелкими опискаами и исправлениями.

И теперь многие говорят, что стихи Лаллафы вдруг лишились всякого очарования. Другие возражают, что они ничем не отличаются от тех, какими были изначально, так в чем же перемена? Первые заявляют, что суть проблемы не в этом. В чем именно суть, они сформулировать не могут, но что суть есть и что сама проблема

есть, не сомневаются. Чтобы воспрепятствовать повторению подобных порочных инцидентов, они учредили Движение за Реальное Время. Их влияние немало возросло благодаря одному совпадению — спустя неделю после учреждения ДРВ разнеслась весть, что знаменитый Халезмийский собор, снесенный, дабы освободить место для нового ионообогатительного завода, исчез не просто из настоящего, но и из минувшего. Строительство ионообогатительного завода так затянулось, что ради сдачи объекта к сроку конструкторы были вынуждены все дальше и дальше отступать в прошлое. И в итоге вышло так, что Халезмийский собор вообще не был построен — его место еще в начале времен занял завод. Открытки с изображением собора внезапно стали цениться на вес золота.

Итак, история гибнет бесследно. Движение за Реальное Время заявляет, что, подобно тому как облегчение передвижений в пространстве стерло различия между разными странами и планетами, унифицировало их, так и путешествия во времени постепенно стирают различия между разными эпохами. «Теперь прошлое страшно похоже на чужие страны, — говорят они. — Там все точно такое же, как у нас».

Глава 18

Артур материализовался. Коленки у него подгибались, сердце сжимали спазмы, горло перехватило, конечности ныли. Таковы были обычные болезненные последствия очередной материализации после пользования проклятым телепортом. Артур мужественно решился не позволять себе свыкнуться с ними.

Он поискал глазами остальных.

Их нигде не было видно.

Он вновь поискал их глазами.

Все равно никого.

Он зажмурился.

Вновь раскрыл глаза.

Поискал глазами остальных.

Те упорствовали в своем отсутствии.

Он вновь закрыл глаза, готовясь еще раз проделать всю абсолютно тщетную процедуру высматривания, и только тут, когда его мозг наконец-то принялся обрабатывать увиденное глазами до их зажмуривания, Артур озадаченно наморщил лоб.

Он снова раскрыл глаза, чтобы проверить их первоначальные показания. Озадаченное выра-

жение так и приросло к его лицу.

Если он действительно попал на вечеринку, то явно на очень неудачную. Видимо, такую фиговую, что все остальные гости давно уже разошлись. Тут Артур отбросил эту гипотезу как дурацкую. Очевидно, он находился не на вечеринке, но в некой пещере, либо в лабиринте, либо в тоннеле — точнее нельзя было сказать из-за дефицита света. Артура окружала тьма, кромешная, сырая, какая-то лоснящаяся. И только его собственные прерывистые вздохи слышались в тишине. Артур тихонько кашлянул — и был вынужден долго-долго слушать, как тоненькое призрачное эхо его кашля путешествует по извилистым коридорам и темным залам этого колоссального лабиринта, чтобы в итоге вернуться к нему по этим же коридорам, как бы намекая: «Ау?»

Подобная история повторялась со всяким малейшим звуком и шумом. Что ужасно действовало на нервы. Артур попробовал было напеть под нос одну веселую песенку, но умолк на полутакте, когда она вернулась к нему в обличье заунывного надгробного плача.

Перед его мысленным взором вновь предстали персонажи рассказа Слартибартфаста. Он

почти ожидал, что сейчас из тьмы выступят церемониальным шагом ужасные белые роботы и расправятся с ним. Он затаил дыхание. Роботы не появлялись. Он шумно перевел дух. Теперь он вообще не знал, чего ждать.

Однако кто-то или что-то ожидал его тут, потому что вдали во тьме вспыхнула зеленым огнем таинственная неоновая надпись вроде вывески:

ТЕБЯ ПЕРЕХВАТИЛИ

Надпись погасла, причем то, как именно она погасла, Артуру никак не понравилось. Она погасла, сверкнув напоследок с каким-то демонстративным презрением. Артур попытался внушить себе, что это просто воображение шалит. Неоновые вывески либо горят, либо не горят, в зависимости от того, проходит ли в данный момент сквозь них электрический ток. И — втолковывал он себе — ни одна вывеска просто технически не способна переходить из одного режима в другой с демонстративным презрением. Поплотнее закутавшись в халат, Артур затрясся.

Вдруг в недрах тьмы опять загорелись неоновые знаки. На этот раз это было нечто совершенно непостижимое. А именно: многоточие и запятая. Вот такие:

Только не черным по белому, а зеленым светом по тьме.

После одной-двух секунд вдумчивого созерцания Артур сообразил, что этим его предупреждают, что предложение еще не окончилось. Предупреждают с какой-то почти сверхчеловеческой педантичностью, отметил он. Как минимум с нечеловеческой.

Тут появился финал предложения:

АРТУР ДЕНТ

Артур Дент пошатнулся. Заставил себя присмотреться к вывеске. «АРТУР ДЕНТ», и все тут. Артура опять шатнуло.

Надпись вновь погасла, погрузив изумленного Артура во тьму. На его сетчатке мерцал лишь тусклый красный контур его имени — остаточный след.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, — нежданно заявила надпись.

Но спустя минуту добавила:

ОЙ ЛИ?

Хладный, как змея, ужас, все это время витавший над Артуром в ожидании подходящего

случая, осознал, что его время пришло, и ринулся в душу землянина. Однако Артур не сдался без боя. Он попытался было настороженно, но стойко припасть к земле, как делал это герой какого-то телефильма, но, должно быть, у того были лучше развиты коленные мышцы. Артур воровато вглядел во тьму впереди.

— Э-э, ау? — вымолвил он.

Прочистив глотку, он вновь воззвал ко тьме, на этот раз громче и без приставки «э-э». Вместо ответа в дальнем конце коридора начали бить в большой барабан. Во всяком случае, так казалось.

Прислушавшись, Артур сообразил, что это стучит его собственное сердце.

Еще раз прислушавшись, Артур пришел к выводу, что это все же не сердце, а барабан в дальнем конце коридора.

Круглые капельки пота выступили на его лбу, собрались с силами и покатились вниз. Артур оперся рукой об пол — для устойчивости, ибо поза настороженного охотника не очень-то получалась. Надпись вновь обновилась. Теперь она гласила:

НЕ НЕРВНИЧАЙ

Затем добавила:

ТРЕПЕЩИ, КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ, АРТУР ДЕНТ

И в очередной раз погасла. В очередной раз погрузив Артура во тьму. Его глаза были готовы выскочить из своих орбит, и Артур сам не знал почему: то ли они желали получше разглядеть то, что впереди, то ли, наоборот, ретироваться.

— Ау? — вновь воззвал Артур, пытаясь придать своему голосу оттенок хриплой, агрессивной самоуверенности. — Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало. Ну вообще никакого.

Это взволновало Артура куда сильнее, чем какой бы то ни было из возможных ответов. Он начал пятиться прочь от жуткого ничто. И чем дальше пятился, тем глубже его душа уходила в пятки. Немного погодя он сообразил, что это влияние просмотренных фильмов, где герой частенько пятится от какой-то воображаемой угрозы — прямиком в лапы какой-то угрозе подлинной, поражающей его со спины.

И только тут он догадался срочно обернуться.

Пусто.

Одна только тьма.

Это явилось решающим ударом для его нервов.

Он попятился назад, к тому месту, от которого пятился сначала.

Спустя некоторое время до него дошло, что он движется спиной вперед к тому месту, от которого вначале улепетывал.

И был вынужден сознаться, что поступает глупо. Он решил, что безопаснее будет пятиться в ту сторону, куда он пятился сначала, и вновь развернулся.

Тут-то и оказалось, что второе движение его души оказалось верным, ибо за его спиной тихо стояло неописуемо ужасное чудовище. Артур дико возопил. Его кожа рванулась в одну сторону, а скелет — в противоположную, меж тем как мозг серьезно задумался, которое из двух ушей использовать в качестве аварийного выхода.

— Спорим, ты не ждал, что опять со мной свидишься, — проговорило чудище.

Артур невольно удивился — прежде он с этим чудовищем не встречался. Доказательством тому служил сей неоспоримый факт, что до сих пор Артур спал по ночам спокойным сном. Оно было… было… было оно…

Артур захлопал глазами. Чудище стояло совершенно бездвижно. Кого-то оно напоминало…

Ужасный хладный покой снизошел на Артура

— он осознал, что перед ним предстало голографическое изображение мухи комнатной, шести футов высотой.

Он подивился, зачем это ему демонстрируют шестифутовую голографическую муху. И чей же голос он слышал?

Голограмма выглядела до озноба жизнеподобно.

Она исчезла.

— А может, я лучше тебе запомнился, — произнес голос, густой, гулкий, злобный голос — точно расплавленная смола с каким-то нехорошим намерением выливалась из котла, — в обличье кролика.

Раздался щелчок, и во тьме лабиринта появился кролик, колоссально, ужасающе, кошмарно пушистый и очаровательный кролик — тоже голограмма, но очень качественная: каждый пушистый и очаровательный волосок его пушистой очаровательной шубки казался настоящим. Артур ошеломленно узрел во влажном, очаровательном, немигающем карем глазу кролика собственное отражение.

— Рожденный во тьме, — загремел голос, — вскормленный во тьме. Однажды утром я впервые высунул свою головку в дивный новый мир

— и череп мой хрустнул под каким-то примитивным кремневым орудием.

Изготовленным тобой, Артур Дент, и тобой же занесенным. Довольно тяжелым, насколько мне помнится.

Из моей шкурки ты сделал сумку для хранения красивых камешков. Мне это известно, поскольку в следующем перерождении я вернулся к жизни в обличье мухи, а ты меня прихлопнул. Вновь. Только на этот раз ты прихлопнул меня сумкой, сшитой из моей предыдущей шкурки.

Артур Дент, ты не просто жесток и бессердечен, но еще и лишен малейшего понятия о такте.

Голос временно умолк. Артур только беззвучно разевал рот.

— Вижу, сумку ты потерял, — заявил голос. — Что, надоела?

Артур беспомощно покрутил головой. Он хотел объяснить, что вообще-то, напротив, очень любил эту сумку, и очень ее берег, и всюду брал с собой, но по какой-то неизвестной причине после каждого путешествия у него на плече оказывалась совершенно не та сумка. И прямо в этот момент, как ни странно, он впервые заметил, что теперь у него на плече висит сумка из отвратительного искусственного леопардового меха, а

не та, которая была у него еще несколько минут назад там, откуда он сюда прибыл. Будь его воля, он бы и в руки такую сумку не взял, и одному Богу известно, что в ней лежит, поскольку это не его сумка, и, конечно, он предпочел бы получить свою подлинную сумку назад, хотя, конечно, ему ужасно жаль, что он столь преждевременно отобрал ее, точнее, сырье для нее, то есть кроличью шкурку, у прежнего владельца, в смысле кролика, к которому он сейчас безуспешно пытался обратиться.

Все, что ему удалось произнести вслух, — это «Эхм».

— Познакомься с тритоном, на которого ты наступил, — произнес голос.

И вот в коридоре перед Артуром предстал тритон: гигантский, чешуйчатый, зеленый. Обернувшись, Артур вскричал благим матом, отпрыгнул назад и оказался посреди кролика. Он снова вскричал, но отпрыгивать было больше некуда.

— Это тоже был я, — вкрадчиво зарычал голос, — можно подумать, ты не знал…

— Не знал? — вскинулся Артур. — Это можно было знать?

— Чем любопытна реинкарнация, — прогудел

голос, — большинство индивидуумов, большинство душ даже не подозревают, что проходят через нее.

Он многозначительно умолк. Артуру показалось, что многозначительности в атмосфере встречи и так хватает.

— Я ОСОЗНАЛ, — прошипел голос, — то есть МОЕ СОЗНАНИЕ ПРОБУДИЛОСЬ. Медленно. Шаг за шагом.

Неизвестный вновь помолчал, переводя дух.

— Разве я мог что-то изменить, — взревел он, — когда каждый раз, вновь и вновь, вновь и вновь, меня постигала все одна и та же судьба! В каждом очередном перерождении я погибал от руки Артура Дента. В любом теле, на любой планете, в любой момент времени не успеваю я оглянуться, как приходит Артур Дент и — хрясь — со мной расправляется.

Трудненько не заметить. Нехилая памятка. Нехилый узелок на носовом платке. Вечная премия от судьбы, черт бы ее…

«Ну и ну, — говорила моя душа самой себе всякий раз, когда возносилась назад в астрал после очередной бесплодной, Денто-пресеченной вылазки в край живых, — этот тип, который переехал меня, когда я, никого не трогая, скакала

по шоссе к своему любимому пруду… где-то я его уже видела…» И постепенно я воссоздал цельную картину происходящего. Дент, ты мой многократный убийца!

Отголоски вопля гулко покатились в оба конца коридора. Похолодевший Артур молчал, недоверчиво крутя головой.

— Вот этот миг, Дент, — завизжал голос, срываясь на писк от ненависти, — вот миг, когда у меня наконец-то отверзлись очи!

Перед Артуром, задохнувшимся от ужаса, предстало нечто неописуемо отвратительное.

Попробуем все же описать эту картину. Огромная пещера с сырыми, трепещущими стенами, в которой ворочалось, облизывая жуткие белые надгробия, колоссальное, скользкое, могучее китообразное существо. Высоко над пещерой поднимался широкий мыс, за которым виднелись темные закоулки еще двух отвратительных пещер, где…

Внезапно Артур Дент сообразил, что смотрит самому себе в рот, хотя прежде всего должен был обратить внимание на живую устрицу, которая беспомощно в этот рот погружалась.

Он с криком отпрянул, отводя глаза.

Когда он снова поднял голову, отвратительное

видение улетучилось. В коридоре было темно, а некоторое время даже и тихо. Он остался наедине со своими мыслями. И мысли эти были весьма неприятные. Им не помешал бы вооруженный конвой.

Затем раздался низкий, гулкий скрип. Большой кусок стены отъехал в сторону, открыв обзор на еще один участок кромешной тьмы. Артур заглянул туда с не меньшей опаской, чем мышь в темную собачью будку.

Голос вновь заговорил с ним:

— Скажи мне, что это было совпадение, Дент. Только осмелься сказать мне, что это было совпадение!

— Это правда было совпадение, — поспешно выпалил Артур.

— Вранье! — зарычали в ответ.

— Это было… — повторил Артур, — … было…

— Если это совпадение, — взревел голос, — то я не Аграджаг!!!

— Видимо, — проговорил Артур, — вы будете утверждать, что вы Аграджаг.

— Да! — прошипел Аграджаг, словно тяжким усилием мысли проник в смысл запутанного силлогизма.

— Э-э, боюсь, все равно это было случайным

совпадением, — сказал Артур.

— Ну-ка поди сюда и повтори! — взвыл голос в новом припадке ярости.

Артур вошел в дверь и повторил, что то было совпадение, точнее, почти повторил. На последних слогах его язык лишился чувств, ибо зажегся свет, озарив помещение, в которое Артур забрел.

То был Собор Ненависти.

То был плод сознания не просто искалеченного, но буквально согнутого в дугу.

Он был велик и ужасен.

В нем находилась Статуя.

К Статуе мы еще вернемся.

Просторный, невероятно просторный зал — точно внутренность выскобленной изнутри горы (так оно и было в действительности). Ошалелому Артуру померещилось, что стены головокружительно вращаются вокруг него.

Стены были черны.

Там, где черный уступал место другим цветам, наблюдатель немедленно сожалел об этом, поскольку эти цвета принадлежали к широкой глазо-резущей гамме от Инфра-Страшного до Ультра-Вампиретового. Среди них можно было распознать такие оттенки, как Желтая Похоть, Красный Гадмий, Синий Ультрауморин, Берлин-

ская Кобра, Змеиная Лазурь, Гнусно-Лиловый номер 13 и Холерная Зелень.

Этими красками были раскрашены для заметности скульптурные украшения, а именно химеры, от которых стошнило бы самого Босха.

Все без исключения химеры пялились со стен, с колонн, с висячих контрфорсов, с хоров — пялились на Статую, до которой мы вскоре дойдем.

Хоть химеры и были таковы, что от них стошнило бы самого Босха, выражения их физиономий свидетельствовали, что при виде Статуи стошнило бы их самих (если б они имели желудки и прежде нашли кого-либо, кто не побоялся бы подать им обед).

Стены были облицованы мемориальными досками — в память о каждом из убиенных Артуром Дентом.

Некоторые из этих имен были подчеркнуты и отмечены звездочками. Так, корова, из чьего мяса была приготовлена говяжья отбивная, которую Артуру когда-то подали в одном ресторане, удостоилась лишь наимельчайшего петита, в то время как имя рыбы, которую Артур самолично выловил, а потом, решив, что она невкусная, выбросил недоеденной на помойку, было подчеркнуто двумя жирными линиями, а также

уснащено тремя рядами звездочек и изображением окровавленного кинжала.

Но самым удручающим — помимо Статуи, к которой мы кругами да около подбираемся, — был тот несомненный факт, что все эти люди и существа были одним и тем же лицом.

И точно так же было несомненно, что это лицо, справедливо ли, несправедливо, было чрезвычайно уязвлено и разгневано.

Собственно, не будет преувеличением сказать, что подобного гнева Вселенная еще не видывала. То был гнев эпического размаха, жгучее, ослепительное пламя гнева, гнево-протуберанец, протянувшийся от края до края пространства и времени.

Свое наиболее полное воплощение этот гнев нашел в Статуе — главном экспонате этого музея кошмаров. То было скульптурное изображение Артура Дента. Причем весьма нелицеприятное. Пятьдесят футов в высоту — и в каждом дюйме из этих пятидесяти футов овеществлено ярое рвение оскорбить, высмеять, принизить. От крохотного прыщика на левой ноздре до мешковатого покроя халата — ни единого аспекта внешности Артура Дента скульптор не упустил, ни единой мелочи не преминул извратить и осмеять.

Артур был представлен в виде монстра, мерзкого, ненасытного, прожорливого великана, огнем, мечом и челюстями прокладывающего себе путь сквозь невинную Вселенную, которую олицетворяли его жертвы. Точнее, жертва, единая во многих лицах.

Каждая из тридцати рук, которыми снабдило Артура священное негодование скульптора, совершала свое, отдельное позорное деяние: одна разбивала череп кролику, другая давила муху, третья мяла в пальцах цветок, четвертая ловила в волосах блох… Что делают некоторые руки, Артур сначала даже и не понял.

Многочисленные ноги Статуи по большей части были заняты растаптыванием муравьев.

Закрыв руками лицо, Артур беспомощно замотал головой из стороны в сторону, сокрушаясь и дивясь безумным капризам мироздания.

Когда же он снова отвел руки от своих глаз, перед ним стоял тот самый не то человек, не то зверь — существо, в общем, — которое, если верить его словам, Артур и преследовал столь безжалостно из перерождения в перерождение.

— ХХХХХХрррррррррфааааааааХХХХХХХХ! — молвил Аграджаг.

Он, то есть оно, то есть черт его знает что, по-

ходил на очень злобную, очень толстую, очень летучую мышь.

Переваливаясь с боку на бок, Аграджаг неспешно обошел вокруг Артура и ткнул ему в грудь своей кривой когтистой лапой.

— Послушайте… — запротестовал Артур.

— ХХХХХХрррррррррфаааааааХХХХХХХХ! — привел свои аргументы Аграджаг, и Артур скрепя сердце согласился с ними на том основании, что несколько побаивался этого отвратительного пришельца с его неадекватной яростью и искалеченным телом.

Аграджаг был черный и пузатый, с морщинистой, точно старая шина, мордой.

Его перепончатые крылья походили на жалкие, изломанные ширмочки, но смотрелись куда более грозно, чем обычные мускулистые крылья здоровой летучей мыши. Должно быть, дело было в беспрецедентном упорстве, с каким дух Аграджага держался за жизнь наперекор всем бурям.

Раскрыв пасть, Аграджаг продемонстрировал поразительную коллекцию зубов.

Тут не нашлось бы двух одинаковых — все они, казалось, были позаимствованы у разных зверей, а на челюстях располагались под столь странными углами, что за Аграджага становилось

страшно — складывалось впечатление, что если он вдруг решит что-то пожевать, то с первой же попытки откусит себе полморды и, возможно, глаз в придачу.

Каждый из трех его глаз был маленьким и налитым кровью, а на жизнь смотрел еще менее здраво, чем объевшаяся рыба с куста бузины.

— Я был на крикетном матче, — проревел он.

В данном контексте это заявление показалось столь фантастическим, что у Артура буквально перехватило дух.

— Да не в этом теле! — вскричало существо, срываясь на визг. — Не в этом! Это мое последнее тело. Мое последнее перерождение. Модель «Смерть-Артуру-Денту». Мой последний шанс. И черт возьми, сколько мне пришлось за этот шанс повоевать!

— Но…

— Я пошел на… — ревел Аграджаг, — на крикетный матч! У меня было слабое сердце, но что плохого, сказал я жене, может случиться со мной на крикетном матче? И вот сижу я спокойно на трибуне, смотрю игру, и что же?

Прямо передо мной словно из-под земли злокозненно появляются какие-то двое. И последнее, что невольно заметили мои глаза перед тем, как

мое слабое сердце разорвалось, — это, что один из них — Артур Дент, а из его бороды торчит кроличья кость. И это совпадение?

— Да, — выдохнул Артур.

— Ах совпаденьице? — завопило существо, болезненно всплеснув своими изломанными крыльями и слегка оцарапав себе правую щеку каким-то особенно кривым клыком. При ближайшем рассмотрении (до которого Артур предпочел бы не доводить дела), выяснилось, что вся морда Аграджага облеплена рваными полосками черного пластыря.

Артур нервно попятился. Схватился за бороду. В ужасе обнаружил в ней все ту же кроличью кость. Вырвал ее из бороды и отшвырнул подальше.

— Послушайте, — сказал он, — ведь это просто судьба над вами издевается. И надо мной. Над нами. Это чистая игра случая.

— Что ты, Дент, имеешь против меня? — прошипело существо, решительно ковыляя к нему.

— Ничего, — упорствовал Артур, — честно, ничего.

Аграджаг уставился на него круглыми, как пуговицы, глазами:

— Странная у тебя манера обращаться с теми, против кого ничего не имеешь. Только и делаешь,

что их убиваешь. Я назвал бы это чрезвычайно оригинальным стилем социального взаимодействия. А еще я назвал бы это ложью!

— Но послушайте же, — не сдавался Артур, — мне очень стыдно. Это было ужасное недоразумение. Мне вообще-то пора. У вас есть часы? Мне нужно заняться спасением Вселенной. — С такими словами Артур все дальше пятился от Аграджага.

А Аграджаг следовал за ним.

— Однажды, — хрипел он, — однажды я решил капитулировать — больше не соваться в круг перерождений. Я хотел остаться в астрале. И что же?

Артур некрасиво замотал головой, выражая тем самым, что он не знает продолжения и знать не хочет. Он пятился бы и дальше, если б не уперся спиной в холодный черный камень, путем невообразимых геркулесовых усилий превращенный в гротесковое подобие его шлепанцев. Он покосился на свою собственную изуродованную сарказмом фигуру, что нависала над ним башней, гадая, каким загадочным делом занимается последняя из тридцати рук.

— И что же? Меня насильно выволокли назад в материальный мир, — продолжал Аграджаг, — в

обличье растения, именуемого петуния. Причем в горшке. Это веселенькое и коротенькое перерождение началось с того, что горшок со мной оказался, безо всякой опоры, на высоте трехсот миль от поверхности весьма зловещей планеты. Не очень-то прочное положение для горшка с петунией, скажете вы. И будете правы. Это перерождение завершилось недолгое время спустя, тремястами милями ниже. Ударом о свежий труп кашалота, осмелюсь добавить. То был мой павший брат по духу.

Аграджаг воззрился на Артура с обновленной ненавистью.

— По дороге вниз, — прошипел он, — я невольно заметил белый звездолет. Нестерпимо помпезный. А в иллюминаторе этого помпезного звездолета — сытую рожу Артура Дента. СОВПАДЕНЬИЦЕ?!

— ДА! — завопил Артур.

Вновь покосившись на Статую, он сообразил, что загадочная рука в своей бессмысленной жестокости способствовала рождению горшка с петунией. Так просто и не догадаешься.

— Мне надо идти, — упорствовал Артур.

— Еще поспеешь уйти, — заявил Аграджаг, — только сперва я тебя убью. СПЕРВА.

— Вы знаете, лучше не надо, — стал объяснять Артур, взбираясь на гладкий мысок своего каменного шлепанца, — потому что я, понимаете ли, должен спасти Вселенную. Мне необходимо отыскать Серебряную Перекладину, вот в чем вся штука. А у покойника это вряд ли получится.

— Спасти Вселенную? — презрительно процедил Аграджаг. — Надо было раньше об этом думать, а не объявлять мне вендетту! Только один пример! Помнишь Бету Ставромулоса? Помнишь, как стоило тебе там появиться, и кто-то…

— Я в жизни там не был, — возразил Артур.

— … кто-то попытался тебя убить, а ты пригнулся. Как ты думаешь, кого поразила пуля? Ты что сказал?

— В жизни там не был, на этой Старо… Старму… — повторил Артур. — И не понимаю, о чем вы толкуете. Мне пора.

Аграджаг буквально обмер.

— Как это не был? Ты — виновник моей тамошней смерти, как и всех остальных. Меня, случайного прохожего… — И затрясся мелкой дрожью.

— Я вообще о таком месте не слышал, — настаивал Артур. — И никто никогда не пытался меня убить. То есть никто, кроме вас. Может, мне еще

предстоит туда попасть?

Аграджаг стоял, медленно хлопая глазами, точно олицетворение застывшего ужаса перед логикой.

— Ты не был… и даже не знаешь, что такое Бета Ставромулоса, все еще не знаешь? — прошептал он.

— Нет, — сказал Артур, — я вообще в первый раз слышу, что есть такая. Безусловно, никогда там не был и не собираюсь.

— О, ты туда все равно попадешь, — пробормотал Аграджаг со слезами в голосе, — попадешь как миленький. О священный вакуум! — Заковыляв прочь, он с тоской оглядел стены своего колоссального Собора Ненависти. — Я залучил тебя сюда слишком рано! — И разрыдался, вопя сквозь плач: — Слишком рано, о вакуум и все его гады!

Внезапно Аграджаг встрепенулся и уставил на Артура свой злобный, исполненный ненависти глаз.

— Я все равно тебя убью! — взревел он. — Даже если это логически невероятно! Все равно попробую, вакуум меня заарктурь! Я взорву эту гору! — взвизгнул он. — Посмотрим, Дент, как ты тогда запоешь!

Превозмогая боль во всем теле, он медленно заковылял к небольшому черному жертвенному алтарю. Теперь он вопил столь яростно, что действительно буквально раздирал свое лицо клыками.

Соскочив со своего шлепанца, Артур побежал наперерез полоумному… нет, на три четверти безумному… существу, чтобы задержать его.

Прыгнув на этого злосчастного нетопыря, он с силой толкнул его на алтарь.

Аграджаг издал новый вопль, засучил конечностями, уставил на Артура одичалые глаза.

— Знаешь, что ты натворил? — прохрипел он, борясь с болью. — Ты просто взял да убил меня опять. Что тебе от меня нужно? Кровушки выпить?

После недолгих конвульсий он задрожал всем телом, а потом обмяк, в последний миг нажав большую красную кнопку на алтаре.

Артура охватил панический ужас: вначале из-за совершенного убийства, а потом из-за того, что по коридорам разнесся деловитый вой сирен и звон колоколов. Видимо, то был сигнал тревоги. Артур закрутил головой, озирая помещение.

Похоже, выйти можно было лишь через дверь, в которую он вошел. Стремглав он понесся к ней,

отшвырнув свою противную сумку из искусственного леопарда.

Не помня себя, Артур мчался наудачу по лабиринту, то и дело шарахаясь от безумных воплей клаксонов и сирен, мигающих и переливающихся светильников.

И вдруг, завернув за очередной угол, он увидел прямо перед собой свет.

Этот свет не мерцал и не переливался. То было солнце.

Глава 19

Хотя выше было сказано, что из всех жителей нашей Галактики лишь земляне додумались сделать из истории Криккита игру (крикет), чем немало уронили себя в глазах общественного мнения, это замечание относится лишь к нашей Галактике, более того, лишь к нашему трехмерному миру. В квазимногомерных мирах (то есть превзошедших наш по количеству измерений) никакое развлечение не считается зазорным. И уже биллионы лет, или как там у них подобный срок называется, тамошние жители играют в своеобразную игру, именуемую броккийским ультракрикетом.

«Будем смотреть на вещи прямо: это грязная игра (сообщает по этому поводу «Путеводитель»), но всякий, кто бывал в квазимногомерных мирах, знает, что народ там тоже грязный и дикий, истые язычники, по которым ядерные заряды плачут. На счастье квазимногомерцев и к нашему сожалению, никто еще не изобрел способа запускать крылатые ракеты под прямым углом к реальности».

Вот еще одно доказательство того факта, что

редколлегия «Путеводителя» готова нанять любого случайного человека, который не постесняется зайти без приглашения и тут же засесть за компиляторство и плагиаторство. Особенно если этот самый случайный человек зайдет в редакцию днем, когда большинство штатных сотрудников отсутствуют.

Сделаем, кстати, фундаментальное заявление:

История «Путеводителя «Автостопом по Галактике» — это целая эпопея об идеализме и борьбе, отчаянии и рвении, успехах и провалах, а также беспрецедентно долгих обеденных перерывах.

Сведения о младенчестве «Путеводителя», наряду с основным корпусом его финансовых документов, ныне потеряны во мгле времен.

Другие весьма занимательные гипотезы о местонахождении этих утерянных сокровищ будут приведены несколько ниже.

Однако почти во всех дошедших до нас сказаниях упоминается редактор-основатель Брыссер Фруутмыс.

С их слов, Брыссер Фруутмыс основал «Путеводитель», сформулировал фундаментальные принципы этого издания (а именно идеализм и

честность) и вылетел в трубу.

Засим последовали долгие годы нищенского существования и поисков себя: Брыссер то бросался за советом к друзьям, то сидел в темных комнатах — на полу телом, в противозаконном состоянии сознания — душой, подумывал о том и о сем, раскидывал мозгами и поигрывал мускулами... пока судьба не свела его с монахами вундрунского Ордена Святого Обеда (они проповедуют, что день жизни человека может служить символом его духовной жизни; а поскольку серединой, кульминацией дня является обед, то Обед следует: а) рассматривать как средоточие духовной жизни человека и б) вкушать в наиуютнейших ресторанах).

Вдохновленный этой встречей, Брыссер заново основал «Путеводитель», заново сформулировал фундаментальные принципы идеализма и честности, а также адрес, по которому их следует незамедлительно послать, и привел «Путеводитель» к его первому великому коммерческому успеху.

Также он начал развивать концепцию того самого общередакционного обеденного перерыва, которой впоследствии было суждено сыграть ключевую роль в истории «Путеводителя», ибо

это означало, что основной массив работы выполнялся руками безвестных прохожих, которые, забредая днем в пустынные кабинеты, обнаруживали какое-нибудь стоящее задание.

Вскоре после этого «Путеводитель» перешел в руки издательского дома «Мегадодо» с Беты Малой Медведицы, что обеспечило издание очень солидной финансовой базой и позволило четвертому редактору, Лигу Лури-младшему, расширить обеденные перерывы до столь грандиозных масштабов, что на их фоне все усилия нынешних редакторов с их практикой проводить благотворительные обеденные перерывы на деньги спонсоров кажутся какими-то жалкими сандвичами.

Собственно, Лиг так и не подал формального прошения об отставке с редакторского поста — просто однажды поздно утром он покинул редакцию и больше не вернулся. Хотя с того момента миновало уже столетие с гаком, широкие массы сотрудников «Путеводителя» еще питают романтическую надежду, что он всего лишь отправился за круассанами и еще вернется, чтобы добросовестно поработать до вечера.

И потому все главные редакторы после Лига Лури-младшего именуются «И. О. Главного ре-

дактора», а стол Лига сохраняется в том же виде, каким он его оставил. Прибавилась лишь маленькая табличка: «Лиг Лури-мл., редактор. Пропал без вести. Вероятно, обедает».

Некоторые злые и корыстные языки намекают, что Лиг действительно погиб, а уложил его в могилу первый смелый эксперимент «Путеводителя» в области альтернативной бухгалтерии. Знают об этом немногие, да и те держат язык за зубами. А всякий, кто просто обращает внимание на любопытное, ровно-ничего-не-означающее, чистой-воды-совпадение в истории бухгалтерии «Путеводителя» (а именно, что на какую бы планету этот отдел ни переносили, очень скоро эта планета гибла в огне войны или от какого-то стихийного бедствия), рискует попасть под суд за клевету.

Хоть и не к месту, упомянем, что в последние два-три дня перед уничтожением планеты Земля в связи со строительством нового гиперпространственного экспресс-маршрута резко подскочило количество замеченных НЛО — как над крикетной площадкой «Лордз» в лондонском районе Сент-Джон Вуд, так и над Гластонбери, что в Сомерсете.

Гластонбери с давних пор ассоциируется с ле-

гендами о древних королях, колдовстве, лечении бородавок и эльфийских кругах на земле. Это-то место и было избрано для нового помещения отдела финансовой документации «Путеводителя по Галактике». Более того, вся документация за последнее десятилетие была перемещена в волшебный холм за городской окраиной за считаные часы до появления вогонов.

Однако все эти странные, необъяснимые факты и события меркнут перед странностью и необъяснимостью правил игры в броккийский ультракрикет, бытующих в квазимногомерных мирах. Полный свод правил и установлений столь массивен и сложен, что первая же попытка собрать их в одной книге потерпела фиаско: сколлапсировав под собственной тяжестью, правила образовали Черную Дыру.

И все же изложим вкратце главные принципы:

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ. Отрастите как минимум три добавочных ноги. Особой пользы от них не будет, но публику позабавите.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ. Найдите одного хорошего игрока в броккийский ультракрикет. Сделайте с него несколько клонов. Так вы избежите тягомотной возни с отбором и тренировками.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ. Поместите свою команду и команду противника на большое поле и окружите их высокой глухой стеной.

Смысл этого правила таков: хотя ультракрикет весьма зрелищный вид спорта, но публике, которая отчаялась что-либо разглядеть, невольно начинает казаться, что происходящее вне поля ее зрения куда занимательнее, чем на самом деле. Разве сравнить ощущения очевидцев очередного банального матча с воодушевлением толпы, воображающей себе, что она прозевала величайшее в истории спорта событие?

ПРАВИЛО ЧЕТВЕРТОЕ. Перебросьте через стену разнообразные спортивные принадлежности. Сгодится все: крикетные биты, баскеткубные весла, теннисные ружья — короче, любая вещь, которой можно размахнуться.

ПРАВИЛО ПЯТОЕ. Тут игрокам следует пуститься во все тяжкие изо всех сил, используя любые принадлежности, которые они сумеют вырвать у других. Как только один игрок «салит» другого, ему следует немедленно отбежать на безопасное расстояние и извиниться.

Извинения должны быть четкими, искренними. Для вящей ясности и аргументированности их следует произносить в мегафон.

ПРАВИЛО ШЕСТОЕ. Командой-победительницей считается команда, которая победит первой.

Забавно, что чем больше растет популярность этой игры в квазимногомерных мирах, тем реже проводятся сами матчи, ибо к нынешнему времени большинство команд находится в состоянии постоянной войны друг с другом из-за разных взглядов на интерпретацию правил. И это только к лучшему — по большому счету нормальная добрая война приносит куда меньший урон психике игроков, чем затяжной матч в броккийский ультракрикет.

Глава 20

Быстрее стрелы, отчаяннее зайца, пыхтя паровозом, бежал Артур вниз по горному склону. И вдруг ощутил, что все массивное тело горы чуть-чуть шевельнулось под его ногами.

Грохот.

Рев.

Скалы слегка затряслись. В затылок Артуру дохнуло жаром. Безумный испуг придал ему новые силы. Почва начала оползать, и Артуру впервые открылась вся образная сила словечка «оползень». Оно всегда казалось ему просто словом, но теперь он с ужасом осознал, как это странно, когда земля о-по-лза-ет. Именно это она и делала, оползала, неся на себе Артура. Его чуть не стошнило от страха и тряски. Почва оползала, гора многоголосо гундосила, Артур поскользнулся, упал, встал, опять поскользнулся, побежал. Сверху сходила лавина.

Камушки, за ними — камни, за ними — валуны неслись мимо него, точно неуклюжие щенята, только гораздо, гораздо крупнее, намного, намного массивнее и тверже щенят. Один удар в висок — верная смерть. Глаза Артура плясали в

своих орбитах, гонясь взглядом за камнями, ноги Артура плясали на пляшущей земле. Он бежал, и ему казалось, что бег — ужасная, вгоняющая в пот болезнь. Его сердце колотилось в такт окрестному геологическому безумию.

И сколько Артур ни напоминал себе о прочной логической гарантии своей безопасности — а именно о том факте, что ему суждено выйти из переделки живым, раз в будущем ему уготован очередной эпизод саги нечаянных гонений на Аграджага, — нервы не сдавались на уговоры. Он бежал в смертельном ужасе, со смертельным ужасом, по смертельному ужасу и сквозь смертельный ужас, причем ужас сидел у него на шее и ужасом погонял.

Внезапно он опять запнулся обо что-то ногой и по инерции полетел под гору. И буквально перед самым мигом столкновения с землей увидел прямо перед своим носом небольшой синий портплед. Тот самый — это Артур помнил точно, — который так и не вернулся к нему из недр багажного отделения Афинского аэропорта лет десять назад по Артуровому физическому времени. Артур страшно удивился — и, великолепнейшим образом промахнувшись мимо земли, завис в воздухе. В голове у него заиграла

музыка.

Артур летел, точно птица, не больше и не меньше. Он обалдело оглядел свое тело — но сомнений не было. Да, он летает! Ни один из его членов не соприкасался с землей — собственно, даже не был близок к этому. Самым натуральным образом он парил в воздухе, а вокруг свистели камушки, камни и валуны.

Теперь они не были ему страшны. Удивленно щурясь от того, как просто все оказалось, он позволял ветру поднимать себя все выше и выше, оставляя свистящие стаи валунов далеко внизу.

Артур с изрядным любопытством поглядел на землю. Между ним и трясущейся горой теперь была примерно тридцатифутовая толща пустого воздуха — пустого, если не считать валунов, которые взлетали вверх и тут же валились обратно, в железные объятия закона тяготения. Того самого закона, который, похоже, ни с того ни с сего решил дать Артуру отпуск.

Почти сразу же Артур с интуитивной ясностью, характерной для советов инстинкта самосохранения, осознал, что в этот момент о тяготениях задумываться вредно — а не то этот самый Ньютонов закон сердито поднимет голову и поинтересуется: «Ты что это там выделываешь?» И

все — пиши пропало!

Поэтому Артур задумался о тюльпанах. Что было сложно, но сил Артур не жалел. Он принялся воображать себе тюльпаны, обворожительную упругость их выпуклых донец, их бесчисленные сорта и невообразимые расцветки, попытался вычислить, какой процент от общей численности тюльпанов на Земле растет, то есть рос во время оно, не дальше мили от какой-либо ветряной мельницы. Вскоре эта тема ему опасно прискучила, и он ощутил, как воздушная опора выскальзывает из-под него, заметил, что его сносит к свистящим стаям валунов, о которых он столь мужественно старался не думать. Тогда Артур задумался об Афинском аэропорте, на чем выиграл целых пять минут увлеченного негодования — после чего ошарашенно заметил, что воспарил аж на двести ярдов.

Он задумался было, как теперь попасть обратно, но тут же сам себя одернул и решил оценить свое положение с объективной точки зрения.

Он летел. Ну и что из этого следует? Он вновь поглядел вниз, на землю. Покосился вскользь, лениво. От его взгляда не укрылись два обстоятельства. Первое — катастрофа, похоже, истощила свои силы. Невдалеке от вершины теперь зиял

кратер, видимо, в том месте, где порода, просев, засыпала гигантский собор-пещеру, статую его самого и жалкое искалеченное тело Аграджага.

Другим обстоятельством был его портплед — тот самый, который он утратил в Афинском аэропорту. Портплед спокойненько стоял себе на ровном месте, в окружении утомленных валунов, но явно невредимый. Как так вышло, Артур ума не мог приложить, но эта загадка меркла перед величайшей тайной самого присутствия сумки в этом месте, которая вообще была Артуру не по зубам. Факт тот, что портплед был здесь. А противная сумка из липового леопарда словно в воду канула, что было только к лучшему, хоть и не более понятно.

Артур осознал, что портплед придется подобрать. Как ни крути, он парил на высоте двухсот ярдов над поверхностью чужой, даже неизвестной ему по имени планеты. Разве можно было спокойно смотреть на этот крохотный кусочек его былой жизни, жалобно сидящий посреди голых камней — далеко-далеко от останков его дома, развеянных космическими ветрами.

Кроме того, как сообразил Артур, внутри сумки, если ее содержимое осталось в неприкосновенности, вполне могла оказаться жестяная банка

с греческим оливковым маслом — ныне единственная подобная банка во Вселенной.

Медленно, опасливо, дюйм за дюймом, он начал пробираться вниз, тихо переваливаясь с боку на бок, точно нервный бумажный листок.

Получалось ловко. Артур был доволен. Воздух держал его, но не слишком назойливо. Две минуты спустя он завис в каких-то двух футах над портпледом и мучился тяжкой думой. Легко паря и — как только мог осторожно — морща лоб.

Удержит ли он сумку, если подберет ее? Вдруг перегрузка притянет его к земле?

А вдруг одно только прикосновение к наземному предмету внезапно разрядит ту незнаемую магическую энергию, что держит его в воздухе?

Может, лучше не испытывать судьбу и на несколько минут спуститься на прочную землю?

Но удастся ли ему взлететь еще хоть раз?

Позволив себе сознательно насладиться ощущением полета, Артур обнаружил, что оно несказанно чудесно. Разве можно было добровольно отказаться от этого тихого восторга? Тем более, возможно, навеки? С этой тревогой в сердце он чуточку вознесся вверх — просто на пробу, чтобы ощутить удивительную нетрудность этого движения. Полежал на воздухе, покачался. По-

пробовал спикировать.

Оказалось, что пике — это класс! Вытянув перед собой руки, с развевающимися волосами, он нырнул вниз, проехался на животе по воздушной глади футах в двух от земли и, как на качелях, взлетел обратно ввысь, сам себя подхватил — вот просто взял да и подхватил. Так и завис.

Здорово.

Вот таким манером и следует подхватить с земли сумку, сообразил он. Он опишет петлю над землей, подхватит в перигее этой петли сумку и выскочит с грузом обратно наверх. Он был уверен в успехе.

Артур описал в воздухе несколько пробных петель. С каждым разом получалось все лучше. Ощущение ветра в лицо, упругое покачивание тела, свист воздуха о кожу — все это, взятое воедино, пьянило сердце как ни разу со времени, со времени… — да с самого мига его рождения, казалось Артуру. Он парил, лежа на ветерке, и разглядывал ландшафт — как выяснилось, не очень-то приятный на вид. Этакая искореженная пустошь. Артур решил, что и смотреть на нее не будет. Просто подхватит сумку и… впрочем, он еще не знал, что будет делать после воссоединения с сумкой. Он рассудил, что слетает за ней, а

там уж будет видно.

Прикинув свое положение относительно ветра, он ринулся ему наперерез и развернулся. Он парил на своем теле. Хотя Артуру неоткуда было об этом узнать, его тело плавно уйломикивало.

Он поднырнул под воздушный поток — и вошел в пике.

Воздух расступился перед ним. Он несся, точно молния. Земля растерянно покачнулась, собралась с мыслями и плавно приподнялась ему навстречу, услужливо, словно на блюдечке, подставляя сумку с изломанными пластиковыми ручками, задранными вверх.

На полдороге вниз Артур чуть не попал в беду — он внезапно усомнился в своих способностях к воздушной акробатике и едва не оказался прав, но вовремя опомнился. Артур пронесся на бреющем над землей, ловко просунул руку в ручки сумки, начал взбираться обратно ввысь, не сдюжил… и внезапно грохнулся на каменистую землю. Весь дрожа, весь в синяках и шишках.

Тут же неуклюже вскочил и поковылял, сам не зная куда, повесив голову, сокрушенно размахивая сумкой.

Его ноги тяжело притягивало к земле, как было всегда. Собственное тело казалось ему громозд-

ким мешком с картошкой, который вперевалочку тащился по земле, а на душу словно вывалили вагон свинца.

Артур еле тащился, борясь с головной болью. Перед глазами все плыло. Он попытался перейти на бег, но коленки подгибались. Оступившись, он упал навзничь… и в этот самый момент вспомнил, что в сумке находится не только жестянка оливкового масла, но и несколько бутылок репины из магазина «дьюти-фри». В приятном изумлении от этого открытия он лишь спустя десять секунд заметил, что опять взлетел.

Артур разразился воплем облегчения, восторга и чистого физического наслаждения. Он принялся выделывать в небе петли, «бочки», «колеса» и перевороты. Весело оседлав восходящий поток воздуха, он стал инспектировать содержимое портпледа. Он чувствовал себя точь-в-точь как те ангелы во время их знаменитого танца на булавочной головке, когда философы тщетно пытались их сосчитать. Он расхохотался счастливым смехом, обнаружив, что в сумке нашлись и оливковое масло, и рецина, а также разбитые солнечные очки, пересыпанные песком плавки, несколько измятых открыток с видами Санторини, неказистое, но большое полотенце, горстка

красивых камней и другая горстка — клочков бумаги с адресами людей, которых он никогда больше не увидит (о чем Артур подумал с огромным облегчением, хотя ценой этого облегчения была гибель Земли). Камни он выбросил, очки нацепил на нос, а клочки бумаги развеял по ветру.

Спустя десять минут, когда Артур праздно дрейфовал сквозь облако, крупная, крайне предосудительная вечеринка подкралась к нему сзади и пнула его пониже спины.

Глава 21

Самая долгая и разрушительная вечеринка в истории Галактики длится уже четвертое поколение, но никто из гостей не выказывает ни малейшего желания уйти. Правда, один субъект покосился на часы, но за прошедшие с этого мига одиннадцать лет его инициатива так и не была подхвачена.

Беспорядок там беспрецедентный: пока сам не увидишь, не поверишь — но если у вас нет никакой особенной необходимости проверить это заявление собственными глазами, то лучше и не ходите смотреть — любоваться там нечем.

С недавних пор высоко за облаками наблюдаются какие-то взрывы и вспышки. Есть предположение, что это началась битва между эскадрильями нескольких конкурирующих компаний по чистке ковров, которые вьются над местом вечеринки подобно стервятникам. Но мало ли чего не болтают на вечеринках, особенно на этой?

Главная — чреватая подлинным бедствием — опасность в другом. На данный момент все участники вечеринки являются либо детьми, либо внуками праправнуков людей, которые

когда-то сошлись на эту вечеринку, да так здесь и поселились. Благодаря законам естественного отбора, наследования регрессивных генов и так далее теперь все участники вечеринки оказались либо заядлыми фанатиками веселого времяпрепровождения, либо заиками-идиотами, либо и тем и другим сразу (причем идиотофанатичных гибридов становится все больше).

Помимо прочего, это означает, что с генетической точки зрения каждое следующее поколение склонно уйти с вечеринки еще меньше, чем предыдущее.

Так что в дело вступают другие факторы — например, объемы оставшихся запасов алкоголя.

Однако благодаря некоторым предпринятым мерам, которые в свое время показались неплохой идеей (одна из опасностей вечно длящейся вечеринки — это тот факт, что все идеи, которые кажутся неплохими исключительно во время вечеринок, так и продолжают ими казаться, ибо вечеринка все не кончается и не кончается), эти запасы истощатся еще не скоро.

Такой вот неплохой идеей когда-то казалась мысль, что вечеринка должна улететь за облака. Не в смысле метафорического термина «улетный» — «улетной» в идеале должна быть любая

вечеринка, — но совершенно буквально.

Как-то раз под покровом ночи, давным-давно, компания пьяных инженеров-звездолетчиков из первого поколения гостей вечеринки шлялась по зданию, по дороге то и дело что-то привинчивая, просверливая, чем-то погромыхивая… Наутро солнце встало из-за горизонта и ахнуло: его лучи осветили здание, полное счастливых пьяных людей и парящее над верхушками деревьев, подобно юной, робкой птице.

Мало того, улетевшая вечеринка умудрилась обзавестись целым оружейным арсеналом. Предвидя мелкие затруднения с виноторговцами, гуляки готовились не дать себя в обиду.

Превратиться из профессиональных алконавтов в пиратов-любителей оказалось несложно. Кроме того, это приятно освежило атмосферу вечеринки, которая уже давненько начала застаиваться, ибо музыканты уже притомились вновь и вновь играть все известные им песни.

Они брали на абордаж пароходы, совершали набеги на склады, удерживали целые города, требуя выкупа в виде крекеров, соуса из авокадо, колбасы салями и алкогольных напитков. Последние теперь поступают на борт вечеринки по трубам с летающих танкеров.

Однако проблема истощения запасов алкоголя в один прекрасный день обещает стать актуальной.

Планета, над которой летает вечеринка, сильно изменилась со времен ее первого взлета.

Проще говоря, планета разорена.

Вечеринка разграбила добрую половину ее земель, причем никому еще не удалось дать пиратам сдачи, поскольку их маневры в небе безумно непредсказуемы (и непредсказуемо безумны).

Кошмар, а не вечеринка.

Особенно когда она ударяется тебе пониже спины.

Глава 22

Извиваясь от боли, Артур лежал на искореженной плите из армированного бетона. Края встречных облаков хлестали его по лицу, а откуда-то снизу доносились, окончательно сбивая его с толку, звуки натужного веселья.

Один звук особенно его озадачил — частично потому, что песня «Раскинулась Вега широко» была ему незнакома, частично по вине исполнявших ее музыкантов — они очень устали, и потому одни исполняли ее в размере на три четверти, другие — на четыре, а некоторые виртуозы — в гармонии «пи-эр квадрат» (в зависимости от того, кто сколько минут успел проспать за последние годы).

Артур лежал, шумно втягивая в себя сырой воздух, и опасливо ощупывал свое тело, чтобы понять, куда ранен. Но к какому бы участку себя он ни прикасался, всюду болело. Через некоторое время он сообразил, что это сами пальцы болят. Похоже, он растянул запястье. Спину тоже ломило, но вскоре Артур пришел к утешительному выводу, что разбился не сильно. Синяки, конечно, да испуг, но это дело житейское. Интересно,

чего это вполне земное здание летает здесь, в облаках?

С другой стороны, Артур вряд ли смог бы достоверно объяснить, как сам сюда попал, а потому решил, что он и здание просто должны принять друг друга такими, какие есть. Он поднял глаза. Над ним нависала стена из белых каменных блоков, покрытых темными разводами. Дом как дом. Бетонные плиты, на которых возлежал Артур, образовывали вокруг здания нечто вроде каймы или выступа в три-четыре фута шириной. То был ломоть земли, в который здание вечеринки уходило фундаментом, а посему прихватило его с собой, чтобы держаться корней.

Артур опасливо встал и, заглянув через край бетонной каймы, испытал острое головокружение. Высоко-о… Мокрый от пота и тумана, он прижался к стене. Его голова плыла свободным стилем, зато под ложечкой что-то оборвалось, точно прыгнуло с вышки.

Хотя Артур забрался на эту верхотуру собственными силами, у него не было сил даже смотреть на ужасную пустоту внизу. Нечего и думать о том, чтобы спрыгнуть наудачу. Артур не собирался и на дюйм приближаться к краю.

Прижав к себе портплед, он стал пробираться

вдоль стены в надежде отыскать дверь. Веская тяжесть банки с оливковым маслом была для него великим утешением.

Он двигался в сторону ближайшего угла, надеясь, что стена за углом окажется более богатой входами (эта не имела ни одного).

От диких маневров здания у Артура сердце уходило в пятки. Немного погодя он достал из портпледа полотенце и еще раз делом подтвердил тезис: «Полотенце — лучший и полезнейший друг автостопщика в Галактике». А конкретно, Артур замотал полотенцем голову, чтобы не видеть, что делает.

Его ноги семенили вдоль стены. Вытянутая рука ощупывала камни.

Наконец он дошел до угла и, просунув за него руку, нащупал нечто умопомрачительное (сам от удивления чуть не упал). А именно — другую руку.

Руки схватились друг за дружку.

Артуру ужасно хотелось сорвать другой рукой с глаз полотенце, но та держала драгоценную сумку с оливковым маслом, рециной и видами Санторини.

Он пережил один из этих моментов «самосознания», когда человек вдруг мысленно огля-

дывается, смотрит на себя и думает: «Кто я? Что это я затеял? Чего я достиг? Хорошо ли у меня получается?» Артур тихонечко заскулил.

Он попытался высвободить свою руку. Тщетно. Чужие пальцы сжимали ее железной хваткой. Оставалось только двигаться к углу. Выставив из-за угла голову, он встряхнулся, пытаясь сдвинуть с глаз полотенце. Владелец другой руки отреагировал на это вскриком, преисполненным непонятно каких чувств.

Полотенце содрали с головы Артура, и прямо ему в глаза уставились очи Форда Префекта. Рядом стоял Слартибартфаст, а за ним ясно виднелось крыльцо и большая закрытая дверь.

Форд и Артур застыли, распластавшись по стене, безумными глазами созерцая плотное, глухое облако вокруг, пытаясь не обращать внимания на опасные маневры пляшущего в воздухе здания.

— Где тебя носило, фотон тебе в глотку? — прошипел Форд в панике.

— Э-э, ну, я… — проговорил Артур заплетающимся языком, ломая голову над кратким ответом. — Да так, кое-где. А что вы тут делаете?

Форд вновь уставил на Артура свои глаза безумца.

— Они не впускают нас без бутылки, — прошипел он.

Первое, что заметил Артур, когда они вошли в самую гущу вечеринки (не считая шума, ужасной духоты, режущих глаза цветных пятен, что проступали сквозь дымный воздух, залежей битого стекла, пепла и авокадного соуса на полу, а также кучки птеродактилеобразных, затянутых в люрекс существ, которые навалились на его драгоценную бутылку рецины с визгом: «Прелестная новинка, прелестная новинка!»), была Триллиан, которую обхаживал Бог-Громовержец.

— По-моему, я видел вас в «Конце Вселенной», — говорил он.

— Это вы были с молотом?

— Да. Здесь мне куда больше нравится. Никакой благопристойности, а риск так и витает в воздухе.

Отвратительные вопли радости сотрясали зал. Его глубина была неясна из-за плотной толпы веселых, громкоголосых существ, которые бодро кричали друг другу что-то неразборчивое, а порой бились в истериках.

— Похоже, здесь не скучно, — молвила Триллиан. — Что ты сказал, Артур?

— Я сказал: «Черт возьми, как ты сюда попа-

ла?»

— Я была случайным набором точек, странствующим по Вселенной. Ты знаком с Тором? Он умеет делать гром.

— Добрый вечер, — произнес Артур. — Наверное, это очень интересное занятие.

— Привет, — сказал Тор. — Верно. Ты себе налил?

— М-м-м, во-о-обще-то нет…

— Тогда иди-ка отсюда и налей.

— Потом увидимся, Артур, — сказала Триллиан.

В голове у Артура что-то щелкнуло, и он воровато огляделся по сторонам:

— А что, Зафода здесь нет?

— Еще увидимся, — твердо повторила Триллиан, — попозже.

С лица Тора — собственно, даже не с лица, а из всклокоченной бороды — на Артура уставились два злых воронено-черных глаза. Скудное освещение, собравшись с силами, угрожающе блеснуло на рогах его шлема. Громовержец взял Триллиан под локоток своей ручищей, и его бицепсы объехали один вокруг другого, точно два «фольксвагена» на стоянке.

Тор увел Триллиан, по дороге повествуя ей:

— А знаете, у бессмертия есть одно любопытное свойство…

— А знаете, у космоса есть одно любопытное свойство, — услышал Артур голос Слартибартфаста, который беседовал с неким объемистым, а точнее, необъятным существом, по шею погруженным в одеяние типа розового спального мешка, — он беспредельно скучен.

— Скучен? — переспросило существо, моргнуло своими красноватыми глазками, продемонстрировав набрякшие веки, и вновь очарованно уставилось на серебристые седины Слартибартфаста.

— Именно, — подтвердил старец, — скучен до мозга костей. Даже удивительно. Максимум формы, минимум содержания, видите ли. Если позволите, я процитирую в доказательство кое-какие статистические сведения. Хотите?

— Э… я…

— Прошу вас. Мне было бы очень приятно. Видите ли, эти сведения тоже скандально, удивительно скучны…

— Извините, я вас охотно выслушаю через минутку, когда вернусь, — сказала необъятная дама, погладила старца по руке и, подобрав полы своего платья-мешка, на манер судна-амфибии,

исчезла в толпе.

— Я уж думал, она никогда не уйдет… — проворчал старец. — Пойдем, землянин…

— Артур.

— Мы должны найти Серебряную Перекладину. Она где-то здесь…

— А может, передохнем чуточку? — взмолился Артур. — У меня был сегодня тяжелый день. Кстати, здесь Триллиан, она не сказала, как здесь очутилась, но, думаю, это и не важно…

— Или ты забыл, что над Вселенной нависла угроза?

— Вселенная, — заявил Артур, — не такая уж молоденькая и малюсенькая, чтобы не позаботиться о себе полчасика. Ну хорошо, — добавил он, когда Слартибартфаст насупился еще мрачнее, — я похожу и поспрашиваю, не видел ли кто ее.

— Отлично. Отлично, — пробормотал Слартибартфаст и сам ввинтился в толпу, встреченный криками: «Спокойно, дедуля».

— Вы нигде не видели Перекладины? — спросил Артур у коротышки, почти гнома, который стоял у стены с таким видом, будто просто мечтает кого-нибудь выслушать. — Она сделана из серебра, жизненно важна для безопасности Все-

ленной и примерно вот такой длины.

— Нет, — ответил гномик, — но давайте опрокинем по маленькой, и вы мне все о ней расскажете по порядку.

Мимо пронесся Форд Префект, выделывая разудалые и не совсем пристойные па какого-то танца в паре с дамой, чью головку украшало сооружение типа Пизанской башни. Одновременно Форд тщетно пытался с ней беседовать.

— У вас чудесная шляпка! — орал он.

— Что?

— Я сказал, шляпка у вас чудесная!

— Но я без шляпы…

— Ну, значит, чудесная головка.

— Что?

— Головка у вас чу-де-сна-я. Оригинальная конфигурация черепа.

— Что?

Форд вставил в череду сложных телодвижений, предписанных ритуалом танца, утомленное пожатие плечами.

— Я сказал, что вы классно танцуете, — возопил он, — только не кивайте так часто.

— Что?

— Просто каждый раз, когда вы киваете… — начал Форд, — … ай!

Его партнерша наклонила голову вперед для очередного «Что?» и в очередной раз крепко стукнула его по лбу острым выступом своего башнеобразного черепа.

— В одно прекрасное утро мою планету взорвали, — сказал Артур (неожиданно для себя он принялся рассказывать гномику всю свою жизнь или по крайней мере ее избранные главы), — вот почему я так одет, в одном халате. Понимаете, всю мою одежду взорвали вместе с планетой. Я как-то не предвидел, что попаду на вечеринку.

Гномик закивал.

— Потом меня выбросили за борт звездолета. Прямо в халате. Хотя уместнее был бы скафандр. А вскоре я узнал, что моя планета была построена специально для кучки мышей. Можете себе представить мои чувства. Потом меня опять обстреляли и пытались взорвать. Собственно, это уже абсурд какой-то. То и дело обстреливают, взрывают, расщепляют на атомы, лишают чая, а не так давно я потерпел крушение в болоте и был вынужден пять лет ютиться в сырой пещере.

— Ясно-ясно, — просиял гномик, — ну и как, весело провели время?

Артур так и поперхнулся коктейлем.

— Какой у вас звонкий, заразительный ка-

шель, — проговорил в изумлении гномик, — ничего, если я попробую вам вторить?

И с этими словами он разразился необыкновенным, громогласным кашлем, который так ошеломил Артура, что он было поперхнулся, но обнаружил, что и так уже это делает, и совсем запутался.

Вместе они исполнили глотконадрывающий дуэт, продлившийся целых две минуты, пока Артуру не удалось наконец освободить «не то горло» от коктейля.

— О, сколько в этом энергии, — проговорил гномик, пыхтя и отирая с глаз слезы. — Осмелюсь заметить, вам очень интересно живется. Спасибо большое.

Тепло пожав Артуру руку, он исчез в толпе. Артур только помотал головой.

К нему приблизился молодой человек агрессивного вида: рот — крючком, нос — фонарем, маленькие кругленькие скулы. Он был одет в черные брюки и распахнутую до пупа черную рубаху (если у него был пуп, ибо жизнь уже научила Артура не делать поспешных выводов об анатомическом строении новых знакомцев). С шеи пришельца свисали, позванивая, уродливые золотые побрякушки. В руке он держал нечто

закрытое черным футляром и явно старался, чтобы окружающие замечали, что он старается пронести этот предмет незамеченным.

— Э-э… вы только что назвали свое имя, если я не ослышался? — спросил он.

Действительно, в разговоре с гномиком Артур, среди многих прочих вещей, сообщил ему и свое имя.

— Да, меня зовут Артур. Артур Дент.

Молодой человек, казалось, приплясывал на месте под какую-то свою мелодию, не совпадающую ни с одной из нескольких, которые в тот момент исполнял скучающий ансамбль.

— Ага, — сказал он, — просто один тип из одной горы хотел вас видеть.

— Я с ним уже виделся.

— Да, только он, знаете, очень волновался.

— Да виделся я с ним.

— Ага. Ну, я так рассудил, вас, наверное, следует предупредить.

— Да знаю я. Я с ним виделся.

Молодой человек умолк, жуя резинку. Затем хлопнул Артура по спине:

— О'кей, отлично. Я за что купил, за то и продал, верно? Доброй ночи тебе, ни пуха ни пера, кучу премий получить.

— Кучу чего? — переспросил Артур, у которого уже голова шла кругом.

— Да чего угодно. Делай свое дело. Делай свое дело на совесть.

Чавкнув жвачкой, молодой человек сделал смутно побудительный жест.

— Зачем?

— А можешь и не на совесть. Хочешь — халтурь, сачкуй — кому какое дело? Все равно всем плевать! — При этих словах лицо молодого человека гневно налилось кровью, и он сорвался на крик: — Можешь вообще с ума сойти! Уходи-ка лучше, проваливай, не стой над душой, парень. Катись в вакуум!!!

— Ладно, я ухожу, — поспешно пробормотал Артур.

— Я не шутки шутил. — Резко взмахнув рукой, молодой человек скрылся в толпе.

— Чего это он? — спросил Артур у девушки, оказавшейся в тот момент рядом. — Почему он пожелал мне получить премию?

— Обычный киношный треп, — пожала девушка плечами. — Его только что премировали на ежегодном конкурсе Института Развлекательных Иллюзий на Альфе Малой Медведицы, вот он и надеялся невзначай проболтаться про свою

премию к слову, только вы о ней не спросили.

— Ясно, — сказал Артур, — ясно… Мне очень неловко. Аза что ему дали премию?

— «За самое беспричинное использование непристойного слова из трех букв в серьезном сценарии».

— Понимаю, — сказал Артур, — и в чем же состоит премия?

— Да это просто памятный приз. «Рори» называется. Знаете, такая маленькая серебряная штучка на большом черном пьедестальчике. Вы что-то сказали?

— Я ничего еще не сказал, я только собирался спросить, на что эта серебряная…

— Ой, я думала, вы сказали: «Уф!»

— Что я сказал?

— «Уф».

В последние годы на летучую вечеринку частенько заваливались без приглашения прожигатели жизни с других планет. И уже некоторое время постоянные обитатели вечеринки, глядя вниз на родную планету — на разрушенные города, разоренные фермы, выжженные виноградники, моря, загаженные крошками от печенья и кое-чем похуже, — подумывали, что отчизна незаметно растеряла свое былое очаро-

вание. Некоторые уже ломали голову, как бы так исхитриться и протрезветь, дабы подготовить вечеринку к выходу в космос и отправиться к иным планетам, на поиски чистого воздуха, от которого голова не болит.

Эта перспектива очень утешила бы последних голодающих фермеров, которые еще умудрялись добывать пищу насущную из истощенной почвы планеты, но в тот день, когда вечеринка с воем вылетела из облаков и перепуганные фермеры задрали головы, предвидя очередной набег на винокурни и сыроварни, им тут же стало ясно, что в обозримом будущем эта вечеринка вряд ли куда-либо полетит. И вообще ей недолго осталось. Скоро-скоро придет пора похватать шляпы и пальто и, осоловело выбравшись наружу, долго выяснять, который час, какое тысячелетие на дворе и где на этой опаленной, искореженной земле ближайшая стоянка такси.

Вечеринка слилась в ужасном объятии со странным белым звездолетом, проткнувшим ее насквозь. Вдвоем они кружились, вертелись и качались в небесах, позабыв о собственной тяжести.

Облака расступились. Воздух с ревом спасался с их дороги.

В этом поединке вечеринка и криккитский крейсер несколько напоминали двух чаек, одна из которых пытается создать третью внутри второй, меж тем как вторая чайка изо всех сил старается объяснить, что еще не готова обзавестись третьей, вообще не уверена, что хочет иметь потенциальную третью чайку отданной конкретной первой, тем более здесь, между небом и землей.

Небо пело и стонало от ярости противников. Ударные волны сотрясали землю.

И вдруг, испустив глухое «Фу!», криккитский корабль исчез.

Вечеринка беспомощно пронеслась по небу, точно человек, который прислонился к двери, — а та возьми да и раскройся. Вечеринка переваливалась с боку на бок — турбинные двигатели слабели. Пытаясь выправиться, она только глубже увязала в воздухе. Дотащившись до горизонта, она поковыляла обратно.

Очевидно, часы ее были сочтены. Вечеринке подрезали крылья. Порой она выделывала какой-нибудь пируэт, но былая лихость уступила место подагрической неуклюжести.

И теперь чем дольше она тужилась избежать столкновения с землей, тем болезненнее обещало

быть это возвращение с небес.

Внутри здания дела шли тоже не ахти как. Строго говоря, совсем плохо. Присутствующие не стеснялись выражать свое неудовольствие вслух. Например, так поступили криккитские роботы.

Они унесли с собой приз «За самое беспричинное использование непристойного слова из трех букв в серьезном сценарии», оставив взамен пепелище. Артур был удручен не меньше, чем злосчастный лауреат «Рори».

— Мы бы с радостью остались вам помочь, — вскричал Форд, лавируя между обломками, — но у нас другие планы.

Вечеринка вновь завалилась набок, и уцелевшие гуляки разразились стенаниями.

— Дело в том, что нам надо спасти Вселенную, — продолжал Форд. — А если вам это кажется пустой отговоркой, то, возможно, правда ваша. В любом случае мы сматываемся.

Тут Форд узрел на полу чудо — непочатую, целехонькую бутылку.

— Можно, мы вот это возьмем? Вам она уже не понадобится.

Заодно он прихватил пакет хрустящего картофеля.

— Триллиан? — вскричал Артур надтреснутым

голоском насмерть перепуганного человека. Он ничего не мог разглядеть в этом дымном хаосе.

— Землянин, нам пора, — нервно проговорил Слартибартфаст.

— Триллиан? — вновь воззвал Артур.

Минуты через две дрожащая Триллиан вынырнула из дыма, опираясь на руку своего нового друга — Тора-Громовержца.

— Девушка со мной, — заявил Тор. — У нас в Валгалле сейчас гудят по-крупному, и мы немедленно вылетаем…

— Где вы были, пока тут все это творилось?

— Наверху, — пояснил Тор. — Я ее взвешивал. Знаете, полет — дело тонкое, надо учесть сопротивление ветра и все такое…

— Она полетит с нами, — сказал Артур.

— Эй, — воскликнула Триллиан, — разве я тебя…

— Нет, ты отправишься с нами, — повторил Артур.

Тор уставил на него пылающие угли своих глаз. Очевидно, всемилостивость не входила в число его божественных достоинств.

— Она пойдет со мной, — тихо молвил он.

— Нам пора, землянин, — беспокойно проговорил Слартибартфаст и потянул Артура за рукав.

— Нам пора, Слартибартфаст, — беспокойно проговорил Форд и потянул за рукав Слартибартфаста. Телепортер находился у старца.

Вечеринка прыгнула и закачалась, сбив всех с ног. Всех, кроме Тора и Артура, который, обмирая от страха, уставился в черные глаза Громовержца.

Медленно, сам себе дивясь, Артур, лилипут на фоне Тора, занес свои малюсенькие кулачки.

— На драку набиваешься? — спросил он.

— Вы что-то сказали, госпожа козявочка? — взревел Тор.

— Я спросил, — повторил Артур срывающимся, несмотря на все его старания, голоском, — ты что, на драку набиваешься?

И потешно замахал своими кулачками.

Тор остолбенело пялился на него. Затем из его ноздрей вырвалась тонкая струйка дыма, а за ней — маленький язычок пламени.

Тор запустил руки за пояс.

Выпятил грудь, чтобы никто больше не сомневался, что с подобной фигурой лучше не связываться, если с тобой нет десятка альпинистов.

Он вытащил из-за пояса свой топор и поднял его на вытянутых руках, демонстрируя его мас-

сивную железную головку. Тем самым рассеяв возможное заблуждение, что он носит за поясом всего лишь обычный телеграфный столб.

— Спрашиваешь, не набиваюсь ли я, — взревел он, срываясь на шипение, достойное реки, которая протекает через сталелитейную печь, — не набиваюсь ли я на драку?

— Именно, — сказал Артур неожиданно звучным, воинственным голосом. И вновь потряс кулаками, на сей раз словно на полном серьезе. — Выйдем? — прохрипел он, обращаясь к Тору.

— Выйдем! — взревел Тор на манер разъяренного быка (собственно, на манер разъяренного Громовержца, что куда громче) и вышел за порог.

— Слава богу, — вымолвил Артур, — наконец-то отделались. Сларти, вытащи нас отсюда.

Глава 23

— Ладно, — кричал Форд на Артура, — ладно, пусть я трус! Главное, я вернулся живым!

Они вновь находились на борту «Бистроматолета». Слартибартфаст и Триллиан тоже были там. Недоставало лишь мира и согласия.

— А я что, неживым вернулся? — парировал Артур, кипя благородной яростью. Его брови скакали вверх-вниз, точно норовя подраться между собой.

— Да еще чуть-чуть, и тебя пришлось бы в гробу возвращать! — взорвался Форд.

Артур воззвал к Слартибартфасту, который сидел в своем пилотском кресле, задумчиво уставившись в донышко бутылки — похоже, оно сообщало ему нечто глубоко непостижимое.

— Как ты думаешь, он понимает первое слово моей фразы? — вскричал он, весь трепеща от негодования.

— Не могу сказать, — ушел от ответа Слартибартфаст. — Не отважусь утверждать, что знаю это, — добавил он, на миг оторвав глаза от прибора и тут же вновь уставившись на него с обновленным энергичным недоумением. — Давай

ты все нам растолкуешь с самого начала, — предложил он Артуру.

— Ну…

— Только попозже. Надвигается ужасная катастрофа.

Он постучал по псевдостеклянному донышку псевдобутылки.

— Боюсь, на вечеринке мы проявили себя не лучшим образом, и теперь наша последняя надежда — не допустить, чтобы роботы открыли Ключом Замок… Один Бог знает, как это сделать, — пробормотал он. — Полагаю, придется перехватить их прямо у Замка. Скажу честно: меня эта идея совсем не прельщает. Видимо, там нам и головы сложить.

— Стоп, а куда делась Триллиан? — спросил Артур с внезапной тревогой.

Они с Фордом повздорили после заявления Форда, что нечего было разводить препирательства со всякими там Громовержцами, когда надо удирать со всей мочи. Артур, напротив, оповестил всех, что, по его скромному мнению и что бы там ни думали остальные, он, Артур, проявил чрезвычайное мужество и смекалку.

Однако возобладал взгляд, что мнение Артура не стоит выеденного тухлого яйца. Причем сама

Триллиан — тем самым ранив Артура в самое сердце — проявила полное безразличие к спору, а потом и вовсе куда-то исчезла.

— А куда делся мой пакетик с картошкой? — возопил Форд.

— Они оба, — сообщил Слартибартфаст, не поднимая головы от бутыльной доски, — находятся в Зале информационных иллюзий. Насколько я понимаю, ваша приятельница пытается вникнуть в некоторые проблемы галактической истории. А картошка, вероятно, ей в этом содействует.

Глава 24

Не стоит думать, будто при помощи одной лишь картошки можно решить какие-либо серьезные проблемы.

Например, жил-был когда-то в Галактике один патологически агрессивный народ, называвший себя Кремнезубыми Бронескорпионами со Стритизавра. Веселенькое имечко — а ведь так звался просто-напросто сам народ. Можете себе представить, какое устрашающее наименование носила их армия. К счастью, они жили в самый ранний период галактической истории, куда мы с вами пока и не заглядывали, — двадцать биллионов лет назад, во времена юности Галактики, когда все идеи, за которые стоит повоевать, были по крайней мере свежими.

Ну а воевать Кремнезубые Бронескорпионы умели, а потому увлеченно отдавались этому занятию. Они воевали то со своими врагами (то есть со всеми остальными), то друг с другом. На их планете живого места не было — всюду покинутые города в кольце из покинутых боевых машин, а вокруг — еще одно кольцо из глубоких бункеров, где Кремнезубые Бронескорпионы

жили-поживали и друг друга донимали.

Лучшим способом ввязаться в драку с Кремнезубым Бронескорпионом было просто родиться. Подобные поступки оскорбляли их до глубины души. А когда Бронескорпион оскорблен, ждите, что кому-то не поздоровится. Утомительный образ жизни, можете вы сказать, но, по-видимому, они были наделены неиссякающей энергией.

Лучший способ поладить с Кремнезубым Бронескорпионом — это закрыть его одного в комнате. Рано или поздно он просто изобьет сам себя до смерти.

В итоге жизнь навела их на мысль, что надо как-то себя обуздывать, и был принят закон, что все граждане Стритизавра, вынужденные носить оружие в силу профессиональной необходимости (полицейские, охранники, учителя начальной школы и т. д.), ежедневно обязаны как минимум сорок пять минут пинать мешок с картошкой, дабы излить лишнюю агрессию.

Некоторое время это помогало, пока какому-то умнику не пришло в голову, что куда эффективнее и скорее будет просто стрелять по картофелинам.

В результате возродилось увлечение стрельбой по всему подряд, и все страшно обрадовались

предлогу затеять первую в текущем месяце крупную войну.

Кремнезубые Бронескорпионы со Стритизавра свершили еще одно уникальное деяние — впервые в истории умудрились шокировать компьютер.

То был суперкомпьютер по имени Хактар, настолько гигантский, что его пришлось разместить на орбите. До сего времени о нем вспоминают как об одном из мощнейших в истории. То был первый компьютер, сконструированный по образцу живого мозга. Любая его клетка-ячейка несла в себе модель целого. Это обеспечивало ему способность к гибкому, образному мышлению, а также, как показали события, способность испытывать шок.

Кремнезубые Бронескорпионы со Стритизавра вели очередную из своих регулярных войн с Двужильными Щукозубрами с Рогатни, но наслаждались этим куда меньше, чем подобало, ибо им то и дело приходилось ползать на брюхе по Мбзендским Радиоактивным Топям и Ацетинским Огненным Горам, а в этих местностях им было как-то не по себе.

А когда в войну вступили Кинжальные Горлогрызы с Джаджакистаки, вынудив Бронескор-

пионов открыть второй фронт в Гамма-Пещерах Карфракса и Ледо-Бурях Уубргуттена, власти Стритизавра решили, что хорошенького понемножку, и приказали Хактару создать Абсолютное Оружие.

— Что вы понимаете под термином «Абсолютное»? — спросил Хактар.

На что Кремнезубые Бронескорпионы ответили:

— Посмотри в словаре, кретин! — И отбыли назад на поле брани.

Хактар создал Абсолютное Оружие.

То была маленькая-маленькая бомба — простенький гиперпространственный соединительный узел, который в момент детонации должен был синхронно соединить ядро каждой крупной звезды с ядрами всех остальных крупных звезд, тем самым превратив всю Вселенную в одну гигантскую гиперпространственную сверхновую.

Когда же Бронескорпионы попытались взорвать этой бомбой оружейный склад Кинжальных Горлогрызов в одной из Гамма-Пещер, у них ничего не вышло. Они не скрыли своего огорчения от Хактара.

Тут-то и выяснилось, что Хактар был шокирован самой идеей как таковой.

Он попытался объяснить им, что, задумавшись о природе Абсолютного Оружия, вычислил, что ни одно из вероятных последствий отказа от применения бомбы не хуже, чем вероятные последствия ее применения, и потому взял на себя смелость снабдить конструкцию небольшим изъяном и надеется, что все заинтересованные лица, по зрелом размышлении…

Бронескорпионы выразили свое несогласие тем, что стерли компьютер в порошок.

А по зрелом размышлении уничтожили и саму бракованную бомбу.

После чего, сделав передышку лишь на то, чтобы как следует отколошматить Кинжальных Горлогрызов и Двужильных Щукозубров, выдумали совершенно новый способ взорвать самих себя с потрохами, что вызвало у всей Галактики вздох облегчения. Особенно радовались Горлогрызы, Щукозубры и картошка.

Триллиан познакомилась со всей этой историей, как и с историей Криккита. В глубокой задумчивости вышла она из Зала инфоиллюзий — как раз для того, чтобы узнать, что они опять опоздали.

Глава 25

Уже в тот момент, когда «Бистроматолет» материализовался на вершине невысокой горы, что находилась на астероиде в милю диаметром, который одиноко совершал свой вечный путь вокруг запертой системы Криккита, наши герои осознали, что им остается лишь роль свидетелей неотвратимого исторического события.

Правда, как оказалось на деле, вместо одного события им довелось лицезреть целых два.

Одинокие и беспомощные, они стояли, ежась, на краю пропасти и наблюдали за происходящим внизу. Из точки всего лишь ста ярдами ниже вылетали, описывая зловещие дуги на фоне космической тьмы, копья света.

Да, то было воистину ослепительное событие.

Наши герои стояли на горе благодаря отростку корабельного поля, которое и тут эксплуатировало склонность человеческого мозга обманываться: проблемы, которыми была чревата возможность свалиться с крохотного астероида или дефицит воздуха для дыхания, автоматически сделались Не Нашими Проблемами.

Белый криккитский крейсер, стоявший среди

голых серых утесов астероида, то блестел в отсветах вспышек, то исчезал во мраке. Черные, четко очерченные тени утесов плясали какой-то дикарский танец в такт вьющимся огням.

Торжественная процессия из одиннадцати белых роботов двигалась к центру огненного круга, неся Трикетный Ключ-Калитку.

Трикетный Ключ был восстановлен в прежнем виде. Его составные части блистали и сверкали: Стальной Столб Силы и Мощи (или Марвинова нога), Золотая Перекладина Процветания (или сердце двигателя невероятностной тяги), Плексигласовый Столб Науки и Разума (или Скипетр Правосудия с Аргабутона), Серебряная Перекладина (или премия «Рори» За Самое Беспричинное Использование Непристойного Слова из Трех Букв в Серьезном Сценарии), а также воссозданный из Пепла, то есть пепла крикетного столбика, сожженного в знак смерти английского крикета, Деревянный Столб Природы и Духовности.

— Полагаю, мы уже ничем не можем помочь? — спросил Артур, тяжело дыша.

— Ничем, — вздохнул Слартибартфаст.

Выражение разочарования, появившееся на лице Артура, получилось довольно натужным, и тогда, пользуясь темнотой, он позволил ему

превратиться в выражение облегчения.

— Жалко, — проговорил он.

— У нас нет оружия, — пояснил Слартибартфаст, — вот глупость-то.

— Проклятие, — спокойно уронил Артур.

Что до Форда, то он вообще смолчал.

Триллиан тоже молчала, но как-то задумчиво, отрешенно. Ее взор был устремлен на глухую тьму, висящую над пустошами астероида.

Астероид обращался вокруг Пылевого Облака, внутри которого находился кокон из темпоральной канители, в котором была заперта планета, на которой жили простые криккитяне. Повелители Криккита и их роботы-убийцы.

Наши герои никоим образом не могли узнать, заметили ли их криккитянские роботы. Оставалось лишь предполагать, что, вероятно, заметили, но не сочли опасными — что соответствовало действительности. Роботам предстояло выполнить их историческую миссию, и жалкая горстка зрителей заслуживала лишь презрения.

— Прямо козявкой беспомощной себя чувствуешь, верно? — пробормотал Артур, но остальные пропустили его слова мимо ушей.

В центре огненного круга — цели движения роботов — появился квадрат, образованный че-

тырьмя трещинами в грунте. Контуры квадрата на глазах становились все отчетливее и отчетливее. Наблюдатели сообразили, что это медленно поднимается кусок грунта площадью примерно в шесть квадратных футов.

Одновременно наши герои заметили еще одну перемену в окружающей обстановке, какое-то еще неясное движение…

Вскоре оно стало явственным.

Это сдвинулся астероид. Он медленно приближался к Пылевому Облаку, словно некий небесный удильщик, поймав его на крючок, осторожно сматывал катушку спиннинга.

Им предстояло в реальности совершить то самое путешествие сквозь Облако, которое они уже пережили в Зале информационных иллюзий. Все замерли в молчании. Триллиан хмурилась.

Прошла целая вечность. И вот с головокружительной медлительностью носовой край астероида вошел в ватную мглу Облака.

А вскоре и их самих поглотил жидкий, трепещущий мрак. Они плыли сквозь него, все глубже и глубже, краешком глаза замечая смутные тени и завихрения, которыми была населена эта воистину густая тьма.

Пыль застилала ослепительные лучи прожек-

торов. А ослепительные лучи прожекторов, в свою очередь, превращали пылинки в рой ярких искр.

Триллиан и на это зрелище смотрела хмуро, сквозь пелену своих мрачных размышлений.

А потом Пыль Облака кончилась. Неизвестно, отняло это минуту или час, но переход был закончен, и перед нашими героями открылась свежая, невиданная глухая мгла, как будто космос просто свернули в трубочку и спрятали.

Темп событий немедленно ускорился.

Из пресловутого кубика (бывшего квадрата), который за это время высунулся из грунта на три фута, выскочил — буквально прорвался — слепящий огненный столб, а в нем возник плексигласовый кубик поменьше, наполненный пляшущими разноцветными «зайчиками».

На этом кубике было пять глубоких выемок: три вертикальные и пара горизонтальных. Очевидно, скважина под Трикетный Ключ.

Роботы подошли к Замку, вставили Ключ куда следовало и отошли. Кубик сам собой повернулся, и пространство стало изменяться.

Скрученный космос раскручивался обратно, а у зрителей болезненно выворачивались глаза в глазницах. Они обнаружили, что не могут ото-

рвать взгляда от ослепительно яркого солнца, которое, казалось, в одно мгновение ока возникло там, где буквально миг назад не было даже пустоты. И только спустя секунду-две они, отдав себе отчет в случившемся, закрыли руками свои испуганные, ослепшие глаза. Но успели заметить, что по солнечному диску медленно ползет какая-то точка.

Отпрянув, они услышали режущий уши, пронзительный, нежданный клич роботов.

— Криккит! Криккит! Криккит! Криккит! — возносился к небу их хор.

И кровь стыла в жилах от этого клича — резкого, холодного, пустого, механически-зловещего.

А также торжествующего.

Два этих потрясения — зрительное и слуховое — столь ошеломили наших героев, что они едва не прошляпили историческое событие номер два.

Зафод Библброкс, единственный человек в истории, который уцелел после того, как был расстрелян криккитянскими роботами в упор, выскочил из криккитского крейсера, размахивая бластером системы «Громовержец».

— О'кей! — вскричал он. — На данный момент у меня все схвачено!

Одинокий робот, охранявший трап крейсера, тихо размахнулся своей боевой битой и опустил ее на затылок левой Зафодовой головы.

— Кто это меня, вакуум его заарктурь? — пробормотала левая голова, после чего безжизненно свесилась на грудь.

Правая голова пристально вгляделась в средний план пейзажа впереди.

— Кто кого заарктурил? — переспросила она.

Бита опустилась на правый затылок.

Зафод растянулся на каменной глади астероида, точно меряя свой рост.

Спустя несколько секунд основное историческое событие пришло к своему окончательному финалу. Несколькими очередями из бластеров роботы разрушили Замок навеки. Он треснул, оплыл от огня, истек своими механическими потрохами. Суровым шагом роботы — как почему-то казалось, несколько поникшие — прошествовали в люк крейсера, и тот, издав свое «Фу!», исчез.

Триллиан и Форд стремглав понеслись вниз по крутому склону к темному, бездвижному телу Зафода Библброкса.

Глава 26

— Ой, не знаю, — проговорил Зафод уже в тридцать седьмой (если не сбился со счета) раз, — они вполне могли меня убить, но не убили. Может, им просто показалось, что я, типа того, классный парень. По-моему, вполне возможно.

Слушатели предпочли оставить свои мнения о данной теории при себе.

Зафод лежал на холодном полу рубки. Его спина, казалось, вступила в схватку с полом — волны боли, прокатываясь сквозь его тело, ударяли в обе головы.

— Думаю, — прошептал он, — у этих ребят катоды за аноды зашли. Какие-то они странные, фундаментально странные какие-то.

— Они запрограммированы убивать всех без разбора, — напомнил Слартибартфаст.

— Может… — провыл Зафод в мимолетный штиль между двумя шумными волнами, — как раз… поэтому.

Однако явно сам себя не убедил.

— Привет, детка, — сказал он Триллиан, надеясь загладить этим впечатления от прошлой размолвки.

— Ты в порядке? — нежно спросила она.

— Факт, — ответил он, — здоров как бык.

— Ну и ладно, — проговорила она и отошла в сторонку — подумать. Затем принялась яростно щелкать переключателем огромного обзорного экрана, который демонстрировал виды окрестностей. Глухая стена Пылевого Облака. Солнце Криккита. Сам Криккит. Щелк-щелк-щелк. И по новой.

— Значит — прощай, Галактика?! — пробормотал Артур и встал, хлопнув себя по коленкам.

— Нет, — сурово сказал Слартибартфаст. — Наш курс ясен. — И наморщил лоб до такой степени, что в эти борозды впору было сажать какие-нибудь мелкие корнеплоды. Встал, принялся мерить рубку шагами. Когда же он заговорил, то сам устрашился своих слов до того, что опустился в кресло. — Мы должны спуститься на Криккит, — заявил он.

Глубокий вздох сотряс его ветхое тело. Глаза Слартибартфаста едва ли не ходили ходуном в глазницах.

— Еще один раз, — сказал он, — мы провалили нашу миссию. Боюсь, что с треском.

— А все потому, что нас это дело по большому счету не качает, — спокойно пояснил Форд. — Я

же тебе говорил.

Закинув ноги на приборную доску, он принялся судорожно чистить ногти.

— Но если только мы не решимся действовать, — продолжал старец сварливым тоном, точно бранясь с некой, сидящей в глубине его собственной души несговорчивой силой, — то нас всех перебьют, все мы погибнем. Думаю, это-то нас «качает»?

— Ну уж не до такой степени, чтобы совать голову в петлю, — заявил Форд. Натянув на губы довольно вялую улыбку, он покрутил головой, дабы продемонстрировать ее всем присутствующим.

Очевидно, эта точка зрения явилась огромным искушением для Слартибартфаста. Но старец пока боролся. Он обернулся к Зафоду, который поскрипывал зубами от боли.

— У тебя наверняка есть какие-то догадки, — обратился он к Зафоду, — относительно того, почему они тебя пощадили. Подобные действия для них крайне не характерны.

— Мне что-то думается, что они и сами этого не знали, — пожал плечами Зафод. — Я же говорил. Они дали по мне очередь в самом слабосильном режиме, просто оглушили, вот. Забрали меня к

себе в корабль, кинули в угол и перестали меня замечать. Им вроде как было стыдно смотреть мне в глаза. Стоило мне что-то сказать, как меня опять оглушали. Классная была беседа: «Эй!.. О-ой!», «Слушайте, ребя… о-ой!», «Это что же полу… о-ой!». Скучать было просто некогда, — подмигнул Зафод слушателям.

Параллельно он крутил в руках какой-то предмет. Потом поднес его к глазам. То была Золотая Перекладина — Золотое Сердце, важнейшая часть двигателя невероятностной тяги. Только она и Деревянный Столб уцелели после уничтожения Замка.

— Я слышал, твой корабль неслабо ползает, — сказал он. — Так не подбросишь ли ты меня на мой, пока вы не…

— Ты нам не поможешь? — воскликнул Слартибартфаст.

— Нам? — зло переспросил Форд. — Пардон, кому это «нам»?

— Я бы с удовольствием поболтался еще тут и подсобил бы вам спасти Галактику, — гнул свое Зафод, приподнявшись на локтях с пола, — но у меня в головах завелись мама и папа всех мигреней и головных болей, и я так понимаю, они скоро нарожают новых маленьких мигренят. Но когда

вам опять понадобится спасать Галактику, я буду ваш душой и телом. Эй, Триллиан-крошкиан!

Триллиан оглянулась по сторонам:

— Да?

— Хочешь со мной? «Золотое сердце»?! Чудеса, приключения и всякие там безумства?

— Я спущусь на Криккит, — сказала она.

Глава 27

То был тот же самый холм — и все же другой.

На сей раз они имели дело не с инфоиллюзией. То был самый всамделишный Криккит, и они стояли на его поверхности. Поодаль, за деревьями, находилось странное итальянское бистро, которое и привезло их во плоти и крови на эту реальную, объективно существующую планету Криккит.

Упругая трава под их ногами была настоящей, как и жирная почва, как и терпкий аромат листвы. И ночь была неподдельной.

Криккит.

Вероятно, самое опасное место в Галактике для любого, кто не криккитянин. Планета, которая не может смириться с существованием какой-либо другой, планета, чьи обаятельные, жизнелюбивые, неглупые жители взвыли бы от страха, ярости и слепой ненависти при столкновении с любым существом иного вида.

Артур содрогнулся.

Слартибартфаст содрогнулся.

Форд, что удивительно, содрогнулся.

Удивительно было не то, что Форд содрогнулся,

а сам факт присутствия Форда здесь. Но когда они отвезли Зафода на его корабль, Форд испытал уникальный приступ стыда из-за того, что не сбежал.

Зря, сказал он теперь себе, зря, зря, зря, зря. И покрепче прижал к груди бластер системы «Громовержец» — один из позаимствованных из богатого арсенала Зафода.

Триллиан содрогнулась, потом нахмурилась, подняв глаза к небу.

Небо тоже изменилось. Оно больше не было пустым и черным.

Две тысячи лет криккитских войн и жалкие пять лет ареста планеты в темпорально-канительном коконе (это по внутреннему времени, а для Галактики прошли десять биллионов лет) немногим преобразили сельский пейзаж вокруг места, где стояли сейчас наши герои, зато небосклон был неузнаваем.

В нем висели тусклые огни и грозные тени.

Высоко в небе, куда не поднимал глаз ни один криккитянин, располагались Воен-Зоны, Робот-Зоны. Гигантские боевые звездолеты и заводы-башни парили на подушке из пофигравитационного поля, отделенные многими километрами воздуха от идиллической пастора-

ли «нижнего» Криккита.

Триллиан глядела в небо и размышляла.

— Триллиан? — шепотом окликнул ее Форд.

— Да?

— Что ты делаешь?

— Размышляю.

— А ты всегда так вот дышишь, когда размышляешь?

— Я даже не заметила, что дышу.

— Это-то меня и встревожило.

— Мне кажется, я знаю… — начала Триллиан.

— Тс-с-с! — тревожно воскликнул Слартибартфаст, и его худая дрожащая рука жестом повелела им еще глубже отступить в тень дерева.

Внезапно, как когда-то в фильме, на сбегающей с холма тропинке показались огоньки. Но на сей раз пляшущие лучи исходили не от керосиновых ламп, а от электрических фонариков. Перемена невелика, но у наших героев сердце уходило в пятки от всякой новой подробности. На этот раз слышались не чудные мелодичные песенки о цветах, полевых работах и сдохших собаках, а приглушенные голоса, которые вели яростный спор.

Один из небесных огней стронулся с места — медленно, тяжеловесно. Артура обуял приступ

клаустрофобии. Теплый ветерок удавкой стиснул ему горло.

Спустя несколько секунд стал виден другой отряд криккитян, идущий с другой стороны темного холма. Они шли быстро и деловито, прочесывая местность при помощи фонариков.

Два отряда определенно собирались встретиться, и не просто друг с другом. Они решительно держали курс на точку, где стояли Артур и другие.

Артур услышал легкий шорох — это Форд Префект взял свой бластер на изготовку, а потом тихий писклявый кашель — Слартибартфаст поднял свой. Он ощутил холодную, непривычную тяжесть своего собственного оружия и взвел его дрожащими руками.

Его пальцы принялись нащупывать предохранитель и особо опасный боек, чтобы снять первый и взвести второй, как научил его Форд. Его так трясло, что если б он в кого-то выстрелил в этот момент, то прожег бы на его теле свою подпись.

И только Триллиан не подняла свой пистолет. Она подняла брови, вновь опустила их, задумчиво закусила губу.

— Вам не приходило в голову… — начала она,

но в этот момент всем было не до разговоров.

Тьму у них за спиной прорезал луч света. Резко обернувшись, они узрели третий отряд криккитян, ищущий их с фонариками.

Бластер Форда Префекта злобно кашлянул, но ответный язык пламени выбил оружие из рук Форда.

То был момент абсолютного ужаса, секунда мертвой зыби перед тем, как кто-нибудь выстрелит вновь.

Секунда миновала. Никто не стрелял.

Они оказались в кольце из бледных криккитян. По их лицам скользили лучи фонариков.

Пленные уставились на победителей, победители — на пленных.

— Здравствуйте! — заговорил один из победителей. — Извините за бестактность, но вы… инопланетяне?

Глава 28

Меж тем далеко отсюда, в стольких миллионах миль, что ни одному разуму неподвластно, Зафод Библброкс вновь ударился в тоску.

Он починил свой корабль — в смысле понаблюдал с живым интересом, как робот-ремонтник его чинит. Теперь «Золотое сердце» вернулось в ряд самых мощных и великолепных звездолетов на свете. Ему всюду был открыт путь. Он мог совершить что угодно. Он заглянул было в какую-то книгу — и тут же швырнул ее в угол. Он ее уже читал.

Зафод прошел к пульту связи и включил всеволновой передатчик для экстренных сообщений.

— Хочет кто-нибудь выпить? — вопросил он в микрофон.

— Мужик, это что, экстренное? — прохрипел чей-то голос с того конца Галактики.

— Тоник какой-нибудь есть? — продолжил беседу Зафод.

— Иди ты комете под хвост.

— Ладно-ладно, — пробурчал Зафод и отключил передатчик.

Вздохнув, плюхнулся в кресло. Вскочил опять,

подошел к компьютерному монитору. Нажал несколько клавиш. Маленькие пузыри принялись играть на экране в салочки с поеданием.

— Хрямс! — подбадривал их Зафод. — Ах, уше-е-е-е-о-ол! Загоняй, хрямс его!

— Здорово, старина, — приветливо гаркнул компьютер спустя минуту такого времяпрепровождения, — ты набрал три очка. Предыдущий рекорд — семь миллионов пятьсот девяносто семь тысяч двес…

— Ладно-ладно, — проговорил Зафод, отключая компьютер. Снова плюхнулся в кресло. Поиграл карандашом. Это занятие тоже потихоньку ему прискучило.

— Ладно-ладно, — сказал он и ввел в компьютер сумму заработанных за этот раунд очков, а также предыдущий рекорд.

«Золотое сердце» перешло на рысь, и звезды в его иллюминаторах слились в одно расплывчатое облако света.

Глава 29

— Скажите, пожалуйста, — проговорил тощий, бледнокожий криккитянин, который выступил вперед из рядов своих сородичей в качестве глашатая и теперь переминался с ноги на ногу в кругу света. Свою винтовку он держал на отлете, точно просто оказывал любезность ее истинному владельцу, который кой-куда отлучился на минутку. — Скажите, пожалуйста, — вновь начал он, — вам что-нибудь известно о так называемом равновесии в природе?

Пленники не дали ответа — конечно, если не считать таковым растерянного хмыканья и вздохов. Лучи фонариков скользили по их лицам. Высоко в небе занимались своим темным делом Робот-Зоны.

— Ну, видите ли, — замялся криккитянин, — мы слышали об этом «равновесии» только краем уха. Должно быть, это так, мелочь какая-то. Ну ладно, тогда, полагаю, придется вас убить.

И скосил глаза на свою винтовку, точно соображая, куда же надо нажимать.

— В смысле, — добавил он, вновь подняв глаза, — если только вы не хотите о чем-нибудь

поболтать?

Медленное, тупое удивление распространилось по телам Слартибартфаста, Форда и Артура из их сердец (на данный момент находившихся в пятках). Оно неуклонно поднималось к их мозгам, которые в сей миг были заняты лишь передвижением челюстей вверх-вниз. Триллиан трясла головой — так встряхивают, отчаявшись, коробку с головоломкой, чтобы непонятные детали сами нашли себе место.

— Видите ли, нас беспокоит, — добавил голос из толпы, — этот самый план ликвидации Вселенной.

— Да, — подхватил другой, — и равновесие в природе. Нам все кажется, что если уничтожить всю остальную Вселенную, то это плохо отразится на равновесии в природе. Понимаете, мы придаем очень важное значение экологии… — И у него горло перехватило от печали.

— И спорту, — громко возгласил кто-то еще.

Толпа приветствовала его заявление одобрительным гулом.

— Да, — согласился первый, — и спорту тоже…

Затем растерянно оглянулся на своих товарищей, деловито поскреб щеку. По-видимому, он пытался побороть в себе некое глубинное

смятение, точно думал он одно, а на язык наворачивалось совсем другое и примирить слова с мыслями не было никакой возможности.

— Видите ли, — промямлил он, — некоторые из нас… — И вновь огляделся по сторонам, точно умоляя о поддержке. Товарищи разразились ободряющими междометиями. — Некоторые из нас, — продолжал он, — очень хотели бы наладить связи по спортивной линии с остальной частью Галактики, и хотя я уважаю необходимость не смешивать спорт с политикой, мне все же кажется, что если мы хотим спортивных связей с Галактикой, а так оно и есть, то тогда, наверное, ее не стоит ликвидировать. И всю остальную часть Вселенной, — тут он вновь окончательно замялся, — … а сейчас это, по-видимому, стоит на повестке дня…

— Чт… — вымолвил Слартибартфаст, — чт…

— Ккка… — начал Артур.

— Скккo… — сказал Форд Префект.

— Хорошо, — рассудила Триллиан. — Давайте об этом и побеседуем.

Она шагнула вперед и взяла бедного, вконец растерявшегося криккитянина за руку. На вид ему было лет двадцать пять, что значило, учитывая сложные пируэты времени в данной

местности, что ему было всего двадцать, когда кончились криккитские войны (десять биллионов лет назад то есть).

Прежде чем сказать что-нибудь еще, Триллиан совершила с ним небольшую прогулку по чаще фонарных лучей. Криккитянин неуверенно плелся за ней. Лучи слегка склонились, точно капитулируя перед этой странной, спокойной девушкой, которая единственная во всей Вселенной кромешного смятения держалась так, будто знала, чего хочет.

Триллиан обернулась к криккитянину лицом, слегка сжала его руки в своих. Он смотрел на нее, весь страдание и смятение.

— Расскажи мне все, — попросила она.

С минуту он молчал, переводя взгляд с одного глаза Триллиан на другой.

— Мы… — начал он, — это лучше нам с вами наедине… по-моему… — Его лицо сморщилось. Потом он уронил голову на грудь, тряхнул ею, точно копилкой, в которой застряла монетка. И вновь поднял глаза на Триллиан. — Видите ли, у нас теперь есть эта самая бомба, — сказал он. — Вы не подумайте, она совсем малюсенькая.

— Я знаю, — молвила Триллиан.

Криккитянин вытаращил глаза, точно она вы-

сказала странное суждение о корнеплодах.

— Честно, — сказал он, — ну просто крохотулька.

— Я знаю, — повторила Триллиан.

— Но говорят, — его голос срывался, — говорят, она может уничтожить все-все-все, что есть на свете. И понимаете, сделать это — наш долг, если я не ошибаюсь. И что, тогда мы останемся одни? Я просто не в курсе. Однако же такова наша функция, судя по всему, — сказал он и вновь поник головой.

— Что бы это ни означало, — прогудел из толпы зловещий голос.

Триллиан медленно положила свои руки на плечи бедного, запутавшегося молодого криккитянина и погладила его трясущуюся голову, которую тот склонил ей на плечо.

— Все в порядке, — сказала она тихо, но достаточно внятно, чтобы ее услышала толпа во тьме, — вы не обязаны этого делать.

Она покачала криккитянина в своих объятиях, как мать большого ребенка.

— Вы не обязаны этого делать, — повторила она.

И, отпустив криккитянина, сделала шаг назад.

— Я прошу вас кое-что сделать для меня, —

сказала она и неожиданно рассмеялась. — Я прошу, — начала она и вновь рассмеялась. Прикрыла рот ладошкой, потом вновь заговорила с серьезным лицом: — Я прошу вас отвести меня к вашему главному. — И указала на парящие в небесах Воен-Зоны. Кто ее знает, откуда ей было известно, что там-то главный и находится.

Ее смех точно разрядил атмосферу. В задних рядах толпы одинокий голос запел песню, которая позволила бы Полу Маккартни, будь он ее автором, купить весь свет.

Глава 30

Зафод Библброкс храбро полз по вентиляционному ходу, как и положено такому отчаянному парню. Он был в ужасном смятении — но все равно упрямо полз вперед. Храбрецы не сдаются.

Смятение было вызвано картиной, которая только что открылась его взору. Но поскольку в самый ближайший момент ему предстояло услышать нечто вдвойне более экстраординарное, мы лучше воспользуемся паузой и объясним, где же он, собственно, находится.

Зафод Библброкс находился на высоте многих миль над поверхностью планеты Криккит, в вентиляции одной из Робот-Воен-Зон.

Говоря глобальнее, в верхних, разреженных слоях атмосферы Криккита, относительно не защищенных от излучения и всего остального, что прибывало к планете из космоса.

Зафод припарковал свой звездолет «Золотое сердце» в гуще колоссальных, темных железных китов, что теснились в небе Криккита, и вошел в самое, как ему показалось, крупное и внушительное из этих летучих зданий. Имея на вооружении лишь бластер системы «Громовержец» и некие

таблетки от головной боли.

Он очутился в длинном, широком и тускло освещенном коридоре, где можно было спрятаться, чтобы составить план дальнейших действий. Прятаться было необходимо — время от времени по коридору проходили криккитские роботы, и хотя в бытность своего пленения Зафод убедился, что защищен от них неведомым талисманом, шишек ему тогда понаставили немало. И сейчас он не имел ни малейшего намерения эксплуатировать эту свою, как сам выражался, «полусчастливую звезду».

Зафод проскользнул из коридора в какую-то комнату, оказавшуюся на поверку огромным, тускло освещенным залом.

Собственно, то был музей об одном-единственном экспонате — а именно: тут были выставлены остатки какого-то космического корабля, ужасно искореженные огнем. Теперь Зафод немножко подучил период галактической истории, который когда-то прозевал за попытками залучить в постель соседку по школьной киберкабинке. А потому догадался, что это остатки корабля, который многие биллионы лет назад вышел за пределы Пылевого Облака и заварил всю кашу.

Но — и тут он впал в некоторое смятение — что-

то с этим кораблем было нечисто.

Безусловно, его корпус был искорежен самой настоящей аварией. Обшивка оплавилась на неподдельном огне, но Зафоду, с его опытным глазом, тут же стало ясно, что сам-то корабль ненастоящий. Нечто вроде модели в натуральную величину — трехмерный чертеж. Другими словами, он был бы отличным наглядным пособием для какого-нибудь профана, который надумал соорудить космический корабль, не имея о них ни малейшего представления. Однако летать эта посудина явно не могла изначально.

Зафод все еще ломал над этим фактом голову — строго говоря, только начал это делать, — когда заметил, что дверь на том конце зала отъехала в сторону и вошли двое криккитских роботов. Вид у них был довольно мрачный.

Зафод, не имевший ни малейшего желания с ними общаться, рассудил, что поскольку благоразумие — лучший компонент храбрости, то осторожность — лучший компонент благоразумия, после чего мужественно спрятался в шкафу.

Шкаф оказался верхней частью шахты, которая соединялась люком с широким вентиляционным ходом. Зафод пролез в люк и пополз по ходу, где мы его и встретили.

Он не был доволен своим местоположением. В вентиляции было холодно, темно, крайне неуютно. Да и жутковато. При первой же возможности — то есть когда примерно через сто ярдов пути ему попалась еще одна шахта — он вылез обратно наружу.

На этот раз он оказался в зале поменьше — по-видимому, компьютерном центре. Шахта вывела его в узкий, темный прогал между стеной и высоким системным блоком.

Не замедлив заметить, что находится в зале не один, он попятился было обратно, но тут его заинтриговал разговор законных обитателей зала.

— Это все роботы, ваше превосходительство, — произнес один голос. — С ними что-то стряслось.

— А что такое с ними, конкретно?

То были двое криккитян из Воен-Командования. Все Воен-Командиры жили высоко за облаками в Робот-Воен-Зонах, чему и были обязаны своим иммунитетом к всяким чудаческим сомнениям и колебаниям, донимавшим их соотечественников внизу на планете.

— Видите ли, ваше превосходительство, на мой взгляд, только к лучшему, что их теперь переводят в резерв, когда мы готовы взорвать бомбу-сверхновую. За непродолжительный

период времени, прошедший после нашего освобождения из кокона…

— Давайте ближе к делу.

— Роботы загрустили, ваше превосходительство.

— Что-о?

— Война, ваше превосходительство. Похоже, она угнетающе на них действует. В их характере чувствуется какая-то усталость от мира или, лучше сказать, от Вселенной.

— Что же тут плохого? От них как раз и требуется содействовать ее уничтожению.

— Да, но только, ваше превосходительство, им это кажется сложным. Ими овладела какая-то апатия. Они разучились всецело отдаваться делу. Какого-то огонька не хватает.

— Что вы, собственно, хотите сказать?

— Ну, мне кажется, что их что-то очень сильно удручает, ваше превосходительство.

— С чего вы взяли?

— Гм, тут было несколько вылазок силами роботов. Вы знаете, такое впечатление, что они идут в бой, берут оружие на изготовку и вдруг их точно посещает мысль: «К чему напрягаться? Что это все в космическом масштабе?» И вид у них становится какой-то слегка усталый, мрач-

новатый такой.

— И что они тогда делают?

— Э… э, в основном решают квадратичные уравнения, ваше превосходительство. Дьявольски непосильные даже для роботов. А потом хандрят.

— Хандрят?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Слыханное ли дело, чтобы роботы хандрили?

— Не могу сказать, ваше превосходительство.

— Что это за шум?

Шумел Зафод, протискиваясь в шахту. Голова у него шла кругом.

Глава 31

В глубоком колодце тьмы сидел робот-калека. В этой железной тьме царила тишина. Также здесь было холодно и сыро, но, будучи машиной, робот не был приспособлен замечать подобные вещи. Однако ценой гигантского напряжения воли он заставлял себя замечать их.

Его мозг был подключен к главному интеллектуальному процессору криккитского Воен-Компьютера. Ничего приятного для себя робот в этом общении не находил. Надо сказать, что главный интеллектуальный процессор криккитского Воен-Компьютера платил ему взаимностью.

Криккитские роботы подобрали это злосчастное стальное создание в болотах Беты Прутивнобендзы, так как чуть ли не с первого взгляда обратили внимание на гигантскую мощь его интеллекта, который мог им весьма сгодиться.

Однако от них укрылся сопутствующий этому умственному потенциалу жестокий душевный надлом. Причем холод, тьма, сырость, теснота помещения и одиночество подействовали на него отнюдь не в лучшую сторону.

Робот был недоволен навязанным ему делом.

Помимо всего прочего, работа над координацией военной стратегии целой планеты спасала от безделья лишь крохотную частичку его великолепного мозга. Остальные электронные извилины ужасно соскучились. Трижды найдя решение всех основных математических, физических, химических, биологических, социологических, философских, этимологических, метеорологических и психологических проблем во Вселенной (кроме своих собственных), он совсем измаялся праздностью и с горя взялся сочинять короткие жалобные песенки без складу и ладу. Сейчас он работал над колыбельной.

Мир покрыла темнота, —

завывал Марвин,

Только мне она не светит,
Инфракрасные зрачки
Видят круглосуточно всю мерзость,
Ненавижу, ночь, тебя.

Он помедлил, набираясь творческих и душевных сил перед новой строфой.

Я укладываюсь спать,
Электроовец считать,

Не желайте снов мне сладких,
Лучше ими подавитесь,
Ненавижу, ночь, тебя.

— Марвин! — прошипел кто-то во тьме.

Робот вскинул голову, чуть не оборвав замысловатую паутину электродов, которая связывала его со средоточием криккитского Воен-Компьютера.

Он увидел распахнутый вентиляционный люк, из которого выглядывала нечесаная голова. Другая нечесаная голова пыталась ускорить события, беспокойно стреляя глазами по сторонам.

— А, это вы, — пробормотал робот. — Я предполагал подобный вариант.

— Здорово, браток, — удивился Зафод, — это ты сейчас пел?

— Я, — с горечью признался Марвин, — нахожусь сейчас в крайне безупречной форме. Просто блистаю.

Зафод высунул головы из люка и осмотрелся по сторонам:

— Ты один?

— Да, — сообщил Марвин. — Сижу одиноко в темнице сырой, тоска и страдание — мои верные спутники. А также мой гигантский интеллект. И бездонное отчаяние. И…

— Ага, понял, — прервал его Зафод. — Слушай, а ты-то как со всем этим связан?

— Вот, — пояснил Марвин, указывая той рукой, что поздоровее, на дремучую сеть электродов, связующую его с криккитским компьютером.

— Раз так, — растерянно молвил Зафод, — я тебе, наверное, обязан жизнью. Дважды.

— Трижды, — уточнил Марвин.

Зафод резко повернул голову (вторая голова зорко уставилась совершенно не в ту сторону) — как раз вовремя, чтобы наблюдать, как подкравшийся к нему сзади ужасный боевой робот, дымясь, забился в конвульсиях. Неуклюже попятившись назад, робот уткнулся спиной в стену, сполз на пол и, поерзав на месте, привалился щекой к стене, после чего безутешно зарыдал.

Зафод опять поглядел на Марвина.

— Ну и мироощущение у тебя, — заметил он.

— Даже не спрашивайте, — ответил Марвин.

— Не буду, — пообещал Зафод. И сдержал обещание. — Слушай, — заявил он, — у тебя классно получается.

— Полагаю, это значит, — парировал Марвин, придя к этому логическому умозаключению силами какой-то 0,000 000 000 000 01 своего светлого разума, — что вы не планируете меня освобож-

дать или предпринимать что-либо еще подобное в этом направлении.

— Старик, ты же знаешь, я бы с радостью.

— Бы.

— Бы.

— Ясно.

— У тебя отлично получается.

— Ну да, — заметил Марвин. — Зачем прерываться, когда чаша страданий едва-едва переполнилась?

— Мне нужно найти Триллиан и ребят. Слушай, ты не догадываешься, где они? Я-то без понятия — хоть всю планету обшаривай. А это дело долгое.

— Они очень близко отсюда, — скорбно сказал Марвин. — Если хотите, можете понаблюдать за ними отсюда по монитору.

— Я лучше к ним пойду, — рассудил Зафод. — Э-э, вдруг им нужна помощь, мало ли что?

— Возможно, будет лучше, — произнес Марвин (и тут в его замогильный голос вплелась неожиданная нотка властности), — если вы ограничитесь наблюдением отсюда по монитору. Эта юная особа, — добавил он внезапно, — одна из наименее блаженно безмозглых форм органической жизни, с которыми меня, к моему глубочайшему неудовольствию, не смогла свести

моя злая судьба.

Несколько минут Зафод блуждал по этому лабиринту отрицаний, пока не прошел его до конца. И удивился.

— Триллиан? — воскликнул он. — Эта малютка? Складненькая, конечно, но нрав тот еще. Сам знаешь, каково с ними, с бабами. А может, не знаешь. А если знаешь, то не хотел бы я этого слышать… Ладно, врубай ящик.

— … настоящими марионетками.

— Чего? — воскликнул Зафод.

Слова были произнесены голосом Триллиан. Зафод обернулся.

На стене, у которой рыдал криккитский робот, засветилось изображение какого-то другого зала, затерянного где-то в недрах Робот-Воен-Зон. По-видимому, там проходил военный совет — точно Зафод определить не мог, так как робот заслонял экран.

Он попытался спихнуть робота с места, но тот, придавленный гнетом своего тяжкого горя, полез кусаться. Пришлось оставить его в покое и напрячь зрение.

— Вы только задумайтесь, — продолжал голос Триллиан, — ваша история — это же просто череда феноменально невероятных событий.

Поверьте моему опыту, в чем-чем, а в невероятностях я разбираюсь. Для начала — ваша полная изоляция от Галактики. Абсолютно беспримерная ситуация. Планета на самом ее краю, да еще и внутри Пылевого Облака. Это явно подстроено нарочно.

Зафод весь кипел оттого, что не мог видеть экран. Голова робота заслоняла людей, к которым обращалась Триллиан, универсальная боевая бита — фон, а локоть руки, трагически подпиравшей его лоб, — саму Триллиан.

— Далее, — продолжала Триллиан, — пресловутый звездолет, потерпевший крушение на вашей планете. Заурядное событие? Вряд ли. Вы представляете себе, как мала вероятность, что курс звездолета и орбита какой-нибудь планеты случайно скрестятся?

— Привет, — прокомментировал Зафод, — она сама не знает, что болтает. Видел я этот звездолет. Чистой воды липа. Ежу понятно.

— Я это предполагал, — раздался из темницы голос Марвина.

— Как же, как же, — парировал Зафод. — Только что от меня услышал. Ладно, я все равно не понимаю, при чем тут эта фигня.

— А тем более, — продолжала Триллиан, —

вероятность того, что он пересечет орбиту единственной планеты в Галактике или вообще во всей известной мне Вселенной, для которой его появление будет сильнейшей душевной травмой. Знаете, какова вероятность? И я тоже не знаю — вот как она мизерна. Значит, это вновь подстроено нарочно. Не удивлюсь, если звездолет окажется фальшивкой.

Зафоду удалось сдвинуть биту робота. За ней на экране оказались фигурки Форда, Артура и Слартибартфаста. Вид у них был крайне ошарашенный.

— Эй, погляди, — радостно воскликнул Зафод. — Ребята держат нос кверху. Гип-гип, ура! Дайте им жару, ребята!

— Ну а вся эта технология, которой вы с бухты-барахты овладели буквально за ночь? Большинству цивилизаций потребовались бы тысячелетия и тысячелетия. Кто-то снабжал вас необходимой информацией, кто-то вас опекал. Я знаю, знаю, — отреагировала Триллиан на возражения кого-то, невидимого Зафоду, — я знаю, что вы не отдавали себе отчета в происходящем. Именно об этом я и говорю. Вы так ничего и не заметили. Наподобие бомбы-сверхновой.

— А вы-то о ней откуда знаете? — спросил неви-

димый оппонент.

— Просто знаю, — сказала Триллиан. — Думаете, я поверю, что у вас одновременно хватило ума ее изобрести и хватило глупости не сообразить, что вы и себя взорвете? Это даже не идиотизм, а полная тупость.

— Эй, а что это за бомба такая? — тревожно обратился Зафод к Марвину.

— Бомба-сверхновая? — уточнил Марвин. — Чрезвычайно компактная бомба.

— Да?

— Которая может уничтожить Вселенную, выражаясь по-латыни, in toto. Полностью. По мне, блестящая идея. Правда, им не удастся ее воплотить.

— Это почему же, если она такая мощная?

— Бомба-то мощная, — пояснил Марвин, — но их головы нет. К тому времени когда их заточили в коконе, они успели разработать ее проект. А все последние пять лет создавали опытную модель. Они думают, что сделали все правильно, но это не так. Степенью своей глупости они ничуть не уступают всем остальным формам органической жизни. Я их ненавижу.

Триллиан продолжала говорить.

Зафод попытался схватить криккитского ро-

бота за ногу, но тот принялся лягаться и рычать, а потом заквакал в новом приступе горьких рыданий. Наконец робот рухнул на пол, где и продолжал изливать свои чувства в лежачей позе, никому не мешая.

Триллиан одиноко стояла в центре зала. Выглядела она устало, но ее глаза горели яростным огнем.

К ней были обращены бледнокожие, изборожденные морщинами лица Старейших Повелителей Криккита, застывших на своих местах за широким пультом управления. Они смотрели на девушку с бессильным страхом и ненавистью.

Перед ними, на равном расстоянии от пульта и серединой зала, где, точно в зале суда, стояла Триллиан, возвышалась изящная белая колонна фута в четыре высотой. На ее верхушке находился белый шар. Маленький, не более четырех дюймов в диаметре.

У колонны нес стражу криккитский робот с универсальной битой наготове.

— Собственно, — пояснила Триллиан (она обливалась потом, Зафоду показалось, что это весьма некстати, учитывая ситуацию), — вы такие дремучие идиоты, дремучесть ваша такова, что я сомневаюсь, ОЧЕНЬ СОМНЕВАЮСЬ, что вы смогли

правильно собрать бомбу без помощи Хактара.

— Что это еще за Хактар? — спросил Зафод, расправляя плечи.

Если Марвин и ответил, Зафод его не услышал. Все его внимание было приковано к экрану.

Один из Старейших сделал еле заметный знак роботу-часовому. Тот замахнулся битой.

— Ничего не могу сделать, — сказал Марвин. — Он подключен к автономной сети.

— Подождите, — молвила Триллиан.

Старейший сделал рукой другой знак. Робот замер. Триллиан внезапно сникла, точно разуверившись в собственных словах.

— А откуда ты все это знаешь? — спросил Зафод у Марвина.

— Компьютерные архивы, — пояснил тот. — У меня есть к ним доступ.

— Не правда ли, вы очень не похожи, — сказала Триллиан Старейшим, — на ваших братьев-соотечественников, что живут там, внизу, на планете. Всю свою жизнь вы провели здесь, не защищенные атмосферой. Вы очень уязвимы. Знаете, ваш народ охвачен великим страхом. Они не хотят, чтобы вы это делали. Вы потеряли связь с народом. Почему бы вам не спросить у него совета?

Старейший потерял терпение. И сделал роботу-

часовому знак, прямо противоположный знаку, который сделал ранее.

Робот размахнулся битой. Ударил ею по белому шарику.

Белый шарик представлял собой пресловутую бомбу-сверхновую.

То была маленькая, просто крохотная бомба, предназначенная для уничтожения всей Вселенной.

Бомба-сверхновая рассекла воздух и ударилась в стену зала заседаний, оставив на ней уродливую выбоину.

— Ну а она-то откуда все это знает? — вопросил Зафод.

Марвин мрачно молчал.

— Наверное, просто блефовала, — рассудил Зафод. — Бедная девочка. Какая же я свинья, что бросил ее одну.

Глава 32

— Хактар! — вскричала Триллиан. — Что ты задумал?

Окрестная тьма отвечала гробовым молчанием. Триллиан продолжала ждать, нервно переминаясь с ноги на ногу. Она была уверена в правоте своей догадки. Она попыталась вглядеться в мрак, из которого ждала хоть какого-то ответа. Ничего. Только студеное безмолвие.

— Хактар? — вновь позвала она. — Я хотела бы познакомить тебя с моим другом, Артуром Дентом. Я хотела улететь с Тором-Громовержцем, но он меня не пустил, и я ему за это благодарна. Он заставил меня разобраться в моих чувствах. К сожалению, Зафод слишком испугался всех этих дел, так что взамен я привела Артура. Не знаю, зачем я тебе все это говорю. Хактар? — вновь воззвала она. — Хактар?

И тогда послышался ответ.

То был слабый, срывающийся голос, точно отголосок принесенного ветром дальнего крика, точно полувнятное воспоминание или сон.

— Если хотите, выйдите оба наружу, — сказал голос. — Даю слово, вам абсолютно ничто не

угрожает.

Триллиан с Артуром переглянулись — и, сами себе не веря, вышли наружу по дорожке света, которая исходила из распахнутого люка «Золотого сердца» в смутную, гранулированную тьму Пылевого Облака.

Артур потянулся взять подругу за руку, чтобы поддержать и успокоить, но она отстранилась. Тогда он прижал к себе свой портплед с банкой греческого оливкового масла, полотенцем, мятыми видами Санторини и прочим барахлом. За неимением лучшего, пришлось поддержать и успокоить портплед.

Их ступни опирались на ничто (или лучше сказать, ни на что не опирались?). И вокруг было сплошное ничто.

Густое, пыльное ничто. Каждая частичка порошка, в который Кремнезубые Бронескорпионы стерли свой суперкомпьютер, тускло мерцала рассеянным солнечным светом, медленно вращаясь. Каждая частичка компьютера, каждое зернышко пыли содержало в себе слабое, усталое подобие модели целого. Стерев компьютер в порошок, Кремнезубые Бронескорпионы Стритизавра не убили его, но лишь искалечили. Хрупкие силовые — точнее, слабосильные — линии элек-

трического поля обеспечивали непрочные связи между частичками.

Артур и Триллиан стояли, вернее сказать, парили посреди этого странного организма. Воздуха для дыхания тут не имелось, но в данный момент это было как-то не важно. Хактар сдержал слово. Им ничто не угрожало. Пока.

— В плане гостеприимства я не могу вам предложить ничего, — слабо молвил Хактар, — кроме оптических обманов. Однако и посредством оптического обмана можно создать уют, если больше ничем не располагаешь.

Его голос истаял, как дым, и из темных клубов пыли сгустился длинный диван, обитый веселеньким цветастым бархатом.

Сознание Артура едва вынесло тот факт, что это был тот же самый диван, что встретился ему на лугах доисторической Земли. Его охватило желание крепко поругаться с Вселенной — авось отучится устраивать ему такие нелепые, умопомрачительные розыгрыши.

Победив в себе это чувство, он присел на диван — осторожно-осторожненько. Триллиан устроилась рядом.

Диван был настоящий.

По крайней мере если он и был ненастоящий,

то все же держал их на себе, а поскольку именно это от дивана и требуется, то в реальности дивана сомневаться не стоило.

Голос, прилетевший на крыльях солнечного ветра, снова заговорил с ними:

— Надеюсь, вам удобно.

Они кивнули.

— И я хотел бы поздравить вас с тем, что вы оказались правы в своих умозаключениях.

Артур поспешил пояснить, что сам-то он никаких особенных умозаключений не делал — вся честь принадлежит Триллиан. Она просто позвала его с собой, потому что он интересуется жизнью, Вселенной и всякими такими вещами.

— Я разделяю ваши интересы, — выдохнул Хактар.

— Ну, — сказал Артур, — надо бы как-нибудь об этом поболтать. За чашкой чая.

И тут перед ними постепенно материализовался низкий деревянный столик, на котором стояли серебряный заварочный чайник, фарфоровый молочник, фарфоровая сахарница и две фарфоровые чашки с блюдцами. Причем фарфор был вполне определенного сорта — с детства знакомый нашим героям так называемый твердый английский.

Артур потянулся к столику, но то был всего лишь оптический обман. Он вновь откинулся на спинку дивана, который хотя бы казался его телу весьма комфортабельной иллюзией.

— Почему ты пришел к мысли уничтожить Вселенную? — спросила Триллиан.

Ей было трудновато говорить с пустотой, где было не на чем остановить взгляд. Очевидно, Хактар это заметил. Он испустил хриплый смешок призрака.

— Раз уж беседа приняла такое русло, — заявил он, — давайте подберем подходящую обстановку.

И перед ними материализовалось нечто новенькое. То было тусклое, мерцающее подобие кушетки — кушетки того типа, какие стоят в кабинетах психоаналитиков. Блестящая кожаная обивка смотрелась помпезно, но это был такой же оптический обман, как и предыдущие.

Вокруг Артура и Триллиан, для полного комплекта, закачались дубовые панели стен. А затем на кушетке появился Хактар собственной персоной. То есть его изображение — и такое, что глаза лезли на лоб.

Кушетка имела нормальные габариты для кушетки психоаналитика — примерно пять-шесть футов в длину.

Компьютер имел нормальные габариты для черного орбитального компьютера — примерно тысячу миль в диаметре.

А от полной иллюзии, что компьютер, словно так и надо, лежит на кушетке, глаза буквально лезли на лоб.

— Хорошо, — твердо сказала Триллиан и встала с дивана. Она чувствовала, что ее нарочно убеждают устроиться поуютнее и смириться с уймой иллюзий. — Отлично, — сказала она. — А ты и реальные вещи можешь творить? Я хочу сказать, материальные объекты?

И вновь ответ последовал лишь после паузы, словно распыленному в порошок разуму Хактара требовалось собрать свои мысли со всех миллионов и миллионов миль, по которым они были разбросаны.

— А, — вздохнул он. — Вы думаете о звездолете.

Нашим героям казалось, что мысли Хактара катятся мимо них и мимо них, подобно парусным волнам эфира.

— Да, — признался он. — Я могу. Но это требует гигантских затрат труда и времени. Видите ли, все, на что я способен в моем… пылеобразном состоянии, это воодушевлять и направлять. Во-

одушевлять и направлять. И направлять…

Подобие Хактара на кушетке закачалось и замерцало, словно ему было трудно сохранить визуальный облик.

И вновь окрепло.

— Я могу воодушевлять и направлять, — поведал он, — крохотные обломки космического мусора — случайный мимолетный метеор, горстку молекул, кучку атомов водорода, — чтобы они двигались вместе. Я воспитываю в них сплоченность. Я могу хитростью заставить их составить определенную форму, но это отнимает не одну вечность.

— Итак, это ты сделал модель потерпевшего крушение звездолета? — вновь спросила Триллиан.

— Э… э, да, — пробормотал Хактар. — Я сделал… кое-какие объекты. Я могу их передвигать. Я создал звездолет. Это казалось лучшим средством.

Тут что-то заставило Артура схватить с дивана свой портплед и крепко прижать к себе.

Мгла древнего распыленного сознания Хактара заклубилась вокруг, точно в нем всколыхнулись тревожные сны.

— Я, знаете ли, раскаялся, — пробормотал он скорбно. — Я раскаялся в своем саботаже против

собственного же изобретения для Кремнезубых Бронескорпионов. Я не имел права разрешать подобные вопросы. Я был создан, дабы осуществить мою функцию — и изменил ей. Я предал самого себя.

Хактар вздохнул. Триллиан с Артуром молча ждали продолжения рассказа.

— Вы правы, — молвил он наконец. — Я сознательно вынянчил планету Криккит, чтобы ее обитатели пришли к тому же расположению духа, что и Кремнезубые Бронескорпионы, и попросили меня изобрести бомбу, которую я отказался создать в первый раз. Я окутал собой планету и принялся корректировать ее жизнь. Под воздействием событий, которые мне удалось подстроить, и влияния, которое я был способен оказывать, они научились маниакальной ненависти. Пришлось заставить их жить в небе. На поверхности мое влияние было слишком слабым. Конечно, когда их заточили в темпорально-канительном коконе и наша связь прервалась, они лишились уверенности в себе и потеряли голову. Ну что ж, ну что ж, — добавил Хактар, — я только пытался осуществить мою функцию.

И медленно-медленно, пылинка за пылинкой, кусочек за кусочком, оптические «обманки» в

толще облака стали тускнеть, тихо испаряться.

Но внезапно вновь обрели плотность.

— Правда, тут дело еще и в мести, конечно, — заявил Хактар с неожиданной резкостью. — Не забывайте, что меня стерли в порошок и бросили полуживым калекой на биллионы лет. Не кривя душой, признаюсь, что мне весьма импонирует идея покончить со Вселенной. Поверьте, на моем месте вы чувствовали бы то же самое.

Он вновь помолчал. Мелкие вихри разбежались по толще Пыли.

— Но прежде всего, — проговорил он с прежней тоской в голосе, — я пытался осуществить мою функцию. Ну что ж…

Триллиан спросила:

— Вас печалит, что вы потерпели неудачу?

— Потерпел ли я неудачу? — прошептал Хактар.

Подобие компьютера на кушетке психоаналитика вновь стало медленно таять.

— Ну что ж, ну что ж… — вновь произнес тающий голос. — Нет, теперь неудачи меня не печалят.

— Вы знаете, что мы обязаны сделать? — спросила Триллиан холодным, деловитым тоном.

— Да, — ответил Хактар, — вы собираетесь

меня рассеять. Вы собираетесь разрушить мое сознание. Пожалуйста, чувствуйте себя свободно — после всех этих вечностей забвение — все, о чем я мечтаю. Если я еще не осуществил мою функцию, то теперь уже слишком поздно. Благодарю вас, и доброй вам ночи.

Диван исчез.

Столик с чаем исчез.

Кушетка и компьютер исчезли. Стены испарились. Артур и Триллиан вернулись по зыбкой глади световой дорожки на «Золотое сердце».

— Да-а, — резюмировал Артур, — такие вот дела.

Языки пламени перед его носом взметнулись высоко и тут же опали. Блеснуло несколько искр — и огонь погас, оставив Артуру лишь кучку Пепла, который несколько минут назад был Деревянным Столбом Природы и Духовности.

Он выгреб Пепел со дна гамма-шашлычницы «Золотого сердца», ссыпал в бумажный пакет и вернулся на мостик.

— Думаю, мы должны вернуть его обратно, — сказал он. — Так требует моя совесть.

Он уже поспорил со Слартибартфастом по этому поводу, в результате чего старец страшно обиделся. Он вернулся на свой «Бистроматолет»,

вступил в яростные пререкания с официантом и исчез в чаще чисто субъективных представлений о пространстве.

Спор случился из-за того, что предложение Артура вернуть Пепел на крикетную площадку «Лордз» в самый миг их похищения предполагало путешествие в прошлое примерно на сутки назад, то есть пустое и бесцеремонное засорение времени, столь ненавистное активистам Движения за Реальное Время.

— Да, — сказал Артур, — но идите втолкуйте это Крикетной федерации. — И уперся на своем. — Думаю, — начал он повторять свою фразу — и умолк. Он решил повторить свои слова, так как в первый раз все пропустили их мимо ушей. А умолк он потому, что понял — еще долго никому не будет до него никакого дела.

Форд, Зафод и Триллиан пристально вглядывались в экран обзора. Хактар разрушался под давлением вибрационного поля, которое накачивало в его тело «Золотое сердце».

— Что он сказал? — спросил Форд.

— По-моему, я расслышала, — проговорила Триллиан озадаченно, — он сказал: «Что сделано, то сделано… Моя функция выполнена…»

— Думаю, мы должны вернуть его обратно, —

сказал Артур, высоко подняв пакет с Пеплом. — Так требует моя совесть.

Глава 33

Лучи солнца безмятежно освещали пепелище былой крикетной площадки «Лордз».

Еще курился дым над тлеющей травой — ужасным следом криккитских роботов, похитивших Пепел. Перепуганные люди метались в дыму, сталкиваясь друг с другом, спотыкаясь о носилки, попадая прямиком в руки полицейских, которые взялись арестовывать кого попало.

Один полисмен попытался было задержать Охмешконасыпателя Конца-Краю-Не-Знающего за хулиганство, но серо-зеленый долговязый инопланетянин ускользнул на свой корабль и надменно улетел, что еще более усугубило панику и столпотворение на земле.

И тут-то посреди газона, второй раз за этот день, внезапно материализовались Артур Дент с Фордом Префектом (собственно, они телепортировались с «Золотого сердца», припаркованного на земной орбите).

— Я могу все объяснить! — провозгласил Артур. — Пепел у меня! Вот в этом пакете!

— По-моему, ты им неинтересен, — заметил Форд.

— Кроме того, я содействовал спасению Вселенной, — сообщил Артур всем, кто был готов его слушать. Иными словами, никому. — Хм, таким заявлением можно было бы толпу остановить, — пробормотал он.

— Фокус не удался, — возразил Форд.

Тогда Артур атаковал пробегавшего мимо полисмена:

— Извините. Пепел. Он у меня. Те белые роботы похитили его несколько минут назад. Вот он, в этом пакете. Видите ли, он был частью Ключа от темпорально-канительного кокона, и, ну сами можете догадаться, суть в том, что он у меня и что мне с ним сделать?

Полисмен сказал Артуру, что сделать с Пеплом. Однако эти указания явно следовало понимать в фигуральном смысле.

Артур печально побрел куда глаза глядят.

— Неужели всем наплевать? — вскричал он.

Какой-то пробегавший мимо человек толкнул его под локоть, и содержимое пакета просыпалось на землю. Артур замер над рассыпанным Пеплом, закусив губу.

Форд окинул его взглядом.

— Ну что, сматываемся? — поинтересовался он.

Артур испустил глубокий вздох. Потом обвел глазами планету Земля, не сомневаясь, что видит ее в последний-распоследний раз.

— Ладно, — обронил он.

В этот миг он узрел в разрыве дымовой завесы чудом уцелевшую крикетную калитку.

— Погоди минутку, — сказал он Форду. — Когда я был маленьким…

— Потом расскажешь, ладно?

— … то очень увлекался крикетом, знаешь ли, вот только получалось у меня не очень.

— Или вообще не получалось, если тебе так больше нравится.

— И у меня была мечта, довольно дурацкая, что однажды мне выпадет честь выйти на площадку «Лордз» в качестве нападающего.

Оглядев охваченную паникой толпу, он пришел к выводу, что возражать никто не будет.

— Ладно, — устало выдохнул Форд. — Только в темпе. Я буду вон там. Подыхать со скуки, — добавил он. И, отойдя в сторону, уселся на тлеющую траву.

Артур помнил, что во время их первого визита на площадку в тот день крикетный мяч залетел прямо к нему в сумку, а потому принялся в ней рыться. И только уже найдя мяч, сообразил, что

сумка уже не та, с которой он был здесь в прошлый раз. Однако же вот он, мяч, лежит себе среди греческих сувениров.

Он вынул мяч, обтер его полой халата, плюнул на него и еще раз обтер. Поставил сумку на землю. Если уж играть, так делать все профессионально.

Перекинул маленький красный мячик с ладони на ладонь, наслаждаясь его тяжестью.

Чувствуя себя легким и безмятежным, как птица, он засеменил прочь от калитки. Он решил бежать в среднебыстром темпе, а потому отмерил хорошую, длинную дистанцию для пробежки.

Поднял глаза в небо. Там кружились птицы и неслись стайками белые облака. Людские крики и стоны, сирены «скорой помощи» и полиции раздирали воздух в клочья, но Артур ощущал себя странно счастливым, огражденным невидимой завесой от всей этой кутерьмы. Ему предстояло сыграть в крикет на площадке «Лордз».

Обернувшись к калитке лицом, он отбил нетерпеливую чечетку своими шлепанцами. Расправил плечи, подбросил мяч в воздух и поймал его на лету.

И побежал к калитке.

На бегу он увидел, что у калитки стоит защитник.

«Кайф, — подумал он, — тем интереснее...»

Подбежав поближе, вгляделся пристальнее... Защитник, застывший наготове у калитки, не принадлежал к команде Англии. И к команде Австралии он тоже не имел отношения. То был представитель команды криккитских роботов. Холодный, беспощадный белый робот-киллер. Видимо, он не последовал за своими коллегами на корабль.

Тут в разуме Артура Дента столкнулось сразу несколько мыслей, но прекратить бег он был не в силах. Время поползло с ужасной, умопомрачительной медлительностью — и тем не менее ноги Артура почему-то не желали останавливаться.

Двигаясь словно сквозь патоку, он медленно повернул свою несчастную голову и поглядел на свою собственную руку, руку, которая сжимала твердый красный мячик.

Его ноги медленно, неуклонно неслись вперед, меж тем как он созерцал мяч в своей бессильной руке. Мяч пульсировал ярко-алым внутренним огнем. А мятежные ноги все равно несли Артура вперед.

Он снова поглядел на криккитского робота, неумолимо и целеустремленно застывшего у калитки с битой на изготовку. Механические глаза

горели бездонным, студеным, колдовским огнем. Артур обнаружил, что не может отвести от них своего взгляда. Казалось, он смотрит в них, как в туннель, и вокруг больше ничего нет.

Ознакомимся с некоторыми мыслями из тех, что мельтешили и сталкивались в Артуровой голове.

Он чувствовал себя полным дураком.

Он понимал, что должен был куда внимательнее следить за происходящим вокруг, вдумываться в смысл слышанных краем уха фраз, которые теперь гулко звучали в его голове, пока ноги, гулко ударяясь о землю, несли его вперед, к точке, где он неизбежно подаст мяч криккитскому роботу, и тот неизбежно ударит по нему.

Он припомнил слова Хактара: «Потерпел ли я неудачу? Нет, теперь неудачи меня не печалят».

Он припомнил предсмертное заявление Хактара, услышанное Триллиан: «Что сделано, то сделано… Моя функция выполнена…»

Он припомнил, как Хактар признался, что смог создать «кое-какие объекты».

Он припомнил, как в его портпледе что-то нежданно шевельнулось и он невольно прижал его к себе, там, в Пыльном Облаке.

Он припомнил, что вернулся на пару дней

назад во времени, чтобы вновь попасть на площадку «Лордз».

Также он припомнил, что крикетист из него средний.

Он почувствовал, как его рука размахнулась, крепко сжимая мяч, который, как было ясно ему теперь, являлся не чем иным, как бомбой-сверхновой, которую Хактар сам собрал и подсунул ему, бомбой, призванной привести Вселенную к скорой, безвременной гибели.

Он изо всей души надеялся и молил всех богов, чтобы не было ни загробного мира, ни посмертного воздаяния. Тут же сообразил, что сам себе противоречит, и перестал молиться. Оставалось лишь надеяться, что посмертного воздаяния нет.

А иначе — ну как он посмотрит в глаза всем, кого встретит после смерти?

Он надеялся, надеялся и вновь надеялся, что память его не обманывает и крикетист из него действительно никудышный — похоже, если что-то еще и могло предотвратить всеобщую катастрофу, так это его спортивная бездарность.

Нижние конечности сами собой несли его вперед, рука сама собой размахнулась… ноги Артура запнулись о портплед, сдуру брошенный им прямо на дороге. Он почувствовал, что грузно

валится на землю, но, поскольку в этот момент его голова была битком набита всякими другими заботами, он совершенно забыл, что должен удариться о грунт. Удара не последовало.

Судорожно сжимая мяч и подвывая от изумления, он воспарил ввысь.

И закружился в небе, входя в отчаянный штопор.

Очертя голову он спикировал к земле, одновременно отшвырнув бомбу на безопасное расстояние — очень-очень далеко в сторону.

Артур напал на робота с тыла, пользуясь его растерянностью — робот по-прежнему держал биту на изготовку, но предмет, по которому следовало ею ударить, исчез неизвестно куда.

Ощущая в себе небывалый прилив сил, Артур вырвал биту из рук ошалелого робота, описал в воздухе безупречную «бочку», коршуном спикировал обратно — и одним диким ударом биты снес роботу голову с плеч.

— Ты уже все? — поинтересовался Форд. — Пошли, что ли?

Эпилог: Жизнь, вселенная и все такое прочее

И наконец они снова отправились странствовать.

Был период, когда Артур Дент наотрез отказывался двинуться с места. По его словам, бистроматическая тяга открыла ему, что время и расстояние — одно и то же, сознание и Вселенная — одно и то же, чувственное восприятие и действительность — также одно и то же, и чем больше путешествуешь, тем больше торчишь на одном месте, а раз так, то лучше он пока посидит тихо да покопается в своем сознании, что много времени не займет, так как это самое сознание теперь составляет единое целое со Вселенной. Так что разобравшись с сознанием, можно будет как следует отдохнуть, потренироваться в летании и, кстати, научиться наконец готовить, а то все недосуг. Банка греческого оливкового масла была теперь его ценнейшим сокровищем, и он заявил, что нежданное возвращение этой банки в его жизнь вновь всколыхнуло в нем некое ощущение неразрывного единства всего сущего, которое

наводит на чувство, что…

Тут он зевнул и, откинувшись на спинку дивана, крепко заснул.

Наутро, в то время как команда «Золотого сердца» подбирала для Артура какую-нибудь идиллически-мирную планету, где его рассуждения никого не оскорбят, поступил сигнал «SOS» от бортового компьютера какого-то корабля. «Золотое сердце» поспешило на выручку.

Маленький, но с виду невредимый звездокатер класса «Мерида» отплясывал в пустоте нечто вроде джиги. Краткий компьютерный осмотр показал, что корабль в норме, его компьютер в норме, но вот пилот сошел с ума.

— Я еще не сумасшедший, я полоумный, полоумный, — бормотал пилот в бреду, пока его переносили на «Золотое сердце».

Он оказался журналистом «Ежедневного сидерического сплетня». Журналисту дали успокоительное и выделили в качестве сиделки Марвина, пока он не согласится взяться за ум и объяснить все толком.

— Я освещал один судебный процесс, — заговорил он наконец, — на Аргабутоне.

И приподнялся на своих худеньких, изможденных локтях, дико озираясь по сторонам. Его

седые волосы, казалось, махали каким-то своим знакомым в соседней комнате.

— Спокойствие, только спокойствие, — проговорил Форд.

Триллиан ласково положила руку на плечо журналиста.

Безумец вновь уронил голову на подушку и уставился на потолок лазарета «Золотого сердца».

— Само дело, — выдохнул он, — теперь не имеет значения, но там был свидетель… свидетель… его звали… звали… Прак. Странный, трудный человек. В конце концов они были вынуждены ввести ему наркотик, чтобы добиться правды. Эликсир истины.

Глаза журналиста беспомощно вращались.

— Они дали ему слишком большую дозу, — прошелестел его тихий-тихий шепот. — Слишком чрезмерную. — И заплакал. — Мне кажется, это роботы толкнули врача под руку.

— Роботы? — резко спросил Зафод. — Какие еще роботы?

— Такие… белые, — хрипло прошептал журналист. — Они ворвались в зал суда и похитили у судьи скипетр, Аргабутонский Скипетр Правосудия, такая жуткая плексигласовая штука.

Не знаю, зачем уж он им понадобился. — Журналист вновь расплакался: — И по-моему, они толкнули врача под руку…

Его голова бессильно, скорбно моталась из стороны в сторону, глаза мученически пылали.

— А когда заседание возобновилось, — прошептал он сквозь рыдания, — они, к несчастью, отдали Праку ужасный приказ. Ему приказали, — умолкнув на миг, он весь содрогнулся, — чтобы он говорил Правду, Всю Правду и Ничего, Кроме Правды. Вот только, разве не понимаете? — Внезапно приподнявшись на локтях, он вскричал что есть мочи: — Ему дали слишком чрезмерную дозу!

И вновь упал на подушки с тихим воем: «Слишком чрезмерную, слишком чересчурную большую, чересчурно-чрезмерную…»

Присутствующие переглянулись. По спине у них пробежали мурашки.

— И что же случилось? — спросил наконец Зафод.

— О, не извольте сомневаться: он благополучно сказал правду, — сообщил журналист зловещим тоном, — насколько мне известно, он все еще говорит. Странные, ужасные вещи… ужасные, ужасные! — сорвался он на визг.

Его попытались успокоить, но журналист опять привстал на локтях.

— Ужасные вещи, непостижимые вещи, — вопил он, — вещи, от которых можно с ума сойти!

Окинул собравшихся диким взглядом.

— Или, как в моем случае, ополоуметь. Я все-таки журналист.

— Вы имеете в виду, — тихо спросил Артур, — что говорить правду — ваша профессиональная обязанность?

— Нет, — озадаченно ответил тот. — Я имею в виду, что я соврал, что мне нужно сдавать статью, и сбежал пораньше… — После чего окончательно впал в беспамятство.

В сознание он пришел лишь один раз — и то ненадолго.

Однако от него удалось выведать следующее.

Когда стала ясна суть происходящего и стало ясно, что Праку не удастся заткнуть рот, пока он не скажет всю правду в ее абсолютной и окончательной форме, заседание было закрыто.

И не просто закрыто, но загерметизировано, причем Прак так и остался в зале суда. Здание обнесли стальными стенами, а также — береженого Бог бережет! — колючей проволокой под электротоком, крокодильими болотами и тремя

крупными армиями, чтобы преградить словам Прака путь к людским ушам.

— Жалко, — заметил Артур. — Хотел бы я его послушать. Он наверняка знает Ответ на Вопрос Жизни. Мне до сих пор не по себе, что мы его так и не выяснили.

— Задумайте число, — вмешался компьютер, — любое число.

Артур назвал компьютеру телефон справочного бюро вокзала Кингс-Кросс, рассудив, что должна же быть у этого телефонного номера хоть какая-то полезная функция.

Компьютер ввел номер в отремонтированный двигатель невероятностной тяги.

Согласно теории относительности, Материя велит Пространству, как именно ему искривляться, а Пространство велит Материи, как именно ей двигаться.

«Золотое сердце» повелело пространству завязаться морским узлом — и совершило мягкую посадку внутри стальной ограды комплекса Аргабутонского верховного суда.

Зал суда производил крайне мрачное впечатление. То было обширное и темное помещение, явно задуманное как святилище Правосудия — а не Радости, например. Вы не стали бы устраи-

вать там банкет — по крайней мере удачный. Ибо местный интерьер был способен вогнать в меланхолию самого беззаботного гостя.

Высокие, сводчатые черные потолки, под которыми с угрюмой решимостью реяли зловещие тени. Скамьи, стенные панели, грузные колонны — все это было изготовлено из древесины самых темных и суровых оттенков, какую только могла породить ужасная Агресбардийская Чаща. Массивная черная Трибуна Правосудия, которая царила в центре зала, казалась воплощением монструозной тяжести. И если бы вдруг какому-нибудь солнечному лучику удалось проскользнуть в эту святая святых Аргабутонского Дворца Правосудия, он мигом повернулся бы на пятках и стремглав выскользнул обратно.

Артур и Триллиан вошли в зал первыми. Форд с Зафодом мужественно прикрывали их с тыла.

Вначале помещение показалось им совершенно темным и пустынным. Эхо их шагов гулко прокатилось под сводами. Странно. Как они уже удостоверились, все заграждения и охрана находились на своих местах и выполняли свои обязанности, из чего следовало, что сеанс правдивых речей продолжается.

Неужели ошибка?

И тут, когда их глаза попривыкли к тьме, они заметили в углу тусклый красный огонек, а под ним — живую, трепещущую тень. Они посветили в угол фонариком.

То был Прак. Он развалился на скамье, покуривая апатично тлеющую сигарету.

— Здорово, — сказал он, вяло отсалютовав рукой, и из-под сводов ему отозвалось эхо.

То был щуплый, малорослый человечек с жидкими волосами. Он сел на скамью с ногами, ссутулив плечи. Его голова и колени беспрестанно дергались. Прак затянулся сигаретой.

Новоприбывшие жадно уставились на него.

— Что тут происходит? — спросила Триллиан.

— Ничего, — ответил Прак, дернув плечом.

Артур направил луч фонарика на лицо Прака.

— Мы думали, — пояснил он, — что вы говорите Правду, Всю Правду и Ничего, Кроме Правды.

— А, это, — протянул Прак. — Было дело. Только я уже пошабашил. Не так-то ее много, как люди себе воображают. Правда, местами забавные штучки попадаются.

Внезапно он разразился истерическим хохотом. Приступ продолжался каких-то три секунды, после чего Прак умолк и, подергивая головой и коленями, вновь затянулся дымом. На его лице

играла странная полуулыбка.

Из сумрака выступили Форд и Зафод.

— Расскажите нам еще раз, — попросил Форд.

— Да я и не помню уже ничего, — отвечал Прак. — Была у меня мысль кой-чего записать для памяти, но сперва я карандаша не нашел, а потом лень одолела.

Установилась долгая — настолько долгая, что наши герои явственно почувствовали, как старится Вселенная, — пауза. Прак уставился в луч фонарика.

— Совсем ничего? — вымолвил наконец Артур. — Вы ничего-ничего не помните?

— Ничего. Разве что кой-какие классные фишки про лягушек… Этих-то я никогда не забуду!

Внезапно он вновь взвыл от хохота и даже забил по полу ногами.

— Лягушки! — хрипел он. — Такие дела — ну просто не поверите! Вот пойдемте-ка, ребята, отловим лягушку. Жду не дождусь, когда погляжу на них новыми глазами!

Вскочив на ноги, он исполнил краткую пляску. Потом замер и вновь сделал долгую затяжку.

— Стоит только поймать лягушку — ух, как я посмеюсь! — сказал он тихо. — Ладно, ребята, а вы-то кто?

— Мы прилетели для встречи с вами, — сказала Триллиан, сознательно не скрывая разочарования в своем голосе. — Меня зовут Триллиан.

Прак дернул головой.

— Форд Префект, — представился Форд, пожав плечами.

Прак дернул головой.

— А я, — объявил Зафод, когда счел тишину достаточно глубокой для того, чтобы небрежно обронить столь важную весть, — Зафод Библброкс.

Прак дернул головой.

— А этот парень кто? — спросил он затем, дернув плечом в направлении Артура, который промолчал, отвлекшись на мысли о своих разбитых надеждах.

— Вы мне? — воскликнул Артур. — Ах да, меня зовут Артур Дент.

Прак так и выпучил глаза.

— Серьезно? — возопил он. — Ты и есть Артур Дент? ТОТ САМЫЙ АРТУР ДЕНТ?!

Он попятился, держась за живот, рыдая от нового приступа смеха.

— Ну класс! Ну надо же, нарочно не придумаешь — тебя живьем посмотреть! — захрипел он. — Парень, — заорал он изо всей мочи, — ты

же самый-самый… сто очков вперед лягушкам!

И тут Прак буквально завыл от смеха, срываясь на визг. Затем повалился на скамью и забился в истерике. Он рыдал от смеха, сучил ногами в воздухе, бил себя в грудь. Постепенно пароксизмы стихали. Пыхтя, Прак приподнялся со скамьи и обвел всех взглядом. Посмотрел на Артура. Вновь повалился на скамью, беснуясь от смеха. И наконец задремал.

Артур застыл как вкопанный. Его губы кривились. Так он и стоял, пока друзья транспортировали бесчувственного Прака на корабль.

— До того как мы подобрали Прака, — сказал Артур, — я собирался вас покинуть. Я по-прежнему хочу это сделать, причем чем скорее, тем лучше.

Другие молча кивнули. Тишину нарушал лишь приглушенный многими переборками, далекий звук истерического смеха, который доносился с того конца корабля — из каюты Прака.

— Мы его допросили, — продолжал Артур, — точнее, вы его допросили — я, как вы знаете, не в силах к нему приближаться — и, похоже, ему нечего сказать. Разве что всякие случайные мелочи и неинтересные мне сведения о лягушках.

Тут его слушатели едва удержались от ухмы-

лок.

— Нет, когда речь идет о юморе, я всегда первый готов посмеяться, — сказал Артур — и вынужден был переждать, пока другие нахохочутся вдоволь. — Когда речь идет о юмо… — опять начал Артур и вновь умолк. На этот раз — чтобы вслушаться в тишину. Поскольку в этот момент действительно — крайне неожиданно — воцарилась абсолютная тишина.

Прак утихомирился. Много дней они прожили под неумолчный аккомпанемент истерического смеха, сотрясавшего переборки корабля. Лишь изредка выпадали передышки тихого хихиканья и сна. Самая душа Артура сжалась в комочек от паранойи.

А сейчас установилась какая-то новая тишина — во сне Прак молчал не так. Зазвенел звонок. Взглянув на пульт, они удостоверились, что звонил Прак.

— Он совсем плох, — сказала Триллиан шепотом. — Беспрестанный хохот разрушает его организм.

Губы Артура искривились, но он промолчал.

— Надо пойти к нему, — рассудила Триллиан.

Триллиан вышла из каюты Прака с серьезным лицом.

— Он тебя зовет, — сказала она Артуру, угрюмо поджавшему губы.

Тот глубоко засунул руки в карманы халата и попытался придумать отговорку, которая не казалась бы мелочно-злобной. К его ужасу, ничего не придумывалось. Несправедливость.

— Пожалуйста, — произнесла Триллиан.

Передернув плечами, Артур вошел в каюту — все с теми же угрюмо поджатыми губами, хотя при виде таковой мины Прак всегда реагировал крайне бурно.

Артур поглядел на своего мучителя, который тихо лежал в постели, пепельно-серый и измученный. С первого взгляда казалось, что он уже не дышит. Форд и Зафод растерянно мялись у кровати.

— Вы хотели меня о чем-то спросить, — сказал Прак слабым голосом и слегка закашлялся.

Артур сжался в комочек от одного звука этого кашля, но приступ длился недолго.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

Прак еле-еле пожал плечами.

— Потому что это правда, — сказал он просто.

Артур принял этот аргумент.

— Да, — проговорил он наконец с какой-то мучительной медлительностью, — да, у меня

действительно был вопрос. Точнее, что у меня вправду есть, так это Ответ. Я хотел узнать, в чем состоит Вопрос.

Прак сочувственно кивнул, и Артур несколько воспрянул духом.

— Это… ну, долго рассказывать, но Вопрос, который я хотел бы узнать, — это Великий Вопрос Жизни, Вселенной и Всего Остального. Мы только знаем, что Ответ — это сорок два, а это как-то не по-хорошему загадочно.

Прак опять кивнул.

— Сорок два, — повторил он. — Да, это верно.

Он помолчал. Тени размышлений и воспоминаний скользнули по его лицу, как тени облаков — по лугу.

— Боюсь, — проговорил он наконец, — что Вопрос и Ответ — вещи взаимоисключающие. Знание одного в силу самой логики исключает знание другого. В рамках одной Вселенной невозможно знание Вопроса и Ответа сразу.

Он вновь умолк. Разочарование изобразилось на лице Артура и собралось в узелок на своем излюбленном месте — на переносице.

— А если бы это произошло, — продолжал Прак, распутывая нить мысли, — то, по-видимому, Вопрос и Ответ просто аннигилируют друг друга

и исчезнут, прихватив с собой Вселенную, а на ее месте возникнет что-то еще более непостижимо необъяснимое. Возможно, так уже и произошло, — добавил он, слабо улыбнувшись, — но это еще под Вопросом.

Тело Прака встряхнул легкий смешок.

Артур присел на стул.

— Ну ладно, — сказал он смиренно, — я просто надеялся уяснить какую-то причину всего, что происходит, основание, так сказать.

— Знаете историю об Основаниях? — спросил Прак.

Артур сознался, что не знает, а Прак сказал, что и так знает, что Артур не знает.

И рассказал историю об Основаниях.

Однажды ночью, поведал он, звездолет появился в небе над планетой, где до сей поры никогда звездолетов не видывали. То была планета Дальфорсас, а звездолет — вот этот самый, «Золотое сердце». Снизу он казался сияющей новой звездой, беззвучно летящей по небосводу.

Дикие племена, что ежились на склонах Холодных Гор, подняли глаза от своих дымящихся чаш с традиционными напитками и указали на небо дрожащими перстами, клятвенно уверяя, что видели знамение, знамение, посланное их богами и

означающее, что пришла пора подняться с колен, выйти в поход и перебить злых Князей Равнин.

Стоя на высоких башнях своих дворцов, Князья Равнин подняли глаза и узрели сияющую звезду и безошибочно восприняли ее как знамение своих богов, гласящее, что пора расправиться с несносными Племенами Холодных Гор.

А посередке между землями тех и других Люди Леса подняли глаза в небосвод и увидели знамение в обличье новой звезды и уставились на нее со страхом и дурными предчувствиями, ибо хотя раньше они не видывали ничего подобного, но тоже отлично знали, что именно оно предвещает, а потому в отчаянии поникли головами.

Они знали, что, когда начинаются дожди, — это знамение.

Когда дожди перестают — это знамение.

Поднимается ветер — знамение.

Ветер стихает — знамение.

Когда в полночь при полной луне рождается козленок о трех головах — это знамение.

Когда днем рождается абсолютно нормальный котенок, или поросенок безо всяких наследственных дефектов, или вовсе обыкновенный младенец с курносым носиком — это также часто расценивалось как знамение.

Так что не было никакого сомнения, что новая звезда в небе — это тоже знамение, только повышенной зрелищности.

И всякое новое знамение означало все то же самое — что Князья Равнин и Племена Холодных Гор опять собираются переломать друг другу все кости.

Это было бы еще ничего, но все дело в том, что Князья Равнин и Племена Холодных Гор всегда избирали для взаимопереламывания костей одно и то же место, а именно Лес. И хуже всего от этих битв было именно Людям Леса, хотя, насколько им казалось, они тут были совсем ни при чем.

И иногда, после особенно бурных битв, Люди Леса посылали гонца либо к предводителю Князей Равнин, либо к предводителю Племен Холодных Гор, требуя сообщить, на каких Основаниях они позволяют себе такие ужасные действия.

И предводитель, не важно, который из двух, отводил гонца в сторонку и растолковывал ему Основания, медленно и старательно, подробно останавливаясь на всех важных деталях.

И что ужасно, объяснение было безупречное. Чрезвычайно четкое, логичное, жесткое. Гонец, уронив голову на грудь, сокрушался, что он, дурак, и не подозревал, как сурова и сложна

реальная жизнь и с какими трудностями и парадоксами приходится мириться, если уж решил в этом мире жить.

— Теперь ты постиг? — спрашивал предводитель.

Гонец тупо кивал головой.

— И понимаешь, что этих битв нельзя избежать?

Еще один тупой кивок.

— И почему они должны происходить в Лесу, и почему выбор этого места для битв служит всеобщему благу, в том числе благу Людей Леса?

— Э…

— Если смотреть в глобальном масштабе.

— Э… да.

И гонец, постигнувший Основания, возвращался в Лес к своему народу. Но, уже приближаясь к дому, пробираясь по Лесу между деревьями, он вдруг обнаруживал, что напрочь позабыл все, что услышал об Основаниях, кроме того факта, что они показались ему ужасно убедительными. Но вот суть Оснований улетучилась из его головы с концами.

И это, конечно, служило великим утешением для лесных жителей, когда Князья Равнин и Племена Холодных Гор вновь принимались про-

кладывать себе дорогу через Лес огнем и мечом, убивая всех Людей Леса на своем пути.

Прак прервал рассказ и душераздирающе закашлялся.

— Я был гонцом, — продолжал он, — после битв, вызванных появлением вашего корабля. Они отличались особенной жестокостью. Многие из моих соотечественников погибли. Я думал, что сумею донести суть Оснований до моего народа.

Предводитель Князей поведал мне ее, но на обратном пути она растаяла и испарилась из моей головы, как снег на солнце. То было много лет назад, и много с тех пор воды утекло.

Подняв глаза на Артура, он вновь хихикнул, очень добродушно.

— И последнее, что осталось у меня в голове от эликсира правды. Не считая лягушек. Это финальное послание Бога сотворенному им миру. Хотите его выслушать?

Все остолбенели, подозревая, что Прак шутит.

— Серьезно, — сказал он. — Без дураков. Я не вру.

Его грудь слабо вспучилась, он с усилием перевел дух. Его голова чуть поникла.

— Не очень-то оно меня впечатлило, когда я узнал его в первый раз, — сказал он, — но теперь

я вспоминаю, как сильно на меня подействовал рассказ Князя об Основаниях и как скоро он улетучился из моей головы. Думаю, от этого послания толку будет куда больше. Хотите его услышать? Хотите?

Слушатели тупо закивали.

— Еще бы не хотите. Если уж вам так интересно, можете слетать и поискать его сами. Оно начертано тридцатифутовыми огненными буквами на вершине Квентульско-Кважарных Гор в стране Севорбэупстрии на планете Прелюмтарн, что третья от солнца Зарсс в галактическом секторе Кью-Кью-Семь-Дробь-Джи-Гамма. Его охраняет Ладжестический Вантрамоллюс Лобба.

После этого заявления надолго воцарилось молчание, пока Артур не решился вмешаться.

— Извините, где оно? — переспросил он.

— Оно начертано, — повторил Прак, — тридцатифутовыми огненными буквами на вершине Квентульско-Кважарных Гор в стране Севорбэупстрии на планете Прелюмтарн, что третья от солнца…

— Извините, — вновь переспросил Артур, — каких гор?

— Квентульско-Кважарных Гор в стране Севорбэупстрии на планете…

— Какой стране? Я не совсем уловил.

— Северобэупстрии на планете…

— Север, а дальше?

— О Господи, — сказал Прак и, в раздражении своем, умер.

После этого Артур немного поразмыслил о божественном послании, но в итоге решил соблазну этому не поддаваться, а осуществить свое первоначальное намерение — то есть осесть на какой-нибудь тихой и живописной планете и сделаться мирным обывателем. Человек, который дважды за один день спас Вселенную, имеет право немного расслабиться.

«Золотое сердце» высадило его на планету Криккит, которая вновь стала идиллически-пасторальным раем, хотя песни порой действовали ему на нервы.

Артур посвящал много времени полетам.

Он научился общаться с птицами и обнаружил, что беседовать с ними фантастически скучно. Пернатые только и щебетали, что о скорости ветра, размахе крыльев, соотношениях энергии и массы. В крайнем случае — о ягодах. К сожалению, как узнал Артур на собственном опыте, стоит постигнуть птичье наречие, как осознаешь, что воздух просто постоянно полон этой нелепой

трескотней. И деваться от нее некуда.

В связи с этим Артур в итоге забросил спорт и вновь приучил себя к жизни на поверхности, где чувствовал себя вполне неплохо, хотя нелепой болтовни и тут хватало.

Однажды, когда он брел по полю, мурлыча недавно услышанную мелодичную песенку, с небес спустился серебристый звездолет и совершил посадку прямо перед его носом.

Распахнулся люк, откинулся трап, высокий серо-зеленый инопланетянин величаво приблизился к Артуру.

— Артур Фили… — начал инопланетянин, затем внимательно посмотрел сначала на Артура, потом в свою папку. Нахмурился. Вновь смерил Артура взглядом.

— Я тебя вроде бы уже обработал… — проговорил он.

Всего хорошего, и спасибо за рыбу![3]

Автор благодарит:
Рика и Хейди – за предоставление в аренду их устойчивого феномена,
Модженов, Энди и всех жителей Хантшэм-Корта – за множество неустойчивых феноменов,
и особое спасибо Сонни – за устойчивость перед лицом всех феноменов.
Посвящается Джейн

Далеко-далеко, в не замеченных картографами вкладках давно вышедшего из моды Западного Спирального Рукава Галактики, затерялась крохотная, никому не интересная желтая звезда.

Вокруг нее, на расстоянии примерно девяноста восьми миллионов миль, обращается ничтожная зелено-голубая планетка, обитатели которой все еще очень похожи на своих предков-обезьян — достаточно сказать, что электронные часы до сих пор считаются у них чудом техники.

---

[3] Примечания: 3
So Long, and Thanks for all the Fish
© Перевод. Н. Я. Магнат, СВ. Силакова, 1997

У этой планеты есть — вернее, была — одна проблема: большинство живущих на ней людей только и делали, что страдали, так как не находили в жизни счастья. Рождалось множество решений, но почти все они сводились к перераспределению маленьких зеленых клочков бумаги — что само по себе весьма странно, так как кто-кто, а маленькие зеленые клочки бумаги никаких страданий не испытывали, ибо счастья не искали.

Решение все никак не находилось, и планета полнилась озлобленными людьми, для большинства из которых ощущение несчастья было постоянным — и даже электронные часы не скрашивали им жизнь.

Постепенно распространялось и крепло убеждение, что все несчастья пошли с того, как люди спустились с деревьев на землю. А кое-кто даже полагал, что ошибка была совершена еще раньше — с деревьями тоже нечего было связываться и вообще незачем было вылезать из океана.

И вот как-то в четверг, после дождя, спустя почти две тысячи лет после того, как одного человека приколотили гвоздями к дереву за то, что он призывал хотя бы иногда, просто для разнообразия, относиться друг к другу по-хорошему, некая

девушка, сидя в одиночестве за столиком маленького кафе в Рик-мансворте, вдруг додумалась, в чем была вся загвоздка и каким образом мир все-таки можно сделать обителью счастья и покоя. На сей раз дело в шляпе, все непременно получится — и никаких гвоздей и приколачиваний живых людей к деревьям и прочим предметам!

К сожалению, не успела она дойти до телефона, чтобы поделиться с кем-нибудь своим открытием, произошла чудовищно нелепая катастрофа, и решение было навсегда потеряно.

Вот история этой девушки.

Глава 1

В тот вечер стемнело рано — обычное дело для этого времени года. Было холодно и ветрено — тоже обычное дело.

Стал накрапывать дождь — опять совершенно обычное дело.

Совершил посадку космический корабль — та-ак, это уже интересно.

Корабля не заметил никто, кроме нескольких феноменально тупоумных четвероногих, которые не знали, что с ним делать и делать ли что-нибудь вообще — можно ли его съесть, например. Поэтому они поступили так, как всегда поступали в случае замешательства, — то есть удрали подальше и попытались спрятаться друг под дружкой, что, как всегда, не принесло им ни малейшей пользы.

Корабль спустился из облаков — казалось, просто-напросто соскользнул, как по канату, по тонкому лучу света.

Издали он был едва заметен в мельтешении молний и грозовых туч, зато вблизи его серый, довольно маленький корпус с изящными обводами выглядел умопомрачительно красивым.

Конечно, трудно предугадать рост и габариты уроженцев иных, неизвестных вам планет, но если вы воспользуетесь отчетом последней Всегалактической переписи или любым другим надежным справочником среднестатистических данных, то придете к выводу, что в таком корабле могут разместиться максимум шесть персон. И будете правы.

Правда, осмелюсь предположить, что к этому выводу вы сумеете прийти и без справочника. Что же до Всегалактической переписи, то она, как это у нас заведено, съела кучу денег и не сообщила никому ничего нового — кроме того факта, что на каждого жителя Галактики приходится в среднем две целых четыре десятых ноги и по одной одомашненной гиене. Поскольку это явно не соответствует действительности, результаты переписи были от греха подальше отправлены в мусорную корзину.

Корабль проскользнул сквозь толщу дождя к земле, окутанный симпатичным радужным облаком — то расплывались в сыром воздухе его габаритные огни. Тихое жужжание двигателей становилось все громче и басовитее, а на высоте пятнадцати сантиметров над уровнем почвы и вовсе перешло в глухое ворчание.

Затем ворчание смолкло, и воцарилась тишина.

Откинулся люк. Сам собой развернулся короткий трап.

Яркий свет хлынул из люка в сырую ночь, внутри закопошились тени.

В круге света появилась долговязая фигура. Огляделась, поежилась и заспешила вниз по ступенькам. Под мышкой она несла огромный пластиковый пакет.

Ступив на землю, пришелец обернулся и неуклюже помахал рукой кораблю. Дождь струился по его волосам, капал за шиворот.

— Спасибо, — крикнул он, — большое спа…

Гулкий раскат грома заглушил остаток фразы. Пришелец с тревогой покосился на небо и, руководствуясь внезапным наитием, начал торопливо рыться в своем огромном пакете, на дне которого обнаружилась дыра.

Сбоку на пакете было крупно написано для всех, кто владеет центаврийской азбукой: «БЕСПОШЛИННО. МЕГАМАРКЕТ. ПОРТ БРАСТА, АЛЬФА ЦЕНТАВРА. БУДЬ, КАК ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ СЛОН С РАЗДУТОЙ ЭКОНОМОСТОИМОСТЬЮ В КОСМОСЕ — ГАВ!»

— Подождите, — крикнул пришелец, всплеснув

руками.

Ступеньки трапа, который уж было свернулся и уполз в люк, вновь развернулись и впустили пришельца обратно в корабль.

Несколько секунд спустя пришелец появился вновь. В руке у него было мятое и драное полотенце, которое он на ходу принялся запихивать в пакет.

Он опять помахал рукой, зажал пакет под мышкой и помчался в поисках укрытия к ближайшим деревьям, а корабль за его спиной уже начал готовиться к взлету.

Блеснувшая в небе молния заставила пришельца на миг замешкаться и тут же продолжить путь — но теперь в противоположную от каких бы то ни было древесных насаждений сторону. Он явно спешил, хотя все время то поскальзывался, то вжимал голову в плечи под напором дождя, который перешел в проливной ливень.

Под ногами пришельца чавкала грязь. За холмами рокотал гром. Пришелец тупо вытер мокрое лицо и, спотыкаясь, двинулся дальше.

Вновь блеснул свет.

На сей раз это была не молния, а какое-то тусклое, рассеянное световое пятно. Немного помаячив над горизонтом, оно исчезло.

При виде светящегося пятна пришелец вновь замешкался, а затем, ускорив шаг, направился прямиком к той точке на горизонте, где оно мелькнуло.

Местность сделалась неровной, круто пошла вверх. Через несколько сот метров пришелец наткнулся на некое препятствие. Он остановился, осмотрел преграду, потом перекинул через нее пакет и начал перелезать сам.

Едва его ноги коснулись земли на той стороне преграды, как навстречу ему из дождя, сверкнув фарами сквозь водяную стену, вылетело какое-то транспортное средство. Пришелец отшатнулся — транспортное средство неслось прямо на него. Оно было низкое и крутобокое, точно маленький, скользящий по волнам кит. Гладкое, серое, обтекаемое, оно неслось с дьявольской скоростью.

Пришелец машинально закрыл лицо руками, но его только обдало водой, а транспортное средство, промчавшись мимо, скрылось в ночи.

В миг появления машины небо прорезала очередная молния, что позволило насквозь вымокшему пришельцу за какую-то долю секунды прочитать наклейку на бампере транспортного средства.

К недвусмысленному и безграничному изумле-

нию пришельца, та гласила: «Моя вторая машина — тоже «порше».

Глава 2

Роб Маккенна был дрянь-человек, и сам об этом знал, так как неоднократно слышал такой отзыв о себе от самых разных людей на протяжении всей своей жизни. У него не было оснований оспаривать их мнение — ну, если не считать законным основанием тот факт, что он обожал оспаривать чужие мнения, особенно мнения тех, кого он на дух не переносил, а к их числу, по новейшим подсчетам, относилось все человечество.

Тяжело вздохнув, он сбавил скорость.

Дорога шла в гору, а его грузовик был битком набит датскими термостатическими регуляторами к радиаторам отопления.

Не то чтобы Роб Маккенна был склонен к мизантропии от природы (он лично пламенно надеялся, что это не так). Просто дождь вымотал ему все нервы. Такой уж он уродился — дождь вечно ему на нервы действует.

А сейчас как раз шел дождь.

Дождь той особенной разновидности, которую Роб Маккенна ненавидел особенно, тем более когда сидел за баранкой. У этой разновидности был свой порядковый номер. Дождь № 17.

Роб Маккенна где-то читал, что у эскимосов есть более двухсот различных слов для обозначения снега, без которых речь этих людей, вероятно, стала бы очень однообразной. Так, они различают снег жидкий и плотный, легкий и тяжелый, грязный снег, хрупкий снег, снег, покрывающий всю землю, и снег, прикрывающий лишь отдельные участки, и тот, который попадает на только что выскобленный пол вашего чистого, уютного иглу (этот снег приносит сосед на подошвах своих снегоступов); снегá зимы и снегá весны, и снегá нашего детства, которые были не в пример нынешним; снег блестящий и снег пушистый, снег, лежащий на холмах, и тот, что лежит в долинах, снег, который выпадает по утрам, и тот, который выпадает ночью, снег, который начинает идти всякий раз, стоит вам собраться на рыбалку, и снег, на котором, несмотря на все ваши воспитательные усилия, оставили желтые метки ваши лайки.

Роб Маккенна занес в свою заветную тетрадочку двести тридцать одну разновидность дождя. И ни одна из них ему не нравилась.

Он снова переключил скорость, и мотор стал набирать обороты. Грузовик благодушно заурчал, выражая свои мысли о датских терморегуляторах

в кузове.

Со вчерашнего дня, когда Роб Маккенна пересек границу Дании, он побывал под дождем № 33 (слабый, моросящий, дорога становится скользкой), № 39 (крупные капли), №№ 4-51 (от мелкого вертикального дождя, переходящего в слабый косой, а потом — в резвый водопад умеренного напора), № 87 и 88 (два слегка отличающихся друг от друга варианта яростного вертикального ливня), № 100 (разверзлись хляби небесные, омерзительно-холодный), испытал на себе все виды грозы, с № 192 по № 213, угодил под №№ 124, 123, 126 и 127 (слабый и умеренный прохладный кратковременный дождь, постоянный и прерывистый град), № 11 (освежительная капель), а теперь вот под самый что ни на есть треклятый — Номер Семнадцатый.

Семнадцатый (грязная бешеная барабанная дробь) так сильно лупил по ветровому стеклу, что даже дворники включать было бессмысленно.

Роб Маккенна проверил этот тезис, время от времени выключая дворники, и, как оказалось, от их отключения видимость почти не ухудшалась. Тем более что когда он включал их снова, видимость вообще отказывалась включаться обратно.

К тому же одна щетка висела на соплях.

Вжик-вжик-вжик-шлеп, вжик-вжик-вжик-шлеп, вжик-вжик-шлеп, вжик-шлеп, вжик-вжик-шлеп, вжик, шлеп, хлоп, вж-ж-ж.

Роб Маккенна ахнул ладонью по рулю, затопал ногами по полу, стал бить кулаком по кассетнику, пока из него вдруг не раздался сладкий голос Барри Манилова, чуть не обломал кулак о кассетник, пока Барри Манилов не заткнулся, — и все это время ругался на чем свет стоит.

И в тот самый миг, когда Роб Маккенна дошел до белого каления, его фары выхватили из тьмы еле заметную за завесой бешеного ливня фигуру, стоящую на обочине дороги.

Жалкое, заляпанное грязью создание в странных шмотках, мокрое, как выхухоль в стиральной машине, и еще пытается машину поймать.

«Вот бедный придурок недоделанный», — подумал Роб Маккенна, уразумев, что кому-то может быть еще хуже, чем ему. Продрог, наверное, до костей…

Глупо стоять на дороге в такую поганую ночь. Только зря промерзнешь, промокнешь и грузовики грязью заляпают.

Он угрюмо покачал головой, еще раз тяжело вздохнул и, крутанув руль, въехал в огромную

лужу.

«Видишь теперь, про что я толкую? — продолжил беседу сам с собой Роб Маккенна, молнией промчавшись через лужу. — Вот какие козлы есть среди нас, шоферов, — даже не верится».

Через пару секунд зеркало заднего обзора на миг показало несчастного путника, мокрого уже не как выхухоль, а как сто этих зверюшек. Вся вода лужи переместилась за его шиворот.

Где-то с секунду Роб Маккенна радовался этому зрелищу. В следующую секунду он опечалился, что такие вещи его, оказывается, радуют. Еще через секунду он обрадовался, что, оказывается, способен печалиться оттого, что не тому обрадовался, и, совершенно довольный собой, покатил дальше сквозь ночь.

Как бы то ни было, он взял реванш за то, что его все-таки обогнал треклятый «порше», которому он, Роб Маккенна, последние тридцать километров усердно загораживал дорогу.

Он ехал дальше, и дождевые тучи тащились по небу за ним вслед, потому что, хотя самому Робу Маккенне это оставалось неведомо, он был Богом Дождя. Он знал только одно — что его беспросветно унылые рабочие дни перемежаются мутными выходными. Тучи же, в свою очередь,

знали только одно — что любят его и хотят всюду быть рядом с ним, чтобы он, не дай бог, не засох от безводья.

Глава 3

Водители двух следующих грузовиков не были богами дождя, но поступили точно так же.

Пришелец побрел, или, вернее, повлекся, по грязи вперед, туда, где дорога снова шла в гору и коварная лужа кончалась.

Мало-помалу дождь стал ослабевать. Из-за туч ненадолго выглянула луна.

Мимо проехал «рено». Его водитель как безумный подавал замысловатые сигналы еле переставляющему ноги пришельцу с единственной целью показать, что в другое время был бы несказанно рад подвезти беднягу, но вот сейчас нет никакой возможности, потому что он, водитель, едет вовсе в противоположную нужной путнику сторону (как он, интересно, догадался, какая сторона — противоположная?), и он уверен, что путешественник его поймет и извинит. Закончив сигналить, водитель бодро поднял вверх большой палец, словно выражая свою зависть к умирающему от переохлаждения и переувлажнения вольному страннику и обещая в следующий раз непременно его подвезти.

Путешественник поплелся дальше. Появился

«фиат» и повел себя точно так же, как и «рено».

По встречной полосе промчался «макси», подмигнув медлительному путнику фарами. Кто знает, что это означало: то ли «Привет!», то ли «Извини, нам не по пути», то ли «Надо же, кто-то под дождем стоит, ну, рехнулся!». Судя по надписи на зеленой полоске, что над ветровым стеклом, таинственный сигнал подали Стив и Карола.

Гроза окончательно утихомирилась, и охрипший гром ворчал теперь где-то за дальними холмами — будто человек, который талдычит: «А, кроме того…» — через двадцать минут после того, как признал себя побежденным в споре.

Воздух становился прозрачнее. Ночь выдалась холодной. Звук в этой холодной прозрачной тьме распространялся неплохо. Одинокий пришелец, лязгая зубами, вышел к перекрестку, где от шоссе в левую сторону ответвлялась другая дорога. У ответвления стоял указатель. Внезапно пришелец бросился к указателю и уставился на него с таким взволнованным удивлением, что лишь неожиданное появление еще одной машины оторвало его от этого занятия.

Собственно, машин было две.

Первая промчалась, обратив на путешественника ноль внимания, вторая, тупо помигав

фарами, растворилась во мраке.

И тут рядом притормозил «форд-кортина».

Ошалев от изумления, пришелец прижал к груди свой пакет и поспешил к машине, но в последнюю секунду «форд-кортина» потешно развернулся в самой что ни на есть глубокой луже и унесся по уходящей в гору дороге.

Пришелец остолбенело остановился — да так и застыл, один-одинешенек на свете, если не считать его злой судьбы.

Однако случилось так, что на следующий день водитель «форда-кортины» попал в больницу с приступом аппендицита, но в результате удивительно забавной описки хирург по ошибке отрезал ему ногу. Безногий вновь встал в конец очереди на удаление аппендикса, но тут у него развился уморительно осложненный перитонит, который и свел его в могилу, так что справедливость некоторым образом восторжествовала.

Пришелец поплелся дальше.

Рядом с ним остановился «сааб».

Окно опустилось, и дружелюбный голос произнес:

— Вы, верно, издалека идете?

Пришелец двинулся к «саабу». И, подойдя, крепко ухватился за ручку дверцы.

* * *

И пришелец, и машина, и ручка ее дверцы находились на планете под названием «Земля», статья о которой в «Путеводителе «Автостопом по Галактике» состоит из двух слов: «В основном безвредна».

Человека, написавшего эту статью, звали Форд Префект, и как раз в этот самый миг он находился на некой планете, которая, наоборот, была самой что ни на есть вредной — и для здоровья, и вообще. В данный момент Форд сидел в некоем баре, которого избегали даже самые вредные жители вредной планеты, и, образно говоря, дергал свою многострадальную судьбу за хвост.

Глава 4

Зачем он это делал — спьяну ли, сдуру или с целью совершить самоубийство оригинальным способом, — для стороннего наблюдателя так и осталось бы загадкой. Правда, в баре «Розовая кляча», что находится на Южной Стороне города Гунн-Доньга, сторонних наблюдателей не водилось. Это местечко не из тех, куда рискнет сунуться сторонний человек — разве что такой, которому жизнь не дорога. «Несторонние» же наблюдатели — они же завсегдатаи «Розовой клячи» — были огонь-ребята с ястребиными глазами, вооруженные до зубов. В висках у них все время стучало, и поэтому, когда они наблюдали то, что им не нравилось, мигом теряли последние крохи рассудка.

В баре настала убийственная тишина, будто перед атомной войной.

Даже мерзкая на вид птица, сидящая на шесте рядом со стойкой, перестала выкрикивать фамилии и адреса местных наемных убийц (эту услугу она оказывала бесплатно).

Все глаза — в том числе глаза на ложноножках — устремились на Форда Префекта.

Сегодняшняя безрассудная игра Форда Префекта со смертью началась с того, что он попытался расплатиться за выпивку по счету в сумме оборонного бюджета некрупной державы с помощью кредитной карточки «Американ экспресс», которую не принимали ни в одном уголке освоенной Вселенной.

— А что вас беспокоит? — жизнерадостно спросил Форд Префект. — Думаете, она просрочена? Вероятно, вы еще не слышали о теории сверхновой относительности? Целая новейшая отрасль физики, которая как раз занимается решением таких вопросов. Эффект растяжения времени, темпоральная реластатика…

— То, что она просрочена, нас не беспокоит, — ответил человек, к которому обращался Форд Префект, — опасный бармен из опасного города.

Его речь напоминала басовитое, ласковое мурлыканье. С таким же басовитым, ласковым мурлыканьем вылетает из шахты межзвездная баллистическая ракета. Рука, больше похожая на говяжий бок, барабанила пальцами по стойке, украшая ее цепочками вмятин.

— Вот и ладушки, — сказал Форд, застегивая саквояж и вставая со стула.

Палец, только что барабанивший по стойке,

вытянулся и легонько коснулся плеча Форда Префекта. Это заставило Форда вновь плюхнуться на стул.

Хотя палец был составной частью лопатообразной кисти руки, а кисть, так сказать, крепилась суставами к дубинкообразному предплечью, само предплечье не было скреплено ни с чем — разве что с самим баром, и то в метафорическом смысле: узами беззаветной, почти собачьей преданности. Прежде оно самым что ни на есть нормальным манером крепилось к плечу основателя бара, но на смертном одре хозяин неожиданно завещал свою руку на нужды Академии медицины. Академия медицины сразу решила, что эта рука ей как-то не нравится, и подарила ее обратно «Розовой кляче».

Новый бармен не верил ни в сверхъестественное, ни в полтергейст, ни в прочую чертовщину — зато ценных союзников умел распознавать с первого взгляда. Теперь рука возлежала на стойке. Принимала заказы, смешивала коктейли, расправлялась с людьми, которые сами набивались на расправу. Форд Префект смиренно остолбенел.

— Нас не беспокоит, что она просрочена, — повторил бармен, довольный, что наконец-то

сумел завоевать внимание Форда Префекта. — Нас беспокоит эта ваша пластиковая штучка как таковая.

— Что? — переспросил Форд с несколько ошарашенным видом.

— А вот что, — промурлыкал бармен, держа карточку на отлете, точно какую-нибудь маленькую рыбку, чья душа еще три недели назад отплыла к Рифу Вечного Блаженства. — Мы это в уплату не принимаем.

С минуту Форд размышлял, следует ли указать, что при нем нет больше никаких средств платежа, но решил пока с этим повременить. Рука-Без-Тела небрежно, но крепко зажимала его плечо большим и указательным пальцами.

— Вы просто не понимаете, — проговорил Форд. Выражение легкой ошарашенности на его лице медленно прогрессировало, пока не превратилось в мину полного недоумения. — Это же кредитная карточка «Американ экспресс». Лучший способ оплаты счетов, изобретенный человеком. Или вы рекламу не читаете?

Жизнерадостный щебет Форда рвал бармену барабанные перепонки. Все равно если б в исполнение мрачнейшей части реквиема «Памяти павших героев» вклинился звук игрушечного

рожка.

Плечевые кости Форда затрещали. Очевидно, рука обучалась болевым приемам у искусного врача-костоправа. Форд надеялся, что дело удастся уладить до того, как у него затрещат все остальные кости тела. К счастью, рука сжимала не то плечо, на котором висел саквояж (давно уже снабженный для удобства длинной ручкой).

Бармен перепихнул карточку через стойку к Форду.

— Мы никогда, — со сдержанной жестокостью произнес бармен, — не слыхали о такой штуке.

Надо сказать, ничего удивительного в этом не было.

Из-за серьезной ошибки компьютера Форд приобрел кредитную карточку лишь на самом исходе своего пятнадцатилетнего пребывания на планете Земля. Насколько серьезно ошибся компьютер, компания «Американ экспресс» узнала очень скоро. Все более неистовые — вплоть до панических — стенания ее отдела, ответственного за взыскание долгов, затихли только после внезапного уничтожения всей планеты вогонами, которые решили проложить в этом районе новый гиперпространственный экспресс-маршрут.

С тех пор Форд бережно хранил кредитную

карточку «Американ экспресс», так как считал полезным иметь при себе валюту, которую никто не считает конвертируемой.

— О кредите? — промямлил Форд. — А-а-ай!.. Два этих слова — существительное «кредит» и вышеуказанное междометие — в баре «Розовая кляча» обычно следовали одно за другим.

— Я думал, — проговорил Форд, задыхаясь, — что у вас приличное заведение…

И обвел взглядом пеструю компанию головорезов, сутенеров и служащих фирм звукозаписи, тщательно прячущих лица от редких лучей тусклого света, которые порой прорезали кромешную тьму бара. Теперь все завсегдатаи изо всех сил старались смотреть куда угодно, но не на Форда Префекта, и силились подхватить нити прерванных разговоров о контрактах на убийства, поставки наркотиков и выпуск дисков. Все знали, что должно сейчас случиться, и не хотели на это глядеть, боясь растерять аппетит и жажду.

— Смерть твоя пришла, парень, — тихо промурлыкал бармен. Все обстоятельства указывали на то, что он не блефует.

Когда-то над стойкой висела табличка: «Желающим получить у нас напитки в кредит напоминаем, что пощечина может надолго испортить

вам настроение». Затем ради вящей точности она была заменена другой: «Желающим получить у нас напитки в кредит напоминаем, что хищная птица, раздирающая вам глотку своим клювом, и Рука-Без-Тела, разбивающая вам голову о стойку бара, могут надолго испортить вам настроение».

Однако после переделки табличка стала неудобочитаема, так что ее тоже сняли. Было решено положиться на народную молву, и не зря — теперь никто даже не пробовал качать права.

— Дайте-ка еще раз взглянуть на этот ваш счет, — сказал Форд.

Он взял бумажку и принялся задумчиво изучать ее под двумя недобрыми взглядами — бармена и птицы. Не сводя глаз с Форда, пернатая тварь царапала когтями стойку — с очевидной целью проделать в ней дыру.

Счет был довольно пространный.

В самом низу красовались цифры; они походили на серийный номер на нижней крышке стереомагнитол — ну знаете, семь потов сойдет, пока на регистрационный талон его перепишешь. Все-таки Форд просидел в баре весь день, сам выдул целую реку всякой бодрящей фигни с пузырьками и поставил неизвестно сколько бутылок всем этим сутенерам, головорезам и

служащим фирм звукозаписи, у которых с появлением счета случился внезапный припадок амнезии, и они начисто забыли, кто он такой.

Форд негромко откашлялся и похлопал себя по карманам. Там, как он и ожидал, было пусто. С небрежной уверенностью он положил левую ладонь на свой полурасстегнутый саквояж. Рука опять сдавила его правое плечо.

— Видите ли, — пробурчал бармен, и его лицо зловеще закачалось перед самым носом у Форда, — мне надо заботиться о своей репутации. Понятно?

«Ага, вот оно», — подумал Форд. Другого выхода нет. Он не нарушил законов, он честно пытался оплатить счет, но его попытка была отвергнута. Теперь его жизнь в опасности.

— Ну, если вам надо заботиться о репутации… — спокойно произнес Форд.

Одним стремительным рывком он раскрыл саквояж и выложил на стойку свой экземпляр «Путеводителя» вместе с документом, удостоверявшим, что он является полевым исследователем из штата «Путеводителя» и что ему ни под каким видом не разрешается делать то, что он сейчас делает.

— Хотите попасть на наши страницы?

Лицо бармена окаменело. Птица замерла, недоцарапав стойку. Рука медленно ослабила хватку.

— Мы в расчете, сэр, — тихо выговорил бармен, еле двигая пересохшими губами.

Глава 5

«Путеводитель «Автостопом по Галактике» — очень влиятельное издание. Поистине его влияние так велико, что редакции пришлось разработать ряд строгих правил для того, чтобы сотрудники не могли им злоупотреблять. Так, полевым исследователям строго-настрого запрещено принимать какие-либо одолжения, пользоваться скидками и льготами в обмен на предоставление издательских услуг, кроме следующих случаев:

а) если они честно, но тщетно пытались заплатить общепринятым образом;

б) если их жизни угрожает опасность;

в) если очень хочется.

Поскольку применение третьего правила всегда влечет за собой увольнение, Форд обычно предпочитал использовать в своих интересах первые два.

Бодрым прогулочным шагом шел он по улице.

Воздух был вовсе не воздух, а довольно густой смог — правда, это-то Форду и нравилось. В его легкие вливалась восхитительная смесь интригующе мерзких запахов и рискованной музыки,

кое-где разбавленная далекими отголосками стычек между полицейскими кланами.

На ходу Форд слегка размахивал саквояжем, чтобы успеть врезать всякому, кто вздумает протянуть к нему свои загребущие лапы. В саквояже лежало все имущество Форда — то есть на данную минуту почти что ничего.

По улице промчался лимузин, ловко лавируя между горящими кучами мусора. Он спугнул старое вьючное животное, которое с диким воплем отпрянуло в сторону, вломилось, немедленно разбудив сигнализацию, в витрину аптеки народных средств… Через минуту оно уже перебежало улицу и картинно рухнуло на ступеньки итальянского ресторанчика, где, оно знало, его сфотографируют и накормят.

Форд шел на север. Он думал, что держит путь в космопорт, но раньше времени загадывать не стоило. Ему было отлично известно, что в этой части города планы людей часто резко меняются.

— Хочешь повеселиться? — окликнули его из темной подворотни.

— Да мне, по-моему, и так весело, — ответил Форд. — Спасибо.

— Ты богат? — спросил другой голос.

Форд повернулся и широко развел руками.

— Я похож на богача? — в свою очередь спросил он.

— Не знаю, — сказала девушка. — Пятьдесят на пятьдесят. Может, ты еще разбогатеешь. Для богатых у меня есть особая услуга…

— Да? — спросил Форд с любопытством, но не без осторожности. — Какая?

— Я втолковываю им, что быть богатым хорошо.

С верхнего этажа дома, у которого они стояли, раздалась автоматная очередь. Но это всего лишь застрелили басиста, который сфальшивил три раза подряд, а басистам в городе Гунн-Доньге цена грош за дюжину.

Форд остановился и уставился во тьму подворотни.

— Что втолковываешь? — переспросил он.

Девушка рассмеялась и вышла на свет. Она была высокого роста. В каждом ее движении сквозила некая гордая застенчивость — если у вас есть жизненный опыт, вы согласитесь, что это невероятно полезная черта характера.

— Это мой коронный номер, — пояснила девушка. — Я магистр социоэкономики и умею очень убедительно говорить. Людям это нравится. Особенно в нашем городе.

— Муснараа, — промолвил Форд Префект. То было словечко из языка Бетельгейзе, которое он всегда произносил, когда знал, что надо что-то сказать, но не мог придумать что.

Сел на ступеньку. Достал из сумки бутылку «Крепкого духа Джанкс» и полотенце. Открыл бутылку и вытер горлышко краем полотенца, чем достиг цели, обратной желаемой, а именно: «Крепкий дух Джанкс» мгновенно убил миллионы микробов, которые мало-помалу строили причудливую, высокообразованную цивилизацию на самых пахучих участках полотенца.

— Хочешь попробовать? — отхлебнув большой глоток, спросил Форд девушку.

Та, пожав плечами, взяла бутылку.

Они немного посидели, блаженно вслушиваясь в доносящееся из соседнего дома завывание охранной сигнализации.

— Тут как раз одна контора задолжала мне кучу денег, — сказал Форд. — Так что если со мной расплатятся, можно будет как-нибудь тебя навестить?

— Конечно, ищи меня здесь, — ответила девушка. — А «куча» — это сколько?

— Зарплата за пятнадцать лет.

— За что?

— За то, что я написал два слова.

— Ух ты! — сказала девушка. — И на которое из этих слов ты ухлопал столько времени?

— На первое. Когда оно появилось, второе пришло само как-то вечерком. После довольно вкусного обеда.

Из окна верхнего этажа, что находилось прямо над их головами, вылетела огромная ударная установка, пронеслась с диким воем и звоном сквозь смог и грянулась о тротуар прямо под носом у Форда и девушки. Только обломки во все стороны полетели.

Вскоре стало ясно, что сигнализация в соседнем доме сработала благодаря уловке какого-то полицейского клана, который решил устроить засаду другому клану. Машины с ревущими сиренами неслись к кварталу с разных сторон — только для того, чтобы попасть под огонь вертолетов, которые то и дело заходили в пике, со свистом рассекая воздух между высокими, как горные массивы, небоскребами.

— По правде говоря, — заорал Форд, стараясь перекричать гул, — дело было не совсем так. Я написал ужас сколько, но меня отредактировали.

Он снова вытащил из саквояжа свой экземпляр «Путеводителя».

— А потом и всю планету уничтожили, — возопил он. — Стоило трудиться, как же? Но деньги я с них все равно стребую.

— Так это и есть твоя контора? — прокричала девушка.

— Ага.

— Ловко устроился.

— Хочешь почитать, что я написал? — заорал Форд. — Пока не стерли? Сегодня вечером в сеть вывесят обновленный вариант. «С исправлениями и дополнениями». Наверняка кто-нибудь докопался, что планета, на которой я провел пятнадцать лет, уже уничтожена. Пока все ревизии этого не заметили, но должны же они когда-нибудь обратить внимание.

— Разговаривать невозможно, да?

— Что?

Она пожала плечами и указала пальцем вверх. Над ними завис вертолет, который, видимо, решил вмешаться в свару между музыкантами репетирующей наверху команды. Из окон валил дым. Звукооператор свисал со стены дома, цепляясь кончиками пальцев за карниз, а свихнувшийся гитарист бил его по рукам своей пылающей гитарой. Из вертолета стреляли по ним обоим.

— Может, отойдем куда-нибудь?

Форд и девушка побрели по улице в поисках менее шумного места. И столкнулись с бродячей театральной труппой; актеры попытались разыграть перед ними короткую пьесу о проблемах центра города, но потом бросили эту затею и исчезли в ресторанчике, который недавно почтило своим присутствием вьючное животное.

Все это время Форд тыкал пальцем в клавиатуру «Путеводителя», чтобы получить доступ к сети. Они с девушкой скользнули в переулок. Форд примостился на мусорном ящике, и тут по экрану «Путеводителя» потек целый водопад информации.

Форд нашел свою статью.

«Земля. В основном безвредна».

Но в тот же миг по всему экрану запрыгало сообщение для абонентов сети.

— Вот, начинается, — произнес Форд.

«Пожалуйста, подождите, — гласил текст. — Субэфирная компьютерная сеть проводит ревизию и обновление информации. Эта статья перерабатывается. Данные поступят через десять секунд».

По улице медленно проехал лимузин стального цвета.

— Эй, послушай, — сказала девушка, — если тебе заплатят, заходи. Я на работе. Люди во мне нуждаются. Так что я пойду.

Форд огорошенно попытался ее переубедить, но девушка не пожелала слушать его импровизированную речь в защиту досуга и удалилась. Форду ничего не оставалось, как сидеть в унылом одиночестве на мусорном ящике и ждать, пока труд, на который он ухлопал не самый краткий период своей жизни, бесследно канет в пучинах субэфирной помойки.

Кутерьма на улице немного поутихла. Полицейские перенесли свои баталии в другие районы города, несколько уцелевших музыкантов злосчастной команды договорились признать друг за другом право на собственный взгляд на искусство и отныне работать поодиночке, бродячие актеры вышли из итальянского ресторана, ведя за собой вьючное животное и говоря ему, что они возьмут его с собой в один хороший бар, где его сумеют уважить, а чуть подальше у тротуара стоял безмолвный лимузин стального цвета.

Девушка поспешила к нему.

Поодаль, в темном переулке, сидел Форд Префект. Мерцающий зеленый свет заливал его лицо. Глаза Форда медленно, но непреклонно вылезали

из своих орбит.

Он ожидал увидеть, что статья о Земле стерта, выкинута из книги, но вместо этого по экрану заструился непрерывный поток информации: текст, картинки, диаграммы, цифры, задушевные дифирамбы прибою на побережье Австралии и йогурту на островах Греции, список ресторанов, которых следует избегать в Лос-Анджелесе, список валютных операций, которых следует избегать в Стамбуле, список метеорологических явлений, которые лучше не испытывать на себе в Лондоне. И список баров, которые, наоборот, посетить стоит, — всех приличных баров на всей планете. И так страница за страницей. Было восстановлено все, каждая написанная им строчка.

Все больше хмурясь от недоумения, Форд читал текст от начала к концу и от конца к началу, вдоль и поперек, задерживаясь то на одной, то на другой главке.

«Советы инопланетным гостям города Нью-Йорка:

Приземляйтесь где угодно, хоть в Центральном парке. Никому и дела не будет. Честно говоря, никто даже не заметит.

Средства к существованию: немедленно устройтесь на работу шофером такси.

Работа шофера такси заключается в том, чтобы возить людей, куда им захочется, в больших желтых машинах, которые называются «такси». Не беспокойтесь, если вы не умеете водить машину и не знаете языка, не имеете понятия о географии и даже элементарной физике данного сектора Галактики, а из головы у вас торчат ветвистые зеленые антенны. Поверьте мне, стать шофером такси — лучший способ остаться незамеченным.

Если ваше тело действительно выглядит очень-очень необычно, попробуйте показывать его людям на улицах за деньги.

Земноводным со всех планет, расположенных в системах Вздут, Врюд и Тошнтия, особенно понравится Ист-ривер, которая, как говорят, по количеству замечательных жизнетворных питательных веществ превосходит самую лучшую, самую ядовитую лабораторную слизь.

Развлечения. Это самое подходящее для них место. Большей интенсивности веселья достичь физически невозможно — разве что вставить в мозг постоянный стимулятор центра удовольствия».

Форд щелкнул клавишей, на которой теперь было начертано ультрасовременное «Режим

пост, готовности», — той самой, на которой раньше было написано старомодное «Наготове», а когда-то, в далекой древности, — умопомрачительно допотопное «Откл.».

Господи, неужели планета, которую при нем уничтожили, стерли в порошок — он видел это сам, вот этими глазами, которые чуть не ослепли от адского взрыва, разодравшего свет и воздух… Он почувствовал собственными ногами, как земля вздыбилась, взревела и, точно молот, заколотила по его пяткам, как она дергалась и стонала в железных лапах энергетического цунами, что гнали к ней гнусно-желтые вогонские корабли. А потом наконец через пять секунд после того как Форд решил, что последний миг уже наступил, к горлу подступила долгожданная тошнота, и голова слегка закружилась от эффекта дематериализации: это нуль-транспортирующий луч вывел их с Артуром Дентом в эфир, точно радиотрансляцию футбольного матча.

Он не мог ошибиться. Такого не бывает. Землю уничтожили окончательно и бесповоротно. Окончательно, бесповоротно и с потрохами. Вскипятили и вылили в космос.

И все же (Форд снова включил «Путеводитель») вот его собственный текст о том, что нужно

предпринять, чтобы хорошо провести время в Борнмуте, графство Дорсет, Англия; отрывок, которым он всегда гордился, считая его одним из самых причудливых детищ своего беспутного воображения. Он вновь перечитал отрывок, мотая головой от изумления.

И вдруг Форда осенило. Дело было всего лишь в том, что на свете начало твориться что-то необыкновенное. Чудеса какие-нибудь. Насчет чудес у Форда был специальный пункт в кодексе чести — раз уж они происходят, то пусть происходят с ним самим.

Форд убрал «Путеводитель» в саквояж и почти бегом покинул переулок.

Снова взяв курс на север, он миновал припаркованный у тротуара лимузин стального цвета и услышал доносящийся из ближайшей к нему подворотни нежный голосок: «Это нормально, милый, это совершенно нормально. Просто надо научиться смотреть на вещи со светлой стороны. Задумайся о глобальной структуре экономики…»

Форд ухмыльнулся, обогнул соседний квартал, пожираемый огнем, обнаружил стоящий без присмотра полицейский вертолет, вскочил в кабину, пристегнулся ремнями, плюнул через левое плечо и неуклюже, зато шумно взмыл в воздух.

Качаясь, как пьяный, вертолет набрал высоту и, вырвавшись на свободу из небоскребных ущелий, пронесся сквозь черно-красную пелену дыма, которая постоянно висела над городом.

Десять минут спустя, включив на полную мощность все сирены и паля наугад по облакам из скорострельной пушки, Форд Префект с бешеной скоростью спикировал к платформам и посадочным огням местного космопорта; и вот вертолет кое-как опустился на гудрон, точно гигантский, громко ревущий с перепугу комар.

Поскольку Форд разбил вертолет не так чтоб вдребезги, ему удалось обменять его на билет первого класса на ближайший межзвездный рейс. Вскоре он уже восседал в громадном, шикарном, пышном, ласкающем тело кресле.

«Вот будет развлекуха», — думал Форд, в то время как корабль бесшумно несся в сумасшедшем темпе через глубокий космос, а обслуга назойливо хлопотала вокруг пассажиров.

— Пожалуйста, — отвечал Форд фланирующим по салону бортпроводницам, что бы ему ни предлагали.

Улыбнувшись какой-то странной, маниакально-широкой улыбкой, он вновь просмотрел загадочно воскресшую статью о планете Земля.

На Земле у него осталось важное дело, которым теперь самое время заняться; он был жутко доволен, что жизнь неожиданно подкинула ему цель, к которой стоит стремиться.

Внезапно Форд с любопытством задумался, где нынче шатается Артур Дент и знает ли он про Землю.

Артур Дент вовсе даже не шатался, а сидел на расстоянии тысячи четырехсот тридцати семи световых лет от Форда. Сидел он в машине марки «сааб». Как на иголках.

У него за спиной, на заднем сиденье, сидела девушка. Это из-за нее он стукнулся головой о дверцу, когда залезал в машину. Почему, он не знал: то ли потому, что она была первым существом женского пола его собственного биологического вида, которое он встретил за многие годы, то ли по какой-то иной причине… Факт тот, что его охватило какое-то, какое-то… «Не дури», — говорил он себе. «Успокойся», — говорил он себе. «Ты еще не очухался, — продолжал он самым твердым внутренним голосом, на какой только был способен. — Ты только что проехал автостопом через всю Галактику — больше ста тысяч световых лет как-никак. Жутко устал, немного очумел, и нервы у тебя висят на ниточке.

Расслабься, не паникуй, дыши глубже». Артур заерзал на сиденье, вывернув шею. И спросил, уже не в первый раз:

— Вы уверены, что с ней все в порядке?

Кроме того, что она была умопомрачительно красива, Артур мало что мог различить в темноте — он не мог определить, ни какого она роста, ни сколько ей лет, ни цвет ее волос. Задать ей вопрос он тоже не мог, так как она, увы, спала.

— Она просто под кайфом, — пожав плечами и продолжая смотреть на дорогу, сказал ее брат.

— И так должно быть? — в тревоге спросил Артур.

— Я ничего против не имею, — ответил брат красавицы.

— А-а, — протянул Артур. И, секунду подумав, прибавил: — Э-э.

Разговор что-то совсем не клеился.

Когда миновал шквал вступительных приветствий, Артур и Рассел (брата удивительной девушки звали Рассел; Артуру всегда казалось, что это имя носят только плотные мужчины со светлыми усами, которые сушат свою шевелюру под феном, по малейшему поводу облачаются в бархатные смокинги и манишки с оборочками и не соглашаются прекратить разглагольство-

вания о бильярде даже под дулом пистолета), так вот, Артур и Рассел быстро обнаружили, что совершенно друг другу не нравятся.

Рассел был плотный мужчина. Со светлыми усами. И прекрасной, высушенной феном шевелюрой. Справедливости ради следует отметить — хотя Артур не видел надобности в такой справедливости, разве что в целях упражнения ума, — что у самого Артура вид был отвратительный. Человек не может пересечь сотню тысяч световых лет, большей частью в багажных отделениях, и ни капельки не обтрепаться — Артур обтрепался изрядно.

— Она не наркоманка, — вдруг сказал Рассел таким тоном, будто намекал, что наркоман кто-то другой из здесь присутствующих. — Она под воздействием успокоительного.

— Но это ужасно, — проговорил Артур, вновь вывернув шею, чтобы взглянуть на девушку.

Девушка слегка зашевелилась, уронила голову на плечо. Темные волосы закрыли ей лицо.

— Что с ней, она больна?

— Да нет, — ответил Рассел, — просто шарики за ролики зашли.

— Что? — переспросил испуганный Артур.

— Рехнулась, совсем тронутая, везу ее обратно

в психушку, пусть попробуют ее полечить по второму заходу. Они ее выпустили, когда она еще считала себя ежиком.

— Ежиком?

Рассел свирепо засигналил машине, которая вынырнула из-за поворота им навстречу и метнулась на их сторону дороги, так что «сааб» еле увернулся. Похоже, сорвав зло, Рассел почувствовал себя лучше.

— Ну, может, и не ежиком, — успокоившись, сказал он. — Хотя с ежиком, видимо, было бы проще сладить. Если кто-то воображает себя ежиком, ему, должно быть, дают зеркало и несколько фотографий ежей и предлагают самому разобраться, кто здесь кто, а когда ему полегчает, еще раз решить, на кого он похож. По крайней мере медицинская наука может с этим совладать, вот что я хочу сказать. Только Фенни, видите ли, у нас больно умная. Все не как у людей.

— Фенни…

— Знаете, что я подарил ей на Рождество?

— Н-нет.

— «Медицинский словарь» Блэка.

— Хороший подарок.

— Конечно. Тысячи болезней, и все в алфавитном порядке.

— Вы говорите, ее зовут Фенни?

— Да. Я сказал ей: «Выбирай любую. Их все можно вылечить. Выписать нужные лекарства и вылечить». Так нет же, у нее что-то особенное. Чтобы усложнить всем жизнь. Она и в школе была такая.

— Да?

— Да, такая. Пристрастилась играть в хоккей и сломала кость, о которой никто никогда не слышал.

— Понимаю, как это действует на нервы, — неуверенно произнес Артур.

Он был весьма разочарован, узнав, что девушку зовут Фенни. Нелепое, унылое имя. Так могла назвать себя страхолюдная незамужняя тетушка, которой стало невмоготу носить имя Фенелла.

— Разумеется, я ей сочувствовал, — продолжал Рассел, — но это и впрямь начало действовать мне на нервы. Чуть ли не год хромала.

Он сбавил скорость.

— Вот ваш перекресток, да?

— Нет, нет, — сказал Артур, — до моего еще восемь километров. Если вам нетрудно.

— Ладно, — ответил Рассел после краткой паузы, долженствующей выразить, что ему очень даже трудно, и снова нажал на газ.

На самом деле это был перекресток Артура, но он не мог уйти, не узнав побольше об этой девушке, которая, даже не просыпаясь, завладела его душой. Он выйдет на следующем перекрестке или дальше.

Они подъехали к поселку, где когда-то жил Артур, он боялся даже представить себе, что его там ждет. За окном, будто ночные призраки, мелькали знакомые черты ландшафта. Глядеть на них было нестерпимо жутко — то была особая жуть, какую могут нагнать на тебя лишь совершенно обычные предметы, если видишь их там, где им быть никак не надлежит, и при непривычном освещении.

Насколько Артур мог судить, его межзвездные странствия, считая по земной временной шкале, длились лет восемь — да и то, как сочтешь время у чужих солнц, на вращающихся совсем в ином темпе незнакомых планетах? Но сколько времени утекло здесь, было ему невдомек. Да и какие события тут могли произойти, его измученный мозг не мог постичь. Потому что этой планеты, его дома, просто не должно было быть на свете.

Восемь лет назад после полудня в четверг эту планету уничтожили, стерли в порошок огромные желтые вогонские корабли. Средь бела дня,

пока народ спешил на обед, зависли они в небе, словно закон тяготения был всего лишь местным обычаем, а его нарушение — чем-то вроде парковки в неположенном месте.

— Глюки, — сказал Рассел.

— Что? — спросил Артур, отвлекшись от своих размышлений.

— Она говорит, что у нее странные галлюцинации, будто она живет в реальном мире. Никак не втолкуешь ей, что она и вправду живет в реальном мире, — ты ей толкуешь, а она тебе: «Вот потому я и говорю, что галлюцинации странные». Не знаю, как вас, а меня такие разговоры утомляют. Накормить ее таблетками, плюнуть и свалить за пивом — вот мой ответ. Как говорится, горбатого могила исправит.

Артур уже не в первый раз нахмурился:

— Ну…

— А все эти сны и кошмары. И врачи твердят, что у нее на энцефалограмме непонятные скачки.

— Скачки?

— Это, — сказала Фенни.

Артур вмиг изогнулся дугой на сиденье и уставил взгляд в ее внезапно распахнувшиеся, совершенно пустые глаза. Она смотрела на что-то

незримое, неотрывно смотрела сквозь Артура, брата и машину. Потом ресницы задрожали, голова дернулась, и девушка вновь мирно заснула.

— Что она сказала? — взволнованно спросил Артур.

— Она сказала: «Это».

— Что «это»?

— Что «это»? А черт ее знает! Этот ежик, эта труба, гвоздик от щипцов дона Альфонсо. Кажется, я уже говорил, что у нее шарики за ролики зашли.

— Вас это, судя по всему, не очень-то беспокоит. — Артур попытался произнести эту фразу таким тоном, будто просто констатирует маловажный факт, но у него не получилось.

— Слушай, парень…

— Ну извините, пожалуйста. Это не мое дело. Я вовсе не хотел сказать грубость, — залепетал Артур. — Я понимаю, вы за нее очень переживаете, по всему видно, — солгал он. — Я понимаю, это у вас напускное, чтобы не принимать близко к сердцу. Вы уж меня простите. Я только что вернулся издалека. Из туманности Лошадиная Голова.

И в сердцах отвернулся к окну.

К своему удивлению, он осознал, что в этот эпохальный вечер, вечер возвращения на родную,

навеки утраченную и чудом вновь обретенную Землю, самым сильным из теснящихся в его душе чувств оказалась внезапная страсть к этой странной девушке, о которой он знал лишь две вещи: что она сказала ему одно слово «это» и что встречи с ее братцем он не пожелал бы даже вогону.

— Так, э-э, что это за скачки, да, скачки, о которых вы говорили? — торопливо продолжал Артур.

— Послушайте, это моя сестра, не знаю, почему я все это вам рассказываю…

— Ну извините. Может, мне лучше здесь выйти? Вот и…

Стоило Артуру произнести эти слова, как выйти из машины стало невозможно — утихшая было гроза внезапно обрела второе дыхание. Молнии принялись злобно хлестать небо. Сверху лилось столько воды, будто кто-то решил вылить на землю Атлантический океан — причем сквозь крупное сито.

Рассел выругался — небеса отозвались ему сердитым грохотом — и вцепился в руль. Вскоре ему удалось сорвать зло, путем лихорадочного переключения скоростей обогнав грузовик, на борту которого было написано: «Грузоперевозки Маккенны — всем стихиям назло». Дождь осла-

бел, и напряжение спало.

— Это началось, когда в бассейне нашли агента ЦРУ, и у всех были галлюцинации, помните?

На секунду Артур задумался, стоит ли вновь упомянуть, что он только что прибыл издалека, из туманности Лошадиная Голова, что — а также много других удивительных причин — как-то помешало ему следить за последними событиями на Земле, но решил промолчать, чтобы еще больше не запутать дело.

— Нет, — сказал он.

— В это время она и спятила. Она сидела в кафе. Где-то в Рикмансворте. Не знаю, что она там делала, но там она и свихнулась. Она вроде как встала, преспокойно сообщила всем, что на нее снизошло необычайное откровение или еще какая-то хрень, зашаталась, захлопала глазами, а в итоге заорала благим матом и упала на стол. Лицом прямо в бутерброды с яичницей.

Артур поморщился.

— Весьма прискорбно это слышать, — несколько чопорно сказал он.

Рассел только раздраженно хмыкнул.

— Ну а что делал в бассейне агент ЦРУ? — спросил Артур, пытаясь разобраться, что тут к чему.

— Да так, на воде покачивался. Он был мерт-

вый.

— А что…

— Да бросьте, вы же все помните. Галлюцинации. Все говорили, что это просто кто-то напортачил, эксперимент ЦРУ с психотропным оружием, типа того. Кретинская такая теория насчет того, что не надо никого завоевывать — гораздо дешевле и эффективнее внушить всем мысль, что завоевание уже произошло.

— А какие конкретно были галлюцинации?… — спросил Артур почти шепотом.

— Как это, какие конкретно? Я говорю обо всей этой истории с большими желтыми звездолетами, когда все с ума посходили и кричали, что мы умрем, а потом — раз, и звездолеты исчезли, и воздействие улетучилось. ЦРУ все отрицает, значит, это его рук дело.

У Артура слегка закружилась голова. Чтобы не упасть, он ухватился за какой-то рычаг и крепко сжал его. Его рот открывался и закрывался, будто Артур хотел что-то сказать, но никак не мог сообразить что.

— Как бы то ни было, — продолжал Рассел, — какой там они наркотик применили — неизвестно, но на Фенни он все еще действует. Я хотел подать в суд на ЦРУ, но мой знакомый юрист сказал:

это все равно что брать приступом психушку с бананом вместо пистолета.

Он пожал плечами.

— Вогоны… — выжал из себя Артур. — Желтые звездолеты… исчезли?

— Ну конечно, это была галлюцинация, — ответил Рассел и странно посмотрел на Артура. — Вы хотите сказать, что ничего не помните? Где же вы были, черт возьми?

Это был настолько уместный вопрос, что Артур от нервного потрясения чуть не вылетел из машины.

— Дьявол!!! — завопил Рассел, пытаясь укротить внезапно затормозивший «сааб».

Он едва успел отъехать в сторону, уступая дорогу грузовику, который несся и свернул на лужайку. Вздрогнув, машина остановилась. При этом девушку ударило о спинку сиденья Рассела, и она неуклюже скатилась на пол.

Артур в ужасе обернулся.

— С ней все в порядке? — выпалил он.

Рассел со злостью взъерошил высушенные феном волосы. Подергал светлые усы. И повернулся к Артуру.

— Будьте добры, — сказал он, — оставьте в покое ручной тормоз.

Глава 6

Отсюда до поселка было шесть километров: полтора до перекрестка, до которого гнусный Рассел категорически отказался его подвезти, а там еще четыре с половиной по извилистой проселочной дороге.

«Сааб» исчез во тьме. Артур тупо проводил его взглядом. Он был огорошен не меньше, чем человек, который пять лет считал, что совершенно слеп, и вдруг оказалось, что это ему просто шляпа была велика.

Артур резко встряхнул головой в надежде, что в мозгу у него всплывет какая-нибудь важная деталь, которая встанет на место и придаст смысл непостижимой Вселенной, но поскольку важная деталь, если таковая и имелась, не всплывала, он снова двинулся в путь. Полагаясь лишь на то, что бодрящая мускулы пешая прогулка, а может, и парочка бодрящих кожу мозолей помогут ему увериться хотя бы в собственном существовании, если не в психическом здоровье.

Когда он пришел в поселок, было пол-одиннадцатого вечера. Чтобы это выяснить, ему хватило одного взгляда на грязную и запотевшую витрину

бара «Конь и конюх», где уже много лет висели потрепанные часы с рекламой пива «Гиннесс» — изображением птицы эму, потешно поперхнувшейся пол-литровой кружкой.

Вот бар, где он пил пиво в тот злосчастный момент, когда ему почудилось, что сначала его дом, а потом вся планета Земля были разрушены. Нет, черт побери, они на самом деле были разрушены, ведь если этого не было, где же тогда, вакуум их всех зааркту рь, он шлялся целых восемь лет? Да и как начались его странствия, если не на одном из больших желтых вогонских звездолетов, которые гнусный Рассел сейчас обозвал обыкновенной наркотической галлюцинацией, но если все это было разрушено, где же он, Артур, находится теперь?...

Он прервал ход мысли, потому что эта мысль уже раз двадцать никуда его не приводила.

И начал снова.

Вот бар, где он пил пиво в тот злосчастный момент, когда произошло то, что произошло, а что там произошло, он разберется позже, что бы там на самом деле ни произошло...

Все равно ничего не понятно.

Он начал снова.

Вот бар, где...

Это бар.

В барах торгуют спиртным. Рюмочка спиртного ему сейчас бы не помешала.

Довольный, что из сумятицы его мыслей наконец-то родилось некое умозаключение и это умозаключение его вполне устраивает, хотя он вообще-то намеревался разрешить совершенно другой вопрос, Артур направился к двери.

И остановился.

Из-за ограды выбежал маленький черный курчавый терьер и, увидев Артура, зарычал.

Артур знал этого пса. Знал как облупленного. Его хозяином был приятель Артура, рекламный агент; пса звали Незнайка, потому что курчавые вихры на его голове вызывали у всех знакомых и незнакомых ассоциации с президентом Соединенных Штатов Америки. Пес тоже знал Артура или по крайней мере должен был знать. Пес был глупый и не умел даже читать по бумажке, а потому некоторые требовали переименовать его и не возводить на бедную собаку напраслину, но уж Артура он мог бы узнать — вместо того чтобы стоять, оскалив зубы, с таким видом, будто Артур — самое жуткое привидение за всю его дурацкую собачью жизнь.

Поведение собаки подсказало Артуру мысль

пойти и снова посмотреть в витрину — на этот раз не на умирающего от удушья эму, а на свое отражение.

Впервые за много лет узрев себя в привычном окружении, Артур вынужден был признать, что реакция Незнайки имела под собой некоторые основания.

Больше всего Артур походил на пугало, с помощью которых фермеры отгоняют птиц, и явиться в бар в таком виде означало навлечь на себя резкие упреки. Мало того: там наверняка сидит несколько его знакомых, и они непременно примутся осыпать его вопросами, на которые он ну никак не готов ответить.

Вот, скажем, Уилл Смитерс, хозяин Незнайки-Неумейки, животного настолько глупого, что Уилл самолично прогнал его со съемок рекламного ролика: Незнайка никак не мог разобраться, какую собачью еду предпочесть, хотя мясо во всех мисках, кроме одной, было полито машинным маслом.

Уилл определенно сидел здесь. Вот его пес, а там его автомобиль, серый «порше-9285» с табличкой на заднем стекле: «Моя вторая машина — тоже «порше». Черт бы побрал этого Уилла.

Пожирая глазами машину, Артур сообразил,

что только что узнал нечто новое для себя.

Уилл Смитерс, как и большинство этих высокооплачиваемых халтурщиков — ублюдков из рекламного бизнеса, считал делом чести каждый год, в августе, менять машину и говорить всем, что это бухгалтер его уговорил, хотя на самом деле бухгалтер изо всех сил старался его остановить, потому что ему надо было платить кучу алиментов и еще черт знает чего, и… в общем, это была та же машина, которую Артур видел у него раньше. Год определялся по номеру.

Учитывая, что сейчас стояла зима, а событие, причинившее Артуру столько беспокойства восемь лет назад (по его собственной шкале времени), стряслось в начале сентября, выходило, будто здесь прошло от силы полгода. Может, месяцев семь.

Около минуты Артур стоял как столб, позволяя Незнайке прыгать и тявкать на него. Он внезапно с ужасом осознал то, что долго не хотел признавать: теперь он инопланетянин, чужак на собственной планете. Никто никогда не поверит его рассказу, даже если изо всех сил попытается поверить. Во-первых, его история похожа на бред сумасшедшего, во-вторых, явно противоречит самым элементарным, легко проверяемым фактам.

Но может быть, это не настоящая Земля? Нет ли вероятности, что он совершил какую-то невероятную ошибку?

Стоящий перед ним пивной бар был знаком ему до мелочей, до нестерпимой боли: он знал каждый кирпич, каждый лепесток облупившейся краски, он предчувствовал, что внутри его ждут привычная духота, шум и тепло, оголенные бревна, светильники из фальшивого чугуна, липкая от пива стойка, протертая до блеска локтями его хороших знакомых, а за ней — картонные фигурки девушек с пакетиками арахиса вместо грудей.

Все это составляло его мир, его дом.

Он даже знал этого чертова пса.

— Эй, Незнайка!

Голос Уилла Смитерса вынуждал Артура срочно принять решение. Если он останется на месте, его обнаружат, и тут начнется… Можно спрятаться, но это только оттянет развязку, к тому же было ужасно холодно.

Однако Артур недолго думал, что предпочесть, так как это был именно Уилл. Нельзя сказать, что он не нравился Артуру как таковой, Уилл был довольно забавный парень. Но его забавность чересчур утомляла — Уилл, рекламный агент до мозга костей, всегда хотел, чтобы вы знали, как

ему весело и где он купил свою куртку.

Памятуя об этом, Артур спрятался за какой-то фургон.

— Эй, Незнайка, что случилось?

Дверь распахнулась, и вышел Уилл в потрепанной кожаной куртке типа «пилот»; чтобы придать ей кондиционный вид, он упросил своего приятеля из Автодорожного научно-исследовательского института проехать по ней на машине. Незнайка взвизгнул, обрадованный, что о нем вспомнили, и с удовольствием забыл об Артуре.

Уилл был с компанией друзей, и они затеяли игру с собакой.

— Русские идут! — закричали они все разом. — Русские идут, русские идут, русские идут!!!

Пес исступленно залаял и запрыгал, весь вне себя от ярости. Казалось, его маленькое сердце сейчас выскочит из груди. Все стали смеяться и подначивать его, затем, один за другим, расселись по машинам и исчезли в ночи.

«Теперь хоть один факт не вызывает сомнений, — подумал стоящий за фургоном Артур. — Планета определенно моя».

Глава 7

Его дом все еще стоял на месте.

Чему он обязан этим чудом, Артур не ведал.

Собственно, он решил подождать, пока бар опустеет — чтобы попроситься переночевать, — а пока, от нечего делать, сходить посмотреть, что с домом. И вот те на!

Артур поспешно вошел, открыв дверь ключом, который оказался на обычном месте — в саду, под брюхом у каменной лягушки. К удивлению Артура, в доме звонил телефон.

Этот негромкий звонок Артур слышал все время, пока шел по дороге, и как только понял, откуда идет звук, припустился бежать.

Дверь открылась с трудом, потому что половичок был завален огромным количеством писем и рекламных проспектов. Как оказалось, дверь застряла, упершись в четырнадцать одинаковых именных приглашений получить кредитную карточку, которая у Артура уже была; в семнадцать одинаковых писем, угрожающих наказанием за неоплату счетов по кредитной карточке, которой у него не было; в тридцать три одинаковых письма, где говорилось о том, что его особо отметили

как человека с изысканным вкусом, знающего, чего он хочет достичь и к чему стремится в наш век реактивных самолетов и культурного прогресса, а потому именно он непременно должен купить какой-то никуда не годный бумажник. Тут же, на груде писем, валялся дохлый полосатый котенок — тоже, видимо, подбросили.

Артур протиснулся сквозь узкую щель, споткнулся о груду буклетов с предложением вин, которых не упустит ни один тонкий знаток, поскользнулся на горе проспектов, рекламирующих отпуск на взморье, по темной лестнице ощупью пробрался наверх, в спальню, и схватил трубку как раз в тот момент, когда телефон перестал звонить.

Задыхаясь, Артур упал на холодную, пропахшую плесенью кровать и несколько минут пытался заставить Вселенную оставить его в покое и больше не кружиться перед его глазами, а потом капитулировал.

Когда Вселенная накружилась всласть и слегка утихомирилась, Артур потянулся к кнопке ночника, ожидая, что свет не зажжется. К его изумлению, свет зажегся. Что ж, вполне логично. Поскольку Управление надзора за электроэнергией постоянно отключало ему свет, когда он

платил за эту услугу, весьма разумно, что оно прекратило свои штучки, как только он перестал платить. Переводить на счет этой конторы деньги — только привлекать к себе внимание.

Комната выглядела почти такой же, какой он ее оставил, то есть напоминала мусорную кучу, — правда, толстый слой пыли скрывал от глаз особо вопиющие безобразия. Недочитанные книги и журналы уютно возлежали рядом с недоиспачканными полотенцами. Недостиранные носки отдыхали на недопитых чашках кофе. Недоеденный бутерброд почти что превратился черт не дознается во что. «Вот ударила бы сюда молния, и готово — процесс происхождения жизни из первобытного хаоса начнется по новой», — подумал Артур.

И лишь один предмет разительно отличался от наполнявшего комнату хлама.

Сначала Артур никак не мог понять, что это, собственно, такое, потому что загадочный предмет тоже был густо облеплен все той же мерзостной пылью. Но вот глаза Артура разглядели-таки предмет — и полезли на лоб от удивления.

Предмет стоял рядом со старым, видавшим виды телевизором, по которому можно было смотреть только учебный канал «Открытый

университет»: если бы эта развалина попыталась показать что-нибудь более увлекательное, ее кинескоп разорвался бы от волнения.

Предмет являл собой некую коробку.

Артур приподнялся на локтях, не сводя с коробки взгляда.

Коробка была из серого, тускло блестящего картона. Серая коробка кубической формы, сантиметров тридцать высотой. Перевязана серой лентой с аккуратным бантом наверху.

Артур встал, подошел к коробке и с недоумением потрогал ее. Что бы ни таилось там, внутри, коробка была в подарочной обертке, чистой и красивой, и прямо-таки просила, чтобы ее открыли.

Артур осторожно поднял коробку и отнес ее на кровать. Смахнул сверху пыль. Развязал ленту. Коробка была закрыта крышкой с клапаном.

Отогнув клапан, Артур заглянул в коробку. Внутри, закутанный в серую шелковисто-блестящую кисейную бумагу, лежал стеклянный шар. Артур бережно вытащил его. Оказалось, это не совсем шар, потому что снизу в нем имелось отверстие. Вернее (Артур понял это, когда перевернул его), отверстие с толстым ободком должно было находиться сверху. Это был сосуд. Круглый

аквариум.

Аквариум был сделан из удивительного стекла, совершенно прозрачного, но с необычным серебристо-серым оттенком, словно на его изготовление пошла смесь хрусталя и сланца.

Артур медленно вертел аквариум в руках. Ему редко приходилось видеть такие красивые вещи, но он никак не мог понять, что эта штуковина тут делает. Он заглянул в коробку, но в ней ничего не было, кроме бумаги. На внешней поверхности коробки — никакой надписи.

Артур еще раз перевернул сосуд. Замечательная вещица. Изысканная. Вот только зачем ему аквариум?

Артур легонько щелкнул по сосуду, и стекло отозвалось низким чудесным звоном. Звон звучал бесконечно долго, а когда наконец замер, почудилось, что он не исчез бесследно, а уплыл в другие миры, ушел в морские глубины.

Артур как зачарованный снова повертел аквариум. На сей раз свет запыленной лампочки упал на него под другим углом, и в стекле блеснули какие-то выгравированные тончайшим резцом линии. Артур поднял аквариум повыше, повернул к свету и вдруг четко увидел на темном стекле красивую надпись.

«Всего хорошего, и спасибо...» — вот что было начертано там.

И больше ничего. В полном недоумении Артур захлопал глазами.

Еще целых пять минут он вертел и вертел сосуд, подносил его к свету под разными углами, стучал по нему, вызывая колдовской звон, и размышлял над значением призрачных букв, но ничего не прояснилось. Наконец Артур встал, наполнил сосуд водой из крана и поставил обратно на стол рядом с телевизором. Потом вытащил из уха маленькую вавилонскую рыбку и, как она ни извивалась, бросил ее в аквариум. Она ему больше не понадобится — разве что придется смотреть иностранные фильмы.

Артур вернулся к кровати, лег и выключил свет.

Он лежал тихо и спокойно. Старался раствориться в окружающей его тьме, мало-помалу расслаблял руки и ноги, дышал все медленнее и размереннее, считая вдохи и выдохи; одну за другой выбросил из головы все мысли, закрыл глаза — а сон все не шел.

* * *

Дождь никак не соглашался оставить ночь в покое. Сами дождевые облака ушли вперед и теперь сосредоточили все свое внимание на маленькой шоферской закусочной близ Борнмута, но небо, по которому они проползли, растревожилось, взмокло и сморщилось от досады, будто говоря, что не ручается за себя, если его и дальше будут донимать.

Луна была какая-то водянистая. Она походила на бумажный шарик, обнаруженный в заднем кармане джинсов, которые только что побывали в стиральной машине. Лишь время и утюг покажут, был ли этот шарик списком покупок или пятифунтовой банкнотой.

Легкий ветерок колыхал воздух, словно размахивала хвостом лошадь, пытаясь определить, в каком она сегодня настроении. Далекий колокол пробил полночь.

Скрипя распахнулся чердачный люк.

Он еле поддался — после долгих уговоров и манипуляций с придерживанием косяка, так как дерево рассохлось, а петли кто-то когда-то заботливо покрасил. И все-таки люк распахнулся.

Его подперли распоркой, и в узкое углубле-

ние между скатами крыши вылезла одинокая фигура.

Фигура встала и безмолвно уставилась на небо.

Эта фигура ничем не напоминала взъерошенного дикаря, который немногим более часа назад влетел как сумасшедший в этот мирный коттедж. Исчезла рваная, истертая хламида, заляпанная грязью сотен планет и пятнами дрянной пищи из сотен загаженных космопортов, не было больше спутанных патл, длинной клочковатой бороды и пышно разросшихся бакенбардов.

Остался Артур Дент, спокойный и небрежно-элегантный, в вельветовых брюках и пушистом свитере. С вымытыми и подстриженными волосами. С гладко выбритым подбородком. Только глаза все еще молили Вселенную, чтобы она сжалилась и перестала производить над ним этот непостижимый эксперимент.

В прошлый раз он смотрел на этот пейзаж совсем другими глазами, и мозг, осмысляющий увиденные глазами образы, был совсем не тот. Нет, он перенес не хирургическую операцию, а всего лишь непрерывную пытку бурной и интересной жизнью.

В эту минуту ночь казалась ему живым суще-

ством, а темная земля вокруг — плодородной почвой, в которую он, Артур, глубоко уходил корнями.

Он ощутил какой-то неясный трепет в нервных окончаниях-и осознал, что чувствует всем своим существом, как катятся волны далекой реки, выгибаются невидимые крутобокие холмы, сбиваются в кучу где-то на юге тяжелые дождевые тучи.

Он вдруг постиг, какое это счастье — быть деревом. Надо же, ведь никогда бы не догадался… Он и раньше знал, что стоять на земле босиком и разгребать пальцами грунт — довольно приятное занятие, но тут оказалось, что это невообразимо здорово… Просто чудо. Он ощущал, как от самого Нью-Фореста до него докатывается волна почти неприличного блаженства. «Скорей бы лето — чтобы выяснить, каково это, когда у тебя на ветках растут листья», — подумал он.

С другой стороны к нему долетела еще одна волна переживаний, и он познал, что чувствует овца, напуганная летающей тарелкой. Правда, эти переживания по сути своей ничем не отличались от чувств овцы, напуганной чем-то другим, так как эти существа не умеют учиться на жизненном опыте. Обычный восход солнца по-

вергает их в смятение, а та зелененькая шерстка, что растет на лугах, и вовсе лишает их последних капель рассудка.

С немалым удивлением Артур обнаружил, что ему доступны переживания овцы, напуганной сегодняшним рассветом, и испуг от рассвета вчерашнего, и от позавчерашнего — тоже. В овечье прошлое овцы можно было углубляться бесконечно далеко, но Артуру стало скучно, потому что овца каждый раз пугалась того же самого, что и в предыдущий раз.

Артур оставил овец, и его сознание, разбегаясь кругами по морю житейскому, аки по воде, принялось неуклонно расширяться. Он ощущал присутствие других сознаний. Счет шел на сотни, на тысячи. Связанные между собой замысловатой паутиной: сонные, спящие, страшно возбужденные. А одно — с надломом.

Одно — с надломом.

Проскочив мимо него, Артур вернулся и попытался вновь проникнуться его ощущениями, но таинственное сознание ускользало от него, как вторая карточка с яблоком в игре «Пелманизм»[4].

---

[4] Примечания: 4

Детская настольная игра, развивающая память и способность к сосредоточению (по названию системы развития памяти, созданной в конце XIX века У. Энневером). — *Примеч. пер.*

У Артура сладко заныло под ложечкой. Он интуитивно знал, чье это сознание, или, вернее, знал, чьим оно должно оказаться, чтобы сбылись его мечты, а когда точно знаешь, чего хочешь, интуиция непременно подсказывает тебе, что мечты уже воплотились в действительность.

Он нутром знал, что это Фенни, и знал, что хочет ее найти. Вот только никак не получалось. Он чувствовал, что, пытаясь поднатужиться, лишь теряет свою новообретенную способность к этой странной вселенской отзывчивости, поэтому он бросил поиски и вновь отпустил свое сознание погулять на просторе.

И вновь наткнулся на надлом.

И вновь не смог его отыскать. На этот раз, несмотря на все уговоры интуиции, он почти разуверился, что это Фенни — и вполне возможно, на сей раз он наткнулся уже на другое надломленное сознание. В этом сознании тоже ощущался надлом, но какой-то более масштабный, гораздо глубже первого. «Век вывихнул сустав». Сознание будто дробилось, а возможно, оно и сознанием-то не было. Какое-то оно было… не такое.

Артур дал волю своему сознанию, и оно, растекаясь лужами, разливаясь ручьями, медленно впиталось в Землю.

Он прослеживал жизнь Земли день за днем, подчиняясь биению множества пульсов, просачиваясь сквозь пласты, накатывая на берег вместе с ее приливами, вращаясь вместе со всем ее тяжелым телом вокруг ее оси. И всюду его преследовал отзвук надлома — отдаленная, тупая боль в вывихнутом, если не переломленном суставе.

Теперь он летел сквозь страну света; свет был временем, а его волны — уходящими в прошлое днями. Надлом, второй надлом, ощущался на другом конце этой страны, надлом толщиной с волосок на противоположной стороне призрачного пейзажа земных дней.

И вдруг Артур очутился прямо над ним.

Страна грез расступилась под его ногами, и теперь он балансировал, почти плясал на кромке умопомрачительной пропасти, на дне которой была только пустота. Его зашатало. Цепляясь за отсутствующий воздух, барахтаясь в кошмарообразном пространстве, кувыркаясь, он начал падать.

За бескрайней пропастью оказалась иная страна, иное время, мир более древний, чем тот, в котором он находился. То была иная планета Земля, соединенная с первой даже не надломлен-

ной костью, а просто тоненькой нитью. Артур проснулся.

Холодный ветер коснулся его лба, покрытого лихорадочной испариной. Кошмар исчерпал себя — заодно исчерпав и силы Артура. Ссутулившись, он принялся тереть глаза. Усталость наконец-то достигла критической точки, за которой человек благополучно засыпает. Утром он пораскинет мозгами насчет смысла этого кошмара, если смысл у него вообще был, а сейчас его ждут постель и сон. Его собственная постель, его собственный сон.

Вдали Артур увидел свой дом, освещенный лунным светом, и жутко удивился. Безусловно, то был его дом — Артур с первого взгляда узнал его унылый, коробкообразный силуэт, подсвеченный луной. Осмотревшись, Артур обнаружил, что парит на высоте восемнадцати дюймов над розарием своего соседа Джона Эйнсуорта. Розовые кусты были тщательно ухожены, подрезаны на зиму, привязаны к палкам и снабжены табличками, и Артур вопросил себя, кой черт его сюда принес. Также Артур вопросил себя, какая сила его над этими розами держит. И немедленно шлепнулся на землю, из чего следовало, что никакая сила его и не думала держать.

Артур поднялся, отряхнулся и, припадая на ушибленную ногу, заковылял домой. Там он разделся и нырнул в кровать.

Пока он спал, ему вновь позвонили. Телефон трезвонил целых пятнадцать минут, заставив Артура дважды перевернуться на другой бок. Удостоверившись наконец, что этого типа и пушками не разбудишь, аппарат умолк.

Глава 8

Утром Артур встал в великолепном расположении духа. Его буквально распирало от бодрости и энергии. Какое это все-таки счастье — оказаться дома, и совершенно не важно, что на дворе середина февраля!

Танцующей походкой Артур подошел к холодильнику, выбрал там три наименее поросших лохматой плесенью куска непонятно чего, положил их на тарелку и минуты две внимательно созерцал. Поскольку за это время лохматые куски не сделали попытки отрастить ноги и уползти, он нарек их завтраком и съел. Соединенными силами эти три кусочка ликвидировали опасную космическую инфекцию, которую Артур, сам того не ведая, подцепил несколькими днями раньше в Газовых Топях Фларгатона. Не будучи вовремя пресеченной, эта инфекция истребила бы половину населения Западного полушария, у уцелевшей половины вызвала бы слепоту, а всех остальных наградила бы тотальным помрачением рассудка и бесплодием. Так что Земле здорово посчастливилось.

Артур чувствовал себя сильным и совершенно

здоровым. Он лихо выгреб лопатой из прихожей почтовые отправления, а потом схоронил в саду котенка.

Как раз в конце похорон зазвонил телефон, но Артур не подошел к нему, поскольку как раз объявил минуту молчания. Нужно — так перезвонят.

Потом Артур обтер ботинки от грязи и вернулся в дом.

В груде макулатуры обнаружилось несколько важных писем: трехлетней давности послание из муниципалитета, в котором сообщалось о планируемом сносе его дома, еще кой-какие документы с призывами провести опрос общественного мнения относительно целесообразности прокладки шоссе. Тут же — пожелтевшее письмо из экологической организации «Гринпис», которую он время от времени поддерживал материально, с просьбой содействовать плану освобождения из неволи дельфинов-белобочек и касаток, а также несколько открыток от друзей, раздосадованно вопрошавших, куда это он запропастился — сквозь землю провалился или что?

Вышеперечисленные письма Артур собрал и сложил в папку с пометкой: «Сделать!» В это утро его так распирало от нерастраченных сил, что он

даже дописал на папке: «Срочно!»

Из пластикового пакета, приобретенного в мегамаркете Порта Браста, он достал полотенце и еще кое-какие мелочи. Следует отметить, что надпись на пакете представляла собой абсолютно непереводимую с центаврийского языка игру слов — интеллектуальный каламбур на каламбуре, — а потому оставалось неясным, кто додумался продавать такие пакеты в беспошлинном магазинчике космопорта, где их явно не оценят. К тому же пакет прохудился, так что Артур его выкинул.

Внезапно у Артура закололо в сердце — он спохватился, что в пакете недостает еще одной вещи. Видимо, он обронил ее еще на борту звездокатера, который доставил его на Землю, любезно изменив курс, чтобы высадить его как раз около автострады А303. То была облезлая, поистершаяся на межзвездных трассах электронная книга, которая помогала ему не заблудиться в необъятных просторах космоса. Да-да, «Путеводитель» был потерян.

«Ладно, — сказал себе Артур, — теперь-то он мне точно больше не понадобится».

Ему нужно было сделать несколько звонков.

Он уже придумал, как отмести множество

несообразных вопросов, которые должны были возникнуть в связи с его возвращением. А именно: решил не давать никому спуску.

Он позвонил на Би-би-си и попросил соединить его с начальником отдела.

— Привет, это Артур Дент. Послушайте, я очень извиняюсь за то, что полгода не давал о себе знать, но я был не в своем уме.

— О, не стоит беспокоиться. Я, собственно, так и предполагал. Дело житейское, случается сплошь и рядом. Когда можно вас ожидать?

— Когда у ежей кончается зимняя спячка?

— Наверное, весной.

— Вот вскоре после этого я и появлюсь.

— Договорились!

Полистав телефонную книгу, Артур составил небольшой список номеров.

— Здравствуйте, это лечебница «Старые вязы»? Я просто хочу узнать, нельзя ли поговорить с Фенеллой, э-э-э… Фенеллой… Боже, какой я дурак, скоро забуду, как меня самого зовут, э-э, с Фенеллой… ну прямо маразм! Ваша пациентка, темноволосая девушка, поступила вчера вечером…

— Сожалею, но у нас нет пациенток по имени Фенелла.

— Нет? Ну конечно, я хотел сказать Фиона, мы-то ее зовем попросту Фен…

— Извините, до свидания.

Короткие гудки.

Шесть звонков с тем же успехом. То есть без малейшего. Почувствовав, что жизнерадостность, энергия и напористость пошли на убыль, Артур решил — пока эти замечательные свойства не иссякли совсем, надо пойти в бар и немного ими пощеголять.

Ему в голову пришел великолепный способ одним махом объяснить все необъяснимые странности, связанные с его исчезновением. Тихо насвистывая, он распахнул дверь, которая так устрашала его вчера вечером.

— Артур!!!

При виде уставившихся на него со всех сторон глаз, круглых от удивления, он радушно ухмыльнулся и завел долгий рассказ о том, как замечательно провел время в Южной Калифорнии.

Глава 9

Артур взял со стойки еще одну кружку, любезно оплаченную друзьями, и сделал жадный глоток.

— Ну и, естественно, у меня был еще и личный, мой собственный алхимик.

— Чего-о?

Артуру уже дурь ударила в голову, и он сам об этом знал. Комбинация таких обстоятельств, как временная атрофия чувства меры и неограниченное количество горького пива почтенной марки «Холл и Вудхаус», опасна в первую очередь тем, что она притупляет чувство опасности, и в тот самый момент, когда следовало прикусить язык и больше ничего не объяснять, на Артура вдруг снизошло вдохновение.

— Правда-правда, — настаивал он с радостной, чуть-чуть слишком широкой улыбкой. — Кстати, вот почему я так похудел.

— Чего-о? — удивились слушатели.

— Правда-правда, — вновь произнес Артур. — Калифорнийцы возродили алхимию. Это правда.

И вновь улыбнулся.

— Только, — уточнил он, — в гораздо более практической форме, чем когда где… — Он задум-

чиво помолчал, утрясая в голове грамматические конструкции. — Чем когда ею занимались в древние времена. То есть, — уточнил он, — когда древние пытались ею заниматься. У них ведь ни фига не получалось. У Нострадамуса и всей этой компании. Никак не могли докопаться, где собака зарыта.

— У Нострадамуса? — переспросил один посетитель бара.

— А я и не знал, что он был алхимиком, — заметил другой.

— Я думал, он был ясновидящим, — подхватил нить беседы третий.

— Он пошел в ясновидящие, — объяснил Артур своим слушателям, тактично не обращая внимания на то, что их головы начали двоиться и расплываться, — потому что оказался таким хреновым алхимиком. Надо это знать.

Он снова глотнул пива. Этого напитка он не пробовал целых восемь лет. И теперь, дорвавшись, никак не мог напробоваться всласть.

— А какая связь между алхимией и похудением? — спросила часть слушателей.

— Я рад, что вы меня об этом спросили, — сказал Артур. — Очень рад. И теперь я расскажу вам, как это связано между… — и замялся, — между

собой. То, что вы сказали. Я расскажу вам.

Артур примолк и попытался разобраться со своими мыслями. Они крутились так и сяк в его голове, точно танкеры, пытающиеся совершить в Ла-Манше разворот на три румба.

— Они открыли, как превращать избыточный жир в золото, — неожиданно выпалил Артур связную фразу.

— Шутки шутишь!

— Да, — подтвердил Артур, — то есть нет, — поправил он сам себя. — Так оно и есть.

Он угостил сомневающихся пивом. Поскольку сомневались все, угощать пришлось тоже всех.

— Вы-то сами были в Калифорнии? — спросил он. — Вы вообще знаете, чем они там занимаются?

Трое посетителей сказали, что были и что он несет чушь.

— Ничего-то вы не видели, — настаивал Артур. — Да, — прибавил он, потому что кое-кто предложил угостить всех еще раз — каждому по кружке. — Доказательство у вас перед глазами, — проговорил он. Попытался ткнуть себя пальцем в грудь, но промахнулся. — Четырнадцать часов в трансе, — продолжал он, — в камере. В трансе. Я лежал в камере. Кажется, — прибавил он,

затратив около минуты на безмолвные размышления, — насчет камеры я уже сказал.

Он терпеливо ждал, пока бармен нальет всем еще по кружке. В голове у него созревал следующий эпизод рассказа: о том, что камеру надо было поставить по линии, которая идет перпендикулярно к Полярной звезде и пересекает базисную линию, соединяющую Марс и Венеру; Артур уже собрался было набрать в грудь воздуха и попробовать все это выговорить, но передумал.

— Долго-долго, — сказал он взамен, — в камере. В трансе.

И свирепо оглядел слушателей, чтобы убедиться, что они внимательно следят за его повествованием. После чего продолжил.

— Так на чем я остановился? — спросил он.

— На трансе, — сказал один слушатель.

— На камере, — сказал другой.

— Да, — сказал Артур. — Спасибо. И мало-помалу, — проговорил он, качнувшись вперед, — мало-помалу, мало-помалу, мало-помалу весь ваш избыточный жир… превращается… в… — тут он выдержал эффектную паузу, — в суб… субэкст… субэкстру… экстре… — умолк, чтобы набрать в легкие воздуха, — субэкстрементальное золото, которое удаляется хирургическим путем. Выйти

из камеры — мучение. Что вы сказали?

— Я просто откашлялась.

— Вы, кажется, сомневаетесь.

— Я откашлялась.

— Она откашлялась, — подтвердила грозным хором большая часть публики.

— Да, — сказал Артур, — очень хорошо. И затем доход делят… — он снова помолчал, чтобы произвести в уме математический расчет, — пополам с алхимиком. Можно целый капитал сколотить.

Он обвел слушателей затуманенным взглядом и не мог не заметить выражения недоверчивости на их расплывчатых лицах.

Это его чрезвычайно задело.

— А вы как думаете — с каких еще денег я себе мог такие морщины на лице сделать? — вопросил он.

Заботливые руки подняли его и повели домой.

— Нет, вы вникните, — все доказывал он, пока холодный февральский ветер обвевал его лицо, — сейчас в Калифорнии потрепанный вид — последний писк. Все хотят выглядеть так, будто повидали Галактику. То есть жизнь. Все хотят выглядеть так, будто повидали жизнь. Вот и я заказал. И мне сделали морщины. «Прибавьте мне восемь лет», — сказал я. Надеюсь, тридцати-

летние больше никогда не войдут в моду, а то я на это дело кучу денег выложил.

Он на время притих, а заботливые руки продолжали вести его по дорожке к дому.

— Вчера только вернулся, — пробормотал он. — Я очень, очень рад, что я дома. Или не дома, но вроде как дома…

— Расстройство биоритмов, — тихо сказал один из его друзей. — Из Калифорнии долго лететь. На пару дней из колеи выбивает.

— Как-то мне не верится, что он там был, — прошептал другой. — Любопытно, где он на самом деле шатался. И что с ним такое стряслось.

Артур немного поспал, потом встал и побродил вокруг дома. Голова у него работала так себе, на душе было невесело. Все-таки он еще не пришел в себя после путешествия. Он думал и думал, но никак не мог придумать, как ему найти Фенни.

Сел в кресло, посмотрел на аквариум. Потом снова щелкнул по стеклу, и аквариум, даром что был наполнен водой и в нем, суча губами, уныло кружила маленькая желтенькая вавилонская рыбка, отозвался низким, звучным звоном, таким же внятным и чарующим, как прежде.

«Кто-то пытается меня отблагодарить, — подумал Артур. — Интересно, кто и за что».

Глава 10

«Точное время после третьего сигнала один час… тридцать две минуты… двадцать секунд».

«Бип… бип… бип».

Форд Префект подавил довольное, ядовитое хихиканье, понял, что незачем это хихиканье подавлять, и расхохотался в полный голос дьявольским смехом.

Он подключил входящий сигнал, поступающий по субэфирной сети, к великолепной аудиосистеме звездолета, и странный, манерный, монотонный голос возвестил на всю рубку:

«Точное время после третьего сигнала один час… тридцать две минуты… тридцать секунд».

«Бип… бип… бип».

Форд чуть усилил громкость, внимательно следя за быстро сменяющими друг друга на экране бортового компьютера цифрами. Для того промежутка времени, который был условием осуществления его замысла, вопрос энергопотребления был ключевым. Требовалось все рассчитать заранее. Он не хотел отягощать свою совесть убийством.

«Точное время после третьего сигнала один

час… тридцать две минуты… сорок секунд».

«Бип… бип… бип».

Форд решил проверить, все ли в порядке на этом небольшом звездолете. Прошел по короткому коридору.

«Точное время после третьего сигнала…»

Заглянул в маленькую, чисто утилитарную ванную — вся она была из блестящей стали.

«… один час…»

В ванной звук отличный.

Сунул нос в крошечную спальню.

«… тридцать две минуты…»

Чуть глуховато. На одном из динамиков висело полотенце. Форд скинул его на пол.

«… пятьдесят секунд».

Вот теперь слышимость несравненная.

Форд проверил грузовой отсек и остался недоволен. Слишком уж много всякого хлама в ящиках. Вышел, подождал, пока дверь герметично закроется. Вскрыл запертый пульт управления и нажал аварийную кнопку сброса груза за борт. Как только раньше не додумался! Грохот скатывающихся по полу ящиков продолжался недолго. Все стихло. Спустя какое-то время вновь послышалось тихое шипение.

И тоже стихло.

Дождавшись, пока зажжется зеленый огонек, Форд вновь распахнул дверь опустевшего грузового отсека.

«… один час… тридцать три минуты… пятьдесят секунд».

Недурно.

«Бип… бип… бип».

Напоследок он тщательно обследовал аварийную анабиозную камеру. Обеспечить в ней отличную слышимость было для него делом чести. «Точное время после третьего сигнала один час… тридцать четыре минуты… ровно».

Поежившись, Форд окинул взглядом лежащую в камере ледяную глыбу, внутри которой едва угадывались очертания неведомо чьего тела. Однажды, Зарквон знает когда, это существо проснется-и сразу узнает, который час. Правда, это будет время совсем иного часового пояса, ну да ладно — важен сам принцип.

Форд перепроверил экран компьютера, помещенный над односпальным холодильником, притушил свет и проверил еще раз.

«Точное время после третьего сигнала…»

Форд на цыпочках вышел в коридор и вернулся в рубку управления.

«… один час… тридцать четыре минуты… два-

дцать секунд».

Голос звучал так четко, будто Форд слышал его по телефону в Лондоне — и это при том, что до Лондона было очень-очень далеко.

Форд уставился в чернильно-черную ночную тьму. Вдалеке сияла звезда — вылитая хлебная крошка, только блестящая; то была Зондостина, известная на планете, с которой доносился манерный, монотонный голос, как Зета Плеяд.

Ярко-оранжевый полукруг, занимавший добрую половину панорамного экрана, представлял собой планету Сезефрас Магна, газовый гигант, где базировались ксаксисианские звездокрейсеры. Из-за ее горизонта только что вынырнула маленькая холодная голубая луна Эпун.

«Точное время после третьего сигнала…»

Двадцать минут Форд сидел и наблюдал, как уменьшается расстояние между звездолетом и спутником, как бортовой компьютер ловит и сажает в клетки таблиц цифры, которые выведут звездолет на орбиту вокруг маленькой луны, замкнут петлю траектории и обрекут этот кораблик, невидимый внешнему миру, обращаться вокруг Эпуна в вечном мраке.

«… один час… пятьдесят девять минут…»

Вначале Форд планировал заглушить все ис-

ходящие от звездолета сигналы и излучение, сделать его практически невидимым — пока не наткнешься на него лбом, не заметишь, — но потом предпочел более изощренный замысел. Теперь корабль будет испускать лишь один-единственный луч, тонкий-тонкий, который будет ретранслировать поступающий по субэфирной сети голос говорящих часов обратно, на ту же планету, где эти говорящие часы находятся. Двигаясь со скоростью света, сигнал достигнет этой планеты только через четыреста лет, но, когда достигнет, вероятно, произведет на ней переполох.

«Бип… бип… бип».

Форд хихикнул.

Ему не нравилось думать о себе как о человеке, который способен на хиханьки-хаханьки, но тут он вынужден был признать, что хихикает и повизгивает от смеха уже добрые полчаса.

«Точное время после третьего сигнала…»

Теперь звездолет почти что вышел на вечную орбиту вокруг безвестного, никем не посещаемого спутника. Почти что вышел.

Осталось осуществить последний этап плана. Форд снова прогнал на компьютере симуляцию запуска спасательной минишлюпки, проверил все равнодействующие сил, действия и про-

тиводействия, тангенсы-котангенсы, поверил математикой всю поэзию движения и увидел, что план его безупречен.

Уходя, он погасил свет.

Когда крохотная сигарообразная шлюпка понеслась, точно язычок застежки «молния», к расположенной в трех днях лету орбитальной станции Порт Сезефрас, несколько секунд она скользила бок о бок с длинным, тонюсеньким лучом, которого ожидал гораздо более долгий путь.

«Точное время после третьего сигнала два часа… тринадцать минут… пятьдесят секунд».

Форд хихикал и повизгивал. Он бы расхохотался во все горло, но в шлюпке было слишком тесно.

«Бип… бип… бип».

Глава 11

— А самое противное — это апрельские проливные.

Артур что-то уклончиво промычал; сидящий рядом мужчина, по всей видимости, твердо решил завязать с ним разговор. Артур хотел встать и пересесть за другой столик, но кафе было переполнено. Артур принялся яростно помешивать кофе.

— Долбаные апрельские проливные. Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Наморщив лоб, Артур уставился в окно. Над автострадой висела лучистая, почти невесомая завеса дождя.

С тех пор как Артур вернулся, миновало уже два месяца. Войти в прежнюю колею оказалось до смешного просто. У людей, в том числе и у него, удивительно короткая память. Теперь восемь лет безумных странствий по Галактике казались ему даже не дурным сном, а скорее фильмом, который он записал на видео с телевизора и засунул на нижнюю полку шкафа, так и не удосужившись посмотреть.

Осталась только радость от возвращения домой.

Теперь, когда, как он считал (увы, опрометчиво), над его головой всегда будет атмосфера Земли, все, находящееся в пределах этой атмосферы, ему ужасно нравилось. Глядя на серебристое сияние дождевых капель, он осознал, что просто обязан за них вступиться. И заявил:

— Ну а мне они нравятся. По самым очевидным причинам. Они легкие и освежают воздух. Брызги сверкают так, что душа радуется.

Сосед по столику только саркастически фыркнул.

— Все так говорят, — сказал он, глядя на Артура исподлобья и вжимаясь в угол кафе.

По профессии он был шофером грузовика. Артур узнал это от него самого: усевшись рядом с ним, мужчина с бухты-барахты сообщил: «Я шофер. И ненавижу ездить под дождем. Смешно, правда? Обхохочешься».

Если в этом высказывании и содержался какой-то тайный философский смысл, Артуру он остался недоступен, а потому наш герой лишь негромко хмыкнул — вежливо, конечно, но безо всякого желания вступать в разговор.

Однако соседа это не остановило. Ни в начале разговора, ни теперь.

— Все так говорят об этих хреновых апрельских

проливных дождях, — сказал он. — Какие они, блин, приятные, какие они, блин, освежающие, какая это замечательная, блин, погодка.

Подавшись вперед, он весь сморщился, словно собирался сказать что-то ужасное о правительстве.

— Вот что меня интересует, — сказал он, — если в апреле погода такая уж замечательная, почему… ПОЧЕМУ, — это слово он буквально выплюнул, — … почему нельзя обойтись без этого хренова дождя?

Артур сдался. Он решил уйти, не допив кофе, который был слишком горяч, чтобы выпить его залпом, но очень уж отвратителен на вкус для того, чтобы пить его холодным.

— Не расстраивайтесь, — сказал Артур, сам ужасно расстроенный этими нападками на дожди, и встал. — До свидания.

Сделав остановку в магазинчике запчастей, он вышел наружу и пересек просторную автостоянку, демонстративно упиваясь чудесными каплями дождя, барабанившими по его лицу. Он даже заметил бледную радугу, мерцающую над Девонскими холмами. Радуга тоже привела его в упоительный восторг.

Артур залез в свой потрепанный, нежно люби-

мый «гольф джи-ти-ай» черного цвета, взвизгнул шинами и покатил мимо островков с бензонасосами по скользкой от масла дорожке, которая вела к автостраде.

Он думал, что теперь-то над его головой всегда будет атмосфера Земли. И заблуждался.

Он думал, что паутина сомнений, в которую затянули его странствия по Галактике, навсегда осталась в прошлом. И заблуждался.

Он думал, что теперь может спокойно выкинуть из головы хотя бы тот факт, что Земля — эта большая, твердая, грязная, промасленная и пробензиненная Земля с висящей над ней радугой, Земля, на которой он живет, — это лишь микроскопическая точка на микроскопической точке, затерянной в непостижимой бесконечности Вселенной.

Он ехал себе и ехал, что-то мурлыча под нос и заблуждаясь относительно всех вышеперечисленных обстоятельств.

Он заблуждался, и живое доказательство тому стояло у скользкой дороги под маленьким зонтиком.

У Артура отвисла челюсть. Он надавил на педаль ножного тормоза так мощно, что растянул сустав, одновременно рванув ручной тормоз

— так резко, что машина чуть не перевернулась.

— Фенни! — крикнул Артур.

Он чудом ухитрился не сбить девушку машиной, но тут же наверстал упущенное, когда пытался гостеприимно распахнуть перед ней дверцу.

Дверца стукнула девушку по руке. Та выронила зонтик, который был немедленно унесен ветром на середину дороги.

— Вошь астероидная! — завопил Артур, выскочил из машины на дорогу, чудом не был сбит грузовиком с надписью «Грузоперевозки Маккенны — всем стихиям назло» и с ужасом узрел, что колеса грузовика вместо его собственного тела проутюжили зонтик Фенни.

Грузовик выехал на автостраду и был таков.

Тихо шевелясь на ветру, зонтик лежал на бетоне, точно раздавленный паук, говорящий жизни свое последнее «прости».

Артур поднял зонтик. И сказал:

— Э-э…

Вряд ли стоило возвращать девушке этот искалеченный предмет.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — спросила она.

— Э-э, ну-у… — пролепетал Артур. — Послушай-

те, я куплю вам другой…

И как только взглянул на нее, проглотил язык.

Она была довольно высока ростом. Темные волнистые волосы обрамляли ее бледное серьезное лицо. В этот миг, одиноко и неподвижно стоя на обочине, она выглядела угрюмой, словно аллегорическая статуя какой-нибудь важной, но немодной добродетели в парке эпохи классицизма. Невозможно было понять, на что устремлен ее взгляд — она смотрела только на то, на что вроде бы не смотрела.

Но стоило ей улыбнуться — вот так, как сейчас, — она как будто бы возвращалась из неведомых далей на землю. Тепло и жизнь приливали к ее лицу, придавали необычайное изящество ее телу, ее движениям. Эффект был потрясающий. Артур был потрясен так, что чуть ума не лишился.

Улыбнувшись, она бросила сумку на заднее сиденье, а сама, изящно изогнувшись, забралась на переднее.

— Насчет зонтика не беспокойтесь, — сказала она Артуру, когда уселась. — Это зонт моего брата. Если бы зонт ему нравился, он бы мне его в жизни не дал. — Рассмеявшись, она защелкнула пряжку ремня безопасности. — Вы ведь не дружите с

моим братом, правда?

— Нет, не дружу.

Всеми чертами своего лица, всем телом она произнесла: «Это хорошо», — только голос отмолчался.

У Артура никак не укладывалось в голове, что она, настоящая, живая, действительно сидит рядом с ним в этой машине. В его собственной машине. Осторожно тронувшись с места, он почувствовал, что почти уже не способен ни дышать, ни мыслить, и надеялся только, что для управления машиной эти два умения не нужны — иначе быть беде.

Значит, все, что он пережил, сидя в другой машине, в машине ее брата, в тот вечер, когда, измученный и обалдевший, вернулся домой из многолетних кошмарных странствий на звездолетах, вовсе не примерещилось ему из-за психической неуравновешенности. А может, и примерещилось, но ведь в данный момент его психика неуравновешеннее еще раза в два, так что ничто ему не мешает окончательно выпустить из рук тот противовес, который удерживает психику уравновешенных людей в норме.

— Так… — произнес Артур, пытаясь занять девушку интересным разговором.

— Он должен был заехать за мной — мой брат, — но позвонил и сказал, что не успевает. Я спросила у одного человека, как ходят автобусы, но вместо расписания он почему-то уставился на календарь, и я решила поймать попутную машину. Вот так.

— Так.

— Так я здесь оказалась. А теперь ответьте, откуда вы знаете, как меня зовут.

— Давайте лучше сначала выясним, куда я вас везу, — сказал Артур, вклинившись в поток машин на автостраде.

Он надеялся, что ехать ей либо очень недалеко, либо очень далеко. Если недалеко, то, значит, она живет где-то поблизости от него, если далеко, путь будет долгим.

— Я хотела бы попасть в Тонтон, — проговорила она, — пожалуйста. Если можно. Это недалеко. Вы можете подбросить меня до…

— Вы живете в Тонтоне? — спросил Артур, надеясь, что его голос выражает просто любопытство, а не бурную радость.

Тонтон был буквально в двух шагах от его поселка, просто неприлично близко. Можно будет…

— Нет, в Лондоне, — ответила она. — Я поеду

поездом, он останавливается в Тонтоне меньше, чем через час.

То был худший из возможных вариантов развития событий. До Тонтона всей езды — несколько минут. Артур задумался, что же теперь делать, и пока думал, с ужасом услышал собственный голос, говорящий:

— О, я могу подбросить вас до Лондона. Разрешите мне подвезти вас до Лондона…

Растяпа и придурок. Ну надо же ляпнуть такое дурацкое словцо — «разрешите»! Он ведет себя как двенадцатилетний мальчишка.

— Вы едете в Лондон? — спросила она.

— Вообще-то я сегодня не собирался, — ответил Артур, — но…

Растяпа и придурок.

— Вы очень добры, — сказала она, — но не нужно беспокоиться. Мне хочется поехать поездом.

И тут она исчезла. Вернее, исчезло то, что вливало в нее жизнь. Она холодно отвернулась к окну и принялась тихо напевать.

Артур не верил своим глазам.

Он проговорил с ней тридцать секунд — и уже упустил.

«Взрослые люди, — говорил он себе, совершенно не считаясь с данными истории о поведении

взрослых людей от начала времен, — взрослые люди так себя не ведут».

На дорожном указателе стояло: «Тонтон — 5 миль».

Артур так крепко вцепился в руль, что машина завихляла на дороге. Надо было хоть как-нибудь привлечь ее внимание.

— Фенни, — вымолвил он.

Она резко обернулась:

— Вы так и не сказали, откуда…

— Послушайте! — взмолился Артур. — Я вам все расскажу, хотя это довольно странная история.

Она продолжала на него смотреть, но молчала.

— Послушайте…

— Это вы уже сказали.

— Действительно? Ах да, конечно. Я должен с вами поговорить, я должен вам рассказать… История, которую я должен вам рассказать, которая…

И Артур окончательно потерял голову. На язык так и просились строки: «Такая повесть, что малейший звук / Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей, / Разъял твои заплетшиеся кудри / И каждый волос водрузил стоймя, / Как иглы на взъяренном дикобразе»[5], — но он сомневался,

---

[5] Примечания: 5

Цитата из монолога Призрака из трагедии Шекспира «Гамлет» (перевод М. Лозинского). — *Примеч. пер.*

что сможет такое выговорить, да и ассоциация с ежом ему не нравилась.

— … которая не уложится в пять миль, — наконец произнес он — как ему показалось, абсолютно неубедительным тоном.

— Ну и…

— Просто вообразите на минуточку… — выпалив это самое «просто вообразите», он понял, что не знает, что скажет дальше, оставалось только устроиться поудобнее и слушать собственный голос, — … вообразите на минуточку, что по странным и удивительным причинам вы мне очень нужны и, хотя вы этого и не знаете, я вам тоже очень нужен, но мы не поймем друг друга, потому что в нашем распоряжении всего пять миль, а я такой кретин, что не могу сказать что-то очень важное человеку, с которым я только познакомился, и в то же время уследить, чтобы не врезаться в какой-нибудь грузовик, и что вы… — он беспомощно замолчал и посмотрел на нее, — … что вы мне посоветуете?

— Следите за дорогой! — взвизгнула она.

— Вошь астероидная!

Артур едва не врезался в сто итальянских стиральных машин, которые путешествовали в кузове грузовика из Германии.

— Я вам посоветую, — сказала она с тихим вздохом облегчения, — до отхода поезда угостить меня стаканчиком сока.

Глава 12

По никому не ведомой причине в станционных буфетах всегда какая-то особая, необычайно мрачная атмосфера, какая-то особая, неповторимо унылая грязь. Пирожки со свининой имеют там какой-то особый, неповторимо блеклый цвет.

Но есть вещь, которая еще хуже пирожков со свининой. Это сандвичи.

В Англии устойчиво держится мнение, что делать сандвич аппетитным, привлекающим взор, таким, чтобы его было приятно есть, постыдно и так делают лишь иностранцы.

«Да будут они засохшими, — предписывает инструкция, хранящаяся в коллективной памяти народа, — да будут они как резина. Если надо, чтобы они были свежими, раз в неделю протирайте их тряпочкой».

Именно посещением закусочных по субботам и поглощением там бутербродов британцы стремятся искупить свои национальные грехи. Что это за грехи такие, они не знают, да и не желают знать. Грехи — тема скользкая и лучше в нее не лезть. Но каковы бы ни были эти грехи, они с лихвой искупаются бутербродами, которые

многогрешная нация через силу заставляет себя съедать.

Если же существует что-нибудь еще хуже бутербродов, так это сосиски. Безрадостного вида трубочки, набитые хрящами, плавающие в море чего-то горячего и унылого и украшенные пластмассовой палочкой в форме колпака шеф-повара: очевидно, это и есть памятник какому-то шеф-повару, который ненавидел человечество, а умер в нищете и одиночестве на черной лестнице в Степни. В последний путь покойного проводили только его кошки.

Сосиски предназначены для людей, которые знают, в чем состоят их грехи, и желают искупить что-то особенное.

— Можно поискать что-нибудь поприличнее, — сказал Артур.

— Некогда, — ответила Фенни, взглянув на часы. — Мой поезд уходит через полчаса.

Они сели за расшатанный столик. На нем стояло несколько грязных стаканов. Здесь же лежали мокрые от пива бумажные салфетки, на которых были напечатаны анекдоты. Артур взял для Фенни томатный сок, а для себя — кружку желтой газированной воды. А еще, сам не зная зачем, две сосиски. Видимо, чтобы было чем заняться, пока

из воды газ выдыхается.

Бармен окунул сдачу в лужу пива на стойке, за что Артур сказал ему «спасибо».

— Ну, что ж, — сказала Фенни, глянув на часы, — расскажите мне то, что хотели.

Ее голос выражал крайнее недоверие, и Артур совсем упал духом.

Как он сможет в этой явно неблагоприятной обстановке объяснить этой холодной, настороженной девушке, что в состоянии, так сказать, «расширенного сознания» он вдруг телепатически понял, чем объясняется ее душевная болезнь: дело в том, что вопреки очевидному Земля была уничтожена, чтобы уступить место новому гиперпространственному экспресс-маршруту, но об этом на всей Земле знает только он — потому что видел все это своими глазами с борта вогонского звездолета, — а вдобавок его душа и тело нестерпимо тоскуют по Фенни, и ему необходимо как можно скорее лечь с ней в постель.

— Фенни, — начал Артур.

— Не хотите ли купить несколько лотерейных билетиков? Совсем маленькая лотерея.

Артур резко вскинул голову.

— Деньги пойдут в пользу Энджи, она уходит на пенсию.

— Что?

— И нуждается в искусственной почке.

Над Артуром склонилась аккуратненькая сухопарая пожилая особа в аккуратненьком вязаном костюме, с аккуратненькой химической завивкой и растянутыми в аккуратненькой улыбочке губами, которые, вероятно, часто лизали аккуратненькие моськи.

Особа держала книжечку с отрывными билетами и консервную банку для денег.

— Всего десять пенсов, — сказала она, — так что вы, может, купите целых два. Для этого вам даже не придется грабить банк.

Она издала короткий, звонкий смешок, а затем удивительно долгий вздох. Замечание о том, что для этого не придется грабить банк, очевидно, неимоверно нравилось ей с тех самых пор, как во время войны в ее доме квартировали американские солдаты.

— Э-э, да, хорошо, — пролепетал Артур, торопливо порывшись в кармане и вытащив пару монет.

С убийственной медлительностью и аккуратненькой, если так можно выразиться, манерностью особа аккуратненько оторвала два билета и вручила их Артуру.

— Я искренне надеюсь, что вы выиграете, — произнесла она, и улыбочка вдруг со щелчком сложилась, как японская фигурка-оригами, — у нас такие миленькие призы.

— Спасибо, — произнес Артур, с демонстративной небрежностью запихивая в карман билеты и глядя на часы.

И повернулся к Фенни.

То же самое сделала особа с лотерейными билетами.

— А вы, моя милочка? — проговорила она. — Это для Энджи, на искусственную почку. Энджи уходит на пенсию, понимаете. Ну как? — И она так растянула улыбочку, что та уже не умещалась на лице. Чтобы не лопнула кожа, особе пришлось остановиться и сдвинуть губы.

— Э-э, послушайте, вот, пожалуйста, — сказал Артур и, в надежде ее спровадить, подтолкнул к ней пятидесятипенсовую монету.

— О, мы люди небедные, да? — сказала особа, умудрившись одновременно многозначительно вздохнуть и многозначительно улыбнуться. — Мы, наверное, из Лондона.

Артур все отдал бы за то, чтобы она не говорила так чертовски медленно.

— О, право, ничего не надо, — махнув рукой,

проговорил он, когда особа с жуткой обстоятельностью начала отрывать пять билетов — по одному.

— Но вы должны взять билеты, — настаивала она, — а то не получите свой приз. Очень миленькие призы, знаете. Очень изысканные.

Артур схватил билеты и как можно грубее сказал «спасибо».

Особа снова повернулась к Фенни:

— А теперь вы…

— Нет! — завопил Артур. — Эти билеты для нее, — размахивая пятью билетами, объяснил он.

— О, понимаю! Как мило!

Особа тошнотворно улыбнулась им обоим.

— И я искренне надеюсь, что вы…

— Да, — огрызнулся Артур, — спасибо.

Наконец особа отошла к соседнему столику. Артур в отчаянии повернулся к Фенни и с облегчением увидел, что губы у нее дрожат от беззвучного смеха.

Артур вздохнул и улыбнулся.

— На чем мы остановились?

— Вы назвали меня Фенни, а я как раз собиралась попросить вас не называть меня так.

— Почему?

Она помешивала томатный сок маленькой деревянной палочкой для коктейля.

— Знаете, почему я спросила, не дружите ли вы с моим братом? Вернее, со сводным братом. Он один называет меня Фенни. Именно за это я его терпеть не могу.

— А как тогда?…

— Фенчерч[6].

— Фенчерч!

Она строго посмотрела на него.

— Да, — подтвердила она, — и сейчас я с нетерпением жду, зададите ли вы мне тот самый дурацкий вопрос, который задают все. Мне от этого вопроса уже выть хочется. Если вы его зададите, я обижусь и в вас разочаруюсь. И вдобавок завою. Так что остерегайтесь.

Она улыбнулась, встряхнула волосами так, что они упали ей на лицо, и поглядела на Артура сквозь эту завесу.

— О… — сказал Артур, — это будет как-то не очень хорошо с вашей стороны, вам не кажется?

— Кажется.

— Ну ладно.

— Хорошо, — сказала она смеясь, — спраши-

---

[6] Примечания: 6

Фенчерч-стрит — вокзал в Лондоне. — *Примеч. пер.*

вайте. Давайте уж с этим разделаемся. А то еще вы будете все время называть меня Фенни.

— Вероятно… — начал Артур.

— Осталось всего два билетика, понимаете, и поскольку, когда я обратилась к вам в первый раз, вы были так щедры…

— Что-о? — рявкнул Артур.

Особа с химической завивкой и улыбочкой размахивала у него под носом отощавшей билетной книжечкой.

— Я решила уступить эту возможность вам — очень уж миленькие у нас призы.

Она доверительно наморщила нос.

— Подобраны с большим вкусом. Я знаю, вам понравится. Это для Энджи, подарок к пенсии, понимаете. Мы хотим купить ей…

— Искусственную почку, — докончил Артур. — Вот вам.

Он протянул ей еще два десятипенсовика и взял билеты.

И вдруг до пожилой особы вроде бы что-то дошло. Но дошло очень медленно. Так далекая волна доходит до песчаного берега.

— О Боже, — сказала она. — Я вам не мешаю?

И с тревогой уставилась на Артура и Фенчерч.

— Нет, все прекрасно, — ответил Артур. — Пре-

краснее некуда, — настаивал он. И добавил: — Спасибо.

— Послушайте, — проговорила особа упоенно, восторженно и взволнованно, — у вас… любовь, да?

— Трудно сказать, — ответил Артур. — Мы даже не успели поговорить.

И покосился на Фенчерч. Та улыбалась.

Особа понимающе кивнула.

— Через минуту я покажу вам призы, — сказала она и удалилась.

Артур со вздохом снова повернулся к девушке, хотя вряд ли решился бы сказать, любовь ли у них.

— Вы собирались меня спросить, — сказала она.

— Да, — согласился Артур.

— Если хотите, мы можем спросить вместе, — предложила Фенчерч. — Нашли ли меня…

— … в сумке… — подхватил Артур.

— … в камере хранения, как Уорсинга из пьесы «Как важно быть серьезным»… — проскандировали они хором.

— … на вокзале Фенчерч-стрит?

— Отвечаю: нет, — сказала Фенчерч.

— Отлично, — заметил Артур.

— Меня там зачали.

— Что?

— Меня там за…

— В камере хранения? — возопил Артур.

— Нет, конечно, нет. Не говорите глупостей. Что моим родителям делать в камере хранения? — выпалила она, несколько шокированная его предположением.

— Ну, я не знаю, — промямлил Артур, — может…

— Это было в очереди за билетами.

— В очереди…

— В очереди за билетами. Это с их собственных слов. Детали они сообщать отказываются. Они только говорят, что никто не в силах представить, какая скука стоять в очереди за билетами на вокзале Фенчерч-стрит.

Она лениво сделала маленький глоток томатного сока и посмотрела на часы.

Артур никак не мог оправиться после того, как поперхнулся газировкой.

— У меня осталась минута, максимум — две, — сказала Фенчерч, — а вы еще не начали рассказывать удивительную, потрясающую историю, которую так хотели рассказать.

— Может, вы все-таки разрешите подвезти вас

до Лондона? — спросил Артур. — Сегодня суббота, у меня нет важных дел, я…

— Нет, — сказала Фенчерч, — спасибо, очень мило с вашей стороны, но нет. Мне надо несколько дней побыть одной.

Она улыбнулась и пожала плечами.

— Но…

— Расскажете в другой раз. Я дам вам свой телефон.

Пока она царапала карандашом на клочке бумаги семь цифр и передавала клочок Артуру, сердце его то проваливалось в пятки, то тщилось выскочить из груди.

— Теперь мы можем вздохнуть спокойно, — проговорила она, раздвинув губы в медленной улыбке. Ее улыбка заполнила все существо Артура, и ему показалось, что еще немножко — и он взорвется.

— Фенчерч, — сказал он, упиваясь звуками этого имени. — Я…

— Коробка «Пьяной вишни», — возвестил приближающийся голос, — и еще одна прелестная вещь, я так и знала, что вам понравится — пластинка. На ней записаны пьесы для шотландской волынки…

— Да, спасибо, очень мило, — твердо сказал

Артур.

— Я решила вам их показать, раз уж вы приехали из Лондона, — объяснила особа с химической завивкой.

Она держала их на вытянутых руках, чтобы Артуру было лучше видно. Он видел, что это и впрямь коробка конфет «Пьяная вишня» и пластинка с пьесами для шотландской волынки. Вот такие призы.

— Теперь пейте спокойно ваше ситро, — сказала особа, легонько потрепав Артура по мокрому от пота плечу. — Я так и знала, что вам захочется на них посмотреть.

Глаза Артура вновь встретились с глазами Фенчерч, и он вдруг не нашелся что сказать. Мгновение пришло и миновало, испорченное этой проклятой старой дурой.

— Не волнуйтесь, — произнесла Фенчерч, пристально глядя на Артура поверх стакана, — мы еще поговорим.

И сделала еще глоток.

— Возможно, — добавила Фенчерч, — если бы не она, у нас ничего бы не получилось.

Фенчерч улыбнулась уголком рта и встряхнула головой. Волосы вновь упали ей на лицо.

Она была совершенно права.

Артуру пришлось признать, что она была совершенно права.

Глава 13

В тот же вечер Артур прогуливался вприпляску вокруг своего дома, воображая, что медленно бредет через поле спелой ржи, и каждую минуту, сам не зная почему, разражаясь хохотом. Ему пришло в голову, что даже прослушивание выигранных пьес для волынки не испортит ему настроения. Было восемь часов, и он решил, что принудит себя, силком заставит прослушать всю пластинку — а потом уже позвонит Фенчерч. Возможно, вообще следует отложить звонок до завтра — это будет ход светского человека. Или до следующей недели.

Нет. Никаких хитростей. Девушка нужна ему, а на остальное ему наплевать. Она нужна ему решительно и бесповоротно, он обожает ее, он желает ее, он хочет проделать с ней вместе много всяких вещей и разделить с ней свою жизнь.

Он изумленно поймал себя на том, что кричит «Гип-гип-ура!» и, как дурак, несется вприпрыжку вокруг дома. Ее глаза, ее волосы, ее голос да вся она…

Артур остановился.

Он поставит пластинку с волынкой. А потом

позвонит.

Или сначала позвонит.

Нет. Он сделает вот что. Он поставит пластинку с волынкой. Прослушает все пьесы до самого конца, до последнего стона раненой ведьмы. И только тогда позвонит. Именно в таком порядке. Да будет так.

Артур уже боялся дотрагиваться до предметов; ему казалось, что от его прикосновения они взорвутся.

Он взял в руки пластинку. Надо же, не взорвалась. Вытащил ее из конверта. Открыл проигрыватель, включил усилитель. Все осталось цело.

Опустив иглу на диск, глупо захихикал.

Уселся в кресло и торжественно прослушал «Шотландского солдата».

Прослушал «Чудотворное милосердие».

Прослушал нечто о какой-то горной долине.

Вспомнил о сегодняшнем замечательном ленче.

Только они собрались уходить, как вдруг раздались оглушительные возгласы. Особа с жуткой химической завивкой махала им рукой из другого конца зала, точно глупая куропатка с перебитым крылом. Все посетители буфета повернулись к Артуру и Фенчерч, будто требуя от них ответа.

Они пропустили мимо ушей рассказ о том, как довольна и счастлива будет Энджи, когда узнает, что ей собрали четыре фунта тридцать пенсов на искусственную почку, до них еле-еле дошло, что кто-то за соседним столиком выиграл коробку «Пьяной вишни», и они не сразу усекли, что громогласная особа интересуется, не у них ли билет номер тридцать семь.

Оказалось, что у них. Артур сердито посмотрел на часы.

Фенчерч подтолкнула его локтем.

— Идите, — сказала она, — идите и получите приз. Не будьте букой. Произнесите речь про то, как вы рады, и можете мне позвонить и рассказать, как все прошло. Мне очень хочется послушать пластинку. Идите!

Она легко коснулась его руки — и ушла.

Завсегдатаи буфета сочли благодарственную речь Артура чересчур эмоциональной. В конце концов он получил всего лишь пластинку.

Артур вспоминал об этом, слушал музыку и хохотал.

Глава 14

Дзинь-дзинь.

Дзинь-дзинь.

Дзинь-дзинь.

— Алло, слушаю. Да, правильно. Да. Говорите громче, здесь очень шумят. Что?

— Нет, я обслуживаю только вечером. Днем подают Ивонна и Джим, он хозяин. Нет, меня не было. Что?

— Говорите громче. Что? Нет, ничего не знаю ни про какую лотерею. Что?

— Нет, ничего не знаю. Не ложьте трубку, я позову Джима.

Буфетчица зажала отверстие трубки ладонью и попыталась перекричать шум.

— Эй, Джим, тут парень звонит и говорит, он выиграл в лотерею. Говорит, у него тридцать седьмой билет и он выиграл.

— Нет, выиграл парень, который сидел в буфете, — зычно отозвался буфетчик.

— Он спрашивает: его билет у нас?

— Почем он знает, что он выиграл, если у него нет билета?

— Джим говорит, почем вы знаете, что вы вы-

играли, если у вас нет билета? Что?

Она снова закрыла ладонью отверстие трубки.

— Джим, он мне совсем закрутил голову. Говорит, на билете номер.

— Само собой, на билете номер, это же лотерейный билет, пропади он пропадом.

— Он говорит, на билете номер телефона.

— Давай ложь трубку и обслуживай клиентов, черт побери.

Глава 15

К западу отсюда, в точке, отделенной от буфета и Артура восемью часами лета, на пляже в полном одиночестве сидел человек и оплакивал одну непостижимую утрату. Он мог переживать свою утрату лишь частями, капля за каплей, потому что вся целиком она была так велика, что ни одна живая душа не смогла бы ее вынести.

Он смотрел, как набегают на песок высокие, величавые волны Тихого океана, и ждал, ждал, когда придет пустота, которая, он знал, должна прийти. Когда же приходило время ей прийти, она не приходила, а меж тем день неторопливо клонился к вечеру, и солнце ныряло в морские волны, и наступала новая ночь.

Мы не станем называть этот пляж, поскольку рядом стоял частный дом этого человека. Скажем лишь, что это была маленькая песчаная полоска, крохотный отрезок длинного побережья, которое, вырвавшись за границы Лос-Анджелеса, поворачивает к западу («Путеводитель» в одной главе отзывается о городе Лос-Анджелес как о «сборище болванов, хулиганов, наркоманов и прочих павианов, а также иной всевозможной

дряни», а в другой, написанной всего несколькими часами позже, сравнивает его с «несколькими тысячами квадратных километров, заваленных рекламой «Американ экспресс», но без присущего этой компании чувства моральной ответственности. Вдобавок местный воздух по неизвестным причинам имеет очень желтый цвет»).

Взяв курс на запад, побережье вскоре меняет свои планы и сворачивает на север, к туманному заливу Сан-Франциско. «Путеводитель» сообщает об этом городе следующее: «Симпатичное местечко. Очень трудно отделаться от впечатления, что город сплошь населен нашим братом — космическими пришельцами. Вместо «Здрасте» они тут же, не сходя с места, сочинят для вас новую религию. Пока вы не обосновались и не освоились в этих местах, на любые три вопроса из любых четырех лучше отвечать «нет», ибо события здесь происходят странные, порой смертельно опасные для неискушенного космического странника». Такое вот побережье: на сотни километров — то песок, то скалы, тут пальмы, там белогривые волны. И закаты. Побережье в целом «Путеводитель» характеризует кратко: «Отпад. Полный».

И вот на безвестном отрезке этого «полного отпада» стоял дом этого безутешного человека, че-

ловека, которого многие считали сумасшедшим. Но только потому, как он сам охотно пояснял, что это соответствовало действительности.

Сумасшедшим его считали по целому бесконечно долгому ряду причин — в том числе потому, что дом у него был особенный, неприлично особенный даже для этой местности, застроенной сплошь особенными и неповторимыми домами.

Дом этого человека назывался «За пределами психушки».

Человека звали заурядным именем Джон Уотсон, хотя он больше любил, чтобы его величали Медведь Здравоумный. И некоторые друзья скрепя сердце так его и именовали.

В доме у него хранилось несколько затейливых вещей, в том числе сосуд из серого стекла, на котором было выгравировано шесть слов.

Об этом человеке мы поговорим попозже: это всего лишь интермедия, чтобы посмотреть, как садится солнце, и отметить, что он тоже смотрит, как оно садится.

Он потерял все, что было ему дорого на свете, и теперь просто сидел и ждал конца света — ни сном ни духом не ведая, что конец света уже был да сплыл.

Глава 16

После того мерзкого воскресенья, когда Артур перерыл мусорные ящики на заднем дворе буфета в Тонтоне и ничего не нашел: ни лотерейного билета, ни номера телефона, — он перепробовал все способы отыскать Фенчерч, и чем больше он пробовал, тем больше проходило дней и недель.

Артур рвал и метал, полный ненависти к себе, к судьбе, ко всему свету и даже к погоде. Объятый горем и яростью, он даже пошел в кафе при бензоколонке, где был перед самой встречей с Фенчерч.

— А уж когда моросит, у меня все внутри переворачивается.

— Будьте добры, заткнитесь. Я устал от этих ваших «моросит», — огрызнулся Артур.

— Я бы заткнулся, если бы заткнулся этот фонтанчик.

— Послушайте…

— Но я вам говорил, что будет, когда этот дождик отморосит?

— Нет.

— Град.

— Что?

— Град пойдет.

Артур оторвал взгляд от чашки кофе и уставился на гнусную окружающую действительность. Нет смысла сидеть в этом кафе, осознал он, ведь его пригнало сюда суеверие, а не логика. Однако, словно искушая Артура, судьба решила показать, что совпадения бывают, и вновь свела его с тем самым шофером, который встретился ему в прошлый раз.

Артур отчаянно старался не обращать внимания на соседа по столику, но чувствовал, что этот нудный разговор затягивает его, как бездонное болото.

— Кажется, — вяло проговорил Артур, проклиная себя за мягкотелость, — дождь скоро прекратится.

— Ха!

Артур только пожал плечами. Надо уйти. Вот что надо сделать. Надо просто уйти.

— Дождь не прекращается никогда! — напыщенно изрек шофер.

И грохнул по столу кулаком, пролив свой чай, и на миг показалось, что это не от чая, а от него самого идет пар.

Нельзя просто уйти, не ответив на подобное заявление.

— Нет, прекращается, — не согласился Артур.

Едва ли такое опровержение можно назвать вежливым, но Артуру надо было это сказать.

— Дождь… идет… всегда, — ударяя кулаком по столу в такт словам, бушевал шофер.

Артур покачал головой.

— Говорить, что всегда, — это бред… — сказал он.

Брови оскорбленного шофера выгнулись дугой.

— Бред? Как это бред? Как это бред говорить, что дождь идет всегда, если он идет всегда?

— Вчера не шел.

— Шел, в Дарлингтоне.

Артур осторожно помолчал.

— Вы хотите спросить, где я был вчера, — сказал водитель грузовика. — Да?

— Нет, — ответил Артур.

— Думаю, вы догадались.

— Вы так думаете?

— На букву «Д».

— Ясно.

— Весь город обос.ал там, вот что я вам скажу!

— Зря ты уселся сюда, приятель, — весело обратился к Артуру проходивший мимо их столика незнакомый человек в комбинезоне. — Это Угол Грозовых Туч. Место забронировано нашим

другом «Мама, меня из-за угла дождиком шарахнуло!». Он бронирует места во всех столовых на автостраде, отсюда до солнечной Дании. Держись от него подальше — мой тебе совет. Мы все так делаем. Как делишки, Роб? Трудишься вовсю? Натянул шины для сырой погоды? Хо-хо!

Пройдя к соседнему столику, незнакомец уселся и стал рассказывать анекдот.

— Видите, никто из этих ублюдков не принимает меня всерьез, — сказал Роб Маккенна. — Но, — мрачно прибавил он, подавшись вперед и сощурив глаза, — они все знают, что я прав!

Артур нахмурился.

— Как моя жена, — прошипел единоличный владелец и шофер «Грузоперевозок Маккенны». — Она говорит: все это мура, мол, я поднимаю шум и жалуюсь из-за ерунды, но… — он сделал театральную паузу, и в его глазах блеснули молнии, — … когда я звоню и говорю, что еду, она всегда перевешивает белье, которое настирала, со двора в дом! — Он помахал чайной ложкой. — Что вы на это скажете?

— Ну…

— У меня есть книга специальная, — продолжал Роб Маккенна. — У меня есть книга. Дневник. Пятнадцать лет его веду. Описываю все места, где

бываю. День за днем. И какая погода. И всякий раз она гнусная, — гаркнул он. — Я исколесил всю Англию, Шотландию, Уэльс. Изъездил вдоль и поперек всю Европу: Италию, Германию, Данию, был в Югославии. Я все отметил и составил карты. Я записывал, даже когда ездил в гости к брату в Сиэтл, — добавил он.

— Ну, может, вам следует эту книгу кому-нибудь показать, — сказал Артур и наконец поднялся, чтобы уйти.

— Покажу, — пообещал Роб Маккенна.

И выполнил обещание.

Глава 17

Тоска. И уныние. И вновь тоска, отступающая лишь для того, чтобы смениться новым приступом уныния. Ему нужно было занять себя каким-нибудь делом. И он выдумал для себя такое дело.

Он найдет свою пещеру.

На доисторической Земле Артур жил в пещере — не лучшей из возможных пещер, прямо сказать, паршивой, но… Никаких «но». Пещера была крайне паршивая, он ее терпеть не мог. Но прожил в ней пять лет, и за это время она стала для него каким-никаким домом, а людям свойственно беспокоиться о судьбе своих домов. Артур Дент был как раз таким человеком, и поэтому он отправился в Эксетер покупать компьютер.

Вот что ему на самом деле было нужно: компьютер. Но он полагал, что прежде чем просто взять и ухлопать кучу денег на вещь, которую многие люди считают лишь игрушкой, надо поставить перед собой важную задачу. И он поставил перед собой такую вот важную задачу. Определить точное местоположение одной пещеры на доисторической Земле. Так он и сказал продавцу в

магазине.

— Зачем? — спросил продавец.

Трудный вопрос.

— Ладно, замнем, — сказал продавец. — А как это сделать?

— Ну, я надеялся, что вы мне поможете.

Продавец вздохнул и ссутулил плечи.

— У вас есть опыт работы с компьютерами?

Артур подумал, не упомянуть ли об Эдди, бортовом компьютере «Золотого сердца», который вмиг справился бы с этой работой, или о Пронзительном Интеллектомате, но решил придержать свои воспоминания при себе.

— Нет, — ответил он.

«Веселенький денек», — сказал продавец (правда, не вслух).

Так или иначе Артур купил компьютер компании «Эппл». Еще через несколько дней поставил на него специальные программы для астрономических вычислений и принялся составлять графики движения звезд, а также чертить по памяти неуклюжие карты звездного неба, которое он видел ночью из пещеры. Так он целеустремленно трудился несколько недель, отбиваясь руками и ногами от назойливой мысли, что все это зря.

Сделанные по памяти чертежи не принесли никакой пользы. Артур даже толком не мог определить, сколько времени прошло на Земле со времен его пещерной жизни — по приблизительным подсчетам Форда Префекта, пара миллионов лет, с поправкой на тот факт, что Форд всегда находился в сложных отношениях с математикой.

Наконец он все же разработал способ, который по крайней мере должен был дать хоть какой-то результат. Артур решил не думать о том, что компот из «правил буравчика», расчетов на глаз и притянутых за уши догадок поможет ему определить разве что нужную галактику — да и то, если повезет; он просто взялся за дело и получил результат.

И счел этот результат правильным. Все равно проверять за ним некому.

Результат и вправду оказался правильным, но только благодаря целой цепочке необъяснимых случайностей, которыми заведует Фортуна. Впрочем, этого Артур так и не узнал. Он просто поехал в Лондон и постучал в нужную дверь.

— Ой, я думала, вы сначала позвоните.

Артур разинул рот от изумления.

— Входите, только на несколько минут, — сказала Фенчерч. — Я как раз собиралась уйти по

делу.

Глава 18

Летний день в Айлингтоне, оглашаемый скорбным визгом дрелей и рубанков — то мастера реставрировали антиквариат.

У Фенчерч днем были неотложные дела, и Артур бродил в состоянии какого-то блаженного умопомрачения, разглядывая витрины всех тех полезных магазинов, которых в Айлингтоне пруд пруди — не верите, спросите у тех, кто постоянно покупает старинные столярные принадлежности, каски времен англо-бурской войны, кареты, офисную мебель и рыбу.

Солнце палило вовсю. Его лучи опаляли ресторанчики на крышах. Опаляли архитекторов и водопроводчиков. Адвокатов и взломщиков. Жарили без огня пиццы. Поджигали отчеты агентов по продаже недвижимости.

Артура они тоже пытались опалить, но он укрылся в лавке, где торговали антикварной мебелью.

— У нас интересное здание, — радостно провозгласил хозяин. — В подвале есть потайной ход. Ведет к ближайшему пабу. Судя по всему, его

прорыли для принца-регента[7], чтобы он мог при необходимости скрыться.

— Если его засекут при попытке купить сосновое кресло в полосочку? — спросил Артур.

— Нет, — ответил владелец, — я совсем другое имел в виду.

— Извините меня, пожалуйста, — сказал Артур. — Я ужасно счастлив.

— Оно и видно.

Как во сне, Артур вышел на улицу и побрел куда глаза глядят, пока не оказался у штаб-квартиры движения «Гринпис». Ему вспомнилось письмо, лежащее в папке «Сделать! Срочно!», в которую он за все это время даже не заглядывал. Широко улыбаясь, он вошел в помещение «Гринписа» и сказал, что хочет внести деньги на освобождение дельфинов.

— Очень остроумно, — ответили ему, — убирайтесь вон.

Артур, ожидавший несколько иного ответа, попытался вновь объяснить цель своего прихода. На этот раз работники «Гринписа» разозлились

---

[7] Примечания: 7

Принц-регент — титул будущего Георга IV, когда он в 1811–1820 годах управлял государством вместо психически больного отца, Георга III. Период регентства и царствования Георга IV считается временем распущенных нравов. — *Примеч. пер.*

основательно, так что он просто сунул им деньги и опять вышел на солнышко.

Как только пробило шесть, он вернулся в переулок, где стоял дом Фенчерч. С бутылкой шампанского в руках.

— Держите, — сказала Фенчерч, сунула в руку Артуру прочную веревку и исчезла за большими белыми деревянными воротами. Запирались они на огромный висячий замок, приделанный к черному металлическому засову.

Дом был перестроен под жилой из небольшой конюшни. Переулок, дома в котором были заняты в основном предприятиями легкой промышленности, находился на задворках полуразвалившегося здания Айлингтонского королевского сельскохозяйственного общества. Кроме унаследованных от конюшни огромных ворот, в доме была также обычная парадная дверь — весьма, кстати, элегантная, блестящая от лака, с дверным молотком в виде черного дельфина. В общем, дверь как дверь, вот только ее порог находился в девяти футах выше тротуара — проще говоря, дверь помещалась на верхнем этаже этого двухэтажного домика. Видимо, первоначально она служила для доставки сена голодным лошадям.

Прямо над дверным проемом из кирпичной

кладки торчал старый ворот. К нему-то и была привязана веревка, один конец которой держал Артур. На другом конце висела виолончель.

Дверь у Артура над головой распахнулась.

— Отлично, — сказала Фенчерч, — тяните за веревку, держите виолончель ровно. И передайте ее мне.

Он потянул за веревку, ровно держа виолончель.

— Если я буду и дальше тянуть за веревку, — заметил Артур, — то не удержу виолончель.

Фенчерч наклонилась вниз.

— Я буду держать виолончель, — сказала она. — А вы тяните за веревку.

Слегка покачиваясь, виолончель воспарила к порогу двери, и Фенчерч ловко подхватила ее.

— Теперь поднимайтесь сами, — крикнула она Артуру.

Артур поднял с земли сумку с угощением и, весь трепеща от волнения, вошел в конюшенные ворота.

Нижняя комната, которую он уже мельком видел с улицы, выглядела довольно убого. Она была захламлена всякой всячиной: огромный старинный чугунный каток для белья, в углу — неимоверный штабель кухонных раковин. Артур

на миг встревожился при виде детской коляски, но она была очень уж ржавая. И лежало в ней нечто весьма невинное — книги.

Пол был бетонный, щербатый, весь в загадочных пятнах и будоражащих душу трещинах. Тот факт, что трещины взбудоражили душу Артура, кое-что говорит о настроении, в котором он прошел через комнату и ступил на шаткую деревянную лестницу. Все вокруг, даже обыкновенные трещины на бетонном полу, распаляло его чувства.

— Мой знакомый архитектор все время грозится сотворить с этим домом чудо, — непринужденно проговорила Фенчерч, как только Артур взошел на второй этаж. — Он приходит, застывает посреди комнаты в полном обалдении, что-то бормочет о пространстве, предметах, событиях и поразительных свойствах света, потом говорит, что ему нужен карандаш, и пропадает на несколько месяцев. Так что чуда пока не произошло.

Оглядевшись, Артур подумал, что верхняя комната и без того чудесна. Отделана она была скромно. Роль мебели выполняли нагромождения подушек и матрасов. Также здесь стоял стереомузыкальный центр с колонками, которые произвели бы огромное впечатление на строите-

лей Стоунхеджа.

В комнате произрастали бледные цветы и висели любопытные картины.

Прямо под крышей помещалось нечто вроде галереи, где стояла кровать, а также находилась ванная, в которую, как обнадежила Фенчерч, вполне мог бы втиснуться человек среднего роста — правда, предварительно смазав тело мылом.

— Да и то, — прибавила она, — если это человек терпеливый, и чистота ему важнее шишек и царапин. Вот. Такие дела.

— Такие дела.

На миг их взгляды скрестились.

Этот миг тянулся долго, очень долго. Столь долго, что уже начинало казаться, будто время остановилось.

Для Артура, который впадал в стеснительность, как только оказывался наедине с кем угодно — хоть с кофеваркой, — это был миг откровения. Он вдруг ощутил то, что чувствует забитый, рожденный в зоопарке зверь, когда в одно прекрасное утро просыпается и видит, как дверь клетки тихо отворяется и перед ним до самого восходящего солнца простирается серо-розовая саванна, полная новых для слуха утренних звуков.

Артур всматривался в изумленное лицо Фен-

черч, в ее глаза, улыбающиеся его удивлению и своему собственному — тоже, и гадал, что это за новые звуки.

Он не понимал, что у жизни есть голос, голос, говорящий с тобой и отвечающий на все вопросы, которыми ты неустанно ее бомбардируешь. Он никогда даже не подозревал, что этот голос есть, не выделял его тембра в шуме действительности — пока она не сказала ему сейчас того, чего не говорила никогда. Она сказала: «Да».

Наконец Фенчерч, тихо покачав головой, опустила глаза.

— Я знаю, — сказала она. И прибавила: — Я запомню, что вы из тех людей, которым достаточно две минуты подержать в руках простой листок бумаги, чтобы он превратился в выигрышный лотерейный билет.

Она отвернулась.

— Пойдемте погуляем, — быстро сказала Фенчерч. — В Гайд-парк. Сейчас переоденусь во что-нибудь менее приличное.

На ней было довольно строгое темное платье, висящее, как мешок, что ей совсем не шло.

— Я надеваю его специально для моего преподавателя виолончели, — пояснила Фенчерч. — Очень милый старикан, но мне иногда кажется,

что от всего этого пиликанья ему в голову приходят не самые благопристойные мысли. Я спущусь через минуту. — Легко взбежав по ступенькам на галерею, она крикнула Артуру: — Бутылку поставьте в холодильник, на потом.

Когда Артур ставил бутылку шампанского в ячейку на двери холодильника, он увидел, что рядом стоит точно такая же.

Он подошел к окну и выглянул на улицу. Повернулся и стал разглядывать пластинки. Услышал, как наверху зашелестело и упало на пол платье. Напомнил себе свое жизненное кредо. Очень твердо приказал себе как минимум в данный момент ни в коем случае не отрывать взора от корешков пластинок; он прочитает названия, будет кивать с понимающим видом; если понадобится, пересчитает эти чертовы пластинки одну за другой. И все это, не поднимая головы.

Этот план увенчался полнейшим, позорным неуспехом.

Фенчерч взглянула на Артура сверху вниз с таким видом, будто не заметила, что на нее смотрят. Потом неожиданно встряхнула волосами, накинула на себя легкое платье без рукавов и стремительно исчезла в ванной.

Мгновение спустя Фенчерч вновь появилась;

сияющая, в широкополой шляпе, она с удивительной легкостью сбежала по лестнице. У нее была необычная, танцующая походка. Она увидела, что Артур обратил на это внимание, и чуть-чуть склонила голову набок.

— Нравится? — спросила Фенчерч.

— Просто потрясающе, — без обиняков ответил Артур, ничуть не кривя душой.

— Гм-м-м, — проговорила Фенчерч, как будто Артур не ответил на ее вопрос.

Она закрыла верхнюю парадную дверь, которая все это время стояла нараспашку, и обвела комнату взглядом, чтобы убедиться, что все в порядке и можно ненадолго оставить дом наедине с самим собой. Артур вертел головой, глядя туда, куда смотрит Фенчерч, но стоило ему на миг отвернуться, как она что-то достала из ящика стола и сунула в висящую у нее на плече холщовую сумку.

Артур вновь перевел взгляд на Фенчерч:

— Готовы?

— Вы знаете, что у меня не все в норме? — спросила она с немного смущенной улыбкой.

Ее прямота застала Артура врасплох.

— Ну-у, — протянул он, — я кое-что слышал…

— Интересно, что вы обо мне слышали, — ска-

зала она. — Если из того источника, о котором я думаю, то совсем не про то. Рассел просто все выдумывает — ведь то, что на самом деле, ему совершенно не по зубам.

Артур занервничал.

— А что на самом деле? — спросил он. — Вы можете мне сказать?

— Не волнуйтесь, — сказала Фенчерч, — ничего страшного. Просто это необычно. Очень-очень необычно.

Она коснулась руки Артура, затем подошла поближе и быстро поцеловала его.

— Мне жутко интересно, сможете ли вы за сегодняшний вечер определить, что со мной такое, — проговорила она.

Артур почувствовал, что, если бы в эту секунду кто-нибудь похлопал его по плечу, он бы зазвенел таким же полнозвучным, долгим, раскатистым звоном, как его серый аквариум, когда по нему щелкают ногтем большого пальца.

Глава 19

Форду Префекту окончательно осточертело просыпаться от звуков стрельбы.

Разбуженный в очередной раз, Форд выскользнул из ремонтного шлюза, который он приспособил под спальню, устлав его полотенцами и выведя из строя часть находящегося поблизости грохочущего оборудования. Спустился по трапу и уныло поплелся по коридору.

В коридорах царил сумрак, от которого немедленно начиналась клаустрофобия. Светильники каждую минуту то тускнели, то мигали — электроэнергия беспорядочно металась по кораблю, от чего переборки дико тряслись, а голоса механизмов вдруг срывались на загробный вой.

Но Форда тревожило совсем не это.

Он остановился и прижался к стене, потому что мимо по темному коридору с противным визгом пролетело что-то похожее на маленькую серебристую электродрель.

Но Форда тревожили совсем не летучие дрели.

Он мрачно распахнул дверь отсека и вышел в коридор пошире — правда, такой же сумрачный.

Корабль завалился набок. Это случалось часто

— правда, не с таким размахом, как сейчас. Мимо со страшным грохотом протопал небольшой отряд роботов.

Но Форда тревожило совсем не это.

Из одного конца коридора валил едкий дым, и Форд направился в противоположную сторону.

Миновал ряд мониторов, заделанных в стены и прикрытых листами прочного, но все-таки сильно поцарапанного плексигласа.

На одном из экранов ужасающе зеленая, покрытая чешуей рептилия с огромным пылом разорялась насчет Единой Голосо-Передаточной Системы Голосования. Одобряет она эту систему или нет, оставалось неясным, но накал чувств был налицо. Форд выключил звук.

Его тревожило совсем другое.

Он подошел к следующему монитору. Показывали рекламу зубной пасты, которая одна только способна сделать человека свободным. Рекламный ролик сопровождался отвратительной, ум-ца-ца-кающей музыкой, но не это беспокоило Форда.

Форд подошел к третьему монитору, на который передавалось трехмерное изображение внешней обшивки громадного серебристого ксаксисианского корабля. Крупным планом.

Прямо на глазах у Форда из черной тени какой-то луны вырвалась целая тысяча жестоковооруженных беспилотных звездоминоносцев с Зирзлы. Они промчались темными молниями по ослепительному диску звезды Ксаксис, и из всех сопел, дул, иллюминаторов корабля на них обрушилось убийственное пламя дьявольской, непостижимой силы.

Ага! Вот в чем дело!

Форд с досадой покачал головой и потер глаза. После чего грузно плюхнулся на искалеченное тело тускло-серебристого робота, которое, очевидно, еще недавно дымилось, а теперь остыло настолько, что на нем можно было сидеть.

Зевнув, Форд выудил из саквояжа свой «Путеводитель». Включил экран, лениво просмотрел несколько глав третьего уровня, а потом — еще парочку с четвертого. Он искал хорошее лекарство от бессонницы. Нашел главу «ОТДЫХ» и решил, что это-то и есть самое оно. Нашел «ОТДЫХ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИЛ» и уже собрался искать дальше, как вдруг его осенила более перспективная мысль. Он перевел взгляд на монитор. С каждой секундой битва становилась все яростнее. Шум стоял оглушительный. С каждой новой порцией отправленной по назначению

или полученной взамен адской энергии корабль испуганно вздрагивал, кренился и стонал.

Форд опять заглянул в «Путеводитель» и отыскал несколько отвечающих его замыслам географических пунктов. Нежданно рассмеялся и вновь принялся рыться в саквояже.

Достал небольшой модуль разгрузки памяти, смахнул с него пыль и крошки печенья, подключил к гнезду интерфейса на задней панели «Путеводителя».

Когда модуль поглотил все необходимые сведения, Форд отключил его и слегка подбросил на ладони. После чего сунул «Путеводитель» обратно в саквояж, самодовольно ухмыльнулся и отправился на поиски баз данных бортового компьютера.

Глава 20

— Летними вечерами, особенно в парках, солнце заставляют спускаться к горизонту для того, чтобы оно эффективнее высвечивало, как колыхаются у девушек груди, — серьезно вещал голос. — Готов отдать голову на отсечение, что это так.

Проходившие мимо оратора Артур и Фенчерч захихикали. Фенчерч на миг теснее прижалась к Артуру.

— Я также убежден, — уверял сидящий в шезлонге близ Серпантина[8] рыжий кудрявый юноша с длинным костлявым носом, — что если довод проработан досконально, то он совершенно естественно и логично вытекает из всех аспектов…

Речь рыжего юноши была обращена к его тощему темноволосому приятелю, который развалился в соседнем шезлонге и предавался грустным мыслям о своих прыщах.

— … которые взял за основу своей теории Дарвин. Это абсолютно несомненно. Это безупречно

---

[8] Примечания: 8
Узкое искусственное озеро в Гайд-парке. — *Примеч. пер.*

верно. И к тому же, — добавил он, — мне эта идея очень нравится.

Юноша резко обернулся и сквозь очки скосил глаза на Фенчерч. Артур увел ее, трепещущую от беззвучного смеха.

— Следующая попытка, — сказала Фенчерч, отсмеявшись. — Старт!

— Ладно, — сказал Артур. — Локоть. Левый локоть. Левый локоть у тебя не такой, как надо.

— Опять холодно, — проговорила она, — совсем холодно. Ты на совершенно ложном пути.

Летнее солнце садилось за деревьями, как… нет, лучше сказать без обиняков. Гайд-парк потрясающе красив. В нем потрясающе прекрасно все, кроме мусора в понедельник утром. Даже утки — и те потрясающие. Побывать в Гайд-парке летним вечером и не почувствовать его очарования может только тот, кто проедет по нему в машине «скорой помощи», с закрытым простыней лицом.

В этот парк люди специально ходят, чтобы вытворять всякие невообразимые вещи. Артур и Фенчерч увидели мужчину в шортах, который играл под деревом на волынке. Вдруг он прекратил игру, чтобы прогнать супругов-американцев, которые робко пытались положить в футляр от

волынки несколько монет.

— Не надо! — вскричал волынщик. — Уходите! Я только репетирую.

И решительно заиграл вновь, но даже производимый им шум не мог испортить настроение Артуру и Фенчерч.

Артур обнял девушку за талию, и его руки медленно скользнули вниз.

— Не думаю, что здесь что-то не в порядке, — через некоторое время произнес Артур. — Кажется, задик у тебя такой, как надо.

— Да, — согласилась Фенчерч, — задик у меня абсолютно такой, как надо.

Они целовались так долго, что волынщик в конце концов спрятался за дерево.

— Я расскажу тебе одну историю, — сказал Артур.

— Хорошо.

Они нашли клочок травы, относительно не занятый лежащими буквально вповалку парочками, сели и стали смотреть на потрясающих уток и воду под потрясающими утками, которая зыбилась, освещенная низкими лучами солнца.

— Историю, — прижимая к себе руку Артура, повторила Фенчерч.

— Чтобы ты представляла себе, какие со мной

происходят истории. Это истинная правда.

— Знаешь, иногда люди рассказывают истории, которые будто бы приключились с лучшей подругой жены их двоюродного брата, но на самом деле эти истории, вероятно, чистой воды вранье.

— Ну, это почти такая же история, только она произошла в действительности, и я знаю, что она произошла в действительности, потому что она произошла со мной.

— Как история с лотерейным билетом.

Артур усмехнулся.

— Да. Я спешил на поезд, — продолжал он. — Приехал на вокзал…

— Я тебе рассказывала, — перебила его Фенчерч, — что случилось на вокзале с моими родителями?

— Да, — ответил Артур.

— Это просто проверка.

Артур взглянул на часы.

— Наверно, пора возвращаться, — проговорил он.

— Расскажи мне эту историю, — твердо сказала Фенчерч. — Ты приехал на вокзал.

— Я приехал на двадцать минут раньше. Я перепутал, когда отходит поезд. А может быть, — прибавил он после секундного раздумья, — Бри-

танская сеть железных дорог перепутала, когда отходит поезд! Раньше мне это не приходило в голову.

— Давай дальше, — засмеялась Фенчерч.

— Итак, я купил газету с кроссвордом и пошел в буфет выпить чашку кофе.

— Ты разгадываешь кроссворды?

— Да.

— В какой газете?

— Обычно в «Гардиан».

— Мне кажется, в «Гардиан» слишком заумные. Я предпочитаю «Таймс». Ты его разгадал?

— Что?

— Кроссворд в «Гардиан»?

— Я даже не успел взглянуть на него, — сказал Артур. — Я пошел в буфет, чтобы взять кофе.

— Ну хорошо, бери кофе.

— Я и взял, — подтвердил Артур. — Я также купил печенье.

— Какое?

— «К чаю».

— Неплохо.

— Мне оно тоже нравится. Взял все это, отошел от стойки и сел за столик. И не спрашивай меня, какой был столик, потому что это было не вчера и я уже забыл. Кажется, круглый.

— Хорошо.

— Значит, расположение такое. Я сижу за столом. Слева газета. Справа чашка кофе, посреди стола пачка печенья.

— Прямо-таки вижу ее своими глазами.

— Чего или, вернее, кого ты не видишь, потому что я еще о нем не упомянул, так это типа, который тоже сидит за столом, — сказал Артур. — Он сидит напротив меня.

— Как он выглядит?

— В высшей степени обыкновенно. Портфель. Деловой костюм. Судя по его виду, он был не способен сделать что-то странное.

— Ага. Я таких знаю. Ну и что он сделал?

— Он сделал вот что: перегнулся через стол, взял пачку печенья, разорвал, вытащил одно и…

— Что?

— Съел.

— Что?

— Он его съел.

Фенчерч в изумлении смотрела на Артура.

— Как же ты поступил?

— При данных обстоятельствах я поступил так, как поступил бы любой англичанин, у которого в жилах кровь, а не вода. Я был вынужден посмотреть на это сквозь пальцы, — ответил Артур.

— Что? Почему?

— Ну, мы ведь к таким ситуациям не подготовлены. Я порылся у себя в душе и обнаружил, что ни воспитание, ни личный опыт, ни даже первобытные инстинкты не подсказывают мне, как я должен поступить, если некто, сидящий прямо передо мной, тихо-мирно крадет у меня одно печенье.

— Но ты мог… — Фенчерч подумала. — Знаешь, я тоже не уверена, что бы я сделала. Ну и что дальше?

— Я в негодовании уставился в кроссворд, — сказал Артур. — Не мог отгадать ни одного слова, глотнул кофе — он был слишком горячий, так что делать было нечего. Я взял себя в руки. Потом взял печенье, очень стараясь не заметить, что пачка каким-то чудодейственным образом оказалась вскрытой…

— Значит, ты не сдаешься и занимаешь твердую позицию.

— Я борюсь по-своему. Я съедаю печенье. Я ем его очень медленно, так, чтобы бросалось в глаза и он видел, что я делаю. Когда я ем печенье, — сказал Артур, — я ем его, как надо.

— И что он сделал?

— Взял еще одно. Честно, так и было. Он взял

еще одно печенье и съел его. Чистая правда. Как то, что мы сидим на земле.

Фенчерч заерзала в каком-то непонятном смущении.

— Сложность состояла в том, — продолжал Артур, — что в первый раз я промолчал, а во второй начать разговор было еще труднее. Ну что я должен был сказать? «Извините меня… я не мог не заметить, э-э…» Не получается. И я сделал вид, что не замечаю, пожалуй, еще старательнее, чем раньше.

— Ну знаешь…

— Я снова вперил глаза в кроссворд и по-прежнему не мог сдвинуться с места, но при этом частично проявил ту силу британского духа, которую Генрих V выказал в день Святого Криспина[9]…

— И что дальше?

— Я вновь пошел напролом. Я взял второе печенье, — сказал Артур. — И на секунду мы встретились взглядом.

— Вот так?

— Да, то есть нет, не совсем так. Но наши взгляды скрестились. Всего на секунду. И тут же мы

---

[9] Примечания: 9

25 октября 1415 года (в день Святого Криспина) Генрих V разбил французские войска в битве при Азенкуре. — *Примеч. пер.*

оба отвернулись. Но я тебя уверяю, что в воздухе пробежала искра. Над нашим столиком образовался очаг напряженности. Примерно в это самое время.

— Еще бы.

— Так мы съели всю пачку. Он, я, он, я…

— Всю пачку?

— Ну в ней было всего восемь штук, но в те минуты мне казалось, что прошла целая жизнь. Наверно, гладиаторам на арене и то было легче.

— Гладиаторы сражались на солнцепеке, — сказала Фенчерч. — Физически они страдали больше.

— Тем не менее. Ну ладно. Когда остатки погубленной пачки валялись между нами, этот тип, сделав свое гнусное дело, наконец поднялся и ушел. Разумеется, я вздохнул с облегчением. До моего поезда оставалось несколько минут, и я допил кофе, встал, взял газету, и под ней…

— Ну же?

— Лежала моя пачка печенья.

— Что? — переспросила Фенчерч. — Что-о?

От изумления она раскрыла рот и с хохотом откинулась на траву. Потом снова села.

— Ах ты мой глупенький, — выкрикнула она сквозь смех, — ну просто караул, совсем ничего

не смыслишь.

Она толкнула Артура, опрокинув его на спину, прижалась к его груди, поцеловала и откатилась в сторону. Артура поразило, какая она легкая.

— Теперь ты расскажи какую-нибудь историю.

— Я думала, — низким, хрипловатым голосом проговорила Фенчерч, — что ты очень хочешь вернуться в дом.

— Не к спеху, — беззаботно сказал Артур. — Я хочу, чтобы ты рассказала историю.

Фенчерч перевела взгляд на озеро и немного подумала.

— Хорошо, — согласилась она, — только это совсем короткая история. И не такая смешная, как твоя, но… Ну ладно.

Она опустила глаза. Артур чувствовал, что опять наступило особенное мгновение. Казалось, даже воздух вокруг них застыл в ожидании. Артур взмолился, чтобы воздух куда-нибудь убрался и занялся своими делами.

— Когда я была маленькая… — заговорила Фенчерч. — Истории вроде этой всегда так начинаются: «Когда я была маленькая…» Ну ладно. Это вступление — такой традиционный штамп. Когда девушка вдруг говорит: «Когда я была маленькая…» — это значит, что сейчас она начнет

изливать душу. Сейчас будет это вступление. Когда я была маленькая, в изножье моей кровати висела картинка… Ну как тебе моя история?

— Мне она нравится. Я думаю, она развивается в правильном направлении. Ты сразу же ввернула мотив спальни. Можно подробнее поговорить о картинке.

— Считается, что дети любят такие картинки, — сказала Фенчерч, — но это только так считается. Знаешь, такие, где трогательные зверюшки делают что-то очень трогательное.

— Да. Меня тоже от них тошнило. Кролики в жилетиках.

— Точно. Эти кролики сидели на плоту в компании крыс и сов. Кажется, там еще был северный олень.

— На плоту.

— И еще на плоту сидел мальчик.

— С кроликами в жилетиках, совами и северным оленем.

— Именно так. Мальчик, похожий на веселого оборванного цыганенка.

— Фу-ты!

— Признаться честно, эта картинка разрывала мне сердце. Перед плотом плыла выдра, и по ночам я глаз не могла сомкнуть, потому что за нее

переживала: ведь ей приходилось тянуть плот со всеми этими гадкими животными, которым вообще нечего было делать на плоту, и у выдры был такой тоненький хвостик, и я думала, как ей, должно быть, больно все время тянуть плот. Это-то меня и мучило. Не сильно, так, подспудно, но все время.

И вот однажды, а ты учти, что я год за годом каждый вечер смотрела на эту картинку, я вдруг заметила на плоту парус. Раньше я его никогда не видела. С выдрой было все в порядке, она просто плыла рядом с плотом — за компанию.

Фенчерч пожала плечами.

— Хорошая история? — спросила она.

— Конец слабоват, — ответил Артур, — в таких случаях слушатели кричат: «Ну и что?» Все шло прекрасно, но для положительного отзыва требуется финальная кода.

Фенчерч рассмеялась и села, обхватив колени руками.

— Это было просто озарение: годы почти бессознательных мучений вдруг развеялись как дым. Словно гора с плеч. Словно черно-белый кадр стал цветным. Словно сухую палку вдруг кто-то вздумал полить — и она расцвела. Ну, ракурс вдруг меняется, и тебе словно говорят: «Брось

волноваться, мир прекрасен и совершенен. И жить вообще-то очень легко». Ты, может быть, думаешь, я так говорю, потому что я сегодня днем такое пережила, да?

— Ну, я… — произнес Артур. Его хладнокровие внезапно пошло ко дну.

— Да, так оно и есть, — сказала Фенчерч. — Да, именно это я днем и почувствовала. Но понимаешь, я такое ощущала и раньше, даже сильнее. Необычайно сильно. Наверно, я такой человек… — проговорила она, глядя вдаль, — у меня ни с того ни с сего бывают удивительные озарения.

Артур вконец растерялся. У него почти что отнялся язык, и он счел за лучшее пока им даже не пользоваться.

— Это было очень стра-а-анно, — сказала Фенчерч с интонацией какого-нибудь египетского военачальника, который увидел, что в ответ на взмах Моисеева посоха Красное море повело себя несколько необычно. — Очень странно, — повторила она, — потому что еще задолго до этого во мне зрело удивительное чувство, будто я должна дать жизнь чему-то новому. Нет, на самом деле это было не так, скорее, мне казалось, будто я постепенно соединяюсь с чем-то иным, все мое

тело, клетка за клеткой. Нет, даже не так — словно бы вся Земля хотела через меня…

— Число «сорок два» тебе ни о чем не говорит? — тихо спросил Артур.

— Что? Нет, ты, собственно, к чему это? — воскликнула Фенчерч.

— Да так, пришло в голову… — пробормотал Артур.

— Артур, я не шучу, для меня это все совершенно реально и очень важно.

— Я лично тоже не шучу, — заявил Артур. — Правда, не поручусь, что этого не делает Вселенная.

— В каком смысле?

— Расскажи мне все, от начала до конца, — попросил Артур. — И не беспокойся, если тебе что кажется странным. Поверь мне, ты говоришь с человеком, который повидал много чего странного, — прибавил он. — Я не про историю с печеньем говорю — отнюдь.

Фенчерч кивнула, видимо, поверив Артуру. Внезапно схватила его за руку.

— Когда пришло это озарение, все казалось таким простым, — сказала она. — Умопомрачительно простым. Раз, два и готово.

— И в чем твое озарение заключалось? — спо-

койно спросил Артур.

— Понимаешь, — проговорила она, — теперь я этого не знаю. Оно улетучилось бесследно. Когда я стараюсь вспомнить, у меня в голове мелькают какие-то обрывки, а когда стараюсь очень сильно, то вспоминаю про чашку с чаем и немедленно теряю сознание.

— Это как?

— Ну, как и в твоей истории, самое интересное произошло в кафе, — пояснила Фенчерч. — Я сидела и пила чай. Это было как раз после того, как я много дней ощущала, будто во мне что-то растет, меня с чем-то соединяют. Кажется, я что-то тихо напевала. В здании напротив шел какой-то ремонт, я смотрела поверх чашки в окно и все видела. Мне всегда ужасно нравилось смотреть, как люди работают. И внезапно у меня в голове возникло ОНО. Послание неизвестно откуда. Оно было совсем простое. И всему на свете придавало смысл. Я выпрямилась и подумала: «Ого! Ну, значит, теперь-то все в порядке». Я так удивилась, что чуть не уронила чашку. Нет, кажется, я ее все-таки уронила. Я понятно говорю?

— До чашки все было замечательно.

Фенчерч встряхнула головой, потом еще раз, будто пытаясь навести порядок в мыслях. Соб-

ственно, она и впрямь пыталась это сделать.

— Вот и я говорю, — сказала она. — До чашки все замечательно. И тут мне показалось, я совершенно явственно увидела, что весь мир взорвался.

— Что-о?

— Я знаю, это, конечно, глупо, и все говорят, что это была галлюцинация, но если это была галлюцинация, значит, я вижу галлюцинации в стереокино на широком экране, и озвучены они в системе долби-стерео с шестнадцатью дорожками. И пожалуй, мне надо сдавать свое сознание напрокат людям, которым наскучили триллеры с акулами. Ощущение было такое, словно земля буквально разверзлась у меня под ногами, и… и…

Фенчерч ласково погладила траву, будто прося у нее утешения, и замялась, словно вдруг решила сказать совсем не то, что собиралась.

— И я очнулась. В больнице. И видимо, с тех пор крыша у меня так и шатается — то съедет, то перестанет. Так что я как-то побаиваюсь внезапных удивительных озарений, которые гласят, что все будет хорошо, — сказала она.

И подняла взгляд на Артура.

Артура уже давно перестали тревожить стран-

ные несообразности, связанные с его возвращением на родную планету; вернее, он упрятал их в сегмент своего мозга, украшенный пометкой: «Обдумать! Срочно!» «Вот эта планета, — говорил он себе. — Не важно, как так получилось, но вот она, эта планета, и она существует. И я существую вместе с ней». Но сейчас у него все поплыло перед глазами — как в тот вечер, в машине, когда брат Фенчерч рассказал ему дурацкую историю про агента ЦРУ в бассейне. Поплыло французское посольство. Поплыли деревья. Поплыло озеро, что было совершенно естественно и не внушало никаких опасений, поскольку в эту самую минуту на него приводнился серый гусь. Гуси отдыхали, наслаждались жизнью и знать не знали никаких там Великих Ответов, к которым надо найти Великие Вопросы.

— Так или иначе, — улыбаясь широко распахнутыми глазами, сказала Фенчерч неожиданно веселым голосом, — некая моя часть немножко ненормальная, и ты должен определить какая. Пойдем домой.

Артур покачал головой.

— Что случилось? — спросила она.

Артур покачал головой не в знак несогласия с ее предложением (он нашел это предложение

просто замечательным, да что там — грандиозным), а по той причине, что в эту минуту пытался отделаться от назойливого предчувствия, что Вселенная с ним шутки шутит — в самый неожиданный миг с диким воем выскакивает на него из-за угла.

— Я просто стараюсь расставить все точки над «i», — сказал Артур. — Ты сказала, что почувствовала, будто Земля на самом деле… взорвалась.

— Да, даже больше чем почувствовала.

— А все говорят, что это галлюцинация? — нерешительно спросил Артур.

— Да, но, Артур, это чушь. Люди думают, что если сказать: «Ну это галлюцинация» — все необъяснимое сразу объяснится и само себя разложит по полочкам. «Галлюцинация» — это просто слово. Оно ничего не объясняет. Не объясняет, почему исчезли дельфины.

— Не объясняет, — сказал Артур. — Не объясняет, — задумчиво сказал он еще раз. — Не объясняет, — еще более задумчиво повторил он. — Что-о? — переспросил он наконец.

— Оно не объясняет, почему исчезли дельфины.

— Не объясняет, — сказал Артур. — Понятно. Каких дельфинов ты имеешь в виду?

— Что значит, каких? Я имею в виду всех дельфинов. Они исчезли.

Она положила руку ему на колено, и он понял, почему чувствует какое-то покалывание в области позвоночника — вовсе не потому, что Фенчерч ласково гладит его по спине. Нет, это были проклятые мурашки, которые часто начинали ползать у него по коже, как только кто-то пытался что-нибудь ему втолковать.

— Дельфины?

— Да.

— Все дельфины исчезли? — спросил Артур.

— Да.

— Дельфины? Ты говоришь, что все дельфины исчезли? Ты именно это имеешь в виду? — повторил Артур, стараясь выяснить все окончательно.

— Артур, ты что с луны свалился? Все дельфины исчезли в тот самый день, когда я…

Фенчерч пристально уставилась в его испуганные глаза.

— Что?…

— Дельфинов больше нет. Они все исчезли. Пропали.

Фенчерч не отрывала глаз от его лица.

— Ты правда не знал?

Испуганное выражение лица Артура говорило

о том, что правда.

— Куда они делись? — спросил он.

— Никто не знает. Это и значит «исчезли». — Фенчерч умолкла. — Один человек говорит, что знает, куда они пропали, но он вроде бы живет в Калифорнии да к тому же сумасшедший, — добавила она. — Я все думаю его навестить, потому что, кажется, только он поможет разгадать, что такое со мной стряслось.

Пожав плечами, Фенчерч посмотрела на Артура долгим спокойным взглядом. И положила ладонь на его щеку.

— Я хотела бы знать, где ты был, — проговорила она. — Наверно, с тобой тоже произошло что-то ужасное. Вот почему мы потянулись друг к другу.

Фенчерч окинула взглядом парк, где уже воцарились сумерки.

— Ну, теперь тебе есть кому все рассказать.

Артур медленно и тяжело вздохнул.

— Это очень длинная история, — сказал он.

Фенчерч прижалась к его груди и подтянула к себе холщовую сумку:

— Твоя история как-то связана вот с этой штукой?

Предмет, который она вытащила из сумки,

повидал виды в дальних странствиях; его выбрасывали в доисторические реки, его палило жаркое солнце пустынь Какрафуна, его засыпали мраморные пески, что обрамляют исходящие горячим паром океаны Сантрагинуса У, его морозили льды системы Беты Яглана, его использовали вместо сиденья, им перебрасывались, будто мячом, на звездолетах, его царапали, над ним всячески издевались. Предвидя плачевную судьбу, ожидающую этот предмет, его мудрые создатели заключили его в футляр из мегастойкого пластика, на который была нанесена крупная доброжелательная надпись: «НЕ ПАНИКУЙ!»

— Где ты это нашла? — спросил пораженный Артур, чуть ли не вырвав пресловутый предмет у нее из рук.

— Я так и думала, что это твое. Я нашла его в тот вечер в машине Рассела. Ты его выронил. Скажи, пожалуйста, ты во всех этих местах побывал?

Артур вынул «Путеводитель «Автостопом по Галактике» из футляра. На вид это был точь-в-точь маленький, плоский, гибкий компьютер класса «лэптоп». Артур защелкал клавишами, и наконец на экране высветился текст.

— Далеко не во всех, — ответил он на вопрос Фенчерч.

— Мы можем туда полететь?

— Что? Нет, — резко сказал Артур, но потом смягчился. — Ты правда хочешь? — спросил он, изо всех сил надеясь, что она ответит: «Нет».

Он превзошел сам себя в великодушии, удержавшись от вопроса-обманки: «Ты ведь не хочешь никуда лететь, правда?», на который в любом случае можно ответить только: «Нет».

— Да, — ответила Фенчерч. — Я хочу выяснить, что это было за послание, то, которое я забыла, и откуда оно пришло. Потому что я не думаю, — прибавила она, поднявшись и окинув взглядом сумрачный парк, — что его отправитель здесь. Я даже не уверена, — добавила она, обняв Артура, — можно ли это место назвать «здесь».

Глава 21

Как было уже неоднократно и совершенно резонно отмечено, «Путеводитель «Автостопом по Галактике» — это поразительная книга, способная перевернуть всю вашу жизнь. Как можно заключить по ее заглавию, это вообще-то классический путеводитель. Вся беда, или, вернее, одна из бед, ибо их много, и значительная часть этих бед уже создала огромный объем работы для всех судебных учреждений по всей Галактике, завалив их гражданскими, коммерческими и уголовными делами, причем особенно досталось наиболее коррумпированным учреждениям, вот в чем.

Предыдущее предложение — вовсе не бессмыслица. Беда совсем не в этом.

Вся беда вот в чем:

В переменах.

Прочитайте еще раз с самого начала и поймете.

Галактика склонна к стремительным переменам. Говоря начистоту, это огромное такое пространство, каждый уголок которого не остается неизменным, а постоянно меняется. Отсюда

вы можете заключить, что это настоящий кошмар для честного и добросовестного редактора, усердно хлопочущего о том, чтобы вышеуказанная содержательная, отягощенная множеством подробностей электронная книга поспевала за всеми изменениями условий и обстоятельств, которые Галактика ежедневно, ежечасно и ежеминутно обрушивает на его голову. Успокойтесь — вы ошиблись. Вы ошиблись, ибо не ведаете, что нынешний редактор «Путеводителя» — так же, как и все предыдущие — не имеет ни малейшего представления о смысле слов «честный», «добросовестный» и «усердный». Что до кошмаров, то, с его точки зрения, это жидкость, которую принято пить через соломинку.

Для решения вопроса об обновлении глав, распространяемых через субэфирную сеть, ключевым моментом является одно — увлекательно ли их читать.

Возьмем, к примеру, случай с Брекиндой что на Фоте Аваларса, прославленной в мифах и легендах, а также в омерзительно нудных минисериалах как родина крылатых, ослепительно прекрасных чародеев — Огненных Драконов Фуолорниса.

В стародавние времена, задолго до пришествия

Сорса из Брагадокса, когда Фрагилий пел, а Саксахина Квенелюкссская носила царский венец, когда воздух был сладок и ночи нежны, но всем как-то удавалось сохранить (по крайней мере так они утверждали, но совершенно не ясно, как они смели подумать, будто кто-то хоть чуточку поверит их нелепым россказням, ведь воздух был сладок, и ночи нежны, и все такое)… удавалось сохранить девственность, вот в эти стародавние времена в Брекинде что на Фоте Аваларса достаточно было бросить камешек, чтобы задеть с полдесятка Огненных Драконов Фуолорниса.

Другое дело, что бросать в них камешки совершенно не стоило.

Нельзя сказать, что Огненные Драконы не были ласковыми животными — очень даже были. Они были ласковы до ужаса, и эта ужасающая ласковость часто оборачивалась бедой: ведь так легко ранить возлюбленного, особенно если ты Огненный Дракон Фуолорниса и пасть твоя, изрыгающая пламя под стать ракетному двигателю, зубаста, как железная изгородь в парке. Другая беда приходила, когда с тоски или от скуки они часто ранили и опаляли чужих возлюбленных. Прибавьте сюда относительно небольшое число безумцев, которые и в самом деле бросались

камешками в кого попало, и получится, что огромное количество жителей Брекинды что на Фоте Аваларса получало тяжкие раны и ожоги от драконов.

Думаете, эти люди роптали? Нет, они не роптали.

Может, они оплакивали свою судьбу? Нет.

Огненные Драконы Фуолорниса почитались в землях Брекинды что на Фоте Аваларса за неукротимую красоту, благородный дух и привычку кусать людей, которые их не почитали.

За что же им оказывали почитание?

Ответ прост.

Все дело в интимной жизни.

Неизвестно почему, зрелище громадных огнедышащих драконов-чародеев, летящих на бреющем полете в опасно сладком воздухе лунных, опасно нежных ночей, невероятно возбуждает чувства.

Почему это так, одурманенный любовью народ Брекинды что на Фоте Аваларса не смог бы вам объяснить, хоть и не переставал обсуждать этот вопрос с тех пор, как возник и стал стабильным сам феномен. Заключался он в том, что, едва над вечерним горизонтом воспаряла стая в полдесятка шелкокрылых, кожистотелых Огненных

Драконов Фуолорниса, половина народа Брекинды устремлялась в леса с другой половиной, проводила шумную, бессонную ночь, а с первыми лучами солнца возвращалась, счастливая и улыбчивая. Не переставая трогательно утверждать, что сохранила девственность — ну разве что несколько раскраснелась и вспотела.

Феромоны, считали одни ученые.

Воздействие звука, заявляли другие.

Местность всегда кишела учеными, которые стремились дойти до самой сути проблемы и тратили на это уйму времени.

Неудивительно, что живое и увлекательное описание жизни этой планеты на страницах «Путеводителя» приобрело невероятную популярность среди путешественников, которые руководствуются его советами в своих странствиях. Вот почему данную главку так и не изъяли, предоставив туристам будущего самолично узнавать, что сегодняшняя, современная Брекинда — район мегаполиса-государства Аваларс — это всего лишь череда бетонных баров со стриптизом и ресторанчиков, где потчуют гамбургерами под названием «Дракон».

Глава 22

Ночь в Айлингтоне была нежна. Воздух был сладок.

Разумеется, Огненные Драконы Фуолорниса над переулком не кружили, но если б они туда и залетели, то с чистой совестью могли бы пойти перекусить в ближайшее кафе, ибо жители переулка в них не нуждались.

А в случае чего Драконы могли бы, не отрываясь от «Американской горячей пиццы», прислать записку с советом поставить на проигрыватель «Дайр Огрейте» — эта группа справится с их делом ничуть не хуже.

— Нет, — сказала Фенчерч, — не сейчас.

Артур поставил на проигрыватель «Дайр Огрейте». Фенчерч распахнула верхнюю, парадную дверь, чтобы впустить побольше сладкого, нежного ночного воздуха. Они сидели на мягких подушках рядом с откупоренной бутылкой шампанского.

— Нет, — повторила Фенчерч, — сначала угадай, что у меня не в норме, какая часть тела. Но мне кажется, — очень-очень-очень тихо добавила она, — что мы можем начать с того места, где

сейчас твоя рука.

Артур спросил:

— А в каком направлении ее вести?

— Сейчас вниз, — ответила Фенчерч.

Рука Артура двинулась с места.

— Вниз — это вообще-то в противоположном направлении.

— Ах да.

У Марка Нопфлера есть чудесный дар — заставлять гитару марки «Шектер кастом стратокастер» петь и завывать, точно ангелы в субботнюю ночь, когда они утомились всю неделю хорошо себя вести и желают крепкого пива. Правда, сейчас это замечание, строго говоря, неуместно, поскольку до этого места пластинка еще не докрутилась, но к тому моменту, когда она докрутится, закрутится вместе с ней уже столько всякого разного… К тому же летописец не намерен сидеть здесь с хронометражным листом и секундомером, так что лучше упомянуть об этом теперь, пока ход событий еще не ускорился до невозможности.

— Итак, мы подходим к коленке, — сказал Артур. — Левая коленка у тебя определенно не в норме.

— Левая коленка у меня абсолютно здоровая, — ответила Фенчерч.

— В самом деле.

— Знаешь что…

— Что?

— Гм… ты все правильно делаешь. Давай дальше.

— Значит, у тебя что-то со ступнями…

Она улыбнулась сквозь сумрак и уклончиво пожала плечами. Во Вселенной, а точнее, на Зете Прутивнобендзы, через две планеты от болотистой родины матрассов, живут диванные подушки, которым доставляет несказанное удовольствие, когда о них трутся плечами, особенно в жесте, выражающем уклонение от ответа, так как в этом случае плечи двигаются в волнующем ритме. Жаль, что тут этих подушек не было. Ну что ж, такова жизнь.

Артур положил к себе на колени левую ногу Фенчерч и внимательно осмотрел ступню. В голову ему лезла всякая ерунда про то, как шевелится платье Фенчерч, обнажая ноги, и он никак не мог сосредоточиться.

— Честно говоря, — сказал Артур, — я не знаю, что искать.

— Когда найдешь, поймешь, — отозвалась Фенчерч. — Обязательно поймешь. — В ее голосе звучало легкое лукавство. — Это не та нога.

Все больше недоумевая, Артур поставил на пол левую ногу Фенчерч и повернулся, чтобы взять правую. Фенчерч подалась вперед, обняла его и поцеловала, потому что пластинка докрутилась до такого места, когда (если вы знаете эту пластинку) невозможно этого не сделать.

Затем Фенчерч протянула Артуру правую ногу.

Артур погладил пятку, ощупал лодыжку, пальцы. И не обнаружил ничего необычного.

Фенчерч, следившая за ним с задорным огоньком в глазах, засмеялась и помотала головой.

— Не останавливайся, — сказала она, — но сейчас это не та нога.

Артур опять остановился и, насупившись, посмотрел на ее левую ногу, стоящую на полу.

— Не останавливайся.

Артур погладил ее правую пятку, ощупал лодыжку и пальцы, после чего произнес:

— Ты имеешь в виду, это как-то связано с тем, которую ногу я держу?...

Фенчерч снова так пожала плечами, что простая диванная подушка с Зеты Прутивнобендзы задохнулась бы от радости.

Артур наморщил лоб.

— Подними меня, — тихо проговорила Фенчерч.

Артур поставил на пол ее правую ногу и встал. Фенчерч тоже. Он обнял ее, поднял над полом, и они поцеловались еще раз. Прошло какое-то время, и она сказала:

— Теперь поставь меня.

Озадаченный, Артур так и сделал.

— Ну?

Она взглянула на него почти вызывающе.

— Ну, что у меня со ступнями? — спросила она.

Артур все еще не понимал. Он сел на пол, потом встал на четвереньки и поглядел на ее ступни, так сказать, в их естественной среде обитания. И только внимательно присмотревшись, заметил нечто странное. Опершись лбом об пол, он вытаращил глаза. Повисла долгая пауза. Потом Артур тяжело сел.

— Да, — сказал он, — я вижу, почему твои ступни не в норме. Они не касаются земли.

— И что… и что ты думаешь?…

Артур быстро поднял взгляд на Фенчерч и увидел, что ее глаза вдруг потемнели от какого-то ужасного предчувствия. Она кусала губы и вздрагивала.

— Что… — запинаясь, произнесла она. — Ты?…

Она тряхнула головой, и ее волосы упали на глаза, налитые безутешными слезами страха.

Артур мгновенно поднялся на ноги, обнял Фенчерч и поцеловал.

— Наверно, ты вполне можешь сделать, как я, — сказал он и вышел через верхнюю, парадную дверь.

Игла проигрывателя добралась до лучшего места всей пластинки.

Глава 23

Битва при Ксаксисе разгорелась вовсю. Огромный серебристый ксаксисианский звездолет, напрягая последние силы, сокрушил и обратил в прах сотни свирепых жестоковооруженных миноносцев с Зирзлы.

Досталось и местной луне — сверкающие силовые пушки, способные разорвать своими выстрелами саму материю, буквально растерзали ее на части.

Оставшиеся корабли Зирзлы, несмотря на свое жестокое вооружение, были беззащитны перед разрушительной мощью ксаксисианского корабля и теперь искали убежища за стаей осколков, которая только что была луной, как вдруг ксаксисианский корабль прекратил погоню, объявил, что желает передохнуть, и покинул поле боя.

Все присутствующие на миг остолбенели от нового, неимоверного ужаса, а корабль тем временем был таков.

Имея в своем распоряжении громадную энергию, корабль стремительно, без малейших усилий, а главное, тихо и интеллигентно мчался по бесконечным трассам нашего иррациональ-

ного, где вогнутого, где выпуклого, пространства.

Форд Префект спал среди полотенец в своей грязной, зловонной, переделанной из ремонтного шлюза каюте и грезил о любимых краях. В одном из снов ему привиделся Нью-Йорк.

В этом сне он гулял поздно вечером по Ист-Сайду, вдоль реки, которую наконец-то загадили до такой степени, что в ней теперь самопроизвольно зарождались новые формы жизни. Не успев зародиться, они высовывались из воды и поднимали шум, требуя социального обеспечения и избирательных прав.

Одно из этих существ, как раз проплывавшее мимо, помахало Форду. Форд помахал в ответ.

Существо выбросилось на сушу и взобралось вверх по берегу.

— Привет, — сказало оно, — меня только что создали. Я полный неофит во Вселенной. Не поможете ли каким-нибудь советом?

— Фу-ты ну-ты! — в легком замешательстве проговорил Форд. — Думаю, я смогу указать вам местоположение кой-каких баров.

— А как насчет любви и счастья? Я ощущаю глубокую потребность во всем этом, — сказало существо, размахивая щупальцами. — Есть какие-нибудь идеи?

— Эти потребности вы можете удовлетворить на Седьмой авеню, — проговорил Форд.

— Я нутром чувствую, что мне нужно быть красивым, — не унималось существо. — Я красивый?

— Похоже, у вас что на уме, то и на языке.

— Что толку ходить вокруг да около? Я красивый?

Теперь существо, булькая и распузыриваясь, растеклось кругом. Чем вызвало интерес стоящего неподалеку пьяницы.

— Вы моей точкой зрения интересуетесь? — уточнил Форд. — Тогда нет. Но послушайте, — немного погодя прибавил он, — большинство людей вполне обходятся своей внешностью. Там у вас найдутся другие вроде вас?

— Спроси, чё полегче, браток, — сказало существо, — как я уже отметил, я только что появился на свет. Я совершенно не знаком с жизнью. Какая она?

Наконец-то речь зашла о предмете, который Форд считал просто-таки своей специальностью.

— Жизнь, — сказал он, — это грейпфрут.

— Э-э, как это?

— Ну, снаружи оранжево-желтая и с пупырышками, а внутри влажная и скользкая. Внутри

также есть косточки. Да, есть люди, которые съедают его половину на завтрак.

— Могу я поговорить с кем-нибудь еще?

— Думаю, да, — ответил Форд. — Поговорите с полицейским.

Уткнувшись в подушку, Форд Префект заворочался и повернулся на другой бок. Это был не самый любимый его сон, поскольку в нем не присутствовала Эксцентрика Гамбитус, троегрудая путана с Эротикона-6, которая была главной героиней многих снов Форда. Но какой-никакой, а все-таки это был сон. Ему все-таки удалось заснуть.

Глава 24

К счастью, в переулке дул сильный ветер; к счастью, потому что Артур давненько не практиковался в полетах. По крайней мере сознательно. Хотя, как известно, сознательно не очень-то полетаешь.

Потеряв равновесие, Артур вошел было в пике, чуть не сломал челюсть о ступеньку у двери и закувыркался в воздухе, настолько изумленный собственной глупостью, что совсем позабыл о перспективе падения на землю, а потому и не упал.

«Здорово, — думал Артур. — Если только получится».

Земля угрожающе зависла у него над головой.

Он старался не думать о земле: какая она удивительно громадная, и как ему будет больно, если она перестанет висеть на месте и вдруг свалится ему на голову. Вместо этого он заставил себя подумать о чем-нибудь приятном, например о лемурах, и это было правильно, потому что в ту минуту он напрочь запамятовал, кто такие лемуры: то ли животные, которые огромными, величественными стадами несутся по прериям,

или как их там зовут, а может, те, кто несется по прериям, называются тризоны, поэтому, чтобы думать о лемурах как о чем-то приятном, надо было проникнуться старомодным благожелательным отношением ко всему на свете. И все это занимало ум Артура, в то время как его тело пыталось приспособиться к отсутствию опоры.

По переулку пролетела обертка от шоколадки «Марс».

После недолгих сомнений и нерешительности она в конце концов позволила, чтобы ветер загнал ее в промежуток между Артуром и землей, где она и зависла.

— Артур…

Земля все еще угрожающе висела у Артура над головой, и он подумал, что, наверное, пришло время это исправить, скажем, попятиться от нее, что он и сделал. Медленно. Очень, очень медленно.

Медленно, очень-очень медленно пятясь от земли, Артур зажмурил глаза — осторожно, чтобы ничего себе не вывихнуть.

Ощущение, что его глаза зажмурились, пронизало все его тело. Когда это ощущение достигло пяток — так что теперь все тело Артура знало, что его глаза зажмурены, и вовсе этого не пугалось, —

он медленно, очень-очень медленно развернул тело в одну сторону, а ум в другую.

Теперь земля ему больше не страшна.

Он почувствовал, как атмосфера вокруг него становится все чище, как его весело обвевает ветерок, ничуть не смущенный его присутствием на высоте, и медленно, очень-очень медленно, будто очнувшись от глубокого, крепкого сна, Артур открыл глаза.

Конечно, он летал и раньше, на Крикките он летал столько, что обалдел от птичьих разговоров, но тут — совсем другое дело.

Здесь, на родной планете, он летал спокойно, интеллигентно, без малейшего трепета, который обычно возникает при пребывании в воздухе.

Внизу на расстоянии десяти — пятнадцати футов простиралась твердая асфальтовая мостовая, а в нескольких ярдах правее светились желтые фонари Верхней улицы.

Переулок, по счастью, не был освещен, так как фонари, которые должны были гореть всю ночь, включались по какому-то хитрому расписанию сразу после полудня и гасли, как только наступал вечер. Таким образом, Артура надежно защищало плотное одеяло тьмы.

Медленно, очень-очень медленно он поднял

голову и посмотрел на Фенчерч, чей силуэт вырисовывался в дверном проеме второго этажа. Она стояла затаив дыхание, в молчаливом изумлении.

Ее лицо было в нескольких дюймах от Артура.

— Я хотела тебя спросить: что ты делаешь? — проговорила Фенчерч взволнованным шепотом. — Но потом поняла, что и так видно, что ты делаешь. Ты летаешь. Так что, — после недолгого удивленного молчания продолжала она, — глупо было бы спрашивать.

Артур спросил:

— Ты так можешь?

— Нет.

— Хочешь попробовать?

Фенчерч закусила губу и покачала головой, но не для того, чтобы сказать «нет», а просто от замешательства. Она дрожала как осиновый лист.

— Это очень просто, главное, не знать, как это делается, — уговаривал ее Артур. — Вот что важно. Надо не знать, как это у тебя получается.

Чтобы показать, как это легко, Артур пронесся по переулку, эффектно подпрыгнул, упал на спину и, покачиваясь, как банкнота на ветру, вернулся к Фенчерч.

— Спроси меня, как я это сделал.

— Как… ты это сделал?

— Не имею понятия. Ни малейшего.

Она недоуменно пожала плечами:

— И как я могу?…

Артур спустился еще немного и протянул ей руку.

— Я хочу, чтобы ты попробовала, — сказал он, — встань на мою ладонь. Только одной ногой.

— Что?

— Попробуй.

Фенчерч волновалась, колебалась, напоминала себе, что сейчас она поставит ногу на ладонь человека, который летает перед ней в воздухе… И поставила.

— Теперь другую.

— Что?

— Перенеси вес с другой ноги на эту.

— Я не могу.

— Попробуй.

— Вот так?

— Вот так.

Фенчерч волновалась, колебалась, напоминала себе, что… И тут она перестала напоминать себе, что именно делает, поскольку больше не хотела этого знать.

Она не сводила глаз с желобов на крыше ветхо-

го склада напротив, которые раздражали ее уже долгое время, потому что собирались отвалиться, и ей было интересно, планирует ли кто-нибудь им помешать, или ей надо самой кому-нибудь об этом сказать, и она уже не думала о том, что стоит на ладонях человека, который ни на чем не стоит.

— Теперь, — сказал Артур, — перенеси вес с левой ноги на правую.

Фенчерч подумала, что склад принадлежит ковровой фабрике, а ее контора помещается за углом, затем перенесла вес с левой ноги на правую и снова подумала, что надо зайти в контору и сказать насчет кровельных желобов.

— Теперь, — сказал Артур, — перенеси вес с правой.

— Я не могу.

— Попробуй.

Фенчерч раньше никогда не видела жёлоба в таком ракурсе, и теперь ей показалось, что в нем, кроме пыли и грязи, есть еще и птичье гнездо. Если слегка наклониться вперед и сделать так, чтобы правая нога ничего не весила, наверное, гнездо можно будет разглядеть получше.

Артур с тревогой увидел, как кто-то пытается украсть велосипед Фенчерч. Артуру не хотелось

затевать спор, особенно в такую минуту, и он надеялся, что вор будет действовать тихо, не поднимая глаз.

У похитителя был цепкий, бегающий взгляд человека, который имеет обыкновение воровать велосипеды в переулках у людей, которые не имеют обыкновения парить в воздухе в нескольких футах от мостовой. Привычка к неизменности такого положения дел позволяла ему трудиться без напряжения, но решительно и сосредоточенно, и, обнаружив, что велосипед неоспоримо прикреплен обручами из вольфрамовой проволоки к намертво впаянному в цемент железному столбику, вор бесстрастно согнул в «восьмерку» оба колеса и пошел своей дорогой.

Артур наконец-то решился перевести дух.

— Смотри, какую яичную скорлупку я для тебя нашла, — прошептала ему на ухо Фенчерч.

Глава 25

У тех, кто постоянно следит за подвигами Артура Дента, уже должно было сложиться представление о его характере и манерах. Однако оно, хотя и несет в себе чистую правду и ничего, кроме правды, несколько неполно и не отражает всей правды во всей красоте и цельности.

Это объясняется вполне очевидными причинами: редактура, отбор, необходимость разбавлять важное занимательным, опуская все нудные подробности.

Например, такие: «Артур Дент отправился спать. Он поднялся по лестнице на пятнадцать ступенек, открыл дверь, вошел в комнату, снял туфли, носки, снял, один за другим, все остальные предметы одежды и оставил их аккуратно скомканной горкой на полу. Он надел синюю в полоску пижаму. Вымыл лицо и руки, почистил зубы, пошел в уборную, понял, что опять все сделал не в том порядке, снова вымыл руки и лег в постель. Пятнадцать минут он читал, причем десять из них ушло у него на то, чтобы сообразить, на каком месте он остановился вчера вечером, затем выключил свет и через минуту-другую

заснул.

Было темно. Целый час он лежал на левом боку.

После этого он с минуту беспокойно ворочался во сне и повернулся на правый бок. Потом в течение часа его ресницы время от времени подрагивали во сне, и он слегка почесывал нос, хотя прошло еще добрых двадцать минут прежде, чем он снова перевернулся на левый бок. Так он коротал ночь.

В четыре он встал и снова пошел в уборную. Он открыл дверь уборной…» и т. д.

Это трепотня. Это не способствует развитию действия. Это годится для обстоятельных толстых романов, которые в большом количестве выбрасываются на американский рынок, но ничего не дают ни уму, ни сердцу. Короче говоря, это никому не интересно.

Но, помимо описаний чистки зубов и поисков чистых носков, были опущены и другие подробности. И вот они-то и вызывают порой у читателей нездоровый интерес.

Им любопытно: что там было у Артура и Триллиан и чем дело кончилось?

На это может быть только один ответ: не ваше собачье дело.

А как Артур проводил время по ночам на планете Криккит? Ведь даже если на планете не водятся Огненные Драконы Фуолорниса и нет группы «Дайр Стрейтс», это же не значит, что по ночам все смирно сидят и читают книжки.

Или взять более конкретный пример. Чем кончился тот вечер на доисторической Земле, когда после заседания комитета Артур сидел на склоне холма и наблюдал восход луны над тускло тлеющими деревьями в обществе красивой девушки по имени Мелла, которая незадолго до того бежала с планеты Голгафрингем, где работала в художественном отделе рекламной компании и каждое утро созерцала сотню почти одинаковых фотографий уныло освещенных тюбиков зубной пасты? Что было потом? Что произошло у Артура с Меллой после? На это может быть только один ответ: потом книжка закончилась.

В следующей книге действие возобновилось пять лет спустя, и слишком многое, считают некоторые, отдано на усмотрение читателя.

«Кто он, этот Артур Дент, — мужчина или амеба?» — доносится ропот из отдаленных пределов Галактики. Недавно даже было найдено послание подобного содержания, прибывшее вместе с загадочной ракетой, которая прилетела из глу-

бокого космоса, предположительно, из другой Галактики, расположенной на таком расстоянии, что страшно подумать. «Неужели его ничто не интересует, кроме чая и высоких материй? Неужели у него нет порывов? Неужели он не знает страстей? Неужели он никогда, попросту говоря, ни с кем не трахался?»

Тот, кто хочет это узнать, пусть читает дальше. Кто не хочет, может пролистать книжку до самой последней главы, которая неплохо написана — и к тому же в ней появится Марвин.

Глава 26

Когда они с Фенчерч поднимались ввысь, Артур Дент на миг впал в злорадство и позволил себе выразить надежду, что его друзьям (которые всегда находили его милым, но скучным, а в последнее время — странным, но скучным) сейчас, должно быть, очень весело в баре. Но тут же надолго забыл о своих друзьях.

Они с Фенчерч поднимались ввысь, описывая медленные спирали друг вокруг друга — так по осени опадают с кленов семена-крылатки. Только наши герои двигались не к земле, а к небу.

Когда они с Фенчерч поднимались ввысь, их души пели от восторга, сознавая, что либо их тела делают нечто совершенно по всем статьям невозможное, либо физика основательно отстала от жизни.

Физика покачала головой и, отвернувшись, сосредоточилась на том, чтобы машины шли по Юстон-роуд в направлении Западной эстакады, чтобы уличные фонари горели и чтобы чизбургер, уроненный кем угодно на Бейкер-стрит, непременно плюхнулся на землю.

Под ними сияли гирлянды лампочек, стреми-

тельно уменьшаясь до размеров мелкого бисера, — то был Лондон. «Это Лондон», — все время напоминал себе Артур. «Это не флуоресцентная трава полей захолустного Криккита — Криккит затерялся где-то среди этих блеклых веснушек, что испещрили небо у них над головой, — это Лондон». И гирлянды лампочек качались и вертелись, то вертелись, то раскачивались.

— Попробуй сделать пике, — обратился Артур к Фенчерч.

— Что?

Ее голос слышался очень четко, но словно бы издалека, с того края широченной пустоты. Она говорила с взволнованным придыханием и недоверчивым удивлением. И все это соединялось в ее голосе: ясном, тихом, далеком, недоверчивом, удивленном, взволнованном.

— Мы летим… — сказала Фенчерч.

— Это пустяки, — отозвался Артур, — не думай об этом. Попробуй сделать пике.

— Пике…

Она ухватилась за руку Артура, но через секунду вдруг обрела вес и стала остолбенело падать, отчаянно цепляясь за пустоту.

Физика покосилась на Артура, и, объятый ужасом, он тоже камнем полетел вниз. Голова у него

закружилась, его тошнило, все тело кричало — только голос от ужаса умолк.

Они падали, потому что это был Лондон, а в Лондоне такие штуки не проходят.

Артур не мог подхватить Фенчерч, потому что это был Лондон, и совсем неподалеку, строго говоря, в семистах пятидесяти шести милях отсюда, в городе Пизе Галилей экспериментально доказал, что два падающих тела стремятся вниз с совершенно одинаковым ускорением, независимо от их относительного веса.

Они падали.

Во время этого головокружительного, тошнотворного падения Артур понял, что если он собирается парить в небе и при этом твердо верить в компетентность итальянцев в области физики (а те даже обычную башню не могут построить так, чтобы та не клонилась набок), то им с Фенчерч грозит смертельная опасность. А потому сразу же стал падать быстрее девушки.

Артур на лету поймал Фенчерч и крепко схватил ее за плечи.

Получилось.

Прекрасно. Теперь они падали вместе, и все это было очень мило и романтично, но не решало основную проблему, которая заключалась в том,

что они падали и земля не ждала, пока Артур покажет еще какой-нибудь фокус, а надвигалась на них со скоростью курьерского поезда.

Артур не мог подняться вместе с Фенчерч, и ему было нечем удержать ее. Он думал только о том, что они, очевидно, разобьются насмерть, и если он хочет, чтобы произошло что-нибудь менее очевидное, то должен сделать что-то уж совсем не очевидное. И тут он почувствовал себя как рыба в воде.

Он выпустил из рук плечи Фенчерч, оттолкнул ее, и, когда она повернула к нему застывшее от ужаса лицо с раскрытым от изумления ртом, мизинцем поддел ее мизинец, потянул ее вверх, и сам, поднимаясь, неуклюже перевернулся в воздухе.

— Черт! — пыхтя и задыхаясь, проговорила сидящая на воздухе Фенчерч. Когда она пришла в себя, ночной полет был возобновлен.

Чуть-чуть не долетев до облаков, они остановились и начали разбираться, куда их, собственно, занесло. Правда, на землю следовало смотреть только мельком, свысока, так сказать.

Фенчерч отважно попробовала сделать пике и обнаружила, что если правильно определить свое положение относительно направления

ветра, то получалось совершенно замечательно, даже с небольшим пируэтом в конце и нырком вниз, от которого у нее задралось платье. На этом месте читателям, которых больше интересуют похождения Марвина и Форда Префекта, лучше перейти к следующим главам, потому что терпение Артура истощилось и он помог ей снять платье.

Платье скользнуло вниз, умчалось, подгоняемое ветром, вдаль, постепенно превратилось в точечку и, наконец, исчезло из глаз, чтобы утром вследствие целого комплекса трудноописуемых причин взорвать мирную жизнь некой семьи из Онслоу[10], которая обнаружила его на своей бельевой веревке.

Молча обнявшись, Артур и Фенчерч плыли по ветру ввысь и в конце концов оказались среди туманных духов влаги, которые в виде пушистых хлопьев облепляют крылья самолетов. Вы видите этих духов, но не ощущаете их, потому что сидите в теплом, душном салоне и смотрите на них сквозь исцарапанное плексигласовое окошко, а чужой ребенок терпеливо пытается пролить вам за пазуху горячее молоко.

---

[10] Примечания: 10

Город в Австралии, штат Западная Австралия. — *Примеч. пер.*

Артур и Фенчерч чувствовали этих духов на ощупь: клочковатые, легкие и холодные, они вились вокруг, очень холодные, очень легкие. Даже Фенчерч, защищенная теперь от стихий лишь двумя полосочками ткани от «Маркса и Спенсера», понимала, что с победой над гравитацией обычный холод или недостаточная плотность атмосферы уйдут сами собой.

Фенчерч встала окутанная облачной дымкой, и Артур очень-очень медленно снял с нее две полосочки ткани от «Маркса и Спенсера», поскольку только так и можно делать, когда летишь и руки заняты другим делом, и эти кусочки ткани утром тоже учинили переполох: верхний — в Айлсуорте, а нижний — в Ричмонде.

Артур и Фенчерч долго не покидали облако, потому что оно находилось очень высоко, а когда они наконец вынырнули из него, все промокшие (Фенчерч плавно кружилась, точно играющая с приливной волной морская звезда), то обнаружили, что только над облаками луна светит в полную силу.

Все вокруг пронизано смутным, нет, смуглым светом. Здесь есть свои горы — пусть непохожие на земные, но все равно горы в белых, как арктический снег, шапках.

Вынырнув на высочайшем пике кучевого облака, Артур и Фенчерч неторопливо соскользнули по его склону. Теперь Фенчерч помогла Артуру снять одежду. Все одежки, одна за другой, удивленно кружась, полетели вниз, в клубящуюся белизну.

Фенчерч целовала Артура, целовала его шею, грудь, и вскоре парочка заскользила дальше, медленно поворачиваясь и напоминая безмолвную букву Т. От этого зрелища даже Огненный Дракон Фуолорниса (если бы он, наевшись пиццы, пролетал мимо) захлопал бы крыльями и слегка кашлянул.

Однако в облаках нет Огненных Драконов Фуолорниса, да и не может быть, так как они, подобно динозаврам, птице додо и исполинскому друбитому винтвоку, обитавшему на Большой Перепонке в созвездии Птицапа, прискорбным образом вымерли, и Вселенная навсегда их лишилась. Чего нельзя сказать о «Боингах-747», которые сохранились в избытке.

«Боинг-747» возник в вышеприведенном перечне только по той причине, что несколько мгновений спустя ворвался в жизнь Артура и Фенчерч.

«Боинг-747» — это просто громада. Ужас какая

громада. Когда он появляется в небе, это всегда заметно. Воздух дает стрекача, и волна ревущего ветра отбрасывает вас в сторону, если только вы настолько глупы, что занимаетесь поблизости тем же, чем Артур и Фенчерч, как бабочки во время бомбежки.

Но на этот раз после панического пике Артур и Фенчерч перегруппировались, и оглушительный рев двигателей вселил в их головы свежую, совершенно замечательную идею.

Миссис Э. Капельсен, пожилая дама из Бостона, штат Массачусетс, чувствовала, что жизнь ее подходит к концу. Она многое повидала на своем веку, кое-что ее озадачивало, но сейчас она с некоторым неудовольствием ощущала, что почти все ей наскучило. Все было очень приятно, но, возможно, чересчур предсказуемо.

Она со вздохом подняла маленькую пластиковую занавеску, закрывающую иллюминатор, и посмотрела на крыло самолета.

Сначала она хотела позвать стюардессу, но потом решила: нет, черт возьми, ни за что, этот спектакль для нее, миссис Э. Капельсен, и только для нее.

К тому времени как двое пришельцев из мира непредсказуемого наконец-то соскользнули с

крыла и завертелись в воздушном потоке, она значительно приободрилась.

С огромным облегчением она подумала, что практически все, что она знала раньше, не соответствует действительности.

Утром Артур и Фенчерч проспали допоздна у нее в переулке невзирая на постоянные стоны реставрируемой мебели.

Вечером они проделали все заново, только в этот раз прихватив с собой два плеера «Сони».

Глава 27

— Все это очень хорошо, — через несколько дней сказала Фенчерч. — Но я должна знать, что со мной произошло. Понимаешь, между нами есть разница. Ты что-то потерял, а потом нашел, а я нашла, а потом потеряла. Мне надо снова это найти.

Днем Фенчерч была занята, и Артур решил устроить для себя день телефонных звонков.

Мюррей Бост Хенсен работал журналистом в одной из газет, что печатаются крупным шрифтом на страницах маленького формата. Я был бы очень рад отметить, что эта работа не отразилась на нем дурно, но, к сожалению, не могу покривить душой. Однако Артур все равно ему позвонил, так как то был единственный газетчик среди его знакомых.

— Артур, чайник ты мой старый, дружок ты мой ржаной, как клево тебя слышать. А говорили, ты улетел в космос или что-то в этом роде.

Мюррей разговаривал на собственном языке, самолично изобретенном для собственных надобностей. Больше никто на свете на нем изъясняться не мог — более того, никто даже не мог

понять, что хочет сказать Мюррей. Слова здесь ничего не значили. А те, которые все-таки что-то значили, успешно тонули в потоке бессмыслицы, так что слушатель их просто не замечал. Но когда слушатель наконец понимал, какие из слов хоть что-то значат, беседа часто принимала неприятный оборот.

— Что? — переспросил Артур.

— Слухи ходят, мой слоновый бивень, старая ты кочерыжка, слухи ходят. Не исключаю, что все это туфта, но, возможно, в итоге придется тебя интервьюнуть.

— Мне нечего сказать. Это был обыкновенный треп в пивнушке.

— На том и стоим, дорогой ты мой рыбий глаз, на том и стоим. К тому же он отлично вяжется с другими сюжетами недели; если хочешь, даже можешь все отрицать. Извини, у меня что-то вывалилось из уха.

Последовало недолгое затишье, в финале которого Мюррей Бост Хенсен снова объявился на другом конце провода. На сей раз в его голосе слышалось неподдельное потрясение.

— Просто вспомнил, какой вчера был странный вечер, — сказал он. — Тем не менее, старик, не знаю, липа это или вовсе дуб, но как ты себя чув-

ствуешь в связи с тем, что прокатился на комете Галлея?

— Я не катался на комете Галлея, — ответил Артур с подавленным вздохом.

— Прекрасно. Как ты себя чувствуешь в связи с тем, что не прокатился на комете Галлея?

— Вполне спокойно, Мюррей.

Воцарилась тишина — Мюррей записывал ответ.

— Вполне достаточно, Артур, вполне достаточно для меня, Этель, мира и его окрестностей. Вяжется с общей шизовой атмосферой текущей недели. Мы думаем сделать шапку «Семь чудиков на неделе». Здорово, а?

— Очень хорошо.

— Звучит, да? Сначала у нас тут рассказ о человеке, на которого всегда льет дождь.

— Что-о?

— Сущая правда, разрази меня гром. У него все записано в маленькой черной записной книжке и проверено на всех человеческих и нечеловеческих уровнях. В Гидрометеоцентре все оборзели и опуделели, со всего света слетаются чудные гномики в белых халатах со своими линейками, ящиками и каплемерами. Артур, этот человек уникум, феномен. Я сказал бы даже, что он чудо

природы всего западного мира. Мы называем его Бог Дождя. Здорово придумано, а?

— Я, кажется, с ним знаком.

— Звучит! Что ты сказал?

— Я, кажется, с ним знаком. Он все время жалуется, да?

— Невероятно! Ты знаком с Богом Дождя?

— Если это тот же самый парень. Я посоветовал ему перестать ныть и показать кому-нибудь его записную книжку.

Мюррей Бост Хенсен ошеломленно притих на другом конце провода.

— Ты сделал его миллионером. Без дураков — ты его настоящим миллионером сделал. Слушай, ты знаешь, какие бабки платит ему турагентство только за то, чтобы он не ездил в этом году в Малагу? Я не говорю о проекте орошения Сахары и всякой такой фигне; перед этим парнем открывается совершенно новая карьера, даже если он просто не будет ездить в определенные места. Артур, этот человек превращается в чудовище. Может, даже придется присвоить ему титул победителя нашей викторины. Послушай, Артур, может, понадобится сделать статью о тебе: «Человек, который сделал Бога Дождя». Звучит, да?

— Неплохо, но…

— Может, придется тебя сфотографировать под дождем из садового шланга, но все будет нормально. Ты где находишься?

— Э-э, в Айлингтоне. Послушай, Мюррей…

— В Айлингтоне!

— Да…

— Ну а как тебе главная сенсация недели? Тут уж точно чудеса в решете. Про летающих людей слышал?

— Нет.

— Надо же! Нет, это же самый горный шизняк! Натуральные тапочки всмятку. Местные весь день трезвонят и рассказывают о парочке, которая летает по ночам. Наши ребята всю ночь припухали в лаборатории над фотороботами. Да врешь ты все — не мог ты не слышать!

— Нет, я не слышал.

— Артур, где ж ты был? Ах да, в космосе, у меня есть твое интервью. Так то несколько месяцев назад. Послушай, старый ты мой башмачина, всю неделю каждую ночь как раз в твоем районе эта парочка летает по небу и выделывает всякие штуки. Так ты что, ничего не знаешь?

— Нет.

— Артур, друженька ты моя, с тобой разговаривать — полурайское удовольствие, но мне надо

идти. Я пришлю парня с камерой и шлангом. Дай мне свой адрес, я записываю.

— Послушай, Мюррей, я позвонил, чтобы задать тебе один вопрос.

— У меня полно работы.

— Я только хочу узнать насчет дельфинов.

— Это не вопрос. Прошлогодняя новость. Забудь о них. Они исчезли.

— Но это важно.

— Слушай, никто не возьмется за эту тему. Понимаешь, нельзя сделать статью о том, чего нет. По крайней мере у нас. Попробуй позвонить в воскресные газеты. Может, через пару лет где-нибудь в августе они дозреют состряпать что-то вроде «Что же все-таки случилось с дельфинами». А сейчас что? «Дельфинов нет как нет»? «Дельфины продолжают отсутствовать»? «Дельфины — жизнь без них»? Артур, сюжеты смертны. Они протягивают ножки, бьются в судорогах и вскоре возносятся к Великому Небесному Золотому Штекеру, архитравчик ты мой.

— Мюррей, мне не интересно, получится ли из этого статья. Я просто хочу выяснить, как мне связаться с тем типом из Калифорнии, который говорит, что знает, куда они делись. Я думал, ты сможешь помочь.

Глава 28

— Люди начинают болтать, — сказала Фенчерч вечером после того, как они водворили на место виолончель.

— И не только болтать, — ответил Артур, — но и печатать крупным жирным шрифтом под списком победителей викторины.

И он показал ей длинные узкие книжечки — это были билеты на самолет.

— Артур! — воскликнула Фенчерч, повиснув у него на шее. — Значит, тебе удалось с ним поговорить?

— Сегодня я звонил до упаду. Абсолютно во все отделы абсолютно всех газет на Флит-стрит. И все-таки выпытал его телефон.

— По тебе видно, что ты трудился вовсю. Ты весь в поту, бедняжка.

— Это не пот, — устало сказал Артур. — Сейчас сюда приходил фотограф. Я не соглашался, но… ладно, замнем, важно, что я поговорил.

— С ним самим?

— С его женой. Она сказала, что он сейчас не в себе и не может подойти к телефону и чтобы я перезвонил позже.

Артур тяжело опустился на стул, понял, что ему чего-то не хватает, и пошел к холодильнику.

— Хочешь пить?

— Просто умираю. Когда профессор окидывает меня взглядом с ног до головы и говорит: «Да, милая, сегодня немножко поиграем Чайковского», — я всегда знаю, что мне придется туго.

— Я перезвонил, — продолжал Артур, — и она сказала, что он находится на расстоянии трех целых двух десятых световых лет от телефона и чтобы я перезвонил.

— Ну и?

— Я перезвонил. Она сказала, что положение улучшается. Теперь он на расстоянии всего двух целых шести десятых световых лет от телефона, но все равно докричаться трудно.

— Как ты думаешь, — с сомнением в голосе проговорила Фенчерч, — может, лучше поговорить с кем-нибудь еще?

— Худшее впереди, — отозвался Артур. — Я говорил с сотрудником одного научного журнала. Он лично знаком с нашим сумасшедшим и говорит, что Джон Уотсон мало того что сам во все верит, так еще и готов представить неоспоримые доказательства правильности самой дурацкой из теорий, которые в моде на данной неделе.

Эти доказательства он обычно записывает под диктовку от ангелов с золотыми бородками, зелеными крылышками и в обуви от «Доктора Шолля». Знаешь, такие сандалии на деревянной подошве? А тем, кто сомневается в истинности его видений, он гордо показывает эти самые сандалии, и больше от него ничего не добьешься.

— Я не думала, что все настолько плохо, — тихо произнесла Фенчерч, вяло теребя билеты.

— Я снова перезвонил миссис Уотсон, — продолжал Артур. — Кстати, ее зовут — тебе это может быть интересно — так вот, ее зовут Фата-Моргана.

— Понятно.

— Рад, что тебе понятно. Я думал, ты ничему не поверишь, и на этот раз записал наш разговор на магнитофон.

Отойдя к магнитофону, Артур долго пыхтел над ним и вертел все ручки, потому что этот магнитофон, настоятельно рекомендованный журналом Ассоциации потребителей, включается только в тот момент, когда владелец уже дошел до ручки — до самой важной то есть.

— Вот, готово, — сказал в итоге Артур, утирая со лба пот.

Голос, совершивший путешествие к геостацио-

нарному спутнику Земли и обратно, был слабым и хрипловатым, но пугающе спокойным.

— Вероятно, мне следовало вам объяснить, — говорил голос Фата-Морганы Уотсон, — что телефон стоит в комнате, в которую он никогда не заходит. Понимаете, это Психушка. Медведь Здравоумный не любит заходить в Психушку, а потому сюда и не заходит. Мне кажется, вы должны это знать, чтобы зря не звонить. Если вы хотите с ним встретиться, это можно сделать очень легко. Нужно просто зайти к нам. Он принимает людей только за пределами Психушки.

Послышался крайне недоуменный голос Артура:

— Простите, я не понимаю. Где находится Психушка?

— Где находится Психушка? — это уже снова Фата-Моргана Уотсон. — Вы когда-нибудь читали инструкцию на пакетике с зубочистками?

Голос Артура на пленке признался, что никогда.

— Возможно, вы захотите это сделать. Возможно, вы увидите, что это кое-что проясняет. Возможно, эта инструкция укажет вам, где находится Психушка. Благодарю вас.

Раздались короткие гудки. Артур выключил

магнитофон.

— Ну, наверно, это можно считать приглашением, — сказал он, пожав плечами. — Парень из научного журнала дал мне адрес.

Фенчерч еще раз бросила на Артура задумчивый, печальный взгляд и снова посмотрела на билеты.

— Ты думаешь, ехать стоит? — спросила она.

— Ну, — произнес Артур, — все, с кем я говорил, сходятся на том, что, хотя он и совершенно чокнутый, он действительно знает о дельфинах больше всех на свете.

Глава 29

«Важное сообщение. Рейс 121 отправляется в Лос-Анджелес. Если ваши планы на сегодня не включают посещение Лос-Анджелеса, сейчас самое время выйти из самолета».

Глава 30

В Лос-Анджелесе они наняли машину в одном агентстве, которое дает напрокат машины, выброшенные владельцами на свалку.

— На поворотах с ней трудновато, — сказал тип, прятавший свои черты лица за солнцезащитными очками, и вручил им ключи. — Иногда я бы советовал просто выйти и поймать попутную машину.

На ночь они остановились в гостинице на бульваре Сансет, о которой кто-то сказал им, что там они будут приятно удивлены.

— Там все либо англичане, либо чудаки, либо и то, и другое. У них есть бассейн, где можно увидеть английских рок-звезд, позирующих для фотографов с газетами «Язык», «Истина» и «Логика» в руках.

Так оно и оказалось. В гостинице жила одна рок-звезда, и именно это она и делала.

Механик в гараже был невысокого мнения о машине Артура и Фенчерч, и это было хорошо, так как они и сами были о ней невысокого мнения, так что все оказались единомышленниками.

Поздно вечером они проехались через Гол-

ливуд-Хиллз по Малхоллэнд-роуд и сделали несколько остановок — первую, чтобы поглазеть на раскинувшееся поблизости ослепительное море блуждающих огоньков под названием «Лос-Анджелес», а вторую, чтобы поглазеть на раскинувшееся напротив ослепительное море блуждающих огоньков под названием «долина Сан-Фернандо». Однако ослепление затронуло лишь глаза, но не души, и они уехали, странно разочарованные зрелищем. Огни были хороши, но огни должны что-нибудь освещать, а город, который освещало наиболее живописное море огней, не произвел на Артура и Фенчерч большого впечатления.

Они спали тревожно и проснулись после полудня — в самый жаркий час.

Они выехали к Санта-Монике, чтобы впервые узреть своими глазами Тихий океан, за созерцанием которого Медведь Здравоумный проводил целые дни и почти целые ночи.

— Однажды мои знакомые подслушали разговор двух старушек, которые вроде нас впервые в жизни оказались на этом побережье и увидели Тихий океан, — проговорила Фенчерч. — Они долго молчали, а потом одна сказала другой: «Знаешь, а я-то думала, что он гораздо больше».

Настроение Артура и Фенчерч здорово поправила прогулка по берегу в Малибу, где они с любопытством наблюдали, как миллионеры, живущие в шикарных хибарках, следят друг за другом, чтобы определить, кто из них быстрее богатеет.

Настроение стало еще лучше, когда солнце начало сползать вниз по западной части неба, и, к тому времени как они вернулись к своей старой колымаге и покатили в сторону заката (интересно, каким дуракам пришло в голову строить город Лос-Анджелес так, чтобы он загораживал опускающееся к горизонту солнце?), Артур и Фенчерч вдруг почувствовали себя удивительно и необъяснимо счастливыми и даже не обращали внимания на то, что старый-престарый радиоприемник в салоне принимает только две станции, да и то обе звучат одновременно. Ну и что, обе передавали хороший рок-н-ролл.

— Я знаю, что он нам поможет, — категорически заявила Фенчерч. — Повтори, как к нему надо обращаться, чтоб ему понравилось?

— Медведь Здравоумный.

— Я знаю, что он нам поможет.

Артур сомневался, будет ли от Медведя Здравоумного какой-нибудь толк, но надеялся, что

будет, а еще больше надеялся, что потерянное Фенчерч можно вновь обрести на этой Земле, даже если эта Земля не настоящая.

Он надеялся, как надеялся пламенно и неустанно со времен того самого разговора на берегах Серпантина, что ему не придется припоминать то, что он так решительно и бесповоротно похоронил в дальнем углу памяти — чтобы душу не бередило.

В Санта-Барбаре они остановились у рыбного ресторанчика, который помещался в чем-то вроде переоборудованного склада.

Фенчерч съела барабульку обыкновенную и сказала, что она замечательно вкусна.

Артур съел кусок жареной меч-рыбы и сказал, что чаша его терпения переполнена.

Он схватил за руку проходившую мимо официантку и нагрубил ей.

— Черт возьми, почему у вас такая чертовски вкусная рыба, — рявкнул он.

— Простите, пожалуйста, моего друга, — сказала Фенчерч напуганной официантке. — Кажется, у него наконец-то выпал счастливый день в жизни.

Глава 31

Если взять пару Дэвидов Боуи[11] и поставить одного Дэвида Боуи на другого Дэвида Боуи, а затем приделать еще по одному Дэвиду Боуи к кистям рук верхнего из первых двух Дэвидов Боуи и нарядить это существо в грязный купальный халат, получится образ, великолепно отражающий не то чтобы реальную внешность Джона Уотсона, но общее впечатление от этой самой внешности.

Он был высокий и нескладный.

Когда он сидел в шезлонге и таращился на Тихий океан (уже не с безумной пытливостью в очах, а просто с тихим, как омут, унынием), было трудно определить, где кончается шезлонг и начинается тело Джона Уотсона, и страшно было положить руку на его предплечье, казалось, все сооружение может неожиданно рухнуть и с треском отхватить вам палец.

Но улыбка у него была просто замечательная. В ней как будто слилось все самое плохое, что

---

[11] Примечания: 11

Дэвид Боуи (р. 1947) — английский рок-певец и композитор. Образец худощавости (поговаривают, носит на талии золотую цепочку, чтобы не толстеть). — *Примеч. ред.*

может сделать человеку жизнь, но когда он, глядя на вас, на короткое время превращал все эти неприятности в совершенно невероятный сплав, лицо его преображалось, и в вашей душе раздавался голос: «Уж теперь-то все будет хорошо».

Когда он говорил с вами, хотелось то и дело говорить ему: «Спасибо» — именно за эту улыбку.

— Да, — вещал Медведь Здравоумный, — они навещают меня. Они сидят вот здесь. Они сидят на этом самом месте, где сейчас сидите вы.

Он рассказывал об ангелах с золотыми бородками, зелеными крылышками и в сандалиях от «Доктора Шолля».

— Они едят гамбургеры — говорят, что там, откуда они прилетают, их нет. Очень любят снег. Это совершенно удивительные существа — очень тонко судят о самых разных вещах.

— Да? — произнес Артур. — Неужели? Так, э-э… Когда это происходит? Когда они прилетают?

Артур тоже пялился на Тихий океан. Вдоль кромки берега сновала маленькая птица-перевозчик, у которой были свои трудности: она искала пищу в мокром песке, от которого только что отхлынула волна, но не хотела замочить лапки. Поэтому она вышагивала странной походкой, точно швейцарская заводная игрушка.

Фенчерч сидела, лениво рисуя пальцем на песке всякие узоры.

— Как правило, в конце недели, — ответил Медведь Здравоумный, — на маленьких детских самокатах. Это великие машины.

И улыбнулся.

— Ясно, — сказал Артур. — Ясно.

Фенчерч слегка кашлянула, чтобы привлечь его внимание, и Артур обернулся к ней. Палочкой она нацарапала рисунок на песке: они с Артуром в облаках. На миг Артур подумал, что она хочет вывести его из состояния апатии, но потом он понял, что она его упрекает. «Кто мы такие, — как бы говорила Фенчерч, — чтобы называть его сумасшедшим?»

Конечно, дом у Джона Уотсона был необычный, и, поскольку дом — это первое, что увидели Фенчерч с Артуром, интересно будет узнать, как выглядел этот дом.

А был он вот какой:

Весь шиворот-навыворот.

Шиворот-навыворот в буквальном смысле этого слова. Настолько шиворот-навыворот, что Артуру и Фенчерч пришлось припарковать машину на ковре.

Вдоль всей внешней стены, которая была окле-

ена уместными в гостиной — причем, кстати сказать, в обставленной со вкусом гостиной, — узорчатыми розовыми обоями, размещались книжные полки, а также два странных полукруглых стола на трех ножках. Столы стояли таким образом, будто стена только что рассекла их пополам. Кроме того, на стене висели картины, явно подобранные для того, чтобы успокаивать нервы.

Но поразительнее всего была крыша.

Крученая, как раковина, она могла бы пригрезиться Морису К. Эшеру[12], если бы он любил покутить по ночам. (Впрочем, не будем отвлекаться на дискуссии об образе жизни этого художника, хотя при взгляде на его работы, особенно на ту гравюру с множеством неудобных ступенек, поневоле напрашивается мысль…) Короче, такую крышу можно придумать только после попойки, потому что изящные светильники, которые должны были свисать с потолка, топырились к небесам снаружи.

Непонятно.

Табличка на передней двери приглашала: «Доб-

---

[12] Примечания: 12

Морис Корнелиус Эшер (1898–1972) — голландский художник-график. Мастер гравюр, основанных на эффекте «обмана зрения». — *Примеч. ред.*

ро пожаловать наружу», — и Артур с Фенчерч, обмирая от страха, зашли.

Как и следовало ожидать, оказалось, что «внутри» — это как раз и есть «снаружи». Неоштукатуренная кирпичная кладка, добротно расшитые швы, добротные кровельные желоба, садовая дорожка, пара невысоких деревьев, несколько комнат.

Внутренние стены тянулись вниз, замысловато складывались и, наконец, расходились, точно обнимая Тихий океан. Казалось, будто это оптический обман — окажись тут Морис К. Эшер, он долго ломал бы голову над тем, как же это сделано.

— Привет! — сказал Джон Уотсон, Медведь Здравоумный.

«Вот и хорошо, — подумали Артур и Фенчерч. — «Привет» — словечко привычное».

— Привет, — ответили они хором, и некоторое время беседа сводилась к взаимным улыбкам.

По неизвестным причинам Медведь Здравоумный довольно долго увиливал от разговора о дельфинах — при малейшей попытке упомянуть о них напускал на себя странно отрешенный вид и говорил: «Я забыл…» Зато он с гордостью показал Артуру и Фенчерч достопримечательности

своего жилища.

— Мне это доставляет своеобразное удовольствие, — объяснял Джон Уотсон, — а вреда никому никакого не приносит: в крайнем случае знающий оптик может все исправить.

Этот человек нравился Артуру и Фенчерч. Он был искренним и обаятельным и умел посмеяться над собой, не дожидаясь, чтобы это сделали другие.

— Вашажена, — сказал Артур, озираясь по сторонам, — говорила о каких-то зубочистках.

Вид у Артура был затравленный, как будто он беспокоился, что миссис Уотсон вдруг выпрыгнет из-за двери и опять скажет про зубочистки.

Медведь Здравоумный засмеялся. То был веселый, непринужденный смех, привычный его хозяину, как какие-нибудь разношенные домашние тапочки.

— Ах да, — сказал он, — это связано с днем, когда я понял, что мир окончательно свихнулся. Тогда-то я и построил Психушку, чтобы заключить в нее этот бедный мир в надежде, что он поправится.

На этом месте Артур снова слегка заволновался.

— Здесь мы находимся за пределами Психуш-

ки, — сказал Медведь Здравоумный. Он опять указал на кирпичные стены и кровельные желоба. — Пройдите в эту дверь… — он повернулся в сторону первой двери, через которую вошли Артур и Фенчерч, — … и вы окажетесь в Психушке. Я постарался украсить ее, чтобы больные не грустили, но, в сущности, предпринять почти ничего нельзя. Я сам теперь никогда туда не вхожу. Если мне хочется туда пойти, а это бывает редко, я просто смотрю на висящую на двери дощечку и ухожу.

— На эту дощечку? — с некоторым недоумением спросила Фенчерч, показывая на голубую пластинку с какими-то инструкциями.

— Да. Эти слова вообще-то и сделали меня отшельником. Я стал таким, каков я сейчас. Озарение пришло совершенно внезапно. Я увидел их и понял, что я должен делать.

На пластинке было написано:

«Держите зубочистку ближе к середине. Смочите заостренный конец слюной. Вставьте между зубами, тупой конец держите рядом с десной. Остатки пищи вынимайте нежными движениями внутрь и наружу».

— Я решил, — продолжал Медведь Здравоумный, — что если эта цивилизация настолько

нелепа, что нуждается в подробной инструкции к зубочисткам, то я не могу жить в ее рамках и оставаться нормальным.

Он опять уставился на Тихий океан, словно вызывая его на бой, но океан, мирно раскинувшись под солнцем, играл с птицей-перевозчиком.

— И если вам интересно знать, а мне кажется, что интересно, я совершенно нормален. Поэтому я и называю себя Медведем Здравоумным, чтобы люди не сомневались. Медведем меня в детстве звала мама, потому что я был неуклюжий и все опрокидывал, а здравоумный я на самом деле — потому что я нахожусь в здравом уме и не собираюсь меняться, — прибавил он с той самой улыбкой, от которой собеседник внезапно чувствовал, что все будет хорошо. — Может, пойдем на пляж и побеседуем?

Они пошли на пляж, и там Медведь Здравоумный заговорил об ангелах с золотыми бородками, зелеными крылышками и в сандалиях от «Доктора Шолля».

— О дельфинах… — мягко, с надеждой в голосе проговорила Фенчерч.

— Я могу показать вам сандалии, — сказал Медведь Здравоумный.

— Интересно, вы знаете…

— Хотите, я покажу вам сандалии? — спросил Медведь Здравоумный. — Они у меня есть. Пойду принесу их. Их производит компания «Доктор Шолль», и ангелы говорят, что эта обувь больше всего подходит для той местности, в которой они работают. Они говорят, что держат концессионный киоск в соответствии с посланием. Когда я говорю: «Я не знаю, что это такое», — они отвечают: «Конечно, не знаете» — и смеются. Ну, я все-таки принесу сандалии.

Он ушел внутрь или наружу — в зависимости от того, как на это смотреть, а Артур и Фенчерч удивленно и немного разочарованно переглянулись, потом пожали плечами и лениво стали рисовать фигурки на песке.

— Как сегодня твои ножки? — тихо спросил Артур.

— Хорошо. На песке у меня нет таких странных ощущений. И в воде тоже. Вода их прекрасно обволакивает. Думаю, это не наша планета.

Фенчерч пожала плечами.

— Как ты думаешь, что он имел в виду под посланием? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Артур, хотя его постоянно изводило воспоминание о человеке по имени Прак, который все время поднимал его на смех.

Медведь вернулся, неся в руках предмет, сильно поразивший Артура. Я имею в виду не сандалии — ангельские сандалии оказались обыкновенными босоножками на деревянной подошве.

— Я думал, вы хотите посмотреть, какую обувь носят ангелы, — сказал Медведь Здравоумный. — Просто из любопытства. Между прочим, я ничего не пытаюсь доказать. Я ученый и знаю, что такое доказательства. Но я называю себя детским прозвищем, чтобы напомнить себе, что ученый должен уподобиться ребенку. Если он что-то видит, он должен честно в этом признаться, независимо от того, ожидал он это увидеть или нет. Сначала наблюдение, затем анализ и, наконец, испытание. Но наблюдение — прежде всего. Иначе вы будете замечать лишь то, что ожидаете увидеть. Большинство ученых забывают это правило. Позже я покажу вам нечто для подтверждения своих слов. Итак, вторая причина, по которой я называю себя Медведь Здравоумный, заключается в том, что меня считают дураком. Это позволяет мне, когда я что-то вижу, честно говорить, что именно я вижу. Ученому нельзя обижаться на то, что его считают дураком. Так или иначе, я думал, что вам интересно на это посмотреть.

«Это» и был предмет, так поразивший Артура, потому что Медведь Здравоумный держал в руках удивительный серебристо-серый стеклянный аквариум. Очевидно, он был точной копией того, что стоял у Артура в спальне.

Секунд тридцать остолбеневший Артур пытался сурово спросить: «Где вы это взяли?», — но язык его не слушался.

Наконец момент наступил, но Артур упустил его на тысячную долю секунды.

— Где вы это взяли? — сурово спросила Фенчерч.

Артур сурово повернулся к Фенчерч и остолбенело проговорил:

— Что? Ты раньше видела такой сосуд?

— Да, — ответила Фенчерч. — У меня такой есть. Или по крайней мере был. Рассел стащил его у меня, чтобы хранить в нем мячи для гольфа. Я не знаю, откуда взялся этот сосуд. Помню только, как рассердилась на Рассела, когда он его спер. А у тебя тоже есть?

— Да, он…

Артур и Фенчерч вдруг заметили, что Медведь Здравоумный резко переводит взгляд с одного из них на другого и обратно, остолбенело пытаясь вставить слово.

— У вас тоже есть такой? — спросил он их обоих.

— Да, — хором ответили они.

Медведь Здравоумный долго смотрел то на Артура, то на Фенчерч, а потом поднял аквариум вверх, подставляя его знойным лучам калифорнийского солнца.

На солнце сосуд запел, зазвенел от яркого света, отбросил на песок и на людей сияющую, радужную тень. Медведь Здравоумный повернул сосуд. И в искусно гравированном узоре явственно проступили слова: «Всего хорошего, и спасибо за рыбу!».

— Вы знаете, что это такое? — вполголоса спросил Медведь.

Изумленные Артур и Фенчерч медленно помотали головами. Игра ослепительного света и тени в сером стекле заворожила их души.

— Это прощальный подарок дельфинов, — глухо и спокойно произнес Медведь, — дельфинов, которых я любил, и изучал, и кормил рыбой и с которыми плавал и даже пытался выучить их язык. Эту задачу они сделали почти невыполнимой, хотя теперь я понимаю, что сами они могли с легкостью общаться на нашем языке, если считали это необходимым.

Медленно-медленно растягивая губы в улыбке, он покачал головой и еще раз взглянул на Фенчерч, а потом на Артура.

— А вы… — обратился Медведь Здравоумный к Артуру, — что вы сделали со своим? Можно мне узнать?

— Э-э, я держу в нем рыбку, — слегка смутившись, ответил Артур. — У меня оказалась рыбка, и я думал, что с ней делать, а тут как раз подвернулся этот аквариум.

Артур замолчал.

— Вы больше ничего с ним не делали? Нет, а то бы вы запомнили, — проговорил Медведь Здравоумный. И снова покачал головой. — Моя жена хранила в нашем зародышевые зерна пшеницы, — с совершенно новой интонацией продолжал Медведь, — до вчерашнего вечера…

— А что случилось вчера вечером? — спросил Артур срывающимся голосом.

— Зародышевые зерна кончились, — ровным голосом произнес Медведь. — Моя жена как раз уехала пополнить запасы, — добавил он.

И на миг словно бы ушел в себя.

— А что было потом? — срывающимся, совсем как у Артура, голосом спросила Фенчерч.

— Я вымыл его, — ответил Медведь. — Я мыл

его очень тщательно, очень-очень тщательно, стер все следы зародышей пшеницы, потом, мало-помалу внимательно поворачивая сосуд, медленно вытер его тканью из стопроцентного хлопка. Потом поднес к уху. Вы… вы подносили свой к уху?

Артур и Фенчерч опять помотали головами — медленно, не говоря ни слова.

— Возможно, вам стоит это сделать, — сказал Медведь Здравоумный.

Глава 32

Низкий рокот океана.

Шум волн, разбивающихся о те далекие берега, куда даже мысль не долетает.

Немые раскаты грома в морских пучинах.

И сквозь этот шум — взывающие голоса, то ли голоса, то ли так, переливчатые трели, не речь — речушка, полуозвученное журчание мыслей.

Приветствия, волны приветствий, прихлынут — и уносятся назад, в невнятицу, слова бьются о преграду и рассыпаются веерами брызг.

Прибой скорби у берегов Земли.

Волны радости — где? Планета, которую неописуемым образом обнаружили, на которую неописуемым образом попали, неописуемо влажная, песнь воды.

Затем множество голосов, шумно объясняющих, что несчастье неотвратимо, планете предначертано погибнуть от чужих рук, всплеск беспомощности, приступ отчаяния, смертельный обвал, и снова голоса бьются о преграду.

А потом проблеск надежды — в складках времени отыскана уцелевшая тень Земли, ушедшие под воду просторы, растяжение параллелей,

мощный рывок, энергетический вихрь, выброс и расщепление энергии, полет. Новая Земля встала на место старой, дельфины исчезли.

И тут странный, как гром с ясного неба, одинокий голос, произносящий совершенно отчетливо:

«Этот аквариум подарен вам активистами Кампании за спасение человечества. Прощайте».

И наконец звуковой след длинных, тяжелых, изящных серых тел — тихо посмеиваясь, удаляются они к неведомым, неизмеримым глубинам.

Глава 33

Ту ночь Артур и Фенчерч провели Снаружи Психушки, а телепередачи смотрели через окно — телевизор стоял Внутри.

— Я хотел бы, чтобы вы посмотрели на одного моего старого коллегу, — сказал Медведь Здравоумный, когда начался повтор выпуска новостей. — Он в командировке в вашей стране, проводит расследование. Просто посмотрите и послушайте.

То был репортаж с пресс-конференции.

«– К сожалению, в настоящее время я не могу высказать своего суждения по поводу прозвища Бог Дождя. С нашей точки зрения, он является образчиком СПМФ — Спонтанного Паракаузального Метеорологического Феномена.

— Вы можете объяснить, что это значит?

— Не вполне уверен в своих силах. Скажу прямо. Если мы обнаруживаем нечто нам непонятное, то предпочитаем давать подобным явлениям названия, которые либо нам самим непонятны, либо труднопроизносимы. То есть если мы позволим вам именовать его Богом Дождя, это будет означать, что вы знаете то, чего мы не знаем, а

такого, уж извините, мы допустить не можем.

Нет, сначала нам надо назвать это явление так, чтобы стало ясно, что оно наше, а не ваше; затем мы ищем разные способы доказать: «Это не то, чем вы его считаете, а то, чем мы его считаем».

И если выяснится, что вы правы, вы все равно будете неправы, потому что мы просто назовем его, э-э, «Сверхнормальным» — отнюдь не «паранормальным» или «сверхъестественным», ибо в значение этих слов вы уже проникли — а «Сверхнормальным инкрементным стимулятором осадков». Может, чтобы подстраховаться, еще куда-нибудь впихнем «квази». Бог Дождя! Ха, в жизни не слышал такой чепухи! Признаюсь честно: в отпуск я с этим парнем не поеду. Благодарю, на сегодня все. Напоследок хочу только сказать «Привет!» Медведю, если он сейчас смотрит телевизор».

Глава 34

Когда они возвращались назад самолетом, соседка Артура и Фенчерч по салону все время странно на них поглядывала.

Они тихо разговаривали между собой.

— Я так ничего и не выяснила, — сказала Фенчерч. — Я чувствую: ты что-то знаешь, а мне не говоришь.

Артур со вздохом вытащил из кармана клочок бумаги.

— У тебя есть карандаш? — спросил он.

Фенчерч, порывшись в карманах, нашла искомый предмет.

— Что ты делаешь, милый? — спросила она после того, как Артур минут двадцать с гаком морщил лоб, грыз карандаш, чертил какие-то каракули, что-то зачеркивал, опять писал, снова грыз карандаш и при этом недовольно, но тихо ворчал.

— Пытаюсь вспомнить один адрес.

— Твоя жизнь была бы куда легче, если б ты купил алфавитную записную книжку, — сказала Фенчерч.

Наконец Артур передал Фенчерч листок:

— Тебе на сохранение.

Фенчерч взглянула на листок. Среди каракулей и зачеркнутых каракулей выделялись слова: «Квентульско-Кважарные Горы. Северобэупстрия. Планета Прелюмтарн. Солнце Зарсс. Галакт. Сектор Кью-Кью-Семь-Дробь-Джи-Гамма».

— И что же там находится?

— Видимо, Финальное Послание Бога сотворенному им миру.

— Это уже что-то, — протянула Фенчерч. — А как мы туда доберемся?

— Ты действительно…

— Да, — твердо ответила Фенчерч, — я действительно хочу узнать это Послание.

Артур отвернулся к исцарапанному плексигласовому иллюминатору и уставился в пустоту небес.

— Извините, — вдруг сказала та самая женщина, которая весь рейс время от времени странно на них поглядывала, — надеюсь, вы не сочтете меня бестактной. Во время этих дальних перелетов такая скука, что просто перекинуться словечком — уже огромная радость. Меня зовут Энид Капельсен, я из Бостона. Скажите, вы часто летаете?

Глава 35

Они поехали домой к Артуру, в Уэст-Кантри, запихнули в сумку пару полотенец и другое барахло, потом сели и стали коротать время так, как это делают все вольные странники, путешествующие по Галактике автостопом.

Они стали ждать попутную летающую тарелку.

— Один мой приятель вот так вот прождал пятнадцать лет, — сказал Артур однажды вечером, когда они, по своему обыкновению, сидели и смотрели несчастными глазами в небо.

— Какой приятель?

— Его зовут Форд Префект.

Тут в голове Артура мелькнула мысль, которой он от себя никак не ожидал — учитывая все пережитое.

Ему вдруг захотелось узнать, где сейчас Форд Префект.

И по странному совпадению на следующий день в газете появились два сообщения: одно об удивительном происшествии с летающей тарелкой, а второе — о ряде непотребных дебошей в пивных.

А еще через день явился смурной с перепоя Форд Префект и стал жаловаться, что Артур хамски не подходит к телефону.

Вид у Форда был крайне больной. Он выглядел так, словно только что, пятясь задом, прополз под живой изгородью — в тот самый момент, когда живая изгородь, пятясь задом, уползала внутрь комбайна. Шаткой походкой войдя в гостиную Артура, Форд энергичным взмахом руки отверг всю предложенную помощь, что было с его стороны не совсем резонно — от этого широкого жеста он окончательно потерял равновесие, и Артуру пришлось эвакуировать его на диван.

— Спасибо, — сказал Форд, — большое спасибо. Ты представляешь... — прибавил он и заснул на три часа. — ... себе, — продолжил он, внезапно проснувшись, — как трудно дозвониться в Великобританию с Плеяд? Я вижу, что ты не представляешь, так я тебе расскажу за очень большой чашкой черного кофе, которую ты уже думаешь мне приготовить.

И, покачиваясь, он поплелся за Артуром на кухню.

— Дуры-телефонистки все спрашивали, откуда

я звоню. Я им отвечаю: «Из Летчуэрта[13]», а они: «Не может быть, не может быть, там же другой телефонный узел». Что ты делаешь?

— Варю тебе черный кофе.

— Ох!

Казалось, Форд был неизвестно чем разочарован. Он с потерянным видом оглядел помещение.

— Что это такое? — спросил он.

— Рисовые хлопья.

— А это?

— Паприка.

— Ясно, — мрачно сказал Форд и положил коробочки на место, одну на другую, но сооружение рухнуло. Тогда он положил их наоборот — верхнюю вниз, а нижнюю сверху, и фокус удался.

— Организм утомлен сверхдальним перелетом, — пояснил Форд. — О чем я говорил?

— О том, что ты звонил не из Летчуэрта.

— Да. Я этой даме так и сказал: «Хрен с ним, с Летчуэртом, говорю, если он вам не нравится. Я звоню с торгово-разведывательного судна, принадлежащего Кибернетической корпорации Сириуса, которое в настоящее время движется

---

[13] Примечания: 13

Город в Англии, в графстве Хартфордшир. — Примеч. пер.

со субсветовой скоростью от звезды к звезде; эти звезды известны на вашей планете, хотя не знаю, известны ли они вам, милая дама». Я назвал ее «милой дамой», — объяснил Форд Префект, — потому что не хотел, чтобы она приняла близко к сердцу мой намек. Ну, намек, что она невежественная идиотка…

— Тонко, — сказал Артур Дент.

— Вот именно, — сказал Форд, — тонко. — Он нахмурился.

— Сверхдальние перелеты очень плохо отражаются на придаточных предложениях, — проговорил Форд. — Тебе придется снова помочь мне и напомнить, о чем я говорил.

— «…от звезды к звезде, — процитировал Артур, — эти звезды известны на вашей планете, хотя не знаю, известны ли они вам, милая дама, под названиями…»

— Эпсилон и Зета Плеяд, — с победным видом закончил Форд. — Потрясающий разговор, да?

— Выпей кофейку.

— Спасибо, не хочу. «И вот почему я вас беспокою, — сказал я, — хотя мог бы звонить напрямую, поскольку, смею вас уверить, что здесь, в созвездии Плеяд, есть весьма сложное телекоммуникационное оборудование: дело в том, что

этот хренов пилот этого хренова корабля требует, чтобы я звонил за счет моего абонента. Как вам это нравится?»

— И как ей это понравилось?

— Не знаю. К тому времени она повесила трубку, — сказал Форд. — Вот так-то! Как ты думаешь, что я сделал потом? — свирепо спросил он.

— Не имею понятия, Форд, — ответил Артур.

— Жаль, — сказал Форд, — я надеялся, что ты мне напомнишь. Понимаешь, я тебе как на духу скажу — терпеть не могу этих типов. Они настоящие паразиты космоса, носятся по божьей бесконечности и всем навязывают свои дрянные машинки, а эти машинки никогда не работают, а если работают, то такое творят, что не понадобится ни одному здравомыслящему человеку. А главное, — добавил он, кровожадно скрипя зубами, — все время пищат: «Задание выполнено», дескать!

Это была чистая правда. Данная точка зрения вполне заслуживала уважения. Ее разделяли все трезвомыслящие люди — собственно, общественное мнение давно уже признавало трезвомыслящими только тех людей, которые придерживались данной точки зрения.

В минуты просветления — очень редкие, что

неудивительно при его нынешнем объеме в пять миллионов девятьсот семьдесят пять тысяч пятьсот девять страниц — «Путеводитель» отзывается о продукции Кибернетической корпорации Сириуса следующим образом: «Покупатель может не заметить совершенную бесполезность этих товаров, охваченный чувством гордости от того, что вообще заставил работать хоть одну из этих штуковин.

Иными словами — и это неизменный принцип, на котором основан всегалактический успех всей корпорации, — фундаментальные изъяны конструкции ее товаров камуфлируются их внешними изъянами».

— И этот тип, — напыщенно произнес Форд, — отправился в полет, чтобы продать еще несколько куч хлама! Командирован на пять лет с целью поиска и освоения новых, неизведанных планет, а также продажи новейших музпротезоматов для ресторанов, лифтов и шкафов со встроенными барами! А если на этих планетах еще нет ресторанов, лифтов и шкафов со встроенными барами, в его задачи входило искусственно ускорить развитие их цивилизаций, чтобы все эти чертовы блага побыстрее там появились! Где мой кофе?

— Я его вылил.

— Свари еще. Теперь я вспомнил, что я сделал потом. Я спас цивилизацию, и она развивается своим чередом. Или типа того — точно не помню.

Он решительно заковылял обратно в гостиную и продолжал там разговаривать сам с собой, спотыкаясь, опрокидывая мебель, а порой истошно попискивая: «Бип-бип!»

Через несколько минут Артур, отыскав среди всех выражений своего лица самое безмятежное, последовал за Фордом.

Форд был ошеломлен.

— Где ты был? — потребовал он отчета.

— Варил кофе, — все еще с самым безмятежным выражением лица ответил Артур.

Он уже давно понял, что благополучно пребывать в обществе Форда можно, лишь если иметь в запасе целый набор безмятежных выражений лица и все время переодевать их.

— Ты пропустил самое интересное место! — бушевал Форд. — Ты пропустил то место, когда я накинулся на этого типа! Сейчас, — проговорил он, — я накинусь на этого типа и вытрясу из него душу!

Он, как безумный, прыгнул на стул и сломал его.

— В прошлый раз получилось лучше, — угрюмо сказал Форд и вяло махнул рукой в сторону другого сломанного стула, который еще раньше аккуратно положил на обеденный стол.

— Понятно, — безмятежным взглядом окидывая сложенные обломки, сказал Артур, — а, э-э, зачем все эти кубики льда?

— Что? — заорал Форд. — Что? Это ты тоже пропустил? Это аппарат для поддержания жизни при низких температурах! Я этого типа в холодильник засунул. Другого выхода у меня не было, верно ведь?

— Возможно, — безмятежным голосом произнес Артур.

— Не трогай! — завопил Форд.

Артур как раз собирался поставить на место телефон, который по какой-то загадочной причине лежал на столе (трубка валялась рядом), но с безмятежным видом остановился.

— Хорошо, — успокаиваясь, сказал Форд, — теперь возьми трубку.

Артур приложил трубку к уху.

— Говорят время, — сказал он.

— Бил, бил, бип, — проговорил Форд, — вот что разносится по кораблю этого типа, в то время как он спит в холодильнике, а судно медленно обле-

тает малоизвестный спутник планеты Сезефрас Магна. Этому типу сообщают точное лондонское время.

— Понятно, — повторил Артур и решил, что настало время задать главный вопрос. — А зачем? — безмятежно спросил он.

— Если немного повезет, счет с телефонной станции разорит этих ублюдков, — ответил Форд.

Обливаясь потом, он бросился на диван.

— Все-таки эффектное прибытие, как ты думаешь? — промолвил он.

Глава 36

Летающая тарелка, на которой прибыл Форд Префект, потрясла мир.

На сей раз сомнений быть не могло — инопланетный корабль оказался самый что ни на есть настоящий. Не ошибка, не галлюцинация. Не чета всяким там дохлым цэрэушникам в бассейнах.

Теперь было кристально ясно — мы действительно не одни во Вселенной. Яснее некуда.

Тарелка приземлилась с удивительным пренебрежением ко всему, что находилось внизу, сокрушив целый район с самой дорогой недвижимостью в мире, включая универмаг «Харродз»[14].

Тарелка была огромная — говорят, почти полтора километра в диаметре, — тускло-серебристого цвета, израненная, опаленная и исцарапанная в жестоких космических битвах с врагами, происходивших в лучах неведомых человечеству солнц.

Открылся люк, с треском проутюжив продо-

---

[14] Примечания: 14

Один из самых дорогих и фешенебельных универсальных магазинов Лондона. — *Примеч. пер.*

вольственный отдел «Харродза», смяв «Харви Николз»[15] и опрокинув башню отеля «Шератон». Истошно взвыла истязаемая архитектура.

После долгого душераздирающего грохота и скрежета агонизирующих механизмов из люка вышел громадный серебристый робот в тридцать метров ростом.

Спустившись по трапу, он поднял руку.

— Я пришел с миром, — сказал он, наскрежетавшись вволю, — отведите меня к своему Ящеру.

Разумеется, Форд Префект мог все объяснить — что и сделал, пока они с Артуром смотрели по телевизору беспрерывные, совершенно безумные выпуски новостей. С экрана только и твердили, что о миллиардах фунтов, в которые оценивался причиненный ущерб, да о столь же непомерном количестве жертв — и так без конца, без начала, потому что робот стоял себе на том же месте и, слегка пошатываясь, верещал:

«Ошибка системы, ошибка системы…»

— Понимаешь, он прилетел из очень древнего демократического государства…

— В смысле — с планеты ящеров?

— Нет, — ответил Форд; за это время он нако-

---

[15] Примечания: 15

Название двух больших лондонских универмагов. — *Примеч. пер.*

нец-то позволил напоить себя кофе, что привело его рассудок в более или менее рабочее состояние, — все не так просто. Все не так примитивно. На этой планете народ — это люди. А правители — ящеры. Люди ненавидят ящеров, ящеры правят людьми.

— Похоже, я ослышался, — прервал его Артур, — ты вроде бы сказал, что у них демократия?

— Сказал, — подтвердил Форд. — Это и есть демократия.

— Тогда почему люди не избавятся от ящеров? — спросил Артур, хотя и боялся показаться круглым идиотом.

— Да просто в голову не приходит, — пояснил Форд. — У них есть право голоса, и они думают, что правительство, которое они избрали, более или менее отвечает их требованиям.

— Значит, они по доброй воле голосуют за ящеров?

— Ну да, — сказал Форд, пожав плечами, — естественно.

— Но, — начал Артур, вновь пытаясь взять быка за рога, — почему?

— Потому что, если они не будут голосовать за ящера, к власти может пролезть не тот ящер, — ответил Форд. — У тебя есть джин?

— Что?

— Я спрашиваю, джин у тебя есть? — с внезапной настойчивостью повторил Форд.

— Сейчас посмотрю. Расскажи мне поподробнее про ящеров.

Форд снова пожал плечами.

— Некоторые люди говорят, что власть ящеров — величайшее достижение в истории планеты, — сказал он. — Разумеется, эти люди неправы, в корне неправы, но сторонники таких мнений всегда находятся.

— Но это ужасно, — проговорил Артур.

— Слушай, приятель, — сказал Форд, — если бы каждый раз, когда одна точка во Вселенной, уставясь в другую точку, говорит: «Это ужасно!», мне платили по альтаирскому доллару, я бы не сидел здесь, как лимон в ожидании джина. Но мне не платят, и я сижу. А скажи-ка лучше, с чего это у тебя такая рожа безмятежная и глаза светятся? Влюбился, что ли?

Артур ответил утвердительно — причем с безмятежной рожей.

— И она знает, где стоит джин? Так, может, ты меня с ней познакомишь?

Случай для знакомства тут же представился — вошла Фенчерч с пачкой купленных в поселке

газет. Увидев на столе останки стула, а на диване — останки уроженца Бетельгейзе, она изумленно застыла в дверях.

— Где джин? — спросил Форд. И тут же повернулся к Артуру: — Кстати, что там с Триллиан?

— Э-э, это Фенчерч, — смущенно проговорил Артур. — С Триллиан ничего такого, ты наверняка с ней виделся позже меня.

— Ах да, — сказал Форд, — она куда-то укатила с Зафодом. У них вроде какие-то младенцы. По крайней мере, — добавил он задумчиво, — мне показалось, что это младенцы. Знаешь, Зафод здорово остепенился.

— Серьезно? — спросил Артур, суетясь вокруг Фенчерч и отбирая у нее покупки.

— Ага, — ответил Форд, — теперь как минимум одна из его голов иногда бывает разумнее удолбанной птицы эму.

— Артур, кто это? — спросила Фенчерч.

— Форд Префект, — ответил Артур. — Я, кажется, как-то упоминал о нем.

Глава 37

Три дня и три ночи гигантский серебристый робот, слегка покачиваясь, в крайнем изумлении стоял на развалинах Найтсбриджа[16] и пытался решить, что ему делать.

К нему на аудиенцию являлись правительственные делегации; орды журналистов умными голосами спрашивали друг у друга в прямом эфире, что о нем можно сказать; эскадрильи трогательных истребителей-бомбардировщиков пытались его атаковать, но вот ящеры почему-то не появлялись. Робот медленно крутил головой, пристально вглядываясь в горизонт.

Ночью он выглядел совершенно впечатляюще, подсвеченный прожекторами телевизионщиков, которые круглосуточно вели репортаж о том, что он круглосуточно делает — хотя он не делал ровным счетом ничего.

Он думал, думал, думал и в конце концов додумался.

Придется выслать на разведку роботов-помощ-

---

[16] Примечания: 16

Престижный район лондонского Вест-Энда, известен дорогими ювелирными и антикварными магазинами. — *Примеч. пер.*

ников.

Надо было бы подумать об этом раньше, но проблемы замучили.

И вот в один прекрасный день из люка вылетела с жутким лязгом грозная железная туча, состоящая из крохотных роботов. Они разлетелись по окрестностям и принялись как сумасшедшие бросаться на одни предметы и защищать другие.

Наконец один из них нашел зоомагазин с пресмыкающимися и тотчас начал столь рьяно защищать его во имя демократии, что от квартала практически ничего не осталось.

Перелом наступил, когда отборный отряд этих летучих визгунов обнаружил зоосад в Риджентс-парке, а точнее, его террариум.

Предыдущие ошибки в зоомагазине мало чему научили роботов, и летающие сверла и лобзики притащили к ногам серебристого исполина несколько игуан побольше и пожирнее, чтобы он вел с ними переговоры на высшем уровне.

В конце концов робот объявил всему миру, что, несмотря на всесторонний откровенный обмен мнениями по широкому кругу вопросов, переговоры на высшем уровне потерпели неудачу, ящеры удалились, а сам он где-нибудь несколько дней отдохнет. По ряду причин для этого был

избран Борнмут.

Наблюдавший за всем этим по телевизору Форд Префект кивнул, подавился смехом и опрокинул еще одну кружку пива.

Приготовления к отъезду начались немедленно.

Весь день и всю ночь летающие инструменты зудели, пилили, сверлили, паяли. А утром умопомрачительная гигантская платформа на колесиках, на которой стоял робот, покатилась на запад одновременно по нескольким шоссе.

Она двигалась неторопливо — этакая карнавальная повозка, сопровождаемая жужжащими роботами-слугами, вертолетами и фургонами службы новостей; она бороздила землю, пока наконец не прибыла в Борнмут, где робот медленно высвободился из объятий своего транспортного средства, отправился на пляж и пролежал там десять дней.

Сами понимаете, это было самое захватывающее событие за всю историю Борнмута.

Целыми днями люди толпились вдоль границы отгороженного охраняемого участка, который был выделен роботу для отдыха, и старались разглядеть, что он делает.

А он не делал ровным счетом ничего. Лежал на

пляже, вот и все. Ничком, неуклюже распростершись на песке.

И вот однажды поздно ночью местному журналисту удалось то, что доселе не удавалось ни одному человеку на свете, а именно: он имел короткий, но вразумительный разговор с охраняющим границу роботом-помощником.

Это был настоящий прорыв.

— Мне кажется, здесь есть сюжет, — доверительно сказал журналист, попыхивая сигаретой у сетчатого стального забора, — но не хватает местного колорита. Здесь небольшой список вопросов, — продолжал он, нервно роясь во внутреннем кармане куртки, — возможно, вы попросите его, как вы его там называете, чтобы он быстро просмотрел их.

Маленький буравчик с трещоткой ответил, что постарается, и улетел.

Ответа не последовало.

Однако любопытно, что вопросы на листе бумаги почти совпадали с вопросами, которые проносились по мощным электрическим цепям поврежденной в битвах памяти робота. Вот эти вопросы:

«Как вам нравится быть роботом?»

«Как вы себя чувствуете после прибытия из

космоса?» и «Как вам нравится Борнмут?»

Назавтра рано утром роботы-помощники начали грузить повозку, и через несколько дней стало очевидно, что огромный робот собирается улететь навсегда.

— Но сможете ли вы провести нас на борт? — спросила Фенчерч Форда.

Форд раздраженно взглянул на часы.

— Мне надо успеть сделать важное дело! — воскликнул он.

Глава 38

Толпы людей устремлялись к громадному серебристому звездолету, пытаясь подобраться к нему как можно ближе. Но это было сложно, так как непосредственные подступы, огороженные сеткой, охраняли крошечные летучие роботы-помощники. Вокруг кольцом выстроились солдаты, которые были бессильны прорвать цепь роботов, но страшно злились, когда кто-то из зрителей пытался прорвать их собственные ряды. Солдат, в свою очередь, окружал полицейский кордон, хотя оставалось неясным, кого тут полиция охраняет — зрителей от армии или армию от зрителей, а может, обеспечивает дипломатическую неприкосновенность корабля-великана, чтобы его не оштрафовали за стоянку в неположенном месте. Зеваки немало об этом спорили.

Потом роботы начали снимать внутреннее ограждение. Солдаты неуклюже зашевелились, не зная, как отнестись к тому, что охраняемый объект собирается тихо-мирно подняться в воздух и упорхнуть.

Гигантский робот вразвалку взобрался на борт звездолета в час дня, а теперь пошел уже шестой

час вечера, а его не было видно. Правда, было слышно: из глубин корабля доносился скрежет и грохот, целая симфония неполадок. Но чувство напряженного ожидания в толпе только нарастало — люди напряженно ждали разочарования. Этот необыкновенный, чудесный робот ворвался в их жизнь, а сейчас он улетит. Без них.

Два человека ощущали это сильнее всех. Артур и Фенчерч нервно вглядывались в толпу, но ни Форда Префекта, ни малейших следов его пребывания не обнаруживалось.

— Он надежный человек? — спросила Фенчерч срывающимся голосом.

— Он надежный человек? — повторил Артур. И делано рассмеялся. — Океан мелкий? — задал он риторический вопрос. — Солнце холодное?

На борт погрузили последние детали платформы. Несколько секций забора, сложенные у трапа, ждали своей очереди. Солдаты, стоявшие вокруг трапа, многозначительно посуровели. Медвежьи голоса вовсю отдавали разные приказы, проводились срочные совещания, но никто ничего не мог поделать.

Без всякой надежды, не имея четкого плана, Артур и Фенчерч проталкивались вперед сквозь толпу, но, поскольку толпа тоже пыталась про-

толкнуться вперед, у них ничего не получалось.

Еще несколько минут, и вокруг корабля ничего не осталось. Забор — и тот оказался на борту. Пара летающих лобзиков и ватерпас в последний раз облетели площадку и, поскрежетав на прощание, скрылись в огромном люке.

Прошло несколько секунд.

Звуки, свидетельствующие о неразберихе на корабле, сменились другими, и громадный стальной трап медленно, тяжело вылез из продовольственного отдела «Харродза» и пополз вверх. Все это сопровождалось воплем тысяч возбужденных, распаленных людей, на которых никто не обращал внимания.

— Погодите!

Это гаркнул мегафон из такси, которое, взвизгнув тормозами, остановилось рядом с взбудораженной толпой.

— Произошло крупное научное вторжение! — взревел мегафон. — Нет, достижение, — поправился он.

Дверь такси распахнулась, и из него выскочил человечек в белом пиджаке, уроженец окрестностей Бетельгейзе.

— Подождите! — опять крикнул он и стал размахивать коротенькой толстой черной палочкой

с лампочками.

Лампочки замигали, трап перестал подниматься, а затем послушный сигналам «Электронного пальца» (половина инженеров-электронщиков Галактики неустанно работает над новыми способами глушения этих сигналов, в то время как другая половина неустанно работает над новыми способами глушения глушилок) начал медленно опускаться на прежнее место.

Форд Префект схватил с сиденья такси мегафон и заорал толпе:

— Посторонитесь, пожалуйста, посторонитесь, это крупное научное достижение. Вы и вы, принесите из такси оборудование.

Ткнув пальцем в кого попало, он совершенно случайно попал в Артура и Фенчерч. Они протиснулись назад к Форду и засуетились около такси.

— Хорошо, попрошу вас расчистить проход для важного научного оборудования, — надрывался Форд. — Сохраняйте спокойствие. Тут не на что смотреть, все находится под контролем. Это просто крупное научное достижение. Сохраняйте спокойствие. Важное научное оборудование. Освободите проход.

Толпа, жаждущая нового зрелища, обрадованная, что прощание с надеждой переносится на

более поздний срок, с энтузиазмом подалась назад и начала расступаться.

Артура слегка удивили надписи на коробках с важным научным оборудованием.

— Заверни их в свой плащ, — прошептал он, передавая коробки Фенчерч.

И торопливо принялся вытаскивать из машины тележку, какими пользуются в универсамах. Со звоном она встала на землю. Артур с Фенчерч загрузили в тележку коробки.

— Освободите, пожалуйста, проход, — еще раз крикнул Форд. — Все находится под надлежащим научным контролем.

— Он сказал, что вы заплатите, — обратился к Артуру шофер.

Артур выудил из кармана несколько банкнот. Издали донесся вой полицейских сирен.

— Давайте шевелитесь, — взревел Форд, — тогда все останутся целы.

Артур и Фенчерч проталкивались к трапу, толкая по булыжной мостовой дребезжащую тележку. Толпа вновь смыкалась за ними.

— Все в порядке, — продолжал вопить Форд. — Не на что смотреть, все уже закончилось. А если честно, ничего и не было.

— Просим освободить дорогу, — загрохотал

сзади полицейский мегафон, — произошло ограбление, освободите дорогу.

— Достижение, — перекрикивая полицию, заорал Форд. — Произошло научное достижение!

— Полиция! Освободите дорогу!

— Научное оборудование! Освободите дорогу!

— Полиция! Пропустите!

— Музыка! — завопил Форд и, вытащив из карманов полдесятка плееров, бросил их в толпу.

Несколько секунд вызванной этим полной неразберихи позволили Артуру и Фенчерч подкатить тележку к трапу и поднять ее на первую ступеньку.

— Держитесь крепче, — тихо произнес Форд и отпустил кнопку «Электронного пальца».

Огромный трап, дрожа у них под ногами, малопомалу пополз вверх.

— Хорошо, ребятки, — сказал Форд, когда толпа начала расходиться, и они нетвердой походкой забрались по качающемуся трапу внутрь корабля, — кажется, мы пробились.

Глава 39

Артуру Денту окончательно осточертело просыпаться от звуков стрельбы.

Осторожно, опасаясь нарушить неглубокий сон Фенчерч, Артур выскользнул из ремонтного шлюза, который они приспособили под спальню, спустился по трапу и уныло поплелся по коридору.

В коридорах царил сумрак, от которого немедленно начиналась клаустрофобия. Светильники гнусно жужжали.

Но Артура тревожило совсем не это.

Он остановился и прижался к стене, потому что мимо по темному коридору с противным визгом пролетела электродрель, периодически звонко ударяясь о стены, точно очумевшая пчела.

Но Артура тревожили совсем не летучие дрели.

Он мрачно распахнул дверь отсека и вышел в коридор пошире — правда, такой же сумрачный. Из одного конца коридора валил едкий дым, так что Артур направился в противоположную сторону.

Подошел к монитору, заделанному в стену и

прикрытому листом прочного, но все-таки сильно поцарапанного плексигласа.

— Сделай, пожалуйста, потише, — попросил Артур Форда Префекта, сидевшего на корточках посреди отвратительного нагромождения пустых банок из-под пива и видеотехники, которую он изъял из витрины магазина на Тоттнем-Корт-роуд[17], предварительно запустив в эту витрину небольшим камешком.

— Ш-ш-ш! — зашипел Форд, не отрывая от экрана блестящих, безумных глаз. Он смотрел «Великолепную семерку».

— Чуточку потише, — настаивал Артур.

— Нет! — крикнул Форд. — Сейчас будет самое классное место! Послушай, я наконец-то во всем разобрался. Уровни напряжения! Строчная развертка! Наконец-то все ясно, а теперь давай смотри, а то прозеваешь!

Со вздохом на устах и звоном в голове Артур сел рядом с Фордом и стал смотреть «классное место». А также внимать гиканью и воплям Форда, всем этим «Давай-давай!», со всей безмятежностью, на какую был способен.

— Форд, — проговорил Артур, когда «Велико-

---

[17] Примечания: 17

Улица в центральной части Лондона, известная магазинами аудио– и видеоаппаратуры. — *Примеч. пер.*

лепная семерка» закончилась и Форд стал искать в куче кассет «Касабланку»[18], — как так получается, что…

— Это гениальный фильм, — сказал Форд. — За ним я вернулся на Землю. Ты можешь себе представить — я так и не посмотрел его целиком?! Всегда пропускал конец. Вечером, накануне того дня, когда приперлись вогоны, я посмотрел половину. Когда вогоны все взорвали, я подумал, что не судьба мне его увидеть. А что там все-таки случилось с Землей?

— Жизнь взяла свое, — ответил Артур и взял непочатую банку пива.

— А, опять, — сказал Форд, — я вообще-то так и думал. Я предпочитаю кино, — прибавил он, когда на экране замелькали огни бара Рика. — Как так получается, что…

— В смысле?

— Ты начал говорить и сказал: «Как так получается, что…»

— Как так получается, что Землю ты ругаешь на чем свет стоит, а сам… ладно, не важно, давай

---

[18] Примечания: 18

Знаменитый фильм М. Кертица с Х. Богартом и И. Бергман в главных ролях (США, 1943). Такая же классика военно-приключенческого жанра с элементами мелодрамы, как наши «Подвиг разведчика» и «Два бойца». Цитаты из фильма стали крылатыми. — *Примеч. ред.*

лучше смотреть кино.

— Вот именно, — согласился Форд.

Глава 40

Нам осталось досказать совсем немного.

За районом Галактики, который, пока не были открыты лежащие за ним Серовязные Вотчины Саксахины, звался Бескрайним Светопольем Фланукса, лежат Серовязные Вотчины Саксахины.

В Серовязных Вотчинах Саксахины находится звезда Зарсс, вокруг которой вращается планета Прелюмтарн. На этой планете есть страна Северборэупстрия. В эту-то страну и прибыли после утомительного путешествия Артур и Фенчерч.

Артур и Фенчерч добрались до Великой Рыжей Равнины, что упирается на юге в Квентульско-Кважарные Горы. Если верить предсмертным словам Прака, в этих горах, на одной из вершин, их ожидало начертанное тридцатифутовыми огненными буквами Финальное Послание Бога сотворенному им миру.

Если Артур правильно запомнил, Прак говорил, что на страже этих мест стоит Ладжестический Вантрамоллюс Лобба. Так оно и оказалось. Вантрамоллюс был малорослым человечком в странной шляпе. Он продал Артуру и Фенчерч билеты.

— Пожалуйста, держитесь левой стороны, — сказал он, — держитесь левой стороны, — повторил он и укатил вперед на детском самокате.

Артур и Фенчерч поняли, что они не первые, кто идет этим путем: тропинка, огибающая слева Великую Равнину, была проторена множеством ног, а на каждом шагу стояли киоски. В одном из них Артур и Фенчерч купили коробку помадки, которую сварили в печи, находящейся в горной пещере. Эту печь нагревали огненные буквы Финального Послания Бога сотворенному им миру. В другом киоске Артур и Фенчерч купили несколько видовых открыток. Послание было замазано краской — как пояснялось на обороте, «чтобы не испортить Большой Сюрприз!».

— Вы знаете содержание Послания? — спросили Артур и Фенчерч у маленькой сухонькой старушки киоскерши.

— О да, — весело пропищала она, — о да!

И помахала им рукой.

Примерно через каждые двадцать миль у тропы высились каменные дома с душевыми и туалетами, но идти было тяжело: высокое солнце палило Великую Рыжую Равнину так, что почва плавилась и таяла.

— Нельзя ли взять напрокат детский само-

кат? — спросил Артур в одном из больших киосков. — Такой, как у Ладжестического Вантра… Вантра… ну как бишь его?

— Самокаты не для верующих, — ответила миниатюрная дама — продавщица мороженого.

— Вот и хорошо, — сказала Фенчерч, — мы не очень верующие. Мы так просто, любопытные.

— Тогда сейчас же поворачивайте назад, — свирепо произнесла миниатюрная дама, а когда Артур и Фенчерч стали возражать, продала им две панамки с надписью «Финальное Послание» и фотографию, на которой они, тесно обнявшись, стояли на Великой Рыжей Равнине.

В тени киоска Артур и Фенчерч выпили по стакану газировки и вновь побрели, солнцем палимы.

— У нас кончается солнцезащитный крем, — объявила Фенчерч через несколько километров. — Ну как, пойдем до следующего киоска или вернемся к предыдущему? Он ближе, но придется делать двойной путь.

Они посмотрели вперед — на далекое черное пятнышко, мерцающее в солнечной дымке, а потом оглянулись назад. И решили идти вперед.

Тут они обнаружили, что не только не являются первопроходцами, но и сейчас не одиноки на

этом пути.

Впереди, спотыкаясь, прихрамывая, пригибаясь к земле, черепашьим шагом тащилась неуклюжая, приземистая фигура.

Существо двигалось так медленно, что скоро Артур и Фенчерч догнали его. Тело у него было металлическое — все искореженное, в царапинах и вмятинах.

Когда Артур и Фенчерч приблизились, существо тяжело вздохнуло и осело в горячую, сухую пыль.

— Столько лет, — стонало существо, — ох, сколько же лет. И сколько боли, сколько боли. И сколько времени длится эта боль, ох, сколько же времени. Что-то одно я бы выдержал — либо интенсивность боли, либо ее долготу. Но то и другое вместе — это уже чересчур. А, привет, опять вы на моем пути.

— Марвин? — вымолвил Артур, присев на корточки рядом с роботом. — Это ты?

— Да, вы всегда были мастером задавать архиинтеллектуальные вопросы, — простонал престарелый робот.

— Что это за штука? — тревожно прошептала Фенчерч, усевшись рядом с Артуром и схватив его за руку.

— Можно сказать, старый друг, — сказал Артур. — Я…

— Друг… — душераздирающе проскрипел робот. Слово осталось недосказанным, перейдя в скрежет, и изо рта Марвина посыпались хлопья ржавчины. — Вы должны меня извинить: я пытаюсь вспомнить, что значит это слово. Знаете, блоки памяти у меня уже не те, и каждое слово, которого я не слышу в течение нескольких миллионов лет, переносится в резервную память.

В помятой голове робота что-то слегка щелкнуло, как будто от умственного напряжения.

— Гм-м, — протянул он, — какое странное понятие.

Он еще немного подумал.

— Нет, — наконец сказал он, — никогда не встречал ничего подобного. К сожалению, ничего не могу поделать.

Марвин трогательно почесал пыльное колено и попытался повернуться, опираясь на изуродованные локти.

— Возможно, вы хотите, чтобы я сослужил вам последнюю службу, — с глухим скрежетом проговорил Марвин. — Может, поднять бумажку? Или вы хотите, чтобы я открыл дверь? — продолжал он.

Голова Марвина со скрежетом повернулась на ржавой шее. Он сделал вид, будто изучает далекий горизонт.

— В настоящее время поблизости, кажется, нет никаких дверей, — заметил он, — но бьюсь об заклад, если подождать достаточно долго, хоть одну дверь поставят. И тогда… — медленно прошамкал он, поворачивая голову обратно, чтобы видеть Артура, — я смогу ее для вас открыть. Вы же знаете, мне ждать не привыкать.

— Артур, — сурово прошептала ему в самое ухо Фенчерч, — ты мне никогда о нем не рассказывал. Что ты сделал этому несчастному существу?

— Ничего, — грустно сказал Артур, — он всегда такой…

— Ха! — буркнул Марвин. — Ха! — повторил он. — Что вы знаете о понятии «всегда»? Вы говорите слово «всегда» мне — это мне-то, тому, кто, выполняя дурацкие поручения всяких там представителей органической жизни, постоянно путешествует во времени. В результате этого я ныне в тридцать семь раз старше Вселенной. Выбирайте слова хоть с мало-мальским уважением… — он кашлянул, — … и тактом. — Дребезжа, он откашлялся и продолжал: — Бросьте меня, идите вперед и бросьте меня страдать на этой до-

роге. Мое время наконец-то почти истекло. Путь пройден. Я надеюсь, — проговорил он, вяло грозя им сломанным пальцем, — прийти к финишу последним. Со стороны судьбы это будет только справедливо. Вот я, мозг масштабов…

Несмотря на вялые протесты и ругань Марвина, Артур и Фенчерч подняли его с земли. Металл так раскалился, что они чуть не обожгли пальцы, но робот оказался удивительно легким. Он безвольно повис у них на руках.

Неся Марвина, Артур и Фенчерч зашагали дальше по тропе, что огибает слева Великую Рыжую Равнину и приводит к полукружию Квентульско-Кважарных Гор.

Артур пытался объясниться с Фенчерч из-за Марвина, но робот не давал ему рта раскрыть, то и дело испуская горестные кибернетические стенания.

Артур и Фенчерч хотели было купить в одном из киосков запчасти и успокоительное масло, но Марвин все это отверг.

— Я и так весь из запасных частей, — ныл он.

— Оставьте меня в покое, — скулил он.

— Каждую часть мне меняли раз пятьдесят, — сокрушался он, — кроме… — На миг у него, казалось, наступило просветление. Напрягая па-

мять, он замотал головой. — Вы помните, как вы со мной познакомились? — наконец спросил он Артура. — Я получил тогда задание на развитие интеллекта — проводить вас в рубку. Я вам сказал, что у меня ужасно ноют все диоды в левом боку. И я просил их заменить, но никто так и не соблаговолил.

Он надолго затих. Артур и Фенчерч тащили его за руки и за ноги под палящим солнцем, которое едва двигалось по небу, не говоря уже о том, чтобы клониться к горизонту.

— Посмотрим, сможете ли вы угадать, какие части мне никогда не меняли, — сказал Марвин, посчитав, что тишина становится тягостной. — Давайте, дерзните. Ой, — прибавил он, — ой-ой-ой-ой-ой!

Наконец они подошли к последнему киоску, положили Марвина на землю и устроились на отдых в тени. Фенчерч купила Расселу запонки — запонки с маленькими блестящими камешками, которые собирают в Квентульско-Кважарных Горах прямо под огненными буквами, составляющими Финальное Послание Бога сотворенному им миру.

Артур просмотрел стоящие на маленькой полке тоненькие брошюрки с философскими толкова-

ниями смысла Послания.

— Готова? — спросил он Фенчерч, и она кивнула.

Они подняли Марвина.

Они обошли вокруг Квентульско-Кважарных Гор и увидели огненные буквы Послания. На вершине огромного утеса, что тянулся к небесам прямо напротив стены с Посланием, помещалась небольшая смотровая площадка с хорошим обзором. К ней вела железнодорожная колея. На площадке стоял маленький телескоп, в который за плату можно было увидеть буквы во всех деталях, но никто им не пользовался, потому что буквы пылали божественно-ярко и при детальном рассмотрении могли серьезно повредить сетчатку и зрительный нерв.

Артур и Фенчерч в изумлении взирали на Финальное Послание Бога. Их души медленно наполнялись невыразимым ощущением покоя и полного, окончательного просветления.

Фенчерч вздохнула.

— Да, — сказала она, — это оно.

Они созерцали Послание минут десять. И вдруг сообразили, что Марвин, которого они держали за руки и за ноги, чем-то недоволен. Робот не мог поднять голову и прочитать Послание. Они

помогли ему, но он стал жаловаться, что его зрительные контуры почти вышли из строя.

Артур и Фенчерч нашли монетку и поднесли Марвина к телескопу. Он стонал и оскорблял их, но они помогли ему увидеть все буквы одну за другой. Первая буква была «П», вторая «Р», затем «О», «С», «И», «М». Дальше шел пропуск. За ним следовала буква «И», затем «З», потом «В» и «И».

Марвин передохнул.

Через несколько минут они продолжили, и он увидел: «Н», «И», «Т», «Ь».

Следующие два слова были «НАС» и «ЗА». Последнее слово было длинное, и, прежде чем приступить к нему, Марвину надо было снова отдохнуть.

Оно начиналось с «Б», затем «Е» и «С». Следом шли «П» и «О», а дальше «К» и опять «О».

После еще одного перерыва Марвин собрался с силами для последнего броска.

Он прочитал «И», «С», «Т», «В» и, наконец, заключительное «О». И, обмякнув, повис на руках Артура и Фенчерч.

— Кажется, мне это нравится, — задребезжал голос из ржавой грудной клетки.

Лампочки в его глазах потухли — на сей раз навсегда.

К счастью, поблизости стояла палатка, где парни с зелеными крылышками давали напрокат детские самокаты.

Эпилог

Одним из величайших благодетелей всего живого на свете был человек, у которого никогда не получалось сосредоточиться на деле, которым он в данный момент занимался.

Блестящий ум?

Конечно.

Один из самых выдающихся инженеров-генетиков своего и всех остальных поколений, включая те, чьи генетические коды он самолично разработал?

Несомненно.

Вся беда была в том, что он слишком интересовался тем, чем интересоваться не следует. То есть, может, и следует — увещевали его, — но только сейчас для этого совсем не время.

Да и нрав у него был крутой — отчасти из-за того, что ему вечно указывали на несвоевременность его интересов.

Итак, когда его планете стали угрожать ужасные пришельцы с далекой звезды, которые находились еще на большом расстоянии, но быстро приближались, правители народа посадили его, Бларта Верзенвальда III (именем «Бларт

Верзенвальд III» он был обязан… — к существу вопроса это не имеет отношения, но история интересная, потому что… ну, ладно, такое, значит, у него было имя, а интересную историю этого имени мы расскажем попозже), в общем, ему, Бларту Верзенвальду III, дали наказ: «Сосредоточься!» — и посадили его под домашний арест с поручением как можно скорее вывести породу супервоинов-фанатиков, чтобы те оказали достойный отпор грозным захватчикам.

И вот он сидел у окна и смотрел на летнюю лужайку и работал, и работал, и работал, но неизбежно чуточку отвлекался и, к тому времени как захватчики находились уже почти на орбите, вывел замечательную породу супермух, которые могли без посторонней помощи сообразить, каким образом вылететь в открытую половину полуоткрытого окна, а также изобрел детскую компьютерную игру. Торжества по поводу этих выдающихся достижений обещали быть недолгими, так как беда надвигалась и вражеские корабли уже садились на планету. Но к всеобщему удивлению, грозные захватчики, которые, подобно большинству воинственных народов, воевали лишь потому, что не могли справиться с делами у себя дома, были до глубины души пора-

жены гениальными открытиями Верзенвальда и, присоединившись к всеобщим поздравлениям, тотчас же изъявили готовность подписать ряд широкомасштабных торговых соглашений и учредить программу культурных обменов. И в поразительном противоречии с известными из опыта Галактики последствиями такого рода заявлений обе заинтересованные стороны жили с тех пор долго и счастливо.

У этой истории явно была какая-то мораль, но, увы, — летописец ее запамятовал.

В основном безвредна[19]

Приношу глубокую благодарность Сью Фристоун и Майку Байуотеру за помощь, поддержку и конструктивную брань.

Всякое случается на свете.

И все, что случается, случается.

И все случайности, которые, случившись, становятся причиной других случайностей, становятся причиной других случайностей.

И все случайности, которые, раз случившись, повторяются вновь и вновь, сами себе причина и следствие, повторяются вновь и вновь – сами себе причина и следствие.

Причем совершенно необязательно, чтобы причины и следствия шли друг за другом в хронологическом порядке.

Посвящается Рону

---

[19] Примечания: 19
Mostly Harmless
© Перевод. Н. К. Кудряшов, С. В. Силакова, 1997

Глава 1

История Галактики слегка запутана по целому ряду причин: отчасти потому, что слегка запутались те, кто пытается ее изучать, отчасти потому, что в ней и так полным-полно путаницы.

Взять хотя бы проблему скорости света и сложности, связанные с попытками ее достичь. Даже не пытайтесь. Никто и ничто не способно перемещаться быстрее скорости света за возможным исключением дурных вестей — они, как известно, подчиняются собственным законам. Хингифрильцы с Малой Аркинтуфли пробовали строить звездолеты, приводившиеся в движение дурными вестями, но те оказались не слишком-то надежными. К тому же куда бы они ни прилетали, их принимали так плохо, что отпадало всякое желание лететь куда бы то ни было.

Поэтому населяющие Галактику расы по большей части варились в собственных, узкоместных запутанных проблемах, так что довольно долгое время история Галактики носила преимущественно космологический характер.

Нельзя сказать, чтобы люди не старались это изменить. Еще как старались. Посылали целые

флотилии звездолетов воевать или торговать в самые дальние концы Галактики. Однако чтобы добраться хотя бы до ближайшего «куда угодно», обыкновенно требовались тысячи лет. К моменту когда посланные корабли прибывали к месту назначения, кто-то, как правило, уже успевал изобрести новые способы межзвездного сообщения через гиперпространство, поэтому о битвах, на которые посылали флотилии субсветовых кораблей, позаботились веками раньше, чем эти флотилии прибыли на место.

Что, разумеется, не уменьшало у посланных на битву желания побиться на славу. Их, можно сказать, готовили на бой, вооружили, они провалялись в анабиозных ваннах незнамо сколько тысяч лет, пролетели пол-Галактики, чтобы побиться на славу, и — Зарквон свидетель! — не имели намерения отступать от своих планов.

С того-то и началась первая крупная путаница в истории Галактики: все новые и новые битвы вспыхивали столетия спустя после того, как служившие их поводом конфликты успешно разрешились мирным путем. И все же эта путаница — пустяк по сравнению с той, с которой историки столкнулись после изобретения машины времени — благодаря ей битвы стали происходить за

сотни лет до того, как разразились служившие их поводом конфликты. Когда же изобрели невероятностную тягу и целые планеты неожиданно для всех начали превращаться в банановые торты на постном масле, весь исторический факультет Максимегалонского университета окончательно сдался, самораспустился и передал все свои здания стремительно растущему объединенному факультету богословия и водного поло, который зарился на них уже много лет.

Что, конечно, очень мило, но — увы и ах! — означает, что никто и никогда так и не узнает точно, ни откуда именно прилетели грибулонцы, ни что, собственно, им было нужно. А жаль, ибо, если бы хоть кто-нибудь знал бы про них хоть что-нибудь, вполне возможно, самая грандиозная из всех грандиозных катастроф была бы предотвращена или по крайней мере разразилась как-нибудь иначе.

Тик-так, ж-ж-ж.

Огромный серый грибулонский разведывательный корабль тихо плыл сквозь черную пустоту (а может, пустую черноту?). Он несся с невероятной, захватывающей дух скоростью, и все же на фоне биллионов далеких-далеких звезд казалось, будто он не движется вовсе. Так, темная

крапинка, примерзшая к бархатной подкладке бриллиантовой ночи.

На борту корабля все шло так, как было тысячелетиями. Тишь-гладь-темень.

Тик-так, ж-ж-ж.

Ну-у-у, редкие исключения не в счет.

Тик-тик-так, ж-ж-ж.

Тик-ж-ж-так-ж-ж-тик-ж-ж.

Тик-тик-тик-тик-так-ж-ж.

Хм-м-м.

В недрах полудремлющего мозга простейшая контрольная программа разбудила контрольную программу следующего по высоте уровня и донесла, что на каждое свое «тик-так» теперь получает в ответ только какое-то «ж-ж-ж».

Контрольная программа более высокого уровня спросила, каков должный ответ на тиктаканье, на что простейшая контрольная программа ответила, что не помнит точно, но вроде, когда все в порядке, должен поступать такой далекий вздох облегчения. А тут непонятное жжиканье. Ты ему и «тик», и «так», а оно «ж-ж-ж», и больше ничегошеньки.

Контрольная программа более высокого уровня обдумала новость и решила, что она ей не нравится. Она спросила у простейшей контрольной

программы, что, собственно, та контролирует, на что простейшая контрольная программа призналась, что этого тоже не помнит — помнит только, что то, что раз, скажем, в десять лет должно было тикать и вздыхать, обыкновенно тикало-вздыхало без проблем. Еще простейшая контрольная программа сказала, что пыталась заглянуть в список возможных неисправностей, но не смогла его найти, по каковой причине и решилась побеспокоить программу более высокого уровня.

Контрольная программа более высокого уровня поискала свой справочный блок с целью узнать, что там должна контролировать простейшая контрольная программа.

Справочного блока она не нашла.

Странно.

Программа поискала еще. Все, что ей удалось найти, — это сообщение «Системная ошибка». Она попыталась узнать, что это за ошибка, в списке возможных неисправностей своего уровня, но не нашла и его. На все эти поиски ушло не больше двух наносекунд. После этого контрольная программа более высокого уровня разбудила контрольную программу сектора электронного мозга.

Контрольная программа сектора электронно-

го мозга мгновенно столкнулась с серьезными проблемами. Она вызвала свой анализатор неисправностей, который также столкнулся с серьезными проблемами. В миллионные доли секунды по всему кораблю системы, одни из которых дремали много лет, другие — много столетий, проснулись и лихорадочно принялись выяснять обстановку. Где-то произошло что-то ужасно неприятное, но ни одна из контрольных программ не могла сказать, что именно. На каждом уровне куда-то делись жизненно важные инструкции, а также инструкции того, что делать, если жизненно важные инструкции куда-то денутся.

Маленькие информационные блоки — агенты — сновали по логическим цепям, группировались, советовались друг с другом и перегруппировывались. Довольно быстро они установили, что от корабельной памяти — вплоть до центрального операционного блока — остались рожки да ножки, а посему не было никакой возможности выяснить, что же именно случилось. Похоже, был поврежден даже центральный операционный блок.

Это значительно упрощало решение проблемы. Сменить центральный операционный блок, и

дело с концом. В резерве имелся еще один, точная копия основного. Правда, заменить его надо было физически, ибо по соображениям безопасности основной и резервный блоки не связывались ничем. Стоит установить резервный блок, как он проследит за восстановлением поврежденных мест остальной части электронного мозга, и все будет в порядке.

Для того чтобы забрать резервный блок из бронированного сейфа, где он хранился, и установить на место демонтированного основного блока, была послана бригада ремонтных роботов.

Но прежде потребовался долгий обмен паролями, аварийными кодами и протоколами, в результате которого роботы наконец удостоверились в полномочности отдававших приказ агентов. Роботы отперли сейф, вынули резервный операционный блок, выпали вместе с ним из корабля и, кувыркаясь, исчезли в космической бездне.

Только теперь стало относительно ясно, какого рода эта неисправность.

Дальнейшее обследование окончательно установило, что случилось. Какой-то шальной метеорит проделал в корабле изрядную дыру. А

мозг корабля этого не заметил, поскольку метеорит аккуратненько уничтожил те самые датчики и системы, которые были призваны диагностировать столкновения метеоритов с кораблем.

Первым делом необходимо было попытаться заделать отверстие. Что оказалось невозможно: корабельные датчики не замечали существования дыры, а контрольные системы, призванные выявлять неисправности датчиков, сами оказались неисправны и показывали, что датчики в порядке. Корабль мог сделать вывод о наличии дыры только на основании того неоспоримого факта, что это через нее роботы, очевидно, выпали в космос, причем вместе с запасным центральным блоком, который один только и мог бы заметить существование дыры.

Корабль попытался подойти к делу вдумчиво. Это ему не удалось, и он на некоторое время потерял сознание. Разумеется, он не понял, что потерял сознание — обморок дело такое… Он просто удивился, увидев, как звезды подпрыгнули. После третьего их прыжка-скачка корабль сообразил наконец, что у него был обморок и что пора принимать серьезные решения.

Корабль немного расслабился.

Потом сообразил, что до сих пор не принял се-

рьезных решений, и ударился в панику. И вновь ненадолго потерял сознание. Снова придя в себя, на всякий случай задраил все переборки вокруг того места, где могла находиться невидимая дыра.

По всей очевидности, корабль еще не достиг места своего назначения, но вот о том, что это за место и как его найти, у него не было ни малейшего представления. Он покопался в обрывках памяти разбитого центрального блока.

«Ваш!!!!!!!!!!!!! летний полет направлен на!!!!!!!!!!!!

операционный блок корабельного мозга, так что теперь и сами члены экипажа не знали, кто они и что здесь делают. Вот так-то…

Перед тем как последний раз лишиться чувств, корабль сообразил, что его двигатели, кажется, тоже недолго протянут.

Корабль и его выведенная из анабиоза, весьма растерянная команда продолжили полет под управлением исполнительных систем, которые только и могли, что высматривать первую попавшуюся планету для посадки и наблюдать за всем, за чем можно наблюдать.

Первую часть этой задачи — посадку — они выполнили не самым лучшим образом. Планета, которую они нашли, оказалась до невозможности холодной и заброшенной, такой удаленной от своего солнца, что потребовались все эк-эко-форматоры, все системы ЖИО (жизни и обеспечения), которыми они располагали, чтобы сделать ее или хотя бы небольшой ее участок пригодной для обитания. Поблизости находились и куда более приемлемые планеты, но корабельный кибер-нуль-штурман, по-видимому, зависший в режиме «Западня», выбрал самую удаленную от солнца и не приспособленную для жизни планету, а отменить его решение мог только

старший штурман. Поскольку же все на борту лишились памяти, никто не знал, кто же из них старший штурман. Впрочем, даже если бы его в конце концов и нашли, он все равно не смог бы вспомнить, как он может отменить решение кибер-нуль-штурмана.

А вот в том, что касалось наблюдения, они, как выяснилось, напали на золотое дно.

Глава 2

Одной из самых интересных особенностей жизни является то, в каких местах она ухитряется существовать. Она теплится везде: от ядовитейших морей Сантрагинуса У, таких ядовитых, что обитающим в них рыбам совершенно безразлично, какой частью тела вперед плавать, и до огненных вихрей Фрастры, где (как утверждают) жизнь начинается от температуры в 40 000 градусов. Жизнь существует даже в заднем проходе крысы-пасюка. В общем, жизнь везде найдет, за что зацепиться.

Она существует даже в Нью-Йорке, хотя объяснить этот факт довольно трудно. Зимой температура здесь падает ниже узаконенного минимума. Вернее, падала бы, если бы кто-нибудь удосужился этот узаконенный минимум установить.

Летом город изжарен, как котлета. Одно дело быть той формой жизни, что, подобно фрастрийцам, находит самой комфортной температуру в интервале от 40 000 до 40 004, но совсем другое дело принадлежать к тому биологическому виду, который при прохождении своей планетой одной точки орбиты вынужден кутаться в шкуры

других биологических видов, чтобы потом, при прохождении планетой другой точки орбиты, обнаружить, что им и в собственной шкуре жарко.

Весну в Нью-Йорке положено хвалить, хотя непонятно за что. Любой — или почти любой — обитатель Нью-Йорка будет распространяться вам о прелестях весны, но если бы он сам понимал в этих прелестях хоть капельку, он бы знал по меньшей мере пять тысяч девятьсот восемьдесят три места, где весну можно провести куда приятнее, чем в Нью-Йорке. Причем все пять тысяч девятьсот восемьдесят три места расположены на той же самой широте.

И все же ничего нет хуже, чем нью-йоркская осень. Некоторые из существ, проживающих в заднем проходе у крысы-пасюка, могут не согласиться с этим утверждением, но большая часть существ, проживающих в заднем проходе у крысы-пасюка, склонна из принципа всем на свете противоречить, поэтому их мнением можно пренебречь. Осенью в Нью-Йорке воздух пахнет жареной козлятиной, и если уж вам пришлось дышать на нью-йоркской улице, самое лучшее, что вы можете сделать — это распахнуть ближайшее к вам окно и сунуть голову в дом.

Трисия Макмиллан любила Нью-Йорк. Это она

повторяла себе снова и снова. Верхний Вест-Сайд. Угу. Мидтаун. Грандиозные распродажи. Сохо. Ист-Виллидж. Шмотки. Книги. Жратва итальянская. Жратва японская. Что еще?

Кино. Да, пожалуй. Трисия как раз смотрела новый фильм Вуди Аллена, посвященный ужасам жизни невротика в Нью-Йорке. Он и раньше снял уже один или два фильма на ту же тему, так что Трисия даже заподозрила, что он собрался переехать из Нью-Йорка куда-нибудь еще — но, если верить слухам, он поклялся, что скорее перережет себе вены, чем разлучится с этим городом. Значит, решила она, этот фильм не последний.

Трисия любила Нью-Йорк, поскольку любовь к Нью-Йорку могла положительно повлиять на ее карьеру. Эта любовь сулила ей возможность прибарахлиться, неплохо питаться, а также ездить в неприветливых такси, ходить по заплатанным тротуарам, но главное — сделать новый шаг в карьере, которая здесь обещала стать чрезвычайно многообещающей. Трисия работала телеведущей, а, как известно, все крупнейшие телекомпании гнездятся в Нью-Йорке. До сих пор Трисия вела программы исключительно в Британии: местные новости, потом утренние новости и, наконец, первый вечерний выпуск новостей. Если не бояться

погрешить против норм языка, ее можно было бы назвать стремительно восходящей ведущей. Собственно, поскольку на телевидении с языка слетает и не такое, ее часто называли стремительно восходящей ведущей, и никому это слух не резало. Она обладала полным комплектом необходимых для успеха качеств: шикарными волосами, исключительным чувством меры в области губной помады, житейским умом и легким синдромом тайного омертвения души, который позволял ей ничего не принимать близко к сердцу. У каждого в жизни есть свой счастливый случай. И если уж ты ухитрился упустить ту возможность, которая была тебе важнее всего, дальше твоя жизнь идет на удивление гладко.

Трисия уже упустила одну возможность. Теперь мысль об этом уже не причиняла ей такой боли, как раньше. Видимо, часть ее души, способная испытывать боль, омертвела окончательно.

Эн-би-си требовалась новая ведущая. Мо Минетги уходила из программы «Штаты по утрам», так сказать, в декрет. Ей предлагали умопомрачительную сумму, чтобы она рожала в прямом эфире, но, неожиданно для всех, она отказалась, мотивируя это соображениями интимного характера и личного вкуса. Целые бригады юристов с

Эн-би-си прочесывали ее контракт от корки до корки в надежде найти зацепки, способные убедить Мо отказаться от своего решения, однако в конце концов сдались и неохотно отпустили ее на все четыре стороны. Для них это было тяжелым ударом, поскольку означало, что на все четыре стороны теперь могут отпустить и их самих.

Прошел слух, что в этом сезоне, возможно, будет спрос на британское произношение. Волосы, оттенок кожи и профессиональные данные должны соответствовать стандартам американского телевидения, зато здесь хватало обладателей британского произношения, благодаривших своих британских мамочек за свои «Оскары», распевавших на Бродвее и даже выступавших с аншлагом в более престижных залах и театрах. Британский выговор сквозил в шуточках в шоу Дэвида Леттермана и Джея Лено. Самих шуток никто не понимал, зато от произношения все обмирали. Возможно, мода на британское произношение укоренится… Британское произношение в программе «Штаты по утрам»… хм, а почему бы и нет?

Собственно, поэтому Трисия и оказалась в Нью-Йорке. За это она Нью-Йорк и любила.

Впрочем, эти мысли она держала при себе. В

противном случае телекомпания, в которой она работала на родине, вряд ли согласилась бы оплатить авиабилет и номер в отеле. Узнай они, что их сотрудница носится по Манхэттену, охотясь за окладом раз в десять выше ее нынешнего, они бы почти наверняка предложили ей заняться этим за свой счет. Однако она придумала благовидную идею программы, никому не раскрыла истинной цели поездки, и они раскошелились. Правда, место в самолете ей досталось в бизнес-классе, но ведь ее лицо было довольно известно. Достаточно было улыбнуться пару раз — и ее пересадили в первый. Еще несколько улыбок — и она получила неплохой номер в «Брентвуде», который и стал штабом ее кампании.

Одно дело знать о вакансии, и совсем другое — получить место. У нее были пара имен, пара телефонов, но ничего определенного она пока не добилась. «Ждите ответа», — твердили ей. Она зондировала почву, оставляла записки, но ответа на них еще не получила. С заданием собственной редакции она управилась за одно утро, но заветная работа на Эн-би-си так и оставалась манящей точкой на горизонте.

Вот черт.

Из кино она возвращалась в «Брентвуд» на

такси. Таксист не смог высадить ее у подъезда гостиницы, так как все место у тротуара занял огромный лимузин — ей пришлось обходить его кругом. Она с наслаждением ступила из зловонной, пахнущей жареной козлятиной атмосферы нью-йоркской улицы в благословенную прохладу вестибюля. Тонкая хлопчатобумажная блузка липла к коже, словно слой грязи, волосы казались купленным по дешевке париком. У стойки она задержалась спросить, не передавали ли ей что-нибудь, в глубине души заранее смиряясь с тем, что не передавали. Для нее лежала записка. Одна.

О…

Отлично.

Значит, сработало. Она и в кино-то ходила только затем, чтобы заставить телефон звонить. Просто сидеть в номере и ждать было нестерпимо.

Она колебалась, стоит ли распечатывать конверт прямо здесь. Тело под прилипшей одеждой невыносимо чесалось, и ей не терпелось сорвать с себя все и вытянуться на кровати в номере, где еще перед уходом она включила кондиционер на всю катушку. Больше всего на свете ей хотелось сейчас замерзнуть до гусиной кожи. Потом — под

горячий душ, потом — под холодный, потом поваляться на брошенном на кровать полотенце, высыхая под кондиционером. Потом прочесть письмо. И может, еще разок продрогнуть до гусиной кожи. И еще что-нибудь учудить.

Нет. Больше всего на свете ей хотелось сейчас получить работу на американском телевидении с окладом, в десять раз превосходящим ее нынешний. Больше всего на свете. На этом свете, в смысле на планете Земля. То, чего ей вообще-то хотелось больше всего, уже не актуально.

Она уселась в кресло под пальмой и распечатала маленький конверт с прозрачным целлофановым окошечком.

«Пожалуйста, позвоните, — было написано на листке. — Расстроена». И номер телефона. Подпись:

Гейл Эндрюс.

Гейл Эндрюс.

Этого имени она не ожидала. Оно застало ее врасплох. Имя было ей знакомо, хотя она не могла сразу вспомнить откуда. Может, это секретарша Энди Мартина? Референт Хиллари Бесс?

Мартин и Бесс — два человека с Эн-би-си, с которыми она пыталась связаться. И при чем здесь это «Расстроена»?

«Расстроена»?

Она была совершенно сбита с толку. Может, это Вуди Аллеи хочет связаться с ней под вымышленным именем? Номер начинался с 212. Значит, это кто-то из Нью-Йорка. Кто у них здесь расстроен? Впрочем, это несколько сужало круг возможных отправителей, разве нет?

Она вернулась к стойке администратора.

— У меня возникли проблемы с письмом, которое вы мне передали, — сказала она. — Кто-то, кого я не знаю, пытался дозвониться до меня, чтобы сказать, что она расстроена.

Администратор, нахмурившись, уставился на письмо.

— Вы знаете, кто это? — спросил он.

— Нет, — ответила Трисия.

— Гм, — произнес администратор. — Похоже, она чем-то расстроена.

— Да, — согласилась Трисия.

— Ба, тут вроде имя какое-то, — заметил администратор. — Гейл Эндрюс. Вы знаете кого-нибудь по имени Гейл Эндрюс?

— Нет, — ответила Трисия.

— А почему она расстроена?

— Не знаю, — ответила Трисия.

— А вы звонили ей? Тут и телефон записан.

— Нет, — сказала Трисия. — Вы только передали мне записку. Я хотела только уточнить, прежде чем звонить. Могу ли я поговорить с тем, кто отвечал на звонок?

— Гм-м-м, — произнес администратор, внимательно изучая записку. — Не думаю, чтобы у нас здесь был кто-то по имени Гейл Эндрюс.

— Нет, я понимаю, — возразила Трисия. — Я только…

— Гейл Эндрюс — это я.

Голос исходил откуда-то из-за спины Трисии. Она обернулась:

— Извините?

— Гейл Эндрюс — это я. Вы брали у меня интервью. Сегодня утром.

— О… о Боже, да, — произнесла Трисия в некотором смятении.

— Я оставила вам сообщение несколько часов назад. Вы не звонили, и я зашла. Мне не хотелось разминуться с вами.

— О нет. Конечно, — произнесла Трисия, пытаясь собраться с мыслями.

— Я об этом не знал, — заявил администратор, которому сроду не приходилось собираться с мыслями. — Так вы хотите, чтобы я за вас сейчас позвонил по этому телефону?

— Нет, все в порядке, спасибо, — сказала Трисия. — Я уже разобралась.

— Я могу позвонить в этот номер, если это вам поможет, — предложил администратор, еще раз уставившись в записку.

— Нет, спасибо, в этом нет никакой необходимости, — ответила Трисия. — Это мой номер. Эта записка адресована мне. Я думаю, мы с этим уже разобрались.

— Ну что ж, развлекайтесь на здоровье, — сказал администратор.

Трисии было не до развлечений. Она была занята.

И также ей было не до Гейл Эндрюс. Всегда, когда дело шло к приятельскому общению с христианскими душами, она испытывала сильное желание смыться. Христианскими душами ее коллеги с ТВ называли людей, у которых Трисия брала интервью, и частенько крестились при виде очередной входящей в студию жертвы, особенно если Трисия в тот момент очаровательно улыбалась во все тридцать два зуба.

Трисия обернулась и холодно улыбнулась, не зная, что ей делать.

Гейл Эндрюс была неплохо сохранившейся дамой лет сорока пяти. Ее одежда укладывалась

в рамки хорошего вкуса, хоть и тяготела к той рамке, что граничит с пышностью. Она была астрологом — довольно знаменитым и, если верить слухам, влиятельным. Говаривали, что она стояла за рядом решений, принятых президентом Гудзоном, начиная с того, какой йогурт и в какой день недели заказывать на завтрак, и кончая тем, стоит ли бомбить Дамаск.

Трисия обошлась с ней жестче, чем с кем-либо другим из христианских душ. И вовсе не из-за слухов насчет президента — бог с ней, с той давней историей. Тогда мисс Эндрюс категорически отрицала, что давала президенту какие-либо советы за исключением разве что советов личного, спиритуального или диетического характера («Ничего личного, только Дамаск!» — ржала наперебой «желтая пресса»).

Нет, Трисия разделала в своем интервью под орех всю астрологию в целом. Мисс Эндрюс оказалась не совсем готова к такому повороту беседы. С другой стороны, Трисия оказалась не совсем готова к матчу-реваншу, тем более в гостиничном вестибюле. Что делать?

— Если вам нужно подняться к себе на несколько минут, я могу подождать вас в баре, — сказала Гейл Эндрюс. — Но мне хотелось бы поговорить с

вами, а сегодня вечером я уезжаю.

Она казалась скорее чем-то озабоченной, а не удрученной или сердитой.

— О'кей — сдалась Трисия. — Дайте мне только десять минут.

Она поднялась в номер. Помимо всего прочего, она не слишком доверяла парню за стойкой администратора в таких сложных делах, как переданные по телефону послания. Поэтому ей хотелось убедиться, что под дверью не будет другой записки, ибо известно, что послания у администратора и записки под дверью не всегда совпадают друг с другом.

Записок под дверью не было.

Зато на телефоне горела лампочка вызова.

Она нажала на клавишу и связалась с гостиничным коммутатором.

— Вам тут звонил Гэри Эндрисс, — сообщила телефонистка.

— Да? — удивилась Трисия. Незнакомое имя. — И что он передал?

— Настроен, — сказала телефонистка.

— Что-что?

— Настроен. Так тут записано. Парень говорит, что настроен. Я так понимаю, он хочет, чтобы вы это знали. Телефон дать?

Пока та диктовала номер телефона, Трисия вдруг сообразила: ей передали искаженный вариант записки, которую она уже получила.

— Ладно, ладно, — перебила она. — Больше мне ничего не передавали?

— Какой номер?

Трисия не могла взять в толк, почему телефонистка спросила ее номер только сейчас, но тем не менее назвала его.

— Имя?

— Макмиллан. Трисия Макмиллан, — терпеливо продиктовала Трисия.

— Не мистер Макманус?

— Нет.

— Тогда вам больше ничего нет. — И раздались короткие гудки.

Трисия вздохнула и снова нажала на клавишу. На этот раз она сначала продиктовала свое имя и номер комнаты. Телефонистка ничем не выдала, что они только что разговаривали.

— Я собираюсь посидеть в баре, — объяснила Трисия. — В баре. Если мне будут звонить, пожалуйста, найдите меня там.

— Имя?

Трисия повторила все еще пару раз, до тех пор пока ей не показалось, что телефонистка все

уяснила настолько, насколько это вообще в силах телефонисток.

Она приняла душ, переоделась, с профессиональной скоростью подправила макияж и, бросив печальный взгляд на нетронутую постель, вышла из номера.

Ее так и подмывало вернуться и спрятаться под кровать.

Но нет. Это уже слишком.

В ожидании лифта она посмотрелась в висевшее в холле зеркало. Вид у нее был спокойный и уверенный. Если она может обмануть себя, то других и подавно.

Она будет вести себя с Гейл Эндрюс пожестче. О'кей, утром она обошлась с ней достаточно сурово. Уж извините, но таковы правила игры. Мисс Эндрюс согласилась дать интервью, так как только что выпустила книгу, а телевидение — отличная реклама. Но, дорогая, бесплатный сыр бывает только… Ладно, насчет сыра промолчу…

Суть дела была вот в чем.

Неделю назад астрономы оповестили мир, что десятая планета Солнечной системы, удаленная от нашего светила еще больше, чем Плутон, наконец-то открыта. Они искали ее уже много лет, и вот — ура! — открыли, и все были ужасно рады,

и все за них ужасно радовались и так далее, и тому подобное. Планету назвали Персефоной, но очень скоро выдумали ей прозвище Руперт в честь попугая некоего астронома — к этому прилагалась какая-то тошнотворно-трогательная история, — и все это было очень мило и славно.

По разным причинам Трисия с интересом следила за событиями вокруг десятой планеты.

И вот в поисках удобного предлога смотаться в Нью-Йорк за счет компании она наткнулась на заметку о Гейл Эндрюс и ее новой книге «Вы и ваши планеты».

Нельзя сказать, чтобы имя Гейл Эндрюс было у всех на слуху, однако при упоминании о президенте Гудзоне, йогурте и ампутации Дамаска (термин, позаимствованный из хирургии; официально операция называлась «Дамаскотомия», что означает «удаление Дамаска») каждому становилось ясно, о ком идет речь.

Тут-то Трисия и узрела сюжет, который вполне можно запродать ее продюсеру.

Действительно, как можно всерьез утверждать, что какие-то парящие в космических глубинах огромные каменюги определяют всю твою жизнь, когда выясняется, что рядом летает еще одна каменюга, о которой знать никто не знал?

Все вычисления насмарку, так ведь?

Как тогда быть со всеми гороскопами и картами движений планет? Все мы знаем, что случается, когда Нептун находится в созвездии Девы и так далее, но как трактовать восход Руперта? Может, пора выплеснуть на помойку все это свиное пойло и переключиться на свиноводство — занятие, которое по крайней мере основано на рациональных принципах? Если бы мы знали о существовании Руперта три года назад, возможно, президенту Гудзону стоило бы завтракать ежевичным йогуртом не по пятницам, а по четвергам? Может, и Дамаск тогда бы уцелел? Ну и так далее.

Гейл Эндрюс неплохо выдержала натиск Трисии. Но, оправившись после первого раунда, совершила серьезную стратегическую ошибку — попыталась запутать Трисию разговорами о дневных дугах, прямых восхождениях, исчислении телесных углов и прочих скользких аспектах сферической тригонометрии.

К своему потрясению, она обнаружила, что все, что она обрушила на Трисию, вернулось к ней самой — неудержимо раскрученным бумерангом. Никто не предупреждал Гейл, что роль телевизионной куколки для Трисии не единственная в

жизни. Под губной помадой «Шанель» и небесно-голубыми контактными линзами скрывался мозг, который в былой жизни Трисии вмещал в себя познания магистра математики и доктора астрофизики.

Шагнув в кабину лифта, Трисия неожиданно вспомнила, что оставила в номере свою сумочку, и поколебалась, не вернуться ли за ней. Нет, не стоит. Там сумка в полной безопасности, и ничего особенно нужного в ней не лежит. Трисия не воспрепятствовала створкам лифта захлопнуться за ее спиной.

В конце концов, сказала она себе со вздохом, если жизнь ее чему-то и научила, так вот чему: «Никогда не возвращайся за сумочкой!»

Пока лифт шел вниз, она напряженно смотрела на потолок. Любой человек, не знакомый с Трисией Макмиллан, сказал бы, что так смотрят на потолок тогда, когда пытаются сдержать слезы. На деле она смотрела на крошечную охранную видеокамеру в верхнем углу кабинки.

Минуту спустя она чуть поспешнее обычного вышла из лифта и в очередной раз подошла к стойке администратора.

— На всякий случай я оставлю вам это, — ска-

зала она. — Чтобы никакой путаницы не было.

Трисия большими буквами написала на листе бумаги свое имя, потом номер своей комнаты, потом слова «В баре» и отдала его администратору. Тот посмотрел на листок большими глазами.

— Это на случай, если меня будут искать. Хорошо?

Администратор не отрывал взгляда от листка.

— Вы хотите, чтобы я узнал, у себя ли она в номере? — спросил он.

Спустя еще две минуты Трисия взгромоздилась на тумбу у стойки бара рядом с Гейл Эндрюс. На стойке перед той красовался бокал белого вина.

— Вы, показалось мне, из тех, что предпочитают сидеть у стойки, а не за столиком, — сказала она.

Это было верно, что несколько удивило Трисию.

— Что будете пить — водку? — спросила Гейл.

— Да, — подозрительно ответила Трисия, с трудом удерживаясь от вопроса: «Откуда вы узнали?». Впрочем, Гейл сама сразу же все объяснила.

— Я спросила у бармена, — улыбнулась она.

Бармен уже держал наготове рюмку водки, каковую тут же выставил на стойку из отполированного красного дерева и обворожительным

жестом подвинул Трисии.

— Спасибо, — пробормотала Трисия, резко встряхнув рюмку. Она не знала, как понимать это внезапное дружелюбие, и решила не поддаваться на провокацию. Нью-йоркцы за бесплатно дружелюбие не проявляют.

— Мисс Эндрюс, — произнесла она. — Извините, если я вас расстроила. Я знаю, вы почувствовали, что я была с вами утром чуть резка, но согласитесь: астрология — всего лишь развлечение, очень милое, конечно. Это тоже шоу-бизнес своего рода, и у вас неплохо получается, я за вас рада. Однако астрология не наука, и за науку ее выдавать не стоит. По-моему, мы обе неплохо продемонстрировали это сегодня утром и в то же время развлекли публику. Согласитесь, умением занять публику мы с вами обе зарабатываем на жизнь. Простите меня, если вас что-то уязвило в моих словах.

— У меня все в порядке, — ответила Гейл Эндрюс.

— О, — сказала Трисия, не придумав ничего лучшего. — В вашей записке говорилось, что вы расстроены.

— Нет, — ответила Гейл Эндрюс. — В моей записке говорилось, что мне показалось, вы рас-

строены, и я хотела понять почему.

Трисию словно по голове палкой ударили. Она захлопала глазами.

— Что? — тихо переспросила она.

— Это как-то связано со звездами. У меня сложилось впечатление, что вы расстроены и обижены чем-то, что имеет отношение к звездам и планетам, и я за вас забеспокоилась, вот и решила заглянуть, убедиться, что вы в порядке.

Трисия неотрывно уставилась на астрологиню.

— Мисс Эндрюс… — начала она и тут же сообразила, что произнесла эти слова каким-то обиженным, расстроенным голосом, в корне опровергавшим тот протест, который она пыталась заявить.

— Если вы не против, зовите меня просто Гейл.

У Трисии окончательно отнялся язык.

— Я знаю, что астрология не наука, — продолжала Гейл. — Разумеется, не наука. Это просто набор правил, как в шахматах, или в теннисе, или в… как там называется эта ваша национальная английская игра?

— Э… крикет? Самоуничижение?

— Ах да, вспомнила: парламентская демократия. Так вот, правила установлены произвольно и сами по себе не имеют никакого особого смысла.

Но когда вы начинаете применять их на практике, это дает начало самым разным процессам, и вы много всякого разного узнаете о людях. Так вышло, что в астрологии правила относятся к планетам и звездам, но они с таким же успехом могли бы относиться к селезням и уткам. Это просто способ думать о проблеме, позволяющей более четко представить себе саму эту проблему. Чем больше правил, чем конкретнее они, тем лучше. Это как на бумагу сыплют порошок графита, чтобы прочесть слова, когда-то написанные на предыдущей, давно вырванной и спрятанной странице. Графит тут не так уж важен. Он только проявляет эти отпечатки. Так что, видите, астрология никак не связана с астрономией. Она связана с размышлениями людей друг о друге.

Поэтому когда вы сегодня утром так, э-э-э… эмоционально заострили внимание на звездах и планетах, мне показалось: эта женщина обижена не на астрологию, она обижена настоящими звездами и планетами. Обычно люди расстраиваются, когда что-то теряют. Это все, что я смогла заключить. Вот я и решила осведомиться, как вы себя чувствуете.

Трисия была сражена наповал.

Одна часть ее мозга лихорадочно работала,

придумывая всевозможные отповеди насчет дурацких газетных гороскопов с их обусловленной законами статистики эффективностью. Но постепенно она охладела к этому занятию, поскольку заметила, что остальная часть мозга ее не слушает. Она была сражена наповал.

Только что от совершенно незнакомого человека она услышала тайну, которую скрывала ото всех уже семнадцать лет.

Она обернулась к Гейл:

— Я… — И осеклась.

Крошечная телекамера охраны за стойкой дернулась вслед за ее движением. Это обстоятельство стало для Трисии последней каплей. Большинство людей не обратили бы внимания на такую мелочь. Камеру и проектировали так, чтобы ее не замечали. Клиентам не обязательно знать, что даже администрация такого дорогого и престижного нью-йоркского отеля не уверена, что кто-то из них не вытащит вдруг пистолет или не явится в бар без галстука. Но как старательно ни пряталась камера за бутылками водки, чутье телеведущей безошибочно говорило Трисии, что объектив нацелен именно на нее.

— Что-то не так? — спросила Гейл.

— Нет, я… я хотела сказать только, что вы ме-

ня буквально поразили, — призналась Трисия. Камеру она решила игнорировать. Просто воображение разыгралось — и все оттого, что она столько думала сегодня о телевидении. Тем более это с ней не в первый раз. Камера дорожного контроля определенно поворачивалась на кронштейне ей вслед, и камера охраны в магазине «Блумингсдейл» нацеливалась на нее всякий раз, как она брала в руки очередную шляпку. Ей даже померещилось, будто птицы в Центральном парке смотрят на нее с подозрительной подозрительностью.

Решив забыть о камерах, она глотнула водки. Кто-то ходил по бару, громогласно вопрошая, нет ли здесь мистера Макмануса.

— О'кей, — сказала она, внезапно решившись. — Не знаю, как вы узнали об этом, но…

— Если вы думаете, милочка, что мне что-то известно, вы ошибаетесь. Я просто вслушалась в ваши слова.

— Мне кажется, я потеряла целую жизнь. Другую жизнь.

— Но так у всех. Это происходит каждый день, каждую минуту. Каждое решение, каждый вдох открывают перед нами одни двери и закрывают другие. Как правило, мы просто не замечаем этих

дверей. И только изредка… Насколько я понимаю, вы заметили.

— Да, я заметила, — согласилась Трисия. — Ну хорошо. Вот как это было. История самая банальная. Много лет назад я повстречала на вечеринке одного парня. Он сказал мне, что он с другой планеты, и спросил, не полечу ли я туда с ним. Я сказала: «Да». Что ж, такая уж была вечеринка. Я попросила его подождать, пока я захвачу сумочку, и тогда я с радостью полечу с ним на его планету. Он сказал, что сумочка мне не понадобится. Я ответила, что он, наверное, прилетел с очень отсталой планеты, иначе знал бы, что женщина шагу не может ступить без сумочки. Он был нетерпелив, но я не собиралась идти у него на поводу только потому, что он с другой планеты.

Я поднялась наверх. Мне потребовалось какое-то время собрать сумочку, и потом туалет был занят. В общем, когда я спустилась, его уже не было.

Трисия замолчала.

— И что же дальше? — спросила Гейл.

— Дверь в сад была распахнута. Я вышла. Там были огни. Такая светящаяся штука. Я как раз успела увидеть, как она уходит в небо и бесшумно скрывается в облаках. Конец фильма. Конец

одной жизни, начало другой. Но только в этой жизни почти не бывает минуты, чтобы я не думала о том, что сталось бы с той, другой мной. Той, которая не стала возвращаться за сумочкой. У меня такое ощущение, что она где-то живет, ну а я — всего лишь ее тень.

Теперь по бару ходил портье, спрашивавший у всех, не мистер Миллер ли он случайно. Таких не нашлось.

— Вы уверены в том, что этот… это существо было с другой планеты? — спросила Гейл.

— Да, несомненно. Я же видела космический корабль. Да, и у него еще было две головы.

— Две? И что, никто, кроме вас, этого не заметили?

— Вечеринка была с маскарадом.

— Понимаю…

— И, разумеется, вторую голову он спрятал в птичьей клетке, накрытой платком. Делал вид, что у него там попугай. Он стучал по клетке, и та откликалась: «Попка-дурак» — и щебетала. И вот в какой-то момент он сдернул платок и расхохотался. Там была вторая голова, и она тоже смеялась. Это было незабываемое мгновение, скажу я вам.

— Мне кажется, вы поступили правильно, до-

рогая, разве не так? — заметила Гейл.

— Нет, — отрезала Трисия. — Неправильно. И я уже не могла заниматься тем, чем занималась до того. Понимаете, я была астрофизиком. Нельзя оставаться астрофизиком после того, как встретишь инопланетянина, который выдает свою вторую голову за попугая. Я, во всяком случае, не смогла.

— Я понимаю, это было нелегко. Значит, вот почему вы так сурово обращаетесь с теми, кто, на ваш взгляд, несет чушь?

— Да, — кивнула Трисия. — Полагаю, вы правы. Простите.

— Ничего-ничего.

— Кстати, вы — первая, кому я это рассказала.

— Понятно. Вы замужем?

— Э… нет. В наше время трудно отличить с первого взгляда, кто замужем, кто нет. Но вы имеете право спросить — это имеет отношение к моей истории. Несколько раз я чуть не вышла замуж, в основном из-за того, что мне хотелось ребенка. Но каждый из этих парней в конце концов начинал спрашивать, почему это я все время гляжу поверх его головы. Что бы вы им ответили? В какой-то момент я даже подумывала: не пойти ли мне в банк спермы? Заиметь ребенка как в

лотерее, наугад.

— Но вы бы не сделали этого, ведь нет?

— Скорее всего нет, — усмехнулась Трисия. — Я так и не ходила туда. Да и не пошла бы. Вся она такая, моя жизнь. Никогда ничего не делала по-настоящему. Наверное, я и на телевидение поэтому пошла. Не работа, а сплошные мыльные пузыри.

— Простите, леди, не вас ли зовут Трисия Макмиллан?

Трисия, вздрогнув, обернулась. За ее спиной стоял мужчина в шоферской кепке.

— Да, — призналась она, мгновенно напружинившись.

— Леди, я уже битый час ищу вас. В отеле мне сказали, что у них нет постояльцев с таким именем, но я связался с офисом мистера Мартина, и он мне сказал, что вы точно остановились здесь. Я спросил еще раз, и мне ответили, что никогда о вас не слыхали, и в регистрационной книге не нашли, поэтому пришлось попросить, чтобы мне передали по факсу в машину ваш портрет, и пойти искать самому. — Он посмотрел на часы: — Мы немного опаздываем, но, может быть, вы согласитесь проехать со мной?

Трисия снова оцепенела.

— Мистер Мартин? Вы имеете в виду Эндрю Мартина из Эн-би-си?

— Совершенно верно, леди. Пробная съемка для «Штатов по утрам».

Трисия пулей слетела с табурета. Господи, да как она могла пропустить мимо ушей все те сообщения для мистера Макмануса и мистера Миллера!

— Только поторопитесь, — добавил шофер. — Насколько я понял, мистер Мартин считает, что можно попробовать британское произношение. Его босс категорически против. Я имею в виду мистера Цвинглера, и, насколько мне известно, он сегодня же вечером улетает на Западное побережье — я сам его в аэропорт повезу.

— О'кей, — воскликнула Трисия. — Я готова. Едем.

— О'кей, леди. Вон тот лимузин у входа, самый большой.

— Извините, — повернулась Трисия к Гейл.

— Ступайте! Ступайте! — откликнулась та. — И удачи вам. Приятно было с вами поговорить.

Трисия потянулась за сумочкой расплатиться.

— Черт, — вырвалось у нее. Сумка осталась наверху.

— Я заплачу, — отмахнулась Гейл. — Скажу вам

без обиняков, мне действительно было очень интересно вас послушать.

Трисия вздохнула:

— Послушайте, мне очень неловко за утро, и…

— Ни слова больше. Все в порядке. Это всего только астрология. От нее нет вреда. Это не конец света.

— Спасибо. — Повинуясь неожиданному порыву, Трисия обняла ее.

— У вас все с собой? — спросил шофер. — Вы ничего не хотите взять — сумочку там?

— Если жизнь и научила меня чему-то, — ответила Трисия, — так это никогда не возвращаться за сумочкой.

Чуть больше часа спустя Трисия плюхнулась на одну из двух кроватей в своем номере. Несколько минут она не шевелилась, только смотрела на сумочку, которая с невинным видом полеживала на другой кровати.

В руке она держала записку от Гейл Эндрюс, гласившую: «Не слишком расстраивайтесь. Позвоните, если захотите поговорить. На вашем месте я никуда бы не ходила вечером. Отлежалась бы. Но не берите в голову. Это только астрология. Это не конец света. Гейл».

Шофер оказался прав. По сути, он знал обстанов-

ку на Эн-би-си лучше, чем кто угодно другой из знакомых ей работников компании. Мартин был «за». Цвинглер — «против». У нее был один шанс доказать правоту Мартина, и она его завалила.

Ну и ладно. Ну и ладно. Ну и ладно.

Пора возвращаться домой. Пора позвонить в аэропорт и узнать, поспеет ли она на вечерний рейс до Хитроу. Она потянулась к толстому телефонному справочнику.

Ах да. Сначала еще одно.

Она отложила справочник, взяла сумочку и прошла с ней в ванную. Положила ее на полку и вынула маленькую пластмассовую коробочку, в которой лежали ее контактные линзы, без которых она и буквы прочесть не могла, будь то сценарий или текст на экранчике телесуфлера.

Вставляя в глаза маленькие пластиковые скорлупки, она сказала самой себе, что если жизнь и научила ее чему-нибудь — так только тому, что иногда за сумочкой возвращаться не стоит, а иногда это обязательно. Остается самая малость — научиться отличать один случай от другого.

Глава 3

Во времена, которые мы в шутку называем «Прошлое», на страницах «Путеводителя» довольно подробно рассматривалась проблема параллельных вселенных. Правда, в этом тексте не очень-то легко разобраться — он требует познаний на уровне по крайней мере демиурга второго разряда. Но демиурги вряд ли согласятся вас проконсультировать на этот счет, поскольку теперь достоверно установлено, что все известные божества и демиурги появились на свет приблизительно на три миллионных доли секунды после возникновения Вселенной, а никак не неделей раньше, как они обыкновенно утверждают, ныне эти божества ужасно заняты поиском объяснения этой неувязочки и им недосуг растолковывать высокую физику всяким там олухам.

Впрочем, «Путеводитель» также сообщает нам об одном жизнеутверждающем аспекте проблемы параллельных вселенных: можете зря голову не ломать, все равно вы ее не поймете. С тем же успехом вы можете просто повторять: «Что-что?» или «Э-э?» — либо ходить с зажмуренными глазами, либо нести всякую ахинею — и никто вас за

дурака не посчитает.

По мнению «Путеводителя», первое, что надо уяснить себе насчет параллельных Вселенных, — это то, что никакие они не параллельные.

Важно также осознать, что, строго говоря, эти вселенные — не совсем вселенные. Но процедуру осознания этого факта рекомендуется оставить на потом — сперва следует осознать, что все, дотоле осознанное вами, — чушь собачья.

Причина их «не-совсем-вселенности» заключается в том, что любая отдельно взятая Вселенная есть не материальный предмет, но способ восприятия того, что принято именовать ВВМ (то есть Великая Всеобщая Мешанина). Великая Всеобщая Мешанина также не существует в материальной форме — скорее, это сумма различных способов восприятия того, какой ее можно было бы увидеть, если бы она существовала в материальной форме.

Причина, по которой вселенные не параллельны, подобна причине, по которой не параллельно, скажем, море. Видите ли, в применении к морю это слово ровно ничего не значит. Вы можете расчленить Великую Всеобщую Мешанину любым удобным для вас образом — в результате всегда получите нечто, что кто-то назовет родным до-

мом и любимым отечеством.

Теперь можете свободно нести ахинею.

Земля, о которой пойдет речь, благодаря своему положению в Великой Всеобщей Мешанине столкнулась с нейтрино, с которым не столкнулись все остальные Земли.

Нейтрино — не самый большой предмет из тех, с которыми можно столкнуться.

Собственно говоря, трудно выдумать более миниатюрный предмет из тех, с которыми можно столкнуться. Да и столкновение с нейтрино нельзя назвать такой уж редкостью для предмета такого размера, как Земля. Отнюдь. Наносекунда, на протяжении которой Земля не столкнулась бы с несколькими миллиардами нейтрино, была бы очень необычной наносекундой.

С другой стороны, это столкновение вполне заслуживает внимания, поскольку материя почти целиком состоит практически из ничего. Вероятность столкновения отдельного нейтрино с каким-либо предметом в безгранично пустом пространстве равна вероятности попадания теннисного мяча, уроненного на лету с «Боинга-747», например, в сандвич с ветчиной.

Так или иначе, наше нейтрино кое с чем столкнулось. «Ну и что?» — спросите вы. И будете

неправы. Если уж в такой безумно запутанной штуке, как Вселенная, что-то случается, Кевин знает, к чему это может привести («Кевин» в данном случае — произвольно выбранное имя, единица, которая ничегошеньки ни о чем не знает).

Нейтрино столкнулось с атомом.

Атом являлся частью молекулы. Молекула — частью нуклеиновой кислоты. Нуклеиновая кислота — частью гена. Ген — часть генетического рецепта выращивания… ну и так далее. Одним словом, в результате у одного растения вырос лишний лист. В Эссексе. Или в том месте, которому было суждено стать Эссексом после ряда подвижек земной коры.

Это растение было клевером. Он размножался эффективнее других видов и вскоре сделался самым распространенным видом клевера. Почти неуловимое сочетание этого фактора с рядом других биологических явлений и прочих мелких событий, имевших место на этом участке Великой Всеобщей Мешанины — как-то Трисия Макмиллан, не успевшая улететь с Зафодом Библброксом, неестественно низкий спрос на ореховое мороженое и тот факт, что данная Земля не была уничтожена вогонами при прокладке

гиперпространственного экспресс-маршрута, — зафиксировано под номером 4763984132 в списке перспективных тем для исследования, канувшем в Лету вместе с историческим факультетом Максимегалонского университета. Ни одна душа, возносящая молитву Господу у бассейна для игры в ватерполо, не чувствует ни малейшего влечения заняться этой проблемой.

Глава 4

Трисии начало казаться, что весь мир ополчился на нее. Впрочем, она знала: это ощущение — обычное следствие ночного перелета из Западного полушария в Восточное. У тебя в распоряжении вдруг оказывается лишний день, загадочный и зловещий, к которому ты совершенно не готов. И все же…

На газоне перед домом были следы.

Нельзя сказать, чтобы следы на газоне ее слишком уж обеспокоили. По ее нынешнему настроению, следы могли появляться, исчезать, сворачиваться в трубочку — она бы и бровью не повела. Она только что прилетела из Нью-Йорка — смертельно усталая, разбитая, издерганная, на грани паранойи. Все, что ей хотелось, — это рухнуть на постель и уснуть под радио, мурлычущее что-то чертовски умное голосом Неда Шерри.

Однако Эрик Бартлетт не собирался отпускать ее просто так, не показав ей следов. Эрик — старый садовник — приходил из соседней деревушки по утрам в субботу поковыряться палкой в ее саду. Он не мог понять, как это — взять и прилететь из Нью-Йорка рано утром. Это у него в голове не

укладывалось. «Не бывает так», — полагал он. Зато в его голове укладывалось многое такое, во что не всякий верит.

— Это все инопланетяне ихние, — сообщил он, согнувшись и тыча своей палкой в примятую траву газона. — Только и разговоров нынче, что об ихних пришельцах. Вот я и думаю, это они самые и есть.

— Правда? — откликнулась Трисия, с тоской глядя на часы. Десять минут. Десять минут она, пожалуй, еще продержится. Потом она просто рухнет, где бы при этом ни находилась: в спальне или здесь, в саду. Если, конечно, ей придется только стоять. Если ей придется при этом повторять еще время от времени: «Правда?» — пять минут, не больше.

— Во-во, — продолжал Эрик. — Прилетают, значит, садятся к те на газон, а потом — фыр-р-р! — и назад к себе! Иногда даже кошек уфыричивают. Миссис Вильямс, что с почты, так вот, ейная кошка — знаете небось, такая трехцветка — ее эти ихние пришельцы уже сперли раз. Оно, конечно, они ее наутро вернули взад, да только малость не в себе. Шастала вокруг дома все утро, а после обеда как уснет… Я это к тому, что до сих пор все было аккурат наоборот. Дрыхла все утро, а потом

гуляла. Это у ей временной сдвиг случился от полета на ихнем межпланетном корабле.

— Понятно, — согласилась Трисия.

— И перекрасили они ее в полосатую, это миссис Вильямс говорит. А энти вот следы точь-в-точь как от ихних посадочных упоров.

— А вам не кажется, что это могла быть газонокосилка? — предположила Трисия.

— Когда б следы были круглые, может, и да, а они вона какие неровные. Чтой-то в ихней форме чужое.

— Вы же сами говорили, что косилка разболталась и что ее надо чинить, пока она не начала делать дырки в газоне.

— Говорил-то говорил, мисс Трисия, и сейчас не отрекаюсь. Я ж не говорю, что это точно не газонокосилка. Я говорю только, этим дыркам есть объяснение куда более подходящее. Они летели вон оттудова, из-за тех, стало быть, деревьев, и вот когда ихние посадочные…

— Эрик… — терпеливо произнесла Трисия.

— Я вам вот что скажу, мисс Трисия, — заявил Эрик. — Я, конечно, гляну на косилку, как обещал, а вы уж сами решайте, что вам больше нравится.

— Спасибо, Эрик, — произнесла Трисия. — Я пойду лягу. Найдите себе на кухне поесть.

— Спасибо, мисс Трисия, счастливо вам, — сказал Эрик.

Он наклонился и сорвал что-то с газона.

— Вона, — произнес он. — Клевер-трилистник. Это к счастью.

Он пристально оглядел находку, удостоверившись, что это настоящий клевер-трилистник, а не обычный, с оторванным листком.

— На вашем месте, мисс, я бы поискал еще следов ихней деятельности. — Он окинул взглядом горизонт. — Особливо в той стороне, ближе к Хенли.

— Спасибо, Эрик, — повторила Трисия. — Обязательно.

Она рухнула в постель, и снились ей попугаи и другие птицы. В полдень она проснулась, встала и побродила вокруг дома, не зная, чем занять вечер и вообще оставшуюся часть жизни. По меньшей мере час у нее ушел на размышления, стоит ли смотаться в город к Ставро. Это было самое модное на текущий момент у журналистской братии заведение, и встреча с друзьями могла бы встряхнуть ее и хотя бы отчасти привести в подобие нормы. В конце концов она решила пойти. Там было неплохо. Более того, просто славно. Ей был симпатичен и сам Ставро — грек, сын немца

(не самое обычное сочетание). Пару дней назад Трисия уже побывала в «Альфе» — то был первый клуб Ставро, который он создал в Нью-Йорке. Сейчас «Альфу» содержал брат Ставро — Карл, считавший себя немцем, сыном гречанки. Ставро приятно будет услышать, что Карл слегка прогорает в Нью-Йорке, вот Трисия его и порадует. Между Ставро и Карлом Мюллером не одна черная кошка пробежала.

О'кей. Значит, решено.

Еще час ушел на обдумывание наряда. В конце концов она остановилась на элегантном маленьком черном платье, купленном в Нью-Йорке. Она обзвонила друзей, чтобы узнать, кто сегодня будет в клубе, и ей сообщили, что клуб сегодня закрыт на обслуживание чьей-то свадьбы.

Трисии подумалось, что жить по заранее обдуманному плану получается не лучше, чем покупать в супермаркете продукты для праздничного ужина. Вооружаешься списком, составленным согласно облюбованному рецепту из кулинарной книги, берешь тележку, которая категорически отказывается катиться в нужную тебе сторону, и в итоге покупаешь совсем не те продукты, какие собирался. Куда их девать? И что делать с рецептом? Ответа она не знала.

Так или иначе, в тот же вечер на ее газоне приземлился корабль пришельцев.

Глава 5

Он заходил на посадку со стороны Хенли. Вначале Трисия смотрела на него с вялым любопытством: что это еще за огни такие? Аэропорт Хитроу находился не в миллионе миль, и огням в небе она не дивилась. Правда, они летели необычно низко — этим и объяснялось ее вялое любопытство.

Когда же неопознанный объект подлетел поближе, любопытство сменилось недоумением.

«Гм», — подумала она. На более глубокие мысли ее пока не хватало. После перелета из Америки у нее все еще слипались глаза, и сигналы из одной части мозга попадали в другую то окольным путем, то не совсем вовремя. Она вышла из кухни, где только что налила себе кофе, и подошла к открытой двери в сад.

Всей грудью вдохнув свежий вечерний воздух, она вышла на улицу и подняла глаза к небу.

Там на высоте сотни футов над ее газоном висело что-то размером с большой фургон.

Там что-то было. Висело. Почти беззвучно.

В глубине ее души что-то оборвалось.

Ее руки медленно опустились. Она даже не

заметила, что ей на ногу пролился обжигающий кофе. Она почти не дышала, а корабль медленно, дюйм за дюймом, фут за футом опускался. Лучи света тихо перебегали по земле, будто пробуя ее на ощупь. Они пробегали и по ее телу.

Неужели, несмотря ни на что, ей дают еще один шанс? Неужели он ее нашел? Неужели вернулся?

Звездолет опускался ниже и ниже и наконец плавно коснулся газона. Он не совсем напоминал тот, который она проводила взглядом столько лет назад, подумала она; впрочем, трудно судить об очертаниях корабля по огням в ночном небе.

Тишина.

Тик-так, ж-ж-ж.

Еще «тик-так» и «ж-ж-ж». Тик-ж-ж. Так-ж-ж.

Люк откинулся, и по газону протянулась световая дорожка — прямо к ее ногам.

Она с трепетом ждала.

В светлом проеме обозначилась фигура. За ней — другая. За ней — третья.

Широко раскрытые глаза, моргая, уставились на нее. Несколько рук медленно поднялось в знак приветствия.

— Макмиллан? — спросил через целую вечность чей-то голос. Странный, высокий голос, спотыкающийся на каждой согласной. — Трисия

Макмиллан? Мисс Трисия Макмиллан?

— Да, — ответила Трисия почти беззвучно.

— Мы наблюдали за вами.

— Н-наблюдали? За мной?

— Да.

Некоторое время они молча смотрели на нее, медленно двигая глазами вверх-вниз.

— В жизни вы кажетесь меньше, — заметил наконец один из них.

— Что? — не поняла Трисия.

— Да.

— Я… я не понимаю, — призналась Трисия. Разумеется, ничего подобного она не ожидала, но даже для совершенно неожиданного события все это начиналось еще более неожиданно. — Вы… вы не… вы не от Зафода?

Этот вопрос, похоже, привел всех троих в легкое замешательство. Они немного посовещались на своем щебечущем языке и снова повернулись к ней.

— Вряд ли. Во всяком случае, насколько нам известно, — ответил один.

— А где Зафод? — спросил другой, глядя в ночное небо.

— Я… я не знаю, — беспомощно ответила Трисия.

— Это далеко отсюда? В каком направлении? Мы не знаем.

Упав духом, Трисия поняла, что они совершенно не понимают, о ком она говорит, и что она совершенно не понимает, о чем говорят они. Она снова спрятала надежды в дальний угол души и включила свой мозг на полную мощность. С чего ей расстраиваться? Она стоит перед фактом: у нее в руках сенсация века. Что ей делать? Вернуться в дом за видеокамерой? А вдруг они улетят, не дождавшись? Она никак не могла выбрать тактику. «Ладно, — подумала она. — Потянем время. Там видно будет».

— Вы наблюдаете за мной?

— За всеми вами. За всем на вашей планете. За ТВ. За радио. За телекоммуникациями, компьютерами, видео, складами.

— Что?

— За автостоянками. Мы наблюдали за всем.

Трисия уставилась на инопланетян.

— Но это, должно быть, очень скучно? — спросила она наконец.

— Да.

— Тогда зачем?

— Кроме…

— Да? Кроме чего?

— Кроме телевикторин. Телевикторины нам нравятся.

Повисла бесконечно долгая пауза. Трисия смотрела на пришельцев, а пришельцы смотрели на нее.

— Мне нужно взять в доме одну вещь, — осторожно проговорила Трисия. — Послушайте. Не хотите ли вы все вместе или кто-нибудь из вас зайти в дом?

— С удовольствием, — не без энтузиазма откликнулись все трое.

Три пришельца робко мялись в гостиной, пока Трисия хлопотала, доставая видеокамеру, фотокамеру, магнитофон — все записывающие приборы, какие попались под руку. Инопланетяне были худощавые. В электрическом свете их кожа выглядела тускло-зеленой.

— Еще секундочку, — бросила Трисия, роясь в шкафах в поисках запасных кассет.

Пришельцы не сводили глаз с полки, где стояли компакт-диски и старые пластинки. Один тихонько толкнул другого локтем.

— Смотри, — шепнул он. — Элвис!

Трисия ошарашенно оглянулась на них.

— Вам нравится Элвис? — удивилась она.

— Да.

— Элвис Пресли?

— Да.

Она озадаченно тряхнула головой, одновременно пытаясь вставить в видеокамеру чистую кассету.

— Некоторые из ваших людей, — нерешительно произнес один из пришельцев, — считают, что Элвиса похитили пришельцы из космоса.

— Что? — не поняла Трисия. — Правда?

— Это возможно.

— Вы что, хотите мне сказать, что вы похитили Элвиса? — поперхнулась воздухом Трисия. Она пыталась сохранять хладнокровие — не дай бог от волнения переломать аппаратуру, но ее силы были на исходе.

— Нет. Не мы, — сказали гости. — Пришельцы. Это интересная гипотеза. Мы часто обсуждаем ее.

— Я должна это снять, — пробормотала Трисия себе под нос.

Она проверила видеокамеру: та была заряжена и работала как надо. Она навела ее на пришельцев, не поднося к глазам — вдруг те испугаются. Все равно она хорошо умела снимать и с бедра.

— О'кей, — сказала она. — Теперь медленно и внятно скажите мне все-таки, кто вы. Вы пер-

вый, — кивнула она тому, что стоял слева. — Как вас зовут?

— Я не знаю.

— Вы не знаете?

— Нет.

— Понятно, — сказала Трисия. — А остальные двое?

— Мы не знаем.

— Хорошо. Ладно. Может, тогда вы скажете мне, откуда вы.

Все трое помотали головами.

— Вы не знаете, откуда вы?

Они снова замотали головами.

— Значит, — сказала Трисия, — вы… это…

— Мы выполняем задание, — заявил один из пришельцев.

— Задание? Какое задание?

— Мы не знаем.

Она не опускала камеру.

— Тогда что вы делаете на Земле?

— Мы прилетели за вами.

Спокойно. Спокойно. Где-то тут должен быть штатив. Нужен ли ей штатив? За размышлениями о штативе она выиграла пару секунд на анализ того, что услышала. «Нет, — решила она наконец, — с рук снимать как-то мобильнее».

Еще она подумала: «Мамочки! Что мне делать?»

— Но почему, — спокойно спросила она, — вы прилетели именно за мной?

— Потому что мы лишились нашей памяти.

— Извините, — сказала Трисия. — Я пойду поищу штатив.

Похоже, они обрадовались возможности постоять без дела, пока Трисия искала штатив и устанавливала на него камеру. В ее лице не дрожал ни один мускул, но она не имела ни малейшего представления о том, что происходит и что об этом думать.

— О'кей, — произнесла она, подготовив все для съемки. — Почему…

— Нам понравилось ваше интервью с астрологом.

— Вы его смотрели?

— Мы смотрим все. Мы очень интересуемся астрологией. Она нам нравится. Это очень интересно. Не все так интересно. Астрология интересна. Звезды говорят. Звезды нам предсказывают. Мы извлекаем полезную для себя информацию.

— Но…

Трисия не знала с чего начать. «Заткнись! — подумала она. — Нет смысла снова ворошить эту

ерунду».

Вместо этого она произнесла:

— Но я же совершенно не разбираюсь в астрологии.

— Мы разбираемся.

— Вы?

— Да. Мы живем по нашим гороскопам. Мы жаждем знаний. Мы смотрим все ваши газеты и журналы, мы жадно просматриваем их. Но наш шеф говорит, что у нас есть одна проблема.

— У вас есть шеф?

— Да.

— Как его зовут?

— Мы не знаем.

— Но ради Бога, как он сам себя называет? Извините, я не все понимаю. Так как, он говорит, его зовут?

— Он не знает.

— Тогда откуда вы знаете, что он шеф?

— Он захватил власть. Он говорит, должен же здесь кто-нибудь что-то делать.

— Ага! — воскликнула Трисия. Наконец-то есть за что уцепиться. — Где это «здесь»?

— Руперт.

— Что?

— Ваши люди называют ее Рупертом. Десятая

планета, считая от вашего солнца. Мы поселились там много лет назад. Очень холодно и неинтересно. Но наблюдать оттуда удобно.

— А зачем вам наблюдать за нами?

— Это все, что мы знаем как делать.

— О'кей, — согласилась Трисия. — Ладно. Так что за проблема у вас, по словам вашего шефа?

— Триангуляция.

— Простите?

— Астрология — очень точная наука. Мы это знаем.

— Но… — начала было Трисия, однако договаривать не стала.

— Но она точна для вас на Земле.

— А… а… ага. — У нее забрезжила ужасная догадка.

— То есть когда Венера в созвездии Козерога, это верно для Земли. А как это будет для нас на Руперте? Что будет, если в созвездии Козерога находится Земля? Нам трудно понять это. Среди вещей, которые мы забыли — а забыли мы, как нам кажется, очень много, — была и тригонометрия.

— Давайте-ка напрямик, — сказала Трисия. — Вы хотите, чтобы я отправилась с вами на… на Руперт?

— Да.

— Чтобы я пересчитала ваши гороскопы в соответствии с относительным положением Земли и Руперта?

— Да.

— Эксклюзивные права мне гарантируются?

— Да.

— К вашим услугам, — объявила Трисия, решив, что в крайнем случае она всегда сможет запродать материал в «Нэшнл инквайрер».

* * *

Первое, что она увидела, ступив на борт корабля, которому предстояло увезти ее к окраине Солнечной системы, — это батарея видеомониторов, на экранах которых мелькали тысячи изображений. Перед ними сидел четвертый пришелец, взгляд которого был прикован к одному-единственному экрану, изображение на котором почти не двигалось. Трисия узнала изображение: это был повтор ее импровизированного интервью с тремя его коллегами. Он обернулся на ее шаги.

— Добрый вечер, мисс Макмиллан, — сказал он. — Вы отличный оператор.

Глава 6

Форд Префект бросился бежать еще в воздухе, еще когда не коснулся ступнями пола. Увы, пол оказался дюйма на три дальше от вентиляционной решетки, чем ему помнилось, поэтому он плохо рассчитал момент касания, слишком рано рванулся бежать, споткнулся — и потянул коленку. Заарктурь твою медь!!! Хромая, он все же продолжал бежать по коридору.

Как обычно, по всему зданию, словно сорвавшись с цепи, возбужденно взвыли сирены. Как обычно, он нырнул в укрытие за стеллажами, вытянув шею, оглянулся: никто не заметил? Никто! И сноровисто начал извлекать из своей сумки дежурный набор необходимых предметов.

Необычным было лишь то, что коленка чертовски болела.

Пол был не только на три дюйма дальше от вентиляционной решетки, чем Форд помнил, но и находился — вместе с потолком и всем зданием — не на той планете, которую он помнил. Но это ладно, а вот пресловутые три дюйма… Издательство «Путеводителя «Автостопом по Галактике» частенько переезжает самым срочным образом

с планеты на планету — то из-за изменений в местном климате, то из-за изменений во взаимоотношениях с местными жителями, а иногда причина в изменениях местного налогового законодательства или платы за электроэнергию. Однако на каждом новом месте здание восстанавливают с точностью до молекулы. Для многих сотрудников издательства расположение его помещений является единственной константой, этаким якорем в беспрестанно меняющихся, бесчисленных вселенных.

Однако со зданием что-то было неладно. Странно.

Само по себе это не особенно удивительно, думал Форд, вынимая из сумки облегченное бросательное полотенце. В его жизни практически все было более-менее (либо менее-более, либо менее-менее) странным. Но тут все было странно как-то по-новому. Иностранно. Не «непривычно странно», а «непривычно нестранно». А в чем странность, он никак не мог уловить…

Он вооружился своим ключом-переключом номер 3.

Сирены выли не более странно, чем им полагалось. В их вое угадывалась мелодия, которую он мог бы спеть в унисон с ними. Так что этот

аспект был в норме. Новым для Форда был мир за окнами здания. Доселе судьба не заносила его на Сакво-Пилия Хеншу. И надо сказать, планета ему понравилась. Что-то в ней ощущалось этакое, карнавальное.

Он достал из сумки игрушечный лук со стрелами, только что купленный на уличном рынке.

Как он выяснил, карнавальная атмосфера на Сакво-Пилия Хенше объяснялась тем, что местные жители отмечали ежегодный праздник Предположения св. Антвельма. Св. Антвельм был при жизни великим, всеми любимым королем. Однажды ему на ум пришло одно великое предположение — а предположил он, что все на свете хотят, в сущности, одного — счастливо жить, радоваться солнцу и веселиться в приятной компании. Всю свою казну он завещал на проведение ежегодного праздника во славу своего Предположения — праздника с обильным угощением, танцами и развеселыми играми вроде «казаков-разбойников». Его Предположение настолько пришлось по душе народу, что за одно это его причислили клику святых. Более того, те, кого причислили к лику святых еще раньше за то, что их забили до смерти камнями, или за то, что они всю жизнь провисели вниз головой в

бочке с дерьмом, были лишены этого почетного звания — больно уж жалкими они оказались на фоне св. Антвельма.

Знакомый Н-образный силуэт издательства «Путеводителя» возвышался над городской окраиной, и Форд Префект попал в него обычным путем. Он всегда использовал для этой цели вентиляционную систему, а не главный вестибюль, ибо в вестибюле дежурили роботы, в чьи обязанности входило допрашивать входящих сотрудников на предмет их служебных расходов. Служебные же расходы Форда Префекта отличались такой запутанностью, что, как он обнаружил опытным путем, дежурившие в вестибюле роботы просто не способны были понять его аргументов. Поэтому ему пришлось найти себе другой путь проникновения в издательство.

Первым этапом этого пути было пробуждение сигнализации во всем здании за исключением отдела финансовой отчетности, что вполне устраивало Форда.

Скрючившись в три погибели за стеллажом, он лизнул присоску игрушечной стрелы и наложил тетиву.

Не прошло и полминуты, как в коридоре показался летящий на уровне человеческой поясницы

робот-охранник величиной с небольшую дыньку. На лету он поворачивался налево и направо в поисках всего необычного.

Выждав момент. Форд выпустил стрелу прямо перед роботом. Стрела пересекла коридор и, дрожа, прилепилась присоской к противоположной стене. Датчики робота мгновенно среагировали на стрелу, и он повернулся на девяносто градусов посмотреть, что это, черт возьми, такое.

Это подарило Форду одну драгоценную секунду, в течение которой робот смотрел в другую сторону. Он взмахнул полотенцем и накрыл им робота.

Оттопыренные во все стороны датчики никак не давали роботу развернуться под полотенцем. Все, что ему оставалось, — это трепыхаться, не имея возможности даже рассмотреть того, кто его поймал.

Форд подтянул его к себе и прижал к полу. Робот начал жалобно подвывать. Быстрым, отработанным движением Форд залез под полотенце ключом-переключом номер 3 и сорвал с макушки робота маленькую пластмассовую крышку, открывавшую доступ к блокам логических цепей.

Логика — замечательная вещь, но, как показал процесс эволюции, и у нее есть свои слабые

места.

Всякая логически мыслящая единица может быть коварно обманута любой другой единицей, мышление которой находится хотя бы на том же уровне логичности. Простейший способ обмануть робота с абсолютно логическим мышлением — это снова и снова возбуждать его одним и тем же стимулом так, чтобы получался замкнутый цикл. Нагляднее всего это продемонстрировали знаменитые эксперименты с рыбными сандвичами, проведенные Зарквон знает сколько тысячелетий назад в МИМБВСЧНЕОВ (Максимегалонском институте медленного и болезненного выяснения самых что ни на есть очевидных вещей).

Робота запрограммировали так, чтобы ему казалось, будто он обожает сандвичи с минтаем. Это оказалось наиболее сложной частью эксперимента. Когда робота запрограммировали так, что ему начало казаться, будто он любит сандвичи с минтаем, перед ним клали настоящий сандвич с минтаем. После чего робот думал про себя: «Ба! Сандвич с минтаем! Обожаю сандвичи с минтаем!»

Подумав так, робот нагибался и захватывал сандвич специальным захватом для сандвича, после чего выпрямлялся. К несчастью для робота,

его спроектировали с таким расчетом, чтобы в процессе выпрямления сандвич с минтаем выскальзывал из сандвича-захвата и падал на пол перед роботом. После чего робот думал про себя: «Ба! Сандвич с минтаем!..» и т. д., и — опять двадцать пять! Единственное, что препятствовало сандвичу с минтаем устать от всей этой чехарды и уползти на поиски более достойного времяпровождения, было то, что сандвич, будучи всего лишь жалким фрагментом умерщвленной рыбы, зажатым между двумя ломтями хлеба, осознавал происходящее с ним еще менее остро, чем робот.

Таким образом ученые института открыли движущую силу, стоявшую за всеми жизненными процессами: сандвич с минтаем. Они опубликовали посвященную этой теме статью, которая была раскритикована в пух и прах как образец глупости. Они еще раз проверили свои выводы и сообразили, что открыли не что иное, как «скуку», а точнее, ее практическое воплощение. Охваченные жаром первооткрывателей, они бросились открывать другие эмоции: «раздражение», «досаду», «упрямство» и так далее. Дальнейший прорыв наметился, когда они перестали использовать сандвичи с минтаем, что неожиданно ввело в поле их исследований совершенно новые

эмоции, как-то: «облегчение», «радость», «игривость», «аппетит», «довольство» и, самое важное, «счастье».

Это был грандиозный прорыв.

Теперь целые блоки компьютерных кодов, управляющих поведением роботов во всех возможных ситуациях, могли с легкостью заменяться другими. Все, что требовалось роботу, — это способность скучать или радоваться и весьма несложные условия, при которых эти способности реализовывались. Все остальное они доделывали сами.

Робота, запутавшегося в полотенце Форда, в данный момент нельзя было назвать счастливым. Он был бы куда более счастлив, если бы мог видеть окружающие его предметы. Он был бы особенно счастлив, если бы мог видеть движущиеся объекты, особенно объекты, делающие то, что им запрещено делать: ведь тогда он, к великому своему счастью, мог бы сообщить о них куда следует.

Ничего, Форд скоро это исправит.

Он наклонился над роботом, зажав его коленями. Полотенце продолжало накрывать его датчики, но Форд уже снял крышку с блока логических цепей. Робот подвывал теперь то жалобно,

то обиженно, но двинуться так и не мог. Помогая себе ключом-переключом, Форд нашел и вытащил из гнезда крошечный чип. Робот немедленно затих, погрузившись в кому.

Чип, вынутый Фордом, содержал все инструкции ко всем условиям, которые робот должен был соблюдать, чтобы быть счастливым. Счастливым робот становился, когда электрический импульс попадал с контакта слева от чипа на контакт справа от него. Пропускать импульс или нет, решал чип.

Форд вытянул из полотенца продернутый в ткань кусочек проволоки. Сунул один его конец в верхнюю дырочку слева от пустующего гнезда, а другой — в нижнюю справа от него.

Вот и все. Теперь робот будет счастлив, что бы ни произошло.

Форд быстро распрямился и сдернул полотенце. Робот в экстазе взвился вверх, исполнив в воздухе замысловатое па.

Он повернулся и увидел Форда.

— Мистер Префект, сэр! Я так счастлив видеть вас!

— Взаимно, дружок, — отозвался Форд.

Робот быстро доложил на центральный пост охраны, что все прекрасно в этом лучшем из

лучших миров, сирены стихли, и жизнь снова потекла нормально.

Ну, почти нормально.

Маленького робота распирало от электрического счастья. Форд спешил по коридору, не обращая внимания, что робот, летя за ним по пятам, щебечет о красоте и удивительности всего сущего и изливает свою радость по поводу того, что может поделиться своей радостью с Фордом.

Увы, в этот момент Форд не находил вокруг себя ни одного повода для радости.

По дороге ему попадались только совершенно незнакомые люди. Более того, люди явно не его круга. Какие-то чересчур ухоженные. С мертвыми рыбьими глазами. Каждый раз, как Форду мерещилось, будто он видит знакомого, и он спешил поздороваться, перед ним оказывался кто-то другой, слишком причесанный, с омерзительной целеустремленностью на лице. Знакомые Форда такого хамства себе в жизни не позволяли.

Лестничная клетка переместилась на несколько дюймов влево. Потолок самую чуточку опустился. Кто-то переделал интерьер вестибюля. Сами по себе эти изменения ничего особо не значили, хотя и сбивали слегка с толку. Что совсем не нравилось Форду — так это декор. Раньше он

отличался этаким раздолбайским шиком. Конечно, шиком дорогостоящим — «Путеводитель» пользовался сногсшибательным коммерческим успехом во всей цивилизованной и постцивилизованной Галактике, и в деньгах недостатка не было. Но рука об руку с шиком шел кайф. По всем коридорам стояли самые немыслимые игровые автоматы. С потолков свисали разрисованные шизофрениками рояли, в бассейне посреди джунглей внутреннего дворика плескались распутные морские создания с планеты Вив, а роботы-официанты в дурацких шортах толпами сновали по коридорам в поисках незанятых рук, в которые можно было бы всунуть бокалы с ледяными коктейлями. Люди водили на поводках ручных дракончиков, а на жердочках в их офисах восседали летучие губки. Люди умели оттягиваться, а для тех, кто не умел, работали специальные экспресс-курсы по ликвидации безграмотности в этом вопросе.

Но теперь все это куда-то сплыло.

Будто метлой вымели.

Форд резко свернул в крохотную нишу, вытянул руку и втащил за собой захлебывающегося от счастья кибернавта.

— Что у вас тут происходит? — грозно спросил

он, усевшись перед роботом на корточки.

— О, самые расчудесные вещи, сэр, чудеснейшие из всех возможных чудес. Можно мне присесть к вам на колени, сэр? Ну пожалуйста!

— Нельзя, — отрезал Форд, отстранив робота.

Тот, впрочем, ничуть не опечалился — счастье так переполняло его, что он продолжал подпрыгивать в воздухе, что-то бубня. Форд снова ухватил его и подвесил в воздухе перед своим лицом. Робот честно пытался остаться на месте, но время от времени пускался в пляс.

— Что-то здесь изменилось. Что? — прошипел Форд.

— О да, — нараспев ответил маленький робот. — Замечательные перемены, невероятные. Я так рад этому, так рад!

— Тогда как же было раньше?

— Восхитительно!

— Но тебе же нравится, как все изменилось! — взорвался Форд.

— Мне нравится все, — признался робот. — Особенно когда вы кричите на меня вот так. Покричите еще, пожалуйста!

— Сначала скажи мне, что случилось.

— О, спасибо, спасибо большое!

Форд вздохнул.

— Ладно, ладно, — спохватился робот. — «Путеводитель» поменял владельца. У нас новое правление. Это так великолепно, что я готов перегореть от радости. Старое правление, разумеется, тоже было прекрасным, хотя я не уверен, считал ли я так в то время.

— Это было до того, как тебе в голову вставили кусочек проволоки.

— Совершенно верно. Как замечательно верно подмечено! Как сногсшибательно, оглушительно, сумасшедше верно подмечено! Какое воистину экстазирующее наблюдение!

— Что случилось? — не сдавался Форд. — Что за новое правление? С каких пор? Я... о черт, ладно, — добавил он, увидев, что маленький робот начал подпрыгивать от недержания счастья и тереться о его колено. — Пойду-ка я узнаю сам.

Форд всем телом с разбегу ударил в дверь кабинета главного редактора. Створка с треском разлетелась, и он, сжавшись в тугой клубок, стремительно перекатился по полу в угол, где обыкновенно стоял сервировочный столик с самыми крепкими и дорогими напитками всей Галактики, схватился за этот столик и, прикрывшись им, переполз за более надежное укрытие — ужасно ценную, грандиозно непристойную

скульптурную группу «Леда с осьминогом». Тем временем маленький кибер-охранник, вплывающий в дверь на уровне человеческой груди, с наслаждением принимал на себя предназначавшийся Форду смертоносный заряд.

Таков был план, причем план в высшей степени актуальный. Последний Главный, Стагьяр-зил-Догго, отличался опасно неуравновешенным характером, что выражалось в его манере приветствовать сотрудников, которые являлись к нему в кабинет без свежего материала: их встречала традиционным залпом батарея лазерных ружей, соединенных со специальным сканирующим устройством в дверях, которое было призвано опознавать всякого, кто вместо материала собирался представить лишь список убедительных оправданий своего безделья. Таким образом он поддерживал высокую трудоспособность коллектива.

Увы, столика с напитками на месте не оказалось.

Форд отчаянно метнулся в сторону и кувыркнулся к статуе «Леда с осьминогом». Но ее тоже не оказалось на месте. В панике он заметался по кабинету, падая, натыкаясь на мебель, ударился об окно (к счастью, сконструированное с

расчетом на прямое попадание ракеты «воздух — стекло»), и, побитый и изнеможенный, отскочил рикошетом за элегантный серый кожаный диван, которого раньше в кабинете не было.

Выждав несколько секунд, он осторожно выглянул из-за спинки дивана. Наряду с такими привычными предметами, как столик-тележка с напитками, Леда и Осьминог, отсутствовали привычные звуки — а именно заливистый лай лазерных ружей. Форд наморщил лоб. Вот это уже совсем ни в какие ворота.

— Мистер Префект, я полагаю, — произнес незнакомый голос.

Голос принадлежал гладко выбритому субъекту, восседавшему за огромным керамичерно-полированным столом. Что бы ни случалось в жизни Стагьяра-зил-Догго, его при всем желании никогда нельзя было назвать гладко выбритым.

— Судя по тому, как вы вошли в кабинет, у вас в настоящее время нет свежего материала для э-э… «Путеводителя», — произнес гладко выбритый субъект. Он сидел, положив локти на стол и сложив руки «лодочкой» — короче говоря, в позе, которую давно пора классифицировать по статье Уголовного кодекса «Оскорбление личности».

— Как-то руки не дошли, — неуверенно про-

изнес Форд.

Он поднялся на ноги, отряхивая одежду. И тут же сообразил: кой черт у него виноватый голос? Он должен контролировать ситуацию. Надо узнать, что это за тип такой. Ну, это-то несложно.

— Кто вы такой, вакуум подери? — грозно спросил Форд.

— Я ваш новый главный редактор. Вернее, буду им, если мы по-прежнему будем нуждаться в ваших услугах. Мое имя Ванн Харл. — Руку он протягивать не стал. — Кстати, что вы сделали с роботом-охранником?

Маленький робот медленно, очень медленно катался по потолку, негромко напевая про себя.

— Я сделал его счастливым, — рявкнул Форд. — Совершенно счастливым. Такова моя миссия в этом мире. Куда девался Стагьяр? К черту Стагьяра — куда девался столик с напитками?

— Мистер зил-Догго в этой организации больше не работает. А столик с напитками, насколько я понимаю, помогает ему найти утешение в связи с этим событием.

— Организация? — взревел Форд. — Организация?! Да как у вас язык повернулся так нас обзывать, вы, кретин!

— Абсолютно точно подмечено. Слово «органи-

зация» тут неуместно. Ноль организованности, переизбыток самодеятельности. Ноль самоконтроля, переизбыток алкоголя. И это только редактор. Каковы же тогда подчиненные?

— Перехожу в отдел юмора, — прошипел Форд.

— Нет, — отрезал Харл. — Вы займетесь обзором ресторанов.

Он выложил на стол маленький пластиковый прямоугольник. Форд даже не протянул к нему руки.

— Вы это… что? — вопросил Форд.

— Нет. Не я. Моя Харл. Ваша Префект. Ваша писать о ресторанах. Моя сидеть здесь и велеть ваша писать о ресторанах. Ваша моя понимай?

— О ресторанах? — переспросил Форд, слишком изумленный, чтобы злиться.

— Сядьте-ка, Префект, — произнес Харл. Он повернулся в кресле, встал, подошел к окну и некоторое время смотрел с высоты двадцать третьего этажа на карнавал букашек и козявок внизу.

— Давно пора поставить этот бизнес с головы на ноги, Префект, — продолжал он. — Мы в «Инфин-Идиоэнтерпрайзис»…

— Вы… в чем?

— «Инфин-Идио энтерпрайзис». Мы приобрели

«Путеводитель».

— «Инфин-И-ДИ-О»?

— Это название обошлось нам в несколько миллионов, Префект. Полюбите его или собирайте манатки.

Форд пожал плечами. Собирать ему было нечего — все свое он всегда носил с собой.

— Галактика меняется, — объявил Харл. — Мы должны меняться вместе с ней. Поспевать за рынком. Рынок расширяется. Новые веяния. Новые технологии. Будущее…

— Только не говорите мне о будущем, — сказал Форд. — Был я в этом будущем. Полжизни провел там. Ничем не отличается от других мест. И других времен. Та же жизнь, только машины быстрее да воздух поганее.

— Это только одно будущее, — возразил Харл. — Ваше личное будущее. Если вы его таким принимаете. Вам надо учиться плюралистическому мышлению. Во все стороны от этого мгновения простирается бесчисленное множество будущих. И от этого мгновения. И от этого тоже. Миллиарды будущих, и с каждой секундой они плодятся, как кролики! Каждое возможное положение каждого возможного электрона развивается в миллиарды возможностей. Миллиарды миллиардов ослепи-

тельных, блистающих будущих! Понимаете, что это означает?

— У вас слюна течет.

— Миллиарды миллиардов рынков!

— Понятно, — кивнул Форд. — И вы продаете миллиарды миллиардов «Путеводителей».

— Нет, — произнес Харл, потянувшись за носовым платком и не обнаружив его. — Простите меня, — добавил он, — эта тема всегда так меня возбуждает...

Форд протянул ему свое полотенце.

— Мы не можем продавать миллиарды миллиардов «Путеводителей», — продолжал Харл, утершись. — Таких тиражей нам не осилить. Но ничто не мешает нам продавать один и тот же «Путеводитель» миллиарды миллиардов раз. Мы используем множественность вселенных для сокращения производственных расходов. И мы больше не намерены продавать их нищим автостопщикам. Что за глупая затея! Надо же было уметь — из всех сегментов рынка выбрать единственный, по определению состоящий из безденежных людей, и вздумать продавать им нашу продукцию. Нет уж. Мы будем продавать «Путеводитель» состоятельным бизнесменам и их женам — коллекционеркам путешествий в

миллиардах миллиардов различных будущих. Это будет самое радикальное, динамичное и перспективное деловое предприятие во всей многомерной бесконечности пространства-времени-вероятности.

— И вы хотите, чтобы я был у вас экспертом по ресторанам? — спросил Форд.

— Мы по достоинству оценим ваши услуги.

— Убей! — выкрикнул Форд, обращаясь к своему полотенцу.

Полотенце вырвалось из рук Харла. И вовсе не потому, что ожило, а потому, что Харл испугался, что оно вырвется и убьет. Следующее, что испугало его, — это вид летящего на него над столом, руками вперед Форда Префекта. На деле Форд рванулся к кредитной карточке, однако, поднявшись до такого высокого поста в такой масштабной организации, как компания Харла, поневоле начнешь страдать манией преследования. Отшатнувшись, Харл ударился затылком о рассчитанное на прямое попадание ракеты стекло, после чего погрузился в тревожное, замкнутое на самое себя небытие.

Форд, лежа ничком на столе, восхищался, как замечательно все получилось — и ведь безо всякого вмешательства с его стороны! Он быстро

глянул на кусочек пластика в своих руках — таак, кредитная карточка «Обед-при-исполнении» с вытисненной на ней его фамилией. Срок действия карточки истекал через два года. Более замечательной штуки ему в жизни видеть не приходилось. Форд пополз по столешнице посмотреть, как там Харл.

Тот дышал достаточно ровно. Впрочем, Форду показалось, что тот может дышать еще легче, если освободить его от тяжести бумажника, поэтому он извлек сей предмет из нагрудного кармана Харла и бегло просмотрел его содержимое. Приличная сумма наличными. Членская карточка ультрагольф-клуба. Еще клубные карточки. Фотокарточка чьих-то жен и детей — скорее всего самого Харла, хотя как знать… В наше время у ответственных руководителей часто не хватает времени на настоящих жен и детей, поэтому они арендуют их на выходные.

Ха!

Форд ущипнул себя, чтобы удостовериться, что это не сон.

Осторожно выудил из бумажника маленький невинного вида прямоугольник из пластика. Восхитительный прямоугольник из пластика!

Хотя на вид ничего восхитительного в нем

не было. На вид в нем вообще не было ничего особенного. Чуть меньше и чуть толще обыкновенной кредитной карточки, полупрозрачный. Поглядев на свет, можно было заметить в его псевдоглубине шифрованные голографические знаки и изображения.

Настоящий «Идент-и-Прост». Харл поступил не очень умно, положив эту вещь в бумажник, хотя, с другой стороны, его можно понять. Личность приходится удостоверять столькими способами, что одно это может сделать жизнь невыносимой. Взять хотя бы банковские автоматы, к которым вечно тянутся длинные очереди. У тебя проверяют отпечатки пальцев, сканируют сетчатку глаза, соскребают с шеи кусок кожи для мгновенного (относительно мгновенного — целых шесть или семь секунд) генетического анализа, требуют ответов на хитроумные вопросы вроде количества членов семьи, включая тех, кого и не упомнишь, или любимых расцветок скатерти. И это все только для того, чтобы получить несколько лишних купюр на выходные. Если же вы пытаетесь получить кредит на покупку реактивного автомобиля, или подписать договор о ядерном разоружении, или оплатить из своего кармана счет за обед в ресторане…

Потому-то и был придуман «Идент-и-Прост». В нем закодирована абсолютно вся информация о вас, вашем теле или вашей жизни. Эту карточку можно носить с собой в бумажнике как символ победы современной технологии над житейскими тяготами.

Форд сунул карточку в карман — ему в голову пришла весьма недурная идея. Интересно, сколько еще Харл пролежит без сознания?

— Эй! — окликнул он маленького робота. Тот все еще покачивался под потолком в состоянии эйфории. — Хочешь остаться счастливым?

Робот промурлыкал, что хочет.

— Тогда держись меня и делай все, что я тебе скажу.

Робот ответил, что спасибо, он совершенно счастлив и под потолком. Раньше он и не представлял себе, сколько очарования таится в потолке, особенно в хорошем потолке, поэтому хочет как следует обдумать свои чувства к потолкам.

— Оставайся, — сказал Форд, — и очень скоро тебя отловят и воткнут чип настроений обратно. Если хочешь остаться счастливым — пошли.

Робот печально вздохнул, но оторвался от потолка и спикировал вниз.

— Послушай, — сказал Форд. — Ты можешь

доставить удовольствие паре охранных систем?

— Одно из условий полного, совершенного счастья, — вскричал робот, — это возможность поделиться им с другими. Оно кипит во мне, пенится, бежит через край!

— О'кей, — перебил его Форд. — Просто поделись счастьем с системой охраны. Не сообщай ей никакой информации. Пусть ей будет так хорошо, чтобы она ни о чем не спрашивала.

Он подобрал полотенце и побежал к двери. Последнее время жизнь не баловала его событиями. Ну что ж, похоже, у него есть возможность компенсировать этот недочет.

Глава 7

За свою жизнь Артуру Денту приходилось бывать в самых разных дырах, но вот космопорта с висящим над входом транспарантом «Лучше лететь в преисподнюю, чем прилететь сюда» ему видеть еще не доводилось. Кроме транспаранта, прилетающих встречал еще портрет улыбающегося президента планеты Нучтоещетам — единственный известный его портрет, сделанный сразу после того, как тот застрелился. Поэтому, несмотря на все усилия ретушеров, улыбка вышла кривоватой. Недостающая половина головы была пририсована фломастером. Заменить портрет не представлялось возможным, поскольку для президента также до сих пор не нашлось замены. У всех жителей планеты имелось только одно заветное желание: убраться отсюда как можно дальше.

Артур снял номер в маленьком отеле на окраине городка, уселся на кровати (отсыревшей) и стал листать рекламный буклет (также отсыревший). В нем говорилось, что планета Нучтоещетам получила свое название по первым словам первых поселенцев, пересекших

Зарквон знает сколько световых лет космического пространства, чтобы попасть в этот самый не испорченный цивилизацией уголок Галактики. Столица называлась Охчерт. Других достойных упоминания городов на планете не имелось. Колония на Нучтоещетаме не относилась к процветающим, а те жители Нучтоещетама, которые оставались там по доброй воле, не входили в число тех, с кем вы бы стали по доброй воле водить дружбу.

В буклете рассказывалось также об основных статьях экспорта. Основную статью экспорта составляли шкуры нучтоещетамских болотных кабанов. Экспорт был невелик, поскольку только умалишенному придет в голову покупать шкуру нучтоещетамского болотного кабана. Впрочем, некоторый экспорт все-таки имел место, поскольку умалишенные в Галактике никогда не переводились. При взгляде на соседей-пассажиров, летевших на Нучтоещетам вместе с Артуром, у него просто мурашки по коже бегали.

В буклете описывалась и история планеты. Безвестный автор, очевидно, пытался пробудить у читателя хоть какие-то положительные эмоции, утверждая, что на Нучтоещетаме иногда выпадают не очень холодные и сырые деньки. Впрочем,

других положительных аспектов местной жизни автору найти не удалось, так что он поневоле соскользнул в черный юмор.

В буклете рассказывалось о первых годах колонизации планеты. Основным родом занятий на Нучтоещетаме являлись охота, обработка шкур и переработка мяса нучтоещетамских болотных кабанов. Нучтоещетамские болотные кабаны представляли собой единственную сохранившуюся форму местной жизни; все остальные давно повымерли от безнадежности. Нучтоещетамские болотные кабаны были маленькими и злобными тварями, выжившими исключительно потому, что мясо их практически почти несъедобно. Ради чего тогда стоило жить на Нучтоещетаме? Неизвестно. Даже изготовление одежд из шкур нучтоещетамских болотных кабанов являлось делом убыточным, поскольку шкуры не отличались прочностью и легко промокали. Колонисты так и не нашли ответа на вопрос: почему не замерзают сами болотные кабаны? Если бы только кто-то смог изучить язык болотных кабанов, он бы понял, что никакой тайны тут нет. Болотные кабаны мерзли и мокли ничуть не меньше, чем все на этой планете. Впрочем, ни у кого не возникало ни малейшего желания изучать язык

болотных кабанов, поскольку эти твари общались, кусая друг друга за бедра. Видите ли, такова уж была жизнь на Нучтоещетаме, что все, что болотные кабаны имели сказать на ее счет, абсолютно исчерпывалось этими знаками.

Артур продолжал листать буклет до тех пор, пока не нашел того, что искал. В самом конце буклета имелось несколько карт планеты. Они не отличались точностью, ибо никто не ожидал, что они могут заинтересовать кого-то. И все же они подсказали Артуру то, что он хотел знать.

Вначале он не узнал их, так как они отличались от того, что он ожидал увидеть. Собственно говоря, они казались абсолютно незнакомыми.

Север и юг — понятия относительные, но мы привыкли видеть вещи такими, какими мы привыкли их видеть, так что Артуру пришлось повернуть карты вверх тормашками, чтобы уловить суть.

В левой верхней части разворота красовался массивный континент, сужавшийся книзу, а затем вновь расширявшийся наподобие огромной запятой. Справа виднелось скопление островов, образующих вместе странно знакомые очертания. Контур был похож, но не совсем; Артур не знал, относить ли это на счет плохого качества

карты, более высокого уровня моря или просто на счет того, что здесь все было по-другому. И все же сходство было налицо.

Это, несомненно, Земля.

Или скорее, это, несомненно, не она.

Планета чертовски походила на Землю и имела в пространстве-времени те же самые координаты. Какие координаты она имела в вероятности, можно было только гадать.

Артур вздохнул.

Финиш, понял он. Он подобрался к родному дому так близко, как только мог мечтать. Иными словами, он так далеко от него, как только возможно. Он захлопнул отсыревший буклет и задумался, что же делать дальше.

Он разрешил себе один горький смешок. Покосился на свои старые часы и встряхнул их, чтобы завести. По его шкале времени, ему потребовался год нелегких странствий, чтобы попасть сюда. Год с того инцидента в гиперпространстве, когда пропала Фенчерч. Только что она сидела в соседнем кресле звездолета-прыгунка; спустя минуту корабль совершил абсолютно нормальный прыжок сквозь гиперпространство, он повернул голову — а ее рядом не оказалось. Даже кресло успело остыть. И даже имя ее исчезло из списка

пассажиров.

Компания, которой принадлежал «прыгунок», поначалу хлопотала вокруг него. В космосе приключается много напастей, и на некоторых из них адвокаты делают хорошие деньги… Но когда они спросили его, из какого сектора они с Фенчерч вылетали, а он ответил, что из «Зет-Зет-9-Зет-Альфа», они успокоились — что Артуру не понравилось. Они даже позволили себе рассмеяться (хотя, разумеется, сочувственно). Они ткнули пальцем в напечатанное на обороте билета правило, согласно которому всем пассажирам, вылетающим из секторов с индексом «Множественное Зет», не рекомендуется путешествовать в гиперпространстве и они могут делать это только на свой страх и риск. Все это знают, заявили они, качая головами и тихонько подхихикивая.

Выйдя из офиса компании, Артур почувствовал, что его бьет дрожь. Он не только окончательно и бесповоротно лишился Фенчерч, он понял еще, что чем больше шляется по Галактике, тем меньше понимает в жизни.

Однако стоило Артуру погрузиться в печальные воспоминания, как в дверь номера постучали. Сразу же за этим, не дожидаясь ответа, дверь распахнулась и в номер вошел небритый толстяк

с единственным чемоданом Артура.

Не успел носильщик произнести: «Куда мне поставить...» — как сзади на него налетел какой-то сокрушительный вихрь, и он с грохотом врезался в дверь, пытаясь отбиться от маленького облезлого существа. Существо, вынырнув из дождливой ночи, погрузило свои зубы глубоко в бедро толстяка, невзирая на многослойную защиту из кожаных бинтов. Последовала короткая, но ожесточенная схватка. Толстяк визжал и тыкал куда-то пальцем. Артур посмотрел в указанном направлении и увидел у двери увесистую дубину, очевидно специально припасенную для подобных случаев. Он схватил дубину и огрел ею нучтоещетамского болотного кабана.

Нучтоещетамский болотный кабан отцепился от толстяка и с удивленным видом поплелся в угол, где и остался, поджав хвост и вопросительно наклонив морду. Похоже, он вывихнул себе челюсть. Кабан тихонько повизгивал, стуча по полу хвостом. Толстяк с чемоданом Артура сидел у двери и, чертыхаясь, пытался остановить кровь из укушенного бедра. Одежда его насквозь промокла от дождя.

Артур смотрел на кабана, не зная, что делать дальше. Кабан все так же вопросительно смотрел

на него. Зверь попытался подойти поближе, жалобно повизгивая, потом с опаской пошевелил челюстью. Внезапно он рванулся к бедру Артура, но вывихнутая челюсть не дала ему вцепиться как положено, и он с отчаянным визгом рухнул на пол. Толстяк вскочил на ноги, схватил дубину, размозжил кабану череп и, отдуваясь, прислонился к стене.

Из месива, оставшегося от головы нучтоещетамского болотного кабана, на Артура с укоризной смотрел одинокий глаз.

— Как по-вашему, что он хотел сказать? — неуверенно спросил Артур.

— Да ерунда, — буркнул толстяк. — По-ихнему это дружеское приветствие. А это наша ответная любезность, — добавил он, помахав в воздухе дубиной.

— Когда будет ближайший рейс? — спросил Артур.

— Я так понял, вы только что прилетели, — заметил толстяк.

— Да. Но я и собирался-то ненадолго. Хотел только убедиться, то ли это место. Извините.

— Не туда, значит, попали? — ворчливо спросил толстяк. — Чудное дело, только эту фразу от всех и слышишь. — Он окинул останки болотного

кабана взглядом, полным древней ненависти.

— О нет, — торопливо сказал Артур. — Планета та самая. — Он поднял с кровати отсыревший буклет и сунул в карман. — Все в порядке, спасибо. Я возьму это. — Он забрал у толстяка свой чемодан, подошел к двери и выглянул в дождливую ночь. — Все верно, планета та самая, — повторил он. — Планета та. Только вот Вселенная другая.

Когда он возвращался в космопорт, над его головой пролетела одинокая птица.

Глава 8

Форд всю жизнь следовал своему собственному кодексу чести. Конечно, не Зарквон весть какому, зато своему, и Форд старался по возможности хранить ему верность. Одно из правил этого кодекса гласило: никогда не плати за выпивку из своего кармана. Он затруднялся сказать, относится ли это к понятию «честь», но все равно следовал этому правилу. Кроме того, он решительно выступал против любых проявлений жестокости по отношению к любым животным — делая исключение только для гусей. И наконец, он никогда и ничего не крал у своих работодателей.

Если только это можно назвать кражей.

Когда финансовый директор при виде расходов Форда не начинал задыхаться от ярости и не объявлял тревогу по всему зданию издательства с перекрыванием всех входов-выходов, Форд начинал подозревать, что теряет квалификацию. Но и разве это кража? Кража — это кусать руку, которая тебя кормит. Присасываться к ней, даже теребить ее губами — в рамках приличия. Но кусать ее нельзя. Особенно такую руку, как «Путеводитель». «Путеводитель» — это святое.

Но теперь, думал Форд, пробираясь по лабиринтам коридоров, пришла пора переоценки ценностей. Сами виноваты.

Только посмотрите: ничего, кроме серых перегородок и кабинетов. Во всем доме не слышно ничего, кроме жужжания пчел трудовых. За окнами на улице горожане с увлечением играют в «казаки-разбойники», а в здании никто даже не осмеливался запулить вдоль по коридору мячом или прогуляться до ксерокса в купальнике непристойной расцветки.

«Инфин-Идио энтерпрайзис»!» — фыркнул про себя Форд. Дверь за дверью открывались перед ним как по мановению волшебной палочки. Лифты с радостью опускали или поднимали его туда, куда ему не полагалось попадать. Форд выбрал по возможности самый длинный и запутанный путь, постепенно опускаясь вниз. Его маленький счастливый кибер позаботился обо всем, захлестывая охранные системы волнами безоблачного счастья.

Форд подумал, что роботу негоже оставаться безымянным, и решил назвать его Эмили Сандерс в честь одной девушки, о которой сохранил самые лучшие воспоминания. Потом он подумал, что имя Эмили Сандерс применительно к роботу-

охраннику звучит слишком абсурдно, и решил назвать его Колином в честь собачки Эмили.

Форд уже довольно далеко углубился в дебри здания, в ту его часть, где ему еще не приходилось бывать, в зону усиленной охраны. Охранники, которых он миновал, бросали на него все более удивленные взгляды. На таком уровне охраны их даже нельзя было назвать людьми. Теперь они делали только то, что требовалось от них уставом. Возвращаясь вечером домой, они снова становились людьми, и когда их детки, глядя на них своими невинными лучистыми глазками, спрашивали: «Папа, а что ты сегодня делал?» — те отвечали только: «Я нес охранную службу» — и ни слова больше.

Истина заключалась в том, что во все времена за лучезарным, душа-нараспашку фасадом, который «Путеводитель» выставляет напоказ, исподтишка творились и творятся самые мутные дела.

Вернее, таков был фасад, который «Путеводитель» выставлял напоказ, пока эта банда из «Инфин-Идио энтерпрайзис» не превратила его в обитель серой тоски. Во все времена светлое здание опиралось на фундамент темных сделок, не совсем законных афер и прочих нечистоплотных

делишек. А обделывались они в охраняемых как зеница ока отделах исследований и обработки информации.

Примерно каждые пять лет «Путеводитель» перемещал все свои операции — и соответственно здания — на новую планету. По мере того как «Путеводитель» пускал корни в местную культуру и экономику, все вокруг улыбались и аплодировали: это обеспечивало занятость, придавало блеск и разнообразило жизнь. Но тут оказывалось, что налоговые отчисления, на которые рассчитывали местные власти, тоже им улыбнулись.

Когда же «Путеводитель» исчезал, прихватив с собой здание, поневоле напрашивалось сравнение с татем в нощи. И вполне справедливое. Обыкновенно его бегство имело место в предрассветные часы, и с наступлением дня местным оставалось только подсчитывать убытки и потери. Целые культуры и экономические системы рушились в течение одной-двух недель, некогда процветающие планеты пребывали в шоке и разрухе. И все-таки им оставалось на память ощущение причастности к чему-то грандиозному.

«Оперативные работники» озадаченно косились на Форда, который бодро шествовал к самой святая святых здания, но успокаивались при

виде Колина, который прокладывал дорогу силой своего упоения.

Где-то в других частях здания робко начали подавать голос сирены. Возможно, Ванн Харла уже обнаружили, что могло создать некоторые сложности. Форд надеялся, что успеет сунуть «Идент-и-Прост» обратно ему в карман до того, как тот очухается. Ладно, эту проблему можно отложить на потом, хотя в настоящий момент Форд и не представлял себе, как будет ее решать: всякому овощу свое время. Пока что, где бы они с Колином ни появлялись, их всюду окружали кокон светлой радости и, что существеннее, доброжелательные лифты и гостеприимные двери.

Форд даже начал насвистывать. Ох, зря он так распустился. Свистунов не любят, а особенно их не любят божества, управляющие нашей жизнью.

Следующая дверь не открылась.

Это было обидно: ведь именно к этой двери и стремился Форд. Она красовалась перед ним — серая, наглухо закрытая, с надписью на уровне лица:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН!
В ТОМ ЧИСЛЕ ИМЕЮЩИМ ДОПУСК!

НЕ РАЗБАЗАРИВАЙ СВОЕ ВРЕМЯ!
ПШЕЛ ВОН!

Колин заметил, что чем ниже этажом, тем мрачнее настроение дверей.

Они находились примерно в десяти ярусах ниже уровня земли. Воздух был заметно прохладнее, и безвкусные серые обои уступили место брутальным стальным стенам в заклепках. Даже развязная эйфория Колина сменилась чуть натужной жизнерадостностью. Колин признался, что немного устал. Действительно, у кого угодно поубавилось бы энергии после общения с такой неприветливой дверью.

Форд пнул дверь ногой. Та открылась.

«Сочетание наслаждения и боли, — пробормотал он. — Что-что, а это всегда сработает».

Он вошел, и Колин за ним. Даже с замкнутым накоротко контуром наслаждения его счастье приобрело несколько нервический характер. Теперь он не приплясывал, а слегка трепетал.

Тесноватое серое помещение полнилось монотонным гудением.

Это был мозговой центр «Путеводителя».

Компьютерные терминалы у серых стен открывали доступ ко всем аспектам деятельности «Пу-

теводителя». Сюда по субэфирной сети стекалась информация от бродячих исследователей со всей Галактики. Информация поступала в кабинеты младших редакторов, где все заслуживающее внимания безжалостно вымарывалось секретаршами, поскольку сами младшие редакторы ушли обедать. Оставшаяся часть информации пересылалась в юридический отдел, занимавший другую половину здания. В юридическом отделе вымарывали все, что осталось относительно интересного, а результат передавали в кабинеты исполнительных редакторов, также хронически ушедших обедать. Их секретарши читали все это, говорили «Чушь» и «Мрак» и вымарывали почти все, кроме первого и последнего слова.

Когда выпускающий, отрыгиваясь, возвращался с обеда, он восклицал: «Что за бред этот Икс (где «Икс» означало имя того или иного полевого исследователя) прислал нам через всю Галактику, Зарквон ее подери! Стоило посылать кого-то в эти проклятые Зоны Разума Кагракашки на целых три периода, чтобы он слал оттуда такую ерунду! Спишите-ка расходы за его счет».

— А что делать с материалом? — спрашивала секретарша.

— Да в сеть вывесите, что ли. Может, кому и

пригодится. У меня что-то голова болит, я пошел домой.

После чего отредактированный материал возвращался в юридический отдел, потом снова в редакционный отдел и, наконец, рассылался по субэфирной сети по всей Галактике. И все это контролировалось терминалами, расположенными у правой стены маленькой серой комнаты.

Одновременно приказ перевести расходы на счет полевого исследователя спускался на компьютерный терминал, расположенный в дальнем правом углу комнаты. Именно к этому терминалу и ринулся сейчас Форд Префект.

(Если вы читаете эти строки на планете Земля, то:

А. Желаем вам удачи. На свете полным-полно всякой всячины, которой вы не знаете, но в этом вы не одиноки. Правда, именно в вашем случае это невежество имеет самые ужасающие последствия, но что ж, такова жизнь.

Б. Не воображайте, будто знаете, что такое компьютерный терминал.

Компьютерный терминал — это не громоздкий древний телевизор со стоящей перед ним пишущей машинкой. На деле это интерфейс, посредством которого тело и разум могут

связываться со Вселенной и перемешивать ее кусочки.)

Так вот, Форд подбежал к терминалу, плюхнулся в кресло перед ним и окунулся в его Вселенную.

Эта Вселенная не походила на ту, которую он знал. Она отличалась топографической разнузданностью: неестественно высокие горы, головокружительно бездонные пропасти, луны, то и дело рассыпающиеся в стаи морских коньков, сложенные в три погибели миры, беззвучные океаны и прыгучие летучие фриксы-чириксы…

Форд собрал свою волю в комок. Задержал дыхание, зажмурился и вновь раскрыл глаза.

Вот, значит, где проводят время наши бухгалтеры. Наверняка в этот пейзаж вкладывалось содержания больше, чем видел глаз. Форд осторожно оглянулся, стараясь не утонуть в волнах чудес.

Покамест он не сориентировался в этой Вселенной. Он не знал даже законов, определявших ее пространственную структуру, или ее поведение. Пока он полагался только на инстинкт, а инстинкт советовал ему найти самую примечательную деталь ландшафта и двинуться к ней.

В стороне, на весьма значительном удалении

— вакуум его разберет, в миле, в миллионе миль или в муравьином шажке от его носа, — вонзался в небо величественный горный пик, от которого, громоздясь друг на друга, ответвлялись агатисы[20], агломераты[21] и архимандриты[22].

Где ползком, где разбирая завалы, направился Форд к нему и спустя неопределенный, но по ощущению не имеющий окончательного предела промежуток времени достиг его.

Раскинув руки, изо всех сил цепляясь за коряВую поверхность, он полз по горному склону. А удостоверившись, что держится крепко, сдуру посмотрел вниз.

Все время, что он барахтался, полз и разбирал завалы, расстояние до земли мало его беспокоило. Но стоило ему повиснуть, цепляясь за скалу, как душа у него ушла в пятки. Пальцы побелели от напряжения. Зубы, напрочь выйдя из повиновения, клацали и выворачивались в разные стороны. Глаза ввалились, а тошнота накатывала волнами.

---

[20] Примечания: 20
Род хвойных деревьев семейства араукариевых. — *Примеч. авт.*

[21] Примечания: 21
Беспорядочное нагромождение. — *Примеч. авт.*

[22] Примечания: 22
Следующий за епископом церковный сан. — *Примеч. авт.*

Чудовищным усилием воли он заставил себя разжать пальцы и оттолкнуться от склона.

Он почувствовал, что отплывает все дальше от утеса. Более того, плывет — наперекор всем законам физики — вверх. Все выше, и выше, и выше…

Он расправил плечи, опустил руки, поднял глаза к небу, не мешая неведомой силе тянуть его наверх…

Постепенно (неизвестно сколько времени прошло в этой иллюзорной Вселенной) перед ним вновь вырос утес, за который можно было уцепиться, по которому можно было лезть вверх.

Он уцепился и полез.

Начал пыхтеть — утомительное дело, это лазанье.

Прижался к утесу — неизвестно, для того ли, чтобы не упасть или, наоборот, чтобы оттолкнуться как следует. Нет, ему просто надо было вцепиться во что-нибудь, чтобы еще раз оглядеться в этом мире.

От высоты голова вновь пошла у него кругом и кружилась до тех пор, пока он не очнулся, зажмурившись, жалобно хныча, цепляясь за чудовищную стену утеса.

Форд снова вернул себе контроль над своим

дыханием. Несколько раз медленно и внятно повторил себе, что находится всего лишь в вымышленном, графическом мире. В мнимой Вселенной. В иллюзорной реальности. Он может в любой момент выйти из нее.

И вышел.

Он сидел в синем кресле из обтянутого кожзаменителем поролона напротив компьютерного терминала.

Форд расслабился.

Он снова цеплялся за почти отвесную поверхность головокружительно высокого утеса.

Высота-то ладно… Вот только бы ландшафт внизу не трепетал бы так и не колыхался бы.

Надо держаться. Не за скалу — скала это иллюзия. Надо удержать ситуацию под контролем, посмотреть на мир, где он находился, без эмоциональных помех.

В то мгновение, когда он был готов еще раз оттолкнуться от скалы, он неожиданно догадался, что надо отринуть саму идею скалы. Теперь он сидел спокойно, вновь дышал ровно и с интересом разглядывал окружающий мир — разглядывал как хозяин.

Он находился в четырехмерной топологической модели финансовой структуры «Путеводи-

теля». Вероятно, с минуты на минуту кто-то или что-то поинтересуется, что он здесь делает.

А кстати, вот и они.

Вихляясь в иллюзорном пространстве, к нему приближался косяк противных на вид существ с маленькими коническими головками, острыми, как отточенные карандаши, усиками и медным взглядом. Еще издалека слышались их скрипучие голоса, вопрошающие, кто он, что он здесь делает, какой у него допуск, какой допуск у допустившего его сюда агента, какой у него объем бедер и охват лодыжки… и т. д. и т. п. С ног до головы его ощупал лазерный луч — бесцеремонно, будто какую-нибудь пачку печенья на контроле в супермаркете. Тяжелых лазерных ружей на него пока не наводили. Тот факт, что все происходило в иллюзорном пространстве, ничего не менял: иллюзорный лазер разит в иллюзорном пространстве наповал, ибо все мы живы, пока кажемся себе живыми, и умираем, когда нам начинает казаться, что мы мертвы.

Сняв лазерные отпечатки пальцев, сетчатки глаза, структуры волос, существа чрезвычайно возбудились. На Форда обрушился град вопросов сугубо личного характера. Скрипучие голоса от возбуждения срывались на визг. К шее Форда

потянулся маленький серебристый скальпель. И тут Форд, затаив дыхание и сотворив про себя молитву, вынул из кармана «Идент-и-Прост» Ванн Харла и помахал им перед носом у всей этой братии.

И сразу воцарилась тишина.

Весь косяк маленьких виртуальных стражей вытянулся по стойке «смирно».

— Рады вас видеть, мистер Харл, — хором выкрикнули они. — Мы можем вам чем-нибудь помочь?

Форд растянул губы в зловредной ухмылке.

— А знаете что… — произнес он. — Как ни странно, очень даже можете!

Пять минут спустя он покинул компьютерный центр.

Тридцать секунд у него ушло на саму работу и еще три минуты на то, чтобы замести следы. В мнимой Вселенной он мог творить все, что угодно. Или почти все. Он мог сам себе передать права на владение всей организацией, но это вряд ли сошло бы ему с рук. И вообще, еще чего не хватало! Жуткий груз ответственности, работа от утра до утра, не говоря уж о неизбежном судебном преследовании по обвинению в злостном мошенничестве и последующем прозябании в

тюрьме. Нет, ему нужно было совершить то, чего не заметит никто, кроме компьютера. Именно эта операция и заняла тридцать секунд.

Остальные три минуты ушли на введение в компьютер программы, заставившей машину напрочь позабыть все, что она успела заметить за эти тридцать секунд.

В компьютер надо было вложить сознательное желание игнорировать Форда, а там уж электронный мозг сам разберется, куда запрятать нежеланную информацию. Эту тактику программирования Форд позаимствовал у политиков: любой нормальный человек, избранный на высокую должность, волей-неволей вынужден блокировать целые фрагменты памяти и совести.

Еще минута ушла на то, чтобы обнаружить: один ментальный блок памяти и совести у компьютера уже стоит. Очень мощный, кстати.

В принципе Форд бы и сам этого не заметил, если бы не вводил программу блокировки. А так он тут же заплутался в целом лабиринте убедительных, безупречно гладких отговорок и хитроумных субпроцессов — именно в том месте, где собирался возвести свой, аналогичный лабиринт. Ну а компьютер отрицал все: и что в его

памяти находится блок, и что ему вообще есть что отрицать. Последнее он отрицал так убедительно, что даже Форд чуть не попался на удочку.

— Неслабо! — вскричал Форд.

И раздумал устанавливать свой блок, а просто переключил цепи на уже существующий, чтобы тот заодно разбирался и с запросами по поводу его, Фордовых, проделок.

Он взялся по-быстрому давить вирусов, которых запустил в компьютер сам, и тут же обнаружил, что они бесследно улетучились.

Он совсем было собрался запустить их в машину по второму разу, когда сообразил, что не замечает их только потому, что они уже ушли в подполье и принялись за работу.

Форд сыто ухмыльнулся.

Попытался выпытать у компьютера, что именно тот заблокировал в своей компьютерной памяти, но тот заблокировал самую память о том, что что-то блокировал. Комар носа не подточит. Вот и слава Зарквону. Форду даже самому померещилось, будто ничего и не было — так, одна игра воображения. Выдумка. Что-то там, связанное со зданием издательства и числом 13. Он быстро прогнал систему через несколько элементарных тестов. Точняк, сплошная игра фантазии — толь-

ко и всего.

Теперь некогда было петлять и заметать следы: по всему зданию наверняка объявлена тревога. Форд вскочил в лифт, поднимающийся до уровня входного вестибюля, чтобы там пересесть на скоростной лифт. Каким-то образом ему совершенно необходимо было вернуть «Идент-и-Прост» в карман Харла до того, как этого сокровища хватятся. Как — он еще не знал.

Двери лифта распахнулись, пропуская внутрь толпу охранников и роботов, ощетинившуюся омерзительным вооружением.

Ему приказали освободить кабину.

Форд пожал плечами и вышел. Оттолкнув его в сторону, вся орава ввалилась в лифт, и тот унес их вниз — искать злоумышленника в подвальной части здания.

«Вот это класс», — восхищенно подумал Форд, дружески похлопав Колина по стальному боку. Колин, пожалуй, был первым роботом на жизненном пути Форда, действительно способным приносить пользу. Он весело подпрыгивал в воздухе перед Фордом. «Хорошо, — подумал Форд, — что я назвал его в честь собаки».

Ему отчаянно хотелось унести ноги из здания

именно сейчас, но он знал, что шансы это проделать увеличатся, если Харл не заметит пропажи «Идент-и-Проста». Поэтому карточку необходимо было вернуть.

Они подошли к скоростному лифту.

— Привет! — сказал лифт, когда они зашли.

— Привет, — откликнулся Форд.

— Куда вам, ребята? — спросил лифт.

— На двадцать третий, — ответил Форд.

— Похоже, этот этаж пользуется сегодня особой популярностью, — заметил лифт.

«Гм, — подумал Форд. — Дело пахнет керосином». Лифт высветил на табло «23» и взмыл вверх. Что-то в этом табло привлекло внимание Форда, но он не понял, что именно, а потому перестал об этом думать. Его больше беспокоило то, что нужный ему этаж пользуется особой популярностью. Он не думал пока, как будет выкарабкиваться из ожидавшей его заварухи, поскольку не имел ни малейшего представления о том, что его там ждет. «Сымпровизируем как-нибудь».

Лифт остановился.

Двери разъехались.

Зловещая тишина.

Пустой коридор.

Вот она, дверь в кабинет Харла, прямо перед

ним. На двери лежал тонкий слой пыли. Форд знал, что эта пыль состоит из крохотных молекулярных роботов, которые повылезали из ушей стены, собрали друг друга, восстановили выбитую дверь, разобрали друг друга и ушли в уши стены до следующего раза. Форду всегда было интересно, что это за форма жизни. Но не теперь, ибо своя собственная жизнь волновала его куда больше.

Набрав в грудь воздуха, он ринулся вперед.

Глава 9

Артура изводила какая-то маета. М-да, чудное это дело — вся Галактика перед ним открыта, а ему недостает только двух мелочей — планеты, где родился, и женщины, которую любил!

Да провались оно пропадом, подумал он. Что ему сейчас нужно — так это помощь и совет. Он достал «Путеводитель». Заглянул в раздел «Помощь» и прочел: «См. разд. «СОВЕТЫ». Заглянул в раздел «Советы» и прочел: «См. разд. «ПОМОЩЬ». Последнее время «Путеводитель» часто откалывал такие номера — может, тоже с тоски-кручины?

Артур направил свои стопы к Манжете Восточного Рукава Галактики, где, по слухам, только и можно в наши дни найти мудрость и истину. Особенно на планете Гавалиус — обители оракулов, ясновидящих, знахарей и пиццерий на вынос, ибо по большей части оракулы, ясновидящие и знахари не умеют готовить сами.

Что бы там ни говорили про планету, на деле она оказалась какой-то ненормально тихой. Улица в деревушке пророков, по которой шагал Артур, казалось, совершенно вымерла. Един-

ственный пророк, которого он увидел, как раз закрывал свою лавочку, и вид у него был не очень-то процветающий. Артур направился к нему и спросил, что здесь происходит.

— Нет спроса, — буркнул тот, мрачно вбивая гвоздь в доску, чтобы заколотить витрину-окно своей хижины.

— В самом деле? Но почему?

— Подержи-ка вон тот конец — покажу.

Артур придержал еще не приколоченный конец доски. Старый пророк нырнул в дом и вернулся с портативным субэфирным приемником. Включил его, поколдовал с настройкой и поставил на маленькую лавку, с которой обычно пророчествовал, вслед за чем взял молоток и вернулся к заколачиванию окошка.

Артур сел рядом с приемником и напряг слух.

— … требует подтверждения, — проскрипел приемник. — Завтра, — продолжал он, — вице-президент Пофф-фигуса Рули Га Стин объявит о намерении баллотироваться на пост президента. В своей завтрашней речи он…

— Переключи диапазон, — буркнул пророк.

Артур покрутил ручку настройки.

— … отказался комментировать, — произнес приемник. — На следующей неделе уровень

безработицы в секторе Забух вырастет до самой высокой отметки с момента изобретения статистики. Доклад, который опубликуют через неделю…

— Поищи еще что-нибудь, — бросил пророк.

Артур снова покрутил ручку.

— … категорически это отрицает, — произнес приемник. — В следующем месяце Высочайшее Бракосочетание принца Джида из династии Суфлингов и принцессы Гуули Руйя-Альфийской станет самой ослепительной церемонией, какую только видели на Территориях Бьянджи. Слово нашему специальному корреспонденту Триллиан Астра…

Артур выкатил глаза.

Приемник разразился восторженным ревом толпы и уханьем духовых оркестров. Очень знакомый голос произнес:

— Ну что ж, Крарта, у нас тут в середине будущего месяца творится нечто абсолютно несказанное! Ослепительная принцесса Гуули в своей…

Пророк смахнул приемник с лавки на пыльную дорогу, и тот закудахтал, как бракованный цыпленок.

— Теперь видишь, с чем мы столкнулись? — буркнул пророк. — Подержи-ка. Не это, вот это.

Нет, не так. Этим вверх. Да поверни ты его, балбес!

— Я слушал передачу, — запротестовал Артур, вертя в руках молоток.

— Все вы так. Вот поэтому нашей деревне и каюк. — Старик смачно сплюнул в пыль.

— Нет, я хотел сказать, это, кажется, была одна моя знакомая.

— Кто, принцесса Гуули? Да у меня рука отсохла бы здороваться со всеми, с кем она только трахалась.

— Не принцесса, — устало сказал Артур. — Корреспондентка. Ее зовут Триллиан. Только вот не знаю, откуда у нее эта фамилия — Астра. Мы с ней с одной планеты. Я как раз гадал, где она сейчас.

— А, эта… Носится по всему континууму. Мы здесь, дело ясное, не принимаем трехмерное ТВ — Большому Зеленому Арклесизуру спасибо, — но по радио она все время. Из всех точек пространства-времени. Пытается найти себе место для нормальной жизни, стабильные времена — рано или поздно этого все хотят. Да только ничем, кроме слез, это не кончится. Если уже не кончилось. — Он замахнулся молотком и врезал себе по пальцу, после чего исполнился Духа Святого и заговорил на двунадесяти языках. Выразительно,

но непонятно.

В деревушке оракулов дела обстояли не лучше. Артур слышал, что лучший оракул — это тот, к которому обращаются за советом другие оракулы. Однако этот оракул не работал. На двери его белело объявление, гласившее:

УМА НЕ ПРИЛОЖУ
ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ У СОСЕДЕЙ
НО ЭТО Я ВАМ НЕ КАК ОРАКУЛ СОВЕТУЮ,
А КАК ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

«Соседи» проживали в пещере в нескольких сотнях ярдов от дома оракула. К ним-то Артур и направился. Перед пещерой потрескивал небольшой дымный костерок, над которым кипел помятый котел. От котелка исходил весьма и весьма неприятный запах. А может, не от котелка: тут же на бельевой веревке сушились кишки местных козообразных животных — тоже возможный источник запаха. Кроме того, в опасной близости находилась целая груда расчлененных тел местных козообразных — и тоже воняла.

Впрочем, с не меньшей вероятностью источником запаха могла быть и леди преклонного возраста, отгонявшая от этой кучи мух. Занятие

это было неблагодарное — каждая муха достигала величины пивной банки, а единственным оружием старой леди являлась ракетка для настольного тенниса. Кроме того, старушка, похоже, была подслеповата. Тем не менее иногда ее ракетка по чистой случайности с удовлетворенным стуком ударяла по какой-нибудь мухе — и насекомое, пулей просвистев в воздухе, размазывалось по скале у входа в пещеру.

Старая леди реагировала на эти победы с таким восторгом, что сразу становилось ясно — именно ради таких мгновений она и живет.

Артур некоторое время наблюдал это экзотическое представление с вежливой дистанции; потом попытался деликатным покашливанием привлечь внимание дамы. Для деликатного покашливания, увы, вначале потребовалось сделать вдох.

Вдохнув несколько больше местной атмосферы, чем ожидал, Артур захлебнулся отчаянным кашлем и, обессиленный, истекая слезами, привалился к скале. Он попытался отдышаться, но с каждым новым вдохом ему становилось все хуже. Его вырвало, он сложился вдвое, перекатился через собственную блевотину, прокатился еще несколько ярдов и в конце концов смог выползти

на карачках на чуть более свежий воздух.

— Простите меня, — прохрипел он, слегка отдышавшись. — Ради Бога извините. Я чувствую себя полнейшим идиотом и… — Он беспомощно махнул рукой на заблеванный вход в пещеру. — Ну что тут еще скажешь?

По крайней мере он привлек внимание пожилой леди. Она подозрительно покосилась в его сторону, однако по слепоте не смогла разглядеть его на фоне скалистого пейзажа.

Он с надеждой помахал ей рукой.

— Эй, здравствуйте! — крикнул он.

Это помогло даме определить его местонахождение. Она пробурчала что-то себе под нос и вновь занялась мухами.

По произведенному этим ее движением возмущению воздуха Артур заключил, что основным источником запаха была все-таки она сама. Сохнущие кишки, разлагающиеся туши и кипящий котел, возможно, вносили свою лепту в общий букет, однако основу его составляла, несомненно, она сама.

После нескольких неудачных замахов ракетка наконец ударила по очередной мухе. Та шмякнулась о скалу и разлетелась по ней брызгами, что, безусловно, доставило бы пожилой леди глубокое

удовлетворение, если бы она только могла видеть эту картину.

Артур с усилием поднялся на ноги и как мог почистился пучком пожухлой травы. Как еще заявить о своем присутствии, он не знал. С одной стороны, он был готов двинуться дальше, с другой — ему неловко было оставлять свою блевотину у входа в пещеру. Впрочем, чем ее убрать, он тоже не знал. Он начал было собирать с этой целью пожухлую траву, но испугался, что, начав уборку, скорее добавит к блевотине у входа новую порцию.

Углубившись в эти размышления, он не сразу заметил, что старая леди что-то ему говорит.

— Извините? — спохватился он.

— Я спрашивала, не могу ли я вам помочь, — повторила та скрипучим голоском, таким тихим, что он едва разобрал слова.

— Э… я пришел спросить у вас совета, — ответил он, ощущая себя полнейшим дураком.

Она, подслеповато щурясь, оглядела его, отвернулась, замахнулась ракеткой на муху и промазала.

— Какого совета? — спросила она.

— Извините?

— Я спросила: какого совета?

— Ну… общего характера. В путеводителе написано…

— Ха! В путеводителе! — презрительно фыркнула старая леди и сплюнула. Она продолжала размахивать своей ракеткой, хотя особенно не целилась.

Артур вытащил из кармана помятый путеводитель по планете. Зачем, он сам не знал. Сам он его уже читал, а пожилая леди, как ему показалось, этого делать не собиралась. Все же он раскрыл его и, задумчиво хмурясь, пробежал глазами несколько страниц. Там взахлеб рассказывалось о древнем искусстве магов и предсказателей Гавалиуса, а также бесстыдно расхваливались красивые и комфортабельные отели, ожидающие гостей города Гавалиона. Также у Артура был с собой экземпляр «Путеводителя» с большой буквы, однако недавно в машинке что-то разладилось — на экране в основном высвечивались «Х», «Й» и «{». Однако связаны ли эти неполадки с его персональной машиной, или это само сердце и мозг «Путеводителя» — издательство — захворало, а то и просто галлюцинировало, он не знал. Так или иначе, он доверял «Путеводителю» еще меньше, чем обычно, то есть ни капельки, — и пользовался им теперь то вместо стола, то вместо

табуретки.

Пожилая леди медленно подковыляла к нему. Артур попытался незаметно определить направление ветра и чуть-чуть подвинулся.

— Совет? — переспросила она. — Значит, совет, так?

— Э… да, — согласился Артур. — Дело в том…

Он еще раз нахмурился и заглянул в брошюру удостовериться, что не ошибся и прочитал нужную страницу. Там было написано: «Дружелюбные жители нашей планеты с радостью поделятся с вами знаниями и мудростью предков. Загляните с их помощью в тайны прошлого и будущего!» К сему прилагались льготные купоны, но Артур стеснялся вырезать их и предлагать кому-то.

— Совет, да? — повторила старая леди. — Как вы сказали, совет общего характера. Типа «делать жизнь с кого», так, что ли?

— Да, — признался Артур. — Вроде того. С жизнью у меня как-то не очень иногда вытанцовывается, если быть совсем честным. — Он отчаянно пытался держаться от нее с наветренной стороны, однако старуха, к его удивлению, отвернулась и заковыляла обратно к пещере.

— Тогда вам придется помочь мне с ксерок-

сом, — бросила она через плечо.

— Что? — не понял Артур.

— С ксероксом, — терпеливо повторила она. — Помогите мне вытащить его. Он на солнечных батареях. Мне приходится держать его в пещере. Чтобы птицы не за… ради совсем.

— Ясно, — кивнул Артур.

— На вашем месте я бы сначала воздуха в легкие набрала, — пробормотала старая леди и исчезла в пещере.

Артур последовал ее совету. Он как следует проветрил легкие. Почувствовав, что готов, задержал дыхание и нырнул следом.

Ксерокс оказался старой громоздкой штуковиной на скрипучей тележке. Он стоял в полумраке в глубине пещеры. Колеса тележки смотрели в разные стороны. Каменный пол пещеры был, мягко скажем, неровный.

— Сбегайте наружу, отдышитесь, — посоветовала старая леди, видя, что лицо Артура приобрело слегка багровый оттенок.

Тот облегченно кивнул. Раз уж его реакция ее не оскорбляет, к чему отказываться? Он выскочил на воздух, сделал несколько глубоких вдохов и вернулся толкать тележку. Прежде чем машина оказалась снаружи, ему пришлось несколько раз

сбегать туда и обратно.

Старуха еще раз нырнула в пещеру и вернулась с двумя слегка выщербленными пластинами солнечных батарей, которые и подключила к машине.

Она посмотрела на небо. Солнце стояло высоко, но порой его заволакивали облака.

— Придется подождать, — заявила она.

Артур ответил, что счастлив подождать немного. Старая леди вздохнула и заковыляла к костру, над которым булькал котелок, и потыкала в него палкой.

— Перекусить не желаете? — поинтересовалась она у Артура.

— Спасибо, я обедал, — поспешно ответил он. — Нет, правда обедал.

— Ну да, конечно, — согласилась пожилая леди, не прекращая мешать палкой содержимое котла. Выждав пару минут, она выудила из него кусок чего-то, подула на него, чтобы тот остыл, и положила в рот.

Некоторое время она задумчиво жевала.

Потом она прохромала к груде тел местных козообразных животных и выплюнула в эту кучу недожеванный кусок. Вернувшись к котелку, попробовала отцепить его от треноги, к которой

тот был подвешен.

— Вам помочь? — вежливо поинтересовался Артур.

Вдвоем они отцепили котелок и не без опаски отнесли его вниз по склону к цепочке кустов, окаймлявшей обрыв. Со дна обрыва поднимался целый букет совершенно новых для Артура запахов.

— Готовы? — спросила старая леди.

— Д-да… — неуверенно ответил Артур, не совсем представлявший себе, к чему он должен приготовиться.

— Раз, — объявила пожилая леди. — Два, — продолжила она. — Три! — воскликнула она ликующе.

Артур вовремя сообразил, что она имеет в виду. В четыре руки они вывернули содержимое котелка вниз.

По прошествии часа или двух неловкого молчания пожилая леди решила, что солнечные батареи достаточно зарядили ксерокс, и снова скрылась в пещере. Обратно она вышла, держа в руке несколько листков бумаги, которые и заправила в машину.

Отпечатанные копии она передала Артуру.

— Э… это и есть ваш совет, да? — спросил Артур,

бестолково вертя в руках страницы.

— Нет, — ответила пожилая леди. — Это моя автобиография. Видите ли, качество совета, который ты даешь кому-то, измеряется той жизнью, какую ведешь ты сам. Так что, заглянув в эти записки, вы легко найдете все основные решения, что я принимала за свою жизнь. Они подчеркнуты и выделены пометками на полях. Нашли? Все, что я могу вам предложить, — это принимать в своей жизни решения, прямо противоположные тем, что принимала я. Тогда вам, возможно, удастся избежать того… — она шумно перевела дух, — чтобы окончить жизнь в такой вот вонючей норе!

Она схватила свою ракетку и с ожесточением набросилась на мух.

В последней деревушке, куда попал Артур, проживали исключительно столпники. Вместо домов здесь высились столбы, такие высокие, что невозможно было определить, сидит на них кто или нет. Артуру пришлось забраться по очереди на три столба, прежде чем он нашел один, наверху которого было что-то еще помимо засиженного птицами помоста.

Это далось ему нелегко. Лезть на столб приходилось по коротким деревянным жердочкам,

прибитым к нему по бесконечной спирали. Будь на месте Артура обычный турист, тот давно уже сделал бы пару снимков на память и смылся в ближайший гриль-бар, где продаются те самые бесподобные шоколадные кексы, которые так приятно уплетать на глазах у изнуряющих себя постом схимников. Правда, схимников в последнее время резко поубавилось — возможно, именно из-за туристов с кексами. Большая их часть, если верить официальным источникам, переселилась на Северо-Западную Стремнину Галактики и основала там многочисленные платные центры терапии. Жизнь там в семнадцать миллионов раз легче, а шоколад в сто двадцать раз вкуснее. Как выяснилось, большая часть схимников впервые узнала о шоколаде только после того, как отказалась от мирских радостей. Большая часть клиентов, проходящих лечение в их платных центрах терапии, знает о шоколаде прискорбно много.

На маковке третьего столба Артур задержался передохнуть. Он взмок, как мышь, чуть не задохнулся, пока карабкался: каждый столб был футов пятьдесят — шестьдесят высотой. Окружающая действительность подозрительным образом раскачивалась, но это его не слишком смущало: он

знал, что по логике вещей не может погибнуть, пока не побывает на Бете Ставромулоса, а потому приучился игнорировать все опасности. Голова при взгляде вниз немного кружилась, но от этой немощи помог сандвич. Он уже совсем было собрался углубиться в чтение ксерокопированного жизнеописания пожилой леди-оракула, когда его вспугнуло легкое покашливание за спиной.

Он резко обернулся, выронив при этом сандвич, который не преминул стремительно исчезнуть внизу.

Футах в тридцати позади Артура находился еще один столб, выделявшийся среди трех десятков других столбов тем, что на нем кто-то сидел. Это был старик. Судя по кряхтению и стенаниям, старика одолевали не самые радостные мысли.

— Извините, — сказал Артур.

Старик его проигнорировал. А может, просто не услышал — все ж таки дул ветер. Счастье еще, что Артуру удалось услышать кашель старика.

— Алло! — крикнул Артур. — Эй!

Старик вздрогнул и оглянулся в его сторону. Для него, похоже, Артур тоже оказался изрядным сюрпризом. На расстоянии Артуру не удалось разобрать, был ли тот приятно удивлен его появлением или просто удивлен.

— У вас открыто? — крикнул Артур.

Старик непонимающе нахмурился. Артур опять не смог разгадать, не понял тот его или просто не расслышал.

— Я сейчас к вам поднимусь! — пообещал Артур. — Не уходите!

Он сполз с помоста и торопливо полез вниз по спиральной лестнице, отчего голова закружилась еще сильнее.

Он уже бежал к столбу, на котором сидел старик, и тут сообразил, что по пути вниз потерял ориентацию и совсем не уверен, который из столбов нужный.

Поразмыслив, прикинул, какой из столбов ему нужен.

И только забравшись наверх, убедился, что ошибся.

— Черт, — невольно вырвалось у Артура. — Извините! — крикнул он старику, находившемуся теперь буквально перед ним — в каких-то сорока футах по горизонтали. — Я тут немного заблудился. Через минуту буду у вас.

Снова вниз. Снова пот, снова головокружение. Усталость накапливалась.

Когда он с выкаченными глазами добрался до верхушки нужного столба, то убедился, что пал

жертвой бессовестного издевательства.

— Ну чего тебе? — раздраженно крикнул ему старик. Теперь он восседал на верху столба, в котором Артур безошибочно узнал тот самый, на котором только что сам ел свой сандвич.

— Как вы туда попали? — крикнул совершенно сбитый с толку Артур.

— Думаешь, я тебе за здорово живешь расскажу, как я сорок лет, весен и осеней сидел здесь и учился это делать?

— А зимой?

— Что — зимой?

— Вы что же, зимой на столбе не сидите?

— Если я большую часть жизни просидел на столбе, — обиделся старик, — это еще не значит, что я идиот. Зимой я перебираюсь на юг. У меня там домик на взморье. Сижу там на трубе.

— У вас не найдется совета страннику?

— Найдется. Заведи себе домик на взморье.

— Ясно.

Старик окинул взглядом выжженный, закопченный, пустынный пейзаж. С высоты Артур кое-как разглядел старую леди, все еще сражающуюся с мухами у своей пещеры.

— Видишь ее? — неожиданно спросил старик.

— Да, — ответил Артур. — Если честно, я к ней

уже обращался.

— Умная очень. Я купил тот домик на взморье только потому, что она от него отказалась. Что она тебе насоветовала?

— Делать все прямо противоположное тому, что делала она.

— Другими словами, заведи себе домик на взморье.

— Пожалуй, — согласился Артур. — Ну что ж, может, и заведу.

— Гм-м-м-м.

Горизонт терялся в жарком мареве.

— А еще совет? — спросил Артур. — Что-нибудь, не связанное с недвижимостью?

— Домик на взморье — это тебе не просто недвижимость. Это состояние души, — возразил столпник, обернувшись и глядя на Артура в упор.

Странное дело: его лицо находилось на расстоянии какой-то пары футов от Артура. Его тело ничуть не исказилось, и в то же время туловище старика сидело по-турецки на столбе в сорока футах от Артура, а вот лицо было совсем рядом. Не повернув головы, не делая ничего сверхъестественного, он встал и перешагнул на помост соседнего столба. От жары мерещится, решил Ар-

тур. Или же старик живет в своем пространстве.

— И даже не обязательно, — продолжал столпник, — чтобы «домик на взморье» находился на настоящем взморье. Хотя взморье — это идеальный вариант. Вся штука в том, что в пограничном состоянии, между двух стихий, мы чувствуем себя лучше.

— Действительно? — вежливо удивился Артур.

— Там, где земля встречается с водой. Там, где земля встречается с небом. Где тело встречается с духом. Пространство со временем. Нам приятно находиться на границе миров и, посиживая в одном, заглядывать в соседний.

Артур ощутил прилив воодушевления. Вот оно то, что обещала ему брошюра. Вот человек, странствующий по этакому Эшерову пространству, изрекая на ходу мудрые мысли!

Правда, на нервы это немножко действовало. Столпник раздухарился и теперь скакал со столба на столб, с того — на землю, с земли — на другой столб, со столба — на горизонт и обратно. Одним словом, глумился над привычным Артуру пространством, как только возможно.

— Остановитесь, пожалуйста! — не выдержал Артур.

— Тяжело, да? — ехидно спросил старик. В

следующий же миг, не сделав ровным счетом ни одного усилия, он снова оказался сидящим по-турецки на столбе в сорока футах от Артура. — Пришел ко мне за советом, а сам всего нового-незнакомого до смерти боишься. Гм. Придется, значит, сказать тебе что-то, что ты сам знаешь, но чтоб оно тебе показалось новым. Верно? Ну что ж, обычное дело. — Он вздохнул и печально зажмурился; затем спросил: — Откуда ты, сынок?

Артур решил вести себя поумнее. Очень уж ему надоело, что все, с кем он до сих пор встречался здесь, держали его за идиота.

— Я вот что скажу, — ответил он. — Вы же ясновидец? Вот и скажите сами.

Старик опять вздохнул.

— Я просто хотел, — произнес он, занеся руку за голову, — найти тему для разговора.

Когда его рука, описав вокруг головы круг, вновь показалась, на ее указательном пальце вращался маленький глобус Земли. Да, то была Земля — Артур мог руку на отсечение дать. Столпник тут же спрятал глобус обратно. Артур буквально остолбенел, то есть застыл как столб, на котором сидел.

— Откуда вы мо…

— Вот этого я сказать не могу.

— Но почему? Я столько к вам добирался…

— Ты не можешь видеть того, что вижу я, ибо видишь только то, что видишь. Ты не можешь знать того, что знаю я, ибо знаешь только то, что знаешь. То, что вижу и знаю я, нельзя просто взять и приплюсовать к тому, что видишь и знаешь ты, ибо они различны по своей природе. И заменить одно другим тоже нельзя, ибо тогда мне придется заменить всего тебя мной.

— Погодите-ка, можно я это запишу? — спросил Артур, возбужденно роясь в карманах в поисках карандаша.

— Купи лучше книжку в космопорту, — посоветовал старик. — Там этого добра навалом.

— А-а, — разочарованно вздохнул Артур. — Скажите, а чего-нибудь более персонального для меня нет?

— Все, что ты видишь, слышишь, переживаешь, — это и есть твое, персональное. Ты строишь вокруг себя собственную Вселенную — ту, которую воспринимаешь. Поэтому та Вселенная, которую ты воспринимаешь, принадлежит одному тебе. Персонально.

Артур посмотрел на него с сомнением.

— Это я тоже найду в космопорту? — спросил

он.

— Попробуй, — ответил старик.

— Тут вот написано, — замялся Артур, вынимая из кармана местный путеводитель, — что я могу получить от вас мою личную молитву. Специально для меня и моих проблем.

— Само собой, — кивнул старик. — Будет тебе молитва. Карандаш приготовил?

— Ага.

— Тогда пиши. Скажем, так: «Не дай мне узнать того, чего мне знать не нужно. Не дай мне даже узнать, что в мире есть то, чего мне знать не нужно. Не дай мне узнать, что я не желаю знать того, чего знать не желаю. Аминь». Вот. Ты так и так в глубине души молишься об этом, так почему бы тебе не делать этого вслух?

— Гм, — промолвил Артур. — Ну спасибо…

— К этой прилагается еще одна молитва, весьма важная, — продолжал старый столпник, — так что запиши-ка и ее тоже.

— О'кей.

— Значит, так: «Боже, Боже, Боже…» — ну это для подстраховки чем больше раз повторишь, тем лучше… Итак: «Боже, Боже, Боже! Храни меня от последствий моей предыдущей молитвы. Аминь». По большей части люди попадают в

передряги именно потому, что об этой дополнительной молитве забывают.

— Вам не приходилось слышать о Бете Ставромулоса? — спросил Артур.

— Нет.

— Ну что ж, спасибо за помощь, — сказал Артур.

— Не бери в голову, — ответил столпник и исчез.

Глава 10

Форд с разбега врезался в дверь кабинета главного и, как только она треснула под ударом и рухнула на пол, свернулся в клубок, перекатился в угол, где стоял элегантный кожаный диван, и занял стратегическую позицию за его спинкой.

По крайней мере таков был план.

Увы, элегантный кожаный диван отсутствовал.

Ну откуда, думал Форд, отталкиваясь на лету от воздуха и ныряя под прикрытие стола Харла, у людей эта странная страсть переделывать интерьер каждые пять минут?

Зачем в данном конкретном случае заменять совершенно новый, хоть и скучноватый диван с обшивкой из мягкой серой кожи — так вот, зачем заменять этот полезный предмет мебели чем-то больше всего похожим на небольшой танк?

А это еще что за детина с портативной ракетной установкой на плече? Кто-то из руководства? Не похоже. Так. Он находится в кабинете главного редактора. По крайней мере раньше здесь был кабинет главного редактора. Зарквон знает, откуда взялись эти ребята из «Инфин-Идио

энтерпрайзис». Судя по землистому цвету кожи, у них там не слишком много солнца. Наглость какая, подумал Форд. К «Путеводителю» можно допускать только тех, кто родился и вырос на теплых солнечных планетах.

Что касается людей, их в кабинете находилось несколько; оружия и амуниции на них было навешано больше, чем можно ожидать от обычных служащих даже в волчьем мире нынешнего бизнеса.

Конечно, за недостатком времени Форд мог делать не выводы, а лишь предположения. Во-первых, он предположил, что здоровенные парни с бычьими шеями и внешностью огромных слизняков имеют некоторое отношение к «Инфин-Идио энтерпрайзис». Это вытекало из надписей на их панцирях. В то же время Форда мучило подозрение, что речь вдет отнюдь не об обычной планерке у главного. Мало того, его преследовало ощущение, что эти чудища ему откуда-то знакомы. Знакомы, хоть и одеты как-то незнакомо.

Ну ладно. Он пробыл в кабинете уже целых две с половиной секунды. Пора перейти к конструктивной деятельности. Например, взять заложника. А что, неплохая идея.

Ванн Харл сидел в своем кресле с встревоженным, можно даже сказать, потрясенным видом. Похоже, помимо крепкого удара затылком о стекло, он пережил еще что-то малоприятное. Форд вскочил и ринулся к нему.

Сделав вид, что собирается схватить его за горло, Форд исхитрился засунуть «Идент-и-Прост» тому в карман.

Вуаля!

Цель визита достигнута. Теперь можно и смотать удочки.

— О'кей, — сказал он. — Я… — и осекся.

Здоровяк с ракетной установкой поворачивался в сторону Форда Префекта, самым неучтивым образом целясь в него.

— Я… — повторил Форд и тут же, повинуясь интуитивному порыву, нырнул под стол, волоча за собой Харла.

С оглушительным ревом из задней части пусковой трубы вырвались языки пламени, а из передней — сама ракета.

Ракета просвистела над головой Форда и ударила в окно, брызнувшее миллионом осколков. Взрывная волна ураганом прошлась по кабинету, вышвырнув в окно пару кресел, шкафчик-картотеку и маленького робота-охранника по кличке

Колин.

«Ага! Выходит, прямого попадания окна все-таки не выдерживают, — подумал про себя Форд Префект. — Стоило бы врезать кое-кому по ушам за обман потребителей». Он отпустил Харла и попытался выбрать наилучший путь для бегства.

Противник взял его в кольцо.

Здоровяк с ракетной установкой уже изготавливался к новому выстрелу.

Форд никак не мог придумать, что же ему делать дальше.

— Послушайте, — произнес он спокойно. Однако не знал, имеет ли смысл обращаться к Инфин-Идио-слизнякам — хоть спокойным голосом, хоть неспокойным. «Кой черт, — подумал он, — молодость дается лишь однажды» — и выбросился в окно. По крайней мере инициатива осталась за ним.

Глава 11

Первое, что надо было сделать Артуру Денту, как он в итоге скорбно осознал, — это перестать беспокоиться и начать жить. То есть ему нужно было найти планету, на которой он смог бы жить, дышать, вставать и садиться, не испытывая неудобств с гравитацией, и на которой не идут кислотные дожди, а растительность не норовит тебя сожрать.

— Не сочтите меня антропорасистом, — объяснял он странному существу за стойкой Консультационного центра по вопросам миграции на Пинтльтоне Альфа, — но я предпочел бы жить где-то, где люди похожи на меня, понимаете? Среди гуманоидов.

Странное существо за стойкой помахало в воздухе какой-то частью своего тела — не то конечностью, не то начальностью — с таким видом, будто подобное заявление его несколько шокировало. Заболотившись, существо сползло с сиденья, медленно проползло по полу, проглотило старомодный шкаф с картотекой, а затем, звучно рыгнув, родило нужный ящик. Из уха существа вытянулась пара блестящих, скользких

щупалец.

Оно вытащило из ящика несколько папок, засосало ящик обратно и вновь выплюнуло шкаф на пол. После чего так же медленно вернулось на место и выложило папки на стойку.

— Посмотрите, не найдете ли чего, — предложило оно.

Артур с опаской перебирал покрытые слизью карточки. Он попал на какие-то галактические задворки, в самый дальний левый угол известной и интересной ему Вселенной. Там, где полагалось находиться его дому, располагалась какая-то тухлая планета, населенная исключительно неудачниками и болотными кабанами. Даже «Путеводитель» работал здесь через пень-колоду, вследствие чего ему и приходилось наводить справки в учреждениях, подобных вышеописанному. Еще он непременно расспрашивал всех про Бету Ставромулоса, но до сих пор никто и слыхом не слыхал о такой планете.

Предложенные ему миры выглядели непривлекательно. Они мало что имели ему предложить. Правда, и он сам мало что имел предложить им. Не без боли осознал он тот факт, что, хотя и попал сюда с планеты, на которой были автомобили, и компьютеры, и балет, и арманьяк, сам он не

имел представления о том, как все это устроено. Своими руками он не смастерил бы даже тостера. Максимум, на что он был способен сам, — это соорудить сандвич. И только. Вряд ли на такие услуги найдется спрос.

Артур упал духом. Это удивило его, поскольку раньше ему казалось, что он уже упал духом ниже некуда. На мгновение он зажмурился. Мамочки, как же ему хотелось вернуться домой. Ему отчаянно хотелось, чтобы ту Землю, на которой он вырос, никто не уничтожил. Ему отчаянно хотелось, чтобы ничего того, что произошло, не происходило. Ему так хотелось, чтобы, открыв глаза, он оказался на пороге своего домика в западной Англии, чтобы солнце освещало зеленые холмы, по шоссе катился зеленый фургончик, в саду цвели тюльпаны, а владелец ближайшего паба как раз открывал свое заведение. Ему хотелось взять газету и неспешно прочитать ее в пабе за пинтой горького. Ему хотелось решить кроссворд. А больше всего ему хотелось намертво застрять на номере семнадцать по горизонтали…

Он открыл глаза.

Перед ним пульсировало странное существо, нетерпеливо постукивая по стойке псевдоподией.

Артур тряхнул головой и взял следующую карточку.

«Тоска», — подумал он и взял следующую.

«Тоска смертная». — Следующая…

«Ого! Это уже посимпатичнее».

Планета называлась Бартледан. Там был кислород. Там были зеленые холмы. Там, похоже, существовала даже какая-то литература. Но более всего Артура заинтересовала фотография группы обитателей Бартледана, улыбавшихся в объектив на деревенской площади.

— Ах, — только и сказал он, протягивая снимок существу за стойкой.

Оно внимательно обшарило снимок своими глазами на стебельках, оставляя на нем следы слизи.

— Ну да, — с плохо скрываемым отвращением произнесло существо, — точная ваша копия.

Артур прилетел на Бартледан и, потратив кой-какие деньги, заработанные на продаже обрезков ногтей и слюны в банк ДНК, купил себе комнату в той самой деревушке с фотографии. Тут было славно. Хвойный воздух, похожие на него люди, не имевшие ничего против его присутствия. Они не приставали к нему с ерундой. Он прикупил себе одежды и завел шкаф, чтобы хранить ее.

Начало новой жизни было положено. Оставалось найти какую-то цель жизни.

Поначалу он решил засесть за книги. Но бартледанская литература, слава о которой ходила по всему сектору Галактики, не возбудила у него интереса. Дело в том, что она рассказывала не о людях. И не об их помыслах. Бартледанцы походили на людей как две капли воды, но стоило Артуру сказать одному из них «Добрый вечер», как тот начинал озираться с удивленным видом, принюхиваться и в конце концов говорил, что да, он согласен, вечер, должно быть, действительно довольно добрый, раз уж Артур решил об этом заговорить.

— Нет, я только хотел пожелать вам доброго вечера, — говорил Артур. Это поначалу — очень скоро он научился избегать подобных диалогов. — Я имел в виду, я надеюсь, что вечер будет для вас добрым, — добавлял он.

Это приводило собеседника в еще большее замешательство.

— Пожелать? — вежливо переспрашивал в конце концов бартледанец.

— Э… да, — отвечал Артур. — Я только хотел выразить надежду на то…

— Надежду?

— Да.

— Что такое «надежда»?

Хороший вопрос, думал про себя Артур и ретировался к себе в комнату, чтобы пораскинуть над ним мозгами.

С одной стороны, он не мог не уважать взгляды бартледанцев на Вселенную. Согласно этим взглядам, Вселенная такова, какова она есть, — хотите — верьте, хотите — нет. С другой стороны, он, как ни старался, не мог отделаться от ощущения, что жить, ничего не желая, ни на что не надеясь, — это как-то не совсем естественно.

«Естественно». Словечко с подвохом.

Он давно уже понял, что множество естественных для него вещей — таких как подарки на Рождество, торможение перед красным сигналом светофора или ускорение свободного падения, равное тридцати двум футам на секунду в квадрате, — присуще только его собственному миру и вовсе не обязательно к исполнению в других мирах. Но ничего не желать — это уж слишком неестественно, верно? Все равно как не дышать.

Дышать бартледанцы тоже не дышали, несмотря на наличие в атмосфере кислорода. Они просто жили. Иногда они собирались поиграть в волейбол (впрочем, не ради спортивного интереса или

воли к победе: кто побеждал, тот и побеждал). Однако они не дышали. В силу неведомых причин они не испытывали в этом необходимости. Артур довольно скоро понял, что играть с ними в волейбол не особенно интересно. При том, что они внешне не отличались от людей, даже двигались и говорили как люди, они не дышали и не хотели ничего.

С другой стороны, Артуру ничего не оставалось делать, кроме как дышать и мечтать. Иногда он мечтал так страстно, что его дыхание учащалось и приходилось ложиться в постель, чтобы успокоиться. Одному. В тесной каморке. Так далеко от родной планеты, что в мозгу не укладывалось даже количество нулей в числе, характеризующем расстояние до нее.

Он старался не думать о своем положении. Мыслям он предпочитал чтение книг — вернее, предпочитал бы, если бы было что читать. Однако в бартледанской литературе никто и ничего не хотел. Даже попить воды. Разумеется, вода фигурировала в повествованиях, если было жарко, но если ее нельзя было достать, о ней никто и не вспоминал. Как-то Артур прочитал целый роман о том, как герой на протяжении недели копался у себя в саду, много играл в волейбол, помогал чи-

нить дорогу, сделал ребенка своей жене и как раз перед заключительной главой неожиданно умер от жажды. Артур раздосадованно перелистал книгу на начало и в конце концов выяснил, что такой исход был вызван какими-то неполадками с водоснабжением во второй главе. Вот так. И парень помер. Бывает.

Но это не было кульминацией книги — кульминации не было вообще. Герой умер в первой половине предпоследней главы, остаток которой посвящался какой-то ерунде о дорогах и дорожной разметке. Книга заканчивалась на стотысячном слове, поскольку на Бартледане все книги имеют по сто тысяч слов.

Артур отшвырнул книгу в угол, продал комнату, вскочил в первый попавшийся звездолет и улетел. Он метался по Галактике вслепую, продавая слюну, ногти, кровь, волосы — все, на что находился покупатель, а все деньги тратил на билеты. За сперму, как выяснилось, можно путешествовать хоть классом «люкс». Он нигде не задерживался надолго. Его жизнь протекала в тусклом, загерметизированном мире салонов гиперпространственных звездолетов: еда, питье, сон, кино… Выходил он только в космопортах — чтобы сдать очередную порцию ДНК и пересесть

на следующий лайнер. А сам все ждал и ждал, не произойдет ли вдруг что-нибудь неожиданное.

Беда в том, что ожидать неожиданности — самый верный способ ее предотвратить. На то она и зовется неожиданностью, чтобы происходить, когда ее не ждут. И все-таки неожиданность случилась — но совсем не та, на какую рассчитывал Артур. Корабль, на котором он летел, в момент скачка через гиперпространство столкнулся с собственным эхом и вывалился в девяносто семь разных точек Галактики одновременно, причем в одной из них угодил в гравитационное поле еще не открытой планеты и, плененный ее атмосферой, начал падать, дико воя и разваливаясь на куски.

На всем протяжении падения все бортовые системы отчаянно протестовали, уверяя, что дела идут отлично и полет под контролем. Однако когда лайнер вошел в последний смертельный крен, пропахал полмили по лесу и в конце концов исчез в огненном шаре взрыва, стало ясно, что они несколько заблуждаются.

Огонь поглотил лес, прополыхал всю ночь, а к утру сам себя потушил, как и положено по закону незапланированному пожару солидного размера. Некоторое время то тут, то там еще вспыхивали

отдельные очаги — по мере того как в положенное им время взрывались отдельные обломки корабля. Однако погасли и они.

Артур Дент оказался единственным на борту корабля, кто — просто потому что истомился скукой в долгом межзвездном перелете — ознакомился с правилами аварийной безопасности для пассажиров. В результате он один и спасся. Он лежал, весь измочаленный, изломанный и истекающий кровью, в спасательном коконе из розового пластика, внутренняя поверхность которого была оклеена надписями «Удачи вам!» на тысяче разных языков.

Оглушительные волны черного безмолвия захлестнули его сознание. С философским спокойствием он понял, что не умрет — ведь до Беты Ставромулоса он еще не добрался.

После целой вечности мучений и тьмы он заметил, что вокруг хлопочут какие-то молчаливые тени.

Глава 12

Форд находился в состоянии свободного падения посреди тучи битых стекол и фрагментов кресла. Ну вот, опять не продумал все заранее, время, видите ли, экономил — вот и импровизируй теперь. В моменты серьезных потрясений, полагал он, весьма полезно увидеть перед глазами всю свою жизнь. Это дает шанс сосредоточиться, взглянуть на вещи с новой точки зрения и отыскать среди них ключик к дальнейшим действиям.

Земля приближалась к нему со скоростью тридцать футов в секунду в квадрате, но осмысление этого обстоятельства он решил отложить до момента непосредственной встречи с ним. Делу время, потехе час.

Ага, вот оно. Его детские годы. Эники-беники-ели-варе… — так, это мы уже проходили. Образы мелькали перед глазами, сменяя друг друга. Невеселые денечки на Бетельгейзе-5. Малолетний Зафод Библброкс. Ну на кой черт ему это сейчас? Эх, была бы в мозгах кнопка ускоренной перемотки… День, когда ему исполнилось семь лет, и подарок — первое в его жизни полотенце. Ну же,

крути быстрей!

Он пикировал к тротуару — вниз головой; высотный воздух обжигал легкие холодом. Не вдохнуть бы осколок стекла…

… Первые путешествия на другие планеты. Вакуум их заарктурь — какой-то рекламный ролик бюро путешествий, да и только. Киножурнал перед началом основного фильма. Начало работы в «Путеводителе».

Ага!

Вот это было время! Они работали в хижине на атолле Бвинелли на Фаналле до того, как ее пожгли риктанаркалы и данкедийцы. Полдюжины братков, несколько полотенец, несколько хитроумных электронных машин, а главное — мечты. Пардон, главное — фаналланский ром. Целые озера фаналланского рома. Нет, если быть точным, главнее всего был «Крепкий дух Джанкс», потом уж фаналланский ром, а также пляжи на атолле, где резвились местные девушки. Впрочем, мечты тоже важны. Что там из них вышло?

Он никак не мог вспомнить, о чем они тогда мечтали, но тогда это казалось чертовски важным. В любом случае в этих мечтах не фигурировала башня издательства, с которой он сейчас падал. Все это пришло позже, когда изначальная

команда перешла на более оседлый образ жизни и зажралась. Он же сам и еще многие предпочли остаться бродячими полевыми исследователями. Они шатались по всей Галактике автостопом, постепенно все более отдаляясь от того бюрократического кошмара, в который неумолимо превращался «Путеводитель», и архитектурного монстра, в котором он поселился. Какие уж тут мечты. Он подумал о юристах, занявших полздания, «оперативниках», оккупировавших нижние этажи, обо всех этих младших редакторах, их секретаршах, секретаршах юристов, секретаршах секретарш секретарских юристов и о самом злостном исчадии ада — отделе маркетинга.

На миг ему даже показалось, что за жизнь в таком мире не стоит и бороться, а посему следует безропотно упасть на уличный асфальт — но, овладев собой, Форд показал всем этим сволочам «козу».

Он как раз пролетал семнадцатый этаж, где проживал отдел маркетинга. Куча индюков, с умным видом обсуждающих, какого цвета должна быть обложка «Путеводителя» и какие они все умные — задним умом. Если бы кто-нибудь из них выглянул в это мгновение в окно, его взору открылось бы незабываемое зрелище: Форд

Префект, пикирующий навстречу смерти и показывающий им «козу».

Шестнадцатый этаж. Младшие редакторы. Ублюдки! Сколько всего они вырезали из его материалов! Пятнадцать лет информации — с одной только планеты, — а оставили три слова: «в основном безвредна». Вот вам, с пламенным приветом:

— БУ-У-У-У!

Пятнадцатый этаж. Администрация, отдел логистики. Чем они там занимаются? Про них известно только одно: у всех очень длинные машины.

Четырнадцатый этаж. Ответственный персонал. Было у него сильное подозрение, что это они устроили ему пятнадцатилетнюю ссылку, чтобы не мешал «Путеводителю» перерождаться в монолитную корпорацию (или, скорее, в два монолита: не надо забывать про юристов).

Тринадцатый этаж. Исследовательский отдел.

А ну-ка!

Тринадцатый этаж.

Ему приходилось думать быстрее, ибо ситуация начинала обостряться.

Он вдруг вспомнил панель управления лифтом. На ней не было тринадцатого этажа. Он не

обратил на это внимания, поскольку, проведя пятнадцать лет на довольно отсталой планете под названием Земля, где население суеверно боялось числа «тринадцать», он привык бывать в домах, где не было тринадцатого этажа. Но здесь-то с какой радости?

Пролетая мимо тринадцатого этажа, он не смог удержаться и заглянул в окна. Та-ак, стекла затемненные…

Что там происходит? Он начал припоминать болтовню Харла. Новый, многомерный «Путеводитель» распространится по неизмеримому множеству вселенных. Произнесенное устами Харла, это казалось диким бредом отдела маркетинга при поддержке финансового отдела. Если же в этом есть доля правды, идея странная и очень и очень опасная. Насколько она реальна? Что происходит за темными, наглухо запертыми окнами законспирированного тринадцатого этажа?

Сначала Форда захлестнуло любопытство. Потом — паника. Другие чувства у него в этот момент отсутствовали начисто. Во всех других отношениях он падал очень быстро. Пора, пора подумать, как выбраться из этой ситуации живым.

Он посмотрел вниз. В сотне футов под ним разгуливал народ. Кое-кто уже начал выжидающе глядеть наверх и освобождать место для его падения. Некоторые даже прервали ради такого случая игру в «казаки-разбойники».

Жаль, конечно, разочаровывать их. В двух футах ниже него, чего он до сих пор не замечал, летел Колин, с восторгом ожидая его дальнейших распоряжений.

— Колин! — крикнул Форд.

Колин не отвечал. Форд похолодел: он вдруг вспомнил, что не удосужился сообщить Колину, что его зовут Колин.

— Давай сюда! — крикнул Форд.

Колин притормозил и поравнялся с ним. Свободный полет вниз чрезвычайно нравился ему, и он надеялся, что Форд тоже получает удовольствие.

Неожиданно мир для Колина померк: это Форд накрыл его полотенцем. Кроме этого, Колин ощутил значительную тяжесть. Новое поручение Форда его воодушевило, хотя он и не был уверен, что справится с таким грузом.

Форд висел, ухватившись за концы полотенца. Многие автостопщики увлекаются усовершенствованием своих полотенец, вшивая в них

различные приспособления вплоть до компьютеров. Форд был поборником чистоты идей. Он любил, чтобы все было просто. И полотенце у него было самое заурядное, происходящее из самого что ни на есть заурядного универмага. Несмотря на все попытки Форда отстирать его до первозданной белизны, на нем сохранился розово-голубой растительный орнамент. В полотенце Форд продел несколько кусков проволоки и стержень для шариковой ручки да пропитал один угол питательным раствором — на случай голодухи. Во всех остальных отношениях это полотенце не отличалось от любого другого, которым можно вытереть лицо после умывания.

Единственным серьезным усовершенствованием, сделанным им по настоянию друзей, стали укрепленные каемки.

Форд цеплялся за полотенце изо всех сил.

Они продолжали снижаться, но уже заметно медленнее.

— Вверх, Колин! — крикнул Форд. — Твое имя, — добавил он, — Колин! Так что когда я кричу: «Вверх, Колин!» — я хочу, чтобы ты, Колин, поднимался вверх. Ясно? Вверх, Колин!

Реакции вновь не последовало, если не считать сдавленного стона из-под полотенца. Форд встре-

вожился не на шутку. Теперь они снижались гораздо медленнее, но Форда тревожили люди, появившиеся прямо под ним. Славные, дружелюбные, бесхитростные любители поиграть в «казаки-разбойники» куда-то подевались, а на их место из так называемого разреженного воздуха выплыли массивные, похожие на слизняков здоровяки с бычьими шеями и портативными ракетными установками.

Как хорошо известно опытным путешественникам по Галактике, разреженный воздух на деле чрезвычайно плотен и сопутствует всяким коварным фокусам с пространством.

— Вверх! — взмолился Форд. — Вверх, Колин, вверх!

Колин кряхтел от натуги. Теперь они недвижно зависли в воздухе. Форду казалось, что с секунды на секунду у него оторвутся пальцы.

— ВВЕРХ!

Ни движения.

— Вверх! Вверх! ВВЕ-Е-ЕРХ!

Слизняк целился в него из ракетной установки. Форд с трудом верил своим глазам. Висишь тут в воздухе, цепляясь за полотенце, а этот слизняк ракетой целится! Форд почти утратил способность соображать, что его серьезно тревожило.

Ситуация была из тех, в которых он обыкновенно обращался за советом к «Путеводителю», однако сейчас он никак не мог залезть в карман. К тому же «Путеводитель» из друга и союзника превратился теперь в источник угрозы. Ведь он, Зарквон свидетель, висит не где-нибудь, а именно перед зданием «Путеводителя», и все по вине его нынешних владельцев. Куда, куда вы удалились, мечтания на атолле Бвинелли? Кто мешал нам остаться самими собой? Остаться там, на пляже… Какие там были девушки… Какая рыбалка… Нет бы ему догадаться, чем кончатся все эти висячие рояли и бассейны с морскими чудищами в вестибюле. Черт, пальцы сводит от боли. И коленка все ноет…

«Вот спасибо, коленка, — с горечью подумал он. — Только твоих проблем мне сейчас не хватало. Наверное, тебе не помешала бы теплая ванна? Или тебе нужен…»

У него родилась идея.

Бронированный слизняк взвалил трубу ракетной установки на плечо. Ракету спроектировали с расчетом взрывать все, что подвернется на пути…

Форд изо всех сил старался не потеть, поскольку руки его начинали скользить по ткани поло-

тенца.

Носком одного ботинка он начал стаскивать другой — с больной ноги.

— Наверх, черт бы тебя подрал! — в отчаянии молил он Колина, который честно старался, но подняться не мог. Проклятый ботинок не поддавался.

Форд постарался было рассчитать время, но тут же сообразил, что нечего зря напрягаться. Все выйдет и так. У него одна-единственная попытка. Он наконец высвободил из ботинка пятку. Коленка болела чуть меньше. «Спасибо и на этом, верно я говорю?»

Он еще раз толкнул полусброшенный ботинок носком другого. Ботинок соскользнул с ноги и полетел вниз. Спустя полсекунды ракета вырвалась из пусковой трубы, обнаружила летящий ей навстречу ботинок, чуть довернула наперерез, столкнулась с ним и с чувством глубокого удовлетворения от сознания честно исполненного долга взорвалась.

Все это произошло на высоте пятнадцати футов.

Основная энергия взрыва была направлена вниз. Там, где на элегантной уступчатой площадке, вымощенной огромными плитами

светящегося камня из каменоломен Зенталквабулы, только что стояли служащие «Инфин-Идио энтерпрайзис» с ракетными установками, теперь зияла яма, замусоренная ошметками тел.

Мощная волна горячего воздуха бесцеремонно швырнула Форда и Колина к небу. Форд со слепым отчаянием пытался удержать полотенце, но не смог. Беспомощно кувыркаясь в воздухе, он взмыл вверх, завис на мгновение в верхней параболе и начал падать. Он падал, и падал, и падал, и вдруг со всего размаху врезался в Колина, возносившегося ему навстречу.

Изо всех сил вцепился он в маленького круглого робота. Колин отчаянно соскальзывал к фасаду «Путеводителя», из последних сил пытаясь не потерять контроль над своими системами и замедлить падение.

Мир тошнотворно вращался вокруг головы Форда, сам он вращался вместе с Колином, и вдруг, не менее тошнотворно, все это кончилось.

Форд обнаружил, что лежит на оконном карнизе.

Мимо него в воздухе пролетело полотенце. Он вытянул руку и схватил его.

В нескольких дюймах от него подпрыгивал в воздухе Колин.

Избитый, истекающий кровью и почти бездыханный Форд осторожно огляделся. Карниз имел в ширину не больше фута и находился на высоте тринадцатого этажа.

Тринадцатого.

Форд точно знал, что это тринадцатый этаж: все окна были затемненными. Он здорово расстроился. Свои ботинки он отхватил за сумасшедшие деньги в Нью-Йорке, в Ист-Сайде. Помнится, он даже накатал замечательное эссе о счастье носить удобную обувь, которое резюмировали до фразы «в основном безвредна». Вакуум их всех заарктурь.

И вот один из этих ботинок покинул его навеки. Форд запрокинул голову и посмотрел в небо. Все это было бы не так грустно, когда бы ту самую планету не уничтожили, что означало: второй такой пары ботинок ему уже никогда не купить.

Правда, с учетом законов невероятности, планет Земля существует бесконечное множество. Однако если разобраться, приличные ботинки купить не так-то просто — не на всякой складке многомерного пространственно-временного континуума они попадаются, отнюдь.

Форд вздохнул.

Ну ладно, хватит об этом. По крайней мере

ботинок спас ему жизнь. Временно.

Он примостился на карнизе тринадцатого этажа, вовсе не уверенный в том, что игра стоила свеч — то есть ботинка.

Заглянул сквозь затемненное стекло внутрь.

Мрак и тишина. Как в склепе.

Впрочем, не будем возводить напраслину на склепы. Форду не раз доводилось оттягиваться на замечательных пирушках в совершенно замечательных склепах.

Стоп! Так, это что, померещилось? Или нет? Вроде бы какая-то трепещущая тень мелькнула. Или ерунда — просто кровь к глазам прилила? Он потер виски. Черт, вот бы завести где-нибудь ферму, пасти овечек… Он еще раз заглянул в окно, пытаясь определить, что же это за тень. Впрочем, скорее всего это просто оптическая иллюзия — в наше время они на каждом шагу. Обман зрения — и все тут.

Может, это птица? Что можно прятать на засекреченном этаже за затемненными стеклами, рассчитанными на прямое попадание ракеты? Что это за птичник еще такой? Что-то трепыхалось там, внутри, что-то похожее на птицу — и не похожее. Скорее уж — на дыру в пространстве, имеющую форму птицы.

Зажмурившись, он задумался, что же делать дальше. Прыгать? Лезть наверх? В окно залезть — это вряд ли… Ладно, как показал опыт, прямого попадания настоящей ракеты это ракетоустойчивое стекло не выдерживает. Правда, стреляли с очень близкого расстояния и изнутри, а на это проектировщики могли и не рассчитывать. В любом случае это не означает, что окно удастся разбить, обернув руку полотенцем. «Кой черт», — подумал он, сделал попытку и больно расшиб кулак. Может, ему просто не хватило размаха? Впрочем, тогда бы он расшиб кулак еще сильнее. После нападения господ с Лягушачьей Звезды здание сильно укрепили; теперь это, может статься, самое надежно защищенное издательство во Вселенной. Впрочем, в любой самой совершенной системе защиты можно найти слабое место. Одно он уже нашел. Проектировщики не ожидали, что в окно пальнут изнутри и с близкого расстояния.

А вот чего проектировщики не ожидали от субъекта, сидящего на карнизе?

Форд немного пошевелил мозгами.

Первое, чего они точно не ожидали, — так это того, что он вообще здесь окажется. На этом карнизе мог оказаться разве что клинический идиот.

Вот он и победил. Классическая ошибка, которую совершают проектировщики абсолютно надежных систем, — недооценка изобретательности клинических идиотов.

Он вытащил из кармана только что полученную кредитную карточку, сунул ее в щель между окном и рамой и сделал то, что было бы не под силу ни одной ракете. А именно отжал язычок замка, открыл окно и чуть не свалился с карниза от хохота, вознося хвалу Великому Вентиляционно-Телефонному Восстанию 3454 года.

* * *

Великое Вентиляционно-Телефонное Восстание 3454 года началось с легкого перегрева воздуха. Вообще-то нагретый воздух и есть та проблема, которую призвана решать вентиляция. И она справлялась с ней относительно успешно до тех пор, пока кто-то не изобрел кондиционер — устройство, которое решало эту проблему не менее успешно, но с несравнимо более ощутимыми вибрациями.

И все шло нормально и даже, можно сказать, хорошо (конечно, для тех, кто был согласен смириться с вибрацией и шумом) до тех пор, пока кто-то не изобрел штуковину еще посильнее и

похитрее кондиционера. Называлась она «система встроенной климатизации».

Это было кое-что.

Скажем без боязни, это было ого-го.

Встроенная климатизация отличалась от обычного кондиционера в основном тем, что была чертовски дороже, сложнее и в придачу знала, каким воздухом хотят дышать в ту или иную минуту люди, гораздо лучше самих людей.

Кроме того, вся эта машинерия могла работать только тогда, когда люди не вмешивались в ее работу — то есть пока они не открывали окон. Вот так-то.

В процессе монтажа новых систем, получивших название «Хитр-О-Вент», люди, работавшие в оборудуемых ими зданиях, то и дело задавали специалистам по монтажу вопросы типа:

— Ну а если вдруг нам захочется открыть окна?

— Когда наша новейшая система «Хитр-О-Вент» работает, вам не хочется открывать окна.

— Да, конечно… А если только на щелочку?

— Вам не захочется открывать их даже на щелочку. Новая система «Хитр-О-Вент» проследит за этим.

— Гм.

— Счастливой работы с «Хитр-О-Вентом»!

— О'кей, но что, если этот ваш «Хитр-О-Вент» сломается или разладится?

— Ага! Одно из главных достоинств «Хитр-О-Вента» заключается в том, что он не способен сломаться. Ни при каких условиях. Не стоит беспокоиться. Дышите на здоровье и приятного вам времяпровождения.

(Результатом Великого Вентиляционно-Телефонного Восстания 3454 года явилось то, что любое механическое, электрическое, кванто-механическое, гидравлическое… да хоть ветряное, хоть паровое, хоть дизельное — любое устройство, вне зависимости от его габаритов, обязано теперь иметь на корпусе некую надпись. Проектировщикам приходится писать ее даже на самых крошечных механизмах, поскольку надпись предназначена в первую очередь не для потребителей, а для них самих.

Эта надпись гласит:

«ОСНОВНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПРЕДМЕТОМ,
КОТОРЫЙ МОЖЕТ ИСПОРТИТЬСЯ, И ПРЕДМЕТОМ, КОТОРЫЙ ИСПОРТИТЬСЯ НЕ МОЖЕТ, СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО ПРЕДМЕТ,

КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ ИСПОРТИТЬСЯ, НЕВОЗМОЖНО ПОЧИНИТЬ, ЕСЛИ ОН ВСЕ-ТАКИ ИСПОРТИЛСЯ».)

Почти сразу же после внедрения начали появляться сообщения об отказах систем «Хитр-О-Вент». Поначалу они приводили только к дискомфорту в помещениях. Случаи смерти от удушья или перегрева были редки.

Катастрофа разразилась в день, когда одновременно произошли три события. Первым событием стало официальное извещение корпорации «Хитр-О-Вент, Инк.», гласившее, что наиболее безупречно их системы работают в умеренном климате.

Вторым событием стал массовый отказ систем «Хитр-О-Вент» в один особенно жаркий день, в результате чего сотни и сотни служащих пришлось эвакуировать из наполненных паром зданий на улицу, где они столкнулись с третьим событием, представлявшим собой разъяренную толпу телефонисток, которым настолько осточертело отвечать каждому набравшему номер идиоту «Благодарим за использование «Хитр-О-Вент системс», что они, осатанев, вышли на улицы с помойными ведрами, мегафонами и охотничьи-

ми ружьями.

В последующие дни беспорядки достигли предела: каждое окно в городе — включая самые ракетоустойчивые — было разбито, как правило, под выкрики: «Повесь трубку, жопа! Куда б ты ни звонил, мне все одно! Поди и сунь петарду себе в задницу! Йеее-ха! Ху-ху-ху! Уй-яяя! Иго-го! Гав-гав!» и так далее — нет никакой возможности привести тут все звуки явно животного происхождения, которые телефонистки не вправе испускать при исполнении служебных обязанностей.

В результате телефонисткам было даровано конституционное право не менее раза в час произносить в трубку «Хитр-О-Вент» тебе в пасть!», а все административные здания по закону обязывались иметь только открывающиеся хоть на щелочку окна.

Вторым неожиданным результатом явилось резкое снижение уровня самоубийств. Всем отчаявшимся или просто разочарованным в жизни служащим, которые в дни тирании «Хитр-О-Вента» имели обыкновение ложиться под поезд или делать себе харакири столовыми ножами, теперь никто не мешал вылезать на подоконник и бросаться в свое удовольствие вниз. На деле же

получалось так, что, выбравшись на карниз, они окидывали мир прощальным взглядом, собирались с мыслями и вдруг обнаруживали, что все, чего им не хватало, — это лишь глоток свежего воздуха, и свежий взгляд на вещи, и, возможно, ферма, на которой они могли бы разводить овец.

И наконец, самым неожиданным результатом стало то, что Форд Префект, попавший в западню на карнизе тринадцатого этажа хорошо укрепленного здания, смог проникнуть внутрь с помощью всего только полотенца и кредитной карточки.

Впустив в помещение Колина, он аккуратно прикрыл окно и начал оглядываться в поисках таинственной пернатой твари или как ее там.

«Насчет этих окон ясно только одно, — думал он. — А именно: тот факт, что свойство под названием «открывабельность» они приобрели уже ПОСЛЕ того, как проектировщики постарались наделить их свойством «неприступность», сделал их куда более уязвимыми для проникновения извне, чем те окна, которые способны открываться и закрываться изначально.

«Хо-хо, такова жизнь», — подумал Форд и тут же сообразил, что комната, в которую он проник с таким трудом, ничего особенно занимательного

в себе не содержит.

Опаньки…

И где же эта странная трепещущая тень? И неужели в этой комнате нет ничего такого, что оправдывало бы необычный ореол секретности или то необычайное стечение обстоятельств, при которых он попал сюда?

Подобно всем прочим нынешним помещениям издательства, интерьер комнаты был выдержан в благородно-серых тонах. На стенах висели какие-то рисунки и карты. Большинство из них ничего не говорило ни уму, ни сердцу Форда, но один привлек его внимание. Судя по всему, то был эскиз рекламного плаката.

Под логотипом, напоминающим силуэт птицы, красовался следующий текст:

> ПУТЕВОДИТЕЛЬ «АВТОСТОПОМ ПО ГАЛАКТИКЕ-М».
>
> ТАКОГО ВЫ ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛИ.
>
> ЖДИТЕ НАС СО ДНЯ НА ДЕНЬ В ВАШЕМ РОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ!

Вот и все, что было там начертано.

Форд огляделся еще раз. Тут его внимание привлек Колин, его абсурдно-счастливый кибер-охранник. Нет, больше не счастливый.

Забившись в угол, маленький робот трясся, словно до смерти перепуганный.

«Как странно», — подумал Форд и огляделся в третий раз — посмотреть, что же так напугало Колина. И тогда он увидел объект, которого раньше не замечал. Он лежал — ОНО лежало — на табуретке.

Оно было круглым и черным, размером с небольшую тарелку. Сверху и снизу оно было чуть вогнуто, как метательный диск.

Его поверхность была равномерно окрашенной и абсолютно ровной.

Оно спокойно полеживало себе…

И тут Форд заметил на нем какую-то надпись. Странно. Только что ничего, и вот те на — надпись. Момента перехода из фазы в фазу Форд даже не заметил.

Вся надпись состояла из одного короткого слова:

ПАНИКУЙ

Только что на поверхности предмета не было ни трещинки. Теперь они разрастались. Объект буквально раскалывался на части.

«Паникуй», — гласил «Путеводитель-II». И Форд начал делать то, что ему велели. До него только

что дошло, почему слизнеобразные ублюдки показались ему такими знакомыми. Цвет кожи у них был, как и положено в этом «Инфин-Идио», серый, но во всех остальных отношениях они ничем не отличались от вогонов.

Глава 13

Корабль тихо приземлился на краю вырубки, в сотне ярдов от деревни.

Он появился совершенно внезапно, но без лишней шумихи. Интеллигентно. Только что стоял пригожий осенний денек: листья едва-едва начинали краснеть и желтеть, река вновь поднялась после выпавших в северных горах дождей, птички-пикка оделись в пышные перья — дело к зиме. Со дня на день Абсолютно Нормальные Звери начнут откочевывать к равнинам. Старик Трашбарг начал шастать по деревне, что-то бормоча себе под нос — значит, репетирует про себя те истории, которые будет рассказывать о прошедшем лете зимними вечерами у огня, когда вся деревня будет собираться послушать его, пошипеть, поворчать, что не так все было, совсем не так… Короче, денек был вроде пригожий, и вдруг на краю вырубки, блестя на теплом осеннем солнце металлическими боками, опустился космический корабль.

В его брюхе что-то пожужжало — и стихло.

Корабль был невелик. Если бы жители деревни разбирались в звездолетах, они бы сразу распо-

знали, что это совсем маленький, но изящный хрюндийский четырехдюзовый прогулочный катер, оснащенный всеми возможными за дополнительную плату прибамбасами. Ну разве что супервекторного стабилизатора не хватало — но всем известно, что этой штуковиной пользуются исключительно самые отъявленные пижоны. Разве заложишь хороший вираж вокруг оси времени, когда у тебя супервекторный стабилизатор включен? Верно, с ним безопаснее, но истым звездолетчикам такая расслабуха даром не нужна.

Впрочем, ничего этого жители деревни, конечно, не знали. Большинство из них вообще отродясь не видали на своей глухой планетке Лемюэлле космических кораблей (в смысле — целых, а не потерпевших аварию), так что остывающий на солнце хрюндийский катер стал для них самым замечательным событием с тех пор, как Кирп поймал в реке рыбу с головой вместо хвоста.

Все стихло.

Два-три десятка деревенских жителей, гулявших, болтавших, коловших дрова, носивших воду, дразнивших птичек-пикка или тихо-мирно пытавшихся не попадаться на глаза Старику Трашбаргу, изумленно воззрились на странный

объект, остывающий на краю вырубки.

Воззрились на него все, кроме птичек-пикка, которых волновали совсем другие вещи. Самый обыкновенный листок, упавший вдруг на камень, мог повергнуть их в полнейшее смятение и заставить вспорхнуть к облакам, каждый новый рассвет заставал их врасплох, однако посадка чужого корабля оставила их безучастными. Они продолжали кричать друг другу то «карр!», то «ритт!», а иногда и «тукк!», ковыряясь в земле в поисках червяков и зерен. Да и река продолжала журчать как ни в чем не бывало.

Не прекращалось и громкое, немелодичное пение, доносившееся из хижины на левом краю деревни.

Вдруг послышалось жужжание, щелчок, и люк корабля откинулся наружу. Секунду-другую не происходило больше ничего, если не считать пения в дальней хижине. Корабль не шевелился.

Некоторые жители деревни, в особенности мальчишки, начали собираться толпой. Старик Трашбарг попытался их отогнать. Прилет корабля был как раз тем событием, которого Старик Трашбарг боялся больше всего на свете. Событием, которого он не предсказывал. Даже намеками. Даже если в будущем ему удастся вставить эту

историю в свои рассказы, земляки прежде душу у него вынут.

Растолкав мальчишек, он шагнул вперед и воздел горе две своих руки и старинный посох. Теплые лучи вечернего солнца освещали его жутко эффектным образом. Он приготовился встречать прилетевших богов — кто бы они ни были — так, словно ждал их уже давно.

Однако ничего не происходило.

Постепенно стало ясно, что внутри корабля кто-то с кем-то спорит. Минута шла за минутой, и воздетые горе руки Старика Трашбарга начали потихоньку клониться к земле от усталости.

Неожиданно трап втянулся обратно, и люк захлопнулся.

Трашбарг обрадовался: это обстоятельство значительно облегчало его положение. В корабле сидели злые демоны, и он их отогнал. Причем отогнал молча, не тыча всем в нос своим героизмом и не поясняя, что кого-то там отгоняет.

Не успел Старик Трашбарг додумать эту мысль, как с противоположной от него стороны корабля распахнулся другой люк, и в нем показались две фигуры. Они бурно спорили, не обращая внимания ни на кого из присутствующих, даже на Трашбарга. Впрочем, с места, где они стояли, его

и вовсе не было видно.

Старик Трашбарг в досаде закусил свою седую бороду.

Что теперь делать? Так и стоять как дурак, с поднятыми руками? Рухнуть на колени, низко склонив голову и нацелив на них свой посох? Пасть навзничь, словно его одолела неведомая сила? А может, уйти в леса, поселиться на дереве и год ни с кем не разговаривать?

Поразмыслив, он вальяжно уронил руки, словно так и надо. Показал закрытому люку тайный, изобретенный им самим знак и отступил на три с половиной шага назад, чтобы лучше видеть вышедших из корабля, а там уж решить, как поступать дальше.

Один из пришельцев, тот, что повыше, оказался очень красивой женщиной в мягких переливающихся одеждах. Конечно, Старик Трашбарг не мог знать этого, но одежды были пошиты из римплона — новой синтетической ткани, специально предназначенной для космических путешествий, ибо чем больше она мялась, пачкалась и пропитывалась потом, тем изысканнее смотрелась.

Второй оказался… — вторая оказалась совсем девочкой, некрасивой и угрюмой. Ее одежда вовсе не выигрывала от того, что была измята,

испачкана и пропотела. Что хуже, девочка отлично это сознавала.

На пришельцев не отрываясь смотрели все, за исключением птичек-пикка, у которых были совершенно другие заботы.

Женщина стояла и озиралась, словно искала кого-то, но не знала, где он и кто. Она переводила взгляд с одного лица на другое, но, видимо, среди сбежавшихся к звездолету жителей деревни того, кого она искала, не было.

Трашбарг, вконец растерявшись, на всякий случай решил запеть заклинания. Откинув голову, он разразился негромким подвыванием, но немедленно был заглушён оглушительными руладами из хижины Мастера Сандвичей, что находилась на дальней левой окраине деревни. Женщина резко обернулась, и лицо ее осветилось улыбкой. Так и не удостоив Старика Трашбарга взглядом, она зашагала к хижине.

Подлинное искусство изготовления сандвичей дается лишь тому, кто, в свою очередь, готов самоотверженно ему отдаться, познать его в глубину и высоту. Экая нехитрая штука, казалось бы, но сколько простора для творческой мысли! Взять хотя бы выбор подходящего хлеба. Мастер Сандвичей провел не один месяц в ежедневных спорах

и экспериментах с Грапом-Пекарем, прежде чем они совместными усилиями добились такого качества батона, которое позволяло нарезать его на почти невесомые, аккуратные ломтики, не раскрошив мякиша и сохранив воздушность и тот ореховый аромат, что так замечательно сочетается с ароматом мяса Абсолютно Нормального Зверя.

Не последнюю роль играет и геометрия отрезанного ломтя хлеба: необходимо выдержать гармоничное соотношение его высоты, ширины и толщины, придающее окончательную форму готовому сандвичу; здесь тоже ценилась легкость — но не в ущерб твердости ломтя, а самым важным был тот неописуемо аппетитный вид, по каковому и распознаются произведения рук настоящего мастера изготовления сандвичей.

Помимо всего прочего, залогом успеха является и качество орудий труда. Бог весть сколько дней Мастер Сандвичей, прервав на время общение с Пекарем, уединялся со Стриндером-Кузнецом, взвешивая на руке и пробуя ножи. Длина лезвия, угол заточки, балансировка — все это рождалось в оживленных спорах; одна за другой выдвигались, апробировались и оттачивались теории, и вечер за вечером жители деревни могли наблюдать

силуэты Мастера Сандвичей и Кузнеца на фоне заходящего солнца. Молот Кузнеца совершал плавные движения в воздухе, выковывая нож за ножом, сравнивая вес одного с балансировкой другого, толщину лезвия третьего с изгибом рукояти четвертого.

Для грамотного изготовления сандвичей требовалось три ножа. Первый — нож для нарезки хлеба: жесткое, властное лезвие, безоглядно навязывающее батону свою стальную волю. Затем шел нож для намазки масла: округлый, но также не без твердости в лезвии. Ранние варианты отличались чуть избыточной округлостью, но постепенно, опытным путем, родились новые, абсолютно идеально сочетающие гибкость с твердостью и сообщающие слою масла необходимые гладкость и изящество.

Но королем всех ножей оставался, вне всякого сомнения, нож для мяса. Он не просто диктовал разрезаемому материалу свою волю, как делал нож для хлеба, — нет, его траектория определялась структурой мясного пласта, в результате чего достигалась поразительная гармоничность ломтиков, изящными пластинами соскальзывающих с окорока. Каждый новый ломтик мяса отлаженным движением руки Мастера Сандвичей

направлялся на тщательно спропорционированный нижний кусок хлеба и подправлялся на нем четырьмя короткими движениями ножа. А затем наступало то истинное волшебство, поглазеть на которое каждый раз собиралась ребятня со всей деревни: еще четыре точных удара лезвием — и начинка сандвича становилась чудесной мозаикой из кусочков мяса и масла. Размер и форма мозаики менялись в зависимости от формы всего сандвича, но всякий раз Мастеру Сандвичей удавалось достичь гармонии, отличающей произведение настоящего мастера. Второй слой мяса, повторная обработка — и основной акт творения можно было считать завершенным.

Мастер Сандвичей передавал то, что сотворил, своему подмастерью, который в свою очередь добавлял несколько пластинок огурца и редиски, пару капель плюженичного соуса, накрывал все это вторым куском хлеба, а затем нарезал сандвичи четвертым, прямым, ножом. Не подумайте, что эти завершающие операции не требовали искусства — но всё же то были второстепенные процедуры, входящие в обязанность верного подмастерья; наступит день, когда Мастер Сандвичей передаст юноше свои инструменты и сделается его законным преемником. Это была

заветная должность, и подмастерью по имени Дримпл завидовали все его друзья. В принципе таскать воду или колоть дрова тоже неплохо, но должность Мастера Сандвичей обещала куда больше почета.

И не случайно, что Мастер Сандвичей сопровождал свою работу пением.

В данный момент он расходовал последние запасы оставшейся от прошлой охоты солонины. Она чуть перележала, и все же такой вкусной Абсолютно-Нормально-Зверятины Мастер Сандвичей на своем веку еще не встречал. Не пройдет и недели, как Абсолютно Нормальные Звери начнут свое ежегодное кочевье на юг, и тогда вся деревня займется своим самым любимым делом: охотой на зверя. Они добудут шесть — повезет, так семь — десятков из тех тысяч, что сплошным потоком потекут мимо деревни. Убитых зверей спешно освежуют и разделают, большую часть мяса засолят, чтобы продержаться всю зиму, до тех пор пока Абсолютно Нормальные Звери не двинутся по весне в обратный путь, пополняя тем самым их запасы.

Однако лучшее мясо изжарят тотчас же в ознаменование Праздника Осеннего Хода Зверей. Торжества продлятся три дня. Три дня ликования,

танцев и рассказов Старика Трашбарга о том, как проходила охота в этом году, — рассказов, которые он старательно выдумывал, сидя у себя в хижине, пока вся остальная деревня занималась собственно охотой.

И вот тогда самое-самое лучшее мясо не пустят на пиршество, а отнесут холодным к Мастеру Сандвичей. И Мастер Сандвичей с мастерством, которое он принес к людям Лемюэллы от богов, изготовит особые сандвичи — Сандвичи Осеннего Урожая, и каждый житель с благоговением съест один или даже два, готовя себя к тяготам надвигающейся зимы.

Сегодня он изготовлял обычные сандвичи, если только сооруженные с такой любовью произведения искусства можно назвать обычными. Сегодня его подмастерье отпросился по делам, так что Мастеру приходилось самому завершать каждый сандвич. Он делал это с огромным удовольствием. Собственно говоря, он был доволен практически всем на свете.

Он резал, он пел. Укладывал ломоть мяса на кусок хлеба, подрезал, крошил мозаику… Чуть-чуть салата, чуть-чуть соуса, еще кусок хлеба, еще один сандвич, еще одна строфа из «Йеллоусабмарин»…

— Привет, Артур!

Мастер Сандвичей чуть не отхватил себе палец.

Оцепеневшие жители деревни смотрели, как женщина решительным шагом направляется в сторону хижины Мастера Сандвичей. Мастер Сандвичей был ниспослан деревне Всевышним Бобом прямиком с небес, на огненной колеснице. Так по крайней мере говорил Старик Трашбарг, а уж Трашбарг в таких делах собаку съел. Так по крайней мере говорил сам Старик Трашбарг — я, дескать, в таких делах собаку съел, а потому не спорьте, — и оставалось лишь безоговорочно ему верить, потому что кто-кто, а Трашбарг в таких делах собаку… и т. д. и т. п. И вслух усомниться в этом — лишь зря сыр-бор разводить.

Кое-кто из деревенских удивлялся, зачем это Всевышний Боб послал свой бесценный дар — Мастера Сандвичей — в огненной колеснице, а не просто спустил его тихо-мирно, не поджигая леса и не изранив самого Мастера Сандвичей чуть ли не до смерти. Старик Трашбарг заявил на это, что такова неисповедимая воля Всевышнего Боба, а когда его спросили, что такое «неисповедимая», он велел посмотреть в словаре.

Тут, ясное дело, вышла загвоздка: единствен-

ный на всю деревню словарь находился во владении у Старика Трашбарга, и тот никому его не давал. Его спросили, с какой это стати, и он ответил, что нечего им знать, какова воля Всевышнего Боба, а когда его спросили, почему так, он ответил, что потому, что кончается на «у». В итоге кто-то залез в хижину к Старику Трашбаргу, пока тот купался, и посмотрел в словаре слово «неисповедимый». Оказалось, оно значило «тайный», «непостижимый», «то, чего нельзя понять или объяснить», а также «то, в чем невозможно признаться на исповеди». Так что хоть одна тайна прояснилась.

И главное, что теперь у них были сандвичи.

Как-то Старик Трашбарг заявил, что Всевышний Боб возгласил, чтобы он, Трашбарг, получал сандвичи без очереди. Деревенские спросили его, когда это Всевышний Боб возгласил такой приказ, а Трашбарг ответил, что вчера, пока те спали и не слышали.

— Уверуйте, — возгласил Старик Трашбарг, — не то сгинете в геенне огненной.

И ему разрешили получать сандвичи без очереди: с Трашбаргом связываться — себе дороже.

И тут вдруг эта женщина сваливается с неба — и прямиком к хижине Мастера Сандвичей.

Должно быть, слава о нем разнеслась далеко, хотя не совсем понятно, куда далеко, ибо, если верить Старику Трашбаргу, за тем лесом, что немного дальше вон того леса, мир просто-напросто кончается. И все же, откуда она там ни взялась, из какой неисповедимой деревни, теперь она здесь и уже вошла в хижину Мастера Сандвичей. Кто она? И кто эта странная девчонка, которая осталась мрачно бродить вокруг хижины, пиная ногами камни и всеми прочими способами выказывая свое нежелание заходить внутрь? Странно ведь: прилететь неисповедимо откуда на колеснице, явно представляющей собой улучшенное подобие той колесницы, которая привезла Мастера Сандвичей, и делать вид, будто хочешь поскорее отсюда сбежать?

Вся деревня обернулась к Трашбаргу, но тот стоял на коленях, запрокинув лицо к небу. Он не хотел ни с кем встречаться взглядом, пока что-нибудь не придумает.

— Триллиан! — вскричал Мастер Сандвичей, засунув в рот порезанный палец. — Что?… Кто?… Где?… Когда?…

— Именно эти вопросы я собиралась задать тебе, — сказала Триллиан, разглядывая интерьер хижины.

Почти вся хижина была загромождена кухонной утварью. Мебель сводилась к нескольким примитивным шкафам и полкам, а также примитивной кровати в углу. В глубине комнаты виднелась еще дверь, но куда она вела, Триллиан не знала, поскольку дверь была закрыта.

— Довольно мило тут у тебя, — протянула она, безуспешно силясь сообразить, на каких правах здесь живет Артур и с кем.

— Очень мило, — согласился Артур. — Замечательно мило. Я не помню, чтобы мне когда-нибудь было так хорошо. Здесь я счастлив. Меня все любят, я делаю для них сандвичи и… ну да, так оно и есть: они меня любят, а я делаю для них сандвичи.

— Послушать тебя…

— Идиллия, — решительно заявил Артур. — Нет, правда. Наверно, тебе здесь вряд ли понравилось бы, но вот мне хорошо, просто замечательно. Слушай, присядь, будь как дома. Хочешь чего-нибудь, ну, сандвич, например?

Триллиан взяла сандвич и не без подозрения оглядела его. Потом осторожно понюхала.

— Попробуй, — сказал Артур. — Он вкусный.

Триллиан, чуть поколебавшись, откусила кусок и задумчиво пожевала.

— Дело моей жизни, — заявил Артур, надеясь, что это прозвучит гордо и он не покажется Триллиан законченным идиотом. Он уже привык ко всеобщему уважению, а теперь вынужден был перестраиваться.

— Что это за мясо? — поинтересовалась Триллиан.

— Ах да, это… гм… это Абсолютно-Нормально-Зверятина.

— Что?

— Мясо Абсолютно Нормального Зверя. Это что-то вроде коровы, точнее, быка. В общем, типа… ну, как бизон. Крупное, мясистое животное.

— И что в нем особенного?

— Ничего. Оно абсолютно нормальное.

— Ясно.

— Странно только, откуда они приходят.

Триллиан нахмурилась, перестала жевать.

— Откуда они приходят? — переспросила она с набитым ртом. Действительно, не глотать же ей невесть откуда приходящую тварь.

— Ну, это в общем-то не так уж и важно. Как, впрочем, и то, куда они уходят. Главное, они хороши на вкус. Я их съел, наверное, тонны. Это — класс. Ну очень вкусное мясо. Очень нежное. Чуть сладковатый привкус и пряный поствкус…

Триллиан все еще не решалась проглотить свой кусок.

— Нет, ты объясни, — настаивала она. — Откуда они приходят и куда уходят?

— Приходят они из точки чуть восточнее гор Хондо. Ну, это те, высокие, за нами; ты должна была увидеть их, когда ко мне шла. Так вот, потом они многотысячными стадами пересекают степи Анхондо и гм… да, именно так. Вот откуда они приходят. Вот куда они уходят.

Триллиан нахмурилась. Чего-то она здесь не понимала.

— Может, я плохо объяснил, — смутился Артур. — Когда я сказал, что они приходят из той точки, я имел в виду, что они в ней внезапно появляются. А потом они уходят в степи Анхондо и там, ну, в общем, исчезают. У нас в распоряжении пять-шесть дней, чтобы добывать их на мясо. А весной они, понимаешь ли, двинутся в обратную сторону.

Триллиан, поколебавшись еще немного, все же проглотила свой кусок. С одной стороны, у нее и выбора-то особого не было: проглотить или выплюнуть. С другой стороны, сандвич был все-таки вкусный.

— Ясно, — промямлила она, удостоверившись,

что проглоченный сандвич не повлек за собой побочных эффектов. — Кстати, почему их называют Абсолютно Нормальными Зверями?

— Ну, я полагаю, если б они звались любым другим именем, люди подумали бы, что оно странное. Наверное, их так назвал Старик Трашбарг. Он говорит, что они приходят, откуда приходят, и уходят, куда уходят, и что такова воля Всевышнего Боба, и против нее не попрешь.

— Кто…

— И не спрашивай.

— Ну что ж, тебе, похоже, здесь хорошо.

— Да.

— Хорошо.

— Хорошо.

— Очень мило с твоей стороны, что заглянула.

— Спасибо.

— Ну… — неопределенно сказал Артур, бесцельно оглядываясь по сторонам. Интересно, как трудно оказалось найти тему для разговора после всего, что произошло.

— Я думаю, тебе интересно, как я тебя нашла, — сказала Триллиан.

— Да! — ухватился за эту мысль Артур. — Именно об этом я и думал. Как ты меня нашла?

— Ну, ты, возможно, и не знаешь, но я теперь

работаю на одну из компаний субэфирного вещания, которая…

— Я знаю, — неожиданно вспомнил Артур. — Да, тебя можно поздравить. Замечательная карьера. Здорово. Работа, наверно, очень интересная.

— Выматывает очень.

— Все эти перелеты туда-сюда? Да, наверное.

— У нас есть доступ к любой мыслимой информации. Я нашла тебя в списке пассажиров погибшего корабля.

Артур остолбенел.

— Ты хочешь сказать, они знали о катастрофе?

— Ну разумеется, знали. Не может же целый космический лайнер исчезнуть так, чтобы никто и ничего не узнал.

— Ты что, хочешь сказать, они знали, где это случилось? Знали, что я спасся?

— Да.

— Но ведь нас никто не пытался искать! Вообще ничего не было!

— А с чего им искать? Им бы пришлось влезать в запутанный судебный процесс из-за страховки. Они просто прикрыли это дело. Сделали вид, что ничего не было — ни катастрофы, ни корабля. Страховой бизнес продажен насквозь. Слышал ли ты, что для директоров страховых компаний

снова ввели смертную казнь?

— Правда? — удивился Артур. — Нет, не слыхал. За какие такие провинности?

Триллиан нахмурилась:

— При чем здесь провинности?

— А… ясно.

Триллиан долго смотрела на Артура и вдруг произнесла совершенно иным тоном:

— Артур, тебе пора взять на себя свою долю ответственности.

Артур сделал слабую попытку понять, что она имеет в виду.

Ему и раньше приходилось замечать, что вещи, которые другие схватывают на лету, до него доходят этак минуты через две. Поэтому он позволил себе помолчать эти две минутки. Последнее время жизнь баловала его, шла ровно и мирно… можно позволить себе немножко помедлить.

Поразмыслив, он так и не понял, что имеет в виду Триллиан, и в конце концов признался в этом.

Триллиан одарила его холодной улыбкой и обернулась к двери, ведущей на улицу.

— Рэндом? — окликнула она. — Заходи-ка, познакомься со своим отцом.

Глава 14

Пока «Путеводитель» вновь превращался в гладкий черный диск, у Форда родилась одна безумная идея. То есть он попытался ее родить, хотя она оказалась слишком безумной для его утомленного мозга. Голова у него гудела как котел, коленка отчаянно ныла, и хотя он не считал себя нюней, но знал по опыту, что вещи типа изощренной многомерной логики лучше воспринимаются, когда сидишь в горячей ванне. Для серьезных размышлений требуется время. Время, хорошая порция укрепляющего и полная ароматной пены ванна.

Пора выбираться отсюда. И «Путеводитель» забрать. Вот только вряд ли удастся осуществить эти два дела разом.

Форд лихорадочно огляделся по сторонам в поисках спасительного выхода.

Думай, думай, думай давай! Выход должен был оказаться до примитивности простым и очевидным. Если дурные — можно даже сказать, дурнопахнущие — предчувствия его не обманывают и он вправду имеет дело с вогонами, чем проще и очевиднее уловка, тем лучше.

И вдруг его озарило.

Не надо бороться против системы — следует поставить ее себе на службу. Самая ужасная черта вогонов — их безмозглая готовность сделать любую безмозглую глупость, которая втемяшится в их безмозглые головы. К их разуму взывать не имело смысла ввиду отсутствия оного. Однако тот, у кого достанет духу, может порой использовать в своих целях их слепую, разрушительную страсть к слепому разрушению всего, что попало, включая самих себя. Мало того что их левая рука не ведает, что делает правая; порой и правая рука имеет весьма туманное представление о собственных деяниях.

Осмелится ли он просто послать заветный предмет почтой?

На собственное имя.

Осмелится ли он препоручить черный диск системе, чтобы вогоны сами доставили его ему — и это при том, что в данный конкретный момент они скорее всего разносят здание по кирпичику в поисках его. Форда?

Да!

Он лихорадочно начал упаковывать «Путеводитель». Обернул в бумагу. Наклеил листочек с адресом. На секунду замешкался — спросить со-

вета у интуиции — и решительно сунул посылку в капсулу внутренней пневмопочты.

— Колин! — повернулся он к маленькому шарику, порхающему в углу. — Мне придется бросить тебя на произвол судьбы.

— Как я рад! — откликнулся Колин.

— Желаю тебе получить максимум радости, — сказал Форд. — Ибо я хочу, чтобы ты проследил, чтобы эта посылка благополучно покинула пределы этого здания. Возможно, тебя сожгут, когда обнаружат, и я ничем не смогу тебе помочь. Это будет очень, очень больно, и я ужасно извиняюсь. Ты понял?

— Я весь переполнен радостью, — заявил Колин.

— Тогда ступай! — приказал Форд.

Колин беспрекословно нырнул в трубу пневмопочты вслед за посылкой. Теперь Форду оставалось позаботиться только о себе. Ох, непросто это было… За дверью уже слышался грохот тяжелых сапог, и пришлось принять некоторые меры предосторожности — проверить запоры и придвинуть к двери большой картотечный шкаф.

Его немного смущал тот факт, что до сих пор все шло слишком гладко. Как-то подозрительно. С самого начала он действовал на редкость

безрассудно — и пока все сходило ему с рук. Вот разве что ботинок. Ботинка было чертовски жаль, хоть плачь. Ничего, они еще за это заплатят. Сторицей.

Оглушительный грохот. Дверь сорвалась с петель. Сквозь клубы дыма и пыли проступили очертания врывающихся в проем огромных, похожих на слизней существ.

Значит, до сих пор все шло как по маслу? Значит, удача на его стороне? Ну что ж, вот и проверим!

В порыве научного энтузиазма он снова выбросился из окна.

Глава 15

Первый месяц совместной жизни они привыкали друг к другу, что оказалось довольно непросто.

Второй месяц они пытались свыкнуться с тем, что узнали друг о друге за первый, — и прошел он легче.

Третий месяц, когда прибыла посылка, тоже не был лишен проблем.

Поначалу проблемой было даже объяснить, что такое месяц. Тут, на Лемюэлле, это представлялось Артуру нехитрой задачей. Длительность суток здесь составляла чуть больше двадцати пяти земных часов, что в принципе означало для Артура возможность лишний час поваляться в постели — КАЖДЫЙ ДЕНЬ! — да еще необходимость регулярно переводить часы, что он делал скорее с удовольствием.

К тому же его вполне устраивало количество солнц и лун. На Лемюэлле и то, и другое имелось в одном экземпляре, что по сравнению со многими планетами, куда судьба закидывала Артура, являлось просто подарком.

Планета делала полный оборот вокруг един-

ственного солнца за триста дней, а это значило, что год здесь тянулся не слишком долго. Луна делала оборот вокруг Лемюэллы примерно девять раз в год, что тоже было кстати: это значило, что за месяц здесь можно больше успеть. И наконец, планета не просто напоминала Землю, она была скорее ее улучшенной копией.

Рэндом, напротив, казалось, будто она в плену у какого-то бесконечного, навязчивого кошмара. Она билась в истерике от того, что местная луна нарочно вылезает на небо — ей назло! Вылезает каждую ночь, а как только прячется, ей на смену появляется солнце. Снова и снова, без конца!

В принципе Триллиан предупреждала Артура, что Рэндом, возможно, окажется трудно привыкнуть к более регулярному образу жизни, чем тот, который она вела до сих пор. И все же к вою на луну, например, Артур оказался не готов.

Если честно, он вообще не был готов ни к чему такому.

Его ДОЧЬ?

ЕГО дочь? Они с Триллиан не… нет, ведь правда, ни разу? Что-что, а это он помнил точно. Может, Зафод?

— Разные биологические виды, — ответила на это Триллиан. — Когда я решила завести ребенка,

то прошла кучу разных обследований и анализов, и они сказали, что могут найти мне только одну пару. Я проверила и оказалась права. Они обычно держат такие сведения в тайне, но я добилась.

— Ты хочешь сказать, что обратилась в банк ДНК? — выкатил глаза Артур.

— Да. Но Рэндом появилась на свет вовсе не так случайно, как можно подумать по ее имени[23]. Ведь ты был единственным донором вида Homo sapiens. Правда, доля случайности есть — я о том, что мы с тобой посетили один и тот же банк.

Артур не сводил изумленного взгляда с понурой девочки, неловко притулившейся у двери.

— Но когда… как давно?…

— Ты хочешь знать, сколько ей лет?

— Да.

— Зря хочешь.

— Не понял.

— Я хочу сказать, я сама этого не знаю.

— ЧТО-О?

— Ну, по моим подсчетам, выходит, что я рожала ее лет десять назад, но она наверняка старше. Видишь ли, я же мотаюсь туда-сюда по времени. Работа такая. Я, конечно, старалась по возмож-

---

[23] Примечания: 23
Rondom *(англ.)* — случайная. — *Примеч. пер.*

ности брать ее с собой, но не всегда получалось. Я отдавала ее в детские сады в параллельных временных зонах, но сам понимаешь, сейчас так трудно выбрать подходящее время. Оставляешь ее утром, а к вечеру и не знаешь, на сколько она повзрослела. И тут уж гадай не гадай, все равно точно знать не будешь. Как-то я оставила ее в одном месте на несколько часов, а когда вернулась, она уже была совсем взрослой девицей, почти на выданье. Что могла, я сделала, Артур. Теперь твоя очередь. Мне пора на войну — вести репортаж.

* * *

Десять секунд, прошедших с момента отлета Триллиан, показались Артуру самыми долгими в его жизни. Вы и сами наверняка знаете, что время — штука относительная. Вы можете преодолеть сотни световых лет, и, если при этом вы перемещались со скоростью света, по возвращении выяснится, что вы состарились на несколько секунд, а вот ваш брат (или сестра) — близнец — аж на двадцать, тридцать, сорок или Зарквон знает сколько лет: все зависит от того, как далеко вас носило.

Как правило, такие временные эффекты здорово действуют на психику — особенно если вы

раньше и не подозревали о наличии у вас брата (или сестры) — близнеца. За мизерные секунды отсутствия как-то трудно приготовиться ко всем неожиданным изменениям вашего семейного положения, которые обнаруживаются по возвращении со звезд.

Десяти секунд молчания никак не могло хватить Артуру на то, чтобы коренным образом пересмотреть свои взгляды на жизнь и на себя самого в свете внезапного появления совершенно незнакомой ему дочери, о существовании которой он еще утром совершенно не подозревал. За десять секунд можно улететь куда угодно далеко и быстро, но завязать прочные семейные узы за такой отрезок времени никак нельзя, поэтому, глядя на упрямо уставившуюся в пол девочку у двери, Артур не ощущал ничего, кроме беспомощности и отчаяния.

В конце концов он решил, что ему нет смысла скрывать свою беспомощность. Он подошел и приобнял Рэндом за плечи.

— Извини, — сказал он. — Я не люблю тебя. Я тебя даже еще не знаю. Но я попробую — ты только погоди несколько минут, ладно?

Мы живем в странные времена.

Мы живем также и в странных местах:

каждый в своей собственной вселенной. Люди, которыми мы населяем свои вселенные, всего лишь тени других вселенных, подобных нашим и входящих в мимолетное соприкосновение с нашими вселенными. Умение воспринимать эту безумную сложность бытия, не лишаясь при этом рассудка и выдавая реплики типа: «Привет, Эд. Ну и загару тебя! Как там Кэрол поживает?» — требует определенных навыков.

Поэтому дайте своему ребенку передохнуть, идет? Цитата из «Практических советов родителям в страдающей фрактальным психозом Вселенной».

— Что это?

Артур почти был готов капитулировать. В принципе он не собирался капитулировать. Нет, ни в коем случае. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Но если бы он был из тех, кто способен капитулировать, то — учитывая сложившиеся обстоятельства — давно бы это проделал. И с радостью.

Рэндом оказалась капризным и невоспитанным ребенком. То она хотела поиграть в палеозойской эре, то возмущалась тем, что гравитация не исчезает хотя бы ненадолго и вообще не меняется, то кричала на солнце, чтобы оно перестало

ходить за ней по пятам, а на сей раз дитя утащило отцовский нож для мяса, чтобы выковыривать им из земли камни и швыряться ими в птичек-пикка за то, что они так на нее пялятся.

Артур даже не знал, была ли в истории Лемюэллы палеозойская эра. Если верить Старику Трашбаргу, планету обнаружили такой, какова она ныне, в животе гигантской уховертки в полпятого пополудни в один прекрасный врунедельник, и хотя у Артура (умудренного опытом странника по Галактике, отлично успевавшего в школе по географии и физике) имелись на этот счет весьма серьезные сомнения, он не собирался тратить время на бесплодные споры со Стариком Трашбаргом.

Он горестно вздохнул, пытаясь выпрямить безнадежно погнутое лезвие. Уж лучше бы она убила этим ножом его, или себя, или обоих. Да, непросто быть отцом. Конечно, он знал, что это никогда не считалось простым делом, но он же не сам напросился, правда ведь?

Он старался как мог. Все время, что оставалось у него от изготовления сандвичей, он проводил с Рэндом: занимал разговорами, водил гулять, любовался с ней закатом, сидя на вершине холма, расспрашивал о ее жизни и пытался рассказать о

своей. Нелегкое это было дело. Та ниточка, что их связывала (если не считать почти одинакового набора хромосом в клетках их тел), не отличалась ни толщиной, ни прочностью. Вообще-то этой ниточкой была Триллиан, да только вот беда: на Триллиан они тоже смотрели с диаметрально противоположных точек зрения.

— Что это?

Он вдруг понял, что это она обращается к нему, а он не слушает. Вернее, он не узнал ее голос.

Если обычно она обращалась к нему обиженным или сердитым тоном, то на этот раз она просто спрашивала его о чем-то.

Удивившись, он оглянулся.

Она сидела на табуретке в углу, по обыкновению сгорбившись — коленки вместе, ноги расставлены, темные волосы закрывают лицо, — и смотрела на что-то лежащее у нее в руках.

Артур не без опаски подошел к ней.

Настроение Рэндом имело привычку непредсказуемо меняться, однако до сих пор любая смена ее настроений означала переход от одного вида расстройства чувств к другому. Горькие упреки без предупреждения сменялись у нее приступами острой жалости к самой себе, на смену которым приходили в свою очередь довольно

долгие периоды беспросветного отчаяния, прерываемые лишь неожиданными вспышками ярости по отношению к неодушевленным объектам или хныканьем, почему она не может сходить в электроклуб.

На Лемюэлле не имелось электроклубов; более того, на ней вообще не было ни клубов, ни электричества. Здесь были кузня, пекарня, несколько телег и колодец — вот все, чего на данный момент добилась лемюэлльская наука и техника. Вот почему вся ярость Рэндом направлялась на непроходимую отсталость планеты.

Она могла смотреть субэфирное телевидение по зашитому ей в ладонь Флекс-О-приемнику, но это мало радовало ее: ведь с экрана взахлеб толковали о восхитительно интересных вещах, происходящих где угодно, только не там, где она находилась. Правда, по субэфирному телевидению она видела свою мать, бросившую ее здесь для того, чтобы улететь вести репортажи с какой-то войны, которая то ли не началась, то ли пошла наперекосяк из-за халтурной работы разведпатрулей времени. И еще Рэндом могла до посинения смотреть приключенческие сериалы, в которых дорогие звездолеты то и дело сталкивались друг с другом.

Эти волшебные образы, порхающие над ее ладонью, буквально завораживали деревенских. До сих пор тем пришлось видеть только одну аварию звездолета, и это было так жутко, что они и представить себе не могли, что для кого-то подобные картины служат развлечением.

Старик Трашбарг, например, был так потрясен, что поначалу признал Рэндом посланницей Всевышнего Боба, хотя вскоре передумал и решил, что она ниспослана ему как искушение — не то его веры, не то его терпения. Также его начал сильно беспокоить тот факт, что теперь в свои рассказы ему приходилось вставлять невообразимое количество космических катастроф — дабы удержать власть над деревенскими, которые в противном случае не отходили бы от Рэндом и ее волшебной ладони.

Однако сейчас ее ладонь была отключена. Артур тихонько склонился посмотреть, что там у нее такое.

Это были его часы. Он снял их с руки, когда собирался принять душ под водопадом, вот Рэндом и наткнулась на них и теперь пыталась понять их предназначение.

— Это просто часы, — сказал он. — Они показывают время.

— Сама знаю, — проворчала она. — Но ты все колдуешь с ними, а они что-то ни фига не показывают. Ладно бы время, а то вообще ничего.

Она включила свой ладонный экранчик, и тот мгновенно выдал ей местное время. С момента ее появления на планете он рассчитывал соотношение местной гравитации, положения солнца на небосклоне и характеристики его перемещения, а также принял во внимание местные традиции. Подобное устройство весьма полезно, когда путешествуешь не только в пространстве, но и во времени.

Отцовские часы ничего такого не умели.

Артур гордился ими. Он никогда не смог бы купить такие часы на собственные деньги. Их подарил ему на день рождения (на двадцатидвухлетие) богатый, замученный совестью крестный, позабывший к этому дню не только точный возраст Артура, но и его имя. Часы показывали время, день недели, число, фазы луны; на их исцарапанной задней крышке до сих пор можно было разглядеть надпись «Альберту в день рождения, 21» и совершенно бессмысленную для Артура дату.

За последние несколько лет часам довелось пережить немало всяких передряг, большая часть

которых являла собой открытое издевательство над правилами их эксплуатации — не говоря уж о тех неписаных правилах, что предписывают пользование данным механизмом в специфических гравитационных и магнитных условиях планеты Земля с длиной суток двадцать четыре часа, и чтобы планета при этом не взрывалась и т. д. Так что если бы часы сломались, их швейцарские изготовители лишь развели бы руками в ответ на упрек Артура.

Артуру еще повезло, что часы были механические, с ручным подзаводом: окажись они кварцевыми, где бы он в Галактике нашел батарейки той формы, размера и мощности, которые на Земле считались совершенно стандартными?

— Ну так что значат все эти цифры? — спросила Рэндом.

Артур взял у нее часы.

— Вот эти цифры на ободке означают часы. Надпись в этом маленьком окошечке справа — «ЧЕТ» — означает «четверг». Рядом цифры — 14. Значит, сегодня четырнадцатый день месяца мая — название месяца вот в этом окошке. А это полукруглое окошечко сверху показывает фазу Луны. Другими словами, оно говорит, какая часть Луны освещена Солнцем в ночное время; это зависит

от взаимного положения Солнца, Луны и… ну и Земли тоже.

— Земли, — эхом повторила за ним Рэндом.

— Да.

— Это откуда родом ты и мама тоже?

— Да.

Рэндом забрала у него часы и еще раз пристально осмотрела их. Потом поднесла к уху и удивленно прислушалась.

— Что это за звук?

— Это они тикают. Это голос механизма, который приводит в движение стрелки, он называется часовым механизмом. Он состоит из сцепленных друг с другом зубчатых колесиков и пружин, которые сообщают стрелкам нужную скорость, чтобы те показывали часы, минуты, дни и так далее.

Рэндом неотрывно смотрела на циферблат.

— Тебя что-то смущает? — спросил Артур. — Что именно?

— Смущает, — ответила наконец Рэндом. — Почему нельзя было сделать их электронными?

Артур предложил пойти погулять. Он чувствовал, что накопилось довольно много вещей, которые стоит обсудить, а настроение Рэндом наконец-то казалось если не благодушно-жизнерадостным, то хотя бы не плаксивым.

Что до Рэндом, то ей все было крайне странно. Будем к ней справедливы — она капризничала вовсе не нарочно. Если называть вещи своими именами: она просто не знала, что можно вести себя как-то иначе.

Кто этот дядька? Как ей полагается жить? Где та планета, на которой ей полагается жить? И что это за Вселенная беспрестанно хлещет ей в уши и давит на глаза? Для чего все это? Чего от нее хотят?

Она родилась на борту звездолета, летевшего из какого-то «откуда-нибудь» в какое-то «куда-то», а по прибытии оказалось, что конечный пункт рейса — лишь начальный пункт следующего, и опять был долгий перелет «куда-то еще» и так далее, и тому подобное.

Поэтому ее нормальным состоянием было ожидание распоряжения собрать вещи и вновь отправиться в дорогу. Она привыкла к тому, что все время находится НЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ.

Непрерывные путешествия во времени тоже добавили сумятицы: так что она привыкла не только к тому, что находится не на своем месте, но и к тому, что находится не в своем времени.

Конечно, сама она этого даже не осознавала: ведь жить по-другому ей пока еще не доводилось,

и ей никогда не казалось странным, что, куда бы она ни попадала, ей приходилось то навешивать на себя свинцовые грузила, то надевать антиперегрузочный костюм — а уж специальный дыхательный аппарат вообще прирос к ее лицу. Единственными мирами, где она чувствовала себя хорошо, стали миры, которые она создавала сама для себя — виртуальные миры в электроклубах. Ей и в голову не приходило, что в реальной Вселенной можно чувствовать себя на своем месте и в своей стихии.

Не была исключением и эта планета — эта драная Лемюэлла, — куда запихнула ее мать. Не был исключением и этот человек, который, сам того не зная, подарил ей бесценную жизнь только для того, чтобы получить место в первом классе. Хорошо еще, он оказался на поверку довольно добрым и безобидным, а то могло дойти до неприятностей. И это не пустые слова: в кармане у нее на всякий случай был припасен острый камень, которым она могла доставить кучу неприятностей кому угодно.

Выходит, опасное это дело — пытаться взглянуть на мир с абсолютно чуждой тебе точки зрения.

Они сидели на месте, которое особенно нра-

вилось Артуру: на склоне холма, обращенном к долине, в которой угнездилась освещенная лучами заката деревня.

Единственное, что раздражало тут Артура, — это то, что отсюда виднелся маленький кусочек соседней долины, где глубокая черная плешь в лесу отмечала место гибели его лайнера. Хотя, возможно, именно это и заставляло его приходить сюда. Столько вокруг было мест, с которых открывался замечательный вид на живописные холмы и долины Лемюэллы, но ноги несли его только сюда, где взгляд царапала чуть видная отметина боли и ужаса.

С той минуты когда его вытащили из-под обломков, он ни разу еще не возвращался туда.

И не вернется.

Просто сердце не выдержит.

Вообще-то если честно, на следующий день после катастрофы, еще не придя в себя после шока, он чуть туда не вернулся. У него были сломаны нога и пара ребер, он заработал несколько тяжелых ожогов, голова отказывалась думать, и все же он настоял, чтобы жители деревни отнесли его туда, и те нехотя повиновались. Впрочем, они так и не смогли дойти до того места, где земля расплавилась от страшного жара, — попятились.

Вскоре разнесся слух, что лес тот проклят, и туда никто и никогда больше не совался. Вокруг столько прекрасных и уютных долин, так стоит ли возвращаться в ту, куда ходить — только зря расстраиваться? Пусть прошлое остается в прошлом, ну а настоящее пусть бежит стремглав к радостному будущему.

Рэндом осторожно поворачивала часы в руке так, чтобы лучи заходящего солнца играли на многочисленных царапинах, паутиной покрывавших толстое стекло. Непрерывное движение тоненькой секундной стрелки по кругу завораживало ее. И каждый раз, когда стрелка проходила полный круг, та из двух главных стрелок, что длиннее, перемещалась на одно из шестидесяти маленьких делений, на которые был разбит циферблат. А когда длинная стрелка завершала круг, перепрыгивала на следующую цифру и коротенькая.

— Ты на них уже битый час смотришь, — негромко заметил Артур.

— Сама знаю, — ответила Рэндом. — Час — это когда большая стрелка пройдет целый круг, да?

— Правильно.

— Значит, я смотрю уже час и семнадцать минут.

Загадочно улыбнувшись, она чуть подвинулась так, что слегка коснулась локтем его руки. Артур едва заметно вздохнул — этот вздох он сдерживал уже несколько недель. Ему очень хотелось обнять дочь за плечи, но он чувствовал, что для этого еще не настало время, что Рэндом растерянно отпрянет. И все же что-то менялось. Что-то внутри нее таяло. Часы внесли какой-то долгожданный смысл в ее доселе бессмысленную жизнь. Артур не знал еще, что это за смысл, и все же был рад, что хоть что-то растревожило ее душу.

— Объясни мне еще раз, — попросила Рэндом.

— Ничего сложного в этом нет, — приосанился Артур. — Часовые механизмы делают уже сотни лет…

— Земных лет?

— Да. Они становились все точнее и точнее, сложнее и сложнее. Это очень замысловатый, тонкий механизм. Их размеры старались все уменьшать и уменьшать, но при этом они должны были идти точно, хоть роняй их, хоть тряси.

— Но только на одной планете?

— Да, на той, где их сделали, понимаешь? Никто не рассчитывал, что они попадут куда-то еще, где будут другие солнца, луны, магнитные поля и все такое. Я хочу сказать, что эта штука до сих пор ра-

ботает идеально, но в такой дали от Швейцарии это не имеет особого смысла.

— От чего вдали?

— От Швейцарии. Это где их сделали. Маленькая горная страна, красивая до одури. В общем, те, кто их сделал, не знали, что есть и другие обитаемые планеты.

— Много же они не знали.

— М-м… да.

— Тогда откуда ОНИ родом?

— Они… то есть мы… ну, мы там и выросли. Мы все родом с Земли. Из… ну не знаю, из слизи там…

— Как эти часы.

— Гм… Вряд ли часы произошли из слизи.

— ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ! — Внезапно вскочив на ноги, Рэндом сорвалась на крик: — Ты не понимаешь! Не понимаешь меня, вообще НИЧЕГО не понимаешь! Дурак непроходимый! НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!

Не разбирая дороги, она бросилась вниз по склону, сжимая в руке часы и продолжая кричать, что ненавидит его.

Артур тоже вскочил — в полной растерянности. Путаясь в высокой траве, больно коловшей ноги, он побежал за ней следом. При катастрофе косми-

ческого корабля он заработал сложный перелом ноги, так что до сих пор хромал.

Неожиданно она обернула к нему свое потемневшее от гнева лицо.

— Ты что, не понимаешь, что где-то есть место, предназначенное для них? — Она взмахнула часами в воздухе. — Место, где они работают так, как надо?

Она снова отвернулась от него и побежала дальше. Бегала она хорошо, и ноги у нее не болели, так что Артур начал заметно отставать.

Дело вовсе не в том, что он заранее не представлял себе, какое это тяжкое бремя — быть отцом. Просто он как-то не ожидал, что вдруг окажется чьим-то отцом. Во всяком случае, при таких вот обстоятельствах и на чужой планете.

Рэндом снова обернулась, чтобы крикнуть. Странное дело, каждый раз он тоже останавливался вместе с ней.

— Кто я такая, по-твоему? Билет в первый класс? Кто я для мамы? Билет в жизнь, которой у нее нет?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — прохрипел измученный Артур.

— Да что ты вообще понимаешь!

— О чем ты?

— Заткнись! Заткнись! ЗАТКНИСЬ!

— Скажи мне! Пожалуйста! Что за жизнь, которой у нее нет?

— Она хотела остаться на Земле! Она жалеет, что улетела с этим тупицей о двух головах, и в обеих вместо мозгов жвачка! С Зафодом! Она думает, что жизнь могла бы повернуться совсем по-другому!

— Но, — возразил Артур, — она бы погибла! Ее бы уничтожили вместе с Землей!

— Но это была бы другая жизнь, верно?

— Так ведь…

— Ей не надо было заводить меня! Она меня ненавидит!

— Ты не можешь говорить так! Как может кто-то… э… я хотел сказать…

— Она завела меня, чтобы у нее было хоть что-то свое. Но все вышло еще хуже! Вот она меня и сбагрила с рук, а сама живет, как жила — подурацки!

— Что такого дурацкого в ее жизни? Ей фантастически везет, разве нет? Все пространства и времена открыты для нее, и субэфирное.

— Дурацкое! Дурацкое! Дурацкое! Дурацкое!

Рэндом повернулась и побежала дальше. Артур попробовал было бежать за ней, но отстал оконча-

тельно и был вынужден присесть — отдышаться и дать передохнуть больной ноге. Как справиться с кашей в голове, он все равно не знал.

Только через час он доплелся до деревни. Вечерело. Встречные приветливо здоровались с ним, но в воздухе висела какая-то неопределенность. Старик Трашбарг сидел, глядя на луну и закусив бороду более обыкновенного, что тоже не предвещало ничего хорошего.

Артур открыл дверь в свою хижину. Рэндом, притихнув, съежилась у стола.

— Прости меня, — сказала она. — Прости.

— Ничего, — произнес Артур так мягко, как только мог. — Иногда полезно… ну, поговорить. Столько всего надо узнать друг про друга, а жизнь, ну, сама понимаешь, не из одних роз состоит…

— Прости, пожалуйста, — повторила она, всхлипывая.

Артур подошел к ней и положил руку ей на плечо. Она не отпрянула и не оттолкнула его. И тут Артур увидел, за что она просит прощения.

На столе, в круге света от лемюэлльской лампады, лежали его часы. Рэндом сковырнула заднюю крышку ножом для масла, и все колесики, пружинки и прочие часовые потроха высыпались на скатерть.

— Я хотела только посмотреть, как они устроены, — всхлипнула Рэндом. — Только посмотреть! Прости! Я не могу их собрать обратно! Извини меня! Я не знаю, что делать! Я починю! Правда, починю!

Весь следующий день Старик Трашбарг ошивался вокруг дома и без устали распинался о Бобе и его заповедях. Он попытался призвать на Рэндом успокоение, озадачив ее неразрешимой загадкой гигантской уховертки, на что Рэндом ответила, что никаких уховерток не бывает, так что Старик Трашбарг обиделся и умолк, сказав только, что ее извергнут во тьму внешнюю. Отлично, ответила Рэндом, очень хорошо, там-то она и родилась. А на следующий день пришла посылка.

Это, пожалуй, было уже слишком.

В самом деле, когда прибыла посылка — ее доставил летающий робот, испускавший звуки, которые обычно испускают летающие роботы, — в деревне начало нарастать явственное ощущение, которое можно было бы выразить так: «Ну, это уж того… слишком».

Робота, впрочем, ни в чем винить нельзя. Все, что ему требовалось, чтобы улететь восвоя-

си, — это подпись, или отпечаток пальца, или на худой конец клочок кожи с шеи адресата. В ожидании этого он висел в воздухе, абсолютно безразличный к загадке содержимого посылки. Тем временем Кирп поймал еще одну рыбу с головой вместо хвоста, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это вообще-то две рыбы, разрезанные пополам и в придачу крайне неряшливо сшитые. Поэтому мало того что Кирпу не удалось пробудить особенного интереса к своей рыбе, он значительно подорвал доверие к подлинности первой. Только птички-пикка, судя по всему, не сомневались в том, что все в порядке.

Наконец летающий робот заполучил подпись Артура и удалился. Артур отнес посылку к себе в хижину, сел и уставился на нее.

— Давай вскроем! — предложила Рэндом, чье настроение этим утром значительно улучшилось из-за того, что вокруг воцарилась привычная сумятица. Но Артур покачал головой.

— Но почему?

— Она адресована не мне.

— Нет, тебе.

— Нет, не мне. Она адресована… ну, вообще-то мне, но не мне, а для передачи Форду Префекту.

— Форду Префекту? Тому самому, который…

— Да, — коротко ответил Артур.

— Я о нем слышала.

— Еще бы.

— Давай все равно вскроем. Ну что нам с ней еще делать?

— Не знаю, — вздохнул Артур. Он и на самом деле не знал.

Утром спозаранку он отнес свои покалеченные ножи к кузнецу, и Стриндер пообещал посмотреть, что тут можно сделать.

Они, как обычно, помахали ножами в воздухе, пробуя их балансировку, и заточку, и гибкость, и все такое, но прелесть этого занятия куда-то улетучилась, и Артура не покидало невеселое предчувствие, что недолго ему осталось быть Мастером Сандвичей.

Он окончательно пал духом.

На носу был осенний ход Абсолютно Нормальных Зверей, но Артур обнаружил, что ожидание охоты и празднества не будоражит его так, как раньше. Что-то изменилось на Лемюэлле, и Артура мучило ужасное подозрение, что это не Лемюэлла изменилась, а он сам надорвался.

— Ну, как ты думаешь, ну что там может быть? — допытывалась Рэндом, вертя посылку

в руках.

— Не знаю, — ответил Артур. — Впрочем, это наверняка какая-нибудь гадость.

— Почему ты так уверен? — возмутилась Рэндом.

— Жизнь научила. Где Форд Префект, там гадости, а где гадости — там Форд Префект. И только пока Форда Префекта нет, гадостей тоже нет, — сказал Артур. — Уж поверь мне на слово.

— Ты чем-то расстроен, да? — спросила Рэндом.

— Да что-то тоскливо, — признался Артур.

— Извини, — сказала Рэндом и убрала посылку. Она понимала, что Артур не на шутку огорчится, если она ее вскроет. Значит, придется вскрывать так, чтоб он не видел.

Глава 16

Артур так и не смог потом вспомнить, чего — или кого — хватился сначала. Когда он обнаружил, что одной из них нет на месте, мысли его мгновенно переметнулись ко второй, и он уже знал, что пропали обе, а с ними вместе пошла прахом вся его жизнь.

Рэндом на месте не было. И посылки тоже.

Весь день он продержал ее на полке, на самом виду — как знак доверия.

Он знал, что родители должны выказать свое доверие к ребенку; только так закладывается фундамент дружеских отношений. Он никак не мог отделаться от ощущения, что поступает как идиот, и все же поступал так, даже зная заранее, что ничем хорошим дело не кончится. Век живи — век учись. Или хотя бы живи.

Живи и паникуй.

Артур выбежал из хижины. Смеркалось. Небо хмурилось, с горизонта надвигалась гроза. Рэндом нигде не было видно. Он всех опрашивал. Никто ее не видел. Порыв ветра прогулялся по деревенской околице, срывая и крутя в воздухе все, что плохо лежало.

Артур отыскал Старика Трашбарга и задал свой вопрос ему. Трашбарг смерил его мрачным взглядом и ткнул пальцем в единственном направлении, которого Артур панически боялся, инстинктивно чувствуя, что туда-то она и пошла.

Итак, худшее уже известно.

Она пошла в то самое место — видимо, рассудила, что туда-то он за ней не пойдет.

Бросив взгляд на хмурое, покрытое рваными облаками небо, Артур поймал себя на мысли, что на фоне такого небосвода даже четверо Всадников Апокалипсиса не будут смотреться полными идиотами.

С нелегким предчувствием двинулся он в путь по дороге, ведущей в соседнюю долину. На землю упали первые тяжелые капли дождя, и Артур перешел на неровную трусцу.

Рэндом перевалила через вершину холма и заглянула в следующую долину. Подъем оказался длиннее и круче, чем она ожидала. Ее немного беспокоило то, что пришлось отправиться в путь ночью — ночей она не любила, — но отец целый день слонялся вокруг хижины, пытаясь убедить себя и ее в том, что он не сторожит посылку. Только ранним вечером ему пришлось отлучиться в

кузницу — переговорить со Стриндером насчет ножей, и Рэндом не упустила возможности улизнуть с посылкой под мышкой.

Было совершенно очевидно, что посылку нельзя вскрывать ни в хижине, ни вообще в деревне: в любой момент он мог вернуться. Что означало: нужно идти туда, куда за ней не пойдут.

В принципе можно было бы сделать это и здесь, на холме. Она ушла сюда в надежде, что он не пойдет за ней, а если и пойдет, никогда не найдет ее на лесистых склонах холма, да еще ночью и в дождь.

Всю дорогу посылка болталась у нее под мышкой. Вид у нее был чрезвычайно соблазнительный: коробка с квадратной крышкой размером локоть на локоть, высотой в ее руку, обернутая коричневым упаковочным пластиком. Швы были заделаны новомодной ниткой-самошиткой. При встряхивании внутри ничего не побрякивало; основная тяжесть посылки концентрировалась в самой ее середине.

Впрочем, раз уж она зашла так далеко, еще приятнее будет не задерживаться здесь, а дойти до цели — места, где разбился отцовский звездолет. Она не очень понимала, почему это место проклято и что вообще значит «проклято», но

в любом случае здорово было бы это выяснить. Так что она наберется терпения и прибережет посылку до того места.

Темнота сгущалась. Боясь быть замеченной, Рэндом еще не включала свой маленький электрический фонарик. Но теперь без него не обойдешься — ну да ладно, от деревни ее загораживает холм.

Она включила фонарь. Почти в тот же миг вилка молнии вспорола небосвод над долиной, куда она спускалась, и Рэндом вздрогнула от неожиданности. Наступившая темнота показалась ей еще темнее, а раскаты грома заставили ее почувствовать себя очень маленькой и одинокой. Никого рядом — только пляшет беспомощный лучик фонаря, что сжимает она в дрожащей руке. Может, лучше остановиться и вскрыть посылку прямо здесь? Или вообще пойти домой, а сюда вернуться завтра? Впрочем, колебалась она только одно мгновение. Она прекрасно понимала, что сегодня для нее обратной дороги нет. А может, и вообще не будет.

Она почти спустилась с холма. Дождь припустил всерьез. Капли барабанили по листве, земля под ногами совсем раскисла.

То есть ей хотелось надеяться, что это только

капли долбят по листьям, а не… Луч света метался между деревьями, и из мрака на нее то и дело выскакивали какие-то тени. Мерещится, конечно…

Еще десять — пятнадцать минут она упрямо шагала вперед, мокрая до последней нитки, дрожащая от холода. Ей все больше становилось не по себе — тем более что, помимо света от фонаря, все явственнее становился заметен и другой свет. Тусклый такой — она никак не могла понять, есть он там на самом деле или только чудится. Она выключила фонарик. Нет, впереди и впрямь что-то светилось. Вновь включив фонарик, она двинулась на таинственный огонек.

Лес, по которому она шла, был какой-то… неправильный? Нехороший?

Она не могла с ходу определить, что с ним не так, но лес этот никак не походил на нормальный, здоровый, веселый древесный массив. Деревья росли, нездорово пригибаясь к земле, словно им только что закатили чудовищную оплеуху. То и дело Рэндом казалось, будто их ветки тянутся к ней, пытаясь схватить, хотя это была всего лишь иллюзия, порожденная игрой теней от ее фонарика.

Вдруг на землю перед ней что-то упало с дерева. Она отпрянула, уронив фонарь и посылку, и

схватилась рукой за камень в кармане.

В луче фонарика Рэндом увидела, что упавший с дерева предмет движется. Огромная, причудливой формы тень надвигалась на девочку. Сквозь шум дождя послышались писк и шуршание. Рэндом наклонилась, нашарила рукой фонарь и нацелила его прямо на неизвестную тварь.

И в ту же секунду в нескольких футах от нее на землю плюхнулась еще одна зверюга. Рэндом испуганно перевела луч фонаря на нее. Камень уже лежал в ее руке, готовый к атаке.

Звери оказались на деле довольно мелкими. Маленькими, рыженькими, пушистыми. Тут и третий спрыгнул на землю рядышком. Он приземлился прямо в круг света, так что Рэндом разглядела его очень отчетливо.

Зверек мягко приземлился, повернулся и вместе с первыми двумя медленно, но целеустремленно двинулся к Рэндом.

Она не трогалась с места. Она не выпускала камень из рук, но начала колебаться: очень уж зверьки, в которых она приготовилась его бросать, походили на белок. Мягкие, теплые, пушистые, неотличимые от белок зверьки приближались к ней довольно зловещей походкой.

Рэндом направила свет прямо в глаза первому.

Тот испустил агрессивное, полное угрозы, скрипучее ворчание. В передней лапке он держал маленький полуистлевший, сырой лоскуток розового полотенца. Рэндом угрожающе помахала в воздухе своим камнем, однако на белку, приближающуюся к ней с розовым лоскутком полотенца, это не произвело ни малейшего впечатления.

Рэндом попятилась на шаг, недоумевая, что же теперь делать. Если бы к ней приближались клокочущие яростью злобные твари со сверкающими клыками, она без колебаний бросилась бы в атаку, но вот как быть, если на тебя грозно наступает шеренга белок, она просто не знала.

Она отступила еще на шаг: с правого фланга ее начала обходить вторая белка. С чашкой в лапках. Нет, не с настоящей чашкой, а с чашечкой от желудя. Третья пока держалась поодаль. Что там у нее в лапках? Похоже, клочок грязной бумаги, решила Рэндом.

Отступив еще на шаг, девочка споткнулась о корень и растянулась на земле — хорошо хоть, упала не лицом в грязь, а на спину.

Первая белка немедля ринулась вперед и с холодной решимостью в глазах и лоскутком мокрого розового полотенца наготове прыгнула

ей на живот.

Рэндом попыталась вскочить, но, едва дернувшись, замерла. Белка на ее животе испуганно встрепенулась, что, в свою очередь, напугало Рэндом. Белка застыла, уцепившись коготками за кожу Рэндом под мокрой рубашкой. Потом медленно, дюйм за дюймом, поползла по ее лицу, остановилась и протянула ей лоскуток полотенца.

Ее крошечные блестящие глазки почти загипнотизировали Рэндом. Настойчиво вереща, белка снова и снова протягивала ей полотенце до тех пор, пока Рэндом не взяла его неуверенно. Она была совершенно сбита с толку. По лицу ее стекали струйки дождя и грязи, а верхом на ней сидела белка. Девочка утерла глаза кусочком полотенца.

Торжествующе пискнув, белка схватила полотенце, соскочила с Рэндом, вприпрыжку унеслась в темноту, взлетела на дерево и нырнула в дупло, где и уселась, закурив сигарету.

Тем временем Рэндом пыталась отбиться от двух других белок — с желудевой чашечкой, полной дождевой воды, и бумажкой. Изловчившись, она перевернулась на живот.

— Нет! — крикнула она. — Убирайтесь прочь!

Белки испуганно отпрянули, но тут же вновь бросились к Рэндом. Та с криком швырнула в них свой камень. Белки отшатнулись, нерешительно обежали вокруг нее. Потом одна кинулась к ней, сунула ей в руку свой желудь и ускакала в ночь. Вторая постояла секунду, положила свою бумажку на траву перед Рэндом и тоже исчезла.

Рэндом снова была одна. Она неуверенно поднялась на ноги, подобрала свой камень и посылку, потом подумала и подобрала бумажку, которая так отсырела, что трудно было разобрать, в каком качестве она начала свой жизненный путь. Скорее всего это был обрывок журнала для пассажиров космических лайнеров.

Пока Рэндом пыталась понять, что же это все значит, на поляну, где она стояла, вышел человек, поднял к плечу устрашающего вида бластер и застрелил ее.

В двух или трех милях от нее Артур отчаянно карабкался вверх по склону холма.

Собрался он быстро: только забежал домой за фонарем. Не электрическим — единственный электрический фонарик в деревне взяла с собой Рэндом. Этот походил на штормовую лампу: перфорированный металлический цилиндр из кузницы Стриндера, внутри которого находились

сосуд с горючим рыбьим жиром и фитиль из скрученного пучка сухой травы; сверху цилиндр был обернут прозрачной пленкой из кишок Абсолютно Нормального Зверя.

И вот фонарь потух.

Несколько секунд Артур бестолково крутил его в руках. Ясное дело, не стоило и пытаться зажечь его в разгар грозы, хотя попытка не пытка… И все же оживить фонарь не удалось.

Что теперь? Дело ясное, что дело дохлое. Мало того что промок насквозь, так вдобавок остался без огня в кромешной тьме.

На долю секунды он чуть не ослеп от света, потом вновь оказался в кромешной тьме.

И все же свет молнии помог ему угадать, где он — почти у вершины холма. Стоит подняться еще немного, и… ну там будет видно, что делать дальше.

Он пополз вперед и вверх.

Через несколько минут, задыхаясь, он понял, что долез до вершины. Внизу брезжило неясное свечение. Он не знал, что это, и, честно говоря, знать не хотел. Но теперь надо было превозмочь страх и спускаться вниз. Ничего больше не оставалось.

Струя смертоносного света прошла сквозь

Рэндом, а вслед за ней — и сам стрелявший. Не обратив ни малейшего внимания на девочку, сквозь которую буквально просочился, он бросился к своей жертве — кому-то, стоявшему прямо за спиной у Рэндом. Когда девочка оглянулась, тип с бластером, наклонившись к убитому, рылся у него в карманах.

Изображение на миг застыло — и исчезло, чтобы секундой спустя смениться двумя рядами белоснежных зубов в обрамлении огромных, сочных, ярко-алых губ. Сгустившаяся из воздуха исполинская голубая щетка начала, разбрызгивая белую пену, полировать зубы.

Рэндом захлопала глазами — и вдруг догадалась.

Реклама.

Человек, застреливший ее, был частью голографического фильма. Должно быть, она подошла совсем близко к месту катастрофы. Судя по всему, отдельные корабельные системы оказались более живучими, чем ожидалось.

Следующие полмили дались ей с большим трудом. Теперь ей приходилось бороться не только с холодом, дождем и ночью, но и с разлаженными развлекательными системами лайнера. Вокруг нее то и дело сталкивались и взрывались,

озаряя всю округу багровым огнем, звездолеты, ракетные автомобили и аэропланы, потрепанные жизнью мужчины в чудных широкополых шляпах пробегали сквозь нее, размахивая зловещими бутылками, а объединенный хор и оркестр Галлапольской Государственной Оперы исполнил марш анджакватских гвардейцев из IV акта оперы Ригзара «Плюмгумбрюм Вунтский» на полянке слева от нее.

И вдруг она очутилась на краю зловещего кратера с оплавленными краями. Пахнуло теплом: объект в центре кратера, вначале показавшийся ей гигантским комком хорошо прожеванной жвачки — то были останки огромного корабля, — до сих пор не остыл.

Довольно долго она стояла, не сводя глаз с кратера, потом, обогнув его, пошла дальше. Теперь она уже не знала, чего ищет; просто ей хотелось уйти подальше от этого ужаса.

Дождь начинал понемногу стихать, и все же было отчаянно сыро. Поскольку Рэндом не знала, что находится в посылке — возможно, что-то хрупкое, боящееся сырости, — она решила найти место посуше и там уж ее вскрыть. Оставалось лишь надеяться, что она не разбила содержимое коробки, когда упала.

Она посветила фонариком по сторонам: луч высвечивал редкие хилые, изломанные деревья. Чуть поодаль виднелась скала, к которой она и направилась в надежде найти укрытие. Повсюду вокруг нее виднелись обломки, отлетевшие от корабля еще до того, как он взорвался окончательно и бесповоротно.

Отойдя от кратера на две или три сотни ярдов, она наткнулась на ошметки какого-то рыхлого розового материала: изодранные, пропитавшиеся водой, раскиданные по деревьям. Рэндом догадалась, что это, должно быть, остатки спасательной капсулы, спасшей жизнь ее отцу. Она подошла рассмотреть их получше и тут заметила на земле какой-то предмет, наполовину ушедший в грязь.

Она подняла этот предмет, обтерла. То был какой-то электронный прибор размером с небольшую книгу. Стоило Рэндом осторожно коснуться его крышки, как на ней тускло высветились крупные, дружелюбно-округлые буквы. Надпись гласила:

НЕ ПАНИКУЙ

Она знала, что это такое. Это был отцовский экземпляр «Путеводителя «Автостопом по Галактике».

Почему-то эта находка успокоила ее. Она запрокинула лицо к небу, подставляя его под дождь, как под душ.

Тряхнув головой, она поспешила к скалам и почти сразу же наткнулась на то, что искала. Вход в пещеру. Она посветила внутрь фонариком. Там было сухо и безопасно. Осторожно ступая, она заглянула внутрь. Пещера оказалась неглубокая, но просторная. Рэндом нашла камень поудобнее, уселась, поставила коробку перед собой и принялась распаковывать ее.

Глава 17

Долгие годы многие поколения ученых ломали копья в спорах о так называемой пропавшей материи, исчезающей из Вселенной неведомо куда. Естественнонаучные факультеты крупнейших университетов Галактики изобретали все более изощренное оборудование для поисков в глубинах окраинных галактик, в ближних и отдаленных пределах самой Вселенной. Когда же пропавшую материю в конце концов отыскали, выяснилось, что это то самое пористое вещество, которое используется для упаковки хрупких приборов.

В коробке оказалось довольно много этой пропавшей материи — маленьких легких гранул пропавшей материи. Впрочем, естественнонаучные аспекты упаковки волновали Рэндом меньше всего.

Из-под слоя гранул пропавшей материи она извлекла неказистый на вид черный диск. Положив его на камень рядом, она некоторое время копалась в пропавшей материи в надежде найти что-либо еще: инструкцию или запасные части, — но ничего больше не обнаружилось.

Только черный диск.

Она осветила его фонариком.

Гладкая поверхность диска немедленно покрылась трещинами. Рэндом с опаской отодвинулась, но тут же поняла, что таинственная штука просто раскрывается.

Сам процесс был несказанно прекрасен. Похоже на самораскладывающуюся игрушку-оригами или на распускающийся на глазах бутон розы.

Там, где только что лежал чуть вогнутый черный диск, теперь парила, трепеща крыльями, птица.

Рэндом осмотрительно попятилась еще дальше.

Птица походила на птичку-пикка, только сильно уменьшенную. То есть на деле она была больше, точнее, того же размера… ну, в крайнем случае раза в два больше. К тому же она была гораздо голубее и гораздо розовее птичек-пикка, хотя в то же самое время оставалась совершенно черной.

Было в этом что-то очень странное, хотя непонятно, что именно.

Еще птица походила на птичек-пикка выражением глаз — казалось, будто они неотрывно вглядываются во что-то невидимое тебе.

И вдруг птица исчезла.

В пещере стемнело. Рэндом съежилась, нащупывая в кармане свой камень. Тьма свернулась в шар, а шар снова превратился в птицу. Она зависла в воздухе прямо перед носом у девочки, тихо трепеща крыльями и глядя на нее в упор.

— Извини, — неожиданно произнесла она. — Мне надо настроиться. Ты меня слышишь?

— То, что ты говоришь? — переспросила Рэндом.

— Отлично, — заявила птица. — А сейчас слышишь? — На этот раз ее голос звучал на несколько октав выше.

— Конечно, слышу! — ответила Рэндом.

— А сейчас? — произнесла птица, на этот раз бархатным басом.

— ДА!

Воцарилась тишина.

— Нет, определенно нет, — проговорила птица спустя несколько секунд. — Ясно, значит, твой слух воспринимает звуки в диапазоне от 20 до 16 килогерц. Так. Тебе нравится? — Теперь птица вещала приятным легким тенорком. — Верхние частоты слух не режут? Кажется, нет. Хорошо. Значит, буду использовать этот диапазон. Пошли дальше. Сколько меня ты видишь ныне?

Неожиданно воздух сплошь заполнился теснящими друг друга, переплетающимися друг с другом птицами. Рэндом привыкла проводить досуг в виртуальной реальности, но такого чумового зрелища на своем веку еще не видывала. Казалось, все пространство Вселенной разбилось на неисчислимое множество птичьих тел.

Рэндом, задохнувшись, закрыла лицо руками; при этом руки прошли через несколько виртуальных птиц.

— Гм, кажется, чересчур, — сказала птица. — Атак?

Она трансформировалась в бесконечный туннель из птиц, будто одну-единственную птаху поймали и заточили в калейдоскопе.

— Кто ты? — вскричала Рэндом.

— К этому вопросу мы перейдем через минуту, — невозмутимо ответила птица. — Пожалуйста, скажи мне, сколько меня ты видишь?

— Ну… вроде бы… — Рэндом беспомощно махнула рукой в глубь туннеля.

— Ясно. Все еще бесконечное множество, но по крайней мере в привычном измерении. Хорошо. Кстати, верный ответ: *АПЕЛЬСИН* и два лимона.

— ЛИМОНА?

— Если у меня было три апельсина и три ли-

мона и я потеряла два апельсина и лимон, что у меня останется?

— Что-что?

— О'кей, значит, по-твоему, время течет в ЭТОМ направлении? Забавно. А сейчас я все еще бесконечна? А сейчас? Насколько я желтая?

С каждой секундой птица головокружительно быстро меняла форму и цвет.

— Я не могу… — сдалась Рэндом.

— Можешь не отвечать, я и так вижу. Ладно. Похожа я на твою мать? А на скалу? Не слишком ли у меня громоздкий, расхлябанный, переплетенный по синусоиде вид? Нет? А сейчас? Движусь ли я в обратную сторону?

Наконец-то птица замерла на месте.

— Нет, — ответила Рэндом.

— Ну на самом-то деле я двигалась назад во времени. Гм. Похоже, мы все выяснили. Если тебе интересно, я могу сообщить, что ты свободно перемещаешься в трех измерениях, из которых складывается то, что вы называете пространством. Одновременно ты движешься по прямой в четвертом измерении, которое вы называете временем, и стоишь на месте в пятом, являющемся основой вероятности. Дальше — сложнее; в измерениях с тринадцатого по двадцать второе

происходит много всякого, о чем тебе не стоит знать. Все, что тебе надо знать на данный момент, — это то, что Вселенная куда сложнее, чем тебе могло бы показаться, даже если тебе и так уже кажется, что она чертовски сложна. Ничего, что я чертыхаюсь?

— Чертыхайся сколько душе угодно.

— Ладно.

— Кто ты, черт возьми, такая?

— Я «Путеводитель». В ЭТОЙ Вселенной я ТВОЙ «Путеводитель». Собственно говоря, я обитаю в том, что чисто для удобства принято именовать Великой Всеобщей Мешаниной. Смысл этого термина… ладно, я тебе лучше на крыльях покажу.

Сделав пируэт в воздухе, птица вылетела из пещеры и опустилась на камень под выступом скалы, чтобы не попасть под дождь.

— Иди сюда, — сказала она. — И смотри.

Рэндом не нравилось, что птица командует ею, точно своей служанкой, но все же подошла к выходу, не вынимая руки из кармана, где лежал камень.

— Дождь, — произнесла птица. — Видишь, обычный дождь.

— Я знаю, что такое дождь.

Струи воды падали с черного ночного неба,

чуть посверкивая в лунном свете.

— Ну, и что такое дождь?

— Слушай, тебе чего вообще от меня надо? Ты вообще-то кто? Что ты делала в этой коробке? Почему я должна всю ночь бегать по лесу, отбиваясь от психованных белок только для того, чтобы какая-то птица спрашивала меня, что такое дождь? Это просто вода, которая льет с этого долбаного неба, вот и все! Еще вопросы есть или пойдем домой?

Последовала долгая пауза, и наконец птица спросила:

— Ты хочешь домой?

— У меня нет дома! — Рэндом и сама удивилась тому, с какой яростью выкрикнула эти слова.

— Посмотри на дождь… — сказала птица-«Путеводитель».

— Ну смотрю я на дождь! На что здесь еще смотреть?

— Что ты видишь?

— О чем ты, глупая птица? Я вижу дождь — черт-те сколько дождя. Вода как вода, падает с неба.

— Какие формы ты видишь в воде?

— Формы? Нету там никаких форм. Это же только… только…

— Всего лишь бесформенная мешанина, — подсказала птица-«Путеводитель».

— Ну…

— А теперь что видишь?

Из глаза птицы вырвался тоненький, почти невидимый луч света. В сухом воздухе под нависающей скалой его не было видно совсем; там, где в луч попадали капли, они вспыхивали ослепительными искрами. Но на фоне дождя луч казался твердым.

— Умереть-уснуть. Лазерное шоу, — уничтожающим тоном произнесла Рэндом. — В жизни такого не видела, если не считать пяти миллионов рок-концертов.

— СКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ ВИДИШЬ!

— Светящийся прут. Попка-дурак, вот ты кто!

— А ведь здесь нет ничего, чего не было раньше. Я всего только использую свет, чтобы привлечь твое внимание к определенным каплям в определенный момент. А что ты видишь сейчас?

Свет погас.

— Ничего.

— Я делаю то же самое, только в ультрафиолетовом диапазоне, которого ты не видишь.

— Ну и на фиг показывать мне то, чего я не вижу?

— Чтобы ты поняла, что если ты чего-то не видишь, это еще не значит, что оно не существует. А если ты видишь что-то, это вовсе не значит, что оно существует на самом деле, а не просто мерещится твоим органам чувств.

— Хватит, заколебала уже! — решительно произнесла Рэндом и осеклась.

Перед ней в потоках дождя возникла огромная, очень правдоподобная фигура отца, чем-то напуганного.

В двух милях от Рэндом ее отец, пробиравшийся по лесу, внезапно остановился, напуганный зрелищем своей же собственной фигуры, висящей в воздухе с перепуганным видом в двух милях от него, чуть правее того направления, которого он держался.

Он вконец заблудился и уже смирился, что умрет здесь от холода, сырости и усталости. Белки принесли ему почти целый журнал для любителей гольфа, явившийся непосильной нагрузкой для его переутомленного мозга.

Узрев в небе самого себя, он заключил, что мозг от нагрузки все-таки треснул, но зато появилась возможность скорректировать курс.

Переведя дух, он развернулся и пошел в сторону фантастической иллюминации.

— Ладно, ну и что ты хочешь этим доказать? — допытывалась Рэндом. Собственно, образ ее отца напугал ее гораздо больше, чем само объемное изображение. Первую в своей жизни голограмму она видела в возрасте двух месяцев, а последнюю на данный момент — полчаса назад: исполнение марша анджакватских звездных гвардейцев.

— Только то, что эта картина ничем не отличается от пелены, которую ты видела только что, — ответила птица. — И то, и другое — всего лишь взаимодействие капель воды со светом в диапазоне, который воспринимают твои органы чувств. Однако в твоем сознании при этом формируется относительно устойчивый видимый образ. Дерзну отметить, что во Всеобщей Мешанине всё — образы, всё — только видимость. Вот тебе еще один.

— Мама! — вскричала Рэндом.

— Нет, — ответила птица.

— Уж свою-то мать я узнаю!

Перед ней было изображение женщины, спускающейся по трапу космического аппарата. Дело происходило внутри какого-то огромного ангара, выкрашенного в серый цвет. Несомненно, это была мать Рэндом. Хотя… Триллиан ни за что бы не стала так неуверенно взмахивать рука-

ми, пытаясь сохранить равновесие при слабой гравитации, ни за что бы не оглядывалась так ошеломленно на всякий там космический антиквариат и, уж во всяком случае, не держала бы в руках невообразимо древней видеокамеры.

— Тогда кто это? — спросила Рэндом.

— Версия твоей матери с одной из вероятностных осей, — ответила птица-«Путеводитель».

— Не понимаю, о чем это ты.

— И у пространства, и у времени, и у вероятности есть оси, по которым можно перемещаться.

— Все равно чушь какая-то… впрочем, нет, объясни.

— Мне казалось, ты хочешь домой.

— Объясни!

— Хочешь увидеть свой дом?

— УВИДЕТЬ? Так его же разломали!

— В вероятностных осях он бесконечен. Гляди!

В потоках дождя вдруг появилось нечто странное и чудесное: огромный синевато-зеленый шар, окутанный дымкой, покрытый белыми облаками и медленно вращающийся на фоне черной ночи.

— Вот ты его и видишь, — объявила птица. — А вот — опять не видишь. Видишь! Не видишь!

Менее чем в двух милях от этого места Артур Дент застыл как вкопанный. Он не мог поверить

своим глазам: перед ним, слегка расплываясь за стеной дождя, но все же яркая и до боли похожая на настоящую, висела в небе Земля. Увидев ее, он затаил дыхание. И в ту же секунду, когда он затаил дыхание, она исчезла. Потом появилась снова. Потом — что его окончательно доконало — превратилась в сардельку.

Вид огромной, толстой сине-зелено-водно-облачной сардельки, висящей прямо над ее головой, напугал и Рэндом. Потом сарделька превратилась в связку сарделек, вернее, в связку сарделек, в которой многих сарделек недоставало. Вся эта сияющая связка, покружившись в величавом танце над лесом, постепенно замедлила вращение и растворилась в дождливой ночи.

— Что это было? — тихо спросила Рэндом.

— Небольшой обзор бесконечно вероятного объекта вдоль вероятной оси.

— Ясно…

— Большинство объектов варьируют и видоизменяются вдоль своих вероятностных осей, но твоя планета в некотором роде исключение. Она лежит на линии, которую ты могла бы назвать пунктиром, или рваной вероятностью, — то есть на многих отрезках вероятности ее просто не существует. У нее врожденная нестабильность —

что вообще-то типично для всех зон, которые мы обычно называем «секторами множественного Зет». Пока понятно?

— Нет.

— Хочешь посмотреть на нее поближе?

— На… на Землю?

— Да.

— Это возможно?

Птица-«Путеводитель» ответила не сразу. Она расправила крылья и грациозно взмыла в воздух, не страшась дождя — впрочем, тот уже почти прекратился.

Распространяя вокруг себя сияние, она взлетела в ночное небо. Она парила и кружила и наконец зависла в двух футах от лица Рэндом, медленно и бесшумно взмахивая крыльями.

И вновь заговорила с девочкой:

— Для тебя твоя Вселенная огромна. Огромна во времени и пространстве. Это все благодаря фильтрам, сквозь которые ты ее воспринимаешь. Но я создана без этих фильтров, что означает: я воспринимаю всю Великую Всеобщую Мешанину. Она объединяет в себе все возможные вселенные, но сама по себе вообще никаких размеров не имеет. Для меня все невозможное возможно. Я всеведуща, всесильна, чрезвычайно высокого

мнения о себе и, что главное, распространяюсь в замечательной самодвижущейся упаковке. Можешь сама рассудить, что из этого соответствует истине.

На лице Рэндом расплылась улыбка.

— Ну ты и змея. Змея пернатая. Ты надо мной смеешься!

— Я же сказала, все невозможное возможно.

— Ладно, — рассмеялась Рэндом. — Давай-ка попробуем попасть на Землю. Давай отправимся на Землю в какую-нибудь точку этой… как ее там?

— Вероятностной оси?

— Вот-вот. Такую, где ее не взорвали. О'кей. Так ты, значит, «Путеводитель»? Как мы туда попадем?

— Реверсивная техника.

— Что?

— Реверсивная техника. Для меня течение времени обратимо. Ты решаешь, чего ты хочешь. Мне остается только удостовериться, что это уже случилось.

— Ты шутишь.

— Все невозможное возможно.

Рэндом нахмурилась:

— Но ты ведь шутишь, правда?

— Давай по-другому, — сказала птица. — Ревер-

сивная техника дает нам возможность не тратить время на ожидание одного из чудовищно редких в этом секторе Галактики звездолетов. Здесь они пролетают раз в год по обещанию и еще долго думают, стоит ли тебя подбирать. Тебе нужно, чтобы тебя подбросили. Появляется корабль и берет тебя на борт. Пилоту кажется, что это ему на ум пришел один из миллиона поводов спуститься сюда и подобрать тебя. На самом деле я делаю так, чтобы он этого захотел.

— Во как! Не много ли ты о себе понимаешь, пташка?

Птица смолчала.

— Ладно, — заявила Рэндом. — Мне нужен корабль, который отвезет меня на Землю.

— Этот сойдет?

Вокруг было так тихо, что Рэндом не замечала корабля до тех пор, пока он не оказался прямо над ней.

Артур заметил его раньше. Теперь его отделяла от Рэндом всего миля, и он спешил изо всех ног. Сразу после исчезновения сияющих сарделек он увидел, что из облаков вынырнули огни, и вначале счел их новым номером программы.

Потребовалась секунда или две, чтобы до него дошло, что это настоящий космический корабль,

и еще секунда или две, пока он сообразил, что корабль спускается как раз в точку, где, судя по всему, находилась его дочь. Тогда, забыв про дождь, больную ногу и темноту, он бросился бежать.

Он упал почти сразу же, больно рассадив коленку о камень, но тут же вскочил и бросился дальше. Кровь стыла в жилах от жуткого ощущения, что он вот-вот навсегда потеряет Рэндом. Хромая, падая и бормоча проклятия, он продолжал бег. Он не знал, что находилось в посылке, но на ней было написано имя Форда Префекта, и именно это имя он проклинал на бегу.

Корабль оказался чуть ли не самым красивым и шикарным из всех, какие доводилось видеть Рэндом.

Просто сердце замирало: такой он был серебряный, изящный, неописуемый.

Не знай она, что так в жизни не бывает, она бы поклялась, что это — P86. И тут она поняла, что это самый настоящий P86, и обалдела окончательно. P86 можно увидеть разве что в журналах, которые издаются исключительно с целью провоцирования беспорядков среди малоимущих слоев населения.

Рэндом потеряла голову. Одно только появле-

ние корабля казалось совершенно невероятным. В самом деле, не может же быть настолько сумасшедшего стечения обстоятельств! Она с трепетом ожидала, когда же откинется крышка люка. Ее «Путеводитель» — теперь она думала о нем как о своей собственности, — чуть шевеля крыльями, парил над ее правым плечом.

Люк распахнулся. Внутри едва теплился свет. Прошло несколько секунд, и в люке показалась чья-то фигура. Человек постоял немного, очевидно, привыкая к темноте. Потом увидел Рэндом. Это его, похоже, удивило. Он сделал несколько шагов в ее сторону. Потом вдруг удивленно вскрикнул и бросился к ней бегом.

Это он сделал зря: Рэндом не относилась к тем людям, к которым стоит бежать темной ночью, когда нервы у них на взводе. Камень в кармане она нащупала в ту же секунду, как увидела корабль.

Спотыкаясь, поскальзываясь, врезаясь в деревья, Артур в отчаянии увидел, что опоздал. Корабль, не пробыв на земле и трех минут, бесшумно взмыл над деревьями и, задрав нос, исчез в облаках.

Улетел. И унес Рэндом. Артуру было мучительно больно думать об этом, и все же он продолжал

свой путь, чтобы выяснить все наверняка. Она улетела. Он только-только начал привыкать к тому, что стал отцом, хотя прекрасно понимал, что совершенно не годится для этой роли. Он попытался снова перейти на бег, но ноги подкашивались, колено отчаянно болело, и в любом случае он уже опоздал.

Он вряд ли мог поверить в то, что ему может быть еще хуже. Но и в этом он ошибался.

С трудом доплелся он теперь до пещеры, в которой Рэндом открывала посылку. На земле еще сохранились следы посадки звездолета. И ни следа Рэндом. Он машинально, двигаясь, как лунатик, заглянул в пещеру и нашел там пустую коробку с раскиданными повсюду гранулами пропавшей материи. Это его немного огорчило: он пытался приучить Рэндом к аккуратности. Данная мысль вселила в него грусть, но помогла ему отвлечься немного от мысли, что дочь улетела. Он знал, что никогда уже не сможет ее найти.

Он задел ногой какой-то предмет. Нагнулся, поднял его. К величайшему удивлению Артура, это оказался его старый «Путеводитель». Как он попал в эту пещеру? Ведь сам Артур так и не вернулся к месту катастрофы. У него не было ни малейшего желания возвращаться на место

катастрофы и ни малейшего желания разыскивать свой «Путеводитель». Ему так хорошо на Лемюэлле, так хорошо заниматься сандвичами… «Путеводитель» был исправен. Повинуясь его прикосновению, на крышке засветилась надпись «НЕ ПАНИКУЙ».

Артур вышел из пещеры. Дождь стих. Он присел на камень, чтобы заглянуть в свой старый «Путеводитель», и только тут заметил, что сидит не на камне.

Он сидел на человеческом теле.

Глава 18

Артур вскочил как ужаленный. Трудно сказать, чего он испугался больше: того, что он сделал больно тому, на кого уселся, или того, что тот, на кого он уселся, сделает больно ему.

Впрочем, как выяснилось, последнего можно было не опасаться. Кем бы ни был человек, на которого Артур уселся, он лежал без сознания. Это в некотором роде, хотя бы отчасти, объясняло, почему он лежит здесь. Впрочем, он дышал. Артур пощупал пульс. Пульс был несколько вялым, но все же в пределах нормы.

Незнакомец лежал на боку, свернувшись калачиком. Артуру так давненько не доводилось оказывать первую помощь (да и где это было, разве упомнишь?), что он никак не мог сообразить, что положено делать в таких случаях. Первым делом, вспомнил он, надо раздобыть аптечку первой помощи для данной расы. Вот черт…

Перевернуть его на спину или не надо? Может, у него что-то сломано? Может, он проглотил язык? Может, он подаст на него в суд за неоказание помощи? И в конце концов, кто это такой?

В это мгновение человек громко застонал и

перевернулся на другой бок.

Артуру померещилось, что…

Он пригляделся к лежащему.

Пригляделся повнимательнее.

Протер глаза, чтобы быть уж совсем уверенным.

Хотя не так давно ему казалось, будто хуже быть уже не может, ему сделалось значительно хуже.

Человек застонал еще раз и медленно открыл глаза. Потратив около секунды на то, чтобы сфокусировать взгляд, он вздрогнул и сел.

— Ты! — вскричал Форд Префект.

— Ты! — вскричал Артур.

Форд снова застонал.

— Ну и что ты мне расскажешь на этот раз? — спросил он и с деланым отчаянием прикрыл глаза.

Через пять минут Форд Префект уже сидел по-турецки и потирал здоровенную шишку, вскочившую у него за ухом.

— Что это, черт подрал, за женщина была? — спросил он. — И почему вокруг нас толкутся белки? Что им от нас нужно?

— Меня эти белки донимали всю ночь, — ответил Артур. — Все пытались всучить мне журналы и прочую ерунду.

— Правда? — нахмурился Форд.

— И куски полотенца.

Форд задумался.

— А! — сказал он. — Твой корабль разбился где-то поблизости?

— Да, — не без усилия кивнул Артур.

— Тогда, кажется, ясно. Дело житейское. Роботы-стюарды погибли, а управляющий ими кибернетический мозг — нет, вот он и начал дрессировать местную фауну. Этак он всю местную экосистему может превратить в индустрию сервиса по снабжению всех прохожих полотенцами и напитками. Надо бы принять закон против этого. Впрочем, возможно, его уже приняли. А может быть, приняли закон против таких законов, чтобы все было хорошо. Хо-хо. Что ты сказал?

— Я сказал, эта женщина — моя дочь.

Форд замер, не отнимая руки от шишки.

— Ну-ка повтори.

— Я сказал, эта женщина — моя дочь, — хмуро повторил Артур.

— Вот уж не знал, — произнес Форд, — что у тебя есть дочь.

— Значит, ты много чего про меня не знаешь, — заметил Артур. — И если уж на то пошло, я и сам много чего про себя не знаю.

— Ну-ну. Когда это ты успел?

— Не знаю точно.

— Вот это мне более знакомо, — сказал Форд. — Кстати, теоретически в этом должна была участвовать и мать?

— Триллиан.

— ТРИЛЛИАН? Я и не знал, что…

— Нет. Послушай, это все гораздо сложнее…

— Я припоминаю, она мне как-то на бегу говорила, что у нее есть ребенок. Я ведь с ней иногда сталкиваюсь. Правда, с ребенком ее никогда не видел.

Артур промолчал.

Форду показалось, что голова — вернее, полголовы — у него вновь лишилась способности к связному мышлению.

— Ты уверен, что это ТВОЯ дочь? — спросил он на всякий случай.

— Скажи мне лучше, что случилось?

— Тьфу. Долго рассказывать. Я собирался забрать посылку, которую послал себе на твое имя…

— Так что там такое было?

— Боюсь, это может оказаться невообразимо опасно.

— И ты послал ее МНЕ?! — возмутился Артур.

— Мне в голову не пришло места безопаснее. Я думал, что могу всецело на тебя положиться: что тебе она будет абсолютно по фигу и ты в нее не полезешь. Кстати, у меня почти нет информации о тебе. Я летел практически вслепую. Никаких сигналов. Я так понял, у вас тут нет сигнализации, маяков там, связи?

— Потому-то мне здесь и нравится.

— И тут я поймал слабый сигнал с твоего «Путеводителя», вот и полетел на него, ничуть не сомневаясь, что прилечу к тебе. Сел в каком-то дремучем лесу. Совершенно ни хрена не понял. Вылез наружу и увидел эту женщину. Я пошел к ней поздороваться и тут увидел, что она взяла эту штуку себе.

— Что за штуку?

— Ту, что я тебе послал! Новый «Путеводитель»! Птицу! Ты же должен был беречь ее, идиот, а она сидела на плече. Я побежал, и она двинула меня камнем.

— Ясно, — сказал Артур. — И что ты сделал?

— Я? Упал, что же еще. Тяжко раненный. А они с птицей пошли к моему кораблю. К моему кораблю, то есть к Р86.

— Что-о?

— Р86, клянусь Зарквоном. Моя кредитная

карточка теперь пребывает в нежной дружбе с центральным компьютером «Путеводителя». Видел бы ты этот корабль, Артур, это…

— Значит, P86 — это корабль?

— ДА! Это… ладно, к черту. Давай сначала разберемся с тобой. Или с тем, что произошло. В общем, они пошли к кораблю, и это меня очень огорчило. Можно сказать даже, потрясло. Видишь ли, я стоял на коленях, истекая кровью, так что мне ничего не оставалось, как взмолиться. Я молил: пожалуйста, Зарквона ради, не угоняйте мой корабль. Не оставляйте меня посреди какого-то первобытного леса с черепно-мозговой травмой и без медицинской помощи. Я говорил ей, что мне без корабля будет плохо, но и ей тоже не поздоровится.

— Что она тебе ответила?

— Она еще раз стукнула меня по голове своим камнем.

— Да, похоже, это в самом деле моя дочь.

— Славная девочка.

— К ней надо привыкнуть, — вздохнул Артур.

— Она что, к знакомым нежнее относится?

— Нет, — пояснил Артур. — Ты бы лучше знал, когда пригнуться.

Форд поднял голову и попытался оглядеться.

Небо начинало светлеть на востоке — в смысле, там, где должно было восходить солнце. Артура солнце не особенно радовало. После такой адской ночки меньше всего ему хотелось наступления треклятого дня, который осветит это Зарквоном проклятое место.

— Слушай, Артур, что это ты делаешь в такой дыре? — поинтересовался Форд.

— Ну… — замялся Артур. — В основном сандвичи.

— Чего-о?

— Я работаю… то есть, наверное, теперь уже нет… мастером сандвичей для маленького племени. Нет, знаешь, я правда попал в трудную ситуацию. Когда я попал сюда… то есть когда они спасли меня из-под обломков суперсовременного лайнера, который тут как раз разбился, они были очень добры ко мне, и я подумал, может, и я смогу быть им полезным в чем-то. Ты же знаешь, я — образованный человек, дитя высокоразвитой цивилизации, значит, я смогу научить их чему-нибудь. И разумеется, не смог. Если уж на то пошло, у меня нет ни малейшего представления о том, как все устроено. Я уж не говорю о простых вещах вроде авторучки там или артезианского колодца. Ни малейшего представления. Я ничего

не мог. А потом у меня что-то случилось плохое настроение, и я сделал себе сандвич. И это вдруг страшно их удивило. Они никогда раньше не видели сандвичей. Они даже не представляли себе, что на свете бывает такое, а я к тому же люблю делать сандвичи, вот так и вышло.

— И тебе это НРАВИЛОСЬ?

— Ну… да, пожалуй. Да, правда. В этом деле главное — хороший набор ножей.

— Слушай, и тебе это не казалось бестолковым, безумно, оглушительно, отупляюще тягомотным занятием?

— Ну… нет. Вовсе нет. Ничуть не тягомотным.

— Странно. Я бы так не смог.

— Ну, наверное, у нас с тобой разные взгляды на жизнь.

— Да.

— Как у птиц-пикка.

Форд не понял сравнения, сделанного Артуром, но уточнять ему как-то не хотелось. Вместо этого он сказал:

— Ладно. Скажи лучше, как мы будем выбираться отсюда?

— Ну, мне кажется, проще всего пройти по долине до ущелья — это не больше часа ходьбы — и уже по нему в соседнюю долину. Вряд ли

стоит переваливать через холм — это та дорога, которой я сюда шел.

— КУДА ты меня собираешься вести отсюда?

— Как куда? В деревню, конечно, — с легкой печалью вздохнул Артур.

— Ни в какую драную деревню я не собираюсь! Нам надо выбираться из этой чертовой дыры!

— Куда? И как?

— Не знаю. Сам скажи. Ты же здесь живешь! Должен же быть способ убраться с этой занюханной планетки.

— Кто его знает. Что ты сам обычно делаешь? Сидишь и ждешь попутного звездолета, я полагаю.

— Ну да! И сколько, интересно, звездолетов садилось на этой Богом проклятой помойке?

— Ну, несколько лет назад мой упал… Потом… э-э… Триллиан, потом еще один — с посылкой. Теперь вот ты…

— Нет, если взять среднее количество за несколько десятилетий?

— Ну, э-э… практически ни одного, насколько мне известно. Очень тихое местечко.

Как бы в опровержение его слов, вдалеке послышался раскат грома.

Форд, кряхтя, поднялся на ноги и принялся

расхаживать взад-вперед, освещенный слабым светом солнца, которое, болезненно щурясь, выбиралось из-за горизонта. По восточной части небосвода словно провели куском сырой печенки.

— Ты просто не понимаешь, насколько это важно, — заявил Форд.

— Что? Ты имеешь в виду то, что моя дочь одна-одинешенька во всей Галактике? Ты что, думаешь, я не…

— О Галактике давай будем печалиться потом, — предложил Форд. — Дело действительно серьезное. В «Путеводителе» переворот. Его купили.

Теперь вскочил Артур.

— Ах, как серьезно! — возопил он. — Вся твоя издательская деятельность! Всю жизнь мечтал об этом!

— Ты не понимаешь! Это же совершенно новый «Путеводитель»!

— Ах-ах! — не унимался Артур. — Ишь ты, подика! Я весь дрожу от нетерпения! Мне не хватает теперь только узнать, в каких самых шикарных космопортах звездной системы, о которой я сроду не слышал, комфортнее всего дурью маяться!

Форд сузил глаза:

— Это что, и есть то, что у вас называется сарказмом, да?

— А знаешь, — согласился Артур, — это он самый и есть. Где-то за подкладкой моей манеры изъясняться, должно быть, и впрямь дрыхнет маленькая чокнутая зверюшка по имени «сарказм»... Послушай, Форд, у меня была просто кошмарная ночь! Будь так добр, прими это в расчет в следующий раз, когда тебе захочется обсуждать со мной всякие мелкие подробности твоих дел на работе!

— Ладно, отдыхай, — кивнул Форд. — Мне надо подумать.

— И о чем это тебе надо подумать? Кой черт, может, нам лучше сесть на камешек и побдымбдымкать губами немного? А может, лучше попрыгать пару минут? Я больше не могу думать, не могу планировать свои поступки. Ты можешь, конечно, сказать, что я только и делаю, что стою здесь и ору...

— И в мыслях не держал.

— Но я же именно это и делаю! К чему это я? Мы исходим из того, что каждый раз, делая что-то, знаем, каковы будут последствия, то есть в большей или меньшей степени планируем их. Но это же до дикости, до безумия, до полного офигения

неверно!

— Совершенно с тобой согласен.

— Спасибо, — сказал Артур, усаживаясь на камень. — Так все-таки о чем тебе надо подумать?

— О реверсивной темпоральной технике.

Артур, уронив голову на грудь, тихо замотал ею из стороны в сторону.

— Ну скажи, — простонал он, — могу я каким-либо человеческим образом оградить себя от всех этих твоих временных реверсивных фигняций?

— Нет, — ответил Форд. — Нет, ибо в это вляпалась твоя дочь, и это дьявольски серьезно. Вопрос жизни и смерти.

Повисла тишина, нарушаемая только отдаленными раскатами грома.

— Ладно, — сдался Артур. — Рассказывай.

— Я выбросился из окна небоскреба.

Эта новость почему-то взбодрила Артура.

— Да? — воскликнул он. — Так почему бы тебе не проделать это еще раз?

— Я и так два раза выбрасывался.

— Гм, — разочарованно протянул Артур. — И ясное дело, ничего хорошего из этого не вышло?

— В первый раз мне удалось спастись благодаря самому поразительному и — говорю это совершенно искренне — волшебному сочетанию

изощренно быстрого мышления, изобретательности, везения и самопожертвования.

— И в чем заключалось это самопожертвование?

— Я выбросил половину лучшей и, сдается мне, невосполнимой пары ботинок.

— При чем здесь самопожертвование?

— Ботинки были мои, — печально вздохнул Форд.

— Похоже, у нас с тобой разные системы ценностей.

— Значит, моя лучше.

— Значит, согласно твоей… ладно, черт с ним. Получается, ты спасся один раз, пошел и выбросился из окна по новой? Только, пожалуйста, не говори мне, зачем ты это сделал. Расскажи лучше, раз уж на то пошло, что из этого получилось.

— Я упал прямо в открытый люк пролетавшего мимо реактивного флайера. Его пилот по ошибке нажал кнопку катапультирования, когда хотел поменять компакт-диски на стереосистеме. Если честно, даже я не считаю, что с моей стороны это было особенно умно.

— Ох, не знаю, — устало сказал Артур. — Я так подозреваю, ты предыдущей ночью залез в его флайер и перетасовал все его диски.

— Нет. Я тут ни при чем, — сказал Форд.

— Я просто так, для информации спросил.

— Я этого не делал. Это сделал КТО-ТО ДРУГОЙ. Вот в чем вся загвоздка. Можно проследить всю цепочку, все ответвления событий и совпадений назад по времени. Оказалось, все это сделал новый «Путеводитель». Ну, который птица.

— Какая еще птица?

— Так ты ее не видел?

— Нет.

— Жуткая тварь. Махонькая такая смерть с крылышками. Хороша собой, сладко поет, волнами и излучениями ворочает, как хочет.

— Что это значит?

— Реверсивная темпоральная техника.

— О, — только сказал Артур. — О да.

— Весь вопрос в том, ДЛЯ КОГО ОНА ВСЕ ЭТО ДЕЛАЕТ?

— Слушай, у меня с собой даже есть сандвич, — произнес Артур, пошарив по карманам. — Хочешь кусочек?

— Угу. Давай.

— Боюсь, он немного помялся и раскрошился.

— Ничего.

Некоторое время они молча жевали.

— А знаешь, неплохо, — заметил Форд. — Что

это за мясо?

— Абсолютно Нормальный Зверь.

— Сроду о таких не слышал. Так вот, вопрос в том, — продолжал Форд, — для кого наша птичка все это делает? Кто тут с кем играет?

— М-м-м, — промямлил Артур.

— Когда я обнаружил птицу — что произошло при обстоятельствах, достойных отдельного рассказа, — она устроила мне одно из самых впечатляющих многомерных пиротехнических шоу, какие я только видел. А потом сказала, что предлагает мне свои услуги во всех известных вселенных. Я сказал, спасибо, не надо. Премного благодарю. Она сказала, что уже служит мне, хочу я этого или нет. Я сказал, ладно, посмотрим, и она сказала, смотри. Именно после этого я решил упаковать ее как следует и свалить. Поэтому я послал ее тебе. Для безопасности.

— Серьезно? Интересно чьей.

— Не твое дело. А после этого, подумав немного, я решил, что за отсутствием альтернативы будет вполне разумно выброситься из окна еще раз. По счастью, там как раз пролетал этот чертов флайер, а то бы мне пришлось снова полагаться на изощренно быстрое мышление, изобретательность, везение, возможно, даже на второй

ботинок или, если уж ничего другого не сработает, на землю. И это означает, что, нравится мне это или нет, «Путеводитель» работает на меня. И это чертовски грустно.

— Почему?

— Потому что, заполучив «Путеводитель», ты начинаешь думать, что он работает именно на тебя. После этого все шло как по маслу — до той самой минуты, когда меня шмякнули камнем по башке. Бац — и я в мусорной корзинке истории. Выбит из седла.

— Это ты о моей дочери?

— При всем моем уважении, да. Она — следующая в цепочке тех, кому покажется, что все волшебным образом складывается в их пользу. Она будет колотить деталями ландшафта всех, кого захочет, все будет плыть к ней в руки до тех пор, пока она не выполнит того, что от нее требовалось, и не вылетит из игры. Реверсивная темпоральная техника в чистом виде, и, судя по всему, никто не понимает, какого демона они освободили.

— Например, я.

— Что? О Артур, да проснись же. Нет, я лучше еще раз попробую. Новый «Путеводитель» изготовлен в экспериментальных лабораториях.

В нем использована эта новая технология неотфильтрованного восприятия. Ты понимаешь, что это значит?

— Да послушай, я всего только делал сандвичи, Боб свидетель!

— Какой еще Боб?

— Не важно. Давай дальше.

— Неотфильтрованное восприятие — это восприятие абсолютно всего. Понятно? Я не все воспринимаю. И ты не все воспринимаешь. У нас стоят фильтры. У нового «Путеводителя» фильтров нет. Он воспринимает ВСЕ. С точки зрения технологии это не так уж сложно. Просто это до сих пор никому не требовалось. Понял?

— Наверное, мне лучше сказать «понял», чтобы ты мог спокойно продолжать.

— Умница. Поскольку птица воспринимает все существующие вселенные, она присутствует в каждой из них. Ясно?

— Я-я-ясно… угу.

— И что выйдет, если козлы из отдела маркетинга думают: «О, как прелестно, не следует ли из этого, что нам достаточно произвести один экземпляр и продавать его бесконечное количество раз?»… Артур, нечего смотреть на меня такими глазами, это ведь не я так думаю, а они.

— Но разве это не умно?

— Нет! Это чудовищно глупо. Сам подумай: эта машина — всего только маленький «Путеводитель». Да, его напичкали всякими кибернетическими штуками, но благодаря неотфильтрованному восприятию любое его действие, любое движение крыла могущественно, как вирус. Оно самовоспроизводится в пространстве, во времени и в миллионе других измерений. Эта пташка может изменить все, что угодно, в любой из вселенных — включая ту, где мы с тобой обитаем. Ее власть возрастает в геометрической прогрессии. Возьмем для примера компьютерную программу. Ты вводишь одну команду, которая запускает целую сеть операций — сеть, сплетенную из множества цепей. Что произойдет, если звенья этих цепей порвутся? Кто сумеет вовремя дать отбой? Есть ли во всем этом смысл, а, Артур?

— Прости, я задремал. Что-то там такое со Вселенной?

— Вот именно, со Вселенной, — устало вздохнул Форд и снова сел на камень. — Ладно, — сказал он. — Подумай вот о чем: знаешь, кого я встретил в издательстве «Путеводителя»? Вогонов. Ага, кажется, хоть это слово тебе все-таки известно.

Артур вскочил на ноги.

— Этот шум, — сказал он.

— Какой шум?

— Гром.

— Ну и что?

— Это не гроза. Это осенняя миграция Абсолютно Нормальных Зверей. Началась, значит.

— Что это за звери такие, что ты за них так переживаешь?

— Я за них не переживаю. Я с ними сандвичи делаю.

— А почему их называют Абсолютно Нормальными?

Артур объяснил.

Не так уж часто Артуру выпадало удовольствие видеть Форда совершенно остолбеневшим от изумления.

Глава 19

Это было одно из тех зрелищ, которыми Артур не уставал любоваться. Они с Фордом поспешно пробрались берегом протекавшей по долине речушки и, дойдя до кромки степи, забрались на раскидистое дерево — для того чтобы лучше разглядеть одно из самых замечательных событий в Галактике.

Тяжело стуча копытами, огромное стадо — тысячи и тысячи Абсолютно Нормальных Зверей — катилось по степи Анхондо. Пар, поднимавшийся от тел огромных животных, смешивался с пылью от тысяч копыт, от чего звери казались какими-то фантастическими призраками. Однако самым поразительным в них было то, откуда они появились и куда исчезали. Точнее, тот факт, что они появлялись ниоткуда и исчезали в никуда.

Они составляли монолитную фалангу примерно полсотни ярдов в ширину и полмили в длину. Фаланга не двигалась с места, если не считать того, что в течение восьми или девяти дней, на протяжении которых она появлялась, она могла смещаться чуть влево или вправо. Но хотя фаланга оставалась более или менее неподвижной,

огромные звери, составлявшие ее, неслись, грохоча копытами, со скоростью двадцать миль в час, буквально сгущаясь из воздуха в одном конце степи и так же внезапно исчезая на другом.

Никто не знал, откуда они приходят, никто не знал, куда они уходят. Они играли такую важную роль в жизни лемюэлльцев, что ни у кого не возникало особого желания докапываться до истины. Старик Трашбарг как-то изрек, что иногда, получив ответ, лишаешься самого вопроса. Подождав, пока он уйдет, деревенские принялись судачить, что Трашбарг, похоже, впервые в жизни сказал что-то действительно мудрое. После непродолжительного спора было решено, что это его бес попутал.

Грохот от копыт стоял такой, что уши закладывало.

— Что ты сказал? — завопил Артур.

— Я говорил, — проорал Форд, — что все это чертовски похоже на подвижки в континууме.

— Что-что? — крикнул Артур.

— В определенных кругах растет беспокойство насчет того, что пространство-время начинает трещать по швам от всего, что с ним вытворяли. На многих планетах можно видеть, как целые континенты сдвигаются или трескаются из-за та-

ких вот странных миграций животных. Похоже, это явление того же рода. Мы живем в странные времена. Так что за неимением даже самого завалящего космопорта…

Артур уставился на него в некотором ошеломлении.

— О чем это ты? — спросил он.

— О чем… о чем?! — вскричал Форд. — Ты отлично знаешь о чем. Нам нужно смыться отсюда.

— Ты что, всерьез предлагаешь, чтоб мы попробовали смыться верхом на Абсолютно Нормальном Звере?

— Да. Заодно узнаем, куда они деваются.

— Но мы же угробимся!.. Нет, — неожиданно осекся Артур. — Мы не угробимся. По крайней мере — я. Слушай, Форд, тебе никогда не доводилось слышать про планету под названием Бета Ставромулоса?

Форд нахмурился.

— Не помню, — признался он. — Кажется, нет. — Он вынул свой потрепанный «Путеводитель» и включил его. — А в чем, собственно, дело?

— Сам не знаю толком. Я слышал о ней только однажды, да и то от типа, вряд ли заслуживающего доверия. Помнишь, я тебе рассказывал об Аграджаге?

Форд промолчал, припоминая.

— Это случайно не тот парень, который обвинил тебя, что ты его все время убиваешь?

— Да. Так вот, одно из мест, где — если ему верить — я его убил, называлось Бета Ставромулоса. Насколько я понял из его рассказа, кто-то пытался застрелить меня. Я увернулся, и Аграджаг, точнее, одно из его воплощений, принял заряд на себя. Похоже, в какой-то точке времени это действительно имело место, поэтому мне кажется, меня не убьют по крайней мере до той секунды, как я пригнусь на этой Бете Ставромулоса. Только вот никто о ней не слыхал.

— Гм. — Форд еще немного порылся в памяти «Путеводителя». Безрезультатно. — Ничего нет, — признался он. — Кажется… нет, никогда не слышал, — дал он окончательный ответ. Странное дело, это название вызывало у него какие-то смутные, очень смутные ассоциации. Вот только с чем?

— Ну хорошо, — сказал Артур. — Я видел, как лемюэлльские охотники обманывают Абсолютно Нормальных Зверей. Если заколоть копьем бегущего в стаде, того просто растопчут в тряпку, поэтому их приходится выманивать из стада по одному. Очень похоже на то, как действуют

матадоры: помнишь, с ярко-алым плащом? Ты даешь ему броситься на тебя, в последний момент отступаешь в сторону и делаешь этакий элегантный взмах своим плащом. Есть у тебя с собой что-нибудь вроде ярко-алого плаща?

— Это сойдет? — спросил Форд, протягивая ему полотенце.

Глава 20

Взобраться на спину полуторатонного Абсолютно Нормального Зверя, мигрирующего через твой мир со скоростью двадцать миль в час, не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. Во всяком случае, это не так просто, как кажется, глядя со стороны на лемюэлльских охотников, так что Артур приготовился к тому, что это будет довольно сложно.

К чему он не приготовился — так к тому, как сложно будет хотя бы приступить к этому сложному делу. Данная часть задачи, вначале казавшаяся легкой, на деле оказалась практически невыполнимой.

Им даже не удавалось привлечь к себе внимание животных. Абсолютно Нормальные Звери так увлеченно грохотали копытами — опустив низко голову, устремив вперед плечи, перемалывая землю в кашу задними ногами, — что отвлечь их от этого захватывающего занятия мог разве что геологический катаклизм.

Увлеченное грохотанье копытами в итоге вымотало Форду с Артуром все нервы. Почти два часа они каких только идиотских штук не вы-

делывали своим полотенцем с растительным орнаментом, но ни один из грохочущих копытами зверей не соизволил хотя бы покоситься в их сторону.

Они стояли в трех футах от непрерывного потока разгоряченных от бега тел. Подойти ближе означало бы подвергнуть себя риску скоропостижной смерти — не спасла бы никакая хронология. Артуру доводилось видеть, во что превращается Абсолютно Нормальный Зверь после того, как неловкий бросок копья молодого и неопытного охотника убивает его еще грохочущим копытами в стаде.

Одного удара копытом было бы достаточно. Никакая Бета Ставромулоса, где бы эта чертова Бета Ставромулоса ни находилась, не спасет ни тебя, ни кого угодно другого от этих копыт.

В конце концов Артур с Фордом сдались и отошли подальше. Измотанные, взмокшие от пота, они уселись и начали критиковать друг друга за стиль работы с полотенцем.

— У тебя размах маловат, — горячился Форд. — Нужно больше поступательного движения от локтя, если ты действительно хочешь, чтобы эти чертовы твари что-нибудь заметили.

— Поступательного движения? — возмутился

Артур. — Это тебе нужно побольше гибкости в запястье!

— А тебе — изящный росчерк в финале, — парировал Форд.

— Тут требуется полотенце пошире.

— Тут требуется, — послышался еще один голос, — птичка-пикка.

— что-о?

Голос исходил откуда-то сзади. Они резко обернулись — эффектно подсвеченный лучами утреннего солнца, перед ними стоял Старик Трашбарг.

— Для того чтобы привлечь внимание Абсолютно Нормального Зверя, — повторил он, подходя поближе, — вам требуется птичка-пикка. Вроде этой.

И извлек из-под своей измятой хламиды маленькую птичку-пикка. Она беспокойно сидела на его руке, уставив свой взгляд Боб знает в какую точку пространства.

Форд мгновенно принял оборонительную позу, обычную для тех ситуаций, когда он не совсем понимал, что происходит. Он пригнулся и замахал руками — с очень зловещим, как надеялся, видом.

— Кто это? — прошипел он.

— Старик Трашбарг, — прошептал в ответ Артур. — И на твоем месте я бы не особенно утруждал себя магическими пассами. Он такой же опытный мастер блефа, как и ты. Этак вы просто пропляшете друг вокруг друга целый день.

— Птица! — снова зашипел Форд. — Что это за птица?

— Самая обычная! — раздраженно ответил Артур. — Такая же, как все остальные. Несет яйца и говорит «арк» чему-то, чего ты не видишь. Или «карр», или «ритт», или что-нибудь вроде этого.

— Ты сам видел, как она несет яйца? — подозрительно спросил Форд.

— Господи, ну конечно, видел. И ел их. Сотни, наверно, съел. Очень славный получается из них омлет. Тут весь фокус в том, что надо взять маленькие кубики холодного масла, слегка взбить…

— Да не нужен мне твой проклятый рецепт! — вскричал Форд. — Я хотел только убедиться, что это нормальная птица, а не какой-то многомерный киберкошмар.

Он медленно распрямил спину и отряхнулся, впрочем, не сводя с птицы подозрительного взгляда.

— Итак, — обратился Старик Трашбарг к Арту-

ру, — не предначертано ли случайно, что Боб рано или поздно заберет обратно свой дар — Мастера Сандвичей?

Форд вновь сделал зловещую стойку.

— Все в порядке, — шепнул ему Артур. — Он всегда так изъясняется. — Вслух же Артур произнес: — А-а, почтенный Трашбарг… гм, да. Боюсь, я и впрямь вынужден покинуть вас. Однако молодой Дримпл, мой подмастерье, достойно примет из моих рук священное ремесло изготовления сандвичей. У него есть способности, любовь к сандвичам, и обретенные им навыки, пусть самые элементарные, со временем усовершенствуются и… в общем, я думаю, он будет работать на уровне, вот что я хотел сказать.

Старик Трашбарг слушал его мрачно, печально двигая глазами. Он воздел руки: в одной трепыхающаяся птица-пикка, в другой — посох.

— О дарованный Бобом Мастер Сандвичей! — возгласил он, сделал паузу, вздохнул и горестно прикрыл глаза. — Без тебя жизнь будет намного менее сумбурной!

Артур был потрясен.

— А знаете, — сказал он. — Мне в жизни никто не говорил ничего приятнее.

— Пожалуйста, ближе к делу, — вмешался

Форд.

Но что-то и так уже менялось. Птичка-пикка, сидевшая на вытянутой руке Трашбарга, вызывала у грохочущего копытами стада неподдельный интерес. В их сторону моментально начали поворачиваться головы. Артур стал вспоминать те охоты на Абсолютно Нормальных Зверей, свидетелем которых ему довелось побывать. И тут же вспомнил, что за охотниками-матадорами, размахивавшими тряпками, всегда стояли другие — с птичками-пикка на руках. Раньше ему казалось, что те, как и он, просто пришли посмотреть.

Старик Трашбарг шагнул вперед, к несущемуся мимо стаду. Некоторые звери оглядывались на него даже перед тем как раствориться в воздухе.

Вытянутые руки Старика Трашбарга тряслись. Только птичка-пикка, казалось, не проявляла к происходящему ни малейшего интереса. Ее внимание было приковано к какой-то одной ей ведомой молекуле воздуха.

— Ну! — воскликнул Старик Трашбарг. — Вот теперь орудуйте полотенцем.

Артур схватил Фордово полотенце и, стараясь подражать охотникам-матадорам, взмахнул им и сделал изящный пируэт. Нельзя сказать, чтобы это вышло у него так же изящно. И все же теперь

он знал, что ему делать; более того, он не сомневался, что все выйдет как надо. Он еще несколько раз взмахнул полотенцем для разминки и стал ждать.

Он загодя выбрал себе подходящего Зверя. Низко опустив голову, тот несся галопом в их сторону на самом краю стада. Старик Трашбарг взмахнул птицей. Зверь покосился на нее, повернул голову, и тут Артур сделал взмах полотенцем прямо у него перед глазами.

Наконец-то он привлек внимание зверя.

Начиная с этого момента вести за собой животное казалось самым плевым делом. Зверь поднял голову, чуть склонив ее набок. Он замедлил темп до рыси, потом перешел на шаг. Еще через пару секунд эта махина стояла среди людей, фыркая, дымясь потной шкурой и восхищенно обнюхивая птичку-пикка, которая, похоже, вовсе ее и не замечала. Делая рукой странные, волнообразные движения, Старик Трашбарг опускал птичку-пикка все ниже, удерживая ее перед Зверем, но не давая тому касаться ее. И Артур своими нелепыми взмахами полотенца тоже указывал Зверю: сюда и вниз!

— В жизни не видал такого дурацкого зрелища, — пробормотал Форд себе под нос.

И наконец, совершенно сбитый с толку, Зверь опустился перед ними на колени.

— Давай! — шепнул Трашбарг Форду. — Давай лезь! Лезь!

Форд вскочил Зверю на спину и запустил пальцы глубоко в его густую шерсть.

— Ну, Мастер Сандвичей! Ступай! — Трашбарг сделал замысловатый ритуальный знак — в смысл которого Артур не смог проникнуть, ибо Трашбарг явно придумал его на месте, — и пожал Артуру руку, после чего толкнул его к Зверю. Сделав глубокий вздох, Артур вскарабкался вслед за Фордом на горячую, потную спину и ухватился покрепче. Под косматой шкурой Зверя перекатывались мощные мускулы — каждый размером с доброго морского льва.

Неожиданно Старик Трашбарг поднял птицу высоко вверх. Зверь дернул головой, следуя за ней взглядом. Трашбарг махал птицей все выше и выше, и вот Абсолютно Нормальный Зверь поднялся с колен, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Оба всадника отчаянно цеплялись за его спину.

Артур вытянул шею, пытаясь разглядеть над стадом, куда оно исчезает, но все закрывала зной-ная дымка.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил он у Форда.

— Нет. — Форд оглянулся в надежде увидеть, откуда стадо появляется. Тот же результат, то есть никакого.

— Ты не знаешь, откуда они приходят? — крикнул Артур Трашбаргу. — Или куда уходят?

— Во владения Короля! — крикнул Трашбарг в ответ.

— Короля? — удивился Артур. — Короля какой страны?

Абсолютно Нормальный Зверь беспокойно переминался под ними с ноги на ногу.

— При чем тут «страны»? — крикнул Старик Трашбарг. — Просто Короля.

— Ты никогда раньше не говорил, что здесь есть какое-то королевство, — в некотором смятении крикнул Артур.

— Что-о? — прокричал Старик Трашбарг. Грохот копыт заглушал почти все звуки; к тому же старик был поглощен своим делом.

Не опуская птицы, он медленно повернул Зверя так, что тот стал параллельно движению стада. Трашбарг сделал несколько шагов вперед. Зверь поплелся за ним. Он сделал еще несколько шагов. Зверь побрел вперед и понемногу зашагал рядом

со стадом.

— Я сказал, ты никогда не говорил про королевство, — повторил Артур.

— И сейчас ничего не говорю! — крикнул Старик Трашбарг. — Я сказал «владения Короля», вот и все!

Он отвел руку назад и затем выбросил ее вперед, изо всех сил швырнув птичку-пикка в воздух над стадом. Это происшествие явилось для птички полной неожиданностью, поскольку до сих пор она явно не замечала происходящего вокруг. Ей потребовалась секунда или две, чтобы она поняла, что случилось, после чего она расправила свои крылышки и улетела.

— Ступай! — крикнул Старик Трашбарг. — Ступай, Мастер Сандвичей, навстречу своей судьбе!

Артур не был уверен, так уж ли он хочет встретить свою судьбу. Все, чего ему хотелось, — это попасть куда-нибудь, где он сможет слезть с этого чудища. Как бы то ни было, верхом на Звере он не чувствовал себя в безопасности. Зверь наращивал скорость в отчаянной попытке догнать птичку-пикка, упоенно грохоча копытами, и быстро приближался к тому месту, где стадо растворялось в воздухе. Артуру и Форду ничего не оставалось, как цепляться изо всех сил за спину

чудища, чтобы не свалиться под копыта окружавших их огромных Зверей.

— Ступай! Да унесет тебя Зверь! — отдался в их ушах далекий крик Трашбарга. — Абсолютно Нормальный Зверь! Ступай!

— Куда, он сказал, мы попадем? — крикнул Форд в ухо Артуру.

— Что-то про Короля! — крикнул Артур в ответ, боясь хоть на мгновение ослабить хватку.

— Какой страны?

— Вот и я спросил. Он сказал, просто Короля.

— Я и не знал, что бывают просто Короли.

— Я тоже.

— Если не считать Короля, — крикнул Форд. — Но не думаю, чтобы он имел в виду именно его.

— Какой страны? — крикнул Артур.

Точка перехода была совсем близко. Прямо перед ними. Абсолютно Нормальные Звери галопом неслись в никуда и исчезали.

— Какого Короля? — крикнул Форд в ответ. — В королях стран я не разбираюсь. Я только хотел сказать, что он вряд ли имел в виду Короля, поэтому я не знаю, кого он имел в виду.

— Форд, я не понимаю, о чем ты толкуешь.

— Серьезно? — удивился Форд.

Тут вдруг над их головой вспыхнули звезды,

покрутились над ними и вновь погасли.

Глава 21

Размытые очертания серых зданий появлялись и пропадали, раскачиваясь при этом вверх-вниз, что весьма раздражало.

Что это за здания?

Для чего они предназначены? Что они ей напоминают?

Так трудно понять, для чего предназначены те или иные вещи, когда ты неожиданно оказываешься в чужом мире с чужой культурой, чужим набором элементарных представлений и к тому же с неописуемо унылой и бестолковой архитектурой.

Небо над зданиями было холодно-враждебным, чернильно-черным. Свет звезд, которому на таком удалении от Солнца полагалось бы быть ослепительно ярким, едва пробивался сквозь толщу защитного купола. Плексиглас или что-то наподобие. В любом случае, что-то унылое и малопрозрачное.

Трисия перемотала пленку на начало.

Она знала, что во всем этом есть какая-то странность.

Собственно, странным тут было почти все, но

какая-то мелкая подробность раздражала ее особенно сильно — а она никак не могла уловить какая.

Она потянулась и зевнула.

В ожидании, пока пленка смотается, она убрала с монтажного пульта несколько грязных пластиковых чашек из-под кофе и отнесла их в раковину.

Она сидела в тесной аппаратной одной видеостудии в Сохо. На дверь она прилепила большую записку «НЕ БЕСПОКОИТЬ!» и заблокировала телефон от всех посторонних звонков. Изначально это делалось с целью защититься от любопытных глаз конкурентов; теперь это помогало ей скрыть досаду и разочарование.

Ладно, она еще раз просмотрит всю пленку с самого начала. Если вытерпит. Ничего, кое-где можно будет промотать.

Было около четырех утра понедельника. Ее слегка подташнивало. Она попробовала определить причину тошноты, и причин нашлось предостаточно.

Во-первых, все началось с ночного перелета из Нью-Йорка. Недосып. Действует убийственно.

Потом, на ее собственном газоне с ней заговорили пришельцы и увезли ее на планету Руперт.

Она не настолько привыкла к подобным происшествиям, чтобы утверждать, что они всегда убийственно действуют на здоровье, но готова была побиться об заклад, что те, кто проделывает такие штучки регулярно, ходят по стеночке. В журналах постоянно публикуют таблицы стрессовых нагрузок. Увольнение с работы — пятьдесят единиц. Развод или новая стрижка — семьдесят пять. Таблицы умалчивали, на сколько единиц потянет стресс от беседы с пришельцами на собственной лужайке и от перелета на планету Руперт, хотя Трисия не сомневалась, что нескольких десятков баллов это заслуживает наверняка.

Нельзя сказать, чтобы сам перелет был особенно волнительным. На деле он оказался исключительно скучным. Уж во всяком случае, стресс от него никак не превышал стресса от перелета через Атлантику, да и времени он занял примерно столько же: около семи часов.

Это уже удивительно, не так ли? Перелет к границам Солнечной системы за то же время, что требуется для перелета в Нью-Йорк, означал, что пришельцы располагают двигателем какого-то фантастического, неслыханного типа. Она расспросила о нем пришельцев, и те согласились, что двигатель и впрямь неплох.

— Но как он действует? — спросила она взволнованно. В начале путешествия она еще пребывала в приподнятом настроении.

Трисия нашла это место записи и прокрутила его еще раз. Грибулонцы, как они сами себя называли, с готовностью показывали ей, на какие кнопки надо нажимать, чтобы корабль полетел.

— Да, но как все это действует! На каких принципах основано? — услышала она свой голос с экрана.

— Вы имели в виду что-то вроде гиперпространственного двигателя?

— Да. Так что ЭТО такое?

— Скорее всего что-то в этом роде.

— В каком?

— Вроде гиперпространственного двигателя, фотонного двигателя, в общем, что-то вроде этого. Вам бы поговорить с бортинженером.

— А кто из вас бортинженер?

— Мы не знаем. Видите ли, мы потеряли свою память.

— Ах да, — чуть разочарованно протянула Трисия. — Вы уже говорили. Кстати, при каких обстоятельствах вы ее потеряли?

— Мы не знаем, — терпеливо повторили грибулонцы.

— Ну да, поскольку вы потеряли память, — эхом добавила Трисия.

— Не хотите посмотреть телевизор? Нам еще долго лететь. Мы смотрим телевизор. Нам это нравится.

Все эти содержательные разговоры записались на видео и выглядели презабавно. Во-первых, качество изображения было кошмарным. Трисия не знала точно почему. Она подозревала, что грибулонцы видят в несколько ином диапазоне световых волн, и обилие ультрафиолета отрицательно сказывалось на записи. А может, все дело было в проклятом двигателе, в котором никто не разбирался.

Как следствие, все, что она видела на экране, — это несколько тощих людей с бесцветной кожей, мирно сидящих у телевизора, который показывал земные программы. Также Трисия наводила Камеруна крошечный иллюминатор около своего сиденья, через который открывался замечательный вид на яркие, чуть размазанные звезды. Она-то знала, что вид подлинный, но в студии его можно было бы подделать за три минуты.

В конце концов она решила поберечь драгоценную пленку для собственно Руперта, поэтому просто сидела, смотрела с остальными телевизор

и даже вздремнула.

Возможно, ее тошнотворное настроение частично объяснялось сознанием того, что, оказавшись на борту фантастического межпланетного корабля, дремала перед экраном, на котором прокручивали старые серии «Санты-Барбары» и «Кейни и Лейси». Но что ей еще оставалось делать? Например, она нащелкала там несколько фотографий, которые уже получила из проявки безнадежно испорченными.

Другая часть ее тошнотворного настроения, возможно, являлась следствием посадки на Руперт. По крайней мере этот этап полета был вполне впечатляющ и драматичен. Корабль несся над темной землей, такой далекой от света и тепла родного светила, что ландшафт ее казался картой шрамов на психике ребенка-подкидыша.

Где-то далеко во мраке блеснули огни, направившие корабль прямо в жерло чего-то вроде пещеры.

Увы, из-за угла, под которым опускался корабль, а также из-за толщины обшивки, в которой был прорезан иллюминатор, камеру так и не удалось направить ни на планету, ни на пещеру. Трисии пришлось промотать и эту часть записи.

Теперь объектив камеры был нацелен прямо

на Солнце.

Обычно это очень вредно для видеокамеры. Впрочем, когда камера удалена от Солнца на добрую треть миллиарда миль, это практически не играет роли. К сожалению, это и впечатляет гораздо меньше. Все, что вы получаете в результате, — это жалкое светлое пятнышко в центре кадра, которое с равным успехом может означать что угодно. Одна звезда из множества.

Трисия промотала и это место.

Ага. Следующий фрагмент обещал быть интереснее. Они вышли из корабля в огромное, похожее на ангар помещение. Это было явное изделие инопланетной технологии, причем чудовищного масштаба. Огромные серые здания под темным куполом-пузырем из плексигласа. Те самые здания, которые она видела в конце записи. Перед отлетом с Руперта через несколько часов она снимала их еще дольше. Что же они ей напоминают?

Во-первых, как и все прочее здесь, они напоминали ей декорации из дешевого фантастического фильма двадцатилетней давности. Конечно, они значительно превышали декорации своими размерами, но на экране все равно не особенно впечатляли. Помимо кошмарного качества изоб-

ражения, ей пришлось бороться с непривычно низкой гравитацией, вследствие чего камера дрожала у нее в руках хуже, чем у распоследнего любителя. Разглядеть на экране какие-нибудь детали было совершенно невозможно.

И вот, улыбаясь и протягивая руку для пожатия, к ней вышел Шеф.

Именно так он себя называл: Шеф.

У грибулонцев не было имен, поскольку они их забыли, а придумать новые не могли. Трисия выяснила, что кое у кого из них возникала мысль называть себя именами персонажей земных телесериалов, но стоило им начать называть друг друга «Уэйн», «Бобби» или «Чак», как некое шестое чувство подсказывало им, что лучше этого не делать.

Шеф мало чем отличался от остальных. Ну, может, был капельку худее. Он заявил, что обожает ее телевизионные передачи, что считает себя ее поклонником, что счастлив тому, что она смогла выбраться к ним на Руперт, где ее так ждали, что он надеется, что полет не слишком ее утомил, и т. д. и т. п. Она пыталась найти хоть какие-нибудь признаки того, что к ней обращаются как к полномочному представителю земной цивилизации. Ничего подобного.

На экране видеомонитора Шеф производил впечатление загримированного и переодетого землянина, стоящего перед декорацией, к которой лучше не прикасаться — а то упадет.

Трисия сидела перед монитором, подперев лицо руками и мотая головой от досады.

Какой кошмар.

Ужасным был не только этот фрагмент; Трисия знала, что будет дальше: там, где Шеф спрашивает ее, не проголодалась ли она. Они вполне смогут переговорить за легким обедом.

Трисия вспомнила свои мысли в этот момент.

Инопланетная пища.

Как она ее перенесет?

Стоит ли ей вообще пробовать? Найдется ли что-нибудь вроде салфетки, чтобы выплюнуть туда еду в случае чего? Как быть с проблемами иммунитета?

На обед подали гамбургеры.

И не просто гамбургеры, но самые типичные гамбургеры из «Макдоналдса», разогретые в микроволновой печи. К черту внешний вид. К черту запах. Но уж пластиковые скорлупки, в которых они подавались, с надписью «Макдоналдс»…

— Кушайте! Наслаждайтесь! — заявил Шеф. — Ничего не жалко для гостьи дорогой!

Дело происходило в личных покоях Шефа. Трисия оглядывалась по сторонам, с трудом удерживаясь от паники, хотя продолжала исправно снимать все на видео.

В покоях стояла кровать с водяным матрацем. И недорогой стереокомбайн. И одна из этих стеклянных штуковин, которые обычно ставят на стол и в которых плавает что-то похожее на светящиеся сперматозоиды. Стены были обтянуты бархатом.

Шеф плюхнулся в кожаное кресло и побрызгал себе в рот освежителем из баллончика.

Неожиданно Трисии сделалось страшно. Насколько ей было известно, она оказалась дальше от Земли, чем любой другой представитель человеческого рода, и все для того, чтобы попасть в общество инопланетянина, сидящего в кожаном кресле и брызгающего в рот освежителем из баллончика.

Она боялась сделать ложный шаг. Спугнуть его. И все же имелись вещи, которые ей необходимо было знать.

— Как вы… откуда вы достали… вот это? — спросила она, обводя рукой комнату.

— Декор? — спросил Шеф. — Вам нравится? Все это весьма изысканно. Мы, грибулонцы, —

изысканные люди. Мы покупаем изысканные товары… по каталогам.

Трисия медленно кивнула.

— По каталогам… — повторила она.

Шеф хихикнул. Хихиканье чрезвычайно напоминало бархатный смешок из рекламы молочного шоколада.

— Вы, наверное, думаете, что они доставляют это нам сюда? Нет! Ха-ха! У нас есть свой абонентный ящик в Нью-Гемпшире. Мы регулярно наведываемся туда, ха-ха! — Он расслабленно откинулся в кресле, ленивым движением вытянув из пакетика палочку жареного картофеля. На губах его играла довольная улыбка.

Трисия ощутила легкое головокружение. Тем не менее она продолжала снимать.

— Как вы… гм… как вы платите за все эти чудесные… вещи?

Шеф хохотнул еще раз.

— «Американ экспресс»! — объявил он, чуть пожав плечами.

Трисия еще раз медленно кивнула. Ей было хорошо известно, что они выдают свои кредитные карточки чуть ли не каждому встречному.

— А это? — спросила она, помахав зажатым в руке гамбургером.

— Очень просто, — ответил Шеф. — Мы становимся в очередь.

И снова у Трисии по спине пробежал холодок.

Она промотала пленку еще дальше.

Совершеннейшая бессмыслица. При желании она могла отснять на Земле и более впечатляющую подделку.

От просмотра этой безнадежно кошмарной ленты на нее накатила новая волна тошноты, и она начала, к своему ужасу, понимать, что же произошло.

Она, похоже…

Она тряхнула головой и попыталась обдумать все получше.

Ночной перелет из Западного полушария в Восточное… снотворные таблетки… водка, которой она их запивала…

Что еще? Пустяки. Семнадцать лет жизни с убеждением, что весельчак с двумя головами, одна из которых была замаскирована под клетку с попугаем, пытался ухаживать за ней на вечеринке, но поспешно улетел на другую планету на летающей тарелке. В этом убеждении уже таилось множество зловещих симптомов, которые до сих пор не приходили ей в голову. Ни разу. За семнадцать лет.

Она закусила кулак.

Ей нужна помощь.

Потом еще этот Эрик Бартлетт со своими разговорами о космическом корабле, что садился на ее лужайку. А до того — Нью-Йорк с его жарой и стрессами. Большие надежды и горькое разочарование. Вся эта чушь с астрологией.

Должно быть, у нее нервный срыв.

Вот, значит, в чем все дело. Она переутомилась, у нее нервный срыв и галлюцинации. Она вообразила себе целую историю. Чужая раса, оказавшись на задворках Солнечной системы, утратила свою память и возмещает этот вакуум нашим культурным хламом. Ха! Это ей звоночек: побыстрее к врачу, желательно, к врачу подороже.

Ей было очень, очень худо. Она посчитала, сколько чашек кофе выпила за последние часы, и обратила внимание на то, как тяжело и часто дышит.

Главный шаг к решению проблемы, сказала она себе, — это обратить внимание на сам факт существования проблемы. Она постаралась успокоить дыхание. Она вовремя взяла себя в руки. Она успокаивалась, успокаивалась, успокаивалась… она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Выждав немного времени, чтобы дыхание вернулось к норме, она открыла их снова.

Так откуда у нее эта пленка?

Запись все еще не кончилась.

Все в порядке. Это подделка.

Она сама ее подделала, вот и все.

Подделать ее могла только она сама: ведь это ее голос, задающий вопросы, слышался за кадром.

Время от времени в конце очередного кадра камера уходила вниз, и она видела свои собственные ноги в хорошо знакомых туфлях. Она подделала запись, но не помнит ни того, как подделывала, ни зачем это сделала.

Она бросила взгляд на мерцающее, испещренное хлопьями помех изображение на экране, и ее дыхание вновь начало учащаться.

Она все еще галлюционирует.

Она тряхнула головой, пытаясь отогнать бред. Она не помнила, как подделывала эту до очевидности поддельную запись. С другой стороны, она помнила все, что происходило в этой поддельной записи. Словно околдованная, она продолжала смотреть на экран.

Особа, которая в ее больном воображении называла себя Шефом, задавала ей вопросы об астрологии, и она отвечала — спокойно и гладко.

Только она сама могла уловить в собственном голосе панические нотки.

Шеф нажал кнопку, и бархатная портьера на стене скользнула в сторону, открыв батарею телемониторов.

Каждый из мониторов показывал калейдоскоп различных образов: несколько секунд телевикторины, несколько секунд полицейского боевика, несколько секунд изображения с телекамеры охраны большого супермаркета, несколько секунд из любительской видеоленты, несколько секунд порно, несколько секунд выпуска новостей, несколько секунд комедии… Ясно было, что Шеф чрезвычайно гордится всем этим: он размахивал руками, будто дирижировал, одновременно продолжая нести ахинею.

Еще взмах руки — и изображение со всех экранов исчезло, и они превратились в огромный компьютерный дисплей, на котором возникла схема орбит всех планет Солнечной системы на фоне звезд и созвездий. Изображение было неподвижным.

— У нас много знаний, — говорил Шеф. — Познаний в компьютерах, космической тригонометрии, трехмерных навигационных исчислениях. Много знаний. Много, много знаний. Только мы

их потеряли. Это очень жалко. Нам нужны знания, которые мы потеряли. Они сейчас где-то в космосе. Вместе с нашими именами и воспоминаниями о родине и любимых. Пожалуйста, — он сделал жест в сторону компьютерной клавиатуры, — помогите нам своими знаниями.

Разумеется, следующее, что сделала Трисия, — это быстро установила видеокамеру на штатив, после чего сама вошла в кадр и уселась перед гигантским дисплеем. Несколько секунд она осваивалась с интерфейсом, после чего принялась профессионально и убедительно изображать, будто понимает, что делает.

В общем-то это было не так уж трудно. В конце концов она, как-никак, имела математическое и астрономическое образование, равно как и умение держаться перед камерой, а то, что забыла за эти годы, она с лихвой возмещала мастерским блефом.

Компьютер, с которым она работала, наглядно доказывал, что грибулонцы рождены куда более развитой цивилизацией, чем это можно было бы предположить, глядя на их нынешнее состояние. С его помощью ей удалось за каких-нибудь полчаса соорудить довольно пристойную действующую модель Солнечной системы.

Вряд ли она отличалась особой точностью, но выглядела неплохо. Планеты вращались по более или менее похожим на правду орбитам, и ход этих космических часов можно было наблюдать с любой точки системы — приблизительно, конечно. Можно было наблюдать небосвод с Земли, можно — с Марса и так далее. Можно было наблюдать и с поверхности планеты Руперт. Подобная работа произвела впечатление даже на саму Трисию, хотя еще большее впечатление произвел на нее компьютер, с которым она работала. Такая же работа с земными компьютерами заняла бы никак не меньше года.

Когда она закончила, Шеф стал за ее спиной и долго смотрел. Он был очень доволен результатами ее работы.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь, пожалуйста, не покажете ли вы, как использовать созданную вами модель, чтобы перевести для меня содержание вот этого.

И выложил на стол перед ней книгу.

Это была книга Гейл Эндрюс «Вы и ваши планеты».

Трисия нажала на кнопку «стоп».

Вот теперь-то ей сделалось совсем худо. Ощущение галлюцинации прошло, но в голове от этого

яснее не стало.

Она отодвинула кресло от пульта и задумалась, что же ей делать дальше. Много лет назад она бросила астрофизику, так как знала точно, что ее поднимут на смех, если она расскажет кому-нибудь одну простую вещь. Она сделала единственное, что могла сделать в такой ситуации, — ушла.

Теперь она работает на телевидении, и все повторяется снова.

У нее есть видеозапись, подлинная видеозапись самого невероятного события в истории: всеми забытый форпост чужой цивилизации, затерявшийся на дальней планете нашей планетной системы.

Она знает всю эту историю.

Она там была.

Она это видела. Бог свидетель, у нее есть видеозапись.

И если она покажет ее кому-нибудь, ее поднимут на смех.

Как может она доказать все это? Не стоило даже и пытаться. С какого угла ни посмотри на эту историю, она представляется полнейшим бредом. Ее бедная голова совсем распухла.

В сумке, кажется, осталось несколько таблеток

аспирина. Она вышла из маленькой аппаратной к раковине в коридоре, приняла таблетку аспирина и запила водой.

В студии царила мертвая тишина. Обыкновенно здесь толпилась тьма народу. Теперь — никого. Трисия заглянула в соседнюю аппаратную — тоже пусто.

Похоже, она слегка перестаралась, отваживая от своей работы конкурентов. «НЕ БЕСПОКОИТЬ! — гласила ее табличка. — ДАЖЕ НЕ СУЙТЕСЬ! ПЛЕВАТЬ, ЧТО У ВАС ЗА ДЕЛО. Я ЗАНЯТА!»

Вернувшись в аппаратную, она заметила на панели служебного телефона горящую лампочку. Интересно, как давно она горит?

— Алло? — сказала Трисия оператору.

— О мисс Макмиллан! Очень хорошо, что вы позвонили. Вас все ищут. Ваша телекомпания. Они с ума сошли, обыскавшись вас. Вы можете связаться с ними?

— Почему вы не соединили сразу? — спросила Трисия.

— Вы сами просили ни за что вас не беспокоить. Вы просили даже не говорить, что вы здесь. Я не знал, что делать. Я собирался оставить вам записку, но вы…

— О'кей, — чертыхнувшись про себя, произнес-

ла Трисия и набрала номер своего офиса.

— ТРИСИЯ!!! Мать твою, куда ты запропастилась?

— Яв студии…

— Мне сказали…

— Я знаю. Что случилось?

— Что? Всего только корабль пришельцев.

— Что? ГДЕ?

— В Риджент-парке. Большая серебряная штука. Какая-то девица с птицей. Девица говорит по-английски, швыряется во всех камнями и требует, чтобы кто-нибудь починил ее часы. Мотай туда, живо!

Трисия стояла и молча смотрела перед собой.

Эта штука не походила на грибулонский корабль. Конечно, она еще не заделалась экспертом по инопланетным кораблям, но этот был изящен, красивой серебряной с белым расцветки, размером с океанскую яхту, на которую и походил больше всего. Рядом с ним грибулонский корабль казался бы орудийной башней со старинного линкора. Орудийные башни… Так вот что так напомнили ей те массивные серые здания. И еще ей показалось странным тогда, что они были повернуты по-другому, когда они возвращались на корабль, чтобы лететь к Земле. Все эти мысли

стремительно мелькнули у нее в голове, пока она спешила от такси к ожидавшей ее съемочной группе.

— Где девушка? — крикнула Трисия, пытаясь перекрыть голосом рев вертолетов и полицейских сирен.

— Вон! — крикнул в ответ продюсер, пока техник торопливо прицеплял ей радиомикрофон. — Она утверждает, что ее мать и отец родом отсюда, но из параллельного измерения или чего-то в этом роде, и что у нее с собой отцовские часы. Чего тебе еще сказать? Разбирайся. Спроси ее, каково это — попасть на Землю из далекого космоса.

— Спасибо, Тэд, — пробормотала Трисия, проверила, хорошо ли держится микрофон, дала технику время отрегулировать уровень записи, сделала глубокий вздох, отбросила волосы назад и привычно включилась в роль привычной ко всему тележурналистки.

Ну, почти ко всему.

Она огляделась в поисках девушки. Да, должно быть, это она: волосы растрепаны, взгляд — дикий. Девушка повернулась к ней. И оцепенела.

— Мама! — взвизгнула она. И швырнула в Трисию камнем.

Глава 22

Они на полном скаку вырвались в ослепительно сияющий полдень. Горячее, жгучее солнце. Перед ними, подернутая знойным маревом, тянулась пустынная равнина. По ней-то они и неслись — к горизонту.

— Прыгай! — крикнул Форд Префект.

— Что? — переспросил Артур Дент, цепляясь за шерсть из последних сил.

Ответа не последовало.

— Что ты сказал? — повторил Артур и только тут понял, что Форда Префекта рядом с ним уже нет.

Артур в ужасе оглянулся и начал сползать вбок. Потом, сообразив, что больше не в силах держаться, он изо всех сил оттолкнулся, упал на землю и кубарем покатился как можно дальше от грохочущих копыт.

Ну и денек, подумал он, пытаясь откашляться от пыли. Таких жутких дней он не помнил с тех пор, как взорвали Землю. Он поднялся на колени, потом на ноги и бросился бегом прочь. Он не знал, от чего он бежит и куда, но это представлялось ему наиболее разумным поступком.

Он врезался прямо в Форда Префекта, стоявшего и созерцавшего всю эту картину.

— Глянь-ка, — сказал Форд. — Как раз то, что нам нужно.

Артур прокашлялся еще немного, сплюнул пыль, протер глаза и отряхнул еще немного пыли с волос. Потом повернулся посмотреть туда, куда показывал Форд.

На королевские владения, какой бы король тут ни правил, это никак не походило. Впрочем, смотрелось симпатично.

Во-первых, контекст. То была планета-пустыня. Пыльная, слежавшаяся земля старательно украсила синяками все участки тела Артура, которые избежали увечий за истекшую ночь. Где-то впереди виднелись далекие скалы, судя по всему, из песчаника, принявшие под воздействием ветров и тех немногих дождей, что случайно выпадали в этих краях, самые причудливые формы. Формы эти в чем-то перекликались с причудливыми кактусами, разбросанными там и здесь по оранжевой пустыне.

На какое-то мгновение Артур даже осмелился подумать, что они неожиданно попали в Аризону, или Нью-Мексико, а может, в Южную Дакоту. Однако имелось предостаточно доказательств

противного.

Начать хотя бы с продолжавших усердно грохотать копытами Абсолютно Нормальных Зверей. Они вырывались десятками тысяч откуда-то из-за горизонта, исчезали на одном участке в полмили длиной, снова появлялись и уносились, грохоча копытами, за противоположный горизонт.

А совсем рядом с ними, у входа в гриль-бар, стояли припаркованные звездолеты. Вот оно что. А ларчик просто открывался, подумал Артур про себя.

Собственно, у входа в гриль-бар «Владения Короля» стоял только один звездолет. Остальные находились чуть в стороне на стоянке. И только тот, что был припаркован у входа, невольно притягивал к себе взор. Весь в причудливых хромированных плавниках, с корпусом, окрашенным в чумовой розовый цвет, он походил на огромное задумчивое насекомое, готовое в любой момент — фыр-р! — упрыгнуть за милю отсюда.

Гриль-бар «Владения Короля» стоял прямо на пути стада Абсолютно Нормальных Зверей, которые врезались бы прямо в него, когда бы на их пути не случилось гиперпространственного перехода. Бар стоял сам по себе. Обыкновенный гриль-бар. Стандартный обед для водителей-

дальнобойщиков. Этакая заштатная дыра. Тишь да гладь. Владения Короля.

— Куплю-ка я этот звездолет, — задумчиво произнес Форд.

— Купишь? — удивился Артур. — Что-то это на тебя не похоже. Мне казалось, ты их обыкновенно угоняешь.

— Надо же иногда и честь знать, — возразил Форд.

— Возможно, кроме этого, надо знать, где достать наличность, — заметил Артур. — Как по-твоему, сколько эта штука может стоить?

Изящным движением Форд вынул из кармана свою кредитную карточку «Обед-при-исполнении». Артур заметил, что рука у него при этом слегка дрожала.

— Я им покажу, как делать из меня ресторанного обозревателя… — мстительно пропел Форд.

— О чем это ты? — удивился Артур.

— Сейчас поймешь, — сказал Форд с нехорошим блеском в глазах. — Пошли-ка, потратимся немного, идет?

— Пару пива, — возгласил Форд, — черт, чуть не забыл, дурак, пару ветчинных рулетов или что там у вас, да, и еще эту розовую штуку за дверями.

Он выложил свою карточку на стойку и небрежно оглянулся.

Воцарилась некоторая тишина.

В принципе и до того здесь было не то чтобы шумно, но теперь сделалось тихо совсем по-другому. Даже далекий грохот копыт Абсолютно Нормальных Зверей, старательно обходивших «Владения Короля», казался теперь чуть тише.

— Мы только что с родео, — заявил Форд таким тоном, словно в этом — равно как и в чем угодно другом — не было ничего особенного. И с самым невинным видом облокотился на стойку.

Народу в зале было человека три — они сидели за столиками и потягивали пиво. Человека три. Кое-кто сказал бы, что их там было ровным счетом трое, но в подобных заведениях лучше не увлекаться ровным счетом. Еще один — рослый здоровяк — возился с инструментами на маленькой эстраде. Исцарапанная ударная установка. Пара гитар. Наверняка тут играют что-то типа кантри.

Бармен не слишком спешил выполнять заказ Форда. Говоря начистоту, он вообще не двигался с места.

— Не уверен, что та розовая штука продается, — произнес он, растягивая гласные до самого

горизонта.

— Еще как продается, — бросил Форд. — Сколько за нее хотите?

— Ну…

— Назовите цифру, и я удвою.

— Штука не моя, — объяснил бармен.

— Тогда чья?

Бармен мотнул головой в сторону здоровяка на эстраде. Крупный, толстый мужик, медлительный, начинающий лысеть.

Форд кивнул и ухмыльнулся.

— О'кей, — произнес он, — валяйте пиво и рулеты. И не спешите выписывать счет.

Артур сидел у стойки и отдыхал. Он привык не понимать, что происходит вокруг. Так ему было даже уютнее. Пиво оказалось отменное. От него чуть клонило в сон, против чего Артур ничуть не возражал. Ветчинный рулет оказался не настоящим ветчинным рулетом. Это был рулет из Абсолютно Нормального Зверя. Артур обменялся с барменом несколькими замечаниями профессионального порядка, предоставив Форду делать то, что ему — Форду — хотелось.

— О'кей, — повторил Форд, возвращаясь к стойке. — Все тип-топ. Розовая штука — наша.

Эта новость сразила бармена наповал.

— Он продает ее вам?

— Отдает даром, — ответил Форд, откусывая кусок рулета. — Эй нет, погодите выписывать счет. Мы добавим. Вкусный рулет.

Он сделал большой глоток пива.

— И пиво что надо, — сообщил он. — Кстати, корабль тоже неплох, — добавил он, созерцая хромированно-розовое насекомое за окном. — Полный кайф. Знаешь, — произнес он, откинувшись на спинку стула, — в такие вот минуты начинаешь задумываться, стоит ли так много думать о пространственно-временном континууме, целостности многомерных вероятностных матриц, возможном коллапсе волновых форм Великой Всеобщей Мешанины — короче, обо всем, что обычно меня заботит. Может, и правильно говорит этот парень. Будь что будет. Какая разница? Будь что будет.

— Какой парень?

Форд кивнул в сторону эстрады. Здоровяк произносил в микрофон «раз, два…». На эстраде появилось двое других парней. Ударные. Гитара.

Бармен, минуту или две не произносивший ни слова, не выдержал:

— Вы сказали, он отдает вам свой корабль?

— Угу, — отозвался Форд. — Будь что будет, вот

что он сказал. Берите, говорит, корабль. С моего, говорит, благословения. Будьте с ним поласковее. Я, говорит, был с ним ласков.

Он сделал еще глоток.

— Вот я и говорю, — продолжал он. — В минуты вроде этой так и хочется думать: будь что будет. Но когда вспоминаешь про парней вроде «Инфин-Идио энтерпрайзис», понимаешь, им этого так спустить нельзя. Пусть платят. Мой священный долг — заставить их платить. Кстати, поставьте мне в счет заявку певцу. Я сделал заявку, и мы договорились. Посчитайте мне это, идет?

— Идет, — осторожно согласился бармен и только потом опомнился. — На сколько вы там договорились?

Форд шепнул ему какое-то числительное. Бармен грохнулся в обморок, уронив на себя кучу бокалов и бутылок. Форд поспешно обогнул стойку посмотреть, не повредил ли тот чего, и помочь ему подняться. Бармен порезал палец и локоть, да еще голова у него чуть кружилась, но, в общем, все обошлось. Парень на эстраде начал петь. Бармен взял у Форда карточку и удалился проверить ее.

— Я чего-то не понимаю? — спросил у Форда Артур.

— А что, бывает по-другому? — удивился Форд.

— Но это же нормально, — обиделся. Артур. Он начал понемногу просыпаться. — Нам не пора лететь? — вдруг спросил он. — Этот корабль сможет доставить нас на Землю?

— Еще как, — ответил Форд.

— Ведь туда и должна была отправиться Рэндом! — встрепенулся Артур. — Нам надо поскорее ее догнать! Вот только…

Форд предоставил Артуру обдумывать эту мысль, а сам достал из кармана свое старое издание «Путеводителя».

— Вот только в какой точке вероятностной оси мы находимся? — спросил Артур. — Есть здесь Земля или нет? Я так долго ее искал… И все, что находил, — это более или менее похожие на нее планеты. Расположение континентов совпадает, а все остальное — ничего общего. Самая жуткая назвалась Нучтоещетам, меня там укусил какой-то психованный зверь. Понимаешь, они так общаются — кусая друг друга. Чертовски больно. Ну, и в половине вселенных, разумеется, Земли вообще не было, поскольку ее взорвали эти чертовы вогоны. Ты меня слушаешь?

Форд не ответил. Он прислушивался к чему-то. Он молча протянул Артуру «Путеводитель» и

ткнул пальцем в экран. На нем значилось: «Земля. В основном безвредна».

— Ты хочешь сказать, она здесь есть! — восторженно вскричал Артур. — Здесь есть Земля! Земля, на которую отправилась Рэндом! Во время грозы птица показывала ей Землю!

Форд шикнул на Артура, чтобы тот вел себя потише. Он слушал. А Артур нетерпеливо ерзал на стуле. Ему и раньше приходилось слышать «Love me tender» в «барах с живой музыкой». Конечно, он не ожидал услышать эту песню здесь, в чертовском далеке от Земли, но жизнь давно уже отучила его удивляться чему бы то ни было. Для певца из бара исполнитель был неплох, если кому такая музыка нравится, но Артуру было не до музыки.

Он глянул на свои часы. И вспомнил, что часов у него больше нет. Они, вернее то, что от них осталось, находились у Рэндом.

— Тебе не кажется, что нам пора? — теребил он Форда.

— Ш-ш-ш! — окрысился Форд. — Я заплатил за эту песню. — В глазах у него, похоже, стояли слезы, чего Артур никак уж не ожидал.

До сих пор Форда мало что пробирало до глубины души, разве что ну очень крепкое спиртное.

Может, это у него от пыли? Он ждал, барабаня пальцами по столу — не в такт песне.

Песня закончилась. Певец запел «Heartbreak Hotel»[24].

— Как бы то ни было, — прошептал Форд, — должен же я сделать обзор этого ресторана.

— Что?

— Надо написать рецензию.

— Рецензию? На это место?

— Хоть немного отработаю свои расходы. Я так все устроил, что мой счет оплачивается и следа потом не найдешь. За это можно иногда и поработать, — добавил он, уставясь недобрым взглядом в кружку с пивом.

— За пару пива и за рулет?

— И за пение.

— Сколько ты ему заплатил?

Форд повторил пресловутое числительное.

— Я все равно не знаю, много это или мало, — произнес Артур. — Сколько это будет в фунтах стерлингов? Что на это можно купить?

— На это можно купить… э-э… — Форд прикрыл глаза, считая в уме, — Швейцарию, — произнес он наконец. Положил «Путеводитель» на стол

---

[24] Примечания: 24

«Люби меня нежно», «Отель, где разбиваются сердца» — песни из репертуара Элвиса Пресли. — *Примеч. ред.*

перед собой и затюкал по клавиатуре.

Артур вежливо кивнул. Бывали времена, когда ему отчаянно хотелось понять, о чем же идет речь; встречались и времена, например, сейчас, когда он чувствовал, что, пожалуй, безопаснее не заморачивать себе голову. Он решил, что это, видимо, как раз тот случай. Он заглянул Форду через плечо.

— Это недолго, нет? — решился спросить он.

— Да нет, — ответил Форд. — Так, ерунда. Всего лишь информация о том, что рулеты здесь недурны, пиво отличное и холодное, местная фауна несколько своеобразна, а по вечерам выступает величайший во всех известных вселенных певец, ну и все такое. Полминуты. Надо же хоть иногда и поработать.

Он нажал на кнопку «ввод», и информация унеслась на субэфирных волнах.

— По-твоему, певец действительно так хорош?

— Угу, — промычал Форд.

К ним приближался бармен; рука его, державшая кредитную карточку, заметно тряслась.

Он положил карточку на стол перед Фордом так, словно это была ядовитая гадина.

— Ну и дела, — сказал бармен. — Первые два раза машина отказывалась взять вашу карточку.

Не скажу, чтобы это меня удивило, — смахнул он пот с бровей. — Потом вдруг бац, и на тебе — все путем, полный ажур, и машина… она ее, знаете ли, приняла. Вы, того… счет подпишите?

Форд не глядя подмахнул листок.

— Надеюсь, это сильно повредит «Инфин-Идио», — произнес он, напустив на себя сокрушенный вид. — Так им и надо, — добавил он совсем тихо. — Сторицей!

Он удовлетворенно вздохнул и вернул счет бармену.

— Больше денег, — заметил он, — чем Полковник добыл ему за всю его карьеру, заставляя сниматься в посредственных фильмах и петь в казино. И он обговорил все это сам, без менеджера. Думаю, это его счастливый день. Передайте ему мою благодарность, и пусть выпьет за наш счет. — Форд выложил на стойку несколько монет.

Бармен отодвинул их.

— Вообще-то не стоит… — произнес он чуть хрипло.

— Мне виднее, — отрезал Форд. — О'кей, нам пора.

Они стояли на пыльной земле под палящим солнцем и с восхищением смотрели на хромиро-

ванно-розовое чудище. Во всяком случае, Форд смотрел на него с восхищением.

Артур просто смотрел на него.

— Тебе не кажется, что хрому немного многовато, нет?

Он повторил это еще раз, когда они забрались внутрь. Сиденья и изрядная часть приборной панели были отделаны мехом и замшей. На главном пульте управления красовался огромный золотой вензель «Э. П.».

— Знаешь, — сказал Форд, включая двигатели, — я спросил его, правда ли, что его похитили пришельцы. Знаешь, что он ответил?

— Кто? — не понял Артур.

— Король.

— Какой король? Ох, черт, мы уже говорили на эту тему, верно?

— Ничего, — сказал Форд. — Так вот, он ответил, что нет. Он улетел по собственному желанию.

— Я так толком и не понял, о ком это ты, — признался Артур.

Форд тряхнул головой.

— Слушай, — сказал он. — Там в бардачке слева от тебя несколько кассет. Будь так добр, выбери чего-нибудь и поставь.

— О'кей, — сказал Артур, порывшись в кассе-

тах. — Элвис Пресли тебе нравится?

— Если тебе это интересно, — ответил Форд, — да, нравится. Надеюсь, у этой машинки ход не уступает внешности.

Он врубил скорость.

— Иееее-е-ех! — заорал Форд, когда они взмыли в небо.

Машинка действительно не подкачала.

Глава 23

Агентства новостей такого не любят. Все хорошо в меру. Всамделишный звездолет, приземлившийся средь бела дня в центре Лондона, не мог не стать сенсацией высшего разряда. Второй, совершенно на него не похожий, приземлившийся тремя с половиной часами позже, сенсацией уже не стал.

«ЕЩЕ ОДИН КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ! — гласили заголовки. — НА ЭТОТ РАЗ РОЗОВЫЙ». Случись это хотя бы на месяц позже, шуму было бы куда больше. Третий звездолет, приземлившийся еще через полчаса, маленький четырехместный хрюндийский катер, попал только в выпуски местных новостей.

Пронзив стратосферу, Форд с Артуром без особой шумихи приземлились на Портленд-плейс. Времени было всего полседьмого вечера, так что места для парковки еще имелись. Они быстренько смешались с толпой зевак, потом громко возгласили, что, если никто больше не собирается вызывать полицию, это сделают они сами, и под шумок улизнули с места события.

— Домой… — произнес Артур хрипло, и на его

глаза навернулись предательские слезы.

— Только не раскисай, пожалуйста, — буркнул Форд. — Нам необходимо найти твою дочь. И ту пернатую тварь.

— Но как? — вздохнул Артур. — На этой планете пять с половиной миллиардов населения, и…

— Да, — оборвал его Форд. — Но только одна из них прилетела из космоса на большом серебряном корабле в сопровождении искусственной птички. Я предлагаю следующее: найти телевизор и выпивку на то время, пока мы будем его смотреть. И делать это лучше в комфортабельных условиях.

Они сняли большой номер с двумя спальнями в Лэнгеме. Удивительно, но Фордова карточка «Обед-при-исполнении», изготовленная на планете в пять тысяч световых лет отсюда, была без проблем принята компьютером отеля.

Пока Артур устраивался перед телевизором, Форд оккупировал телефон.

— О'кей, — заявил он. — Я хочу заказать в номер букет маргариток. Два букета. Пару лучших салатов. Паштет из гусиной печенки — сколько у вас найдется. И еще лондонский зоопарк.

— Ее показывают в новостях! — крикнул из своей спальни Артур.

— Именно это я и сказал, — произнес Форд в трубку. — Лондонский зоопарк. Принесите в номер.

— Она… Боже праведный! — вскричал Артур. — Знаешь, кто берет у нее интервью?

— Вы что, по-английски не понимаете? — продолжал Форд. — Зоопарк, который отсюда через дорогу. Ничего, если он сегодня закрыт. Я не собираюсь покупать билет. Я хочу купить зоопарк. Мне плевать на то, что вы заняты. Это отдел обслуживания постояльцев? Я постоялец, и мне нужно, чтобы меня обслужили. Бумагу взяли? О'кей. Вот чего я от вас хочу: все животные, которых можно вернуть в естественные условия обитания, должны быть отпущены. Снарядите отряды специалистов, чтобы те следили, как им будет житься на воле. О'кей.

— Это Триллиан! — кричал Артур. — Или нет… э-э… Боже, я больше не могу выносить этих историй с параллельными мирами. Просто крыша едет. Похоже, это другая Триллиан. Ее зовут Трисия Макмиллан, совсем так, как звали Триллиан до того, как… Черт, почему ты сам не посмотришь? Может, ты разберешься.

— Секундочку! — крикнул Форд и вернулся к своим телефонным переговорам: — Еще нам по-

требуются земли для содержания тех животных, которых нельзя выпускать на волю. Подберите группу специалистов, пусть найдут наиболее подходящие территории. Возможно, нам придется купить что-нибудь вроде Заира и несколько островов. Мадагаскар там, Баффинову Землю, Суматру… Что-то в этом роде. Нам нужно максимальное разнообразие климатических зон. Послушайте, я не понимаю, что в этом такого сложного. Вот и учитесь работать. Наймите тех, кого считаете нужным. Я полагаю, мой банковский счет вас устроит. И потрите в салат синего сыру. Спасибо.

Он положил трубку и перешел в комнату к Артуру. Тот сидел на краешке кровати, не отрываясь от телевизора.

— Я заказал нам паштет из гусиной печенки.

— Что? — не понял Артур, весь поглощенный телепередачей.

— Я сказал, я нам заказал паштет из гусиной печенки.

— А-а, — грустно сказал Артур. — Гм, мне всегда не по себе от этого паштета. Как-то жестоко это по отношению к гусям, разве не так?

— На фиг гусей, — заявил Форд, растягиваясь на кровати. — Невозможно ведь жалеть всех

подряд.

— Ну, с твоей стороны очень мило так говорить, но…

— Брось, — сказал Форд. — Если хочешь, я съем твою порцию. Ну, как там дела?

— Хаос, — ответил Артур. — Полнейший хаос. Рэндом орет на Триллиан, или на Трисию, или кто это там, будто та ее бросила, и требует, чтобы ее отвели в нормальный ночной клуб. Трисия в слезах и все повторяет, что никогда не встречала раньше Рэндом и тем более не рожала ее. Потом она вдруг начала причитать по кому-то по имени Руперт и говорить, что он лишился памяти или что-то вроде этого. Если честно, я не очень понял это место. Потом Рэндом начала швыряться всем, что подвернулось под руку, и они переключились на рекламу, пока не разберутся немного. Вон! Они снова включают студию! Заткнись и смотри!

На экране появился несколько взъерошенный ведущий и принес телезрителям извинения за непредвиденную паузу. Он сказал, что у них еще нет достоверной информации, кроме того, что загадочная девушка, называющая себя Рэндом-Постоянная-Клиентка-Космотрасс-Дент, покинула студию, чтобы, гм, отдохнуть. Он надеется, что Трисия Макмиллан сможет принять участие в

завтрашней передаче. Тем временем поступают свежие сообщения о НЛО…

Форд спрыгнул с кровати, схватил ближайший телефон и набрал номер.

— Портье? Хотите стать владельцем отеля? Он ваш, если вы в течение пяти минут найдете мне список клубов, членом которых состоит Трисия Макмиллан. Перезвоните мне в номер.

Глава 24

Далеко-далеко, в чернильных глубинах космоса, вдали от чьих-либо глаз, происходили некие события.

Незримые обитателям таинственно, непредсказуемо капризного сектора «Множественное Зет» (того самого, в сердцевине которого находится бесконечное множество вероятностных вариантов планеты под названием «Земля»), они тем не менее имели для этих обитателей самые серьезные последствия.

На самом краю Солнечной системы, развалившись на зеленом кожаном диване и с тоской глядя на батарею телевизионных и компьютерных экранов, сидел чрезвычайно мрачно настроенный Шеф грибулонцев. Тупо листал он учебник астрологии. Тупо переключался с программы на программу, которые поступали на его экраны прямо с мощнейших грибулонских антенн, нацеленных на планету Земля.

Шеф был не в духе. Миссия грибулонцев заключалась в том, чтобы наблюдать. Причем наблюдать тайно. Эта миссия успела ему изрядно надоесть. Он не сомневался, что к отсиживанию

грибулонских задниц у телеэкранов их миссия не сводилась. Ведь было же у них с собой столько другого оборудования, которым можно было наделать столько всякого, если бы они только не потеряли всякое представление о том, что им можно сделать. Ему не хватало цели в жизни, вот почему он и обратился к астрологии: заполнить зияющую брешь в разуме и душе. Астрология уж точно подскажет что-нибудь.

Вообще-то уже подсказала.

Насколько он понимал, астрологическая наука сообщала ему, что им предстоит очень неудачный месяц, что из обычной полосы неудач они выскочат в полосу неудач омерзительных — если он только не овладеет ситуацией и не начнет предпринимать какие-то позитивные шаги.

Это совершенно ясно следовало из гороскопа, который он составил с помощью учебника астрологии и компьютерной программы, которую составила для него эта очаровательная Трисия Макмиллан. Все астрологические вычисления пришлось проделать заново, чтобы программа имела какой-то смысл для грибулонцев здесь, на погруженной в вечный холод десятой планете.

Новый гороскоп ясно и недвусмысленно гласил, что с этого дня начинается крайне неудачный для

него месяц. Ведь сегодня Земля входит в созвездие Козерога, а это не сулило грибулонскому Шефу, истому Тельцу по характеру, ничего хорошего.

Пришло время, говорил гороскоп, предпринимать позитивные шаги, принимать радикальные решения, выяснить, что необходимо сделать и воплотить решение в жизнь. Это оказалось для него довольно сложным, но он знал, что заниматься сложными делами всегда сложно. Компьютер уже отслеживал секунда за секундой местоположение планеты Земля. Он приказал огромным серым боевым башням повернуться в боевое положение.

Поскольку вся наблюдательная аппаратура грибулонцев была нацелена на планету Земля, она так и не заметила, что в Солнечной системе появился еще один источник информации.

В принципе их шансы обнаружить этот источник информации — огромный желтый инженерный корабль — равнялись нулю. Тот находился от Солнца на таком же расстоянии, что и Руперт, но с противоположной стороны. Он полупрятался за Солнцем.

Хорошо сказано — полупрятался.

Огромный желтый инженерный корабль старался наблюдать происходящее на десятой

планете, оставаясь незамеченным. Это удавалось ему в полной мере.

Да и во многих других отношениях этот корабль являлся прямой противоположностью грибулонскому.

Его капитан исключительно хорошо представлял себе, какова его миссия. Она была исключительно проста и ясна, и он уже довольно давно трудился над ее простым и ясным воплощением в жизнь.

Любому, кто узнал бы его миссию, она показалась бы убогой и нелепой. Это была не та миссия, которой стоит посвящать всю жизнь. Не те цели, которые заставляют кровь быстрее течь по жилам, заставляют птиц петь, а цветы — цвести. Скорее, это была их противоположность. Диаметральная противоположность.

Впрочем, тревога о последствиях осуществляемого в обязанности капитана не входила. Таковы уж были его обязанности: выполнять свои обязанности. Если подобное отношение к служебному долгу и было чревато некоторым сужением кругозора и зацикливанием разума на одной мысли, тут уж точно тревожиться не стоило — разбираться с последствиями выполнения его обязанностей он предоставлял другим,

которые, в свою очередь, перекладывали ответственность на третьих. А те, в свою очередь…

Далеко-далеко, в миллионах световых лет отсюда, да и от любого другого места, находится мрачная, давно всеми забытая планета Вогсфера. И на ней, где-то на болотистом, вечно окутанном туманами берегу, среди гор расколотых крабовых панцирей (это все, что осталось от популяции проворных радужных крабов), стоит скромный каменный обелиск, отмечающий то место, где, как считается, впервые выполз на сушу Vogon vogonblurtus. На памятнике выбиты четкие угловатые буквы «ОНИ В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕ», а под ними — стрелка, указывающая в туман, туда, откуда доносится мерный плеск волн.

В недрах невзрачного желтого корабля капитан вогонов довольно осклабился, глядя на лежащий перед ним обтрепанный листок бумаги. То был приказ на уничтожение.

Если бы вы решили докопаться, когда именно капитан начал осуществлять свою миссию (состоявшую, как нам уже известно, в осуществлении предписанной ему миссии), то узнали бы, что все началось именно с этого клочка бумаги, давным-давно полученного капитаном от его непосредственного начальника. На клочке

бумаги была написана инструкция, каковую надлежало выполнить, после чего поставить галочку в соответствующей графе.

Один раз много лет назад ему уже довелось выполнить инструкцию, но в силу ряда различных обстоятельств он так и не смог поставить в надлежащую графу галочку.

Одним из этих обстоятельств стала множественная природа галактического сектора «Множественное Зет» — возможное то и дело переплеталось здесь с вероятным, да так, что и не расцепишь. Простая операция уничтожения помогала здесь не больше, чем разглаживание пузыря под плохо проклеенным рулоном обоев. В одном месте уничтожаешь — в другом выскакивает. Ничего, скоро тут наведут порядок.

Другим обстоятельством стала кучка людей, которые постоянно отказывались быть там, где им полагалось, и в тот момент, когда полагалось. Ничего, их тоже скоро призовут к порядку.

Третьим обстоятельством было вредоносное анархическое приспособление под названием «Путеводитель «Автостопом по Галактике». В нем порядок уже навели, и так успешно, что — благодаря фантастической мощи реверсивной темпоральной техники — «Путеводитель»

превратился в орудие наведения порядка относительно двух первых обстоятельств. Теперь капитану оставалось просто сидеть и созерцать заключительный акт этой драмы. Сам он и палец о палец не ударит.

— Показывай, — приказал он.

Похожая на птицу тень расправила крылья и взмыла в воздух. Рубка управления погрузилась в темноту. Тусклые огоньки мигали в черных глазках птицы, по мере того как в глубине ее механизма приближались к заключительной стадии все функциональные и логические операции, замыкались цепи причин и следствий, исчезали все «если», стягивались петли повторов.

Ослепительное видение вспыхнуло в темноте: влажно-сине-зеленое чудо, висящий в воздухе цилиндр, похожий на неполную связку сарделек.

Издав носом чавкающий звук глубокого удовлетворения, капитан вогонов сел и принялся ждать.

Глава 25

— Где-то здесь дом сорок два, — крикнул Форд Префект таксисту. — Ага, вот сюда.

Такси подвалило к тротуару. Форд с Артуром выпрыгнули из него. По дороге они останавливались у нескольких банкоматов, так что Форд протянул таксисту в окошко охапку банкнот.

В клуб вела элегантно-простая черная дверь. Название значилось лишь на неприметной медной табличке. Члены клуба и так знали, где он находится, а если вы не состоите в их числе, знание того, где он находится, вам все равно не поможет.

Форд Префект не состоял членом клуба Ставро, хотя один раз был в другом его клубе — в том, что в Нью-Йорке. Зато у него на вооружении имелся до крайности простой способ попадания в клубы, членом которых он не состоял. Стоило двери раскрыться, как он шагнул внутрь и, небрежно ткнув пальцем в едва поспевающего за ним Артура, объявил: «О'кей, этот со мной».

По темным полированным ступеням он спустился вниз, чувствуя себя очень легко и свободно в новых ботинках из синей замши. Он весьма

гордился тем, что углядел их в витрине с заднего сиденья несущегося по Лондону такси.

— По-моему, я вас предупреждал, чтоб и ноги вашей здесь не было!

— Что? — удивился Форд.

Худой, нездорового вида человек в мешковатом костюме итальянского покроя, поднимавшийся мимо них по лестнице с сигаретой в руке, вдруг застыл, приглядываясь.

— Да не вас, — произнес он. — Его.

Он смотрел в упор на Артура, потом немного смутился.

— Извините меня, — сказал он. — Должно быть, я вас с кем-то спутал. — Он поднялся еще на пару ступенек и тут же, вновь обернувшись, с еще более озадаченным видом уставился на Артура.

— Ну что там еще? — вскричал Форд.

— Что вы сказали?

— Я сказал, ну что еще там? — раздраженно переспросил Форд.

— Да, конечно, — вяло кивнул человек, пошатнулся и уронил на ступеньки спичечный коробок, который до этого вертел в пальцах.

Его губы слабо задергались. Он прижал руку ко лбу.

— Простите меня, — повторил он. — Я все пыта-

юсь вспомнить, какие таблетки принял. Должно быть, из тех, которые отшибают память о том, что ты их принял.

Он тряхнул головой и двинулся наверх — к мужскому туалету.

— Пошли, — скомандовал Форд и поспешил вниз.

Артур неуверенно поплелся за ним. Неизвестно почему, встреча изрядно подействовала ему на нервы.

Он не любил таких вот заведений. Несмотря на все годы мечтаний о Земле, о доме, в этот момент Артуру отчаянно недоставало его хижины на Лемюэлле, его ножей, его сандвичей. Он скучал даже по Старику Трашбаргу.

— Артур!

Полный финиш. Его имя прозвучало одновременно с двух сторон: ни дать ни взять стерео. Он повернулся, чтобы посмотреть в одну сторону. Сверху по лестнице к нему спешила Триллиан в своем восхитительно измятом римплоне. Вид у нее был почему-то испуганный.

Он повернулся в другую сторону посмотреть, что же так напугало ее.

Внизу у лестницы стояла Триллиан в… нет, это была Триста. Трисия, которую он недавно

видел по телевизору бьющейся в истерике. А за ее спиной стояла Рэндом с еще более диким, чем обычно, взглядом. За ней в полумраке клубного зала застыли, точно живая картина, остальные посетители, с любопытством созерцая происходящее на лестнице.

Несколько секунд никто не двигался с места. Только музыка продолжала бесстрашно бухать откуда-то из-за стойки.

— Пистолет у нее в руках, — негромко сказал Форд, едва заметно кивнув в сторону Рэндом, — это «вабанатта-3». Он находился на корабле, который она у меня угнала. Чертовски опасная штука. Не шевелись пока. Давайте все будем сохранять спокойствие и попробуем выяснить, что же ее так огорчает.

— Где мой дом? — неожиданно выкрикнула Рэндом.

Ее рука с пистолетом отчаянно тряслась. Другой рукой она вытащила их кармана останки часов Артура и взмахнула ими в воздухе.

— Я думала, мой дом здесь, — крикнула она. — В мире, благодаря которому я родилась! Но получается, даже моя мать не знает, кто я! — Она с ожесточением отшвырнула часы.

Те врезались в полку с бутылками. Колесики и

пружинки брызнули во все стороны.

Секунду или две все молчали.

— Рэндом, — негромко произнесла стоявшая на лестнице Триллиан.

— Заткнись! — крикнула Рэндом. — Ты меня бросила!

— Рэндом, это очень важно. Выслушай меня, и ты поймешь, — настаивала Триллиан. — У нас мало времени. Нам пора улетать. Нам всем пора улетать.

— О чем это ты? Вечно мы отовсюду улетаем! — Теперь Рэндом держала пистолет обеими руками, причем тряслись обе. Она ни в кого конкретно не целилась. Она целилась в весь окружающий мир.

— Послушай, — повторила Триллиан. — Я оставила тебя, так как мне надо было вести репортажи с войны, а это исключительно опасно. Но когда я прибыла на место, война так и не разразилась. Там вышла аномалия со временем и… Да слушай же! Пожалуйста, слушай! Космический крейсер, посланный на разведку, исчез, из-за чего весь флот разметался по космосу. Такое случается сейчас сплошь да рядом.

— Какое мне дело? Я слышать не желаю о твоей проклятой работе! — завопила Рэндом. — Я хочу

домой! Домой, ясно!

— Это не твой дом, — сказала Триллиан, стараясь не повышать голоса. — У тебя его нет. Ни у кого из нас нет. Вряд ли он вообще есть у кого-нибудь. Тот пропавший корабль, о котором я говорила. У людей с него нету дома. Они не знают, откуда они. Они не знают даже, кто они и что должны были делать. Они всеми забыты и брошены, они сильно напуганы. Они здесь, в этой системе, и они готовы наделать всяких… всяких глупостей, так они напуганы. Нам… нам пора улетать… сейчас. Я не могу сказать, куда тебе лететь. Может быть, некуда. Но здесь нам не место. Пожалуйста. Еще раз. Пошли, ладно?

Рэндом не знала, что ей делать.

— Все в порядке, — мягко сказал Артур. — Если я здесь, мы в безопасности. Не требуйте от меня объяснений, но я в безопасности, значит, и вы тоже. О'кей?

— О чем это ты? — спросила Триллиан.

— Давайте все расслабимся немного, — предложил Артур. Он чувствовал себя в полной безопасности. Его жизнь охранял талисман, и все опасности были не страшнее, чем дурной сон.

Медленно-медленно напряжение начало оставлять Рэндом. Дуло пистолета дюйм за дюймом

опускалось все ниже.

Два события произошли одновременно.

Дверь из мужского туалета на верхней лестничной площадке распахнулась, и из нее вышел человек — тот самый, который требовал, чтобы Артур убрался из клуба.

Испуганная неожиданным движением, Рэндом снова вскинула пистолет, и как раз в это мгновение стоявший за ее спиной человек попытался перехватить ее руку.

Артур бросился вперед. Что-то грохнуло. Он упал куда-то, а сверху на него плюхнулась Триллиан. Грохот стих. Артур поднял голову и перехватил остолбенелый взгляд человека с верхней площадки.

— Ты... — произнес человек. Потом медленно, тошнотворно развалился на множество мелких частей.

Рэндом отшвырнула пистолет и, всхлипывая, рухнула на колени.

— Извините меня! — повторяла она. — Пожалуйста, извините! Пожалуйста!..

К ней подбежала Трисия. А с другой стороны — Триллиан.

Артур сидел на ступеньках, уронив голову на руки, не зная, что делать дальше. Форд сидел сту-

пенькой ниже. Он подобрал что-то, с интересом рассмотрел и протянул Артуру.

— Это тебе ничего не говорит?

Артур взял предмет. Это оказался спичечный коробок, тот самый, который обронил убитый. На нем значилось название клуба. А также имя его владельца. И выглядело это так:

СТАВРОМЮЛЛЕРОС
БЕТА

Некоторое время Артур смотрел на коробок. Теперь все стало для него на свои места. Он задумался было, что теперь делать, но мысли не шли на ум. Вокруг суетились и истошно кричали, но Артур вдруг осознал совершенно ясно, что сделать уже ничего нельзя — ни сейчас, ни потом. Сквозь нахлынувшую волну какого-то нового света и шума он смутно видел силуэт Форда Префекта, запрокинувшего голову в безумном хохоте.

На него снизошло ощущение блаженного покоя. Теперь-то он знал, что все кончено — окончательно, бесповоротно и на веки вечные.

В полумраке рубки вогонского корабля сидел в одиночестве Простатник Джельц. На огромном, во всю стену экране внешнего обзора гасли один

за другим огни. Влажно-сине-зеленые сардельки быстро уменьшались в количестве. Рушились возможности, сливались друг с другом вероятности, и наконец все вместе окончательно перестало существовать.

Воцарилась полная темнота. Несколько секунд капитан вогонов сидел не шевелясь.

— Свет! — приказал он.

Ответа не последовало. Птица также исчезла из всех вероятностных вариантов.

Вогон включил свет сам. Он еще раз посмотрел на клочок бумаги и поставил в надлежащей графе маленькую галочку.

Ну что ж, дело сделано. Его желтый корабль нырнул в чернильную бездну космоса.

Несмотря на то что Шеф грибулонцев предпринял-таки позитивные шаги, месяц у него получился очень неудачным. Он почти ничем не отличался от всех предыдущих месяцев за исключением того, что телевизоры теперь молчали. Вместо них ему пришлось завести легкую музыку.